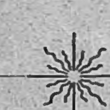
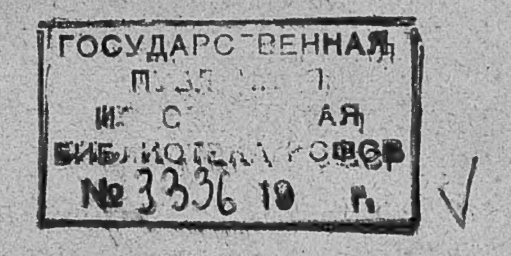
Н. Е. ОНЧУКОВЪ.

ПЕЧОРСКІЯ БЫЛИНЫ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія Н. Соколова и В. Пасторъ, Фонтанка 58.
1904.

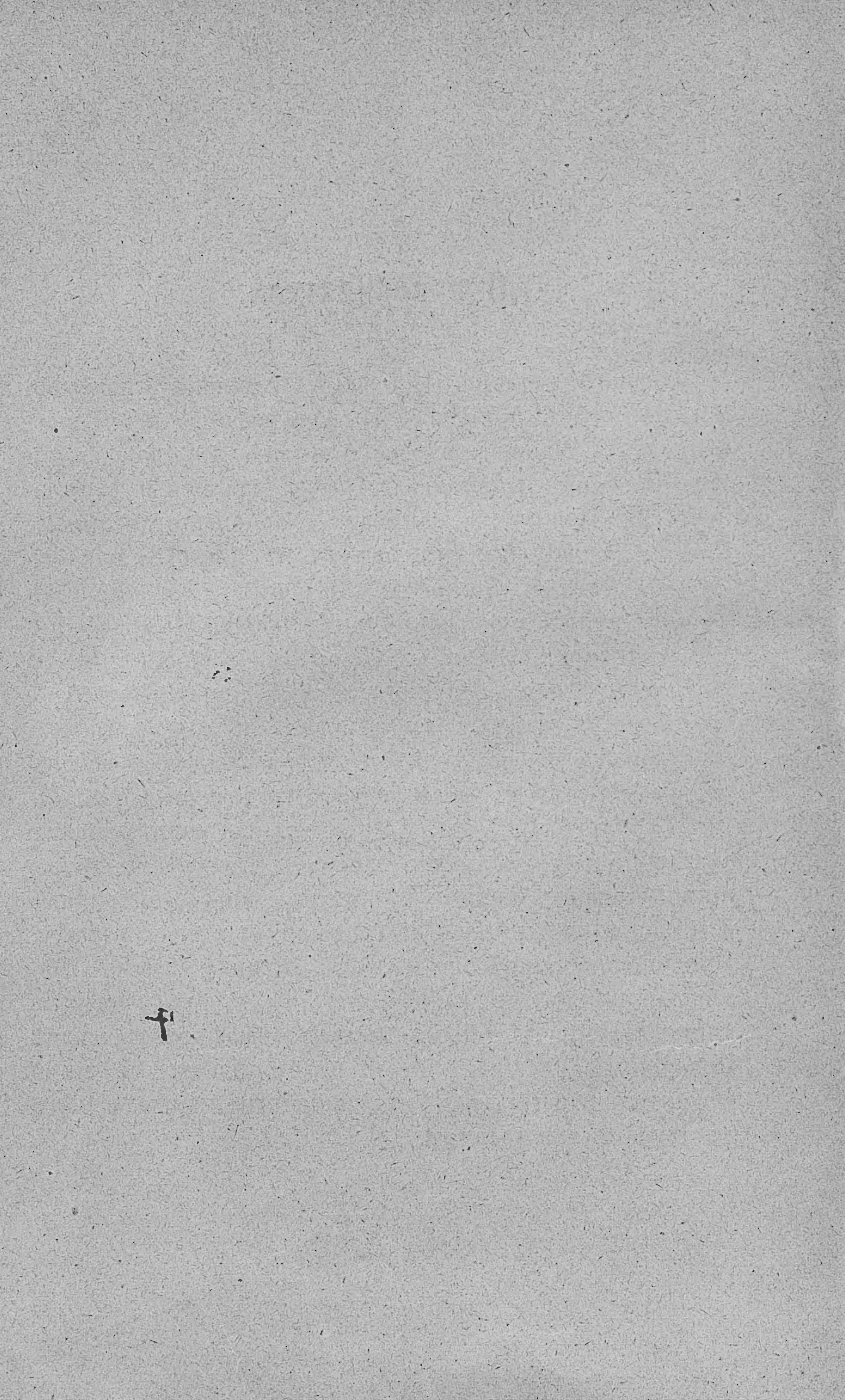
Печатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.



Отдѣльный оттискъ тома XXX-го записокъ по Отдѣленію Этнографіи Императорскаго Русск. Геогр. Об-ва.

Отъ собирателя.

Только благодаря поддержкѣ Отдѣленія Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ удалось мнѣ съѣздить на Печору и записать „Печорскія былины“. Поэтому, выпуская въ свѣтъ эту книгу, долгомъ своимъ считаю принести глубокую благодарность обоимъ этимъ ученымъ учрежденіемъ. Въ особенности глубоко, глубоко благодаренъ я предсѣдателю Отдѣленія Этнографіи академику *Владиміру Ивановичу Ламанскому*, который кромѣ того, что всегда способствовалъ моимъ лѣтнимъ поѣздкамъ, но и вообще первый направилъ меня на занятія этнографіей. Глубокую благодарность я долженъ выразить также академику *Алексѣю Александровичу Шахматову*, также принимавшему живое участіе въ моихъ поѣздкахъ и никогда не оставлявшаго меня своими совѣтами. Много благодарить я долженъ *Василія Ильича Чернышева*, не только взявшагося, во время печатанія книги, по корректурнымъ листамъ, изслѣдовать языкъ Печорскихъ былинъ, но и раздѣлившаго со мной утомительный трудъ чтенія корректуръ первыхъ 12-ти листовъ текста былинъ.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

А. Старины Устьцылемской волости.

(А. селенія по рѣкѣ Пижмѣ).

I. Деревня Чуркина.

1. Чуркина Ѳедосья Емельяновна.

II. Село Замежное (Замегъ).

2. Осташовъ Анкудинъ Ефимовичъ.

3. Чупрова Устинья Филипповна.

4. Тарасъ.

III. Деревня Аврамовская.

5. Чупровъ Василій Аврамовичъ.

IV. Деревня Боровая.

6. Осташова Анна Денисовна.

(В. селенія по Печорѣ).

V. Село Устьцыльма.

7. Поздѣевъ Петръ Радіоновичъ.

8. Рочевъ Егоръ Ивановичъ.

9. Чупровъ Григорій Ивановичъ.

10. Дуркинъ Димитрій Карповичъ.

11. Дуркинъ Игнатій Михайловичъ.

12. Торопова Екатерина Федоровна.

13. Чупровъ Алексѣй Васильевичъ.

VI. Деревня Рощинскій ручей.

VII. Деревня Уегъ.

15. Вокуевъ Анисимъ Федоровичъ.

VIII. Деревня Верхнее Бугаево.

16. Шишоловъ Василій Дорофеевичъ.

IX. Село Среднее Бугаево.

17. Шимолова Марія Кузьмовна.

Б. Старины Пустозерской волости.

X. Село Великая Виска.

18. Шальковъ Николай Петровичъ.

19. Дитятевъ Алексѣй Ивановичъ.

20. Безумовъ Степанъ Алексѣевичъ.

21. Дитятева Прасковья Ивановна.

XI. Деревня Бѣдовая.

22. Марковъ Павелъ Григорьевичъ.

XII. Деревня Пылемецъ.

23. Хабаровъ Степанъ Ѳедоровичъ.

XIII. Село Куя.

24. Шевелева Парасковья Ивановна.

XIV. Деревня Нарыга.

25. Никоновъ Василiй Артамоновичъ.

Былинная поэзія на Печорѣ *).

I.

Лѣтомъ 1901 г. мнѣ пришлось побывать на низовой Печорѣ. Зная, что два года назадъ г. Марковъ записалъ свои „Бѣломорскія былины“ на Зимнемъ берегу Бѣлаго моря, а А. Д. Григорьевъ — въ Поморьѣ, я естественно поинтересовался нѣтъ-ли былинъ и на Печорѣ, хотя наличность ихъ тамъ однимъ изъ прежнихъ изслѣдователей-этнографовъ и отрицалась.

При первыхъ-же разспросахъ на мѣстѣ, тотчасъ выяснилось, что на Печорѣ, даже въ такомъ бойкомъ мѣстѣ ея какъ Усть-Цыльма — мѣсто центральное, больше похожее на городъ — существуютъ „старины́“, которыя поются стариками.

Захотѣлось непремѣнно выяснить, что это за старины́ такія? провѣрить не былины-ли это? А если былины, насколько въ качественномъ и количественномъ отношеніи онѣ сохранились? Сдѣлать все это было очень не трудно при большомъ добродушіи и довѣрчивости усть-цылёмовъ, хотя они всѣ поголовно старообрядцы. Въ первый-же свободный день, въ воскресенье, три старика явились ко мнѣ на квартиру и когда стали пѣть старины, сомнѣнія не было, что это былины. Что былинъ еще очень много на Печорѣ, въ этомъ меня увѣрили на первый-же разъ. Старики говорили шутя „всѣ старины́ тебѣ не переписать у насъ—бумаги у тебя не хватитъ“.

Однако въ то лѣто я успѣлъ записать только *семь былинъ.* Этому единственной причиной былъ поздній мой пріѣздъ на Печору. Въ Усть-Цыльму я

*) Статья эта уже была напечатана въ 3—4 вып. «Жив. Стар.» за 1902 г. Въ настоящ. изложеніи она переработана и значительно сокращена.

попалъ къ Петрову дню, когда кончалась бывающая всю весну въ Усть-Цыльмѣ ярмарка, сплывали внизъ по рѣкѣ съ караванами чердынцы, поспѣвала трава на пожняхъ, раскинутыхъ по берегамъ Печоры и ея притоковъ или въ лѣсныхъ росчистяхъ, а по Печорѣ начала большими массами „идти вверхъ семга". И всѣ усть-цылёмы, какъ и всѣ остальные печорцы, семьями въ полномъ составѣ, со старухами и ребятишками, иногда даже съ животными (лошадей и собакъ берутъ съ собой на пожни, коровъ отправляютъ со старухами за Печору, въ лѣсныя избушки на подножный кормъ); заколачивая дома отправляются изъ селеній—часть на пожни, часть на рыбныя ловли.

Привезенныя изъ лѣтней поѣздки 1901 года семь былинъ были напечатаны въ „Извѣстіяхъ Отд. русск. языка и словесности И. Академіи Наукъ", а весной 1902 года Географическое Общество и 2-е Отдѣленіе Академіи Наукъ дали мнѣ средства, чтобы еще разъ съѣздить на Печору уже нарочно за былинами. Чтобы поѣздка была наиболѣе плодотворной, а запись былинъ возможно большей, нужно было пріѣхать на Печору въ такое время, когда мѣстные крестьяне совсѣмъ свободны отъ работъ Въ этомъ отношеніи о Печорѣ нужно сказать то же, что говорится вообще о русскомъ Сѣверѣ: свободное для крестьянъ время это отъ Пасхи до Петрова дня; печорцы пріѣзжаютъ тогда съ промысловъ рыбы, возвращаются съ звѣриной ловли, вслѣдствіе распутицы не занимаются извозомъ. Всѣ тогда дома, всѣ свободны; тогда происходитъ наибольшее количество свадебъ—кладъ для этнографа,—а когда пройдетъ Печора и пріѣдутъ „съ верховъ" каютчики-чердынцы, въ Усть-Цыльмѣ „на горкѣ" каждый вечеръ собираются хороводы. Въ Усть-Цыльмѣ во время ярмарки перебываетъ постепенно вся раскинутая на огромномъ пространствѣ волость, такъ что не выѣзжая изъ этого села можно перевидать жителей всѣхъ, иногда отдаленнѣйшихъ селеній. Совершенно свободнаго для печорцевъ времени, пожалуй, меньше—отъ Пасхи до вскрытія Печоры,

т. е. время „распуты“ такъ какъ по вскрытіи рѣки часть крестьянъ сейчасъ-же начинаетъ ловить рыбу и кончаетъ это занятіе глубокой осенью, когда рѣка встанетъ. Принимая все это во вниманіе и научный къ тому-же горькимъ опытомъ лѣта 1901 года, въ 1902 г. я рѣшилъ ѣхать на Печору по зимнему пути на лошадяхъ. Но и тутъ нужно было разсчитать время такъ, чтобы пріѣхать не позже, не раньше, такъ какъ во второмъ случаѣ я рисковалъ долго прожить на Печорѣ безъ дѣла; и это непремѣнно-бы случилось, если-бы я пріѣхалъ на Печору еще въ Великомъ посту, особенно на его послѣднихъ недѣляхъ: печорцы-старообрядцы, да и печорцы-православные, обычно очень религіозно настроенные, едва-ли-бы стали мнѣ пѣть что нибудь свѣтское въ это время. По крайней мѣрѣ, я встрѣтилъ послѣ въ Усть-Цыльмѣ старинщика, не согласившагося пѣть мнѣ даже на пасхальной недѣлѣ, а послѣ праздниковъ пѣвшаго только по воскресеньямъ.

Выѣхавъ изъ Петербурга 2-го апрѣля, 5-го былъ я въ Архангельскѣ, 6-го уже выѣхалъ, по самому послѣднему пути, на лошадяхъ на Печору. Мнѣ предстояло сдѣлать въ саняхъ около 800 верстъ, а время стояло самое неблагопріятное для этого: немилосердно для ранней на сѣверѣ весны палило солнце, быстро таялъ снѣгъ и быстро портились дороги, по которымъ ѣхать становилось едва возможно, а такъ какъ большая половина зимняго тракта на Печору идетъ рѣками (С. Двина, Пинега, Мезень, Цыльма), то и небезопасно: ледяной покровъ рѣкъ вездѣ освободился отъ снѣга и посинѣлъ, появились большія забереги, у самыхъ краевъ дороги зловѣще темнѣли полыньи... Сильно разбитый, сдѣлавъ въ шесть дней 800 верстъ, 12 апрѣля пріѣхалъ я на Печеру въ Усть-Цыльму, а со второго дня Пасхи могъ уже приняться за работу. Знакомствъ заводить мнѣ было не нужно: въ Усть-Цыльмѣ жили старинщики, не использованные мною еще въ прошлый мой пріѣздъ на Печору. Всю пасхальную недѣлю я записывалъ былины въ Усть-Цыльмѣ и къ концу ея, когда старинщики отчасти

поистощились, а отчасти поутомились, въ Фомино воскресенье, 21 апрѣля выѣхалъ въ селенія на рѣкѣ Пижмѣ. И выѣхалъ все еще по зимнему пути: на самыхъ послѣднихъ дняхъ страстной недѣли погода внезапно измѣнилась, подулъ вѣтеръ съ океана, выпала „перено́ва", и свѣтлый праздникъ печорцы встрѣтили, какъ рождество, въ совикахъ и малицахъ. Съѣздить въ селенія, раскиданныя по рѣкѣ Пижмѣ, по зимней дорогѣ было очень выгодно: путь во всѣ деревни укорочался на половину и втрое сокращалось время. Побывавъ во всѣхъ деревняхъ Пижмы, кромѣ трехъ отдаленнѣйшихъ, съ небольшимъ „жиломъ" гдѣ навѣрняка, говорили мнѣ, нѣтъ былинъ, 26 апрѣля я пріѣхалъ обратно въ Усть-Цыльму, гдѣ и сталъ переживать распуту, ждать вскрытія Печоры. Ждать этого „событія" на Печорѣ, мѣняющаго совершенно ея зимнюю физіономію, пришлось очень долго. Высчитано, что Печера въ среднемъ вскрывается 5-го мая, рѣдко она вскрывается въ самомъ концѣ апрѣля, а въ тотъ годъ въ Усть-Цыльмѣ Печора тронулась 14 мая, а ледъ пошелъ 16 мая. Въ Пустозерскѣ и др. селеліяхъ низовья, Печора тронулась 26—28 мая! Все время распуты я уже ни шагу не могъ сдѣлать изъ Усть-Цыльмы, такъ какъ гораздо раньше Печоры вскрылись маленькіе, впадающіе въ нее ручьи и рѣчки и обратясь въ стремительные буруны отрѣзали путь даже въ ближайшія къ Усть-Цыльмѣ деревни: мостовъ вѣдь на Печерѣ не полагается, а если таковые и есть кой гдѣ, то при отсутствіи на Печорѣ земства, дорожное дѣло находится тамъ совсѣмъ въ плачевномъ состояніи. Въ отношеніи записи новыхъ былинъ все время распуты было для меня потеряно, такъ какъ усть-цылемскіе старинщики были мной всѣ использованы. Когда Печора совсѣмъ очистилась ото льда, и пришелъ первый пароходъ, я уѣхалъ изъ Усть-Цыльмы и уже все время вплоть до 4-го іюля—дня моего выѣзда съ Печеры обратно—провелъ въ разъѣздахъ, то на пароходѣ, то въ лодкѣ, то на лошадяхъ, а случалось, что ходилъ и пѣшкомъ.

Двѣ русскія волости на Низовой Печорѣ — Усть-

цылемская и Пустозерская, располагаются по берегамъ Печоры приблизительно на 325—330 верстахъ; Усть-Цылемская волость—кромѣ того еще по рр. Цыльмѣ, Пижмѣ и Нерицѣ, а Пустозерская — по одному селенію на рѣчкахъ Сулѣ (д. Сула) и Куѣ (выс. Порсондуй). Если къ линіи, по которой селенія обѣихъ русскихъ волостей распластались по Печорѣ, причислить линіи поселеній по рр. Цыльмѣ, Пижмѣ, Нерицѣ, Куѣ и Сулѣ, то получимъ цифру до 1.000 верстъ; конечно объѣхать всѣ селенія до одного обѣихъ русскихъ волостей было-бы очень трудно, а въ нѣкоторыя селенія попасть лѣтомъ прямо-таки невозможно, *) да въ этомъ я не видѣлъ и необходимости для моей цѣли: навѣрное извѣстно, что въ нѣкоторыхъ селеніяхъ совсѣмъ нѣтъ старинъ.

Сообщеніе по рѣкѣ Печорѣ, конечно, стало безусловно доступнѣе въ послѣднія десять лѣтъ, но все-же оно еще очень далеко, напр., даже отъ любого глухого земскаго уѣзда въ Россіи. Дѣло въ томъ, что Печора совсѣмъ еще не знаетъ телѣжныхъ дорогъ, если исключить двѣ станціи (Пылемецъ-Пустозерскъ= 24 в. и Пустозерскъ-Тельвиска=20 в.). Лѣтомъ ѣздятъ исключительно въ лодкахъ или, въ послѣднее время, на пароходѣ. Но почтовый пароходъ дѣлаетъ рейсъ въ 10 дней—во-первыхъ, во-вторыхъ, переѣздки изъ мелкихъ селеній въ таковыя-же или изъ мелкихъ въ крупныя и обратно, по прежнему, приходится совершать на очень большихъ печорскихъ лодкахъ, внизъ по водѣ на веслахъ, вверхъ — бичевой, если нѣтъ попутнаго

---

*) Напр., дер. Омелина на р. Цыльмѣ, мѣсто бывшаго Цылемскаго старообрядческаго скита (закрытъ, если судить по бумагѣ Пинежскаго духовнаго правл. отъ 20 Апр. 1851 г., хранящейся въ архивѣ Устьцылемскаго собора— въ 1851 году), весьма интересная для посѣщенія, находится въ 250 в. отъ Усть-Цыльмы. Ѣхать туда лѣтомъ нужно въ лодкахъ, на шестикахъ, 200 верстъ по совершенно незаселенной мѣстности. Земскіе ямщики туда, конечно, не повезутъ, вольнонаемные также едва-ли, а если-бы какой нибудь охотникъ и согласился проѣхать 500 в. въ лодкѣ — возьметъ очень дорого. Омелинцы, правда, пріѣзжаютъ разъ въ годъ въ Усть-Цыльму за хлѣбомъ, во время пріѣзда на Печору чердынцевъ, но они едва-ли согласятся везти къ себѣ посторонняго человѣка, а если и увезутъ впередъ, никакъ нельзя будетъ возвратиться обратно. Омелиной очень заинтерисованъ былъ противураскольничій миссіонеръ, живущій въ Устьцыльмѣ, и все-таки въ цѣлыя шесть лѣтъ онъ не былъ тамъ ни разу, да такъ съ Печоры и уѣхалъ.

вѣтра. Какъ только поднимается сильный вѣтеръ, такъ ѣзда по Печорѣ въ лодкахъ становится невозможной, и мнѣ не разъ приходилось подчиняться капризамъ этой сѣверной красавицы. Когда на Печорѣ поднимется сильный вѣтеръ, а это бываетъ очень часто, не только не особенно заинтересованные земскіе ямщики никуда не повезутъ васъ, но и сами печорцы въ самую горячую для нихъ рабочую пору также никуда не ѣздятъ въ лодкахъ. Въ Великой Вискѣ я видѣлъ трехъ печорцевъ, которые чуть не плакали отъ досады, сидя совершенно безъ всякаго дѣла въ Вискѣ дня четыре, а выѣхать домой не могли, хотя деревня и была всего въ 9 верстахъ. Ѣхать въ вѣтеръ нельзя—все равно „прижметъ“ къ берегу, гдѣ и придется сидѣть, пока вѣтеръ не стихнетъ. Бываетъ часто, что, выѣхавъ въ хорошую погоду, но застигнутые въ пути вѣтромъ, путешественники робинзонствуютъ гдѣ нибудь на пустынномъ берегу Печоры недѣлю и больше.

Совершенно безпрепятственно мои работы по записи былинъ могли происходить только во время распуты, когда всѣ крестьяне были дома, но въ распуту я успѣлъ обслѣдовать подробно только село Усть-Цыльму и селеніе по рѣкѣ Пижмѣ. По вскрытіи Печоры, когда я поѣхалъ въ Пустозерскую волость, многихъ изъ хорошихъ сказателей я уже не засталъ дома. Такъ два раза проѣзжая мимо дер. Абрамовской, я справлялся объ очень хорошемъ будто-бы старинщикѣ—Иванѣ Ивановичѣ Горенкѣ, но оба раза не заставалъ его дома. Пробовалъ я съѣздить на рыбную тоню и тамъ поработать. Но условія работы на тоняхъ крайне неблагопріятны, можно сказать, невозможны. Записывалъ былины я, напр., у костра, между двухъ лодокъ: если сидѣть близко у костра—тепло, но дымъ невыносимо ѣстъ глаза; сѣсть отъ костра дальше, нѣтъ дыму, но руки коченѣютъ отъ пронизывающаго съ океана вѣтра. Вѣтеръ рветъ листы бумаги, валитъ чернильницу, сыплетъ песокъ въ глаза, и того и гляди, пойдетъ дождь. Ко всему этому нужно прибавить, что человѣкъ 20—30 рыболововъ

толпятся около и своими разговорами, замѣчаніями, вопросами дѣлаютъ работу въ конецъ невозможной. Плохо записавъ двѣ былины и получивъ насморкъ, отъ дальнѣйшихъ попытокъ записывать былины на тоняхъ я отказался. Но съ грѣхомъ попаламъ записи еще можно дѣлать до Петрова дня. Этотъ праздникъ—послѣдній день, въ которой печорцы свободны. Теперь-же поспѣваетъ трава на пожняхъ, нужно косить; появляется въ рѣкѣ семга, нужно торопиться ловить ее: болѣе или менѣе богатая добыча семги — болѣе или менѣе сытый годъ для Печорца. Это въ Усть-Цыльмѣ. Въ Пустозерской волости многіе съ очищеніемъ Печорской губы ото льда, а съ Петрова дня всѣ безусловно заняты: или тоже ловятъ семгу или отправляются въ Печорскую губу на рыбный и звѣриный промыселъ. Вообще въ обѣихъ волостяхъ съ Петрова дня не до пѣнія старинъ.

II.

Низовую Печору въ этнографическомъ смыслѣ можно подраздѣлить на три группы: 1) на русскихъ, 2) зырянъ-ижемцевъ и 3) самоѣдовъ. Мое вниманіе привлекали, конечно, только двѣ русскія волости на Низовой Печорѣ—Усть-Цылемская и Пустозерская. Самоѣды и кочевые, и осѣдлые русскихъ былинъ совсѣмъ не знаютъ *); зыряне-ижемцы старинъ почти не знаютъ, большинство даже не понимаетъ, что значитъ старина или былина. Но въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ и ижемцы старины знаютъ.

*) Академикъ Озерецковскій говоритъ про «достопамятныя древности самоѣдскія земли въ Мезенскомъ округѣ»: «Народныя преданія, сверхъ сего правила ихъ вѣры заключаются въ старинахъ (сюдовопцъ) и въ сказкахъ (вада). Старины поютъ голосомъ, а сказки разсказываютъ просто; въ чемъ заключается исторія сего народа. Увеселительныя пѣсни (хынопцъ) поютъ и слагаютъ и мужчины и женщины». Путешествія акад. Ивана Лепехина, т. IV, стр. 204. Знающіе по самѣдски пустозеры отзывались о самоѣдахъ, какъ прекрасныхъ сказателяхъ своихъ старинъ, а также сказокъ. Отъ устьцылема А. Чупрова я записалъ прекрасную русскую сказку, которую онъ выучилъ отъ самоѣда.

Мнѣ называли въ селѣ Сизябскѣ старика, поющаго „пѣсни про богатырей"—Илью Муромца и др. Видѣть лично мнѣ этого старика не удалось. Нѣсколько такихъ стариковъ живутъ еще по разнымъ селеніямъ въ Ижемскомъ краѣ на Печорѣ; отъ нѣкоторыхъ я лично слышалъ, что они знаютъ старины. Г. Истомину въ 1890 году удалось записать „среди зырянъ Усть-Кожвинской волости нѣсколько былинъ, распѣваемыхъ ими на ломанномъ русскомъ языкѣ". Это затсавило г. Истомина предположить, что „былины... заимствованы зырянами отъ русскихъ сосѣдей ихъ—усть-цылемовъ". Но когда поиски г. Истомина былинъ у усть-цылемовъ не увѣнчались успѣхомъ, вопросъ о томъ, „откуда зырянами заимствованы русскія былины, остался для него (г. Истомина) не выясненнымъ" *).

Теперь можно съ большою вѣроятностью предположить, что зыряне-ижемцы дѣйствительно заимствовали свои былины отъ своихъ сосѣдей русскихъ. Предположить это можно тѣмъ больше, что зыряне почти не имѣютъ своей поэзіи; покрайней мѣрѣ въ настоящее время они пробавляются исключительно русскими пѣснями. Но съ другой стороны, для меня большимъ сомнѣніемъ является, что весь свой пѣсенный обиходъ ижемцы заимствовали отъ своихъ сосѣдей т. е. усть-цылемовъ и пустозеровъ. Я нѣсколько разъ слыхалъ, какъ поютъ ижемцы, и между ихъ пѣніемъ и пѣніемъ ближайшихъ къ нимъ усть-цылемовъ—большая разница, разница въ напѣвахъ, въ содержаніи, въ языкѣ. Пѣсни ижемцевъ—это или старинныя пѣсни среднихъ губерній Россіи („Ахъ вы сѣни", „Я вечоръ молода", „Снѣжки бѣлы и пушисты"), поющіяся здѣсь такими-же напѣвами, какъ и тамъ, или это совсѣмъ и не народныя, а модныя пѣсни, стихотворенія изъ книгъ, романсы, перешедшіе изъ полуинтеллигентныхъ слоевъ сначала въ мѣщанство, а потомъ и въ крестьянство: „Хазъ-Булатъ удалой", „Глядя на лучъ румяннаго заката", „По

---

*) «Извѣст. Имп. Р. Геогр. Общ.» томъ XXVI, стр. 433—434.

синимъ волнамъ океана“, самоновѣйшая знаменитая „Разлука“ и др. „Ваньку Ключника“ ижемцы поютъ пѣсней, своимъ текстомъ совпадающей съ текстомъ подъ нынѣшними лубочными картинами и несомнѣнно оттуда взятой, въ Усть-Цылемской волости про „ключника“ поютъ старину, опредѣленно связывая его съ именемъ князя Долгорукова, а дѣйствіе пріурочивая къ Москвѣ. Что заимствованія пѣсенъ ижемцами отъ усть-цылемовъ едва-ли были очень ужъ обильны,—за это-же говоритъ и старая вражда между тѣми и другими. Покойному С. В. Максимову въ 1856 году такъ разсказывалъ объ этомъ одинъ усть-цылемъ: „Ижемцы—наши супостаты, супротивники мы съ ними, *изъ старины во враждѣ* и дирались, крѣпко-на-крѣпко дирались прежде, до смертоноснаго побитія дирались. Теперь вотъ только нѣшто поулаживаемся промежъ себя-то, миримся коекакъ. Да и то нѣтъ“... *). Едва-ли такая „до смертоноснаго побитія“ исконная вражда служила благопріятнымъ условіемъ для поэтическихъ заимствованій. Но откуда-же такимъ образомъ заимствовали свои старины ижемцы? Зыряне-ижемцы, выходцы съ рѣки Вычегды, Яренскаго у., Вологодской губерніи, могли, во первыхъ, оттуда, со своей родины, принести на Ижму былины. Затѣмъ, ижемцы, издавна отличаясь торговыми наклонностями, могли перенять старины гдѣ-нибудь при своихъ торговыхъ странствіяхъ. Но всего вѣроятнѣе мнѣ кажется слѣдующее предположеніе. Въ церковной лѣтописи ижемской церкви написано: „По устнымъ преданіямъ старожиловъ первые обитатели (Ижмы) были выходцы новгородскіе, что между прочимъ подтверждается и фамильями: Ануфріевы, Истомины, Рочевы. Затѣмъ къ этимъ выходцамъ поселились изъ Вологодской губ., Яренскаго у., деревни Глотовой-слободы два-три семейства. Эти послѣднія были зыряне, отъ которыхъ на Ижмѣ — ижемско-зырянское нарѣчіе, смѣсь русскаго языка съ зырянскимъ“. Церковный лѣтописецъ

*) «Годъ на Сѣверѣ» т. 2, стр. 56, 57.

(священникъ 80-хъ годовъ прошлаго вѣка), говоря о выходцахъ новгородскихъ, какъ первыхъ посельщикахъ Ижмы, не говоритъ только, откуда новгородцы взялись на Ижму. Зато очень опредѣленно объ этомъ говоритъ академикъ Озерецковскій въ 1772 году: „Первые поселяне (Ижмы) были зыряне... Потомъ въ разныя времена присовокупились къ нимъ многія россійскія семьи, вышедшія *изъ Усть-Цылемской слободки*“ *). „Населеніе Ижмы, говорится въ Геогр. Слов. состоитъ изъ зырянъ, вышедшихъ изъ Вологодской губерніи, самоѣдовъ и русскихъ, говорящихъ по зырянски. Есть преданіе, что на Ижму выселились бояре отъ преслѣдованія Ивана Грознаго **). Наконецъ у Ижемскаго старожила—дьякона Сизябской церкви Петра Истомина я записалъ слѣдующее: „Первый житель поселился въ 1567 г. изъ Волог. г., Яренской округи, деревни Глотовой, изъ слободки зырянинъ, по имени неизвѣстно. Отъ него зырянскій языкъ остался въ селеніи Ижма навсегда. Къ нему пріѣхали изъ Усть-Цылемской слободки пять братьевъ Чупровыхъ, изъ новгородцевъ поселились Рочевы, еще есть поколѣніе одно изъ чудскихъ жителей, что нынѣ записаны крестьяне Поповы“. Эти данныя, основанныя на преданіяхъ, имѣютъ подъ собой уже и чисто реальную почву: зыряне-ижемцы разительно по моему отличаются отъ зырянъ Вологодской губерніи своимъ типомъ: они высоки, стройны, въ громадномъ большинствѣ бѣлокуры, съ голубыми глазами, и если-бы не языкъ ижемцевъ, въ большинствѣ совершенно нельзя было-бы отличить ихъ отъ потомковъ новгородцевъ — усть-цылемовъ. Вотъ не предки-ли рускихъ засельщиковъ Ижмы, выходцы изъ Усть-Цыльмы и занесли къ зырянамъ русскія былины? Это во первыхъ. Во вторыхъ, ижемцы, всегда разъѣзжая по торговымъ дѣламъ, сами могли научиться пѣть былины на Мезени, Пинегѣ и др. мѣ-

*) «Путешествіе академика Ивана Лепехина въ 1772 году». часть IV, стр. 282, 283. О выходцахъ въ Ижму и въ Устьцыльму упоминаетъ и Максимовъ «Годъ на Сѣверѣ» т. 2, стр. 148.

**) «Геогр. стат. словарь Россійск. Им.» т. 2, стр. 309.

стахъ. Въ третьихъ, въ Ижму, въ свою очередь всегда пріѣзжали купцы изъ разныхъ мѣстъ. Озерецковскій такъ говоритъ объ этомъ: „Для покупки мягкой рухляди пріѣзжаютъ къ нимъ (ижемцамъ) изъ Яренска, Мезени, Пинеги и изъ Архангельска, а иногда изъ Москвы и съ Вологды торговые люди“ *).

III.

Печорскія былины я считаю нужнымъ раздѣлить на 1) старины Усть-Цылемской волости и 2) на старины Пустозерской волости, а первыя еще, кромѣ того, на старины Пижемскія и Припечорскія. Сначала скажу о причинѣ раздѣленія старинъ по волостямъ. Однѣ и тѣ-же былины поются въ той и другой волости различно, и это относится иногда къ былинамъ распространеннѣйшимъ, напр. женитьба Дуная. Кромѣ того, нѣкоторыя былины извѣстны только въ той или другой волости: такъ въ Усть-Цылемской волости совсѣмъ не знаютъ распространенную—бой Васьки Буслаева съ новгородцами. Не знаютъ еще въ Усть-Цылемской волости былинъ Пустозерской: Вольгу, Потапа Артамоновича, Идолища и племянницу Владиміра, Ивана Горденовича, Кострюка, Горе, небылицу про щуку изъ Бѣлаго озера. Зато и въ Пустозерской волости не знаютъ былинъ Усть-Цылемскихъ: Данила Староильевича, Дмитрія Бранского, Бутмана Колыбановича, Луку Даниловича, князя Долгорукова. Нѣкоторая разница въ содержаніи одинаковыхъ старинъ и незнаніе старинщиками одной волости старинъ другой будутъ вполнѣ понятны, если вспомнить, какъ населялись эти двѣ рядомъ лежащія по одной рѣкѣ волости.

Первый засельникъ Усть-Цылемской волости былъ новгородецъ Ивашка Ластко, съ товарищемъ Власкомъ, основавшій слободу Усть-Цыльму въ 1542 г.**) Къ новгородцамъ мало по малу стали приходить при-

---

*) «Пут. ак. Ив. Лепехина» Т. IV, стр. 284.
**) С. Максимовъ. «Годъ на сѣверѣ», т. 2 стр. 23—24.

шельцы съ Мезени, Пинеги, Кевролы, Двины и др. рѣкъ, гонимые тяготой жизни со старыхъ мѣстъ и искавшіе вольности на новинѣ. Все это были, нужно думать, или прямые новгородцы или потомки ихъ, изъ только-что отошедшей къ Москвѣ Двинской земли. Все населеніе слободки было, повидимому, изъ представителей чистой „земли“, т. е. земледѣльческаго сословія,—крестьянъ.

Совершенно не то мы видимъ въ Пустозерской волости. Такъ сказать, завязью волости былъ Пустозерскій военный острогъ. „Острогъ былъ устроенъ въ 1499 году князьями Курбскимъ, Ушатовымъ, Заболоцкимъ, для сбора ясака съ восточныхъ самоѣдовъ *). Слѣдовательно волость Пустозерская заселилась служилыми людьми Московскаго государства, прямыми потомками которыхъ и являются нынѣшніе пустозеры. Первые русскіе засельники волости были военные люди: „здѣсь имѣли мѣстоприбываніе воеводы“ **). Затѣмъ, „Городокъ (Пустозерскъ), со временъ самой отдаленной старины русской, служилъ мѣстомъ ссылки многихъ боярскихъ фамилій, подпавшимъ подъ царскую опалу ***). Изъ лицъ опальныхъ, кромѣ многихъ малоизвѣстныхъ въ исторіи, въ Пустозерскѣ бывали лица съ крупными историческими именами: не считая протопопа Аввакума, сгорѣвшаго здѣсь со своими товарищами на кострѣ за свою идею, въ Пустозерскѣ семь лѣтъ (съ 1676—1682) выжилъ бояринъ Артамонъ Матвѣевъ, двадцать лѣтъ прожилъ (съ 1691 по 1710 г.) князь Василій Васильевичъ Голицынъ; въ началѣ-же 18 вѣка жилъ здѣсь князь Семенъ Щербатовъ. Эти опальныя лица пріѣзжали въ Пустозерскъ не безъ провожатыхъ и не безъ челяди; такъ бояринъ Матвѣевъ жилъ здѣсь съ сыномъ Андреемъ, а при нихъ были: учитель сына, священникъ и 30 человѣкъ слугъ. Вотъ какимъ пришлымъ элементомъ пополнялись быстро вымиравшіе въ

---

*) «Геогр. Стат. словарь Рос. Имп.» т. IV стр. 248—249. П. П. Семенова.

**) П. П. Семеновъ. Геогр. словарь.

***) С. Максимовъ «Годъ на сѣверѣ», т. 2, стр. 59.

суровомъ краю первые русскіе засельники. И всѣ бы они, первые засельники, вѣроятно вымерли, если бы, смѣшиваясь съ самоѣдами и зырянами *), не приспособились такимъ образомъ къ суровому краю и не образовали въ теченіе времени какъ бы особаго пустозерскаго типа, послѣ чего они окрѣпли, стали плодиться и разселяться по волости. Конечно инородцы, входившіе въ кровныя связи съ русскими, не могли не подпасть подъ полное ихъ культурное и и религіозное вліяніе и въ совершенствѣ усваивали языкъ, религію, обычаи и преданія, но и русскіе, обильною волною воспринявшіе инородческую кровь, не могли, сохранивъ свой духовный обликъ, не попортить свой внѣшній типъ, внесеніемъ въ него инородческихъ чертъ. Выхватите изъ толпы пустозеровъ и усть-цылемовъ по одному рядовому и сразу-же бросится въ глаза большая разница: усть-цылемъ вообще выше средняго роста, строенъ, силенъ, бѣлокуръ, непремѣнно съ голубыми глазами, обладаетъ громкимъ голосомъ, подвиженъ, веселъ, словоохотливъ, добродушенъ; пустозеръ всегда ниже средняго или низкаго роста, черноволосъ, смуглъ, глаза непремѣнно черные, съ какимъ-то особенно лаковымъ, неглубокимъ блескомъ, какой вы часто увидите и у самоѣдовъ. Пустозеръ говоритъ тихимъ голосомъ, не откровененъ, себѣ на умѣ, склоненъ къ низкопоклонству и лести.

И вотъ „земля“ одной волости и „служилое сословіе“ другой отразились, казалось мнѣ, и въ былинахъ обѣихъ волостей. Усть-цылемъ поетъ старину увѣренный, что все, что̀ въ ней изложено, было. Но, потомокъ новгородцевъ, — онъ не отличаетъ одного царя отъ другого, а въ сущности не ясно представляетъ себѣ эту власть. Идеалы его въ былинахъ не государственные и политическіе, а чисто нравственные, общечеловѣческіе. Совсѣмъ не то пустозеръ. Онъ твердо знаетъ, что значитъ царь, и не спутаетъ его ни съ кѣмъ. Пустозеръ не запутается и въ хроноло-

*) До сихъ поръ указываютъ пустозеры на кр-нъ Дитятѐвыхъ и Безумовыхъ, какъ происшедшихъ отъ чуди.

гіи: не споетъ положимъ, что Костюкъ былъ въ Кіевѣ у Владиміра, или что Васька Буслаевъ жилъ въ Москвѣ. Передъ былиной онъ разскажетъ преданіе, а послѣ ея еще что нибудь дополнитъ и объяснитъ. Его очень интересуетъ судьба государства, царей, политическое положеніе дѣлъ и старины изъ цикла историческихъ пѣсенъ онъ особенно знаетъ и любитъ, а своевольный Васька Буслаевъ, сомнительно, пользуется-ли его сочувствіемъ. Устьцылемъ-старообрядецъ съ головой ушедшій въ религію или точнѣе въ мелкое исполненіе ея обрядовыхъ предначертаній, совсѣмъ не знаетъ даже мѣстную исторію раскола, остается какъ-то безучастенъ къ ней. Но мнѣ попадались старинщики-пустозеры, напр., Павелъ Марковъ изъ Бѣдовой или Василій Никоновъ изъ Нарыги, которые разсказывали объ Иванѣ Грозномъ такъ, какъ будто царь этотъ жилъ лѣтъ 30 назадъ, на ихъ памяти *).

Выше я говорилъ, что старины Усть-Цылемской волости можно еще подраздѣлить на старины жителей, живущихъ въ селеніяхъ по рѣкѣ Пижмѣ и на ста-

---

*) Выше я говорилъ предположительно, что предки нынѣшнихъ пустозеровъ—московскіе служилые люди, смѣшавшіеся впослѣдствіи съ мѣстными инородцами. Мой старинщикъ изъ Бѣдовой П. Марковъ упорно передавалъ мнѣ мѣстное преданіе, что пустозеры—новгородцы, бѣжавшіе изъ Великаго Новгорода во время извѣстныхъ казней Ивана Грознаго. Марковъ отрицалъ даже, что его родная деревня Бѣдовая—выселокъ изъ Пустозерскаго острога. Онъ утверждалъ, что Бѣдовая, да и нѣкоторыя другія деревни заселились непосредственно выходцами изъ Россіи. Для подтвержденія его разсказа нѣтъ данныхъ, кромѣ преданій, передаваемыхъ, правда, очень упорно и не мнѣ одному. Преданіе въ этомъ-же смыслѣ записано уже Озерецковскимъ: «Жители сей волости (Пустозерской), по объявленію ихъ, происходятъ отъ чуди и изъ новгородцевъ, поселившихся, при царѣ Иванѣ Васильевичѣ». („Путешеств. акад. И. Лепехина“ Т. IV стр. 277). О новгородскомъ происхожденіи пустозеровъ говорилъ и покойный В. Н. Латкинъ въ своемъ „Дневникѣ путешествія по Печорѣ: „заселеніе здѣсь началось позже (12 вѣка) и, вѣроятно, тоже выходцами изъ Новгорода; сюда шли селиться... по выгодности промысловъ и для мѣны съ кочевыми народами; или оставляли берега родного Волхова во время разгрома новгородскаго“ (стр. 59)... „У пустозеровъ передается преданіе, что они потомки выходцевъ изъ Новгорода; и дѣйствительно, эти люди сохранили типъ сѣверныхъ славянъ: ихъ обычаи и домашній бытъ рѣзко отличаютъ ихъ отъ типа и обычаевъ сосѣднихъ усть-цылемцевъ и ижемцевъ; и не трудно замѣтить путешественнику, что послѣдніе не родные имъ по отчизнѣ“ (стр. 60). Послѣднимъ своимъ замѣчаніемъ Латкинъ, конечно, разрушаетъ все то, что онъ воздвигъ для доказательства, что пустозеры—новгородцы, такъ какъ уже внѣ всякихъ сомнѣній, что усть-цылемцы-то именно и есть новгородцы, и если жители двухъ волостей рѣзко отличаются

рины припечорскихъ селеній. Между тѣми и другими старинами нѣтъ разницы въ ихъ содержаніи, и только одного Бутмана Колыбановича, котораго почему-то особенно любятъ пижемцы, не знаютъ припечорцы. Разница между старинами той и другой мѣстности, во первыхъ, въ *напѣвахъ*, во вторыхъ—немного *въ говорѣ*. Разница въ напѣвахъ между пижемцами и остальными усть-цылемами (т. е. жителями всей волости) да пожалуй, и всѣми русскими печорцами—велика. Дѣло въ томъ, что на Пижмѣ цѣлыхъ 114 лѣтъ *) существовалъ старообрядческій Великопоженскій скитъ. Скитъ этотъ почти сто лѣтъ былъ единственнымъ просвѣтительнымъ мѣстомъ на Печорѣ, и въ немъ не только учили грамотѣ и получали полемическія познанія старообрядцы, но тутъ-же учились они и пѣть для нуждъ богослуженія, которое въ скиту свершалось благолѣпно. Теперь даже, 60 лѣтъ спустя послѣ закрытія скита, деревни Скитская и Замогильникъ, образовавшіяся на его мѣстѣ извѣстны своимъ пѣніемъ, которое тамъ по традиціи передается отъ отцовъ и дѣдовъ. Лучшіе старообрядческіе пѣвцы и справщики службъ на Печорѣ и теперь живутъ въ Замогильникѣ и Скитской; лучшіе, чѣмъ гдѣ либо въ Печорскомъ краѣ пѣвицы живутъ не только въ этихъ двухъ образовавшихся на мѣстѣ скита деревушкахъ, а и по всей рѣкѣ Пижмѣ, по всѣмъ ея деревнямъ. Если Пижма и теперь несетъ славу центра печорскаго старообрядства (на разстояніи ста верстъ живутъ 5 наставниковъ, одинъ изъ которыхъ, древній старецъ—исповѣдникъ чуть ли не всей волости, а

по типу другъ отъ друга, это значитъ только, что они имѣютъ не одинъ корень происхожденія. Нельзя также никакъ сближать усть-цылемцевъ и ижемцевъ: послѣдніе зыряне, хотя, вѣроятно, и не безъ сильной струи русской крови. Противорѣчитъ ему и названіе всѣхъ жителей Пустозерской волости—*пустозерами*, что значитъ, что всѣ они вышли когда-то изъ городка Пустозерска. Совершенно также всѣ жители усть-цылемской волости называются—*усть-цылемами*, и уже навѣрно извѣстно, что всѣ они дѣйствительно потомки усть-цылемовъ. *Н. О.*

*) Основанъ приблизительно въ 1730 г. выходцами съ Мезени, въ 1744 г. сгорѣлъ, но возобновился опять и закрытъ начальствомъ въ 1844 г. „Живая Стар.“ 1901 г., вып. 3-4 Н. Е. Ончуковъ: „О расколѣ на низовой Печорѣ“. стр. 441.

другой ѣздитъ съ требами въ предѣлы Вологодской губеріи), то пижемскія дѣвицы слывутъ лучшими пѣвицами на всей Печорѣ. Онѣ такъ хорошо поютъ въ сравненіи со всѣми остальными печорками, что какъ только пижемки пріѣзжаютъ во время ярмарки въ Усть-Цыльму и являются на горкѣ, усть-цылемки отходятъ прочь, уступая имъ первенство въ умѣніи пѣть пѣсни. Удивительно чистыми пріятными голосами, но какими-то особенными, скорѣе пѣсенными мотивами поютъ пижемцы, все равно и старики и молодые,—былины, знаютъ которыя здѣсь почти въ каждой деревнѣ. Разница въ говорѣ между пижемцами и остальными усть-цылемами и припечерцами зависитъ, вѣроятно, отъ того, что пижемцы на половину, если не болше, мезенцы родомъ, не столь отдаленнаго выхода. Рѣчь ихъ совсѣмъ не пѣвуча, какъ у устьцылемовъ, въ ней меньше цеканья, она больше литературна, и это послѣднее можетъ быть потому, что обладательница просвѣщеннаго скита—Пижма, не мало привнесла въ свою рѣчь отъ книгъ.

Выше было сказано, что Пустозерская волость не знаетъ нѣкоторыхъ старинъ Усть-Цылемской волости и наоборотъ. Является вопросъ: неужели за время четырехъ столѣтій двѣ, съ русскимъ населеніемъ рядомъ лежащія волости, не могли обмѣняться старинами? Но, во первыхъ, мы не знаемъ—когда старины попали на Печору, а во вторыхъ, дѣйствительно, двѣ сосѣднія волости мало сносились между собою, и на это были особыя причины. Дѣло въ томъ, что обѣ волости только въ послѣднее время, какихъ нибудь 40 лѣтъ, т. е. тогда, когда уже былинный эпосъ сталъ падать на Печорѣ—стали почти сходиться селеніями, раньше-же они были довольно далеки другъ отъ друга *), а такъ какъ сотни двѣ верстъ разстоя-

---

*) Озерецковскій въ 1772 г. говоритъ: „Домовъ въ самой Усть-Цыльмѣ 120, да въ приписанныхъ къ ней *четырехъ деревняхъ*—20“. „Путешествіе академика Ивана Лепехина“. Т. IV, стр. 280. Конечно, всѣ четыре деревни Устьцыл. волости были вблизи слободки Усть-Цыльмы, никакъ не дальше 20 верстъ, если не меньше, слѣдовательно, до перваго селенія пустозерской волости, Великой Виски, въ концѣ 18 вѣка было отъ Усть-Цылемской волости 200 верстъ. *Н. О.*

нія приходилось по такой большой и неспокойной рѣкѣ, какъ Печора, то ничего нѣтъ удивительнаго, что сношенія были и не часты. Но главная причина незначительныхъ сношеній между пустозерами и усть-цылемами была таже, что и между послѣдними и ижемцами-зырянами, о чемъ уже было говорено выше. Причина эта была вражда изъ-за рыбныхъ угодій на Печорѣ. Въ 1856 году старикъ, бесѣдовавшій съ С. В. Максимовымъ, такъ говорилъ ему: „И теперь дѣло съ пустозерами не можетъ рѣшить:—загребали Печорушку всю, почесть; выселки свои понадѣлали у насъ чуть не подъ самымъ носомъ. Тако дѣло!..“*). О томъ-же говоритъ и г. Истоминъ: „граница между двумя сосѣдними волостями (Пустозерской и Усть-Цылемской) до сихъ поръ точно не установлена: размежеваніе не произведено, и эта неопредѣленность вызываетъ большія недоразумѣнія. Столкнувшись на какомъ-нибудь угодьи и усть-цылемы и пустозеры убѣжденно считаютъ его своей территоріей; поднимается споръ, который и рѣшается въ пользу сильнаго, нерѣдко послѣ жестокой драки“ **). Мнѣ лично, самый старый въ Усть-Цыльмѣ человѣкъ Лазарь, долго и много разсказывалъ, какъ онъ лѣтъ сорокъ тому назадъ ходилъ выборнымъ, чтобы хлопатать передъ пріѣхавшимъ на Печору „землемѣромъ“ о выгодахъ своего общества въ спорѣ двухъ волостей о границахъ. Усть-цылемы дѣйствовали навѣрняка: собрали денегъ съ каждаго домохозяина и вручали ихъ Лазарю на взятки „землемѣру“. Но пустозеры были богаче усть-цылемовъ, и деньгами нельзя было ничего сдѣлать. Тогда дальновидный Лазарь познакомился „съ супругой землемѣра“ и подарилъ ей какую-то особенно дорогую и диковинную шаль. Успѣхъ былъ полный, и дѣло выиграли усть-цылемы. Послѣ торжества одной волости надъ другой взаимныя столкновенія, конечно, не прекратились, и до сихъ поръ еще усть-цылемы и пустозеры не особенно-то дружатъ. До сихъ поръ на тоняхъ рѣдко вмѣстѣ ловятъ

*) „Годъ на сѣверѣ“; т. 2, стр. 36—37.
**) „Предв. Отчетъ о поѣздкѣ въ Печорскій край“ стр. 17.

семгу пустозеры и усть-цылемы, а встрѣчаясь, часто ссорятся, а то и дерутся.

Можно только затронуть вопросъ: какъ попали старины на Печору? Если считать былины-старины произведеніемъ профессіональныхъ пѣвцовъ древней Руси—скомороховъ и отчасти каликъ, то слѣды ихъ найдутся и въ печерскихъ старинахъ, о чемъ ниже. Но очень трудно и предположить даже, чтобы калики и особенно скоморохи пробирались въ такую глушь и дичь, какъ Печора. Другое дѣло, если произведенія, перенятыя отъ нихъ, заносились на Печору посредственно. Если Пустозерскъ служилъ мѣстомъ ссылки боярамъ, иногда знатнымъ, иногда даже временщикомъ, и если жили они на Печорѣ не безъ своихъ людей, то что же удивительнаго, что изъ 30 человѣкъ челяди, жившей въ Пустозерскѣ съ бояриномъ Артамономъ Матвѣевымъ, было нѣсколько знатоковъ старинъ? Можно допустить даже, что Матвѣевъ, отправляясь въ ссылку, нарочно взялъ съ собой побольше людей, могущихъ утѣшить и развеселить его въ „суровой странѣ льда и ночи". То же можно сказать и про Голицына, и про Щербатова, и прочихъ неизвѣстныхъ невольныхъ жителей Москвы въ Пустозерскѣ. Челядь, знавшая старины, могла быть и у воеводъ пустозерскихъ, у надсмотрщиковъ за ссыльными и другихъ служилыхъ людей такъ или иначе имѣвшихъ дѣло съ Пустозерскомъ. Былъ и еще путь, по которому старины могли очень легко переходить на Печору, и трудно рѣшить, которому изъ нихъ отдать предпочтеніе. Этотъ второй путь—торговыя сношенія съ Пустозерскомъ. Озерецовскій писалъ въ 1772 году: „Для покупки мягкой рухляди бываютъ въ Пустозерскѣ изъ разныхъ городовъ купцы, а больше изъ Архангельска, Холмогоръ, Пинеги и Мезени, также съ Вологды, а временемъ изъ Москвы. Они пріѣзжаютъ туда обыкновенно въ октябрѣ и ноябрѣ мѣсяцахъ, а отъѣзжаютъ передъ Рождествомъ"*). Такимъ образомъ по два мѣсяца живали здѣсь архангельскіе, вологодскіе и московскіе купцы,

*) „Путешествіе академика Ивана Лепехина". Т. IV, стр. 277.

и все это время, конечно, уже не такъ были завалены дѣломъ, чтобы не оставалось времени и для забавы—для пѣнія и слушанія старинъ. Латкинъ свидѣтельствуетъ, что „по сохранившемуся списку съ указа даннаго пустозерской воеводской канцеляріи видно, что въ 1574 году въ здѣшній край (въ пустозерскую волость) приходили Двиняне, Устюжане и Пенежане промышлять моржей и окулъ“ *)... Приходя сюда, они не могли не сталкиваться съ пустозерами и могли передавать имъ старины. Наконецъ, сами пустозеры прежде „производили дѣятельную торговлю съ Березовымъ на Оби“ **). А въ Сибири тоже знаютъ старины.

Вотъ пути, по которымъ могли попадать старины въ Пустозерскую волость.

Но если усть-цылемы жили во враждѣ съ пустозерами и не отъ нихъ заимствовали свои старины, то откуда? Тотъ-же Озерецовскій на свой вопросъ: „пріѣзжаютъ-ли въ Усть-Цыльму иногородцы за мягкою рухлядью и изъ которыхъ мѣстъ?“ отвѣчаетъ: „Въ Усть-Цыльму пріѣзжаютъ все тѣ же, какіе и въ Пустозерскъ“***). Но тогда почему усть-цылемы переняли не всѣ старины, какія переняли пустозеры и наоборотъ? Въ отвѣтъ на это можно предположить, что въ выборѣ старинъ отъ заѣзжихъ купцовъ у жителей той и другой волости руководило чувство симпатіи къ тому или иному герою старины и чувство вкуса, такъ что непонравившійся, напр., „Кострюкъ“ усть-цылемами и не запоминался. Кромѣ того, усть-цылемы, кромѣ продажи продуктовъ своего промысла пріѣзжимъ купцамъ, также сами вели еще торговлю съ городомъ Пинегой и съ зырянскимъ краемъ на р. Вашкѣ, Вологодской губерніи; тамъ они также могли встрѣчаться съ русскими изъ другихъ городовъ. Торговля эта была бѣлой рыбой, которую усть-цылемы добывали осенью на озерахъ и въ замороженномъ видѣ цѣлыми обозами отправляли на Никольскую ярмарку въ Пинегу и въ

*) „Дневникъ Путеш. по Печорѣ“, стр. 37, ч. II.
**) Тамъ же, стр. 58.
***) «Путеш. акад. Ив. Лепех. т. IV стр. 281.

зырянскій край. Дорога въ городъ Пинегу шла 150—200 верстъ по мезенскимъ селеніямъ, а мезенцы—извѣстные старинщики. Кромѣ того, сами мезенцы-старообрядцы, переселившись въ 1730 году на Печору, могли занести туда и старины. Была и еще возможность занесенія старинъ въ Усть-Цылемскую волость: Великопоженскій скитъ, за 100 слишкомъ лѣтъ своей жизни, не переставая, сносился съ другими центрами старообрядческаго міра. Особенно часты и обильны были сношенія скита на великихъ Пожняхъ съ знаменитыми Выгорецкими скитами *), въ Олонецкой губерніи, которую В. Ѳ. Миллеръ не даромъ назвалъ „Исландіей русскаго эпоса“.

IV.

Переходя затѣмъ къ вопросу о томъ, какъ сохранялись и передавались былины на Печорѣ можно уже, выйдя изъ области гаданій съ большою вѣроятностью утверждать слѣдующее. Конечно, на Печорѣ не было профессіональныхъ пѣвцовъ мѣстныхъ, также совершенно, какъ ихъ не было и на всемъ Сѣверѣ, т. е. не было лицъ, пѣніемъ старинъ снискивавшихъ себѣ пропитаніе. И это потому главнымъ образомъ, что на Печорѣ и особенно въ Усть-Цылемской волости, чисто крестьянской, вообще не было какихъ нибудь сословныхъ различій, исключая развѣ нѣкоторыхъ имущественныхъ—тамъ всѣ равны. Однако слѣды пѣвцовъ-профессіоналовъ найдутся и въ печорскихъ старинахъ. Правда ихъ очень не много. Петръ Поздѣевъ три изъ 11-ти спѣтыхъ мнѣ старинъ (Илья и Угарище, Чурило и невѣрная жена и Васька Окуловъ) оканчивалъ такъ:

Кабы бросилъ тулово во чисто поле,
Тамъ чернымъ-то воронамъ на воскурканье,
Онъ сѣрымъ-то волкамъ на востарзаніе,
Тамъ какъ синему морю на утишенье,

*) Въ дер. Скитской я нашелъ портреты двухъ выгорецкихъ столповъ благочестія: Симеона Діонисьевича (Денисова) и Петра Прокопьевича; нашелъ списки посланій витіеватаго поморскаго характера, обрывки рукописей поморскаго письма и пр.

Кабы всѣмъ намъ молодцамъ на послуханье,
Кабы старымъ старухамъ да на долгой вѣкъ.

Если все вышеприведенное м. б. показываетъ на пріемъ кончать такъ подходящія старины профессіональными пѣвцами, — такимъ образомъ даютъ они понять слушателямъ о концѣ старины, то предпослѣдній стихъ говоритъ, что пѣли старины молодцы, пріемъ м. б. заимствованный отъ скомороховъ; а послѣдній стихъ не говоритъ-ли, что пѣвцы, эти, по крайней мѣрѣ, на Печорѣ, были старухи, при окончаніи своей работы полушутливо желающія себѣ долгой жизни. Во всѣхъ другихъ случаяхъ, пѣвцы, какъ-бы обращаясь къ слушателямъ, называютъ ихъ „братцами“.

Страшная глушь Печоры, ея отрѣзанность отъ всей остальной Россіи и расколъ служили главными причинами, что старины до сихъ поръ удержались на Печорѣ. Заброшенная въ суровомъ климатѣ за полярнымъ кругомъ, недалеко отъ Ледовитаго океана, совершенно въ сторонѣ отъ жизни всей остальной Россіи, Печора до самаго послѣдняго времени жила укладомъ жизни и духовными интересами, по крайней мѣрѣ, конца XVII вѣка. Въ области религіозной пытливость печорцевъ не простерлась дальше споровъ между собой и съ миссіонерами о мелкой обрядности, о буквы св. писанія; огромное движеніе народныхъ массъ въ Россіи въ религіозной области въ сторону раціонализма совсѣмъ не коснулось печорцевъ, осталось для нихъ непонятнымъ и чуждымъ*). Даже въ костюмахъ Печора сохранила парчевые боярскіе наряды, въ центрѣ Россіи хранящіеся только въ музеяхъ. И въ области духа—въ поэзіи, Печора оставалась вѣрна своимъ, застывшимъ во всемъ остальномъ, формахъ, и пробавлялась Богъ вѣсть когда сложенной былиной, невольно приспо-

*) Мнѣ завѣдомо извѣстно, что на Верхнюю Печору, въ Чердынскій уѣздъ, Пермск. губ., проникали въ качествѣ рабочихъ на заводъ Бердышъ не то штундисты, не то баптисты. Но ихъ не поняли, и они не имѣли успѣха. Про ученіе ихъ одинъ старообрядецъ разсказывалъ мнѣ, какъ о крайней степени нравственнаго паденія, чуть не безумія.

собляя ее къ мѣстнымъ условіямъ и, по своему, многое въ ней понимая. Печорецъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, даже не задается вопросомъ—правда-ли все то, о чемъ поется въ старинахъ? Для большинства все удивительное и необыкновенное въ старинахъ вполнѣ допустимо. Да и безъ вѣры въ чудесное, необыкновенное, о чемъ разсказываютъ старины, онѣ конечно потеряли-бы всякій интересъ и, м. б. давно забылись-бы. Нужно только видѣть, съ какимъ живымъ одушевленіемъ и вниманіемъ слушаютъ печорцы старины, подчеркиваютъ особенно нравящіяся имъ мѣста, объясняютъ по своему темныя или совсѣмъ непонятныя. Чудесное въ былинахъ для печорца совсѣмъ, впрочемъ, и не представляется чѣмъ-то особеннымъ. Этимъ чудеснымъ полна его дѣйствительная жизнь, міръ, его окружающій полонъ чудесъ и необъяснимостей: въ рѣкахъ и особенно озерахъ обитаютъ водяные, въ лѣсу—лѣшіе, въ собственномъ дому, за печкой, хозяйничаетъ домовой, вокругъ—оборотни, вѣдьмы, шишки, колдуны, которые—разсерди ихъ—и нынче обратятъ въ гнѣдого тура.

Для усвоенія сотенъ и тысячъ стиховъ есть благопріятныя условія, это—большой досугъ, являющійся не какъ лѣнь или отсутствіе работы, а большой досугъ даже на самомъ важномъ дѣлѣ. Этотъ досугъ на работѣ невольно является, напр., у усть-цылемовъ на рыбной ловлѣ, производимой два раза въ годъ, лѣтомъ и осенью, причемъ оба раза ловля значительно разнится, а въ зависимости отъ этого разнится и досугъ. Лѣтомъ усть-цылемы ловятъ семгу, для чего хозяевъ по 20 по 30 и даже больше скопляются на особыхъ мѣстахъ Печоры, „тоняхъ“, гдѣ идетъ вверхъ по рѣкѣ рыба. Ловятъ семгу большимъ неводомъ, причемъ закидываютъ, соблюдая строго очередь, и если ловъ происходитъ на хорошей тонѣ, и собралось положимъ до 50 хозяевъ, то каждый ловецъ, закинувъ неводъ разъ, очереди долженъ ждать, когда закинутъ остальные слѣдующіе за нимъ 49 человѣкъ. Такимъ образомъ получается

большой промежутокъ совершенно свободнаго времени, и этотъ невольный досугъ у каждаго домохозяина тѣмъ больше, чѣмъ больше на тонѣ народу. Вотъ въ это-то свободное время, достигающее иногда полусутокъ, а иногда даже и больше, и поются старины. Но ловля лѣтомъ семги слишкомъ важное дѣло: отъ величины улова зависитъ весь годъ жизни усть-цылема. Время лова семги поэтому горячее, напряженное, нервное; часто оно сопровождается ссорами, иногда даже драками изъ-за очереди; часто тутъ не до старинъ. Особенно не до старинъ тогда, когда ловля происходитъ на неважной тонѣ и гдѣ, слѣдовательно, ловитъ немного народу, иногда такъ немного, что свободнаго времени чуть-чуть хватаетъ на отдыхъ. — Совершенно другой характеръ носитъ ловля рыбы осенью, на такъ называемыхъ *осеновьяхъ*. *Осеновья*—это ловля бѣлой рыбы осенью или вначалѣ зимы на озерахъ. На осеновья уѣзжаютъ обыкновенно артелями въ 6 — 7 — 10 человѣкъ. Уѣзжаютъ съ запасами провизіи за много верстъ отъ двора, за 100—150 и больше, гдѣ и проводятъ осеннюю распуту, а по первому снѣгу возвращаются домой. День на Печорѣ осенью и особенно зимой очень коротокъ и, проработавъ часовъ 5—6, при наступившей темнотѣ всѣ принуждены на невольный отдыхъ. Работы кончаютъ въ 5, въ 4 часа дня, а спать еще рано, разговаривать не о чемъ, дѣлиться не чѣмъ; всѣ знаютъ о каждомъ порознь всю подноготную. Вотъ тутъ-то и выступаютъ на сцену сказочники и старинщики, которыхъ, говорили мнѣ, нарочно старается, всѣми мѣрами залучить въ артель составляющій ее староста. Въ хорошемъ старинщикѣ на осеновьѣ такая потребность, что старинщики пользуются нѣкоторыми преимуществами въ совершенно равноправной артели, гдѣ и староста, хлопотами котораго артель собирается, а иногда и держится, имѣетъ только нравственное, а не матеріальное преимущество; старинщики-же въ артели, повторяю, пользуются и послѣднимъ. Старинщику, напр., не поручаютъ особенно трудную часть работы, и они дѣлаютъ въ артели то,

что́ обыкновенно исполняютъ малолѣтніе и подростки, если таковые есть въ артели, пользующіеся однако совершенно одинаковымъ паемъ съ остальными членами артели; при раздѣлѣ добычи старинщику, особенно угодившему своими стараніями артели, возможно, что дается и до нѣкоторой степени лучшая часть добычи; объ частыхъ угощеніяхъ старинщиковъ особенными любителями старинъ въ артели я уже не говорю: старинщика возможно чаще стараются угостить „алабышами“, а алабыши старинщику, не въ примѣръ прочимъ, особенно жирно мажутъ масломъ, чтобы голосъ былъ звонче и катился маслянѣе, а старинщикъ охотнѣе и лучше пѣлъ старины.

Къ этому можно добавить, что и вообще старинщики пользуются на Низовой Печорѣ уваженіемъ среди сельчанъ; ихъ считаютъ особенно развитыми, надѣленными какой то особенной способностью, даромъ, которымъ, пожалуй, можно и гордиться, и фраза: „о, онъ сказитель!“ служитъ большой похвалой. И только „молодяжникъ“ въ большихъ центрахъ, напр., въ Усть-Цылмѣ, похожей больше на городъ, относится иногда какъ бы скептически къ старинщикамъ, Но скептицизмъ этотъ въ данномъ случаѣ особенный, не искренній, и зависитъ, во 1-хъ, просто отъ свойства русскаго человѣка надъ всѣмъ слегка посмѣяться, особенно когда дѣло происходитъ въ компаніи, а во 2-хъ, тутъ, пожалуй, сказывается зависть, къ заработку и угощеніямъ, которые получали отъ меня старинщики за свою работу, а также зависть и къ исключительному вниманію къ старинщикамъ пріѣхавшаго изъ Петербурга человѣка. Что нѣсколько насмѣшливое отношеніе къ старинщикамъ отъ молодежи не искренне даже и въ Усть-Цыльмѣ, видно хотя бы изъ того уже, что въ той же Усть-Цыльмѣ мнѣ предлагали пѣть старины два молодые парня, желая заработать на „половинчикъ“. Вездѣ по другимъ всѣмъ мѣстамъ Печоры къ старинщикамъ относятся съ большимъ почтеніемъ, ихъ знаетъ непремѣнно каждый въ своемъ селеніи, а иногда слава ихъ гремитъ на всю Печору. Правда эта слава не всегда совпадаетъ съ

дѣйствительною цѣнностью старинщика, и мнѣ не разъ приходилось разочаровываться въ старинщикахъ, о которыхъ наговорено было слишкомъ уже много. Но какъ бы то ни было, подъѣзжая зимой по тайболѣ къ Усть-Цыльмѣ я еще за три станціи отъ нея занесъ въ записную книжку имена нѣсколькихъ извѣстныхъ сказителей, а въ томъ числѣ и И. И. Горенку, хотя деревня, гдѣ онъ живетъ, была отъ станціи по крайней мѣрѣ въ 250 верстахъ. Стоитъ пріѣхать только даже въ такое огромное село какъ Усть-Цыльма, какъ почти первый встрѣченный разскажетъ вамъ, кто поетъ въ селѣ старины. Поэтому мнѣ мало понятно — какимъ образомъ прежніе путешественники на Печору ничего не слыхали о старинахъ. Если путешественники позапрошлаго столѣтія академики Лепехинъ и Озерецковскій и путешественникъ 40 годовъ XIX вѣка В. Н. Латкинъ, какъ ѣздившій на Печору не съ этнографическими цѣлями, могли еще не спросить про старины, то ужъ совсѣмъ непонятно, какимъ образомъ о старинахъ не слыхали этнографы — С. В. Максимовъ и Ѳ. М. Истоминъ, и особенно послѣдній, даже сознательно интересовавшійся былинами на Печорѣ*). Неуспѣхъ г. Истомина можно объяснить развѣ только, такъ сказать, методомъ его изслѣдованій: „желаніе ознакомиться съ возможно большимъ числомъ населенныхъ пунктовъ, — писалъ онъ, — вынуждало меня почти все время тратить на разъѣзды... Болѣе или менѣе продолжительныхъ остановокъ столь необходимыхъ для полнаго этнографическаго изслѣдованія края, въ особенности для составленія значительнаго собранія памятниковъ народнаго творчества, такихъ остановокъ въ нынѣшнюю поѣздку на долю мою почти не выпадало“.

Много значитъ, конечно, и личное умѣнье каждаго изслѣдователя входить въ сношенія съ народомъ;

*) «Однимъ изъ крайне интересовавшихъ меня вопросовъ въ нынѣшнюю поѣздку, былъ вопросъ о былинахъ. Названныхъ въ прошломъ году знатоковъ я вторично не засталъ дома, а разспросы мои о старинахъ, которыя они знаютъ убѣдили меня *что это не былины*, а разсказы и записи объ устьцылемской старинѣ... Дальнѣйшіе мои поиски былинъ не увѣнчались успѣхомъ». «Предвар. отчетъ о поѣзд. на Печору», стр. 3.

огромное значеніе имѣетъ и тотъ методъ, съ какимъ приступать къ распросамъ о старинахъ, особенно среди старообрядцевъ. А между прочимъ, онъ такъ простъ и еще 30 лѣтъ тому назадъ изложенъ въ двухъ словахъ А. Ѳ. Гильфердингомъ: „Программа на случай встрѣчи со старообрядцами, говоритъ Гильфердингъ, *) была у меня готова: обходиться съ ними вѣжливо, не употреблять выраженій, оскорбительныхъ для ихъ религіознаго чувства, а когда зайдетъ рѣчь о религіи, относиться къ ихъ вѣрованіямъ тѣмъ тономъ уваженія, которымъ принято въ образованномъ обществѣ говорить съ иновѣрцемъ объ его религіозныхъ убѣжденіяхъ".

Большой новостью мои открытія десятковъ былинъ на Печорѣ были всей печорской бюрократической интеллигенціи: учителямъ, священникамъ, чиновникамъ, между которыми есть цѣлыхъ два—дѣйствительныхъ члена Географическаго Общества по Отдѣленію Этнографіи... Никто и не подозрѣвалъ о существованіи былинъ на Печорѣ, не подозрѣвалъ потому, конечно, что работая годы, иногда десятки лѣтъ среди народа, просвѣщая, уча, руководя имъ, эта интеллигенція очень повинна именно въ неисполненіи вышевыписанной программы Гильфердинга; служа десятки лѣтъ народу, интеллигенція эта, къ сожалѣнію, въ большинствѣ совершенно чужда народу; это какія-то двѣ отдѣльныя націи, другъ другу чуждыя, другъ друга совсѣмъ не понимающія, если только не враждующія. Такъ и живутъ, обыкновенно, выказывая, съ одной стороны,—недостижимое превосходство и иногда прямое презрѣніе, съ другой,—приниженность изъ сознанія безсилія и пугливую скрытность...

Въ извѣстности старинщиковъ на всей Печорѣ нѣтъ, конечно, ничего удивительнаго, если принять во вниманіе, что старины поются главнымъ образомъ на рыбныхъ ловляхъ, гдѣ скопляются иногда представители чуть-ли не всей волости. Извѣстность старинщиковъ на Печорѣ, впрочемъ, и не предста-

*) «Сборникъ II Отд. И. Ак. Наукъ», т. 59 стр. 12.

вляетъ чего-то особеннаго: нечего удивляться тому, что какого нибудъ хорошаго сказителя знаютъ на Печорѣ, если собиратель „Бѣломорскихъ былинъ“ г. Марковъ, бывшій въ Зимней Золотицѣ, записалъ имена и фамильи особенно извѣстныхъ старинщиковъ на Мезени.

Относительно того, гдѣ старины больше сохранились—въ глухихъ-ли деревняхъ или въ селеніяхъ многолюдныхъ, казалось - бы, можно утвердительно сказать, что въ глухихъ мѣстахъ. Однако это не совсѣмъ такъ. Маленькія глухія деревушки, вдали отъ центровъ жизни, съ ихъ культурными нововведеніями, школами и пр., конечно, имѣютъ больше шансовъ для сохраненія старинъ, но это только говоря вообще. Въ частности-же можетъ быть и иначе. Все зависитъ отъ того, какъ старо каждое отдѣльное маленькое глухое селеніе, и живутъ-ли въ немъ старики. Если селеніе старинное, и въ немъ живутъ старики, навѣрное можно сказать, что въ немъ поютъ и старины, и что среди молодого поколѣнія есть будущіе старинщики; но если глухое селеніе—недавній выселокъ, старинщиковъ въ немъ обыкновенно не бываетъ; но это опять-таки въ томъ только случаѣ, если на новое мѣсто не выселились и старики. Такъ что, установя общее правило, что въ молодыхъ поселкахъ старинщиковъ нѣтъ, въ видѣ исключенія можно наткнуться на такой выселокъ, образовавшійся, можно сказать, вчера, а въ немъ живетъ прекрасный старинщикъ. Теперь возьмемъ центръ низовой Печоры—Усть-Цыльму. Это совсѣмъ почти городъ: двѣ церкви, двѣ - школы, полицейское управленіе, казначейство, почта, телеграфъ, больница, квартиры крестьянскаго чиновника, мирового судьи, податного инспектора и пр.; въ ней всегда много пріѣзжихъ, лѣтомъ постоянная горка, зимой общественныя игры молодежи на улицахъ — вообще всѣ условія, способствующія быстрѣйшему вымиранію и полному забвенію усть-цылемами старинъ. И однако это не такъ: въ Усть-Цыльмѣ я записалъ старины отъ 9 человѣкъ, а на самомъ дѣлѣ старинщиковъ тамъ и еще больше,

Почему это? Причина та, что живущіе почти въ городѣ усть-цылемы поголовно всѣ, такъ-же, какъ и жители всѣхъ самыхъ маленькихъ и глухихъ селеній, заняты рыбной ловлей, являющейся для нихъ пока преобладающимъ промысломъ. И если Усть-Цыльма преобразуется въ настоящій городъ, усть-цылемы обратятся въ мѣщанъ, старины въ ней все будутъ держаться, какъ напр., въ городѣ Мезени, и удержатся онѣ до тѣхъ поръ, пока усть-цылемы съ рыбной ловли не перейдутъ на какое нибудь другое домашнее дѣло. Такъ сказать бюрократичность Усть-Цыльмы, можно сказать совсѣмъ пока не отвлекаетъ ея жителей отъ ихъ исконнаго дѣла; даже женская прислуга у чиновниковъ въ Усть-Цыльмѣ почти поголовно не мѣстная, а отчасти съ Ижмы, отчасти съ Мезени, а то и изъ Архангельска.

Несомнѣнно только одно, что населенность, бойкость и обиліе чиновниковъ въ Усть-Цыльмѣ ведетъ къ тому, что усть-цылемки-женщины уже не знаютъ starинъ. Въ самой Усть-Цыльмѣ отъ женщинъ мнѣ не пришлось записать ни одной старины, и только двѣ женщины пѣли мнѣ стихи. Совсѣмъ не то, напр. на рѣкѣ Пижмѣ, гдѣ изъ 7 пѣвшихъ мнѣ лицъ четыре были женщины. И этому объясненіе одно: усть-цылемы почти не поютъ старинъ дома, а только на рыбной ловлѣ. Дома имъ есть *гдѣ* и *какъ* провести время: лѣтомъ, во время пріѣзда чердынцевъ, каждый день горка, тутъ-же гдѣ нибудь игра въ мячъ, въ которой принимаютъ участіе и взрослые; играютъ также въ городки, борются, часто происходятъ драки, что тоже привлекаетъ много зрителей. Все это ведетъ къ тому, что дома, въ селѣ, нѣтъ ни времени, ни охоты пѣть старины, а дѣвицамъ не у кого старинамъ учиться. Да если-бы старики дома и пѣли старины, всякая дѣвушка, конечно, предпочла-бы пѣнію стариковъ горку, гдѣ она является активной участницей пѣсенъ, игръ и пр. На рыболовныхъ-же тоняхъ, гдѣ главнымъ образомъ поются старины, усть-цылемки не бываютъ. Совсѣмъ не то въ глухихъ деревняхъ, напр. на рѣкѣ Пижмѣ. Тамъ есть деревни въ 4—5—10

дворовъ, расположенныя на крутомъ берегу рѣки. Нѣтъ тамъ ни хороводовъ, ни горокъ, ни игръ, такъ какъ ко всему этому располагаетъ, и все это возможно только при большомъ количествѣ молодежи; а на Пижмѣ въ деревняхъ часто бываетъ, что есть въ одной деревнѣ дѣвушки, а парней нѣтъ: частью переженились, частью въ солдаты ушли, а то еще не подросли. Или такъ случается: въ деревнѣ 2—3 парня и одна дѣвушка — какой-же тутъ хороводъ! Нечего дѣлать, не на что смотрѣть въ свободное время и старикамъ, и вотъ они собираются въ одну избу и поютъ старины, вся деревня слушаетъ, а болѣе воспріимчивые, какъ парни, такъ и дѣвицы, перенимаютъ. Вотъ почему нѣтъ старинщицъ въ бойкомъ и огромномъ селѣ Усть-Цыльмѣ и есть они въ маленькихъ и глухихъ деревняхъ на рѣкѣ Пижмѣ. Въ селѣ Бугаевѣ я уже опять нашелъ старинщицу, но все-же въ селеніяхъ Усть-Цыльмской волости, расположенныхъ по Печорѣ, женщины знаютъ гораздо меньше старины, чѣмъ на рѣкѣ Пижмѣ. Въ Пустозерской волости женщины знаютъ старины мало, но все-же мнѣ пришлось встрѣтить лично трехъ старинщицъ и объ одной замѣчательной старинщицѣ (въ с. Куѣ) слышать. Незнаніе пустозерками старинъ, я думаю, зависитъ отъ того, что положеніе женщины въ Пустозерской волости рѣзко отличается отъ того-же въ Усть-Цылемской, гдѣ женщина совсѣмъ чувствуетъ себя свободной *). Не то въ Пустозерской волости. Собираясь въ гости въ какой нибудь домъ, женщины-пустозерки всегда держатся въ сторонѣ отъ мужчинъ, если есть отдѣльная изба, сидятъ въ ней, если нѣтъ, стараются помѣститься хоть въ особой комнатѣ **) — условія для заучиванія старинъ, конечно, неблагопріятныя.

Заучиваются старины, вообще говоря, въ дѣтскомъ

---

*) „Живая Старина“ вып. 3—4 за 1901 г. См. мою статью: „О расколѣ на Низовой Печорѣ“.

**) Это строгое разобщеніе половъ, можетъ быть, еще одинъ лишній признакъ того, что пустозеры—потомки московскихъ служилыхъ людей. Древняя Русь, нравы которой дольше всѣхъ носилъ Новгородъ, едвали знала то, что явилось послѣ татарскаго ига въ Москвѣ.

или юношескомъ возрастѣ, когда умственная воспріимчивость гораздо сильнѣе, но изъ этого общаго правила есть разительныя исключенія. Приведу примѣры: старинщикъ Петръ Поздѣевъ, спѣвшій мнѣ старинъ больше, чѣмъ кто либо, такъ заинтересовался моей работой, что приходилъ ко мнѣ и тогда, когда старины пѣли другіе. Однажды у меня пѣлъ Д. Дуркинъ старину о Лукѣ и змѣѣ, а Петръ Поздѣевъ былъ тутъ, и старина ему очень понравилась. Увидавшись со мной черезъ нѣсколько дней, онъ со смѣхомъ заявилъ мнѣ, не хочу-ли я отъ него прослушать новую старину „о Лукѣ и змѣѣ“. Оказывается, что онъ, прослушавши разъ, запомнилъ старину, а когда ѣздилъ въ лѣсъ за дровами, попробовалъ спѣть и спѣлъ всю отъ начала до конца. П. Поздѣеву 65 лѣтъ! Когда я былъ въ деревнѣ Чуркиной на Пижмѣ, ямщикъ мой указалъ мнѣ на Петра Агѣева, знающаго какую-то очень ужъ складную старину, такую, какую ямщикъ не слыхалъ больше нигдѣ. Пошелъ я къ Агѣеву и попросилъ спѣть. Тотъ долго отнѣкивался, а потомъ, когда согласился, сказалъ, что старину онъ не поетъ, а „читаетъ, какъ по книжкѣ“. Дѣлать нечего, я согласился и на это. Тогда Агѣевъ взялъ деревянную покрышку съ горшка, легъ на кровать и, глядя въ покрышку, какъ въ книжку, безъ запинки отбарабанилъ мнѣ лермонтовскую пѣсню про купца Калашникова. Онъ зналъ ее такъ твердо, что заинтересовалъ одного священника, тотъ слѣдилъ за нимъ по книгѣ и не нашелъ ни одного пропуска. Пѣсню 40—45 лѣтній Агѣевъ запомнилъ недавно, когда его грамотный братъ, солдатъ, читалъ раза два по книжкѣ.

Поются старины на Печорѣ многими, но учатся старинѣ не отъ многихъ, а только отъ лучшихъ пѣвцовъ. На Пижмѣ, напр., всѣ, пѣвшіе мнѣ старины, ссылались или на Васю Малаго (д. Авраамовская) или на умершую уже тетку Катю. Иногда этотъ знатокъ старинъ служитъ учителемъ цѣлаго поколѣнія и цѣлой кучки деревень, не связанныхъ между собою никакимъ родствомъ. Передаются старины, такъ сказать, и по наслѣдству, отъ отца, дѣда и пр., и, въ свою

очередь, нынѣшніе старинщики передаютъ старины своимъ дѣтямъ. Такъ у Петра Поздѣева старинщикомъ былъ отецъ и вотъ изъ четырехъ его сыновей двое—Петръ и Семенъ поютъ старины. У Петра Поздѣева есть дѣти, изъ которыхъ сынъ Иванъ, служащій сельскимъ писаремъ, знаетъ старины. У Григорія Чупрова, по его словамъ, отецъ былъ замѣчательный старинщикъ, а сынъ Григорія, 15 лѣтній подростокъ Иванъ, грамотный, и, можетъ быть, будущій начетчикъ, знаетъ много сказокъ, интересуется и старирами, но не заучиваетъ ихъ, предпочитая читать по книгамъ. Сынъ Димитрія Дуркина перенялъ нѣкоторыя отцовскія старины.

Относительно того—падаетъ-ли былинная поэзія на Печорѣ? — можно сказать утвердительно: да, падаетъ. Еще и теперь печорская рѣчь такъ сказать пропитана старинами, и выраженія изъ нихъ, ввидѣ поговорокъ и пословицъ, можно слышать постоянно. Вотъ на улицѣ разговариваютъ парни о своихъ дѣлахъ, и одинъ изъ нихъ говоритъ: „Поди-ко съ нимъ свяжись: онъ схватитъ за руку — рука прочь, схватитъ за ногу—нога долой“. А вотъ на сельскомъ сходѣ, когда нужно было высказаться о чемъ-то, а всѣ молчали, одинъ мужичекъ сказалъ: „у насъ, когда дѣла коснется—меньшій хоронится за средняго, средній за большого, а и отъ большого отвѣту нѣтъ“.— „Ты дари намъ чо-ли—сказалъ одинъ усть-цылемъ мѣстному богачу, который просилъ услужить,—дари намъ, такъ мы тебѣ будемъ помогать“, а тутъ-же бывшая его жена добавила: „Кунью шубу въ пятьсотъ рублей“. Даже маленькій сынишка священника часто говоритъ: А пойду я, мама, „вонъ на улицу“. Недавно еще составлялись и распѣвались цѣлыя пародіи старинъ, гдѣ дѣйствующими лицами выставлялись мѣстные крестьяне.

И все-таки старинная поэзія на Печорѣ падаетъ не смотря на все это. Объ этомъ говорятъ въ одинъ голосъ уже сами старинщики. Какъ только станешь спрашивать про старины, такъ всѣ и говорятъ: „Вотъ пріѣхалъ-бы ты лѣтъ 10—15 назадъ, когда былъ

живъ (такой-то). Вотъ онъ тебѣ-бы напѣлъ! А мы што"...

О паденіи былинной поэзіи говорятъ и мои личныя наблюденія. Есть еще и теперь прекрасные старинщики и старинщицы (Авдотья Чуркина, Анисимъ Вокуевъ, Степанъ Хабаровъ, Павелъ Марковъ), но и они уже отчасти устарѣли, а отчасти, можетъ быть, не встрѣчая прежняго сочувствія и прежняго спроса на свое искусство, много забыли; Чуркина много уже путаетъ, а двѣ старины спѣла совсѣмъ плохо. О большинствѣ-же нечего и говорить: путаютъ, перевираютъ, извращаютъ старины сильно. Таковъ, напримѣръ, хотя-бы спѣвшій мнѣ больше всѣхъ Петръ Поздѣевъ. Всѣ старины онъ поетъ однимъ „ясакомъ" (напѣвъ), что хорошій былинщикъ никогда не позволитъ, да и не сумѣетъ; все происходитъ у него въ Кіевѣ при князѣ Владимірѣ, куда онъ отнесъ даже и князя Долгорукова съ ключникомъ; во всѣ старины вноситъ однообразные факты, фразы и цѣлыя дѣйствія, и не помня подлинныхъ слышанныхъ отъ стариковъ выраженій, привноситъ много своего, отражая, особенно въ разговорахъ, строй современной въ Усть-Цыльмѣ рѣчи. Болѣе древнія старины знаютъ плохо: такъ про Вольгу я записалъ только отрывокъ, про Святогора, никто не сумѣлъ мнѣ спѣть. У многихъ старинъ не знаютъ нынчѣ конца, нѣкоторыя старины поютъ не сначала. Такъ, записывая Ваську Игнатьева, я только на третій разъ записалъ и конецъ; конецъ Данилы Староильевича я записалъ въ 4-й разъ; Бутмана Колыбановича, записавъ четыре раза, я такъ и не записалъ всего; Скопина въ Усть-Цылемской волости, мнѣ долго не могли спѣть сначала, всѣ начинали:

„Много Скопинъ по землямъ бывалъ,
Много Скопинъ городовъ видалъ"...

То-есть, начинали съ середины рѣчи Скопина на пирѣ у князя. То, что всѣ старинщики Усть-Цылемской волости начинатъ старину непремѣнно съ этихъ словъ, показываетъ, что старина заучена отъ одного

усть-цылема, въ свою очередь, слышавшаго старину гдѣ-нибудь не сначала.

Итакъ былинная поэзія на Печорѣ, несомнѣнно, падаетъ и падать будетъ все больше больше съ каждымъ годомъ, такъ какъ съ каждымъ, можно сказать, годомъ развивается промышленно нищовая Печора. По Печорѣ ходятъ теперь пароходы; Въ Усть-Цыльмѣ теперь телеграфъ и почта, проведенъ трактъ на Архангельскъ, а лѣтомъ совершаютъ свои рейсы и морскіе пароходы. Три года, уже какъ на Печорѣ работаютъ шведы, вырубая лѣсъ для отправки заграницу; около устьевъ Печоры построили они лѣсопильный заводъ, занимающій много рабочихъ рукъ. Выросталъ другой такой-же заводъ въ то лѣто, когда я былъ на Печорѣ, а на р. Ухтѣ, притокѣ Ижмы, говорятъ, шли подготовительныя работы для добычи давно извѣстной тамъ нефти. И вотъ, когда Печора покроется заводами, которые съ занятіемъ, въ качествѣ рабочихъ, мѣстныхъ крестьянъ будутъ привлекать и полчища „бродячей руси“ изъ центровъ Россіи, это нашествіе, въ концѣ концовъ, свалитъ старую культуру Печоры, а съ ея упадкомъ постепенно исчезнутъ и былины. И Печора имѣетъ всѣ данныя на то, чтобы съ развитіемъ на ней промышленности скоро перенять чужое и совсѣмъ обезличиться: у ней нѣтъ поддерживающаго старину элемента—на Печорѣ земледѣліе почти не имѣетъ значенія, и промыслы здѣсь,—единственный хлѣбъ насущный. Получится то-же, что я наблюдалъ напримѣръ, на р. Вишерѣ, въ Чердынскомъ уѣздѣ. Черезъ 15 лѣтъ послѣ постройки перваго въ уѣздѣ—Кутимскаго горнаго завода, населеніе совершенно измѣнило свой характеръ и изъ нѣсколько грубоватыхъ, но строго честныхъ, съ патріархальными нравами лѣсныхъ и рыбныхъ промышленниковъ превратилось въ дерзкихъ и наглыхъ подсобныхъ рабочихъ горнаго завода и спилось. Можетъ быть, это и неизбѣжно, какъ одна изъ стадій промышленнаго роста страны, но это грустно.

V.

Долженъ сказать еще нѣсколько словъ по поводу настоящей книги. Какія былины на Печорѣ сохранились? Въ какомъ видѣ онѣ сохранись? Вотъ тѣ два вопроса, которые были мной поставлены, когда я приступалъ къ записыванію печорскихъ былинъ. Для этого я рѣшилъ, такъ сказать, переписать по содержанію всѣ обращающіяся на Печорѣ былины и по одному разу хотя-бы и такія, которыя уже извѣстны въ массѣ пересказовъ, записывая малоизвѣстныя и совсѣмъ неизвѣстныя въ большемъ количествѣ разнорѣчій. Намѣреваясь переписать всѣ печорскія былины, я руководился тѣмъ, что былины у насъ—родъ народнаго творчества, наиболѣе быстро исчезающій изъ народнаго обихода и сохраненіе ихъ по отдѣльнымъ областямъ, какою несомнѣнно является Печора, вслѣдствіе ея полной почти изолированности отъ остальной Россіи, во всякомъ случаѣ, интересно. Въ былинахъ, извѣстныхъ въ десяткахъ пересказовъ, въ этомъ глухомъ краю я думалъ найти такіе эпизоды, штрихи, намеки, какихъ нѣтъ еще въ уже существующихъ сборникахъ былинъ, а вѣдь и самые незначительные намеки очень иногда цѣнны при изученіи былинъ. И я не ошибся: даже въ извѣстнѣйшей былинѣ о Василіѣ Буслаевѣ я записалъ на Печорѣ нѣчто такое, чего нѣтъ пока еще въ извѣстныхъ о немъ былинахъ, хотя, съ другой стороны, мнѣ пришлось записать не мало былинъ, гораздо худшаго качества, чѣмъ таковыя-же въ сборникахъ Гильфердинга не говоря уже о классическомъ Киршѣ. Но если принять во вниманіе, что отъ записей былинъ «Сборника Кирши Данилова» насъ отдѣляетъ, по крайнѣй мѣрѣ, полтораста лѣтъ, а отъ времени, когда записывалъ А. Ѳ. Гильфердингъ все-таки 30 съ лишкомъ, то худшее качество многихъ былинъ будетъ понятно.

У пріема записывать старины все впередъ и впередъ по содержанію были конечно, и свои недостатки: мнѣ не пришлось вначалѣ разбирать качество пѣвцовъ, а затѣмъ, когда большая часть былевого обихода низовой Печоры была уже записана, иногда у лучшихъ старинщиковъ, за

неимѣніемъ времени мнѣ пришлось записывать только то, чего у меня пока еще не было, хотя-бы старины, уже записанныя у меня, эти послѣдніе старинщики и знали лучше. Задачу: какія старины существуютъ на Печорѣ, сдается, я выполнилъ. Мнѣ хотя и не удалось видѣть всѣхъ печорскихъ старинщиковъ, но и тѣ 25 лицъ, отъ которыхъ я записывалъ старины, нужно думать, знаютъ хотя-бы по наслышкѣ, кто какіе поетъ старины.

Сказителей старинъ, которыхъ мнѣ не пришлось видѣть, я тщательно переписалъ и списокъ ихъ, состоящій изъ 38 лицъ, интересующіеся найдутъ напечатаннымъ въ «Живой Старинѣ» за 1902 г. 3—4 вып. стр. 367—368 или въ отдѣльномъ оттискѣ моей статьи «Былинная поэзія на Печорѣ» стр. 10—11.

Долженъ сказать, что былины этого сборника за №№ 19, 24, 26, 28, 45, 47 и 57, составляющія записи, сдѣланны во время моей первой поѣздки на Печору, были напечатаны въ «Извѣстіяхъ Отд. русск. язык. и слов. Академіи Наукъ» за 1902 г. т. VII, кн. 3, а №№ 14, 34, 41, 43, 51, 66, 79 и 100 въ тѣхъ-же «Извѣстіяхъ» за 1903 г. т. VIII, кн. 3; здѣсь я счелъ ихъ нужнымъ перепечатать, чтобы сборникъ этотъ представилъ весь былевой обиходъ низовой Печоры.

Называя выпускаемую книгу «Печерскіе былины», я, конечно, не причисляю къ былинамъ въ строгомъ смыслѣ вошедшія въ сборникъ и называемыя на Печорѣ «старинками» и «былинками»—историческія пѣсни и пѣсни былевыя, но я думаю, что не такъ ужъ важно, если присутствіе ихъ въ книгѣ и не отразится на ея заглавіи, которое иначе пришлось бы очень удлинить. Кромѣ того историческія и былевыя пѣсни составляютъ очень незначительную часть сборника, между тѣмъ присутствіе ихъ въ книгѣ дастъ читателю сразу представленіе о томъ, что нашелъ я на низовой Печорѣ въ отношеніи эпоса.

Н. Ончуковъ.

Замѣтки о языкѣ „печорскихъ былинъ".

Я читалъ корректуры былинъ, записанныхъ на Печорѣ Н. Е. Ончуковымъ, съ цѣлью познакомиться съ тѣмъ живымъ языкомъ, на которомъ они поются. Хотя авторъ записей прилагалъ всѣ усилія, чтобы передать точно звуки живой рѣчи — какъ это слѣдуетъ дѣлать при записи всякихъ произведеній народной словесности — тѣмъ не менѣе въ его письмѣ, какъ въ орѳографіи всякаго образованнаго человѣка, есть такія стороны, которыя должны возбудить у читателя-филолога вопросъ: что значитъ это написаніе? произношеніе или орѳографическое начертаніе? нѣтъ ли тутъ ошибки (описки или опечатки) и дѣйствительно-ли такъ говорятъ? Я находился въ исключительно выгодномъ положеніи: имѣлъ возможность получать разъясненія на подобные вопросы отъ самого Н. Е. Ончукова, который многое помнилъ и многое отмѣчалъ въ своихъ черновыхъ записяхъ подчеркиваніемъ. Въ этомъ и заключается смыслъ моего участія въ настоящемъ изданіи.

Я выписалъ и сгруппировалъ примѣры особенностей языка (сколько успѣлъ отмѣтить во время печатанія книги по корректурамъ всего текста), чтобы дать первое представленіе о говорѣ пѣвцовъ. Примѣры взяты такіе, которые привлекли мое вниманіе: или типическіе или казавшіеся мнѣ болѣе всего важными. Тѣмъ лицамъ, которыя пожелали-бы болѣе подробно изучить языкъ записанныхъ Н. Е. Ончуковымъ былинъ, я могу рекомендовать его книгу, какъ трудъ исполненный очень внимательно и добросовѣстно. При этомъ я не отношу на счетъ записыванія или записывателя немногихъ темныхъ или прямо искаженныхъ мѣстъ въ «печорскихъ былинахъ», считая небольшую порчу текста, переходящаго изъ устъ въ уста въ теченіе долгаго времени, вполнѣ естественнымъ явленіемъ.

Въ былинахъ нерѣдки случаи употребленія рядомъ двухъ разныхъ формъ одного и того же слова. Это не нужно считать неточностью. Собиратель былинъ указываетъ на подобные варіанты, какъ на сознательный стилистическій пріемъ: мы съ своей стороны считаемъ это наблюденіе интереснымъ и важнымъ.

Оговоримъ предварительно случаи, въ которыхъ Н. Е. Ончуковъ не передавалъ произношенія, сохраняя принятую орѳографію: это сочетаніе ж и ш съ и (жиръ, шить и подобн.), ч съ а и у (часто, Чурило), сохраненіе звонкихъ согласныхъ передъ глухими и въ концѣ словъ (лавка, дубъ), употребленіе лишнихъ буквъ азбуки (ъ, ь, ѣ, і, ѳ) и нѣкот. др.

Цифра при словахъ означаетъ страницу текста. Когда уже вся моя работа была исполнена, оказалось, что съ 276 страницы послѣдняя корректура переверстывалась: поэтому у меня должны встрѣтиться нѣкоторыя неточности въ обозначеніи страницъ, которыя отмѣчались по предпослѣднимъ листамъ.

Звукъ *а* вмѣсто *о* находимъ въ нѣкоторыхъ заимствованныхъ словахъ: 1) калпакъ 38 (и: колпакъ 289), валовъ 211, Авдотьей 166 при Овдотью 168; 2) послѣ *ж*, *ш* на мѣстѣ *е*: пшаной 104, жанихъ 193, жаню 362, жалѣзныи 182 (и: залѣзную *) 117), жаребьци 109, жаребьцей 107, жамчюгомъ 153 (и: замчугъ *) 184, несчатнымъ 382, ключавоей 320, причятниковъ 374, также и ѳ: жоной 294, жонѣ 276, жоребятъ 311, жониха 272.

Чередованіе а и о въ глаголахъ типа клонить—кланять очень рѣдки: покланяется 242. Обыкновенно а вытѣснено звукомъ о.

Особые случаи: камянной 97, мя́двѐдёмъ 173, са́рцо (сердце) 340.

Любопытно, что нѣкоторые пѣвцы акаютъ въ пѣніи, напр. Дитятевъ (стр. 312), Поздѣевъ (165, 171 и мн. др. страницы) и иные. Ср. предисловіе стр. XVIII и др. Н. Е. Ончуковъ замѣтилъ однажды, что печорскіе старообрядцы и при богослуженіи нѣкоторыя слова поютъ на а.

---

*) *А* послѣ *з*, вѣроятно, явилось по вліянію первыхъ формъ съ *ж*.

Звукъ *о* видимъ во многихъ, преимущественно заимствованныхъ словахъ, на мѣстѣ орѳографическаго а: Ондронъ 310, Онтоньева монастыря 346, Гогаринъ 400, колачикъ 187, колачёмъ 265, Тороканъ (соб. имя) 144, робота (обыкновенно), кормана 79,—ъ 256, софьянъ 152, тотариновъ 55, понафиду 208, кобаки 64, у ножа припои серебрены 335, шолыга 336, пою 379; на мѣстѣ е въ словѣ одва 108, доржитъ 297; послѣ ж, ш, ч, мягкихъ согласныхъ и j на мѣстѣ е: можотъ 112, 178, дороженьку 223, жона 362, чоловѣческимъ 104; ёго 108, чотыри 333, полё 97, 107, подорожноё 81, синёё, морё 359, коренёмъ 80, управителёмъ 213, самовольствуётъ 219, ѣдётъ 223 и т. под.; на мѣстѣ ѣ въ: вёдрами 218 (сравн. вéдрами Покров. у. Владим. губ.), чолуетъ 317.

Особые случаи: Небёсного 310, юзолочикъ (узелочикъ) 246. Древнее въ: топерь 367, робята (много случаевъ).

Звукъ *е* часто является на мѣстѣ а послѣ j и мягкихъ согласныхъ во всѣхъ положеніяхъ относительно ударенія: езыкъ 25, тежкихъ 34, ёгленетце 39, стрѣлеть 99, хозеиномъ 85, взелъ 166, поеса родит. п. 70 и мн. др. т. подобн.

Е на мѣстѣ древняго ь: пехнулъ 96.

Е на мѣстѣ и: лесицы 332, улечу 339.

Е не фонетическое на мѣстѣ и въ не за ни: негдѣ (нигдѣ) 201, не какую я не чую невзгодушку не надъ собой, не надъ хозеиномъ 85 и т. п.; также въ: вѣселицу 400.

Звукъ *и* является замѣстителемъ древняго ѣ въ корнѣ слова только въ ись 135, поись 96, 132, наистисе 370, симью 390, винчи (вѣнцы) 391, одіяло 278; въ окончаніяхъ дательнаго-предложнаго падежа: на цареви-то ходитъ большомъ кабаки 59, въ чистомъ поли 49, во городи 89, ко Почевъ рѣки 70, на вини 74, во сти 102, на гори 166 и мн. др. т. п. Какое и въ: на кони 163 и подобн.: древнее или изъ ѣ рѣшить трудно.

Въ: одолила 92 и также можетъ быть древнее; срав. дрема долитъ (Пушкинъ).

И видимъ также на мѣстѣ е въ въ мѣстоименіяхъ 1-2-го лица и возвратномъ: миня 211, тибя 211, сибѣ 57, тибѣ 76, 114, нидѣлю 360, въ прилагательныхъ на енькій: хроминькой 53 и т. п., въ существительныхъ на енька: Васинька 76, въ мѣстоименіи іе 341, 352, въ глаголахъ перваго спряженія: можыте 54, хвастаите 169, расколыбаитце 171 и др.

т. п.; въ словахъ: типерь 376, рибятамъ 214, также на мѣстѣ а послѣ мягкой согласной: десить 159. Всѣ случаи, повидимому, передъ слѣдующей мягкой согласной; передъ твердой у насъ отмѣченъ одинъ случай: тисовую 148 (при: тесовую 276) и мн. др. стран.

Вѣроятно, по смѣшенію префиксовъ: притяжолыя 293, пріогромная 311, прибогатую 321, Присвята 345.

И сохраняется въ: поимáли 202.

Звукъ *ы* является вмѣсто и въ началѣ словъ: ы на то 92, ы бы пой миня 104, ы ти кони побѣжали 107, ыщэ 106 и подобн. Во всѣхъ отмѣченныхъ случаяхъ ы находится послѣ предыдущаго слова, оканчивающагося на гласную и при томъ бъ началѣ фразы. Поэтому его никакъ нельзя объяснить сочетаніями, какъ дáлыя́ (далъ и я), нѣтыще (нѣтъ ище); но, вѣроятно: ы вынуто изъ такихъ сочетаній. При томъ подобное произношеніе могло возникнуть только при окончательной потерѣ j передъ и.

На мѣстѣ о: солнычны 282; выздымалъ 308 и др.; сысполнилось 341 (ы въ послѣднемъ словѣ изъ ои, какъ въ народн.: пымали).

Звукъ *у* на мѣстѣ о: яблуки 212, суреди 317, суредили 317, буярина 390, буёвую 269.

Ю на мѣстѣ е: очюнь 326.

Согласные звуки. Очень часты случаи мѣны ц и ч (цоканье и чеканье).

Звукъ ц нерѣдко произносится мягко: отця 35, цяра 34, боцьки 60 и мн. др. Наоборотъ, ч можно услышать и твердое: чысто полё 97, 107. Иногда, повидимому, ч въ произношеніи распадается на свои элементы тш: роботшіимъ 117. Тоже бываетъ и съ ц: привяжетса 311, вырвитса 381. Ж и ш тверды въ говорахъ пѣвцовъ. Щ звучитъ то какъ шч, при чемъ ч иногда твердо, то какъ двойное твердое шш: ищэ 52 и др. (читайте: ишчэ), шчо 222 (сравн. що 223), крешшоную 80, тащыте 92. Двойное ж въ говорахъ твердо: вожжы, пріѣжжаетъ и подобн. Вмѣсто группы ждж, жж иногда видимъ жд: заѣждяетъ 35, пріѣждятъ 164 и подобн. Русское ж: межу 105, промежу 365, прежъ 368, пробуждется 73.

Спорадическіе случаи мѣны согласныхъ: бладого (младого) 57, бладъ (младъ) 98, бладеня (младеня,

младенца) 180; охабоцьку 44 и др. (звонкій вмѣсто глухого между двумя гласными, паропокъ 260; ковда 55; дакъ (такъ) 51 и др. (вѣроятно, старое колебаніе между д и т въ этомъ словѣ; сравните великор. да и малоросс. та); зеребцикъ (жеребчикъ) 178; чажолую 242; охвота 375 и др.

Вмѣсто ки видимъ ти въ словахъ: титъ-рыба 310, на трёхъ подтитышахъ 310.

Мягкое г, судя по произношенію собирателя былинъ, запомнившаго мѣстное произношеніе, повидимому, обращается въ j: Вольію Всеславьевича 332, Вольіина матушка 332, Вольіи Всеславьевичу 332.

Группы согласныхъ. Очень часто сочетаніе дн замѣняется нн (50, 59 и мн. др. стран.); отсюда, вѣроятно, гриня (гридня) во многихъ мѣстахъ. Употребленіе рядомъ того и другого рода сочетаній приводитъ къ ихъ смѣшенію, такъ что дн, повидимому, появляется на мѣстѣ древняго нн: * плямядница, откуда здѣшнее племяденка 170.

Околенку 327 указываетъ на диссимиляцію звуковъ нн.

На мѣстѣ бм—мм: оммылось 74 и подобн.; вв на мѣстѣ бв: овваживать 249; на мѣстѣ бн—мн: надомно 149; на мѣстѣ мн—вн: вного 51, 210, вногіе 52; на мѣстѣ чн—сн: Путятисьну 47, Микулисна 116.

Щ на мѣстѣ тч, ч въ окончаніяхъ прилагательныхъ: круписьчатой 74, крупищатой 187, кирпищаты 65 и др., (ср. кирпичатой 321), ременщатъ 50, 137, ремещатъ 327, 346.

Мѣстоименіе что звучитъ: що 223, шчо 222, чо 111, чё 383, штё-бы (чтобы) 143, што 289, 351.

Перестановка согласныхъ: гнилкою 126.

Твердость согласныхъ: конечнаго губного: церковъ 51, кровъ 60, карабъ 53, два голуба 99, голубовъ 99; твердость р: товарыщи 67 и др. (часто въ разныхъ формахъ этого слова), прычиненъ 204, попрыща 206, заскрыпѣли 217, крыку 288, крычитъ 324; другіе случаи: воскресэнская 50, сэрцо 289 и др., середъ лѣта 153 (также относится къ «середь», какъ «задъ» къ «задь»), передѣ (впередѣ) 340, попозадѣ 340, Владыміра 289, водыця 290, сыза бобра 295, Давыдъ 309, зори утренны 309, осённою ночью 345, княгина (часто), государына 344.

Мягкость согласныхъ: обрюшился (обрушился) 128, 159; лёжился 43 (мягкость изъ: «лягу», «ляжешь»); борь-

цами, борьцовъ 267; руська 56, морьска вода 210, Подобьскую 242; стольнёй 53, колокольняго 53 и др. подобн.; тольке 62, Вольгя 331, церквю 342, сильніе богатыри 294, карабельнюю 296, вольнёй 310, больня 327; назадь 340.

Въ Пустозерской волости смягчаются сочетанія ка, ко, ку, ху послѣ мягкой согласной: дорожинькя 352, сколькё 292, Васинькю 301, хорошинькёй 297, десяточкёмъ 315, звѣркёмъ 328 (чит.: звѣрькёмъ), березонькёй 326, черькёвъ 364, горькяя 369, церкёвныя 345 (чит.: церькёвныя), прекраснинькёму 366, маленькёго 366 и т. п.; даже: Потанюшкя 354; верхю 361 (чит.: верьхю), верхь-ётъ 400 (чит.: верьхь-отъ), верхёвишша 310 (читайте: верьхёвишша).

Вставка и пропускъ звуковъ. 1. Часто приставляется j; во Ястрахани 151, на юходъ 36, не ёгленетце 39 и мн. др., ету 91, екой 112;

в вмѣсто отпавшаго г: восударына 69, восударевой 207, восударевомъ 59, Восподу́-Богу 198; въ срединѣ слова между гласными: каравульныя 71.

Этамъ (тамъ) 298; карабель 296, мысель 290, казенью 371, ледина 274; здря 20, заздри́лъ 341, здрилъ 354, во о́грobы 327, въ долину 308, по́ндравились 194, строку 194; конинную 341; сохраненіе старой группы: обвѣщалися (обѣщалися) 80, откуда: овѣщайся 279, оввозами 288 (съ ассимиляціей).

Полногласіе: околъ черева 57.

2. Отпаденіе и выпаденіе: ужли 355, Сусъ Христосъ 355, ны (оны) 398; в въ началѣ словъ: здорожали 50, ставалъ 53, сё (все) 89 и др. подобн.; другіе случаи: нынь (часто), почесенъ пиръ 60, овернула туромъ 101; нецё (ничего) 89, не́чо 302, отшанула (отшатнула) 387; кось 289, кресъ 41, ѣсъ 288, чесью, радосью 296, супружесво 293 и др. подобн., здраствуй 299, сонцо 310, расгилатися 327, 351, вѣшво (вѣжество) 332 вѣска (вѣстка) 371.

Удареніе; дадите́ 80, сидите́ 23, пере́копы 291, пере́скочу 291, пере́несу 291.

Склоненіе существительныхъ. Обращаютъ на себя вниманіе формы: изъ корени 350, пламё 106, времё 205; бладенеця 323, мёда 348, ото сну 325, удару род. п. 347; родит. пад. на мѣстѣ дател.-предл.: ко стрѣлы 75, мужъ жены даватъ 100, по силы 133, во первой вины 126 и др.

т. п.; на конь сяли 315, на камню 303; не въ любѣ 334, къ матерѣ 395; на Василiѣ 353; лѣсы 83; веселышка 305, бояришка 323, ручища, ножища 89 и т. п. правильно по среднему роду; дружьей - товáрищевъ 57, друговъ 300, мѣсецей 98, купцей 102, отцей 192; ногамъ (ногами) цяститъ 121: хвастатъ кони добрыма 114, помѣнелись злачны персни 251; богатырьми 138, съ гусьми, съ лебедьми 149, плецьми, глазьми 316, буевыма палицьми 181, своима рукамы 221; вмѣстяхъ 193; вочью, позавóчью 292; слезовъ 310.

Собирательныя формы въ значенiи множеств. числа: увидѣли каменьё превысокiя 56, сырыя тутъ дубье расшаталися 226—единственнаго числа: сыроё-то дубьё расшаталосе, сухоё-то пеньё поломалосе 288, прутьё, лисьё серебреное 327, прутьёмъ, лисьёмъ по земли да растилатися 327, не нашли то луды, нынь не кáменья 360.

Прилагательныя: на конюшенъ дворъ 112, добра коня 34, добру коню 34; имен. ед. на ой, ей: удалой 287, турей 74 и т. п.; родител. падежъ на ого, аго: лютого 35, змѣиного 35, виноватого 35, сердечного 35, добраго 75, ходячаго 75, средняго 52 и подоб.; рядомъ на ово, ова: турецково 212, сладкова 74; по смѣшенiю окончанiй съ согласными г и в получилось: бѣлоярого 190 вм. бѣлоярово, Светогорого 332 вм. Светогорово; отъ земли отъ невѣрные 190, ноги правыя 241; дружинушку хороброю 386, отъ великою хмелинки 392; кошочки подводноей 51, сбруи лошадиноей 74, къ заставѣ великоей 84, кобылой водовозноей 101 и др. подобн. формы на оей вм. ей;

именит.-винит. множ. на ыя, ыи, ые: столики дубовыя 253, голи кабацкiя 257, двери подвальнiя 258, сходенки дубовыя 266, якоря карабельнiя 266, уста сахарныи 276, перины пуховыи 276, очи ясныи 278, горы высокiи 281, степи Сарочинскiи 281, моря синiи 281, сады зеленыи 282, могучiе плеца 267, сапожки софьянные 277, и мн. др. т. п.; сильни заставы 223, сильни богатыри 340, людей робочiихъ 53, ко теремамъ высокiемъ 322, горючими слезми 358 часто формы творитель наго множественнаго на има; съ новыма городами 97, многима народами 112 и т. п., съ хорошимя людьми 397, купець богатыя 50, отецъ духовныя 50, король литовскiй 169 и подоб.

Христовому 302, Скопинова матушка 322, государевому 366, войскому 273.

Стяженныя формы: во ножны, во ручны (желѣза), во заплечныи 351, харчево и годово, нашо денежно (жалованье) 400.

Сравнительная степь на яе: чудняе 275.

Склоненіе мѣстоименій и числительныхъ представляетъ нѣсколько замѣчательнѣхъ особенностей: у мня 48, у тя 48, у ся 90; тѣ (тебѣ) 91, сѣ (себѣ) 261, минѣ (мнѣ) 103; её род. п. 49, ей (её) 68, собя 250, ю вин. п. 136, нѣтъ ею краше 115 (здѣсь вин. п. вмѣсто родительнаго); кимъ 97, чимъ 114, затимъ 79; этѣ 220, 223, этоя 178, ты бояра 115, ти монастыри 80, тихъ 102, вси стороны 87; съ имá 91, со всимá 188, сумками своимя 203; не пропей своя (своего) разума 163, мою (моему) горюшку 184; обѣма рукми 74; трюхъ саженъ 134; третьей прутикъ 248, третьёе 261. Полтретьяста 363. Стяженіе въ: тако 194, котора 225. Мнѣ-кова 313, мнѣ-ка-ва 320, 347.

Глаголы. Замѣчательны формы: берекчи, стерекчи 140; искати 282; лежилса 341, легёшь (ляжешь) 56, сѣкётъ 337; увидялъ 161; чтитъ (читаетъ) 345, сочтятъ 212; подьте-ко 220, положтетко 357; сидячи 113; отрехнувше 281; чѣлоивалъ (цѣловывалъ) 219, выплюиватъ 335; сяли (сѣли) 315; сѣду (сяду) 334; нагонилъ 339.

Часто стяженіе гласныхъ: знашь 72, имѣшь 57, шататъ 53, сдѣламъ 51 и т. п.

Возвратн. залогъ на ся, се, са, сэ: иматисе 83, сошолса 89, оправитсэ 92 и подоб.

Сохранились старыя сложныя формы прошедшаго времени: Да е винныя цяры да мнѣ доносили 48, прошло е 98, видѣли э, е 105, было ё 181 и др. подобн.; Онъ тащилъ его бы скоро вонъ на улицу, Онъ вытаскивалъ бы скоро на круто крыльцо 132 и подобн. Это бы проникло и въ формы настоящаго времени: Какъ становятъ бы нонь скоро дубовой столъ, Какъ на столъ бы носятъ всяки кушанья 135 и т. п.

Формы совершеннаго вида въ значеніи продолженнаго дѣйствія: купилъ 304, откинётъ 325, скажотъ 365 и др. т. п.

Членъ имѣетъ формы: отъ (пиръ-отъ 52, столъ-отъ 52 и т. п.), та, ту (княгину-ту 46), то (жилъ-то 58, говоритъ-то 58 и т. п.), ты (столы-ты 113), ти (болота-ти 170, ворота-ти 182), тѣ (всѣ-тѣ сходенки дубовыя 296).

Родъ. Много случаевъ, когда сказуемое прошедшаго времени стоитъ при подлежащемъ женскаго рода: корова задавилосе 96, собака волочилосе 96, смерть случилосе 99, 132, 192, накатилосе вдругъ тутъ туча темная, навалилося бы тутъ орда невѣрная 136, старушка раскачалосе 160, Марина спугалосе 194, княгина разгорѣлосе 200 и др. подобн.

Въ первыхъ друхъ примѣрахъ средній родъ объяснить нетрудно: «корова», «собака» подмѣнили старыя «коровище», «собачище». Въ другихъ примѣрахъ это объясненіе не примѣнимо.

Согласованіе въ родѣ по формѣ: Зоветъ тогда слуга вѣрная... Соловей на то ей (т. е., слугѣ) отвѣтъ держалъ 87, калика пошла 90 и т. п.

Особыя слова или образованія: ко стремени лошадиноей 85, другой ступень 146, бѣлой куропать 278, ужъ сварили они ужину 217, пшану 290 и мн. др., харчу хлѣбного 314, числа смѣту нѣтъ 340, дитё будетъ намъ не кормилицо 80, лучишко подорожноё 81.

Пусть не дёржитъ Василей всё сто рублей 300.

Число. При словахъ «народъ», «дружина» сказуемое во множест. числѣ: народъ остановилисе 149, народъ не гледятъ 150, пошли-то дружина на черленъ карапь 357.

Употребленіе падежей представляетъ слѣдующія отличія: 1) форма именит. въ оборотахъ, какъ пить цяра 34, кровавить сабля 82 и др. подоб.; ты намъ больше не надобно 67, мнѣ не надо твоя золота казна, мнѣ не надо твои люди робочіе 53; 2) винит.: при мимо: мимо княгину 220; вмѣсто соплеталисе 180 и др.; дань не плачивалъ 362. 3) родител. множ. числа при предлогѣ по: закопать молодца по грудей въ землю 197, нога по колѣнъ бѣла 108, по локотъ *) 100 (срав. сорока локотъ 117), отсѣкъ по плечъ голову 293); родит.: княгину-ту дарилъ да хрущатой камки 46, я радъ службы служить, службы служить, да головы сложить 296, пиръ о полупира, столъ о полустола 307, есь-ле борцовъ поборотисе 307, цего видѣли 344.

Особыя слова: ле (ли) 36, 48, 288 (въ началѣ фразы ле—ле) и мн. др., але (али) 65, 114, 220 и др. (сравн. такой

*) Изъ подобныхъ формъ, можетъ быть, произошло и наше: покамѣстъ въ которомъ ка изъ вин. падежа.

же союзъ въ славянскихъ языкахъ: болгарскомъ, чешскомъ, словацкомъ), есле 183, оже 164, ожъ 65, 69 и др., коло (около) 158, 167, ту 29, 30, до вмѣсто къ: веземъ ее до князя Владимера 191, долонь 307, щанъ (чанъ) 347, дочи (дочь) 193, вопрыща (вепря) 165, любы: перстянки эти ему въ любы придутъ (понравятся) 125, кура 47, куря 48, трупьё (трупъ) 49, жéребы (жеребья) 361, на радощахъ 374, одинакого (одинокого) 374; перстянки 125, перстяночки 124, перщаточка 152, рота 399, свободой 247 (слободой), баривался 120, волховать 159, книгу волховную 159, порозного 261, мотри (смотри) 149, робити 214, сробити 214.

На Волхову-рѣку 349, изъ Волховой-рѣки 350.

В. Чернышевъ.

А. СТАРИНЫ УСТЬЦЫЛЕМСКОЙ ВОЛОСТИ.

(А. СЕЛЕНІЯ ПО РѢКѢ ПИЖМѢ).

I. ДЕРЕВНЯ ЧУРКИНА.

I. Ѳедосья Емельяновна Чуркина.

Это 55 лѣтняя, высокая, здоровая, со слѣдами былой красоты женщина, хозяйка самаго зажиточнаго дома въ деревушкѣ въ десятокъ домовъ. Родомъ Ѳеодосья Емельяновна изъ деревни Аврамовской, на Пижмѣ-же, гдѣ жилъ до послѣдняго времени ея родной дядя—Василій Авраамовичъ Чупрòвъ, попросту Вася Малый, отъ котораго Ѳ. Е. и „поняла" старины. Знала она старины очень хорошо и знала ихъ много, но въ послѣднія 10—15 лѣтъ за недосугомъ—у ней большое хозяйство и полонъ домъ народа—начала забывать. Однако и теперь я долженъ ее поставить въ рядъ лучшихъ сказателей, слышанныхъ мною на Печорѣ. Ѳ. Е. грамотна, читаетъ священныя книги и потому въ ея былинахъ попадаются часто книжныя обороты, а въ ея рѣчи вообще не такъ много мѣстнаго элемента, она приближается къ книжной. Чýркина чрезвычайно дѣятельна по хозяйству,—ни одну минуту она не сидитъ безъ дѣла, а если можно дѣлаетъ два-три вразъ. Обладая яснымъ умомъ, она сейчасъ-же поняла и повѣрила—зачѣмъ мнѣ ея старины, но и тотчасъ же постаралась извлечь изъ этого возможно больше пользы: всю жизнь безъ передышки пріобрѣтать въ домъ — ея идеалъ, въ проведеніи котораго она иногда показываетъ себя не-

симпатичной. Отвергнувъ, какъ совершенно вздорное, предостереженіе сосѣдокъ, что „какъ-бы отъ пѣнія ею старины не было худа“, Ѳ. Е. безпокоилась только о томъ сначала—заплачено-ли будетъ ей за труды. Моихъ увѣреній, что трудъ будетъ оплаченъ, показалось мало, и во время пѣнія первой старины она раза четыре останавливалась и говорила: „Вотъ я пою, пою, а будетъ-ли толкъ какой мнѣ?—„Будетъ, будетъ, Ѳ. Е., успокою я ее, пойте только“. Она успокоится, а черезъ полчаса опять: „Да ты дашъ-ле мнѣ што? Не даромъ-ле я убиваюсь?“ Пришлось предложить плату впередъ и установить таксу за каждую спѣтую былину, при чемъ я попросилъ, чтобы плату назначила она сама,—интересно было, какъ дорого оцѣнитъ свой трудъ эта, совсѣмъ въ видѣ исключенія встрѣтившаяся старинщица. Плата, къ моему удивленію, назначена была совсѣмъ грошовая. Когда деньги очутились въ рукахъ Ѳ. Е. успокоилась и безъ остановокъ уже пѣла мнѣ, въ тоже время прядя шерсть и няньчась съ ребенкомъ, отъ чего было, конечно, и ей, и мнѣ не мало помѣхи. Знаетъ Ѳ. Е. старины кромѣ записанныхъ мною у ней: женитьбу Владиміра (Дунай), „Маево“ побоище, сорокъ каликъ, Данила Староильевича, князя Долгорукова; знаетъ разсказомъ также „разговоръ птицъ“, который прежде пѣла съ тетрадки, теперь затерявшейся. Старины № 1 и 3 Ѳ. Е. хорошо знаетъ и спѣла прекрасно, про Скопина знаетъ уже хуже; при пѣніи этой старины она часто плакала, невольно сравнивая Скопина съ роднымъ своимъ, самымъ младшимъ сыномъ, служащимъ въ солдатахъ въ Петербургѣ. Въ старинахъ про Ваську Игнатьева и про Илью Муромца въ опалѣ, Ѳ. Е. много, мнѣ кажется, прибавляла отъ себя, по кр. м. передавала своими словами то, что не знала, какъ поется.

1.

Застава Богатырская.

(Илья Муромецъ и Сокольникъ).

Кабы жили на зáставы богáтыри,
Недалёко отъ города—за двѣнадцеть верстъ,
Кабы жили они да тутъ петнаццеть лѣтъ;
Кабы трицсеть-то ихъ было да со богатырёмъ;
Не видали не конного, не пѣшого,
Не прохожого они тутъ, не проѣжжого,
Да не сѣрой тутъ волкъ не прорыскивалъ,
Не ясенъ соколъ не пролётывалъ,
Да не руськой богатырь не проѣжживалъ.
Кабы трицсеть-то было богатырей со богатырёмъ:
Атаманомъ-то—старъ-казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромець да сынъ Ивановичъ,
Подутóманьёмъ Самсонъ да Колыбановичъ,
Да Добрыня-то Микитичъ жилъ во писаряхъ,
Да Олеша-то Поповичъ жилъ во поварахъ,
Да и Мишка Торопáнишко жилъ во конюхахъ;
Да и жилъ тутъ Василей сынъ Буслаевичъ,
Да и жилъ тутъ Васинька Игнатьевичъ,
Да и жилъ тутъ Дюкъ да сынъ Степановичъ,
Да и жилъ тутъ Пермя́ да сынъ Васильевичъ,
Да и жилъ Родивонъ да Превысóкіе,
Да и жилъ тутъ Микита да Прешырокіе,
Да и жилъ тутъ Потанюшка Хроминькой,
Затѣмъ Пóтыкъ-Михайло сынъ Ивановичъ,
Затѣмъ жилъ тутъ Дунай да сынъ Ивановичъ,
Да и былъ тутъ Чурило блады Пленковичъ,

Да и былъ тутъ Скопинъ сынъ Ивановичъ,
Тутъ и жили два брата два родимые,
Да Лука, да Матвѣй дѣти Петровыя.... *)
На зацинѣ-то было свѣтла деницька,
На зори-то тутъ было да ноньце на утренной,
На восходѣ-то было да красна солнышка,
Тутъ става́ётъ старо́й да Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ ста́ваётъ да сынъ Ивановицъ,
Умываетсе онъ да клюцевой водой,
Утираетсе онъ да бѣлымъ полотномъ,
А става́ётъ да онъ нонь передъ Господомъ,
А молитсе онъ да Господу-Богу,
А крестъ-отъ кладётъ да по писа́нному,
А поклонъ-отъ ведётъ да какъ вѣдь водитсе,
А молитву творитъ полну Исусову,
Самъ надёрнулъ сапожки да на босу-ногу,
Да и куныю шубейку да на одно плецё,
Да пуховъ-де колпакъ да на одно ухо.
Да и бралъ онъ нынь трубочку подзорную,
Да выходитъ старо́й да вонъ на улицу,
Да и зрѣлъ онъ, смотрѣлъ на вси стороны,
Да смотрѣлъ онъ подъ сторону восточную,—
Да и стоитъ-то-де нашъ тамъ стольнё-Кіевъ-градъ;
Да смотрѣлъ онъ подъ сторону подъ лѣтную,—
Да стоятъ тамъ луга да тамъ зелёныи;
Да гледѣлъ онъ подъ сторону подъ западну,—
Да стоятъ тамъ да лѣсы тёмныи;
Да смотрѣлъ онъ подъ сторону подъ сѣверну,—
Да стоятъ-то-де тамъ да ледены горы;
Да смотрѣлъ онъ подъ сторону въ полуночю,—
Да стоитъ-то-де нашо да синё морё,
Да и стоитъ-то-де нашо тамъ чисто полё,
Сорочинско-де словно наше Кули́гово;
Въ копоти-то тамъ, въ туманѣ не знай звѣрь бѣжитъ,
Не знай звѣрь тамъ бѣжитъ, не знай соколъ летитъ,
Да Буянъ-ле славной островъ тамъ шатаитсе,
Да Саратовы-ле горы да знаменуютсе,

*) Больше богатырей Θ. Е. вспомнить не могла, какъ не старалась, но сказала, что прежде помнила всѣхъ.

А богатырь-ле тамъ ѣдётъ, да потѣшаетсе:
Попереди-то его да бѣжитъ сѣрой волкъ,
Позади-то его бѣжитъ черной вожлокъ,
На правомъ-то плецѣ знать воробей сидитъ,
На лѣвомъ-то плецѣ да знать бѣлой кречетъ,
Во лѣвой-то рукѣ да держитъ тугой лукъ,
Во правой-то рукѣ стрѣлу калёную,
Да калёную стрѣлочку, перёную,
Не того-же орла да сизокрылого,
Да того-же орла да сизокамьского,
Не того-же орла, которой на дубу сидитъ,
Да того-же орла, которой на синёмъ мори,
Да гнѣздо-то онъ вьётъ да на сѣрой камень.
Да подверхъ богатырь стрѣлоцьку подстрѣливатъ,
Да и на полъ онъ стрѣлоцьку не уранивать,
На полётѣ онъ стрѣлоцьку подхватыватъ.
Подъѣждятъ онъ нынѣ ко бѣлу шатру,
Да и пишотъ нонь самъ да скору грамотку,
На правомъ-то колѣнѣ держитъ бумажецьку,
На лѣвомъ-то колѣнѣ держитъ чернильничу,
Во правой-то рукѣ да держитъ перышко,
Самъ пишотъ ерлыкъ да скору грамотку,
Да подмётывалъ ерлыкъ да скору грамотку,
Да къ тому-же шатру да къ бѣлобархатному.
Да берётъ-то старъ-казакъ Илья Муромецъ.
Да и то у него тутъ написано,
Да и то у него тутъ напецятано:
«Да и ѣду я нонь да въ стольнёй-Кіевъ-градъ,
«Я громѣть-шурмовать да въ стольнё-Кіевъ-градъ,
«Я соборны больши церквы я на дымъ спущу,
«Я царевы больши кабаки на огни сожгу,
«Я пецятны больши книги да во грези стопчу,
«Чудны образы-иконы на поплавъ воды,
«Самого я князя да въ котлѣ сварю,
«Да саму я княгину да за себя возьму».
Да заходитъ тутъ старъ тутъ во бѣлой шатёръ:
«Охъ вы ой есь вы дружинушка хоробрая!
Вы хоробрая дружина, да заговорная!
Ужъ вамъ долго-ле спать, да нынь пора ставать.
Выходилъ я, старой, вонъ на уличу,

Да и зрѣлъ я, смотрѣлъ на вси стороны,
Да смотрѣлъ я подъ сторону восточную,—
Да и стоитъ-то-де нашъ тамъ стольнё-Кіевъ-градъ...» *)
Тутъ скакали нынь всѣ руськіе богатыри,
Говоритъ-то-де старъ-казакъ Илья Муромецъ:
«Да кого-же намъ послать нынь за богатырёмъ?
Да послать намъ Самсона да Колыбанова,—
Да и тотъ вѣдь—онъ роду-то сонливого,
За неви́дъ потерятъ свою буйну голову;
Да послать намъ Дуная сына Иванова,—
Да и тотъ, онъ вѣдь роду-ту заплывчива,
За неви́дъ потерятъ свою буйну голову;
Да послать намъ Олёшиньку Поповиця,—
Да и тотъ, онъ вѣдь роду-ту хвасливого,
Потере́етъ свою буйну голову;
Да послать-то намъ вѣдь Мишку да Торопа́нишка,—
Да и тотъ, онъ вѣдь роду тороп ливого,
Потереетъ свою буйну голову;
Да послать-то намъ два брата, два родимыя,
Да Луку де, Матвѣя, дѣтей Петровицей,—
Да такого онѣ роду-то вѣдь вольнёго,
Они вольнёго роду-ту, смирёного,
Потеряютъ свои да буйны головы;
Да послать-то намъ Добрынюшку Микитиця,
Да и тотъ онъ вѣдь роду, онъ вѣдь вѣжлива,
Онъ вѣжлива роду-ту, очеслива,
Да умѣетъ со мо́лодцомъ соѣхатсе,
Да умѣетъ онъ со молодцомъ розъѣхатсе,
Да имѣетъ онъ вѣдь молодцу и честь воздать.»
Да уцюло тутъ вѣдь ухо богатырское,
Да завидѣло око да молодецькоё,
Да и сталъ тутъ Добрынюшка сряжатисе,
Да и сталъ тутъ Добрынюшка сподоблетисе;
Побѣжалъ нынь Добрыня на конюшенъ дворъ,
Да и бралъ онъ коня да всё семи чѣпей,
Да семи онъ чѣпей, да семи розьвезей,
Да и клалъ на коня да плотны-пло́тьницьки,

---

*) Разсказъ И. Муромца, что онъ видѣлъ, составляющій буквальное повтореніе предъидущаго въ 49 стихахъ (отъ стиха 50 до 99)—выпускается.

Да на плотьницьки клалъ да мякки войлоцьки,
Да на войлоцьки сѣдёлышко черкальскоё,
Да двѣнадцеть онъ вяжотъ подпругъ шолковыхъ,
Да тринадцету вяжотъ черезхребётную,
Черезъ ту-же онъ степъ да лошадиную,
Да не ради басы да молодецькоей,
Ради крѣпости вяжотъ богатырьскоей;
Тутъ онъ признялъ онъ-де шапоцьку курцявую,
Онъ простилсе со всѣми руськима богатырьми,
Да не видно поѣзки да молодецькоей,
Только видно какъ Добрыня на коня скочилъ,
На коня онъ скочилъ, да въ стремена ступилъ,
Стремена-те ступилъ, да онъ коня стегнулъ;
Хоробра была поѣздка да молодецкая,
Хороша была побѣжка лошадиная,
Во чистомъ то полѣ видно курива стоитъ,
У коня изъ ушей да дымъ столбомъ валитъ,
Да изъ глазъ у коня искры сыплютсе,
Изъ нозрей у коня пламё мѣчетсе,
Да и сива-де грива да разстилаетсе,
Да и хвостъ-то трубой да завиваетсе.
Наѣжжаётъ богатырь на чистомъ поли,
Заревѣлъ тутъ Добрыня да во первой наконъ:
«Ужъ я вѣрной богатырь дакъ нынь на пускъ держу,
Ты невѣрной богатырь дакъ поворотъ даёшь».
А и ѣдётъ тотаринъ да не ёгле́нетсе;
Заревѣлъ-то Добрынюшка во второй наконъ:
«Ужъ я вѣрной богатырь дакъ нынь на пускъ держу,
Ты невѣрной богатырь дакъ поворотъ даёшь».
А и ѣдётъ тотаринъ да не ёгленетсе;
Да и тутъ-де Добрынюшка ругатце сталъ:
«Ужъ ты гадина, ѣдёшъ, да перегадина!
Ты сорока, ты ле́тишъ, да бѣлобокая!
Да ворона ты ле́тишъ да пустопе́рая,
Пустопе́ра ворона да позагуменью!
Не воротишь на заставу каравульнюю,
Ты ужъ насъ молодцовъ видно нечѣмъ считашь?..»
А и тутъ-де тотаринъ да поворотъ даётъ,
Да снималъ онъ Добрыньку да со добра коня,
Да и далъ онъ на ж... по отя́пышу,

Да прибавилъ на ж . . . по аля́бышу,
Посадилъ онъ назадъ его на добра коня:
«Да поѣдь ты, скажи стару казаку,—
«Кабы што-де старой тобой замѣняетсе?
«Самому ему со мной ище дѣлать нечево».
Да поѣхалъ Добрыня да одва живъ сидитъ,
Тутъ ѣдётъ Добрынюшка Никитьевичъ,
Да къ тому-же къ своему да ко бѣлу шатру,
Да встрѣце́етъ его да ныньце старъ-казакъ,
Кабы старъ-де казакъ да Илья Муромицъ:
«Охъ ты ой еси Добрынюшка Никитиць бладъ!
Ужъ ты што-же ты ѣдёшъ не по старому?
Не по старому ты ѣдёшъ, да не по прежному?
Повеся́ ты доржишъ да буйну голову,
Потопя́ ты дёржишъ да очи ясныи».
Говоритъ-то Добрынюшка Никитиць бладъ:
— Наѣжжалъ я тотарина на чистомъ поли,
Зарѣвѣлъ я ему да ровно два роза,
Да и ѣдётъ тотаринъ, да не ёгленется;
Кабы тутъ-де-ка я ровно ругатсе сталъ,
Да и тутъ-де тотаринъ да поворотъ даётъ,
Да сымалъ онъ меня да со добра коня,
Да и далъ онъ на ж . . . да по отя́пышу,
Да прибавилъ онъ еще онъ по аля́бышу,
Да и самъ онъ говоритъ да таковы рѣци:
«Да и што-де старой тобой замѣняетсе?
«Самому ему со мной да дѣлать нечего!»—
Да и тутъ-де старому да за бѣду стало,
За великую досаду да показалосе,
Могуци его плеця да расходилисе,
Ретиво его сердцё разгорѣцилосе,
Кабы ровно-неровно—бутто въ котли кипитъ.
«Охъ вы ой еси руськіе богатыри!
Вы сѣдлайте, уздайте да коня доброго,
Вы кладите всю сбруню да лошадинную,
Вы кладите всю приправу да богатырьскую».
Тутъ сѣдлали-уздали да коня доброго,
Да не видно поѣздки да молодецькоей,
Только видно какъ старой нынь на коня скочилъ,
На коня онъ скочилъ, да въ стремена ступилъ,

Да и прижнялъ онъ свой да нонь пуховъ колпакъ:
«Вы прощайте дружинушка хоробрая!
Не успѣете вы да штей котла сварить,—
Привезу голову̀ да молодецькую».
Во чистомъ поли, видно, курива стоитъ,
У коня изъ ушей да дымъ столбомъ валитъ,
Да изъ глазъ у коня искры сыплютсе,
Изъ нозрей у коня пламё мечетсе,
Да и сива де грива да ростилаетсе,
Да и хвостъ-отъ трубой да завиваетсе.
Наѣжжаётъ татарина на чистомъ поли,
Отъ того-же отъ города отъ Кіева,
Да и столько де мѣста—да за три по́прища,
Заревѣлъ тутъ старой да во первой наконъ:
«Ужъ я вѣрной богатырь, дакъ я на пускъ держу,
Ты не вѣрной богатырь дакъ поворотъ даёшъ.»
А и ѣдётъ тотаринъ да не ёгленетсе;
Да и тутъ старой заревѣлъ во второй наконъ:
«Ужъ я вѣрной богатырь дакъ я на пускъ держу,
Ты не вѣрной богатырь дакъ поворотъ даёшъ».
Да и тутъ-де тотаринъ да не огленетсе;
Да и тутъ-де старой кабы ругатсе сталъ:
«Ужъ ты гадина, ѣдёшъ, да перегадина!
Ты сорока ты ле́тишъ, да бѣлобокая!
Ты ворона ты ле́тишъ да пустоперая!
Пустопера ворона да по загуменью,
Не воротишъ на заставу каравульную,
Ты ужъ насъ молодцовъ видно нечѣмъ считашъ».
Кабы тутъ-де тотаринъ поворотъ даётъ,
Отпустилъ тотаринъ да нынь сѣра волка,
Отпустилъ-то тотаринъ да черна вожлока,
Да съ права онъ плеця да онъ воробышка,
Да съ лѣва-то плеця да бѣла кречета.
«Побѣжите, полетите вы нынь проць отъ меня,
Вы ищите сибѣ хозяйна поласкове,
Со старымъ намъ съѣждяться да намъ не брататьсе,
Со старымъ намъ съѣжжатця—дакъ чья Божья помочь».
Вотъ не двѣ горы вмѣсто да столканулисе,
Два богатыря вмѣсто да тутъ соѣхались,
Да хватали они сабелки нынь вострыи,

Да и сѣклись, рубились да чѣлы сутоцьки,
Да не ранились они, да не кровавились,
Вострыя сабельки ихъ да изломалисе,
Изломалисе сабельки, исщербилисе;
Да бросили тотъ бой да на сыру землю,
Да хватали-то палицы боёвыя,
Колотились, дрались да чѣлы суточки,
Да не ранились они, да не кровавились,
Да боёвыя палицы загорѣлисе,
Загорѣлисе палицы распоѐлисе;
Да бросали тотъ бой на сыру землю,
Да хватали копейця да бурзомецькіи,
Да и тыкались, кололись да чѣлы сутоцьки,
Да не ранились они, да не кровавились,
По насадкѣ копѣйця да изломалисе,
Изломалисе они, да извихнулисе;
Да бросили тотъ бой да на сыру землю,
Да скакали они нонь да со добрыхъ коней,
Да хватались они на рукопашецьку.
По старо́му по безчесью да по великому,
Подоспѣло его слово похвальнёё,
Да лѣва его нога да окольздилосе,
А права-то нога и подломилосе,
Да и падалъ старой тутъ на сыру землю,
Да и ровно-неровно бутто сырой дубъ,
Да заскакивалъ сокольникъ на бѣлы груди,
Да и розорвалъ лату да онъ булатную,
Да и вытащилъ чинжалище, укладенъ ножъ.
Да и хочетъ пороть да груди бѣлыя,
Да и хочетъ смотрѣть да ретиво серцё.
Кабы тутъ-де старой да нынь расплакалса:
«Охъ ты ой есть Пресвята Мать Богородиця!
Ты пошто этта меня ныньце повыдала?
Я за вѣру стоялъ да Христовую,
Я за церквы стоялъ да за соборныя».
Вдругъ не вѣтру полоска да перепахнула,—
Вдвое-втро́е у старого да силы прибыло,
Да свиснулъ онъ сокольника со бѣлыхъ грудей,
Да заскакивалъ ему да на черны груди,
Да и розорвалъ лату да всё булатную,

Да и вытащилъ чинжалище, укладенъ ножъ,
Да и ткнулъ онъ ему до во черны груди,—
Да въ плечи-то рука и застояласе;
Тутъ и сталъ-де старой ныньце выспрашивать:
«Да какой ты удалой да доброй молодецъ?»
У поганаго сердцо-то заплывчиво:
— Да когды я у те былъ да на бѣлыхъ грудяхъ,
Я не спрашивалъ не роду тя, не племени.—
Да и ткнулъ старой да во второй наконъ,—
Да въ локти-то рука да застоялосе;
Да и сталъ-де старой да опеть спрашивать:
«Да какой-ты удалой да доброй молодецъ?»
Говоритъ-то сокольникъ да таковы рѣци:
«Да когда я у те былъ на бѣлыхъ грудяхъ,
Я не спрашивалъ не роду тя, не племени,
Ты ище сталъ роды у мня выспрашивать.—
Кабы тутъ-де старому да за бѣду стало,
За великую досаду да показалосе,
Да и ткнулъ старой да во третей наконъ,—
Въ завѣди-то рука да застояласе,
Да и сталъ-то старой тутъ выспрашивать:
«Ой ты ой еси удалой доброй молодецъ!
Да скажись ты мнѣ ноньце пожалуйста:
Да какой-ты земли, какой вотчины?
Да какого ты моря, коя города?
Да какого ты роду, коя племени?
Да и какъ тя молодцаименёмъ зовутъ?
Да и какъ прозываютъ по отечестви?»
Говоритъ-то сокольникъ да таковы рѣци:
— Отъ того-же я отъ камешка отъ Латыря,
Да отъ той-же я дѣвченки да златыгорки,
Она зла полениця да преудалая,
Да сама она была ище одноокая.—
Да скакалъ-то старой нонь на рѣзвы ноги,
Прижималъ онъ его да ко бѣлой груди,
Ко бѣлой де груди, да къ ретиву серцю,
Цѣловалъ его въ уста да нынь сахарныи:
«Уже ты чадо-ле, чадо да моё милоё!
Ты дитя-ле моё, дитя моё сердецьноё!
Да съѣзжались съ твоей да мы вѣдь матерью,

Да на томъ-же мы вѣдь на чистомъ поли,
Да и сила на силу прилучилосе,
Да не ранились мы, да не кровавились,
Сотворили мы съ ей любовь тѣлесную,
Да тѣлесную любовь, да мы сердечную,
Да и тутъ мы вѣдь, чадо, тебя прижили;
Да поѣдь ты нынь къ своей матери,
Привези ей ты нынь въ Стольно-Кіевъ-градъ,
Да и будешъ у меня ты первой богатырь,
Да не будётъ тебѣ у насъ поединщиковъ».
Да и тутъ молодцы нынь разъѣхались,
Да и ѣдётъ сокольникъ ко свою двору,
Ко свою двору, къ высоку терему,
Да встрѣцятъ его матушка родимая.
«Ужъ ты цядо-ле, цядо мое милоё!
Ужъ дитя ты моё, дитя сердечнёё!
Ужъ ты штоже нынь ѣдешъ да не постарому?
Да и конь-то бѣжитъ не по прежному?
Повеся ты доржишъ да буйну голову,
Потопя ты доржишъ да оци ясныя,
Потопя ты ихъ дёржишъ да въ мать сыру землю».
Говоритъ-то сокольникъ да таковы рѣци:
— Ужъ я былъ-же нынь-ныньце да во чистомъ поли,
Ужъ я видѣлъ стару коровушку Бaзыкову,
Онъ тебя зовётъ блядкой, меня выбледкомъ».
Говоритъ-то старуха да таковы рѣци:
«Не пустымъ-де старой да похваляетсе,—
Да съѣжжались мы съ имъ да на чистомъ поли,
Да и сила на силу прилучилосе,
Да не ранились мы да некровавились,
Сотворили мы съ имъ любовь тѣлесную,
Да тѣлесную любовь, да мы сердечную,
Да и тутъ мы вѣдь, цядо, тебя прижили».
А и тутъ-де сокольнику за бѣду стало,
За великую досаду показалосе,
Да хваталъ онъ матушку за черны кудри,
Да и вызнялъ онъ ей выше могуцихъ плець,
Опустилъ онъ ей да о кирпищатъ полъ,
Да и тутъ-де старухѣ да смерть случилосе.
У поганого серьцё-то заплывциво,

Да заплывциво серьцё-то, разрывциво,
Да подумамъ онъ думу да промежду собой,
Да сказалъ онъ нынь слово да ныньце самъ сибѣ:
«Да убилъ я топеря да родну матушку,
Да убъю я, поѣду, да стара-казака,
Онъ спить нынь съ устатку да нонь съ великого».
Да поѣхалъ сокольникъ въ стольнё-Кіевъ-градъ,
Непиваючись онъ, да неѣдаючись,
Не сыпалъ-де онъ нынеце плотного сну,
Да розорвана лата да нынь булатная,
Да цвѣтно его платьё да всё истрёпано.
Приворачивалъ онъ на заставу каравульнюю,
Некого тутъ на заставы не случилосе,
Не случилосе-де нынь, не пригодилосе,
Да и спитъ-то одинъ старой во бѣломъ шатру,
Да храпитъ-то старой, какъ порогъ шумитъ;
Да соскакивалъ сокольникъ да со добра коня,
Да заскакивалъ сакольникъ да нынь во бѣлъ-шатёръ,
Да хваталъ онъ копейцё да бурзомецькое,
Да и ткнулъ онъ старому да во бѣлы груди;
По старому-то по счастью да по великому,
Пригодилсе-ле тутъ да золотъ-чу́денъ-крестъ,—
По насадки копейцо да извихнулосе;
Да и тутъ-де старой да пробужаитсе,
Отъ великаго сну да просыпаитсе,
Да скакалъ-де старой тутъ на рѣзвы ноги,
Да хваталъ онъ сокольника за черны кудри,
Да и вызнялъ его выше могуцихъ плець,
Опустилъ онъ его да о кирпищатъ полъ,
Да и тутъ-де сокольнику смерть случилосе;
Да и вытащилъ старой его вонъ на улицу,
Да и руки и ноги его онъ оторвалъ,
Розсвисталъ онъ его да почисту полю,
Да и тулово свезалъ да ко добру коню,
Да сорокамъ,-воронамъ да на расклёваньё,
Да сѣрымъ-де волкамъ да на ростáрзаньё.

2.

Илья Муромецъ въ опалѣ *)

Подарилъ-то де солнышко Владимеръ-князь,
Какъ тому-же Ильѣ да стару-казаку,
А дарилъ ему шубейку о петьсотъ рублей,
Говорилъ-ту-де тутъ да ныньце старъ-казакъ:
«А не мнѣ были подароцьки направлены,
А направлены Дуна́ю сыну Ивановичу, **)
А минѣ видно-де ныньце да пригодилисе».
Ужъ услышели тутъ думныя бояра нынь,
Они писали ерлыки да скоры грамоты,
Доносили князю они Владимеру:
«А обхулилъ твои да старъ подароцьки,
Говорилъ будто старъ-казакъ Илья Муромецъ:
«Ужъ я цё, думаю, мнѣ князь дарить станётъ,
«Онъ и шубку даритъ мнѣ, будто у мня шубокъ нѣтъ».
Тутъ призвалъ нынь солнышко Владимеръ князь,
Какъ тово-же вѣдь нынь да стара-казака,
Кабы тутъ-де-ка старъ да на опо́ръ пошолъ,
Кабы думныхъ бояръ да приказалъ притти,
Они сложились троима да всѣ отвѣтили:
«Говорилъ-то-де это еще старъ-казакъ,
Онъ вполнѣ говорилъ, да всѣ мы слышели».
Говоритъ-то тутъ старъ-казакъ Илья Муромецъ:
— Говорилъ-же то я да не совсѣмъ-же такъ,
Они ложно доносятъ показаньё-то,
Они съ клятвой на стара́ да пригибаютъ-же.
Охъ ты ой еси солнышко Владимеръ-князь!
Говорилъ-то вѣдь я да промежу собой:

---

*) Эту старину Ѳ. Чуркина помнила очень плохо, только въ общихъ чертахъ, и только на усиленную мою просьбу согласилась ее пропѣть, при чемъ, когда пѣла, часто путалась и останавливалась, чтобы припомнить. При сравненіи этой старины съ предъидущей и послѣдующей разница въ обработкѣ содержанія видна сразу. По всему видно было, что старина припоминалась во время пѣнія, а не передавалось слышанное и усвоенное ранѣе. Н. О.

**) Старина эта, говорила мнѣ Ѳ. Ч. пѣлась стариками непосредственно послѣ старины о женитьбѣ Дуная. Послѣ смерти Дуная Ильѣ М. досталась его шуба, изъ-за которой все и началось. Н. О.

«А не мнѣ были подароцьки направлены,
«А направлены Дунаю сыну Иванову,
«Уже мнѣ, молодцу, видно пригодилисе».—
Нечему тутъ Владимеръ-князь не варуётъ:
«Послѣ дѣла-то вѣдь всякъ-же отпираетца».
Онъ позволилъ ископать ныньце глубокъ погребъ,
Засадилъ-ту-де стара ныньце казака.
Тутъ вѣдь ныньце богатыри прогнѣвилисе,
Говорятъ тутъ вси руськiи богатыри:
«Засадишь ты нынь нашего предводителя,
Мы ужъ всѣ нынь розойдёмся и розъѣдемся,
У тя пусто станетъ стоеть стольно-Кiевъ-градъ».
Говоритъ-ту ему тутъ молода жона,
Кабы та-же княгина да мать Апраксiя:
«Охъ ты ой еси солнышко Владимеръ-князь!
На кого-же ты вѣдь нынь да понадѣешсе?
У тя думны бояра да знать измѣнщики,—
Когда не будётъ у тя надѣжды великоей,
Они тогды-же пуще измѣнятъ-же».
Нечѣму-же тутъ князь ныньце не варуётъ.
Тутъ и выскоцилъ старъ-казакъ Илья Муромецъ,
Побѣжалъ онъ по городу по Кiеву,
Забѣгалъ-же нынь онъ на царевъ кабакъ,
Онъ и выпнулъ тамъ двери всѣ подвальнiя,
Онъ тутъ выкатилъ три боцьки сороковоцьки,
Да крычалъ-де старой да зычнымъ голосомъ:
«Охъ вы ой еси да руськiи богатыри!
Ужь вы вси-же хресьяна да православныи!
Ужъ вы вси-де нынь голи да кабацкiи!
Вы тащите-ткось мни мѣру да своеруцьную,
Своеруцьную мѣру, да поварёноцькой,
Ужъ вы пейте вина да сколько хоците,
Поминайте меня да добра молодца».
Тутъ не крыкъ-ле стоитъ, да какъ не стонъ стонётъ,
Спровожаютъ тутъ удала добра молодца,
Говоритъ-то де тутъ да ныньце старъ-казакъ:
«Ужъ я могъ-бы-де не сѣсь ныньце въ глубокъ погребъ,
Ужъ я могъ-бы побѣдить да ныньце весь городъ,—
Повинуюся закону да государеву;
Я сидѣлъ прежъ безъ ногъ да ровно тридцеть лѣтъ,

Нынь опять видно минѣ да бывать Богъ судилъ».
Засадили тутъ удала добра молодца,
Какъ захлупили плитой его желѣзной-же,
Загребли его матушкой сырой землёй.
Тутъ и вси-же народъ да разъѣзжаютсе,
Разъѣзжаютсе вони, да розбѣгаютсе;
Ужъ розъѣхались вси руськи нынь богатыри,
Они прогнѣвались на князя на Владимера,
Да на думныхъ-то бояръ да толстобрюхіихъ.
Какъ-то ныньце княгина да роздумалась,
А роздумала въ уми да промежу собой,
Ископала она ныньце тайной подкопъ,
Какъ къ тому-же-ле къ старому казаку,
А снесла она ему ныньце libременщатъ стулъ,
А снесла она свѣци да воску ярова,
Да снесла она книги старопечатныи,
Забавлялся штобы да ныньце старъ-казакъ,
Штобы съ великой тоски смерть не случилосе;
А кормила-поила его тридцеть лѣтъ.
Ужъ прошло ныньце поры да это времени,
Миновало промежъ тѣмъ ищэ тридцеть лѣтъ.
Тутъ садились нынь бояра толстобрюхіе,
Какъ за ти-же за столы да за дубовыи,
Они писали ерлыки, да скору грамотку,
Посылали вси по дальніимъ сторонушкамъ,
Посылали они Ковшéю Безсмëртному:
«Нынь ужъ вси разошлись руськи богатыри,
Какъ пустой стоитъ у насъ стольно-Кіевъ-градъ,
Онъ пустой состоитъ да ныньце тридцеть лѣтъ».
Скóро скажется исторья, долгó дѣитсе,
Какъ пріѣхалъ Ковшей да во чисто полё,
Нагонилъ нынь силушки премножество:
Попереди-то его да сорокъ тысяцей,
По праву его, собаки, да сорокъ тысяцей,
По лѣву руку, собаки, да сорокъ тысяцей,
Позади его да числа-смѣту нѣтъ.
Онъ писалъ ерлыки да скору грамоту,
Выбиралъ онъ тотарина какой лучше всѣхъ,
Отсылалъ съ имъ ерлыкъ да скору грамоту.
Да цитатъ-де князь Владимеръ скору грамоту,

Говоритъ онъ своей да молодой жоны,
Какъ своей онъ супругѣ да обручальноеё:
«Охъ ты ой есь княгина да мать Апраксія!
Ты позволь мнѣ придумать думу крѣпкую:
Кабы проситъ Ковшей у меня поединщиковъ,
А кого-же намъ послать будётъ поединщикомъ?»
Говоритъ-то его да молода жона:
— На кого-же ты надѣю прежъ оставалса-же?
У тя есь думны бояра, да при сибѣ живутъ,
Ты подитко има нынь замѣнейся-же.—
Говоритъ-то тутъ князь да таковы рѣци:
«Ты не дѣльнё минѣ да говоришъ ныньце,
Ахъ ты ой есь Опросинья, да дочь Семеновна!
Молодая княгина да обручальяя,
Ты вѣдь востра баба, да всё догадлива,
Та скажи-тко, скажи мнѣ пожалуста,—
Да кого-же намъ послать намъ поединщикомъ?»
Говоритъ тутъ княгина да мать Опраксія:
— Мнѣ ночесь што-то мало спалось—много видѣлось:
Будто живъ въ погребу да сидитъ старъ-казакъ.—
Говоритъ тутъ-де солнышко Владимеръ князь:
«Кабы была при сибѣ да сабля вострая,
Я срубилъ-бы у тебя буйну голову—
Ужъ прошло ныньце время ровно триццеть лѣтъ,
Ужъ какой ныньце этамъ живой ныньце старъ-казакъ?»
Говоритъ ту княгина да мать Апраксія:
— Я не знаю къ чему да сёдни видѣлось,
Будто живъ сидитъ въ погребу будто старъ-казакъ».
Говоритъ-то-де солнышко Владимеръ князь:
«Какъ ты прежъ будто дѣльнё што-ле баяла,
А ужъ ныньце сочиняшъ таку бездѣличу:
Ужъ и много продолжалось да поры времени,
Ужъ прошло-де топере ровно тридцеть лѣтъ,
А какой ужъ ныньце живой да есь старъ-казакъ»?
Говоритъ ему княгина да мать Апраксія:
— Мнѣ вѣдь зря-то ныньце сонъ вного не видитсе,
Што приснитсе мнѣ ночью, то и сбыдетсе.
Охъ ты ой еси солнышко Владимеръ князь!
Ты некого не посылай, некому не приказывай,

Ужъ нынѣ вѣдь народъ да всё невѣрной здѣсь,
Ты изволь посмотрѣть, сходить въ глубокъ погребъ,
Онъ и взáбыль не живой-ле въ погребу сидитъ.—
Какъ на то-де нынь князь да не ётслушалса,
Онъ надёрнулъ сапожки да на босу ногу,
Онъ и кунею-де шубу да на одно плецё,
Свой пуховъ-де колпакъ да на одно ухо,
Побѣжалъ ту-де князь да скоро-нáскоро,
Ухватилъ онъ лопатоцьку жалѣзную,
Онъ раскидывалъ пески да всё макарьевски,
Отопружилъ онъ плиту да все желѣзную.
Ужъ и живъ-то сидитъ да ныньце старъ-казакъ,
Онъ и зритъ-ле, гледитъ да нынь въ гумажной лисъ,
Перемётыватъ листики ербовыя,
Закрычалъ-то тутъ-де солнышко Владимеръ князь:
«Ужъ и звыше ума цюдо состоялосе!»
Заревѣлъ тутъ и солнышко Владимеръ-князь:
«Ты изволь-ко Илья да ище Муромецъ,
Ты и вытти ныньце къ намъ на бѣлой свѣтъ,
Ты ужъ больнё большой да срокъ нынь высидѣлъ».
А сидитъ-ту старой да не огленетсе.
Побѣжалъ тутъ назадъ домой Владимеръ князь,
Онъ росказыватъ своéй да молодой жоны:
«Ужъ и зáболь-же не здря да сонъ привидѣлса,
Ищэ живъ-де сидитъ да у насъ старъ-казакъ.
Ужъ ты ой есь княгина мать Апраксія!
Ты скатайся-тко, сходи, да ты сама позови».
Побѣжала тутъ княгина да мать Апраксія,
Ужъ какъ кликнула княгина да во первой наконъ:
«Поизыть-ко, пожалуй, доброй молодецъ,
Разгони-ткось ты кручину да съ ретива серца,
Ты не ради князя да ты Владимера,
Ужъ ты ради-же вѣры да ты Христовоей,
Послужи-тко-же ты да вѣрой правоей».
Кабы тутъ-де старой да нынь выскакивалъ,
Бутто бѣлой тутъ куропать выпархивалъ;
Онъ ступилъ по земли да ныньце три ступья,
А услышалъ его да ныньце доброй конь,
Онъ и сорвалъ всѣ цѣпи да нынь желѣзныи,
Онъ розорвалъ всѣ puинки шелковыи,

Закрычалъ-де вѣдь, заржалъ да зычнымъ голосомъ,
Прибѣжалъ онъ къ Ильѣ да къ стару казаку,
Какъ Илья-то де плачётъ, конь не поддаваитсе, *)
Ужъ какъ ровно-де пули слезы катятсе.
Говоритъ-то-де тутъ да ныньче старъ-казакъ:
«Ужъ ты здраствуй-ко княгина да мать Апраксія!
Ужъ жива-ле моя сбруня да лошадиная,
Ужъ жива-ле моя приправа да богатырьская **)?..
Ухватилъ ту-де старъ-казакъ Илья Муромецъ,
Кабы ту-же нынь палицу буёвую,
Онъ свиснулъ эту палицу доброй молодець,
Улетѣла эта палица подверхъ изъ виду,
Ужъ и пала она на матушку сыру землю,
Подрожала ныньце матушка сыра земля;
Ужъ уцюли нынь всѣ руськіи богатыри:
«Ищэ есь ныньце въ Кіеви сильнёй бо́гатырь,
Подаватъ ныньце знакъ намъ добрымъ молодцамъ». ***)
— «Ужъ ты ой есь слуга нашъ да старъ-казакъ!
Извини ты пожалуй, да не прогнѣвайся,
Какъ пособитъ вамъ Богъ да Царь Небесной Свѣтъ,
Состоитъ какъ сохранно стольнё-Кіевъ-градъ,
Вы обратно опеть, да не гостите тутъ».

Дальше Ѳ. Чуркина разсказала: «Илья Муромецъ встрѣтился съ другими бога́тырями въ поле и побилъ Ковшея Безсмёртнаго. Стали послѣ этого богатыри думать—куда ныньце ѣхати? А княгина это увидѣла, прилетѣла (т. е. прибѣжала) сама за богатырьми и закланялась, зазва́ла ихъ въ Кіевъ. Богатыри посовѣтовали между собой и опять поѣхали къ князю Владимеру; тутъ они и стали снова жить».

---

*) Т. е. и конь не уступаетъ, тоже плачетъ.

**) «Тутъ слуги принесли все, что нужно», сказала Ѳ. Чуркина и запѣла дальше.

***) «Поѣхалъ Илья Муромецъ въ поле дратся съ Ковшеемъ, княгина ему и говоритъ, извиняетсе», сказала Ѳ. Чуркина и запѣла дальше.

3.

Олеша Поповичъ и сестра братьевъ Долгополыхъ.

А во стольнёмъ во городѣ во Кіевѣ,
Вотъ у ласкова князя да у Владимера,
Тутъ и было пированьё-столованьё,
Тутъ про руськихъ могуцихъ про богатырей,
Вотъ про думныхъ-то бояръ да толстобрюхіихъ,
Вотъ про дальнихъ-то купцей гостей торговыихъ,
Да про злыхъ-де полениць да преудалыихъ,
Да про всѣхъ-де хресьянъ да православныихъ,
Да про чесныхъ-де жонъ да про купеческихъ.
Кабы день-отъ у насъ идётъ ныньце ко вецеру,
Кабы солнышко катитсе ко западу,
А столы-те стоятъ у насъ полустоломъ,
Да и пиръ-отъ идётъ у насъ полупиромъ;
Кабы вси-ле на пиру да напивалисе,
Кабы вси-то на чесномъ да пьяны веселы;
Да и вси-ле на пиру нынь присхвастались,
Кабы вси-то-де тутъ да призляпались;
Какъ иной-отъ-де хвастатъ своей силою,
А иной-отъ-де хвастатъ своей смѣткою,
А иной-отъ-де хвастатъ золотой казной,
А иной-отъ-де хвастатъ чистымъ серебромъ,
А иной-отъ-де хвастатъ скатнымъ жемцюгомъ,
А иной-отъ-де домомъ, высокимъ теремомъ,
А иной-отъ-де хвастатъ нынь добрымъ конёмъ,
Ужъ какъ умной-отъ хвастатъ старой матерью,
Кабы глупой-отъ хвастатъ молодой жоной.
Кабы князь-отъ сталъ по полу похаживать,
Кабы съ ножки на ножку переступывать,
А сапогъ о сапогъ самъ поколачиватъ,
А гвоздёкъ о гвоздёкъ да самъ пощалкиватъ,
А бѣлыми-ти руками да самъ розмахиватъ,
А злачными-ти перснеми да принабрякиватъ,
А буйной головой да самъ прикачиватъ,
А жолтыми-ти кудрями да принатряхиватъ,
А ясными-ти оцями да призглядыватъ,
Тихо-смирную рѣць самъ выговариватъ;

Кабы вси-ту-де тутъ нонь прiумолкнули,
Кабы вси-ту-де тутъ нонь прiудрогнули:
«Охъ вы ой есь два брата родимыя,
Вы Лука-де Матвѣй дѣти Петровичи!
Ужъ вы што сидитé будто не веселы?
Повѣся вы держите да буйны головы,
Потопя вы дёржите да очи ясные,
Потопя вы держите да въ мать сыру землю.
Развѣ пиръ-отъ-ле для васъ да всё нечесенъ былъ?
Да поднощычки для васъ были не вѣжливы,
А не вѣжливы были, да не ёчесливы?
Ужъ какъ винны-то стоканы да не доходили,
Але пивны-то цяры да не доносили?
Золота-ле казна у васъ потратилась?
Але добры-ти кони да прiуѣжжены?»
Говорятъ два брата, два родимыи:
— Охъ ты ой еси солнышко Владимеръ князь!
Ужъ пиръ-отъ для насъ право чесенъ былъ,
А поднощычки для насъ да были вѣжливы,
Ужъ какъ вѣжливы были и очесливы,
Кабы винны стоканы да намъ доносили,
Кабы пивныя-ти цяры да къ намъ доходили,
Золотая казна у насъ да не потратилась,
Какъ и добрыхъ намъ коней не заѣздити,
Какъ скаченъ намъ жемцюгъ да всё не выслуга,
Кабы чистоё серебро не пóхвальба,
Кабы есть у насъ дума да въ ретивомъ серцѣ:
Кабы есть у насъ сестра да всё родимая,
Кабы та-же Анастáсья да дочь Петровична,
А не хто про ей незнатъ, право не вѣдаетъ,
За семима-те стѣнами да городовыми,
За семима-ти дверьми да за жолѣзныма,
За семима-те замками да за нѣмецькима.—
А уцюло тутъ вѣдь ухо да богатырьскоё,
А завидяло око да молодецькоё,
Тутъ ставаётъ удалой да доброй молодецъ,
Изъ того-же изъ угла да изъ передняго,
Изъ того-же порядку да богатырьскаго,
Изъ за того-же изъ за стола середняго,
Какъ со той-же со лавки, да съ дубовой доски,

Молодые Алёшенька Поповиць младъ;
Онъ выходитъ на се́реду кирпищатъ полъ,
Становилсе ко князю да ко Владимеру:
«Охъ ты ой еси солнышко Владимеръ-князь!
Ты позволь-ко, позволь мнѣ слово вымолвить,
Не позволишь-ле за слово ты сказнить меня,
Ты сказнить, засудить, да голову сложить,
Голову-де сложить, да ты подъ мець склонить».
Говоритъ-то де тутъ ныньце Владимеръ князь:
— Говори ты, Олёша, да не упадывай,
Не единого ты слова да не уранивай.—
Говоритъ тутъ Олёшинька Поповиць младъ:
«Охъ вы ой есь два брата, два родимыи!
Вы Лука-де, Матвѣй дѣти Петровици!
Ужъ я знаю про вашу сестру родимую,—
А видалъ я, видалъ, да на руки сыпалъ,
На руки я сыпалъ, уста чѣлóивалъ».
Говорятъ-то два брата, два родимыи:
— Не пустымъ-ле ты Олёша да похваляишсе?—
Говоритъ тутъ Олёшинька Поповиць младъ:
«Охъ вы ой еси два брата, два родимыя!
Вы бѣжите-ко нынь да вонъ на улицу,
Вы бѣжите-тко скоре да ко свою двору,
Ко свою вы двору, къ высоку терему,
Закатайте вы комъ да снѣгу бѣлого,
Ужъ вы бросьте-ткось въ окошечко косявчато,
Припадите вы ухомъ да ко окошечку,—
Ужъ какъ чё ваша сестра тутъ говорить станётъ».
А на то-де робята не ётслушались,
Побѣжали они да вонъ на улицу,
Прибѣжали они да ко свою двору,
Закатали они комъ да снѣгу бѣлого,
Они бросили Настасьѣ да во окошецько,
Какъ припали они ухомъ да ко окошецьку,
Говоритъ тутъ Настасья да доць Петровицьна:
«Охъ ты ой еси Олёшинька Поповиць младъ!
Ужъ ты што рано идёшь да съ весела пиру?
Развѣ пиръ-отъ-ле для те право не чесенъ былъ?
Развѣ поднощычки тебѣ были не вѣжливы?
А не вѣжливы были да не очесливы?»

Кабы тутъ-де робятамъ за бѣду стало,
За великую досаду показалосе,
А хоцютъ они вести ей во чисто полё. *)
Кабы тутъ-де Олёшинькѣ за бѣду стало,
За великую досаду показалосе.
«Охъ ты ой еси солнышко Владимеръ-князь!
Ты позволь мнѣ позволь, сходить посвататьсе,
Ты позволь мнѣ позвать да стара-казака,
Ты позволь мнѣ—Добрынюшку Никитиця,
А робята-ти вѣдь роду-ту вѣдь вольнёго,
Ужъ какъ вольнёго роду-ту смирёного».
Ужъ позволилъ имъ солнышко Владимеръ-князь,
Побѣжали тутъ робята скоро-нáскоро,
Они чеснымъ порядкомъ да стали свататьсе.
Подошли тутъ и руськи да три богатыря,
А заходятъ во гриню да во столовую,
Они Богу-ту молятсе по ючёному,
Они крестъ-отъ кладутъ да по писанному,
Какъ молитву говорятъ полну Исусову,
Кабы кланяютсе да на вси стороны,
А Луки да Матвѣю на особицу:
«Мы пришли нынь, робята, къ вамъ посвататьсе,
Кабы съ чеснымъ порядкомъ, съ весела пиру,
А не можно-ле какъ да дѣло сдѣлати?
А не можно-ле отдать сестра родимая?»
Говоритъ тутъ старъ-казакъ Илья Муромецъ:
— Не про насъ была пословиця положена,
А и намъ, молодцамъ, да пригодиласе:
«Кабы въ первой вины да, бывать, Богъ проститъ,
А въ другой-то вины да можно вамъ простить,
А третья-то вина не надлежитъ ищэ».
Подавалъ тутъ онъ вѣдь цяру зелена вина,
Не великую, не малу—полтора ведра,
Да припалнивалъ мёду тутъ да сладкого,
На закуску калачъ да бѣлъ крупищатой;
Подаваютъ они цяру да обѣмá рукми,
Поблишешинько они къ имá да придвигаются,

*) Дальше Ѳ. Чуркина знала старину уже не такъ твердо и пѣла не совсѣмъ увѣренно.

Понижешенько они имъ да покланяютсе,
А берутъ-то-де цяру единой рукой,
А какъ пьютъ-ту-де цяру къ едину духу,
Кабы сами они за цярой да выговариваютъ:
«А оммыло-де нашо да ретиво серцё,
Звеселило у насъ да буйну голову».
Веселымъ-де пиркомъ, да они свадебкой,
Какъ повыдали сестру свою родимую,
За того-же Олёшиньку Поповиця.

4.

Васька Игнатьевъ.

Пролегала, просвистала да быстра рѣченька,
По прозванiю-ту рѣченька Смородина,
Она усьёмъ-то пала въ Волгу матушку;
Волга матушка рѣка да подъ Казань она пошла,
Подъ Казань она пошла, пошла подъ Вастрахань,
Она усьёмъ-то пала да во синё морё.
По синю-то морю да тутъ карабъ бѣжитъ,
Баско-хорошо карабъ да изукрашеной,
Кабы носъ-де, корма да подзолочена;
Мѣсто глазъ-то его да было врѣзано,
Какъ по чѣлому камню да самоцвѣтному;
Мѣсто рѣсницъ-то его было приклеено,
Какъ по цѣлому бобру да по осистому;
Мѣсто бровей-то его было прибивано,
Какъ по чѣлой лисичѣ да бурнастоей;
Мѣсто ушей-то его было привязано,
Какъ по цѣлому волку да по рыскучему;
Мѣсто хвоста-то его было повѣшено,
Какъ по цѣлому звѣрю да по заморскому.
А карабль-отъ бѣжитъ да какъ соколъ летитъ,
А и рыщетъ карабль по звѣриному,
Кабы хоботы-то мецётъ по змѣиному,
Да не флюгаръ на деревѣ шатаитсе,
Будто лютая змѣя да извивается.
Да бѣжали, выбѣгали два гнѣды тура,

Да на стрѣцю имъ туриця, да родна матушка:
«Ужъ вы здраствуйте туры, да дѣти малыя!»
— Ужъ ты здраствуй туриця, родна матушка!—
«Ужъ вы гдѣ-же туры да были-побыли?»
— Ужъ и были мы вѣдь, матушка, во Шахавѣ,
Да погулели, сударына, во Ляховѣ,
Сарочинско чисто полё да впоперёкъ прошли,
Стольной Кіевъ мы градъ да изъ конця въ конець,
Некакого мы вѣдь цюда-та не видѣли,
Только видѣли чудышко не малое,
Да не малое чудо, да превеликое:
Да серёдка мы ноци, да середь те́мноей,
Да середка мы ноценьки осённоей,
Отворилисе ворота, да городовыя,
Выходила дѣвиця да младо-красная,
Да въ одной она рубашецькѣ безъ пояса,
Да въ однихъ она чебле́тахъ безъ цюлоциковъ,
Выносила она книгу да лисъ еваньелье,
Забродила она да во Пуче́въ рѣку,
Забродила она да по коленъ въ воды,
Да ищэ того поглубже—дакъ до горлышка,
Становилась ко камешку ко сѣрому,
Да и клала она книгу да на сѣрой камень,
Да стояла она тутъ отъ зари до зари,
Да цитала она книгу отъ доски до доски,
Да и скольки цитала, вдвое плакала.—
Говорила имъ матушка родимая:
«Охъ вы ой еси туры да златорогія!
Не дѣвиця́ выходила, да Богородиця,
Она цюетъ надъ городомъ незгодушку,
Она цюетъ на Кіевомъ великую:
Да и Скурла-де царь да подымаитьсе,
Да со тѣмъ-же со сватушкомъ со Куршакомъ,
Да со тимъ-же со зетелкомъ со Миршакомъ,
Нагонилъ онъ въ чисто поле силы множество:
Попереди-то его да сорокъ тысецей,
По праву его, собаки, да сорокъ тысецей;
По лѣву руку, собаки, сорокъ тысецей,
Позади-то его да числа-смѣту нѣтъ;
Поселилса онъ тутъ да нынь въ чистомъ полѣ,

Хорошо-де собака да шатры выставилъ,
Хорошо онъ, татаринъ, да верхи выкрасилъ,
Да и самъ онъ тутъ по силушки похаживатъ,
Да и самъ онъ тутъ силушку разглядыватъ,
Да садилса-де Скурла да за дубовой столъ,
Онъ писалъ ерлыки, да скору грамотку,
Выбиралъ онъ тотарина какой больше всѣхъ,
Выбиралъ онъ тотарина какой толще всѣхъ,
Да и выбралъ такого да превеликаго,
Да и туша-то его да всё коса сажень,
Да коса-де сажень, сажень печатная,
Да и плеця-то его дакъ махова сажень,
Головище у его сильнёй пивной котёлъ,
Да ушища у его какъ царски блюдища,
А глазищи его какъ пивны чашища,
А ручища его какъ сильны граблища,
А ножища у его какъ сильны кичижища,
А и самъ онъ ему тутъ наговариватъ:
«Да и ѣдь ты черезъ пашенки посѣенны,
«Черезъ тѣ-же мелки да переулоцьки,
«Черезъ стѣны тѣ ѣдь да городовыя,
«У воротъ ты не спрашивай приворотниковъ,
«У дверей ты не спрашивай придверниковъ,
«Да и ставъ ты коня серёдка улицы,
«Не привязывай коня ты, не приказывай.
«Заходи ты во гриню во столовую,
«Ужъ ты Богу не молись, да ты челомъ не бей,
«Ты челомъ не бей, не кому не кланейся,
«Ужъ ты выложъ ерлыкъ да на дубовой столъ;
«Какъ ты выложишъ ерлыкъ, дакъ такъ и вонъ поди,
«Такъ и вонъ поди, скоре назадъ гони.»
Тутъ подходитъ солнышко Владимеръ-князь,
Да читатъ онъ ерлыкъ да скору грамоту,
Да и то у собаки написано,
Да и то у собаки напечатано:
«Охъ ты ой еси солнышко Владимеръ-князь!
Ужъ ты дашъ городъ добромъ, дакъ я добромъ возьму,
Ты не дашъ городъ добромъ, дакъ я боёмъ возьму,
Я великой-ле дракой, да кроволитьицёмъ:
Я соборны больши церкви да вси на дымъ спущу,

Я царевы больши кабаки на огни сожгу,
Я печатны больши книги во грези стопчу,
Чудны образы иконы да на поплавъ воды,
Самого я князя да въ котлѣ сварю,
Да саму я княгину да за себя возьму».
Говоритъ-же тутъ солнышко Владимеръ-князь:
«Охъ ты ой еси княгина да мать Опраксія!
Ужъ ты дума моя да была крѣпкая,
Ужъ ты слово моё да было тайное,
Ужъ ты вострая баба, да всё догадлива,
Пособи-ко ты мнѣ да думу думати,
Да скажи-тко минѣ да ты пожалуста:
Да кого-же намъ послать нынь поединщикомъ?»
Говоритъ тутъ княгина да мать Опраксія:
— Охъ ты ой еси солнышко Владимеръ-князь!
Ты сходи-тко, ты поди да на царевъ кабакъ,
Кабы нѣтъ-ли тамъ какого руського богатыря.—
А на то-де нынь князь да не отслышалса,
Побѣжалъ нынь Владимеръ да на царевъ кабакъ,
Да и стрѣтилась ему первая застава,
Да и сталъ тутъ-де князь ныньце выспрашивать:
«Кабы хто-ле есь гулятъ на царевомъ кабакѣ,
Да на томъ-же кружалѣ да восударевомъ?»
Говоритъ ему первая подсушинка:
— Охъ ты ой еси солнышко Владимеръ-князь!
Ты не съ нами думу думаешъ—съ боярами.—
Побѣжалъ-де ныньце князь да онъ опять вперёдъ,
Кабы стрѣтилась ему серенняя подсушинка,
Да и сталъ тутъ князь ныньце выспрашивать:
«Кабы хто-же есь гулятъ на царевомъ кабакѣ?
Да на томъ-же кружалѣ да восударевомъ?»
Говоритъ ему серенняя подсушинка:
— Ты не съ нами думу думаешъ, съ боярами.—
Да пошолъ тутъ князь ныньце опять впередъ,
Да и стрѣтилась послѣнняя подсушинка,
Да и сталъ тутъ-де князь ныньце выспрашивать:
«Ужъ и нѣтъ-ли кого на царевомъ большомъ кабакѣ?»
Говоритъ ему послѣдняя подсушинка:
— Кабы есть ту да Васинька Игнатьевицъ,
Онъ пропилсе, промоталсе да всё до нитоцьки,

Не креста у его нѣтъ, не пояса,
Онъ вѣдь спитъ ту на пецькѣ, да на муравленкѣ,
Да подъ тѣмъ-же подъ краснымъ подъ трубнымъ окномъ,
Наступаютъ ему да третьи сутоцьки.—
Побѣжалъ тутъ князь ныньце опять вперёдъ,
Да приходитъ-то князь да на царевъ кабакъ,
Да добралса до Васиньки Игнатьевиця,
Да Василей-отъ спитъ, да какъ порогъ шумитъ,
Да и сталъ тутъ князь его побуживать,
Да и сталъ онъ тутъ его покликивать:
«Охъ ты ой еси Васинька Игнатьевицъ!
Тибѣ долго-же спать, да все пора ставать».
Да и будитъ его да во первой наконъ,
Да и будитъ его да во второй наконъ,
Да и будитъ его да во третей наконъ,
Да и тутъ-де Василей да пробужаитсе,
Отъ великого сна да просыпаетце,
Говоритъ ту-де князь да таковы рѣци:
«Охъ ты ой еси Василей сынъ Игнатьевицъ!
Приходи ты во гриню да во столовую,
Пособи ты минѣ да думу думати».
Говоритъ-то Василей сынъ Игнатьевицъ:
— Не креста у меня нѣту, да нынь не поеса,
Да пропилса я, промоталса, да весь до ниточки.—
Да и скоро-де князь-отъ крестъ-отъ выкупилъ.
Говоритъ ту-де Васинька Игнатьевичъ:
«Ты поди ты домой да я вѣдь самъ приду».
Да пошолъ-де тутъ князь да нынь домой назадъ,
Да стрѣцеютъ они да добра молодца,
Да того-же они Василья сына Игнатьева,
Да садили его да за дубовой столъ,
Подносили-де цяру да зелена вина,
Не велику не малу да полтара ведра.
Да завидѣли тутъ думныя бояра толстобрюхіе,
А и это имъ порато да за бѣду стало:
«А кака эка чесь сёдни Васинькѣ Игнатьеву?»
А и тутъ нецё князь говорить не смѣтъ,
Говоритъ-то Васинька Игнатьевичъ:
— Да ещо-ли я вамъ, Васинька, понадоблюсь?—

Говорятъ-то бояра да толстобрюхіи:
«Тибѣ сказано вѣдь, Васинька, отказано!»
Да спросилъ тутъ Васька да во второй наконъ:
— Да ищэ-ле я, Васинька, понадоблюсь?—
Говорятъ-то бояра толстобрюхіе:
«Тебѣ сказано вѣдь, Васинька, отказано».
Повторилъ тутъ Васька во третей наконъ:
— Не ищэ-ле вамъ вѣдь Васинька понадобитсе?—
Говорятъ ту бояра да толстобрюхіи:
«Тибѣ сказано вѣдь, Васинька, отказано».
А и князь-отъ ничего говорить ни смѣтъ.
Кабы тутъ-де вѣдь Васинькѣ за бѣду стало,
За великую досаду показалосе,
Тутъ сѣдлалъ онъ, уздалъ да коня доброго,
Тутъ не видно поѣзки молодецкоей,
Только видно Василій на коня скочилъ,
На коня-то скочилъ, да онъ коня стегнулъ,
Какъ пріѣхалъ тутъ-де Васинька Игнатьевичъ:
«Какъ и ѣду-ле я съ вами*) въ стольно-Кіевъ-градъ,
Я громѣть-шурмовать да стольно-Кіевъ-градъ,
Мы повыбьёмъ-де всю силу да самолучшую,
Ужъ мы тѣхъ-же бояръ да толстобрюхіихъ,
Только тотъ съ вами залогъ да я положу нынь:
Штобы оставить князя да со княгиною,
Да и царьской дворечъ, да церкви Божіи».
Состоялася война да тутъ великая,
Кабы бьютъ по всему да какъ по городу,
А князя дворечъ да оставаитце.
Говоритъ ту-де Скурла да таково слово:
«А не ложъ-ле ты это да придумалъ-же?»
Заскочилъ-то Василей во гриню во столовую,
Да хваталъ онъ столешенку кедровую,
Да вызьнѣлъ ей ныньце выше могуцихъ плечь,
Да змолился ему да тутъ Владимеръ-князь:
«Ты оставь на покаянье грѣхомъ тяжкіимъ,
Не убей-же ты во гринѣ князя Владимера».
Опустились у Василья да руки бѣлыя,
Кабы выскоцилъ Василей да вонъ на улицу,

*) съ татарами.

Да хваталъ онъ вѣдь трубоцьку да говорливую,
Заревѣлъ, завопѣлъ зычнымъ голосомъ:
«Да пора намъ надошла да нынь шабашити».
Тутъ бросали всю ныньце орудію,
Кабы стали совѣтъ они совѣтовать,
Кабы стали они да думу думати,
Кабы стали дѣлить да золоту казну,
Да и Васиньку стали да тутъ обдѣливать.
Говоритъ тутъ одинъ да изъ тотаръ ище:
«Охъ ты ой еси нынь да ты-ле Скурла царь!
У бою у насъ Василей да всѣхъ вѣдь больше былъ,
У дѣлу ныньце сталъ да онъ вѣдь меньше всѣхъ».
Говоритъ ту-де нынь да ищэ Скурла царь:
— У мня есь ищэ сабелька не кровавлена,
Надѣлю по Васильевой по шеѣ я.—
А и это нынь Василью да за бѣду стало,
За великую досаду да показалосе:
«У меня есь-же вѣдь сабелька запасная,
Надѣлю я по Скурлатыной по шеюшкѣ».
Да хваталъ онъ и сабельку нынь вострую,
Да на ту руку махнётъ—тутъ и улица,
На другу руку махнётъ—переулоцекъ,
Да и сколько онъ бьетъ, вдвое конемъ топчётъ,
Да и бился онъ тутъ да трои сутоцьки,
Не одного изъ нихъ да не помиловалъ,
Да и всѣхъ нарушилъ да до единого.
Тутъ подходитъ-то солнышко Владимеръ-князь:
«Охъ ты ой еси Василей да сынъ Игнатьевичъ!
Заходи-тко ты во гриню да во столовую,
Да садись-ко ты нынь да за дубовой столъ,
Хлѣба-соли ты ись, да ныньце квасу пить,
Биватъ хоцетса тибѣ и опохмелитсе,
Биватъ хоцетсе тибѣ и опочинутце».

Тутъ Ѳ. Чуркина разсказала словами: «Заходилъ Василей во гриню во столовую, мылъ руки бѣлыя, простилсе (извинился) князю Владимеру—расплакалса: неладно надѣлалъ. Тутъ посадилъ его князь и стали пировать—помирились».

5.

Скопинъ.

...«Да и много Скопи́нъ да по землямъ бывалъ, *)
Кабы много Скопинъ городовъ биралъ,
Да не взявши отъ города не отъѣжживалъ,
Не боялся Скопинъ да двацдети полковъ,
Дватцети пети полковъ, да полковъ тысечныхъ;
Да Малютина князя во служенье бралъ,
Да Малюту Скурлатьевну во служаноцьки,
Чашки-ложки, я, мыть, да повареноцьки».
Да и это Малюты да за бѣду стало,
За великую досаду показалосе,
Побѣжала Малюта да дочь Скурлатьевна:
«Охъ ты ой еси солнышко Владимеръ-князь!
Ты повѣрь, ты повѣрь мнѣ золоты клюци,
Ты повѣрь, ты повѣрь мнѣ кованы ларьци,
Ты позволь мнѣ сходить да во темны погребы,
Ты позволь мнѣ налить цяру зелена вина,
Да вчера мы вѣдь съ кумушкомъ кумилисе,
Да сегодни вѣдь хресника проздравить надь».
Говоритъ-то вѣдь солнышко Владимеръ-князь:
— Охъ ты ой еси Малюта дочь Скурлатьевна!
Да повѣрены тебѣ золоты ключи,
Да повѣрены тебѣ да темны погребы.—
Побѣжала Малюта дочь Скурлатьевна,
Наливала она цяру зелена вина,
Наливала не малу, да полтора ведра,
Да положила она тутъ зелья лютого,
Да положила она сала змѣиного,
Да подноситъ Скопину сыну Ивановичу,
Поближешинько она да придвигаитсе,
Понижешинько она да покланяитсе:
«Охъ ты ой есь Скопинъ да сынъ Ивановиць!
Ужъ ты выкушай цяру да зелена вина».

*) Только съ этихъ словъ знаетъ Ѳ. Чуркина старину про Скопина, также какъ и многїе другiе сказатели Устьцылемской волости. Въ Пустозерской волости эту старину знаютъ сначала.

По краямъ-то у цяры да ровно ключъ кипитъ,
По середкѣ у цяры ровно огонь горитъ.
Да беретъ-то Скопинъ цяру единой рукой,
Да и самъ-де за цярой выговариватъ:
«Охъ вы ой есь, дружинушка хоробрая!
Вы хоробрая дружина да заговорная!
Ужъ вы руськіе могуціе богатыри!
Ужъ какъ пить мнѣ-ка цяра—живому не быть,
А не пить мнѣ-ка цяра дакъ виновату быть.
Ужъ я выпью какъ цяру да зелена вина,
Вы тащыте меня да вонъ на улицу,
Посадите меня вы на добра коня,
Привежите меня да ко добру коню,
Спроводите коня да ко свою двору,
Пусть и знатъ про меня да родна матушка».
Кабы выпилъ Скопинъ цяру зелена вина,—
Покатилася съ плечъ буйна головушка,
Да свалилася она да на широку грудь,
Кабы ниже она стала могуцихъ плецъ.
Тутъ увидѣли руськіе богатыри,
Потащили его да вонъ на улицу,
Посадили его да на добра коня,
Привезали его да ко добру коню,
Спроводили коня да ко свою двору,
Ко свою двору, высоку терему.
Какъ увидѣла матушка родимая,
Какъ и ѣдетъ Скопинъ да сынъ Ивановичъ,
Да выскакивала она да на красно крыльцо,
Да стрѣцяла она сына сердецьного:
«Охъ ты ой есь Скопинъ да сынъ Ивановичъ!
Да дитя ты мое, дитя родимое,
Да ты цядо мое, цядо мое сердечное,
Ужъ ты што-же нынь ѣдешь да не по старому,
Не по старому ты ѣдешъ, да не по прежному,
Повѣся ты держишь да буйну голову,
Потопя ты держишъ да оци ясныя,
Потопя ты ихъ держишъ да въ мать сыру землю».
Говоритъ то Скопинъ да сынъ Ивановицъ:
— Охъ ты ой еси матушка родимая!
Матера ты Омельфа Тимофеевна!

Ужъ я былъ у князя да на чесномъ пиру,
Прибезчестилъ молоду да дочь Скурлатьевну,
Воспромолвилъ-же я да нынь такую рѣць:
«Ужъ я много Скопинъ по землямъ бывалъ,
«Ужъ я много Скопинъ да городовъ биралъ,
«Да не взявши отъ города не отъѣжживалъ,
«Не боялся Скопинъ да двадцети полковъ,
«Двадцети пети полковъ, да полковъ тысечныхъ,
«Да Малютина-князя во служенье бралъ,
«Да Малюту Скурлатьевну во служаноцьки.»
Подавала она мнѣ цяру зелена вина,
Не великую не малу, да полтара ведра,
Да положила она тутъ зелья лютого,
Да положила она тутъ сала змѣиного,
Да и выпилъ я цяру да зелена вина.
Охъ ты ой еси матушка родимая!
Да бѣжи ты скоре нынь по попа-отця,
По попа-де, отця, да по духовного,
У меня есь на душѣ да три тежкихъ грѣха».
Розорвала тутъ матушка родимая,
Да и вси тутъ, всѣ пуинки шолковыя,
Да снимала она его со добра коня,
Побѣжала старуха да скоро-на́скоро,
Привела она попа-отця духовного,
Да сказалъ онъ ему да три тежкихъ грѣха,
Да заключилса у его тутъ говорунъ-езыкъ.
Кабы тутъ-де старухи да за бѣду стало,
За великую досаду да показалосе,
Заскакивала она да на добра коня,
Да гонила она да въ стольной-Кіевъ-градъ,
У воротъ она не спрашиватъ приворотничковъ,
У дверей она не спрашиватъ придверничковъ,
Заѣждяетъ она на улицу широкую,
Да въ крылечко клюкой стала поколачивать:
«Да подай-ко, подай, князь, виноватого,
Ужъ и худо потребилъ дитя сердечного,
Какъ того-же Скопина сына Иванова:
Наливала Малюта цяру зелена вина,
Не велику не малу, полтора ведра,
Да положила она тутъ зелья лютаго,

Да положила она сала змѣиного».
А и тутъ Малюта нынь на юходъ ушла.
А садился туть солнышко да за дубовой столъ,
Онъ писалъ ерлыки да скоры грамоты,
Разсылалъ онъ по городу по Кіеву,
Розыскать Малюту дочь Скурлатьевну.
А на то-де старуха была догадлива,
А сама-де старуха въ сугонъ поѣхала,
Да выдернула она ныньце сырой дубъ,
Уколотила она Малюту доць Скурлатьевну. *)
А увидѣла старуха да стара-мáтера,
Какъ слетѣлись-де ныньце два ворона,
А одинъ-то-ле воронъ да царя бѣлого,
А другой отъ-де воронъ да царя черного,
Они бьются-дерутся, пуще ратятся,
Ни которой другого побѣдить не могутъ нынь.
А змолилса-ле воронъ да царя бѣлого:
«Помоги-ты мнѣ старушка, да стара бабушка,
Потребити мнѣ вѣдь ворона, мнѣ вѣдь черного,
Ужъ я сдѣлаю тебѣ добро великое».
Да натегивала старуха ныньце тугой лукъ,
Зарежала-то стрѣлоцьку калёную,
Да подстрѣлила ворона невѣрного.
Да слеталъ ныньце воронъ по живу воду,
Да и отдалъ старухѣ, да старой бабушкѣ;
Помазáла она сына ныньце любимого,
Помазáла она его во первой наконъ,
Помазала она его во другой наконъ,
Да плеснула она ему на бѣло личо,
Стрепенулса Скопинъ да сынъ Ивановичъ;
Кабы тутъ-де Скопинъ да пробужаитсе,
Отъ великого сну да просыпаитсе;
Да скакалъ-то Скопинъ на рѣзвы ноги:
«Ужъ я долго-де спалъ, да всё пора ставать».

---

*) Отсюда, сказала мнѣ Ѳ. Чуркина, она пѣла старину въ первый разъ, но какъ поютъ другіе, прежде слыхала.

II. СЕЛО ЗАМЕЖНОЕ (ЗАМЕГЪ).

2. Анкудинъ Ефимовичъ Осташевъ.

Высокій, здоровый, плечистый старикъ 78 лѣтъ, уроженецъ За́мега и старообрядецъ по рожденію, но въ видѣ рѣдкаго исключенія въ этихъ мѣстахъ—утратившій вѣру отцовъ. 20 лѣтъ безъ перерыва „Анкуха“, какъ зовутъ его на Печерѣ, находится при православной церкви въ его деревнѣ; сначала онъ служилъ въ ней сторожемъ, теперь и старостой, и сторожемъ вмѣстѣ. Отъ раскола постепенно онъ отсталъ, и теперь каждый годъ исповѣдуется и причащается. Прежде службы при церкви 20 лѣтъ кряду ходилъ по Печорѣ съ чердынскими судами отъ Балбанскаго носу до Якши и обратно (тысячи три верстъ!). Ходилъ сначала въ бичевникахъ, *шишкой*—переднимъ бурлакомъ, затѣмъ лоцманомъ. Во время своихъ странствованій видѣлъ много всякаго народу, причемъ было, конечно не до соблюденія обрядностей раскола. Это-то и подготовило его переходъ въ православіе—чрезвычайно рѣдкій случай на Печорѣ, повторяю. Отчасти во время своихъ странствій, отчасти дома онъ научился и старинамъ, нѣкоторыя слышалъ въ Пустозерскѣ. Онъ очень добродушенъ, сейчасъ-же согласился пѣть, только совсѣмъ не могъ пѣть безъ водки, къ которой сильно приверженъ, опять-таки отъ временъ бурлачества-же. Всѣ его старины очень коротки, онъ много изъ нихъ выпускаетъ, невольно, конечно, хотя поетъ очень гладко,—стариннымъ „ясакомъ“.

6.

Бой Ильи Муромца съ сыномъ.

Да стояли-де на заставы богатыри,
Да ни много ёни—петнаццеть лѣтъ;
Але старъ-то казакъ былъ на бо́льшани,
А Добрынюшка Микитичь былъ во писаряхъ,

Да и Васинька Буслаевъ былъ во кашникахъ,
Да два брата Долгополыи во конюхахъ.
Да ни хто-ко туды нонь не прохаживалъ,
Кабы черной-ле воронъ да не пролетывалъ.
Да ставаютъ ёни ютромъ ранешинько;
Да ставалъ старъ-казакъ утромъ ранёшинько,
Надевалъ онъ сапожки да на босу ногу,
Свою кунью-ту шубу на одно плецё,
Свой пуховъ-де калпакъ да на одно ухо,
Кабы бралъ-то-ле трубоцьку подзорную,
Выходилъ-де вѣдь онъ да на юлицу,
Заходилъ онъ на рели да превысокiя,
Онъ смотрѣлъ-ле теперь да во чисто полё.
Не гора-ле въ чистомъ полѣ знаменуетсе,
Не богатырь-ле ѣздитъ да потѣшаетця,
Подъ правой-то ногой дакъ бѣжитъ сѣрой волкъ,
Подъ лѣвой-то ногой дакъ молодой выжлокъ,
На правомъ-то плецѣ сидитъ ясéнъ соколъ,
На лѣвомъ-то плецѣ сидитъ бѣлой кречетъ;
Калену-ле онъ стрѣлоцьку пострѣливатъ,
Да и на полъ-де стрѣлку да не юраниватъ.
Слѣзывалъ-то старой дакъ на сыру землю,
Онъ увидѣлъ ярлыкъ дакъ скору грамоту,
Онъ взялъ-де ярлыкъ да скору грамотку,
Заходилъ-то старой да во бѣлой шатёръ,
Говорилъ-то старъ-казакъ да Илья Муромець:
«Охъ вы ой еси дружинушка хоробрая!
Ашъ вамъ полно-ко спать, да пора ставать,
Отъ великого сну да пробужатисе,
Отъ великой хмелины да просыпатисе.
Ты ставай-ко Добрынюшка Микитиць бладъ,
Ты счтитай-ко ярлыкъ, да скору грамоту».
Да ставаётъ Добрынюшка Микитиць бладъ,
Клюцевой-де водой да умываетця,
Полотёнышкомъ самъ да утираетсся,
Онъ берётъ-де ярлыкъ да скору грамоту,
Отъ цитаётъ, дѣтина, да усмѣхаетса:
«Ужъ у старой собаки да голову срублю,
«Я Добрынюшку Микитиця возьму въ писари,
«Я и Ваську Буслаева во кашники,

«Да два брата Долгополыхъ возьму въ конюхи».
Кабы тутъ-де старому да за бѣду стало,
За великую досаду да показалосе,
Онъ уздалъ-де сѣдлалъ да коня доброго,
Онъ поѣхалъ за сокольникомъ въ чисто полё,
Онъ наѣхалъ на сокольника въ чистомъ полѣ,
Закрычалъ тутъ старой дакъ зычнымъ голосомъ:
«Ахъ ты ой еси ворона да пустопёрая!
Да куда ноньце лѣтишъ, да куды путь держишъ?
За невидъ ты потеряешъ буйну голову».
Да на то ноньце сокольникъ не ёгленетце;
Закрычалъ тутъ старой да во второй наконъ:
«Ужъ ты ой еси ворона пустопёрая!
Ты куда ноньце летишъ, да куды путь держишъ?
За невидъ ты потеряешъ буйну голову».
А оттуль-же сокольникъ да поворотъ даётъ,
Да съѣжжались со старымъ, да они встрѣтилисе,
А ударилъ сокольникъ да Илью Муромца,
Онъ не выпалъ едва изъ сѣдёлышка;
Оттуль-же ёни дакъ разъѣжжалисе,
Какъ съѣхались они да во второй наконъ,
Какъ ударилъ старъ-казакъ да сокольничка,
Тутъ вѣдь вышибъ его изъ сѣдёлышка;
А скакали тутъ ёни да на сыру землю,
Какъ хватались они дратця въ рукопашную,
Они бились какъ, дрались да двои сутоцьки.
Какъ каки-то-ле тяжки грѣхи попутали,
Какъ права нога стара-казака да окатилосе,
Да лѣва его нога да подломилосе.
Какъ садился сокольникъ да на бѣлы груди,
Онъ вымалъ-то чинжалище булатенъ-ножъ,
Онъ хотѣлъ-то пороть да груди бѣлыя,
Въ заведи его рука да застоялосе;
Замахнулся сокольникъ да во второй наконъ,
Да въ локтю его рука да застоялося.
Тутъ змолилса, старой дакъ Господу Богу:
«Охъ ты ой есь Присвета Матерь Богородиця!
Я стоялъ ноньце за вѣру за христовую,
Я стоялъ ноньце за церквы православныя,
Я стоялъ-ле за иконы да за цюдныя,

Ты повыдала поганому едолищу».
У стара-казака да силы прибыло;
Онъ не бѣлъ-то-ле куропать выпархивалъ,
Кабы старъ-де казакъ ноньце выскакивалъ,
Онъ бросалъ-то сокольника на сыру землю,
Онъ садился къ ему да на бѣлы груди:
«Охъ ты ой еси удалой да доброй молодецъ!
Ты коей нонь земли, коей вотцины?
Коего ты отца, да коей матери?
Кабы какъ тебя, дѣтина, да именёмъ зовутъ?»
Говоритъ-то сокольникъ да таково слово:
— Когда былъ я у тя дакъ на бѣлыхъ грудяхъ,
Я не спрашивалъ ни имени, ни вотчины,
Я хотѣлъ нонь пороть твои бѣлы груди,
Ты пори ноньце мои, право, бѣлы груди.—
Говоритъ ему старой да во второй наконъ:
«Охъ ты ой еси удалой доброй молодецъ!
Ты коей ноньце земли, да коей вотчины?
Коего-же ты отца, да коей матери?»
— Отъ того-же я отъ камѣшка отъ Латыря,
Да отъ той-же я отъ матушки Златыгорки,
Какъ зовутъ меня, право, сокольникомъ.—
Говоритъ ему старой да Илья Муромецъ:
«Охъ ты ой еси удалой доброй молодецъ!
Ты вѣдь будешъ ныньце мнѣ да не поклёпной сынъ:
Мы дрались съ твоей матушкой родимоей,
Мы дрались-ле съ ею да ровно три года,
Мы одинъ-ле другого да нынь не ранили,
Мы не ранили одинъ, дакъ не кровавили,
Ужъ мы сдѣлали любовь съ ею сердецьную,
Да сердецьную любовь, да нынь тѣлесную.»
Говорилъ-ле старъ-казакъ Илья Муромецъ:
«Ты зачѣмъ-же вѣдь выѣхалъ во чисто поле?
Молодёшинёкъ выѣхалъ, зеленёшинёкъ,
Кабы выѣхалъ-ле ты да лѣтъ семнаццети,
Дакъ и небыло-бы тебѣ въ поли поединщика.»
Кабы тутъ-же ёни да распростилисе,
Какъ поѣхалъ сокольникъ да онъ назадъ домой.
Пріѣжжаетъ онъ къ своей матушкѣ родимоей,
Говоритъ своей матушкѣ родимоей:

«Ужъ какъ стара собака да похваляетца:
Будто ты ему топере да ноньце суща блядь,
А какъ я ему да ноньце выбледокъ?»
Говоритъ ему матушка родимая:
— Не пустыми вѣдь старой-отъ похваляетца,
Ты вѣдь будёшъ ему да не поклёпной сынъ.—
Кабы тутъ-же сокольнику за бѣду стало,
За велику-ле досаду показалосе,
Онъ убилъ свою матушку родимую.
Онъ поѣхалъ топере да во чисто полё,
Ко тому-же шатру да Ильи Муромцю,
Онъ и бралъ-то копейцо бурзомецкое.
Какъ о ту ноньце пору, да какъ о то время,
Кабы старъ-казакъ спитъ, дакъ порогъ шумитъ,
Кабы ткнулъ-де сокольникъ Илью Муромца,
Да попалъ-де ему, право, въ чуденъ кресъ.
Кабы тутъ-де старой да пробужаетсе,
Онъ выскакивалъ старой дакъ изъ бѣла шатру,
Онъ хваталъ-ле сокольника за черны кудри,
Да бросалъ-же его ноньце о сыру землю,
Да срубилъ-же ему да буйну голову.

7.

Бой Добрыни и Дуная.

Ай да первая поѣзка да молодецкая.
Хоробра была поѣзка да молодецкая,
Да не видѣли побѣжку да лошадиную,
Только видѣли въ чистомъ поли курива стоитъ,
Курива-ли стоитъ, дакъ дымъ столбомъ валитъ;
Выѣжжалъ-ле тутъ Добрыня на чисто полё,
Онъ бралъ-то-ле трубоцьку подзорную,
Осмотрѣлъ на четыре да на дальни стороны,
Онъ смотрѣлъ-де подъ сторону подъ западну:
Тамъ стоятъ-де топере да лѣсы темныя;
Онъ смотрѣлъ-де подъ сторону подъ сѣверну,
Тамъ стоятъ-де топере да леденны горы;
Онъ смотрѣлъ-де подъ сторону восточную,

Тамъ стоитъ дакъ и нашъ да стольнёй Кіевъ-градъ;
Онъ смотрѣлъ-де подъ сторону подъ лѣтную,
Онъ завидѣлъ въ чистомъ полѣ черной шатёръ,
Онъ черной-де шатёръ, да чернобархатной.
Думучись-то Добрынюшка роздумалсе:
«Какъ у нашего царя было у бѣлого,
У нашихъ-то руськихъ богатырей,
Кабы были-ле шатры бѣлополотнены,
Тутъ стоитъ ноньце черной, да чернобархатной».
Пріѣждялъ тутъ Добрыня ко черну шатру,
Привезалъ онъ коня да ко сыру дубу,
Заходилъ-то Добрыня да во черной шатеръ,
Розоставлены столы тутъ бѣлодубовыя,
Розоставлены вёдра да зелена вина,
Розоставлены бадьи да съ медомъ сладкіимъ,
Розоставлена посуда да все хрустальняя,
Тутъ лежалъ-де ярлыкъ, да скора грамота:
«А кабы кто ноньце въ моёмъ шатру попьётъ-поѣсъ,
«Какъ попьётъ-де поѣсъ, право, покушаетъ,
«Не уѣхать живому изъ чиста поля».
А оттуль-же Добрыня да поворотъ даётъ,
Онъ поѣхалъ назадъ да въ стольнёй Кіевъ-градъ,
Доѣжжалъ-то Добрыня до Несей рѣки,
Онъ поилъ-де коня да во Несей рѣки,
Думучись-то Добрынюшка роздумалса:
«Я пріѣду теперь да въ стольнёй Кіевъ-градъ,
Кабы станутъ богатыри да спрашивать,
Кабы станутъ-же руськіе вывѣдывать,
Ужъ я што имъ скажу, што повѣдаю?
То не чесь мнѣ хвала молодецькая».
Какъ оттуль-же Добрыня поворотъ даётъ,
Пріѣждялъ-то Добрыня да ко черну шатру,
Привезалъ онъ коня да ко сыру дубу,
Заходилъ тутъ Добрыня да во черной шатёръ,
Онъ напилса, наѣлся, тутъ накушался,
Приломалъ онъ тутъ посудушку хрустальнюю,
Приломалъ онъ-де вёдра зеленымъ виномъ,
Приломалъ онъ бадьи да съ мёдомъ сладкіимъ,

Розрывалъ онъ тутъ да весь черной шатёръ,
Розбросалъ онъ шатёръ да почисту полю.
Онъ лёжился тутъ спать да на сыру землю.
Какъ о ту-же о пору, о то времицько,
Пріѣжжалъ тутъ Дунай да изъ чиста поля,
Онъ завидѣлъ свой шатёръ не постарому:
Вся приломана посудушка хрустальная,
Всѣ приломаны вёдра съ зеленымъ виномъ,
Всѣ приломаны бадьи съ медомъ сладкіимъ,
Весь розорваной его да черной шатёръ,
Какъ увидѣлъ онъ Добрыню на сырой землѣ,
Вынималъ-де онъ сабельку булатную,
Онъ хотѣлъ-то срубить да буйну голову,
Думучись-то-ле самъ дакъ призадумалсе:
«Какъ сонного-то губить, дакъ ровно мёртвого,
То не чесь будётъ хвала да молодецкая,
А не выслуга будетъ да богатырская».
Розбудилъ онъ Добрынюшку Микитица,
Хваталисе они дратца на рукопашецьку,
Они билисе, дрались да трои сутоцьки.
Какъ о ту ныньце о пору, да о то время,
Кабы старъ-ле казакъ да Илья Муромець,
Выѣзжалъ старъ-казакъ да во чисто полё,
Какъ со тѣмъ-же Олёшинькой Поповицомъ,
Говоритъ старъ-казакъ дакъ Илья Муромець:
«Ой ты ой есь Олёшинька Поповиць братъ!
Слѣзывай ты тепериця со добра коня,
Припадай-ко къ землѣ да юхомъ правымъ,
Не ступитъ-ле-де-ка матушка сыра земля,
Не дерутца-ле гдѣ руськіе богатыри;
Кабы два ноньце руськихъ, дакъ помирить надо,
Кабы два ноньце невѣрныхъ дакъ прогонить надо,
Кабы руськой съ невѣрнымъ, дакъ пособить надо».
Припадалъ-то Олёша да ухомъ правымъ:
— Какъ не гдѣ нонь не ступитъ да мать сыра земля.—
Какъ скакалъ-то старой да со добра коня,
Припадалъ онъ ко матушкѣ сырой землѣ,
Тамъ ступитъ-ле вѣдь матушка сыра земля,
Да подъ той-же сторонушкой восточноей;

Какъ прямой-то дорогой ѣхать мѣсяцы,
Выѣзжалъ-то старъ-казакъ да ровно въ три часа.
Закричалъ старъ-казакъ да зычнымъ голосомъ:
«Ужъ вы ой еси удалы добры молодцы!
Вы объ цёмъ деритéсь, дакъ объ цёмъ ратитесь?
Развѣ на земли-то стало да ныньце юзко вамъ?
Кабы дó-неба-то стало да ноньце низко вамъ?»
Они то ноньце дерутса, не варуютъ,
Они пуще дерутса, пуще ратятса,
Да скакалъ-де старой дакъ со добра коня,
Онъ хваталъ-де обѣхъ ноньце въ охабоцьку:
«Охъ вы ой еси удалы да добры молодцы!
Вы объ цёмъ нынь деритесь, да объ цёмъ ратитесь?»
Кабы сталъ ему Дунай ноньце высказывать:
— Я вѣдь за морёмъ ноньце жилъ, да за синіимъ,
Я за синіимъ жилъ за Варальскіимъ,
У того-же я Семёна Лиховитого,
Я вѣдь три года жилъ да ровно въ конюхахъ,
Да и три года жилъ да право въ стольникахъ,
Да и три года жилъ я въ поннощычкахъ,
Да прошло-же тому времю ровно деветь лѣтъ,
Я вѣдь выжилъ всю посудушку хрустальнюю,
Я выжилъ-ле вёдра да зеленымъ виномъ,
Я выжилъ-ле бадьи да съ мёдомъ сладкіимъ,
Да я выжилъ-ле столы бѣлодубовыя,
Да и выжилъ шатёръ да чернобархатной.
Захотѣлось мнѣ-ка ѣхать во свою землю,
Во свою-ле землю, ноньце на родину,
Я поѣхалъ нонь топере да во свою землю,
Выѣждялъ я топерь да на чисто полё,
Я поставилъ свой шатёръ да на чисто полё,
Розоставилъ я столы бѣлодубовыя,
Розоставилъ я вёдра да зеленымъ виномъ,
Розоставилъ я бадьи да съ мёдомъ сладкіимъ;
Захотѣлось мнѣ-ка съѣздить за ёхвотою,
Написалъ я ерлыкъ да скору грамоту:
«Кабы хто ныньце въ моёмъ шатрѣ попьётъ-поѣсъ,
«Какъ попьётъ-де поѣсъ, право покушаетъ,
«Не уѣхать живому изъ чиста поля».

Говоритъ имъ старъ-казакъ да Илья Муромецъ:
— Тѣ спасибо нонь Дунай да сынъ Ивановицъ,
Не оставляшъ свой шатёръ безъ угрозъ ты молодецкiихъ,
Тѣ спасибо-ле Добрынюшка Микитичъ младъ,
Не боишься ты угрозъ да молодецкiихъ.—

8.

Соловей Будимировичъ.

Пролегала-ле, просвитала-ле мать быстра рѣка,
По прозванью-ле рѣцинька Смородина,
Она усьемъ-ле пала да въ Волгу матушку.
Кабы Волга-то матушка подъ Казань ушла,
Да еще того подальше, да нонь подъ Вастрахань,
Кабы усьёмъ-то пала да во синё морё.
По синёму-то морю бѣжитъ черленъ карабль,
Баско-хорошо карабликъ да изукрашенъ былъ,
Кабы весь-то карабликъ да по звѣриному,
Да на мѣсто ёцей-то было врѣзано,
По тому-же по камню да самочвѣтному;
Да на мѣсто бровей было прибивано,
Да по черной лисичѣ да по бурнавчетой;
Да на мѣсто юшей было прибивано,
Да по красной лисичѣ да по берёзовкѣ;
Да на мѣсто-то хвоста было прибивано,
Да по сѣрому волку да по рыскучему;
Есь построеной въ караблицьки черной чердакъ,
Въ чердаки-то-ле кроватоцька тисовая,
Кабы построена кроватоцька да слоновыхъ костей,
Кабы ноги у кроватки да зубовыхъ костей,
На кроватоцькѣ перинушка пуховая,
Кабы кладено зголовицо косящато (такъ!),
Одiяло тутъ лежитъ да черныхъ соболей.
Тутъ лежалъ-ле, Соловей да Будимировичъ,
Онъ лежалъ-ле, бѣжалъ да за синё море,
Онъ во ту-же во землю да во Литовскую,
Ко тому-же королю земли Литовскоей,

Кабы сватат্ьсе на Яннушкѣ Путятишны.
Да не флигуръ-отъ на деревци шатаитсе,
Какъ не люта-ле змѣя дакъ извиваетса,
Прибѣгалъ-то Соловей да за синё море,
Забѣгалъ онъ во тихія во гавани,
Опускалъ-де онъ парусы полотнены,
Да металъ-же вѣдь якори булатныя,
Онъ клалъ-де вѣдь сходни да коньцемъ на землю,
Кабы тутъ-же Соловей да снаряжаитса,
Кабы тутъ-же Соловей да сподобляитсе,
Какъ берётъ онъ подароцьки не малыя;
Кабы бралъ-то подароцёкъ лисицъ пару,
А другой-отъ нонь подароцёкъ—куницъ пару,
Кабы сорокъ сороковъ дакъ—черныхъ соболей,
А княгины-то бралъ дакъ хрущатой камки,
Хрущатой камки право сорокъ аршинъ.
Тутъ пошолъ-ле Соловей да Будимировицъ,
Впереди-то-ле Соло́вьюшка сукно стелятъ,
Позади-то-ле Соло́вья во трубу вертятъ,
Онъ дарилъ-то царя да нонь подароцькомъ,
Кабы первой-отъ подарокъ—куницъ пару,
А другой-ле подарокъ да лисицъ пару,
Кабы сорокъ сороковъ да чёрныхъ соболей,
Да княгину-ту дарилъ да хрущатой камки.
Кабы тѣ ему (князю) подарки да приглянулися,
Кабы тѣ ему подарки да прилюбилися,
Говоритъ ему король земли Литовскія:
«Ахъ ты ой еси удалой да добрый молодецъ,
Ты торгуй-ко моей земли безъ пошлины.»
Говоритъ ему Соловей да Будимировичъ:
— Я не торгъ торговать, да не товаръ продавать,
Я пріѣхалъ посвататся на Яннушкѣ,
Какъ на той-же на Яннушкѣ Путятишной.—
Да оттуль-же Соловей да поворотъ даётъ,
Какъ идётъ то Соловей да на черленъ карабъ,
Приказалъ-то своимъ людямъ робочіимъ:
«Розснастите вы карабль да по хорошему».
Какъ стоялъ тутъ Соловей да цѣлы суточки,
Увидала тутъ-ле Яннушка черленъ карапь,
Заходила тутъ-ле Яннушка на черленъ карапь,

Увидалъ ее Соловей да Будимировичъ:
«Я хотѣлъ-де нонь по Яннушку посла послать,
Я хотѣлъ по Путятисьну вѣдь самъ бѣжать,
Какъ тепере-ле Яннушка сама пришла,
Какъ сама ёна пришла, да прикатилася;
Охъ вы ой еси мои люди робочіе!
Вы вымайте-ко якори булатныя,
Подымайте-ко парусы полотнены,
Мы побѣжимъ-ко тепере во свою землю,
Во свою-же землю, ноньце на родину».

9.

Фате́нко.

Ай во стольнёмъ во городѣ во Кіёвѣ,
Кабы было-ле пированьё-столованьё,
Да про многія князи, да про богатырей;
Тутъ сидѣли-то двѣ жоны, дакъ двѣ боярони,
Какъ одна-то была Маринка Чусова вдова,
А друга была Овдотья да дочь Облудишна,
Они пили-то, ѣли, потѣшалисе,
Промежду они собой дакъ проклаждалисе;
Наливала тутъ Овдотья да зелена вина,
Подавала-ле Маринки да Чусовой вдовѣ,
Какъ сама она за чарой да слово молвила:
«Ищэ што-же намъ людьми дакъ засылатисе,
Ищэ што-же намъ людьми дакъ замѣнетисе,—
У меня-то вѣдь есть дакъ бладъ-ясенъ-соколъ,
Бладъ-ясенъ-соколъ, да сынъ Фатенушко,
У тебя-де вѣдь есть да право бѣла́-лебедь,
Не можно́-ле какъ вѣдь намъ да ныньце родъ свести».
На ётмахъ Маринка цяру ту отводила:
Какъ сама ёна за цярой да слово молвила:
— Кабы есть у тя кура-то подслѣпая,
Какъ по городу ходитъ да всё юродуетъ,
Кабы звали у его отца-та цюдищёмъ,
Прозовутъ ныньце его право верблюдищемъ».

Кабы тутъ-же Евдотьѣ да за бѣду стало,
За велику ей досаду показалосе,
Да ставала Овдотья да со чесна пиру,
Да пошла она теперече назадъ домой,
Повѣся-ле идётъ дакъ буйной головой,
Потопя-ле дёржитъ дакъ да очи ясныя,
Очи ясныя держитъ дакъ въ мать сыру землю.
Увидалъ-де ее дакъ бладъ-ясéнъ соколъ,
Бладъ-ясéнъ-то соколъ да сынъ Фатенушко,
Онъ встрѣцеётъ свою матерь родимую:
«Ахъ ты ой еси матушка родимая!
Ужъ ты давеця пошла дакъ ёчунь весела,
Кабы ноньце идёшъ очюнь не весела:
Разѣ мѣсто тебѣ было не по разуму?
Разѣ стольнички у тебя были не вѣжливы?
Да подносчички были не очесливы?
Разѣ винны-то цяры да не доходили?
Але пивные стоканы да не доносили?»
Говоритъ ему матушка родимая:
— Кабы мѣсто-то мнѣ было по разуму,
Кабы стольнички были у мня вѣжливы,
Да подносчички были у меня очесливы,
А и пивны-ти стоканы да мнѣ доходили,
Да е винныя цяры да мнѣ доносили:
Мы сидѣли двѣ жоны, дакъ двѣ боярони,
Наливала я цяру дакъ зелена вина,
Подавала я Маринки Чусовой вдовы,
Какъ сама-ле я за цярой да слово молвила:
«Какъ у мня-ле ноньце есь да бладъ-ясенъ-соколъ,
«Бладъ-ясенъ-соколъ да сынъ Фатенушко,
«Какъ у тя-ле есь право бѣла-лебедь,
«Не можно-ле намъ теперече да родъ свести?»
На ётмахъ она цяру ту отводила,
Да сама она за цярой да слово молвила:
«Кабы есь у тя куря-то подслѣпая,
«Какъ по городу ходитъ да все юродуётъ,
« Она кой день зерно найдётъ—сыта живетъ,
«Она кой день не найдётъ—на то голодна,
«Кабы звали-ле отца да ноньце цюдищемъ,
«Прозовутъ-ле его ноньце верблюдищёмъ.»

Кабы тутъ-ле Фатенку за бѣду стало,
За велику-ле досаду да показалося,
Онъ юздалъ-де, сѣдлалъ да коня доброго,
Онъ двѣнадцеть-де подпругъ лошадиныихъ,
Онъ тринадцету клалъ черезхребетницу,
Какъ не для ради басы, да ради крѣпости,
Не оставилъ бы его да конь въ чистомъ поли.
Пріѣзжалъ онъ къ Маринкину ко терему,
Закрычалъ тутъ Фатенко да зычнымъ голосомъ:
«Ужъ ты ой еси Маринка да Чусова вдова!
Ужъ ты дай мнѣ-ка въ поли да поединщика,
Ты не дашъ мнѣ-ка въ поли да поединщицька,
Я вѣдь скрою твой теремъ да по ёкошечкамъ.»
У Маринки-то было да нынь деветь сыновъ,
Какъ деветь-де сыновъ да ясныхъ соколовъ,
Говорила имъ Маринка да яснымъ соколамъ:
— Охъ вы ой еси мои да ясны соколы!
Вы пойдите за Фатенкомъ да во чисто поле.—
Говорятъ-ле её да ясны соколы:
«Мы не ѣдемъ за Фатенкомъ во чисто поле,
Какъ Фатенкова смерть да ёчунь страшная.»
Говоритъ-то Маринка да яснымъ соколамъ:
— Я бы лучше носила да нынь деветь камней,
А не тѣхъ-бы носила да я деветь сыновъ,
Я бы бросила камни да во синё-морё,
Кабы сдѣлалась кошоцька подводная,
Да подводная кошоцька розбойная,
Да розбила-бы Фатенка да на синёмъ мори».
Да нехто не поѣхалъ да во чисто полё,
Пріѣжжалъ-то Фатенко да изъ чиста поля,
Закрычалъ-то Фатенко да зычнымъ голосомъ:
«Охъ ты ой еси Маринка да Чусова вдова!
Выходи-ко ты теперь да вонъ на юлицу.»
Акъ не вышла она да вонъ на юлицу,
Онъ вѣдь скрылъ у ей теремъ да по ёкошечкамъ,
Да вытаскивалъ Маринку да вонъ на улицу,
На одну-ле ногу сталъ, да другу оторвалъ,
Да остатки трупьё да жеребчу за хвостъ.

10.

Садо́къ.

Есь устроена въ Новѣ-гради мать-божья-черковь,
Со всыма она со чудныма иконами,
Со всыма она со попами да со духовныма.
Какъ на ту-же на славу да на великую,
Собиралосе народу да много множество,
Собиралисе купци гости торговыя,
Собиралисе попы ётцы духовныя,
Кабы былъ тутъ садо́къ купець богатыя,
Какъ служили тутъ ёбенню да воскресэнскую.
Отходила-ле ёбедня да воскресэнская,
Выходилъ-ле народъ да вонъ на юлицу,
Оставалисе купци гости торговыя,
Оставалисе попы отцы духовныя,
Говоритъ тутъ Садокъ купець богатыя:
«Я въ Новѣ-градѣ товары да всѣ повыкуплю,
Да на матушку на Волховъ да всѣ повывожу,
Кабы тридцеть-ле караблей понагружу».
Говоритъ ему попъ отецъ духовныя:
— Тѣ въ Новѣ-градѣ товары всѣ не выкупить,
Да на матушку на Волховъ да всѣ не вывозить.—
Говоритъ ему Садо́къ купецъ богатыя:
«Ужъ я бьюсь нонь съ тобой да о великъ закладъ,
Да не ё сто рублей, да не ё тысецѣ,
Ужъ я бьюсь о своей да буйной головы».
Они билися съ попомъ да ё великъ закладъ,
Да не ё сто рублей да не ё тысяцѣ,
Они бились о своихъ буйныхъ головушкахъ.
Выходилъ-ле тутъ народъ да вонъ на юлицу,
Выходили купцы гости торговые,
Выходили попы отцы духовные,
Какъ пошолъ-ле какъ попъ, да онъ домой пришолъ,
Онъ садился-ле дома да на ременщатъ стулъ,
Онъ писалъ ерлыки да скоры грамоты,
Штобы скоро нынь везли товаръ во Новъ-Городъ,
Да скоро нынь везутъ товаръ во Новъ-Городъ,
Здорожали товары да во Новѣ-Градѣ.

Начинаетъ нынь Садокъ право товаръ купить,
Кабы бралъ-то Садокъ дакъ-право день поры,
Кабы бралъ-то Садокъ дакъ и другой поры,
Кабы бралъ-то Садокъ дакъ всю недѣлюшку,
Въ Новѣ-Градѣ товару да вного множество.
Какъ пошелъ-де Садокъ въ мать-божью-церковъ,
А просилъ ю святитель золотой казны,
Обѣщался онъ построить да мать-божью-церковъ,
Со всѣма де со чудныма со иконами,
Со всѣма со попами да со духовныма.
У Садка-ле казны да вдвое прибыло,
Начиналъ-де Садокъ ноньце товаръ купить,
Онъ и бралъ-де Садокъ да право день поры,
Онъ и бралъ-де Садокъ да всю недѣлюшку,
Онъ повыкупилъ товары въ Новѣ-Городѣ,
Онъ на матушку на Волховъ да повывозилъ,
Кабы тридцеть-ли кораблей да всѣ понагрузилъ.
Побѣжалъ тутъ Садокъ да за синё-морё,
Выбѣгалъ тутъ Садокъ да на синё-морё.
Середито-ле моря да право синего,
Становилса у Садка право черленъ карабъ,
Говоритъ тутъ Садокъ купецъ богатыя:
«Охъ вы ой еси мои люди робочіе,
Вы возьмите-ко щу́палы предолгія,
Вы бросьте-ко щу́палы въ синё морё,
А нѣту-ле кошоцьки подводноей».
Кабы брали ёни щупалы предолгія,
Да бросали они щупалы въ синё море,
Дакъ нѣту вѣдь кошочьки подводноей,
Да подводноей вѣдь тутъ кошочьки розбойноей.
Говорилъ тутъ Садокъ купецъ богатыя:
«Ахъ вы ой еси мои люди робочіе!
Ужъ вы дѣлайте-ко жеребьи калиновы».
Ёни дѣлали вѣдь жеребьи калиновы,
Да метали ёни жеребьи калиновы,
Да кому-же идти да во синё-морё;
Какъ повыпалъ ноньце жеребей самому Садку,
Говоритъ-то Садокъ купецъ богатыя:
«Кабы намъ-ле эти жеребьи не жеребьи,
Ужъ мы сдѣламъ-ко жеребьи малиновы».

Они сдѣлали вѣдь жеребьи малиновы,
Да бросили они жеребьи въ синё море,
Да повыпалъ-ле жеребей самому Садку,
Змолилсе Садокъ да Господу Богу:
«Обѣщалсе я построить да мать-божью-черьковь
Со всѣма-ле я чудныма иконами».
Какъ наклалъ-то-ле Садокъ да золотой казны,
Онъ спускалъ-то казну да во синё море:
«Понеси-ко, ты, Микола, да золоту казну!»
Какъ положилъ Садокъ да на синё море,
Понесло его сундукъ да по синю морю,
Побѣжалъ-ле его да право черленъ карабъ.

11.

Василій Буслаевъ *).

Ай во славномъ во городѣ во Кіевѣ,
Какъ было пированьё-столованьё,
Какъ про вногіе князи, всё про бояра,
Какъ про злыхъ поленичъ да преюдалыихъ;
Кабы день-отъ идётъ право ко вечеру,
Кабы солнышко катится ко западу,
Кабы пиръ-отъ идётъ о полупира,
Кабы столъ-отъ идетъ о полустола,
Княженеческая радость полурадости,
Кабы солнышко по горенкѣ похаживаётъ,
Тихосмирную рѣчь да выговариваетъ:
«Ахъ вы ой еси удалы добры молодцы!
Ищэ хто вы мнѣ сослужите нонь служобку?
А не малую вѣдь службу, не великую,—
Кабы съѣздить во ту землю во невѣрную,
Какъ свезти королю да нынче пошлину».
Какъ большой-отъ хронитце за средняго,
Кабы средней хранитце за меньшого,

---

*) Представляя изъ себя по дѣйствію, въ главномъ, Василія Казимирова былина эта имѣетъ въ началѣ, а также и весь конецъ Василія Буслаева; послѣднимъ-же именемъ все время величалъ А. Осташевъ и героя былины. Н. О.

Какъ отъ меньшого нонь право отвѣту нѣтъ.
Изъ того стола изъ середняго,
Изъ того порядку изъ передняго,
Тутъ ставалъ дѣтина на рѣзвы ноги,
Говорилъ-ле тутъ да таково слово:
«Ужъ я радъ за царя да нонь службу служить,
Кабы службу-ле служить—головы сложить».
Говоритъ ему солнышко Владимеръ-князь:
— Тебѣ много-ле надо людей робочіихъ?
Тебѣ много-ле надо черныхъ караблей?—
Говоритъ ему Васинька Буслаевичъ:
«Мнѣ не надо твоя да золота казна,
Мнѣ не надо твои люди робочіе,
Только надо мнѣ право черленъ карабъ,
Да надо два брата, два названыя,
Одного-же Потанюшку-ту хромого,
Да другого Микитушку Широкова.»
Кабы скоро тутъ робята снарежаютца,
Кабы скоро они да сподобляютца.
Какъ походятъ робята на черленъ карабъ,
Вотъ заходятъ они да на черленъ карабъ,
Вотъ прощаютсе на четыре дальни стороны,
Какъ князю со княгиной на ёсобицу:
«Вы прощайте-ко право люди добрыя!
Не бывать вѣдь намъ будётъ да на светой Руси,
Не видать намъ будетъ да стольнёй-Кіевъ-градъ,
Не слыхать намъ вѣдь звону колокольняго,
Не слыхать намъ пѣтья-четья черковного».
Кабы скоро тутъ робята сподобляютца,
Кабы Васинька сталъ право ко парусу,
А Микитушка сталъ право ко якорю,
А Потанюшка хроминькой ко вороту,
Побѣжали тутъ робята за синё морё.
Выбѣгали они да за быстрой субой,
Кабы начело ихъ право покачивать,
А покачивать начело, пошатывать,
Какъ Микита широкой подъ у́ножъ упалъ,
Кабы Васинька Буслаевичъ на у́ножъ палъ,
Какъ Потанюшка хроминькой кормой шататъ,
Какъ кормой-де шататъ, парусъ поправливатъ.

Перебѣжали робята за быстрой субой,
Забѣгали во тихія во гавани,
Опускали-де парусы полотнены,
А метали-де якори булатные,
Кабы клали-де сходни коньцемъ на землю.
Кабы тутъ-де робята снарежаютсе,
Кабы скоро робята сподобляютсе,
Какъ берутъ-ле тепере да золоту казну,
Золоту-ле казну да ноньце пошлину,
Какъ пошли они ко царишшу ко Батуишшу,
Понесли ему золоту казну нонь пошлину,
Какъ скоро идутъ они ко городу,
Какъ приходятъ къ палатамъ бѣлокаменнымъ,
Какъ скоро идутъ да на круто крыльцо,
Кабы скоро въ палаты бѣлокаменны,
Говоритъ-то вѣдь Васинька Буслаевичъ:
«Охъ ты гой есь царишшо Абатуишшо!
Ты примай-ко отъ насъ да золоту казну,
Золоту-де казну да ноньце пошлину.»
Говоритъ имъ царишшо нонь Батуишшо:
— Какъ сослужите вы службу я приму казну,
Не сослужите службы—головы срублю;
Кабы есь у меня въ полѣ трицщеть три колышка,
Какъ на всѣхъ-то на колышкахъ по головушкѣ,
А на трехъ-то-ле колышкахъ нѣтъ головушекъ,—
Я повѣшу ваши буйные головушки.
Кабы есь у мня въ поли право три бойца,
Кабы можите побороть—я казны возьму,
Какъ неможите побороть—головы срублю.
Говоритъ ему Васинька Буслаевичъ:
«Я надѣюсь на спаса Вседоржителя,
На другого на брата на названого,
На тово-же Потанюшку на хромова».
Тутъ походятъ робята во чисто полё,
Какъ ко тѣмъ-же борьцамъ да преюдалыемъ,
Какъ Потанюшка-то хроминькой прихрамыватъ,
На ёдну-ту ногу нониця припадыватъ,
Говоритъ-то Потанюшка-то хроминькой:
«Ужъ ты какъ мнѣ прикажешъ нонь боротися—
Со всѣма-ле мнѣ вдругъ, ле по единому?»

Говоритъ ему Василей Буслаевичъ:
— Ковда есь у тя юдаця молодецкая,
Ты бери ихъ всѣхъ трехъ до единого».
Какъ берётъ его Потанюшка-то хромпнькой,
Какъ одного-то бралъ во праву руку,
Какъ другого-то бралъ во лѣву руку,
А вѣдь третьего бралъ право въ охабоцьку,
Подымалъ онъ вѣдь ихъ выше головы,
Опускалъ онъ о матушку сыру землю,
Кабы тутъ вѣдь имъ всѣмъ да смерть случилосе.
Закрычалъ тутъ-де Васька зычнымъ голосомъ:
«Охъ ты ой есь царишшо, ты Батуишшо!
Ты примай-ко отъ насъ да золоту казну.»
Говоритъ имъ царишшо нонь Батуишшо:
— Вы сослужите ище службу—я приму казну:
Кабы есь у мня въ поли право тугой лукъ,
Какъ которымъ стрѣляла дочь любимая,
Кабы можите владѣть дакъ я приму казну.—
Говоритъ ему Васинька Буслаевичъ:
«Я надѣюсь на Спаса Вседоржителя,
На другова на брата на названова,
На тово-же Микитушку Широкова».
Кабы скоро несутъ да право тугой лукъ,
Подъ одинъ-отъ конечъ тридцеть тотариновъ,
Подъ другой-отъ конечъ тридцеть тотариновъ,
А тетивку несутъ тридцеть тотариновъ,
Калену стрѣлу несутъ тридцеть тотариновъ.
Какъ приходитъ Микита ко тугу луку,
Онъ берётъ-то вѣдь лукъ во лѣву руку,
А тетивку берётъ да во праву руку,
Прижималъ онъ колѣномъ право правыимъ,
Полетѣли отъ лука мелки дребезги.
Какъ оттуль они пошли да ко Батуишшу,
Закрычалъ тутъ-де Васька зычнымъ голосомъ:
«Ты примай-ко ётъ насъ да золоту казну.»
Говоритъ имъ царишшо нонь Батуишшо:
— Я наложу нонь вамъ да еще службоцьку:
Кабы есь у мня дочерь любимая,
Какъ горазна играть да въ мелки шахматы.—
Какъ садилися играть да въ мелки шахматы,

Какъ со тою со царскою со дочерью,
Кабы разъ Васька ступилъ, да другой ступилъ,
Какъ третьей ступилъ—ей больше некуда;
Закрычалъ тутъ-де Васька зычнымъ голосомъ:
«Ужъ ты ой еси царишшо, ты Батуишшо!
Ты примай-ко ётъ насъ золоту казну»,
Ты не примешъ казну—у тя голову сорву.»
Говоритъ имъ царишшо нонь Батуишшо:
— Охъ вы ой еси удалы добры молодцы!
Я приму отъ васъ топере золоту казну.—
Они дали ему да золоту казну,
Какъ пошли ёни робята на черленъ карабъ,
Обирали они сходенки дубовыя,
Повымали якоря новы-булáтныя,
Подымали паруса-бѣлополóтнены,
Побѣжали робята во свою землю.
Побѣжали тутъ робята по синю морю,
А увидѣли каменьё превысокія,
Кабы сдумали робята тутъ потѣшитсе,
Приворóтили робята ко крутой горы,
Заходили тутъ робята на круту гору,
Тутъ лежитъ кось-глава да человѣческа,
Поколотилъ-то вѣдь Васинька Буслаевичъ:
«Охъ ты ой кось-глава человѣческа!
Кабы руська глава дакъ схоронить надо,
Какъ погана глава дакъ мы погалимсе,
Ты зачѣмъ-же лежишъ креста по лѣву руку?»
Говоритъ кось глава человѣческа:
— Охъ ты ой есь ты Васинька Буслаевичъ!
Ты вѣдь самъ ноньце легёшъ креста по лѣву руку.—
Кабы стали робята-та поскакивать,
Какъ поскакивать стали съ камня на камень,
Какъ выскакивалъ Васинька побольше всѣхъ,
Кабы стали скакать да задомъ наперёдъ...

Тутъ, оставивъ пѣть, А. Осташевъ досказалъ словами: «скочилъ съ заду на передъ, палъ на камешокъ, разломалъ свою буйну головушку, чё больше? Больше не знаю».

12.

Князь Долгорукой и ключникъ.

Кабы жилъ-ле тутъ да Долгору́кой князь.
Онъ держалъ при сибѣ да блады ключника,
Онъ держалъ-ле его да ровно триццеть лѣтъ,
Онъ и пилъ-де и ѣлъ да съ одного стола,
Да повѣрена ему вся золота казна,
Золота-ле казна да княженеческа,
Да повѣрены ему нонь золоты ключи,
Золоты-ле ключи да кованы ларьци.
Онъ по часту-ле ходилъ да на царевъ кабакъ,
Онъ по вногу-ле пьетъ да зелена вина,
Онъ не чашками пьётъ, да не братынями,
Онъ-де вёдрами пьётъ, дакъ полувёдрами,
Онъ откатыватъ боцьки да сороковоцьки,
Да на ту-же на площадь да на широкую,
Да на ту-же дорогу да прямоѣжжую.
Онъ поилъ-ле дружьей-това́рищёвъ,
Онъ поилъ-ле голей да все кабацкіихъ,
Изъ ума-то-ле дѣтина да выпиваетсе,
Изъ рѣчей самъ дѣтина да вышибаетсе:
«Я живу у князя да ровно тридцеть лѣтъ,
Мнѣ повѣрена теперь да золота казна,
Мнѣ повѣрены теперь золоты клюци,
Золоты-ле клюци, да кованы ларьци,
Я со княземъ-то живу да равно триццеть лѣтъ,
Со княгиной я живу да равно три года,
У княгины на колѣняхъ да вного сиживалъ,
Ужъ я въ пазухи руки да вного дяржывалъ,
Я пониже-ле пупа, да околъ че́рева».
А услышели бояра да толстобрюхіе,
Доносили-ле князю да Долгорукому,
«Охъ ты ой еси ты нашъ да Долгорукой князь!
Не имѣешъ ты не сына, да не дочери,
Да имѣшь ты при сибѣ бладого ключника,
Онъ по часту-ле ходитъ да на царевъ кабакъ,
Онъ по вного-ле пьетъ да зелена вина,
Изъ ума-то-ле дѣтина да выпиваетсе,

Изъ рѣчей-то дѣтина вышибаетсе:
«Я живу-ле у князя да ровно трищеть лѣтъ,
«Со княгиней я живу да ровно три года,
«У княгины на колѣняхъ да вного сиживалъ,
«Ужъ я въ пазухи руки да вного дяржывалъ,
«Я пониже-ле пупа, да околъ черева».
Говоритъ-то-ле имъ да Долгорукой князь:
— Охъ вы ой еси мои люди придворныя!
Вы подите-ко, ведите младого ключника.—
Привели-ле къ ему младого ключничка,
Допросилъ-ле его да Долгорукой князь,
Говоритъ-ле ему да млады ключничекъ:
«Я живу-ле у тебя да ровно трищеть лѣтъ,
Со княгиной я живу да ровно три года».
Говоритъ то теперь да Долгорукой князь:
— Ужъ вы ой еси мои люди придворныя!
Вы состройте-ко рели да превысокія.—
Какъ и сдѣлали ёни рели превысокія,
Кабы дѣлали петелку пеньковую,
Повели они да млада ключничка.
Повели-ле тутъ тепере да млада ключничка,
Говоритъ-то-ле имъ да младо ключничёкъ:
«Вы позвольте-ко пропѣть да ноньце пѣсенку,
Да не первую пѣсенку, послѣднюю».
А запѣлъ-де ёнъ пѣсенку послѣднюю:
«Ужъ я жилъ-то у князя да ровно трищеть лѣтъ,
Со княгиной-то я жилъ да ровно три года,
У княгины на колѣняхъ да вного сиживалъ».
Привели его ко релямъ да превысокіимъ,
Запихали какъ буйну-главу во петелки,
Доброй молодецъ во петелки качаетсе,
А княгиня въ терему право кончаетсе,
Какъ сама она тепере да приговариватъ:
«А куда ноньце летитъ да младъ-ясенъ-соколъ,
Да туда-же ты лети право бѣла-лебедь».

13.

Небылица.

Ай во славномъ во городѣ во Кашинѣ,
Да было побоище престрашное:
Какъ дралися невѣстушки съ золовками,
Какъ большимя боями всё мутовками,
Зарежали горшки да ёни пушками,
Да стрѣляли изъ за каменной стѣны, изъ за жорнова.

---

3. Устинья Филипповна Чупрова.

Невысокая, тщедушная, но разбитная, словоохотливая жена лѣсника, спѣла мнѣ лучше чѣмъ всѣ другіе странную старину про Бутмана, стихъ мученіе Егорья и пѣсню про Александра II-го. Объ ея мужѣ, Афонасьѣ въ Устцыльмѣ я наслышался какъ о замѣчательномъ сказителѣ, но встрѣтился съ нимъ въ недобрую для его минуту: послѣ воскресенья онъ сильно страдалъ похмѣльемъ. Къ сожалѣнію—говоря чуть не про всякого старинщика, мнѣ приходится говорить и о водкѣ—такъ она страшно въѣлась въ каждую пору народной жизни. Афанасій впрочемъ разувѣрилъ меня, что онъ знаетъ старины, про него «наплели»: онъ хорошо знаетъ пѣсни. Жена его кромѣ Бутмана, также не знаетъ больше старинъ.

14.

Бутманъ Колыбановичъ и царь Петръ Алексѣевичъ.

Какъ про бѣнного сказать, да про бѣлого,
Про удалого сказать, доронна молодца.—
Онъ и ходитъ-де удалой доброй молодецъ,
На цареви-то ходитъ большомъ кабаки,
На кружалѣ онъ ходитъ восударевомъ,

Онъ и пьетъ вного дѣтина зелена вина,
Онъ не цярою пьетъ, самъ не стоканами,
Онъ откатыватъ боцьки сороковоцьки,
Во хмелю-ту самъ дѣтина выпиваетца,
Изъ рѣцей-то Бутманъ сынъ вышибаетсе:
«Ужъ я силушкою ноньце царя сильне,
Ужъ я смѣтоцькою царя посмѣливе».
Пригожались у царя люди придворныя,
Какъ придворныя люди—губернаторы,
Губернаторы, люди толстобрюхіе;
Они скоро пошли, царю доносили:
«Ужъ ты ой еси надѣжа православной царь,
Ты со ярости Пётъ сынъ Алексѣевичъ!
У тя ходитъ на цареви большомъ кабаки,
На кружалѣ-то ходитъ восударевомъ,
Молодой сынъ Бутманъ да Колыбановичъ,
Онъ и пьетъ вного дѣтина зелено вино,
Онъ не цярою пьетъ, да не стоканами,
Онъ откатыватъ боцьки сороковоцьки,
Во хмелю-ту дѣтина выпиваетца,
Изъ рѣцей-то Бутманъ сынъ похваляетсе:
«Ужъ я силушкою ноньце царя сильне,
«Ужъ я смѣтоцькою царя посмѣтливе».
Какъ гореця его *) кровъ да расгорѣлосе,
Могуци его плеця да расходилисе,
Не увидѣлъ-бы надѣжа свѣту бѣлого,
Онъ послалъ-бы трехъ слугъ да немилосливыхъ,
Немилостивыхъ слугъ, да не жалосливыхъ:
«Какъ сковать его, связать, да такъ ко мнѣ тащить».
Какъ пошли они палачи всё буятныя (такъ!),
Подошли они Бутману, низко кланялись:
«Ужъ ты ой еси Бутманъ сынъ Калыбановичъ!
Ты пойдемъ ко царю да на почесенъ пиръ,
Пировать-столовать, да ѣства кушати».
— Вы постой-те-ко, робята, поманитесь-же,
Ужъ я выцью-же цяру зелена вина,
Я не малую цяру полтора ведра.—
Ужъ берётъ-то онъ цяру единой рукой,

*) царя.

Выпиветъ онъ цяру единымъ духомъ.
— Не окатила эта цяра ретиво сердцо,
Не звеселила эта царя буйну голову,
Мы тыпереця пойдемъ да на почесенъ пиръ.—
Подошли они ко гринямъ богатырьскіимъ,
Какъ во тѣ-же полаты бѣлы-каменны,
Онъ ставалъ передъ царя да на рѣзвы ноги,
Какъ на тѣ-же колѣнки богатырьскіе:
«Ужъ ты ой еси надѣжа провославной царь,
Ты со яросью Петръ Алексѣевичъ!
Ты за што меня зо вешъ, да за што требуешъ?
Уже што-же я тибѣ ноньце надѣлалъ такъ?
Уже што я тибѣ да напрокуцилъ такъ?»
Говоритъ-то надѣжа православной царь:
— Ужъ ты ой еси Бутманъ сынъ Колыбановичъ!
Ужъ ты ходишъ на церевомъ большомъ кабаки,
На кружалѣ ты ходишъ восударевомъ,
Ужъ ты пьёшъ-же Бутманъ да зелено вино,
Во хмелю ты, дѣтина, выпиваишсе,
Во рѣцяхъ ты дѣтина шибоватъ живёшъ:
«Ужъ я силушкою буду царя сильне,
«Ужъ я смѣтоцькою царя посмѣтливе».
Засажу я тебя въ стѣны каменны,
Я замкну тебя въ замки окованы,
Я ссѣку-де, срублю у тебя буйну голову.—
Говоритъ-же Бутманъ сынъ Колыбановичъ:
— «Ты попомни-ко, надѣжа, самъ подумай-ко,
Когда былъ ты, надѣжа, во чужой земли,
Ужъ ты былъ во земли да во поганой-же,
Какъ во той во ёрды, да во проклятой-же,
Тебя хто-же оттуль тогды повыкупилъ?
Тебя хто-же оттуль тогды повыручилъ?
Тебя хто-же оттуль тогды на свѣтъ спустилъ?»
— Не пустымъ ты, дѣтина, похваляишсе!
Ужъ я много тибѣ дамъ да золотой казны,
Города тибѣ дамъ да съ пригородками,
Я села тибѣ дамъ да со деревнями.—
«Мнѣ не надо твоя да золота казна,
Мнѣ не надо города ’ пригородками,
Мнѣ больши твои сёла со деревнями,

Только дай мнѣ-ка пить вина безденежно,
Какъ безденежно вина, да безкопеечно».
Царь писалъ ерлыки, да скоры грамоты,
Разсылалъ ерлыки на четыре стороны,
Штобы пить ему вино безденежно,
Какъ безденежно, Бутману, безкопеечно.
Тутъ зашолъ-де Бутманъ да во новой кабакъ,
Онъ и взялъ-ле онъ боцьку подъ праву руку,
Онъ топнулъ-де въ полъ да какъ правой ногой,
Какъ разсыпалась печь, печь кирпичная,
Какъ пошолъ-де Бутманъ вонъ на улицу.
«Ужъ вы ой еси голи всѣ кабачкія!
У кого у васъ болятъ нынь буйны головы,
Выходите за мной да вонъ на улицу».

Устинья Чупрова дальше старины не помнитъ, но сказала, что конецъ тутъ близко. Я списывалъ эту старину отъ четырехъ лицъ и никто какъ слѣдуетъ не могъ допѣть ее до конца. *Анна Максимова Поздѣева,* изъ села Замежного-же, досказала конецъ старины словами такъ: «Бѣлой (А. П. не разу не назвала героя Бутманомъ) пошолъ въ кабакъ, а тамъ его не спустили, онъ топнулъ ногой дверь и она разлетѣлась на четыре жеребья. Пошолъ, взялъ сороковку (бочку сорока-ведерную) и вышелъ пить съ товарищами. Допилъ до того, что опохмелиться *у Васи* стало не на што».

15.

Царь Александръ II.

Время тяжкое приходитъ—
Французъ съ туркой воевалъ,
Съ Оглицяниной кумился,
Не могли Россію взять.
Не въ показанное время
Царя требуютъ въ сенотъ;
Царь не долго снарежался,
На емскихъ царь отъѣзжалъ,
Да не кому царь не сказалъ,
Только вѣску брату далъ:

«Пріѣзжай, братъ, поскорѣе,
Попровѣдай, братъ, меня,
Придаютъ мнѣ скору смёртку,
Похоронятъ, братъ, меня».
Братъ по горницѣ идётъ,
Во рукахъ книгу несётъ,
Книга страшна и порушна—
Алексанъ пошолъ назадъ,
Во колёсоньку садился,
Ко сеноту подъѣзжалъ,
Ко сеноту подъѣзжалъ,
Чесовымъ чесь воздавалъ:
— Ужъ вы здраствуйте, робята,
Сенаторскіе стражи!
Не видали-ли, робята,
Не прошелъ-ли ефицеръ»?
Они другъ на друга зглянутъ,
Говорятъ, что не прошелъ.
Одинъ мальчикъ чернобровой
Чернымъ глазикомъ повёлъ,
Ефицеръ въ сенотъ зашолъ.

Лѣтомъ 1903 года, въ Поморьѣ, я записалъ эту пѣсню въ болѣе полномъ видѣ. Оканчивается пѣсня, записанная въ Поморьѣ, такъ:

...Во коляску братъ садился,
Ко сеноту подъѣжжалъ,
Да пуховую шляпу снялъ,
Да чесовымъ чесь воздавалъ:
Ужъ вы здраствуйте робята,
Сенаторская стража:
Не видали-ли робята,
Не прошелъ-ли офицеръ?
Они другъ на друга взглянутъ,
Говорятъ, что не прошелъ.
Одинъ парень чернобровой,
Чёрнымъ глазикомъ повёлъ:
«Государь въ сенотъ зашолъ».
А Костя саблю обнажалъ,
Да чесовымъ головки снялъ,

Да единого съ собой взялъ;
Трои двери проломалъ,
Да до четвертыхъ доступалъ;
Да онъ четверты проломалъ,
Да на колѣняхъ царь стоитъ,
Передъ нимъ полковникъ ходитъ:
— Поскорѣй царь подпишись,
Да не долга твоя жись».
Сенаторы всѣ стоятъ,
Да царю смертiю грозятъ.

---

4. Тарасъ.

Въ Устцыльмѣ еще я наслышался объ Тарасѣ (фамилью его я забылъ записать), какъ объ очень хорошемъ сказателѣ, но когда познакомился съ нимъ, Тарасъ сказалъ, что старинъ не знаетъ совсѣмъ, а знаетъ только пѣсни. Спѣлъ онъ мнѣ только про Бутмана и то потому, что на Пижмѣ это что-то среднее между былиной и пѣсней: поютъ Бутмама совсѣмъ особымъ, приближающимся къ пѣсенному, напѣвомъ. Но и Бутмана зналъ Тарасъ нетвердо. Вообще слава сказателей не всегда соотвѣтствуетъ ихъ дѣйствительному качеству.

16.

Бутманъ и царь Петръ.

Во печали намъ жить не небъ кручину быть,
На дому надо ходить не набъ куражиться.
Какъ про бѣнного сказать, будто про бѣглого,
Про юдалого сказать, дородня молодца.
Онъ и ходитъ на царевомъ большомъ кабаки....

Въ концѣ Тарасъ пѣлъ старину такъ:

.... Онъ заходитъ Бутманъ да во царевъ кабакъ,
Тутъ лежитъ Васька на печкѣ на муравленкѣ,
Безъ креста лежитъ Васинька безъ пояса,
Онъ пропилъ-де всю сбруню лошадиную,
Онъ-де пропилъ-де Васинька лошадь добрую,

Онъ-де пропилъ-де палицу буёвую,
Онъ-де пропилъ копейцо бурзомецкое,
Онъ-де пропилъ-де Васинька свой тугой лукъ,
Онъ-де пропилъ колчанъ каленыхъ стрѣлочекъ,
Опохмелиться у Васьки видно не на што,
Со похмельица у Васьки голова болитъ,
Говоритъ-то Бутманъ сынъ Колыбановичъ:
«Ожъ вы ой есь воры чумаки, да чѣловальники!
Ожъ вы дайте мнѣ пить вино безденежно,
Мнѣ безденежно пить, безкопеечно».
Не даваютъ ему пить вино безденежно,
Онъ топнулъ-де, Бутманъ, ноньце правой ногой,
Кабы пеци кирпищаты розсыпались,
Какъ хрустальня посуда розломалосе,
Але боцьки съ виномъ да роскатилисе;
Онъ берётъ одну боцьку сороковоцьку,
Онъ берётъ эту боцьку самъ подъ пазуху,
Онъ выноситъ эту боцьку вонъ на улицу:
«Ожъ вы ой еси вы голи всѣ кабацкіи!
Вы подите ко мнѣ да опохмелю васъ».
Какъ ставаётъ-де Васинька съ муравленки,
Онъ подходитъ-де къ Бутману Колыбанову;
Они пили-то, ѣли трои сутоцьки,
Они выпили одну да сороковоцьку,
Онъ*) и пнулъ эту боцьку правой ногой,
Розлетѣлась эта боцька на три жеребья:
— Изъ порозной-то посуды нонь не пьютъ, не ѣдятъ**).
... Онъ заходитъ-то Бутманъ да во царевъ кабакъ:
«Ужъ вы ой еси воры, чумакй да чѣловальники!
Вы отдайте намъ съ Васькой коня доброго,
Вы отдайте всю сбрую лошадиную,
Вы отдайте доспѣхи богатырскія.»
Ему отдали, Бутману, коня доброго,
Ему отдали всю сбруню лошадиную,
Ему отдали доспѣхи богатырскія.
Какъ поѣхали они съ Васинькой во чисто полё,

*) Бутманъ.
**) Три раза выносилъ цо бочкѣ Бутманъ и пировали они 9 сутокъ.

Они ѣдутъ по полю потѣшаются,
Какъ своими стрѣлами забавляются.

III. ДЕРЕВНЯ АВРАМОВСКАЯ.

5. Василій Аврамовичъ Чупровъ.

Это тотъ самый *Вася Малый*, на котораго всѣ указывали мнѣ какъ на лучшаго знатока былинъ на Пижмѣ; Ѳ. Чуркина, напр., его ученица. Родомъ В. А. изъ дер. Аврамовской, на Пижмѣ, но теперь живетъ въ селѣ Верхнемъ Бугаевѣ, читаетъ по покойникамъ, служитъ часы и вообще исполняетъ роль старообрядческаго наставника. Онъ очень старъ, ему 78 лѣтъ, и много старинъ онъ перезабылъ, а что помнитъ, помнитъ плохо. Отрывокъ старины про Ваську Игнатьева спѣлъ очень охотно хотя и наставникъ; въ немъ нѣтъ угрюмости замкнутости, обыкновенно наставникамъ присущей. Прозвище ему „Малый", а онъ великъ ростомъ, съ громадной черной бородой; очень добродушенъ, непрочь потолковать о многомъ и выпить.

17.

Васька Игнатьевъ.

(Отрывокъ).

....«Полети-ко ты стрѣлочка калёная,
Повыше ты дерева шаровогo,
Пониже ты облака ходечого,
Не падай не на гору, не на воду,
Пади-тко ты Скурлы во черенъ шатёръ,
Тому-же-ле Киршику во правой глазъ,
Да выйди ты стрѣлоцька лѣвымъ ухомъ».
Онъ подёрнулъ тетивочку шолковую,
Полетѣла-то стрѣлоцька калёная,
Повыше она дерева шаровогo,
Пониже она облака ходяцяго,
Не падала не на воду не на землю,

Да пала-ле Скурлы нонь во чернъ шатёръ,
Тому-же-ле Киршику во правой глазъ,
Да вышла-ле стрѣлоцька лѣвымъ ухомъ.
Да и тутъ-же-ле Скурла зволновалисе,
Подходятъ ко городу ко Кіеву,
Да просятъ они да виноватого.
Говорятъ-то бояра толстобрюхіе:
«Кабы кто бѣду загрезилъ, тотъ догрезивай».
Пойдетъ-то-ле Васинька воротитце,
Воротитце Васинька поклонитце,
Говоритъ-то Василей сынъ Игнатьевичъ:
«Ужъ вы ой еси бояра толстобрюхіе!
Еще-ли я вамъ, Васинька, понадоблюсь?»
Говорятъ-то бояра толстобрюхіе:
— Тебѣ сказано, Васинька, отказано,
Тебѣ сказано: ты намъ больше не надобно.—
Пошолъ-то-ле Васинька во чисто полё,
Ко тому-ле ко Скурлы сыну Смородову:
«Охъ ты ой еси Скурла царь Смородовичъ!
Прощай ты меня да во первой вины,
Принимай ты меня во товарыщи,
Громѣть-шурмовать да столнёй Кіевъ-градъ,
Оставить только князя со княгиною,
Оставить-же церквы соборныя,
Оставить-же царевы больши кабаки».
Простилъ его Скурла во первой вины,
Да принялъ его да во товарыщи,
Громѣть-шурмовать да стольнёй Кіевъ-градъ.
Пошли-то они да въ стольно-Кіевъ-градъ,
Да увидѣли бояра толстобрюхіе:
«Да не чудо-ле, братцы, не диво-ле,
Да Васька Игнатьевъ передомъ идётъ!»
Приходятъ къ воротамъ городовымъ,
Да зыкнулъ-ле Васинька Игнатьевичъ,
Да зыкнулъ онъ палицей буевой,—
Улетѣли ворота во чисто полё.
Завалила сила въ стольно-Кіевъ-градъ,
Громѣли-шурмовали стольно-Кіевъ-градъ,
Да худшую силу въ пень повысѣкли,
Да лучшую силу во полонъ взели,

Да оставили только князя со княгиною,
Оставили только церквы соборныя,
Оставили царевы большіе кабаки,
Да выгнали силу на чисто полё.
Да сталъ-то тутъ Скурла нонь животъ дѣлить,
Да дѣлитъ животъ онъ на три пая.
Да былъ у его ноньце малой сынъ,
Говоритъ-ле ему да таковы рѣци:
«Охъ ты Скурла царь да сынъ Смородовичъ!
Кабы у́ бою, у драки Васька первой былъ,
Кабы у дѣлу, у па́ю Ваську обдѣливать».
Говоритъ-то-ле Скурла сынъ Смородовичъ:
— Да есь у меня сабелька-то новая,
Да новая-та сабелька, не точена,
Не тоцена сабелька, некровавлена,
Поправлю нонь по шеи я по Васиной.—
Да тутъ-то-ле Васьки за бѣду стало,
За великую досаду показалосе,
Хваталъ-то-ле Васинька саблю вострую,
Окровавилъ всё по шеѣ по Скурловой;
Хваталъ онъ тотарина какой побольше всѣхъ,
Побольше, потолще, поедрене всѣхъ,
Хваталъ онъ его да за рѣзвы ноги,
Да сталъ онъ по силушки похаживать,
Да сталъ онъ по силушки помахивать,
Куды онъ махнетъ, да тутъ и улича,
А назадъ поворотитъ—переулеча,
Да самъ онъ ему да приговариватъ:
«Ты тонокъ на жилахъ—не вырвешсе,
Ты сухъ на костяхъ да не изломишсе.»
Онъ билса, пласталса трои суточки,
Не пиваючись, Васька, не ѣдаючись,
Онъ всѣхъ ихъ убилъ да до единого,
Оставилъ только силу полоненую,
Воротилъ ей назадъ да въ стольно-Кіевъ-градъ.
А пошолъ-то онъ во гриню во столовую,
Ко тому-же ко князю ко Владимеру,
Хваталъ онъ столесенку дубовую,
Хотѣлъ онъ убить князя Владимера.
Солнышко князь нонь подъ столъ упалъ:

«Охъ ты ой еси Васинька Игнатьевичъ!
Бери ты города съ пригородками,
Бери ты села со деревнями,
Оставь только меня ныньце живого».
Говоритъ-то-ле Васинька Игнатьевичъ:
— Мнѣ не надо города съ пригородками,
Мнѣ не надо села со деревнями,
Только дай мнѣ-ка, Васинькѣ, такой дозволъ:
Штобы пить мнѣ вино нонь безденежно,
Штобы пить мнѣ вино нонь безкопеешно.—
Да давалъ ему князь нонь такой дозволъ:
Штобы пить ему вино да вѣкъ безденежно.

VI. ДЕРЕВНЯ БОРОВАЯ.

6. Анна Денисовна Осташева.

Старуха 62 лѣтъ, живетъ въ Боровой; была выдана замужъ въ Устьцыльму, за родню моего старинщика Петра Поздѣева, но овдовѣла и теперь опять живетъ на родинѣ. Скрытна, боязлива, послѣ долгихъ упрашиванiй согласилась пѣть; хоть и очень бѣдна, но долго отказывалась отъ гонорара; пѣла хорошо, знала старину твердо.

18.

Василiй Игнатьевъ.

Не по матушки было по Невы рѣки,
Тутъ плыли, выплывали два гнѣды тура,
Кабы встрѣцю имъ матушка родимая:
«Ужъ вы здраствуйте, туры, да дѣти малыя!»
— Ужъ ты здраствуй, матушка родимая!
Кабы ты-же турица златорогая!—
«Ужъ вы гдѣ-же туры, да были-спобыли?
Вы чего-же туры да много видѣли?»
— Ожъ мы были-то, матушка, во Шаховѣ,
Ужъ мы были восударына, во Ляховѣ,

Сорочинско славно полё поперекъ прошли,
А Куликово поле съ угла на уголъ,
Стольнё-Кіевъ-де градъ да изъ конца въ конецъ;
Не какого цюдышко не видѣли,
Только видѣли цюдышко не малое,
Какъ не малое цюдо привеликое:
Выходила тутъ дѣвиця младо-красная,
Да въ одной она рубашоцькѣ безъ пояса,
Да въ одныхъ она цюлоцькахъ безъ башмациковъ,
Приходила она да ко Почéвъ рѣки,
Да брала она книгу, да лисъ евангельё,
Приходила она да ко Почéвъ рѣки,
Забродила она да по колѣнъ въ воду,
А ище того поглубже выше поеса,
А ище того поглубже до бѣлыхъ грудей;
Становилась ко камешку ко сѣрому,
Она клала-то книгу на сѣръ-горючь камень,
А стояла она да отъ зари до зари,
А цитала она книгу отъ доски до доски,
Она сколько цитала, вдвое плакала.—
«Охъ вы, глупые туры, да дѣти малыи!
Охъ вы глупыи туры да неразумныи!
Не дѣвиця выходила да младо-красная,
Присвята Госпожа Мати-Богородиця.
Она цюетъ надъ городомъ незгодушку,
Она цюетъ надъ Кіевомъ великую:
Кабы Скурла-де царь до подымаетсе,
Скурлыта-де-ка царь да сынъ Смородовичъ,
Со любимымъ со сватушкомъ со Коршакомъ,
Со любимымъ со зятёмъ со Коньшакомъ,
Со любимымъ племенникомъ со Киршакомъ;
Объявилъ онъ, собака, да силы множество,
Впереди его, собаки, сорокъ тысецей,
По праву руку, собаки, сорокъ тысецей,
По лѣву руку, собаки, сорокъ тысецей,
Позади его, собаки, да числа смѣту нѣтъ.
Выѣжжалъ онъ, собака, на чисто полё,
Хорошо онъ, собака, да шатры выстроилъ,
Баско-хорошо, собака, да верхи выкрасилъ,
Во шатры-де, собака, да столы выставилъ,

Онъ писалъ-де ерлыкъ да скору грамотку,
Выбиралъ онъ тотарина самолучшаго,
Кой получше, побольше, попроворне всѣхъ,
Кабы самъ онъ тотарину наговариватъ:
«Ты поѣдь-ко удалой доброй молодецъ,
«Черезъ заставы ѣдь да каравульныя,
«Черезъ стѣны ты ѣдь да городовыя,
«У воротъ ты не спрашивай приворотниковъ,
«У дверей ты не спрашивай придверниковъ,
«Станови ты коня да середь уличи,
«Не приказана коня, да не привязана,
«Заходи ты ко князю ко Владимеру,
«Заходи ты во гриню во столовую,
«Ты положъ-ко ерлыкъ да на дубовой столъ,
«Ты положъ-ко ерлыкъ, да скоро вонъ поди.»
Какъ увидѣлъ-то солнышко Владимеръ-князь,
Онъ увидѣлъ ерлыкъ да скору-грамотку,
Говоритъ-то тутъ солнышко Владимеръ-князь:
«Ужъ ты ой есь Добрынюшка Никитичъ сынъ!
Ты цитай-ко ерлыкъ да скору-грамотку.»
Какъ цитатъ-бы Добрынька усмѣхаетця:
«Какъ даютъ городъ добромъ, дакъ я добромъ возьму;
«Не даютъ городъ добромъ дакъ я боёмъ возьму,
«Какъ боёмъ-де возьму, да кроволитьичомъ,
«Самого-то князя я подъ мечь склоню,
«Какъ Опраксію княгиню да за собя возьму,
«Какъ соборны ихны черкви всѣ на дымъ спущу».
Кабы это-де князю да за бѣду стало,
За досаду показалось за великую,
Кабы сталъ-то тутъ солнышко снарежатисе,
Кабы кунію-ту шубу на одно плечо,
А пуховъ-де колпакъ да на одно ухо,
Онъ пошелъ по городу по Кіеву,
Кабы стрѣчу ему бóльшая подсушина:
«Ужъ ты здраствуй-де, большая подсушина!»
— Ужъ ты здраствуй-ко, солнышко Владимеръ-князь!
Ужъ ты што-же идёшъ да не по старому?
Повеся ты дёржишъ да буйну голову,
Потопя-де дёржишъ да очи ясныи.—

«Охъ ты ой еси, бо́льшая подсушина!
Какъ есь у меня надъ городомъ незгодушка,
Кабы есь у меня надъ Кіевомъ великая,
Ты не знашъ-ле наѣжжого богатыря?»
— Ужъ ты батюшко, солнышко Владимеръ-князь!
Ты не съ нами думу думаешъ, съ боярами,
Могутъ они тебѣ способствовать».
А оттоль-де-ка солнышко вперёдъ пошолъ.
Кабы встрѣту ему средня подсушина:
«Ужъ ты здраствуй-ко, средня подсушина!»
— Ужъ ты здраствуй-ко, солнышко Владимеръ-князь!
Ужъ ты что-же идёшъ да не по старому?
Повеся да дёржишъ буйну голову,
Потопя-де дёржишъ да очи ясныя?—
«Охъ ты ой есь, средняя подсушина!
Кабы есь у мня надъ городомъ незгодушка,
Кабы есь у мня надъ Кіевомъ великая,
Ты не знашъ-ле наѣжжого богатыря?»
— Ужъ ты солнышко, батюшко Владимеръ-князь!
Ты не съ нами думу думаешъ, съ боярами,
Могутъ они тебѣ способствовать.—
А оттуль-де-ка солнышко впередъ пошолъ.
Кабы встрѣту ему меньшая подсушина:
«Ужъ ты здраствуй ты, меньшая подсушина!»
— Ужъ ты здраствуй ко, солнышко Владимеръ-князь!
Ужъ ты што-же идёшъ не по старому?
Повеся ты идёшъ да буйну голову,
Потопя ты идёшъ да очи ясныи.—
«Охъ ты ой еси, меньшая подсушина!
Кабы есь у мня на городомъ незгодушка,
Кабы есь у мня надъ Кіевомъ великая,
Ты не знашъ-ле наѣжжого богатыря?»
— Охъ ты солнышко, батюшко Владимеръ-князь!
Ты поди-ко по городу по Кіеву,
На царевы ты зайди да больши кабаки,
На кружала ты зайди да восударевы;
Какъ на той-же на пецькѣ на муравленкѣ,
Тутъ лежитъ-де удалой доброй молодецъ;

Не креста у его нѣту, не поеса,
Не рубашоцьки нѣтъ на ёмъ полотненой,
Подъ одной онъ лежитъ да рогозиною,
Кабы всё на винѣ у ёго пропито,
Во царевомъ кабаки да всё заложено,
Онъ и спитъ ныньце тутъ да трои сутоцьки.—
Какъ оттуль-де-ка солнышко впередъ пошолъ,
Онъ идётъ-то по городу по Кіеву,
Онъ заходитъ на царевы да больши кабаки,
На кружала заходитъ восударевы,
Онъ и смотритъ на пецьку да на муравленку,
Онъ увидѣлъ удала да добра-молодца:
«Охъ ты ой есь удалой доброй-молодецъ,
Молодой ты Василей сынъ Игнатьевичъ!
Тебѣ полно-ле спать да нынь пора ставать,
Отъ великаго хмелю да просыпатися,
Ужъ ставай ты Василей сынъ Игнатьевичъ,
Послужи-ко ты мнѣ да вѣрой-правдою,
Вѣрой-правдою ты мнѣ, да неизмѣною».
А на то-де Василей да не ослышался,
Кабы клицётъ-то солнышко во второй наконъ:
«Охъ ты ой есь удалой доброй-молодецъ,
Молодой ты Василей сынъ Игнатьевичъ!
Тебѣ полно-ле спать, да нынь пора ставать,
Отъ великого хмелю да просыпатися,
Ужъ ставай-ко, Василей сынъ Игнатьевичъ,
Послужи-ко ты мнѣ да вѣрой-правдою,
Вѣрой-правдой ты мнѣ, да неизмѣною.»
Какъ на то-де Василей не ослышелся,
Кабы клицётъ-то солнышко во третей наконъ:
«Охъ ты ой есь удалой доброй-молодецъ,
Молодой ты Василей сынъ Игнатьевичъ!
Тебѣ полно-ле спать, да нонь пора ставать,
Отъ великаго хмелю да просыпатися,
Ты ставай-ко, Василей сынъ Игнатьевичъ,
Послужи-ко ты мнѣ да вѣрой правдою,
Вѣрой-правдой ты мнѣ, да не измѣною».
А топéре Василей розбужаитсе,
Отъ великого хмелю просыпаитсе,
Говоритъ-то Василей Игнатьевичъ:

«Ужъ я радъ-бы служить, хоть голову сложить,
Какъ болитъ-то моя буйна голова.»
Наливаётъ князь цяру зелена вина,
Не большую не малу въ полтара ведра,
Кабы турей-де рогъ да мёду сладкова,
На закуску колаць да бѣлъ-круписьчатой,
Подаваётъ-то солнышко обѣма рукми,
А берётъ бы Василей единой рукой,
Кабы пьетъ-то Василей къ едину духу,
А за цярой-то Васька приговариватъ:
«Не оммылось у Васьки да ретиво серцо,
Не звеселилась моя да буйна головушка».
А беретъ-де-ка солнышко во второй наконъ,
Наливаетъ-де цяру зелена вина,
Не большую не малу полтара ведра,
Кабы турей-де рогъ да мёду сладкого,
На закуску колаць да бѣлъ-круписьчатой,
А беретъ бы Василей единой рукой,
Кабы пьетъ-то Василей къ едину духу,
А за цярой-то Васька приговариватъ:
«Не оммылось у Васи ретиво серцо,
Не звеселилась у Васи буйна головушка».
Наливаётъ Солнышко во третей наконъ,
Подаваётъ-то Солнышко обѣма рукми,
А беретъ-то Василей единой рукой,
Кабы пьетъ-то Василей къ едину духу,
А за цярой-то Васька приговариватъ:
«Какъ оммылось у Васьки да ретиво серцо,
Звеселилась моя да буйна головушка,
Бы могу нынь служить да вѣрой правдою,—
Не креста-то у меня нѣтъ, не поеса,
Не рубашечки нѣтъ у меня полотненой,
Кабы нѣту-то у мня да коня доброго,
Кабы нѣту у меня сбруни лошадиноей,
Кабы нѣту у мня приправы молодецкоей,
Кабы нѣту у меня туга лука,
Кабы нѣтъ у меня стрѣлоцьки каленоей,
Ужъ и нѣтъ у меня палицы буёвоей,
Кабы нѣтъ у меня копейчо бурзомецькое,
Кабы всё на вини да у мня пропито,

Во царевомъ кабаки да всё заложоно».
Какъ пошолъ тутъ солнышко Владимеръ-князь,
Онъ пошолъ къ чумакамъ, да чѣловальникамъ:
«Охъ вы ой есь чумаки, да чѣловальники!
Отдавайте всё Васинькѣ безденежно».
Кабы отдали всё Васиньки безденежно,
Кабы сталъ-то Василей снаряжатисе,
Кабы сталъ-то Василей сподоблетисе,
Какъ сѣдлалъ онъ, уздалъ да коня доброго,
Какъ садился Василей да на добра коня,
Какъ тугой-отъ-де лукъ да принатегивалъ,
Калену свою стрѣлку принаправливалъ,
Кабы самъ ко стрѣлы да приговаривалъ:
«Полети-ко ты стрѣлоцька калёная,
А повыше ты дерева шарового,
А пониже ты облака ходячаго,
Залети-ко ты стрѣлка во чисто полё,
Залети-ко Скурлы ты да глазомъ правыимъ,
Ужъ ты выйди-ко стрѣлка ухомъ лѣвыимъ.»
Какъ садился Василей на добра коня,
Погонилъ-де Василей во чисто полё,
Кабы сива-то грива да растилаетьсе,
Кабы хвостъ-де трубой да завиваетсе,
Кабы изъ роту коня да пламя мечетсе,
Изъ ноздрей у коня да искры сыплютсе,
Изъ ушей у коня да дымъ столбомъ валитъ.
Пригонилъ-то Василей во чисто полё,
Какъ пріѣхалъ онъ на заставу татарскую,
Выбиралъ онъ тотарина самолучшаго,
Какъ получше, побольше, потолще всѣхъ,
А схватилъ онъ тотарина за рѣзвы ноги,
Кабы сталъ онъ тотариномъ помахивать,
На праву руку махнётъ дакъ чѣла улиця,
На лѣву руку махнётъ—съ переулками:
«Хоть ты тонокъ на жилахъ—не сорвешсе,
Хошь и сухъ на косьи да не изломишсе».
Онъ и всю тутъ силушку повыкрошилъ,
Онъ и добрымъ конёмъ да всѣхъ повытопталъ,
Какъ поѣхалъ онъ ко князю ко Владимеру,
Пріѣжжатъ онъ ко князю ко Владимеру.

Какъ заходитъ во гриню да во столовую,
Какъ садитъ его Солнышко за дубовой столъ,
Какъ поитъ-то его да зеленымъ виномъ,
Какъ поитъ-то его трои сутоцьки.
Собиралисе всѣ бояре толстобрюхіе,
Собиралисе ко князю ко Владимеру,
Какъ по полу Солнышко похаживатъ,
Тихосмирную рѣчь да выговариватъ:
«Охъ ты ой еси удалой доброй молодецъ,
Молодой ты Василей сынъ Игнатьевичъ!
А цего-же тибѣ да ныньце надобно?
Ты бери-ко города да съ пригородками,
Ты бери-ко села да со деревнями.»
Говоритъ-то Василей сынъ Игнатьевичъ:
— Мнѣ не надо города да съ пригородками,
Мнѣ не надо села да со деревнями,
Ты дозволь-ко-ся мнѣ цего мнѣ надобно:
Я куды-де пойду, да куды поѣду,
Мнѣ-бы пити-де вино вездѣ безденежно».—
Говорятъ на то бояра толстобрюхіе:
«Кабы намъ боле Васинька не надобно,
А топере у насъ Васинька отказано».
Говоритъ-то Василей таковы рѣци:
— Ужъ ты, Солнышко, батюшка Владимеръ-князь!
А ищэ-ле я вамъ Васинька понадоблюсь?—
Говорятъ-то бояра во второй наконъ:
«Кабы намъ боле Васинька не надобно,
А топере у насъ Васинька отказано».
Говоритъ-то Василей таковы рѣци:
— А ищэ-ле я вамъ Васинька понадоблюсь?—
Говорятъ-то бояра во третей наконъ:
«Кабы намъ боле Васинька не надобно,
А топере у насъ Васинька отказано».
Какъ скоцилъ-то Василей на рѣзвы ноги,
Онъ схватилъ-то столесенки кедровыи,
Онъ убилъ всѣхъ бояръ да толстобрюхіихъ.

(б. СЕЛЕНІЯ ПО ПЕЧОРѢ).

V. СЕЛО УСТЬЦЫЛЬМА.

7. Петръ Родіоновичъ Поздѣевъ.

Это низкорослый, коренастый старикъ 65 лѣтъ. Онъ лысъ, лицо его обрамлено серебряной окладистой бородой, а глаза удивительно узкіе и какъ-то косо, по-инородчески, разставленные. Живетъ очень бѣдно, хотя кромѣ рыболовства и пашни въ ничтожныхъ размѣрахъ, какъ и всѣ устьцылемы, занимается еще чеботарствомъ. Но окостенѣлые, намерзшіеся за жизнь пальцы уже плохо его слушаютъ и Поздѣевъ можетъ брать только грубую работу: подбивать подметки и пр. Семья его состоитъ изъ жены, двухъ сыновей и трехъ дочерей, изъ которыхъ двѣ давно уже замужемъ и только третья, дѣвица, живетъ при немъ. Два сына, оба холостые, по бѣдности-же не живутъ дома: одинъ служитъ писаремъ въ одномъ изъ сельскихъ обществъ Пустозерской волости, другой работаетъ на шведской лѣсопилкѣ. Весь родъ Поздѣевыхъ старинщики: отецъ Петра былъ, говорятъ, прекраснымъ старинщикомъ, и я не отъ одного изъ пѣвшихъ мнѣ сказителей слышалъ, что это отъ Родіона Поздѣева научились они старинамъ. У Петра есть въ Устьцыльмѣ два брата и, кажется, оба старинщики. Сынъ Петра—Иванъ, сельскій писарь, списалъ мнѣ начало 10-ти старинъ и своихъ собственныхъ, и дяди Семена. Старины знаетъ, но не поетъ, а стихи и поетъ и жена Петра, Аксинья, отъ которой я списалъ: Егорія и Александру, Алексѣя Человѣка-Божія, смерть Александра I-го и нѣсколько пѣсенъ и сказокъ. Младшая дочь Петра, грамотная Аграфена 22 лѣтъ—будущая начетчица и исправительница требъ: она и теперь ходитъ читать по покойникамъ псалтырь, учится пѣть панихидки и пр. Замужъ вѣроятно она не выйдетъ. Петръ Поздѣевъ спѣлъ мнѣ больше чѣмъ кто нибудь на Печорѣ старинъ; кромѣ напечатанныхъ здѣсь, онъ знаетъ еще: Князя Долгору-

кова, сорокъ каликъ, женитьбу Владимера, Потыка и др. Правда, старины онъ поетъ плоховато, гораздо хуже, чѣмъ Ѳ. Чуркина, Вокуевъ, Марковъ и др. Всѣ старины поетъ Поздѣевъ чуть-ли не однимъ „ясакомъ,“ чего хорошій старинщикъ никогда не позволитъ себѣ да и несумѣетъ. Все происходитъ у него въ Кіевѣ при князѣ Владимірѣ, куда онъ отнесъ и старину про Долгорукова съ ключникомъ; во всѣ старины вноситъ однообразные факты, фразы и цѣлыя дѣйствія и, не помня подлинныхъ, слышанныхъ отъ стариковъ выраженій, привноситъ много своего, отражая, особенно въ разговорахъ, строй современной въ Устьцыльмѣ рѣчи. Объ его исключительной памяти уже была рѣчь въ статьѣ. Петръ Поздѣевъ такъ привыкъ ко мнѣ въ два лѣта, такъ заинтересовался моей работой, что не только самъ очень охотно пѣлъ мнѣ все, что зналъ, но и очень любопытствовалъ, какъ это дѣлаютъ другіе: иногда въ будни, а въ празники всегда приходилъ онъ ко мнѣ послушать чужихъ старинъ.

19.

Первая поѣздка Ильи Муромца.

Во томъ во городѣ во Муромѣ,
Во томъ селѣ да Карачаговѣ,
Жилъ тутъ Иванъ сынъ Тимоѳеичъ.
У того Ивана Тимоѳеича,
Было у него едино́ чадо,
Едино́ чадо́, да единённое;
Оно хворо было у него, нездоровое,
И жилъ онъ у него въ посторонной хро́минѣ,—
Онъ тридцать лѣтъ тутъ безъ ногъ сидѣлъ,
И не видѣлъ свѣту бѣлого, вольного.
Во тридцатомъ году, да во послѣнни нни,
Среди-то было да ночьки темныя,
Приходила ему сиротинушка убогая,
Просила мило́стыну его ради́ Христа.
Говоритъ-же ей удалой доброй молодецъ:

«Ужъ ты ой еси сиротинушка убогая,
Не могу я стать, милостыни подать,
Не то—тебѣ подать, радъ самъ принять».
Эта соротинушка убогая,
Вынимать ковригу дару божьяго,
Изъ кормана вымать скланной ножичекъ,
И стала эту ковригу порýшивать,
Да и стала его мазáть да ноги рѣзвые,
Разъ она помазáла ноги рѣзвые,
Другой разъ помазáла ноги рѣзвые.
Затимъ она помазала очи ясныя,
И сталъ тогда молодецъ да на рѣзвы ноги.
Ище его мазала да очи ясныя,
И увидѣлъ тогда молодецъ да вольной бѣлой свѣтъ;
И эта сиротина да тутъ потерялася.
Молодецъ тутъ слезно расплакался:
«Это чудо-ле, братцы, не диво-ле,
Что же надо мной это сдѣлалось,
Что надо мной состоялосе?
Уродъ-ле приходилъ, меня уродовалъ,
Але во снѣ мнѣ-ка это привидѣлось?
Приходилъ винно Микола мнѣ светитель».
Учулъ онъ въ сибѣ удачу молодецкую,
Учулъ силу богатырскую;
Сталъ онъ тутъ похаживать,
Приходилъ ко дверямъ ко широкимъ,
Двери были плотно замкнуты,
Навѣшаны были замки вѣсучіе;
Топнулъ дѣтинушка двери широкіе—
Разорвались замки вѣсучіе.
И вышелъ онъ вонъ на улицу
И пошелъ по своему широку двору,
Ко своему къ отцу-къ матушкѣ.
Отца-матушки дома не случилосе,
Ушли они чистить поле чистое,
Подъ ту подъ пашню хлѣборонную;
Онъ пошелъ имъ помогать поле чистити.
Съ отцемъ, матушкой дѣтинушка поздоровался,
На него тогда они взрадовáлися.
И сталъ имъ помогать поле чистити,

И сталъ дубья рвать со ко́ренёмъ,
Говоритъ его тогда мать родимая,
Говоритъ хозяину Ивану Тимоѳеичу:
«Винно дитё будетъ намъ не кормилицо,
Станетъ ѣздить винно по полю по чистому».
Немного помогалъ имъ молодецъ поле чистити,
Какъ сталъ у нихъ просить благословеньица,
Да съѣздить, сходить да въ стольной Кіевъ градъ:
«Посмотрѣть мнѣ князя Владимера,
Посмотрѣть всѣхъ русскихъ богатырей».
И проситъ ихъ, падатъ во рѣзвы ноги;
Не даваютъ они ему благословленьица;
И падатъ имъ дѣтинушка во второй наконъ,
Съ буйной главы до сырой земли;
Не даваютъ они благословеньица;
Падатъ имъ дѣтинушка во третей наконъ:
«Дадите́ пойду и не дадите́ пойду».
Тогда дали ему родители благословленьице
Съ буйной главы, до сырой земли,
И стали они тогда ему наказывать:
«Когда ты было у насъ хворо-нездоровое,
Много объ тебѣ мы обвѣщалися:
Когда будешь ты у насъ живой-здоровой,
Когда будешь ѣздить по полю по чистому,
Не проливай ты напрасно крови человѣческой.
Стоять тогда за вѣру за крешшоную,
За ти мона́стыри за причестныи,
За ти за церквы да за Божіи,
За ти младенцы троедённыи».
И все это они ему наказывали,
И все это ему наговаривали.
Тогда же его отецъ батюшко,
Тотъ Иванъ сынъ Тимоѳеевичъ,
Повелъ тогда его на конюшенъ дворъ,
Отдавать ему коня добраго.
Привелъ онъ дѣтинушку на конюшенъ дворъ,
Отворилъ двери тамъ широкіи,
Стоитъ тамъ да право доброй конь;
Конь стоитъ наубѣлъ-бѣлой,
Хвостъ-грива наче́рнъ-черна,

Научеръ-черна, какъ у чёрна ворона;
Конь стоялъ на семи цѣпяхъ,
На семи цѣпяхъ, на семи развезяхъ.
Накладывалъ на него дѣтинушка узду чекмянную,
Разорвалъ онъ всѣ цѣпи желѣзные,
Выводилъ коня вонъ на улицу,
Накинулъ на него руку правую,
Конь засѣлъ въ землю по щёточекъ.
Не сѣдлалъ онъ коня добраго,
А заскочилъ прямо на добра коня,
Побѣжалъ его нончи доброй конь.
Доѣзжатъ дѣтинушка до рѣки до Медвѣжины,
Напоилъ водой чистою коня добраго
И пріѣхалъ назадъ къ своему широку двору.
И сталъ онъ тогда заводить всѣ приправы себѣ молодецкіе,
Сбруню себѣ богатырскую.
Пошелъ онъ сперва къ кузнецу, ко мастеру,
Сковалъ сперва палицу буевую,
По вѣсу тянетъ палица девяносто пудъ.
Потомъ сковалъ себѣ саблю булатную,
По вѣсу тянетъ сабля двадцать пять пудовъ.
Сковалъ копейцо буржумецкое,
По вѣсу тянетъ копейцо десять пудовъ.
И завелъ себѣ лучишко подорожноё,
Тридцать три стрѣлочки каленыи,
Каленыя, стрѣлочки, перёныи,
Перёныя; перышка были орлинскіе,
Не простого орла, Сикáмскаго.
Сталъ тогда молодецъ снаряжатися,
Сталъ онъ тогда сподоблятися,
Сталъ уздать сѣдлать коня доброго;
И сталъ онъ сперва на коня класть плотны-плотнички,
На плотнички мякки войлочки,
А затимъ сѣдёлышко черкальчато;
Подстёгивалъ онъ двѣнадцеть подпругъ шелковыхъ,
Ище бралъ черезхребетницу
Черезъ степь лошадинную,
Не простого шолку—земли греческой,
И сталъ класть всю приправу молодецкую,
На сѣдёлышко черкальчето;

И сталъ тогда залогъ закладывать:
«Не слѣзовать чтобы мнѣ со добра коня».
И другой залогъ сталъ закладывать:
«Не кровавить чтобы сабля вострая».
Третьей залогъ сталъ закладывать:
«Не вымать изъ нáлучья тугой лучекъ».
Не видѣли тогда поѣздки молодецкоей,
Побѣжки лошадиноей,
Только и видѣли какъ молодецъ на коня вскочилъ,
Да въ стремена ступилъ.
Винно въ поли курива стоитъ,
Курива стоитъ, да дымъ столбомъ валитъ.
Прiѣжжатъ молодецъ къ ростанямъ широкiимъ,
На ростаняхъ-то лежитъ да сѣръ-горючъ камень,
На камешкѣ подписи есть подписаны
И подрѣзи есть подрѣзаны:
«Есть тутъ три дорожечки широкiи въ стольной Кiевъ-градъ,—
Еннóй дорогой ѣхáть три мѣсеча,
Другой дорогой ѣхать два мѣсеча,
Есть третья дорога прямоѣжжая,
Ѣхать той дорогой полмѣсеча;
Енной дорогой ѣхать—женату быть,
Другой дорогой ѣхать—богату быть,
Третьéй дорогой ѣхать—живому не быть».
Стоитъ молодецъ да призадумался:
«На что же мнѣ женату быть?
На старость женату—чужа корысть;
На что мнѣ на старость богачество?
Есть у меня богачество;
Поѣду я лучше по дорогѣ прямоѣжжой, гдѣ живý не быть,—
На полѣ старому смерть не писана».
Поѣхалъ молодецъ по той дорогѣ прямоѣжжой,
Есть на ней три зáставы великiя:
Первая на ней зáстава великая—
Есть на ней болота дыбучiе, грязи черныя.
Росла дорожка та прямоѣзжая ровно тридцать лѣтъ,
Никто по ней не проѣжживалъ,
Ясный соколъ не пролетывалъ.

Тогда сталъ доброй молодецъ первой залогъ разрушивать,—
Слѣзаваетъ со добра коня,
Лѣвой-то рукой коня ведетъ,
Правой рукой дубья рветъ, мосты мостить,
Мосты мостить все калиновы,
Перекладины кладетъ дубовые.
Промостилъ тогда грязи черныя, болота дыбучіе,
И проѣхалъ доброй молодецъ за́ставу великую.
Заскочилъ тогда на добра коня
И поѣхалъ въ стольной Кіевъ-градъ.
И здраво ѣдетъ поле чыстое,
Здраво ѣдетъ лѣсы темные,
И доѣзжаетъ до за́ставы великія.
Живутъ тутъ мужички да Новотокмяны,
Не пропускаютъ они ни коннаго ни пѣшаго,
Не удала добра молодца,
Всѣхъ они бьютъ и грабятъ.
Увидѣли они удала добра молодца
И ладятъ его бить и грабити;
За его стали хвататисе;
За его стали иматисе;
Онъ сидитъ на добромъ конѣ не трехнется
И говоритъ имъ таково слово:
«За что вы меня хотите бить и грабить?
Бить вамъ меня не за что,
Взять у меня нечего;
Только есть у меня право доброй конь,
Конь стоитъ у меня восемьсотъ рублей;
Еще есть у меня шуба кунья,
Она стоитъ у меня семьсотъ рублей;
Ище есть у меня чуденъ-крестъ серебреной,
Крестъ-отъ стоитъ у меня пятьсотъ рублей».
Тутъ робята стали за него пуще хвататися,
Пуще стали иматися,
По пяти, по десяти и по двадцати пяти со стороны хватаются.
Сталъ тогда молодецъ разрушивать другой залогъ:
Вымалъ изъ за на́лучья тугой лучекъ,
Изъ кармана вымалъ тетивку шелковую,

Изъ кольчужины вымалъ калену́ стрѣлу,
Принатегивалъ тогда право тугый лукъ,
Принаправливалъ калену стрѣлу́,
Хочетъ стрѣлить въ землю матушку,
Самъ онъ стрѣлкѣ приговариватъ:
«Лети моя калена стрѣла въ землю матушку,
Рой землю матушку до пояса,
Оборви у робятушокъ ноги резвые».
Полетѣла его калена стрѣла въ землю матушку,
Рыла землю матушку до пояса;
Тогда всѣ мужички устрашилися,
Какъ овсяны мѣшки повалилися.
Поѣхалъ тогда молодецъ въ стольной Кіевъ-градъ.
Здраво онъ ѣдетъ поле чистое, лѣсы темные,
Подъѣзжаетъ къ заставѣ великоей,
Эта застава великая—заселился тутъ Со́ловей Рахматовичъ.
У той дороженьки широкоей,
Свито-ви́то у него гнѣздо на семи дубахъ
И на семи пагубкахъ;
Сидѣлъ Со́ловей Рахматовичъ ровно тридцать лѣтъ,
Не пропускалъ не конного, не пѣшого, ни удала добра-молодца,
Не пролетныи ясны сокола,
Убивалъ своимъ свистомъ за двѣнадцать верстъ.
Пріѣзжаетъ удалой доброй молодецъ,
Услыхалъ его Со́ловей Рахматовичъ,
Засвистѣлъ Со́ловей по соловьиному,
У Стараго конь учулъ—палъ на о́карачь;
Бьетъ коня онъ по тучнымъ ребрамъ,
Самъ коню приговариватъ:
«Охъ ты волчья сыть, травяной мѣшокъ,
Не слыхалъ винно ты въ полѣ волчьяго воя, воронаго граянья,
Што падашь на окарачь».
Сталъ тутъ молодецъ принатягивать тугой лукъ,
Принаправливать калену стрѣлу,
Самъ ко стрѣлкѣ приговаривалъ:
«Ты лети-же моя калена стрѣла,
Повыше лети лѣсу темнаго,

Пониже облака ходячаго,
Не падай не на воду не на землю,
Пади Со́ловью во правой глазъ».
Повалился Соловей со вита гнѣзда,
Тутъ молодецъ коня подганивалъ,
Со́ловья на землю не уранивалъ,
На подлетикѣ его и подхватывалъ,
Бралъ себѣ въ сѣдёлышко черкальчето
И поѣхалъ въ стольной Кіевъ-градъ.
У стараго конь сталъ подпинатися
И сталъ конь подпиратися.
Билъ онъ коня по крутымъ ребрамъ,
Билъ и приговаривалъ:
«Охъ ты волчья сыть, травяной мѣшокъ,
Винно чуешь каку-ле невзгодушку
Надъ собой-ле, надъ хозеиномъ?»
И сказалъ ему конь языкомъ руськіимъ человѣческимъ:
— Не какую я не чую невзгодушку
Не надъ собой, не надъ хозеиномъ,
Не могу нести васъ—два бога́тыря.—
Тогда вставаетъ удалой доброй молодецъ,
Сымаетъ Со́ловья съ сѣдельца черкальчета,
Приковывалъ его ко стремени лошадиноей,
И поѣхалъ впередъ въ стольной Кіевъ-градъ.
Ѣдетъ къ Со́ловью къ широку двору,
У Со́ловья было три дочери,
Поленицы пріудалыя.
Увидали сначала Со́ловья его дочери:
«Ужъ ты ой еси матушка родимая!
Ѣдетъ у насъ отецъ, мужика везетъ,
Мужикъ у стремени поскакиватъ».
Тогда броси́лась жена ко окошечку косящату,
Посмотрѣла изъ трубки подзорныя:
— Охъ вы глупы дочери, неразумныи!
Мужикъ-отъ ѣдетъ, отца ведетъ.—
На то были дочери догадливы,
Побѣжали скоро вонъ на улицу,
Заскочили на ворота на широкіе,
Затенули подворотничку тежелую,
Хочутъ спустить ее на удала добра молодца.

Увидалъ ихъ Соловей Рахматовичъ:
«Ужъ вы ой еси дочери родимые!
Не сердите вы удала добра молодца,
Просите меня на выкупку,
Давайте ему золотой казны».
Соскочили дочери родимые,
Добра молодцу низко кланяются,
Даваютъ ему золотой казны.
Говоритъ удалой доброй молодецъ:
«Не надо мнѣ ваша золота казна,
Отмыкайте лучше всѣ погреба глубокіе,
Отмыкайте подвалы широкіе,
Не сидятъ-ле у васъ удалы добры молодцы».
На то онѣ ему отвѣтъ держатъ.
Не вѣритъ старой, домогается,
Говорятъ ему тогда дочери:
— Не можемъ отомкнуть, ключи потеряны.—
На то молодецъ осержается,
Приходитъ къ подваламъ широкимъ, дверямъ желѣзнымъ, замкамъ вѣсучимъ,
Стопталъ всѣ двери желѣзныя, замки вѣсучіе,
Сидятъ тамъ удалы добры молодцы;
Выпускалъ ихъ на вольной бѣлой свѣтъ,
А затимъ схватилъ саблю вострую
И срубилъ у дочерей буйны головы.
Сѣлъ тогда молодецъ на добра коня
И ѣдетъ впередъ въ стольной Кіевъ-градъ,
Оставляетъ добро Соловьиное,
Всѣмъ удалымъ добрымъ молодцамъ:
«Живите вы, удалы добры молодцы,
И всѣмъ Соловьинымъ добромъ пользуйтесь».
Ѣдетъ здраво поле чистое,
Ѣдетъ здраво лѣсы темные,
Пріѣзжаетъ тогда въ стольной Кіевъ-градъ,
Пріѣзжаетъ къ воротамъ городовыимъ,
У дверей не спрашиватъ приверетниковъ,
У воротъ приворотниковъ,
Ѣдетъ прямо черезъ стѣну городовую,
Черезъ ту башню наугольную,
Подъѣзжатъ ко гриднѣ княженевскоей.

О ту пору у князя у Владимера,
Завелся почесенъ пиръ.
Слѣзава́тъ молодецъ со добра коня,
Вяже́тъ коня къ дубову столбу, золоту кольчу,
Заходитъ во гриню княженевскую,
Княженевскую гриню, во столовую;
Богу въ уголъ добрый молодецъ молится
И кланяется во вси стороны,
Князю и княгинѣ на особицу.
Сидятъ на пиру у князя бояры толстобрюхіе и руськіе богатыри,
Промежду собой разговариваютъ:
«Надо ѣхать дорога чистити;
Заросла дорога прямоѣзжая,
Заселился на ней Соловей Рахматовичъ,
Тридцать лѣтъ не пропускатъ ни коннаго ни пѣшаго,
Ни проѣзжа удала добра молодца».
Сидитъ удалой доброй молодецъ, рѣчи выслушиватъ
И говоритъ имъ таково слово:
— Что вы сидите, толкуете,
Привезенъ у меня Со́ловей Рахматовичъ,
Прикованъ у стремени лошадиноей.—
Не вѣрятъ ему гости князевы.
Говоритъ имъ удалой доброй молодецъ:
«Посылайте смотрѣть слугу вѣрную».
Посылалъ князь слугу вѣрную вонъ на улицу;
Побѣжала скоро слуга вѣрная,
Посмотрѣла коня добраго,
А у коня лежитъ собачище.
Пришла и сказала слуга вѣрная:
«Лежитъ у коня добра-молодца кака-ле собачища».
Посылалъ князь слугу вѣрную
Звать собачищу въ гриню княженевскую.
Зоветъ тогда слуга вѣрная:
«Ой еси Со́ловей Рахматовичъ,
Пожалуйте во гриню княженевскую».
Соловей на то ей отвѣтъ держалъ:
— Не ваше я пью и кушаю, не васъ и слушаю,
Стараго я ѣмъ, пью, кушаю, его и слушаю.—
Посылатъ тогда князь удала добра молодца;

Зоветъ доброй молодецъ Сóловья Рохматовича во гриню княженевскую,
Говорятъ ему гости княжески:
«Заставь посвистѣть Соловья Рахматовича,
Мы послушаемъ его, потѣшимся».
Спросилъ ихъ удалой доброй молодецъ:
— Какъ вамъ засвистѣть—во весь свистъ, але въ полýсвиста?—
Отвѣчали ему: «Пусть свиститъ во весь свистъ».
Говоритъ удалой доброй молодецъ:
— Свисни имъ, Соловей Рахматовичъ, однако въ полусвиста.—
Свиснулъ Соловей полусвистомъ:
Задрожала гриня княженевская,
Столы расшаталися, яства проливалися,
Бояре всѣ удристалися,
Князя и княгину старой во рукахъ держитъ.
Вывелъ тогда Сóловья Рахматовича на широкой дворъ.
Стали тогда садить добра молодца за широкой столъ,
Низко кланяться, стали спрашивать:
«Откуль ты, какой, молодешинёкъ, зеленёшинёкъ?
Коего-ле ты отца, да коей матери?
Кабы какъ те молодца именемъ зовутъ?»
Онъ-де сталъ тутъ имъ да все разсказывать:
— А того я села да Карачáгова,
Изъ того изъ города изъ Мурома,
Какъ имени Ивана сына Тимоѳеича.—
Ужъ какъ тутъ сидятъ всѣ на честномъ пиру:
«Ужъ мы какъ его удала добра-молодца назовемъ нонь по имени?
Кабы быть-же Илья, больше Муромецъ».

Эта старина записана съ пересказа, а не съ голоса, только самый конецъ, отъ словъ: «откуль ты, какой» и пр., былъ спѣтъ.

20.

Илья Муромецъ, голи кабацкіе и Угарище.

Кабы шла калика перехожая,
Отъ того отъ города отъ Кіёва,
Ай на стрѣцю-ту калики доброй молодецъ,
О, сошолса онъ съ каликой, поздоровались,
Говоритъ на то удалой доброй молодецъ:
«Ты ужъ ой еси калика перехожая!
Ты ёткуль-ле нонь идёшь, да куды путь дёржишь?»
Ужъ на то ему калика нонь отвѣтъ доржитъ:
— Я иду ноньце изъ города изъ Кіёва,
Я пошла ноньце сбирать ищэ милóстыню.—
Говоритъ на то удалой доброй молодецъ:
«Ужъ ты ой еси калика перехожая!
У васъ 'сё-ле нонь во городи по старому?
И во Кіёви у васъ всё-ле нонь по прежному?»
Говоритъ на то ему калика, отвѣтъ доржитъ:
— И во городи у насъ да не по старому,
И во Кіёви у насъ да не по прежному:
Заселилось вѣдь ко Князю ко Владимеру,
Кабы то ищэ Идóлищо поганоё,
Какъ не малоё-то Идолищо поганоё—
Вышину-де какъ Идолищо-то трёхъ сажéнь,
Онъ-де трёхъ сажень, да онъ печатныихъ;
Ширину-де Идолищо коса сажень,
И коса-гдѣ (такъ!) сажень да и печатная;
Голова то у ёго сильёй пивной котёлъ,
Кабы ушища у его какъ царски блюдища,
Кабы глазища у его какъ сильни чашища,
Кабы ручища у его какъ будто граблища,
Ужъ-бы ножища у его сильни кичинища.
Заселилса онъ ко князю ко Владимеру,
Какъ во ту его во гриню княженевскую,
Межъ князёмъ онъ сидитъ, да межъ княгиною,
У княгины-то держитъ да руки въ пазухи,
Онъ пониже опускатъ руки—околъ черева;
Кабы князь-отъ тутъ сидитъ нецё говорить не смѣтъ.—
Ка' сказала ему калика перехожая,

Ужъ тому-де ка’ удалу добру молодцу,
Говоритъ на то удалой доброй молодецъ:
«Ужъ ты ой еси калика перехожая!
Ты ёмменимсе со мной ты платьёмъ чвѣтнымимъ.»
Говоритъ на то калика перехожая:
— Ужъ ты ой еси удалой доброй молодецъ!
У тебя-де нонь да платьичо хорошоё,
У меня-то-де платьичо калическо,
Всё изношено у меня платьё, все изорвано.—
Ужъ на то де молодецъ не соглашаетсе,
Говорилъ ёнъ калики во второй наконъ:
«Ужъ ты ой еси калика перехожая!
А ёммѣнимся со мной ты платьёмъ чвѣтнымимъ».
Ужъ на то ёпеть калика вновь отвѣтъ држитъ:
— Ужъ ты ой еси удалой доброй молодечъ!
Ужъ на цё ты-ле нонь да обзадорилса?
У мня платьё на сибѣ да всё изношено.—
Говоритъ тутъ молодецъ да во третей наконъ:
«Ужъ ты ой еси калика перехожая!
Ужъ оммѣнимсе съ тобой мы платьёмъ чвѣтнымимъ».
Ужъ на то ноньце калика соглашаласе,
Скинывáтъ она ’ себя платьё калическо,
Молодечъ-отъ скидывá платьё хорошое,
Онъ ростéгиватъ у ся всѣ ноньце пáнзыри,
Скинывáтъ онъ ’ себя платьё хорошоё,
Отдаватъ свое платьицо калики-же,
Онъ берётъ ю калики платьё калическо,
Надѣвалъ на себя платьё калическо,
А калика надѣлъ платьё молодечкоё.
Они тутъ ноньце съ каликой распростилисе,
И калика оттуль ноньце вперёдъ пошла,
Молодецъ-отъ-де пошолъ да ’ стольнёй Кіёвъ-градъ.
А идётъ молодецъ да ’ стольнёй Кіёвъ-градъ,
Онъ заходитъ тогда да въ стольнёй Кіёвъ-градъ,
Онъ проходитъ ко цареву большу кабаку,
Ко тому-де кружалу восудареву,
Онъ становилса подъ окошечко кабачкоё,
Гдѣ живутъ-же чумаки да чѣловальники;
Становилса подъ окошечко касявчато,
Онъ крычалъ-де своимъ да зычнымъ голосомъ:

«Ужъ вы ой есь чумаки-люди, чѣловальники!
Вы ужъ мѣрейте вина мнѣ на петьсотъ рублей,
Я какъ шолъ со той дорожки, я со дальнёей,
Со того устатку со великого,
Кабы выпить я-де хоцю зелена вина,
Ужъ какъ вѣрьте мнѣ вина вы на петьсотъ рублей,
Обздорюсь молодечъ—куплю на тысечу».
Ужъ гледятъ тутъ чумаки да чѣловальники,
Какъ сквозь то-де окошечко косявчето,
Дакъ сквозь ту-де околенку хрустальнюю,
Говорятъ де чумаки ему, отвѣтъ держатъ:
— Ужъ ты ой еси калика перехожая!
На тибѣ-то винно платьицо калическо,
Всё изношено у тя платьё, всё изорвано,
Мы не вѣримъ тѣ вина и на петь денежокъ.—
И оттуль калика ноньце процъ пошолъ,
Онъ зашолъ калика на большой кабакъ,
Тутъ сидятъ ’сё-ле, пьютъ голи кабацькія,
Онъ зашолъ-де, съ има́ да поздоровалса:
«Ужъ вы здраствуйте вы голи ’сё кабацкія!»
Говорятъ на то-де голи-то кабацкія:
— Ужъ ты здраствуй удалой доброй-молодецъ.—
Говоритъ на то удалой доброй молодецъ:
«Юшъ вы ой еси вы голи всё кабацкія!
Вы не можите-ли какъ-ле ноньце сложитьсе,
Э, не можите-ли сложитьсе по гривенкѣ,
Опохмелить меня удала-добра-молодца,
Да съ того мнѣ-ка съ устатку со великого,
Э, со той со дорожоцьки со дальнёей».
И на то были-де голи ’сё догадливы,
Они сложились какъ ’сѣ-ле тутъ по гривенки,
Они взели кабы тутъ нонь зелена вина,
И не много не мало—полтара ведра,
Подаваютъ тутъ удалу-добру-молодцу,
Онъ берётъ ету цару единой рукой,
Онъ де пьётъ ноньце цару къ едину духу,
Онъ за цярою самъ рѣць выговариватъ:
«Окатило у молодца нонь ретиво́ серцо,
Не звеселило у молодца бу́йну голову».
Онъ растегивалъ ю ся нонь всѣ и панцыри,

Скинывать онъ съ себя да ноньце чуденъ кресъ,
Ожъ-бы чуденъ-отъ кресъ да былъ серебреной,
По вѣсу́ тенётъ кресъ его полтара пуда;
Отдавать-де тутъ голямъ да 'сё кабацкіимъ,
Онъ де самъ говоритъ тутъ таково слово:
«Ужъ вы ой еси вы голи 'сѣ кабацкія!
Вы тащыте мой-ле нонь да право чуденъ кресъ,
Ы тащыте кресъ во лавоцьку́ торговую,
Вы заложте мой крестъ да во петьсотъ рублей».
Ы на то были-де голи 'сё проворныя,
Потащили они-де скоро нонь серебренъ кресъ,
И заложили нонь кресъ его въ петьсотъ рублей,
Притащили ему денежокъ петьсотъ рублей,
Отдаваютъ-де удалу добру молодцу.
Онъ какъ взялъ тутъ денежки петьсотъ рублей,
Онъ какъ сталъ тутъ пить да зелена вина,
Онъ бы сколько самъ пьетъ, вдвое голей поитъ;
Онъ тутъ пилъ молодечъ время трои суточки,
Одолила тутъ его тягось тяжолая,
Забрала его хмелинушка великая,
Заходилъ ёнъ тутъ на пецьку на муравленку,
Онъ какъ за́спалъ, захрапѣлъ тутъ доброй молодечъ;
Онъ тутъ спитъ и тутъ храпитъ, будто порогъ шумитъ.
Какъ на то-ле чумаки-воры чѣловальники,
Они стали молодца ноньце побуживать,
Кабы стали молодца нонь потресати нонь,
Ужъ бы сами говорятъ ему таково слово:
«Тебѣ полно-же нонь спать, пара ставать,
А пара-де ставать, пара оправитсэ».
Его разъ они будили и другой будятъ,
И третьей-отъ разъ и шипко потресаютъ его;
Кабы тутъ молодецъ да пробужаитсе,
Онъ соскакивалъ со печки со муравленки,
Онъ схватилъ тутъ чумака да за черны кудри,
Онъ здымалъ его повыше буйной головы,
Опускалъ чумака и о кирпищатъ полъ,
Кабы тутъ чумаку и смерть случиласе.
Онъ и самъ говорилъ и таково слово:
«Богатырское серце зло заплывчиво,
И заплывчиво серчё, и неуи́мчиво,

Какъ бѣду-ту я доспѣлъ дакъ набъ друга доспѣть».
Онъ выскакивалъ-бы скоро вонъ на улицу,
Пробѣгалъ-де ’ подвалу-ту кабацькому,
Какъ ко тимъ-де ко дверямъ да ко широкiимъ,
Кабы двери ти да ноньце плотно заперты,
Они заперты-де плотно, ныньце замкнуты,
И навѣшаны замки де ’сё вѣсучiя;
Онъ ростворилъ ’сѣ тутъ двери ’сё подвальнiя,
Пробѣгалъ-де ко подвалу-ту кабацькому,
Тамъ лежатъ ’сѣ какъ боцьки сороковоцьки,
Ужъ лежатъ ищэ боцьки ’ зеленымъ виномъ.
Онъ какъ бралъ енну боцьку подъ праву руку,
Онъ другу-ту-ле берётъ боцьку подъ лѣву руку,
И третью-ту-ле онъ боцецьку пинкомъ пинатъ;
Онъ вытаскивалъ на площадь на кабацькую,
Онъ растýливалъ тутъ боцьку сороковоцьку,
И ужъ самъ тутъ говорилъ да таково слово:
«Охъ вы ой еси вы голи ’сё кабацькiя!
Вы несите свою мѣру—повареноцьку,
Ужъ вы пейте вина у васъ сколько моць берётъ,
Мы не будёмъ-же во городи виноваты-же».
Кабы пьютъ кабы голи всё кабацкiя.
Кабы послѣ того, да послѣ этого,
Ужъ пошолъ тутъ цюмачёкъ да цѣловальникъ-же,
Онъ пошолъ нонь ко князю ко Владимеру,
Онъ пошолъ къ нему съ объявкой, жалобóй ищэ;
Онъ приходитъ нонь ко князю ко Владимеру,
Онъ какъ князю-ту-бы началъ всё разсказывать,
Какъ-бы спéрва, сначалу, какъ нынь дѣелось,
Говоритъ чумакъ ноньце таковы слова:
«Ужъ ты ей еси солнышко Владимеръ-князь!
У насъ што-же ноньце какъ ищэ содѣелось,
Въ кабаки-то-ле нонь да состоялосе:
Приходила намъ калика ко окошечку,
Ко тому-де окошечку кабацькому,
Какъ ревётъ у насъ калика подъ окошечкомъ,
И просила у насъ да зелена вина,
И просила вина да на петьсотъ рублей,
Говорила калика ищэ таково слово:
«Ёбзадорюсь я ковда—куплю на тысецю!»

Мы ювидѣли што на ей платьё калическо,
Мы сказали ей калики перехожоей:
«Што какъ не по цё тебѣ дакъ ноньце вѣрити,
На тибѣ-то винно платьицо калическо,
Мы не вѣримъ тѣ вина и на петь денежокъ».
Заходила тутъ калика на большой кабакъ,
Тутъ сидятъ ’ кабаки голи кабацкія,
Ужъ зашла она съ голéми поздоровалась,
Говорила имъ калика таковы слова:
«Ужъ вы ой еси вы голи ’сё кабацкія!
«Вы сложитесь-ко всѣ ноньце по гривенки,
«Вы возьмите-ко-бы нонь да зелена вина,
«Опохмельте меня удала молодца,
«И со той меня со дальноей дорожечки,
«Со того миня съ устатку со великого».
Ужъ на то были де голи ’сё догадливы,
Они сложились какъ ’сѣ скоро по гривенки,
Они взели тутъ ему да зелена вина,
Ужъ не мало не много полтара ведра,
Подаваютъ тутъ удалому добру молодцу,
Онъ берётъ эту цяру единой рукой,
Онъ-бы пьётъ эту цяру къ едину духу,
Ищо самъ тутъ говоритъ да таково слово:
«Окатило у мня молодца да ретиво серцо,
«Не звеселило у мня молодца буйну голову».
Скинывалъ онъ съ себя да ноньце чуденъ кресъ,
Отдавалъ де тутъ голямъ ’сё кабацкіимъ:
«Вы заложте мой кресъ да во петьсотъ рублей».
Заложили голи кресъ нонь во петьсотъ рублей,
Какъ-де сталъ пить молодецъ да зелено вино,
Онъ-бы сколько самъ пьётъ, вдвое голей поитъ;
Онъ тутъ пилъ молодецъ да трои суточки,
Забрала его хмелинушка великая,
Заходилъ онъ тутъ на печку на муравленку,
Онъ какъ зáспалъ, захрапѣлъ тутъ доброй молодецъ.
Ужъ мы стали, чумаки, его побуживать,
Кабы стали молодца нонь потресати-же,
Пробудилсе тутъ удалой доброй молодецъ;
Онъ соскакивалъ со печки со муравленки,
Онъ схватилъ тутъ чумака да за черны кудри,

Онъ здымалъ его выше буйной головы,
Опускалъ чумака о кирпищетъ полъ,
Кабы тутъ чумаку да смерть случиласе,
Онъ зревѣлъ молодецъ да таково слово:
«Какъ бѣду-ту я доспѣлъ дакъ набъ друга доспѣть!»
Онъ выскакивалъ-бы скоро вонъ на улицу,
Подбѣгалъ ко подвалу ко кабачкому,
Онъ топнулъ какъ тутъ двери сё подвальнія,
Розломилъ, розорвалъ замки вѣсучія,
Ростворилъ 'сѣ тутъ двери 'сѣ подвальнія,
Пробѣгалъ-де ко подвалу ко кабацкому,
Тамъ лежатъ 'сё какъ боцьки сороковоцьки,
Онъ какъ бралъ енну боцку по праву руку,
Онъ другу-ту-ле бралъ подъ лѣву руку,
А третью-ту онъ-де боцецьку пинкомъ пиналъ,
Онъ вытаскивалъ на площадь на кабацкую,
И ужъ самъ тутъ говорилъ да таково слово:
«Ужъ вы ой еси вы голи всё кабацкія,
«Ужъ вы пейте вино да сколько моць берётъ,
Мы не будёмъ-де во городи виноватые».
Кабы князь-отъ говоритъ тутъ таково слово:
— Ужъ я што-же ноньце могу ищэ дѣлати?
У миня у самого да на дому бѣда.—
Ужъ не много тутъ-де время миновалосе,
Какъ приходитъ тутъ удалой доброй молодецъ,
Ко тому ищэ ко князю ко Владимеру,
Онъ заходитъ нонь во гриню княженевскую,
Онъ какъ Богу-ту-ле тутъ да ныньце молитсе,
Онъ де кресъ-де кладётъ да по писанному,
И поклонъ-отъ онъ ведётъ да по ученому,
И молитву творитъ 'сё полну Исусову,
На вси стороны онъ нонь де покланяетсэ,
И князю-ту съ княгиной на особину;
Какъ сидитъ тутъ Угарищо поганоё,
А тому-де онъ Угарищу челомъ не бьётъ,
Онъ челомъ ему не бьётъ, да головы не гнётъ.
Какъ Угаринъ-отъ сидитъ на его зглядыватъ,
Кабы зглядыватъ сидитъ, на его зворачиватъ.
Молодецъ-отъ становилса подъ окошечко,
И подъ хорошо, подъ красно, подъ трубно окно;

Принесли ноньце Угарищу попить-поись,
Принесли сперва коврижку дару божьяго,
Онъ на ножъ ей воткнулъ—совсемъ чѣлкомъ пѣхнулъ,
'Шоки на щоку коврижку перемётывалъ,
Ужъ енной щокой-де короцьку вываливалъ.
Какъ сидитъ-ле тамъ удалой доброй молодечъ,
Какъ подъ хорошимъ, подъ краснымъ, подъ трубнымъ окномъ,
Говоритъ-же молодечъ да таково слово:
«Ужъ ты помнишь-ле князь, да паметуешь-ле?
Кабы прежде ю васъ да ищэ дѣялось:
У попа-то у ётца было духовного,
Какъ была у попа корова, волочилосе,
Алави́ной-де корова задавилосе,
Кабы этому Уга́рищу-же то́ будётъ».
А Угаринъ-отъ сидитъ, на его зглядыватъ,
Онъ-бы зглядыватъ на его сидитъ, зворачиватъ.
Принесли ищэ Югарищу поганому,
Принесли ему лебёдоцьку не кушену
И не кушену лебёдочку не рушену,
Онъ на ножъ ей воткнулъ, совсѣмъ чѣлкомъ пѣхнулъ,
'Щоки на щоку лебёдку переметыватъ,
Ужъ енной щокой косьё ищэ вываливатъ.
Тамъ сидитъ-де удалой доброй молодецъ,
Говоритъ опеть-де ёнъ да токово слово:
«Ужъ ты ой еси солнышко Владимеръ-князь!
Ужъ ты помнишь-ле, князь, да паметуешь-ле?
Какъ у васъ-то во городи прежде было-же:
Какъ худа-де собака волочилосе,
По сметьямъ собака-та шаталосе,
Какъ собака-та и косью задавилосе,
Кабы этому Угарину-же то́ будётъ».
И Угаринъ нонь сидитъ на его зглядыватъ,
Кабы зглядыватъ сидитъ, на его зворачиватъ;
Онъ и тутъ ноньце Угаринъ осержаетсе,
Онъ схватилъ свой Югаринъ нонь булатенъ ножъ,
Онъ какъ бросилъ нонь въ удала-добра-молодца,
Онъ какъ бросилъ ножъ ему да въ груди бѣлыя;
Молодецъ-отъ былъ на то да былъ ухватчивой:
Онъ схватилъ ноньце ножицёкъ за черешокъ,

Онъ до ся ноньце ножикъ не допускивалъ,
Говорилъ тутъ молодецъ да таково слово:
«Ужъ ты ой еси ты солнышко Владимеръ-князь!
Ты велишъ мнѣ-ле кровавить свою гриню-же?»
Говоритъ на то солнышко Владимеръ-князь:
— Я не знаю-ле какъ вамъ нонь присовѣтовать.—
Онъ сымаётъ, молодецъ, ’ себя пуховъ колпакъ,
Онъ завёртывалъ колпакъ да на три югла-же,
Онъ какъ бросилъ колпакомъ ноньце въ Угарища,
И во ти-де его да груди чёрныя,
Повалилса тутъ Югаринъ вонъ на юлицу
И со всѣмъ-ле съ простѣнкомъ межоконныимъ;
А на то былъ молодечъ опеть ухватчивой,
Онъ на улицу-де скоро нонь выскакивалъ,
Кабы на полъ-де Югарища не уранивалъ,
На подлетикѣ его да нонь подхватывалъ,
На енну его ногу ступилъ, другу оторвалъ,
Кабы бросилъ его тулово во чысто полё,
Тамъ чернымъ-то воронамъ на воскурканьё,
Онъ сѣрымъ-то волкамъ да на востарзаньё,
Тамъ какъ синёму всему морю на утишаньё,
Кабы всимъ намъ молодцамъ да на послуханьё,
Кабы старыимъ старухамъ да на долгой вѣкъ.

21.

Рожденіе Добрыни, первые годы жизни, бой съ Маринкой.

А да жилъ-то-ле Микитушка Романовичъ;
Ище жилъ-то-ле Микита девеносто лѣтъ
И не съ кимъ-то, жилъ, Микитушка не спаривалъ,
Онъ съ Новыма-ле городами не говаривалъ,
А съ каменной-то жилъ Москвой не перечилса;
Онъ состарился, Микита-ле, приставилса.
А ёсталась у Микиты молода жона,
Молода его жона, нончи люба семья,
Ой осталася она у ёго беременна.
Ажъ не много-ле прошло да поры-времени,

И исполнилось-ле тутъ время сорокъ недѣль,
А сорокъ ноньце недѣль, деветь мѣсецей,
Родила она себѣ да чада милого,
Родила она себѣ сына любимого.
Собирала она поповъ, отцовъ-духовныихъ,
Какъ крестить-де-ка своего чада милого,
Собралися тутъ попы, отцы духовныя,
Какъ крестить его у ей да цяда милого;
А ему-то ноньце имя нарѣкали-же,
Какъ еé ноньце молитву-ту давали-же,
Ай какъ дали ему-де имя ноньце Добрынюшко,
А Добрыня-де дали ноньце Микитицъ блатъ.
А ростётъ у ей Добрынюшка Микитицъ-же,
Кабы онъ ноньце ростётъ кабы-ле годъ поры,
А ище онъ нонь ростётъ два года-же,
Кабы выросъ ей Добрынюшка шести годовъ;
А она стала его учить нонь въ хитру грамоту,—
Ище хто-ли-бо учитци годъ поры,
А Добрыня столь выучитца полгода-же;
А-ле хто-бы ноньци учитци два года-же,
А Добрыня столь выучитца въ годъ поры.
Научился тутъ Добрыня въ хитру грамоту,
Онъ востро ищэ читатъ, не запинаитце,
Научилса онъ писатъ перомъ орлинскіимъ,
Его варово-ле-де ходитъ рука правая.
Ай кабы тутъ его-ле да родна матушка
Отдаватъ его-ле князю да нонь Владимеру,
Отдаватъ его она да во служеньицо.
Ожъ какъ берётъ-де его князь да во служеньицо,
Онъ-де взялъ его Добрыню себѣ прислугою:
Онъ кабы три года у князя жилъ онъ въ конюхахъ,
Онъ-де три года-же жилъ онъ въ приворотникахъ,
Онъ-бы три года у князя жилъ во стольникахъ,
Онъ три года жилъ у князя въ писаряхъ.
Ожъ какъ прошло е’ту-де время нонь двѣнадцеть лѣтъ,
Кабы сталъ просить Добрыня у князя у Владимера,
А просить у его сталъ благословленьицо:
«Ужъ ты ой еси ты князь да нонь Владимеръ-же!
Ужъ ты дай мнѣ-ка-ле нонь благословеньицо,
Я не хаживалъ по городу по Кееву,

Я по тѣмъ ноньце по юлочкамъ широкіимъ,
И по тимъ-де по заюлочкамъ Маринкинымъ,
Не видалъ я ю Маринки нонь высокъ теремъ».
А какъ далъ ноньце-ле князь благословеньицо,
А какъ далъ-де-ка-ле тугой лукъ со стрѣлкою.
Онъ пошолъ ноньце по городу по Кееву,
Онъ по тимъ еще по юлочкамъ широкіимъ,
И по тимъ по заюлкамъ по Маринкинымъ,
Онъ идётъ ноньце-ка стрѣлоцьку пострѣливатъ,
На подлётикѣ ёнъ стрѣлоцьку подхватыватъ,
Онъ какъ на полъ нонци стрѣлку не уранивалъ;
Онъ идётъ нонь по заюлкамъ по Маринкинымъ,
Онъ увидѣлъ ю Маринишки высокъ теремъ,
Ожъ на теремѣ у ей сидятъ на жолубахъ,
А на жолубахъ сидятъ два голуба;
И какъ тугой нончи лукъ онъ принатеивалъ,
Калену-де-ка стрѣлу онъ принаправливалъ,
Онъ какъ хочётъ ей стрѣлеть-де этихъ голубовъ,
Его правая нога да прокатилосе,
Ищэ лѣвая нога да подопнуласе,
У туга лука-де мѣтоцьки побилисе,
Полетѣла гдѣ его нонь калена стрѣла,
Полетѣла она Маринки во высокъ теремъ,
А во то-де во окошечко косявчато,
Розломала-де околенку хрустальнюю,
Пролетѣла-де его нонь калена стрѣла,
А во ту-де-ка во горенку Маринкину,
Ожъ спорола она у ей зáвѣсу кáмчатую,
Кабы падала его нонь калёна стрѣла,
Какъ къ тому ищэ къ Маринкину милу другу,
Какъ къ тому ищэ Змѣю, Змѣю Горыцькому,
Ищэ пала она да во чéрны груди,
Какъ порола его да груди чёрныя,
Ищэ тутъ-де-ка Змѣю да смерть случилосе.
Какъ выскакивала Маринка вонъ на юличу,
На своё ноньце она да на круто крыльцо,
Ужъ подходитъ тутъ Добрынюшка Микитичъ-бладъ,
Онъ какъ проситъ у Маринки да калену стрѣлу:
«Ужъ ты ой еси Маринка зла-люта-гроза!
Ты отдай-же ты мою да калену стрѣлу».

— Ужъ ты ой еси Добрынюшка Микитичъ-блатъ!
Ты застрѣлилъ моего нонци мила друга,
Ты возьми-де меня да за себя замужъ,
Я отдамъ тогда тэбѣ да калену стрѣлу.—
Говоритъ на то Добрынюшка Микитичъ-блатъ:
«Не возьму я тебя да за себя замужъ,
Ты отдай-же ты мою да калену стрѣлу».
Говоритъ нонци Маринка-та люта гроза:
— Ты возьми меня Добрыня за себя замужъ,
Я отдамъ тогда тебѣ да калену стрѣлу.—
Говоритъ на то Добрынюшка Микитиць-блатъ:
«Я возьму когда тебя да за себя замужъ,
Ужъ ты стерпишъ-ле три поученьица тежолые,
А которы-ле поученья мужъ жены даватъ?
Ищэ перво поученьицо тежолое—
Ты съ тотариномъ жила нонь, обнималасе,—
По-локотъ у тебя отсѣку руки бѣлыя;
А друго-то поученьицо тежолое—
Ты съ тотариномъ жила да оплеталасе,—
По-колѣнъ у тя отсѣку да ноги рѣзвыя;
И третьё-то поученьицо тежолое—
Ты съ тотариномъ жила да цѣловаласе,—
Какъ отрѣзать у тя нонь да губы бѣлыя;
Ты отдай лучше мою ты калену стрѣлу».
А ёттуль нонци Маринка да не ёслышалась,
А пошолъ нонци Добрынюшка отъ терему.
Кабы эта нонь Маринка была волшебниця,
А брала она съ собой книгу волшебную,
А брала она съ собой да складной ножичёкъ,
А спускалась она скоро да съ крута крыльця,
У Добрыни-то 'читала девети слѣдовъ
И какъ 'сякой слѣдъ ножомъ она перечертила,
Обернула она Добрыню туромъ поганыимъ.
Какъ побѣжалъ-де этотъ туръ да во чисто полё,
Тамъ какъ было у Маринки-то деветь туровъ,
Кабы этотъ прибѣжалъ ноньце десятой туръ.
Кабы была-то нончи бабушка задворенка,
Какъ были ноньце у бабушки двѣ дѣвушки,
Они были въ лѣсу брали сладки ягоды,
Тамъ увидали у Маринки нонь деветь туровъ,

Ище ходитъ у Маринки нонь десятой туръ,
Ужъ десятой-отъ-ле туръ, да надъ турами туръ,
Околъ дѣвушекъ тотъ туръ да нонь похаживатъ,
А какъ катятця у его тура горяци слёзы.
А какъ эти ноньци маленьки двѣ дѣвушки,
Какъ пришли они бабушки задворенки;
Говорятъ-ле эти маленьки-ле дѣвушки,
Кабы сказываютъ-ле бабушки задворенки;
«Ищэ прежде у Маринки было деветь туровъ,
Кабы нонци у ей да сталъ десятой туръ,
Околъ насъ-де, околъ дѣвушокъ похаживатъ,
Только катятця у ёго да горяци слёзы».
Какъ на то была нонь бабушка догадлива,
Надѣвала она шубейку на одно плечо,
Кабы брала она съ собой книжку волшебную,
Какъ брала она съ собой клюку подпорную,
Побѣжала она Маринки злой лютой грозы,
Прибѣгала она Маринки да 'высокъ теремъ,
Какъ клюкой у ее да печь нонь поколачиватъ,
Какъ сама она Маринки выговариватъ:
«Ужъ ты ой еси Маринка зла-люта-гроза!
Ты зачѣмъ у меня овернула да млады-хресничка?
Овернула у мня туромъ его поганымъ,
Отверни у мня назадъ да млады-хресничка
И того у мня Добрынюшку Микитича,
Я-же, не отвернешъ ты моего ищэ хресничка—
Оверну я тя кобылой водовозноей
И на весь городъ на тебѣ станутъ воду возить».
Э-жъ какъ клюкой ей стала печь поколачивать,
Какъ дрожитъ у ей теремъ да весь высокой-же,
А сама еще какъ тутъ ей приговариватъ:
«Не отвернёшь ты моёго ноньце хресничка,
Оверну я тебя сукой волочажноей,
За тобой станутъ кыцьки нонь волочитисе».
А какъ тутъ ищэ Маринка зла-люта-гроза
Побоялася старушецьки задворенки,
Отвернула она назадъ ноньце Добрынюшку.

22.

Иванъ Гостиновичъ.

Во стольнёмъ во городѣ во Кіевѣ,
У ласкова князя у Владимера,
Было пированьё-столованьё,
На многихъ на князей, на бояровъ,
На многихъ купцей, людей торговыихъ,
И на тихъ-же мѣщанъ да пригородныихъ,
И на тихъ-же хресьянъ да православныихъ,
И на тихъ-же на руськіихъ богатырей.
Онъ какъ пиръ-отъ снаредилъ князь, пировать стали
И столы-те розоставили, столовать стали;
Ищэ всѣ тутъ на пиру всѣ напивалисе,
Ищэ всѣ тутъ на чесномъ да наѣдалисе.
Какъ выходитъ-то солнышко Владимеръ-князь,
Онъ выходитъ-де тутъ да ко столу ищэ,
Онъ подходитъ ко всѣмъ-ли людямъ добрыимъ,
Говоритъ тутъ-ле солнышко Владимеръ-князь:
«Ужъ вы ой еси хресьяна православные!
Ужъ вы ой еси мѣщана пригородные!
Ажъ вы ой еси купцы люди торговыя!
Ажъ вы ой еси-де руськи всѣ богатыри!
У васъ есь-ле у кого да кони добрыя?
Кабы битце со мной нонь ё великъ закладъ,
А не во сти рублей, да не во тысяци,
Ё своей молодецькой буйной головѣ:
Кабы съѣздить отъ города отъ Кіева,
До того ныньце до городи Цернигова,
Ищэ съѣздить-бы нонь да кабы взадъ впередъ,
Межъ ённою межъ обѣньнёй межъ заутреньнёй;
Кабы мѣста-ле тутъ да нонь не много-же,
Ищэ три девеноста ровно мѣрныхъ вёрстъ».
Кабы всѣ тутъ на пиру сидятъ пріюмолкнули,
А какъ всѣ на чесномъ да пріюдрогнули,
Кабы меньшой хоронитьсе за сренььняго,
Кабы сренььнёй хоронитьсе за большого,
Какъ отъ большого князю нонь отвѣту нѣтъ.
Какъ изъ за того изъ за стола переньняго,

Со хорошой со ловки съ дубовой доски,
И ставаётъ тутъ удалой доброй молодець,
По прозванью-ту Иванъ да сынъ Гостиновичъ;
Поблизешинько онъ ко князю придвигаитьсе,
Понижешинько онъ князю покланяитьсе,
Ищэ самъ тутъ говоритъ онъ таково слово:
«Ищэ ой есь ты солнышко Владимеръ-князь!
Ты позволь мнѣ-ка нонь да слово вымолвить,
Не позволь ты минѣ за слово головы сказнить,
Головы-ли сказнить, скоро повѣсити,
И не выслать-бы штобы миня въ ссылки дальнія,—
Я бы бьюсь нонь съ тобой да о великъ закладъ,
Я не во сти рублей бьюсь, не во тысеци,
О своей молодецькой буйной головы».
Кабы князь-отъ кладетъ да ноньце сто рублей,
Онъ-де сто рублей кладётъ отъ ся, со тысяцей;
Какъ ударились они тутъ о великъ закладъ,
О Иванѣ поручились руськи богатыри,
О князи-то поручилисе бояра всё.
Какъ ударилсэ Иванъ тутъ о великъ закладъ,
Онъ пошолъ-де со князя со чесна пира,
Какъ идётъ онъ къ своёму широку двору,
Повѣся онъ доржитъ да буйну голову,
Потопя-де очи ясны въ мать-сыру-землю;
Онъ приходитъ къ своему широку двору,
Онъ заходитъ къ своёму коню доброму,
Онъ заходитъ ко коню да на конюшенъ дворъ,
Онъ де падаётъ коню-то во праву ногу,
Ищэ самъ тутъ говоритъ онъ таково слово:
«Ужъ ты малинькой мой бурушко, косматинькой!
Я ударилсэ вѣдь съ княземъ ё великъ закладъ,
Я не во сти рублей, да не во тысеци,
О своей я молодецькой буйной головы,—
Ищэ съѣздить отъ города отъ Кіева,
До того съѣздить до города Чернигова,
Межъ оннóю обѣньней, межъ заютреньнёй,
Ищэ съѣздить-бы нонь да кабы задъ-вперёдъ,
Ищэ мѣста-ле тутъ да нони множество,
А-бы три девеноста ровно мѣрныхъ вёрсъ».
Говоритъ тутъ его да право доброй конь,

Ищэ руськіимъ езыкомъ человѣческимъ:
— Ожъ ты ой есь Иванъ да сынъ Гостиновичъ!
Ты проси поди у князя время строцьного,
А ты строцьного времицька уроцьного,
А-бы на три-нни, на трои сутоцьки;
Кабы дасъ тибѣ князь да время строцьного,
Ищэ строцьного времицька, уроцьного,
Ищэ на три-де нни, на трои суточки,
Ты поста́вь тогда на полсти меня на пуховыя,
Ты корми миня пшаной да бѣлояровой,
Ты корми-де миня да ищэ до́ сыта,
Ы бы пой миня, бурушка, ты до́-пьяна,
Проминай миня, бурушка, по трёмъ зорямъ,
Э по тремъ-ле зорямъ да по вечерніимъ.—
А пошолъ тутъ Иванъ да сынъ Гостиновичъ,
Онъ просити сталъ у князя время строцьного,
Ищэ строцьного времицька уроцьного,
Кабы на три-де нни, на трои сутоцьки.
Какъ даватъ ему князь да время строцьного,
А шэ на три-де нни, на трои сутоцьки.
И пошолъ тутъ Иванъ да сынъ Гостиновичъ,
Онъ приходитъ къ своему широку двору,
Онъ приходитъ къ своему коню доброму,
Онъ какъ ставитъ нонь коня да своя доброго,
Онъ-де ставитъ на полсти на пуховыя,
Онъ насыпалъ-ле пшаны да бѣлояровой,
Онъ кормилъ ноньце бурушка-ле до сыта,
Онъ поилъ-де-ка бурушка нонь до́-пьяна,
Проминалъ его бурушка по трёмъ зорямъ,
Э по трёмъ-де зорямъ, да по вечерніимъ.
Ужъ приходитъ ему да время строцьное,
Ищэ строцьное времицько уроцьное,
Кабы сталъ тутъ Иванъ нонь снаряжатисе,
Кабы сталъ-де Иванъ нонь сподоблетисе,
Онъ уздалъ-де, сѣдлалъ да коня доброго,
Онъ накладывалъ на коня узду точмянную,
Онъ-де клалъ на коня да плотны-плотнички,
Ай на плотнички кладётъ мякки войлочки,
Э затѣмъ кладётъ сѣдёлышко черкальское,
Онъ двѣнадцеть подсте́гивалъ подпругъ шолковыхъ,

Онъ тринадцету берётъ черезхребётницу,
Черезъ сильную степъ да лошадинную,
Онъ не ради-то басы, да ради крѣпости,
Не ёставилъ штобы доброй конь въ чистомъ полѣ.
Онъ тогда снарядилъ да коня доброго,
Онъ пошолъ-де тогда ко Божьей церкви,
Онъ какъ самъ ноньце идётъ, съ собой коня ведётъ,
Онъ приходитъ тогда да ко Божьёй черкви,
Онъ заходитъ тогда да во Божью черьковь,
Собралисе попы, отцы духовныя,
Какъ служить хотятъ заутреню воскресеньскую;
Э, тогда Иванъ пошолъ скоро изъ божьей церквы,
Онъ приходитъ къ своёму коню доброму,
Ожъ какъ видѣли молодца какъ на коня скочилъ,
На коня-де скочилъ, какъ въ стремена ступилъ,
Ужъ не видѣли поѣзки молодецкоей,
Э тежолой е побѣжки лошадиноей,
Только винно тамъ въ поли курева стоитъ,
Курева тамъ стоитъ да дымъ столбомъ валитъ,
Его скацётъ-ле конь, да право доброй конь,
Онъ-де съ горы-де-бы скацётъ ноньце на гору,
Онъ съ укатистой-де скацётъ на увалисту,
Онъ-де горы-де, удóлы межу ногъ берётъ,
По поднебесью летитъ, какъ ясенъ соколъ;
Пріѣжжаётъ ко городу Чернигову,
Пріѣжжаетъ-де ёнъ да ко божьей черькви,
Онъ соскакивалъ-де скоро со добра коня,
Какъ не вяжетъ коня, да не приказыватъ,
Онъ заскакивалъ-де скоро во божью черьковь,
Какъ служатъ попы отцы духовныя,
Они служатъ-де заютреню воскрисеньскую,
Онъ-де Богу-ту, Иванъ, да онъ не молитьсе,
Онъ проходитъ къ попамъ, отцамъ духовныимъ,
Говоритъ тутъ Иванъ да таково слово:
«Ужъ вы ой еси попы, отцы духовныя!
Вы пишите мнѣ ерлыкъ, да скору грамоту.»
И на то его попы скоро не ослышелись,
Написали ему ерлыкъ, да скору грамоту.
И оттуль-де Иванъ скоро поворотъ даётъ,
Онъ выходитъ-де скоро вонъ на юлицу,

Онъ приходитъ-де скоро къ коню доброму,
Онъ какъ скачетъ-де скоро на добра коня,
Опеть скачётъ его да ноньце доброй конь,
Онъ-де съ горъ-де ноньце скацётъ ноньце на гору,
Онъ съ укатистой-то скацётъ на увалисту,
Ыщэ горы-удолы промежъ ногъ берётъ,
По поднебесью летитъ онъ какъ ясенъ соколъ,
Пріѣжжатъ-де ко городу ко Кіеву.
А ѣжжаетъ онъ тутъ да ко божьей черькви,
Онъ соскакивалъ тутъ скоро со добра коня,
Какъ оставилъ онъ коня да не привязана,
Ищэ конь-отъ у его стоитъ шатаитьсе,
Изъ ноздрей-де у коня да пламё огненно,
Изъ ушей у коня да дымъ столбомъ валитъ;
Онъ заходитъ тутъ-бы скоро во божью церковъ,
Тутъ ставаютъ-де попы, отцы духовныя,
Какъ служить хотятъ обѣнню воскресеньскую,
Тутъ Иванъ простоялъ нонь у обѣдни-же,
У ёбѣнни простоялъ у воскресеньскоей;
Отслужили тутъ попы, отцы духовныя,
А-бы тутъ они обѣнню воскресеньскую,
И пошли они тутъ всѣ да изъ божьей черкви,
И Иванъ-отъ пошолъ тутъ изъ божьей черкви.
Онъ приходитъ къ своёму коню доброму,
Онъ берётъ-де коня да за шолковъ поводъ,
Онъ идётъ-де къ своему широку двору,
Онъ заводитъ коня тутъ на конюшенъ дворъ,
Онъ поставилъ его на полсти на пуховыя,
Онъ насыпалъ ему пшены да бѣлояровой,
Онъ пошолъ тогда ко князю ко Владимеру,
И проситъ-де у князя деньги выѣзны,
Кабы выѣзны-то денёжки, нонь выгонны.
Онъ пришолъ ноньце ко князю ко Владимеру,
Говоритъ-же тутъ Иванъ да сынъ Гостиновичъ:
«Ужъ ты ой есь ты солнышко Владимеръ-князь,
Ты ужъ дай мнѣ-ка нонь да деньги выѣзны,
Ищэ выѣзны мнѣ денёжки, нонь выгонны,
Ты ужъ сто рублей мнѣ дай ноньце со тысецей».
Кабы князю-ту-ле тутъ нонь забѣду стало,
За великую досаду показалосе,

Говоритъ на то-де солнышко Владимеръ князь:
— Ужъ ты ой еси Иванъ да сынъ Гостиновичъ!
Я накину на тебя службу тяжолу́ю:
Я какъ выпущу на твоего коня доброго,
Я какъ выпущу на его да триста жаребцей,
Ужъ какъ пусь у тя бурушка нонь ро́столочатъ,
Ище пусь у тя малого нонь ро́зволочатъ.—
Говоритъ ищэ солнышко Владимеръ-князь:
— Ты какъ выпусти своего коня доброго,
Ищэ выпусти его да во чисто полё.—
Э, пошолъ тутъ Иванъ нонь запечалилсе,
Запечалилса Иванъ, да закручинилса,
Повѣся-де доржитъ онъ буйну голову,
Потопя-де оци ясны въ мать сыру-землю,
Онъ приходитъ ко своему широку двору,
Онъ приходитъ ко своёму коню доброму,
Онъ-де падаетъ коню да во праву ногу,
А жэ самъ-же говоритъ тутъ таково слово:
«Ужъ ты милинькой мой бурушко, косматинькой!
Я посленни-жъ винно съ тобой ноньци прощаюсе:
Выпускаётъ на тебя да князь Владимеръ-же,
Во чисто онъ полё да триста жаребьцей,
Ищэ самъ тутъ говоритъ да таково слово:
«Ищэ пусть у тебя бурушка тутъ ростолочатъ,
«Ищэ пусть у тебя бурушка нонь розволочатъ».
Кабы бурой-отъ-ле конь да говорилъ ищэ,
Онъ какъ руськіимъ языкомъ человѣческимъ:
— Ужъ ты ой еси Иванъ да сынъ Гостиновичъ!
Кабы эта мнѣ не служба ноньце—службишко,
Кабы служба-то-ле мнѣ всё впереди будётъ.—
Выпускатъ тогда Иванъ да сынъ Гостиновичъ,
Онъ своего-ле нонь да коня доброго,
Побѣжалъ его нонь да право доброй конь,
Побѣжалъ онъ, бѣжитъ конь во чисто полё,
Кабы князь-отъ выпускалъ тамъ триста жаребьцей,
Ы ти кони побѣжали во чысто полё,
Прибѣгали-ле они да къ коню доброму,
Они стали тутъ какъ бурушка покусывать,
Они стали ноньце малого полегивать,
Кабы бурой-отъ конь тутъ осержаетьсе,

Онъ-де бьётъ правой ногой мать-сыру-землю,
Подрожала тутъ-то матушка-сыра-земля,
Кабы въ поли-то-де дубьё росшаталисе,
И вершинами они вмѣсто соплеталисе,
И въ озерахъ вода-ти сколыбаласе,
Ищэ кони-ти эти вси устрашилисе,
Какъ овсяны-ле мѣшки да повалилисе,
Кабы конюхи у князя одва живы стоятъ.
Прибѣгаётъ тогда ноньце доброй конь,
Ко тому-то Ивану широку двору,
Запускатъ Иванъ коня да на конюшенъ дворъ,
Онъ-бы ставитъ на полсти на пуховыя,
Онъ насыпалъ опеть пшаны ему бѣлояровой,
И тогда Иванъ пошолъ ко князю Владимеру,
И проситъ опеть у ёго да деньги выѣзны,
Ище выѣзны какъ денёжки, нонь выгонны.
Онъ приходитъ нонь ко князю ко Владимеру,
Говоритъ-же Иванъ да сынъ Гостиновичъ:
«Ужъ ты ой еси солнышко Владимеръ князь!
Ужъ ты дай мнѣ-ка деньги выѣзны,
Ажъ тѣ сто рублей, нонь со тысецей».
А-бы князю тутъ Владимеру за бѣду стало,
За великую досаду показалосе:
— Ужъ ты ой еси Иванъ да сынъ Гостиновичъ!
Я накину на тебя службу тяжолую,
Ищэ выпущу въ чисто полё тридцеть жаребьцей,
Кабы пусь у тя нонь бурушка нонь ростолочатъ,
Ищэ пусь у тя бурушка нонь розволочатъ.—
А пошолъ опять Иванъ да сынъ Гостиновичъ,
Запечалился Иванъ тутъ закручинилсэ,
Повѣся идётъ, дёржитъ буйну голову,
Потопя-де ёчи ясны въ мать сыру землю,
Онъ приходитъ къ своему широку двору,
Онъ опеть падатъ бурку во праву ногу:
«Ожъ ты малинькой мой бурушко, косматинькой:
Ю тя правая нога да по колѣнъ бѣла,
У тя лѣвая нога бѣла по щёточку,
Я послѣнни-жъ винно съ тобой нонь прощаюсе,
Выпускатъ на тя нонь князь тридцеть жаребьцей,
Ищэ самъ-же говоритъ да таково слово:

«Кабы пусть у тя бурушка нонь ростолочатъ,
Ищэ пусь у тя малого нонь розволачатъ».
Говоритъ-же его да ноньце доброй конь,
Ищэ руськимъ языкомъ человѣческимъ:
— Кабы эта мнѣ не служба, ищэ службишко,
Кабы служба-то вся ищэ впереди будётъ.—
А бы тутъ-же Иванъ да сынъ Гостиновичъ,
Онъ какъ выпустилъ своего коня доброго,
Побѣжалъ его конь нонь во чисто полё,
Кабы князь-отъ выпускатъ да тридцеть жаребьцей,
Прибѣгали жаребьци да къ коню доброму,
Они стали тутъ какъ бурушка покусывать,
Ищэ стали они бурушка полегивать,
Ищэ бурой-отъ конь тутъ осержаетсе,
Онъ какъ бьетъ-де правой ногой мать сыру землю,
Подрожала тутъ какъ матушка сыра земля,
И какъ въ поли-то дубьё разшаталисе,
И вершинами какъ вмѣсто соплеталисе,
И въ озерахъ-то вода сё сколыбаласе,
Кабы кони-ти ети юстрашилисе,
Какъ овсяны-ле мѣшки всѣ повалилисе,
Ищэ конюхи у князя едва живы стоятъ.
Прибѣгаётъ у Ивана ныньце доброй конь,
Запускатъ-ле Иванъ коня на конюшенъ дворъ,
Онъ поставилъ опеть на полсти на пуховыя,
Онъ насыпалъ пшаны да бѣлояровой,
Онъ пошолъ тогда ко князю ко Владимеру:
«Ужъ ты ой еси солнышко Владимеръ князь!
Ужъ ты дай мнѣ денёжки ныньце выѣзны,
Кабы выѣзны денёжки, нонь выгонны,
Ищэ сто рублей ноньце, со тысецей».
Ищэ князю-ту опеть тутъ за бѣду стало,
За великую досаду показалосе,
Говоритъ тутъ-де солнышко Владимеръ князь:
— Ужъ ты ой еси Иванъ да сынъ Гостиновичъ!
Я ищэ на тебя наложу службу тяжолую:
Ищэ есь у мня нонь да три жаребьця,
Ищэ выпущу я ихъ на твоего коня.—
Какъ пошолъ-де тутъ Иванъ да сынъ Гостиновичъ,
Пуще старого Иванъ да закручинился,

Пуще старого Иванъ да запечалился,
Повѣся идётъ держитъ да буйну голову,
Потопя-де ёчи ясны въ мать сыру землю,
Онъ не видитъ идётъ пути дорожочьки,
Онъ приходитъ къ своему широку двору,
Онъ приходитъ къ коню да на конюшенъ дворъ,
Опеть падатъ-де коню да во праву ногу:
«Ужъ ты малинькой мой бурушко, косматинькой!
Я последнни-жъ винно съ тобой прощаюсе,
Выпускатъ на тя-де князь ноньце три жаребьця».
— Ужъ ты ой еси Иванъ да сынъ Гостиновичъ!
Ужъ я знаю этихъ нонь да какъ три жеребьця:
Ужъ одинъ-отъ-ле конь мнѣ-ка названой братъ,
И названной-отъ мнѣ братъ ноньце при старости,
А другой-отъ ноньце конь да синёгривой-же,
А третье́й-отъ-ле конь да полонёной былъ.—
А какъ выпустилъ Иванъ да коня доброго,
Побѣжалъ его конь да во чисто полё;
Кабы князь-отъ выпустилъ три жаребьця,
Прибѣгали-де ёни да къ коню доброму,
Опеть стали они бурушка покусывать,
Опеть стали они малого поле́гивать;
Ноньце бурой-отъ-ле конь да осержаитьсе,
Онъ какъ бьётъ-ле правой ногой сыру землю,
Подрожала-де тутъ матушка сыра земля,
Кабы въ поли опеть дубьё росшаталисе,
И вершинами-то вмѣсто соплеталисе,
Какъ въ озёрахъ вода да сколыбаласе,
Кабы кони-то эти юстрашилисе,
Полонёно-ётъ-конь въ полонъ убѣжалъ,
Синёгривого коня бралъ за хребетьничу,
Онъ бросалъ его о матушку сыру землю,
Да-бы тутъ-же коню конечъ случилса-же;
А названъ-отъ ему братъ да ноньце бурушко
Покорилсэ онъ брату ноньце меньшому:
«Ужъ я ноньце какъ, братъ, ищэ при старости,
Ты какъ ноньци въ самомъ ра́зу, въ самомъ корпусу,
Ужъ я быти надъ тобой да ноньце меньшой братъ,
Ищэ быть ты надо мной да ищэ старшой братъ».
Прибѣгатъ опеть къ Ивану ноньце доброй конь,

Запускатъ Иванъ коня да на конюшенъ дворъ,
Онъ поставилъ его на полсти на пуховыя,
И насыпалъ опеть пшаны да бѣлояровой,
И пошолъ онъ нынь Иванъ да сынъ Гостиновичъ.
Ко тому ко князю ко Владимеру,
Онъ приходитъ ко князю ко Владимеру,
Говоритъ-же Иванъ да сынъ Гостиновичъ:
«Ужъ ты ой еси солнышко Владимеръ-князь!
Ужъ ты дай мнѣ-же деньги выѣзны,
Ищэ выѣзны какъ денёжки, нонь выгонны,
Ищэ сто рублей, да ноньце со тысецей».
Ёпеть князю-ту-ле тутъ да за бѣду стало,
За великую досаду показалосе,
Говоритъ на то солнышко Владимеръ-князь:
— Ужъ ты ой еси Иванъ да сынъ Гостиновичъ!
Ожъ какой-же у тя нонь доброй конь,
Посмотрѣть мнѣ-ка его надо въ чистомъ поли,
А не можно-ле поймать его въ чистомъ поли.—
Говоритъ-же всё солнышко Владимеръ-князь:
— Ты какъ выпусти коня ноньци въ чисто полё,
Соберу-же я удалыхъ добрыхъ молодцовъ,
Какъ имати-де твоёго коня доброго;
Я направлю нонь аркановъ много шолковыхъ.—
Какъ пошолъ-де какъ Иванъ да запечалилса,
Запечалилса Иванъ, да закручинилса,
Повѣся идётъ доржитъ да буйну голову,
Потопя-де оци ясны въ мать сыру землю,
Онъ не видитъ идётъ пути дорожоцьки,
Онъ приходитъ ко своему широку двору,
Опеть падатъ-де коню да во праву ногу,
Говоритъ тутъ Иванъ да сынъ Гостиновичъ:
«Ужъ ты малинькой мой бурушко, косматинькой!
Я последнни-жъ винно съ тобой нонь прощаюсе:
Кабы князь-отъ хоцетъ имати тебя въ чистомъ поли,
Надъ тобой-де я не знаю чо станутъ дѣлати,
Собиратъ онъ имальниковъ много множество».
Говоритъ нонь его да право доброй конь,
Ужъ какъ руськіимъ языкомъ человѣческимъ:
— Ужъ ты ой еси Иванъ да сынъ Гостиновичъ!
Ты приди-же нонь какъ тутъ да во чисто полё,

Ты надѣнь на себя да шубу куньюю,
Кабы гдѣ миня имати станутъ въ чистомъ поли,
Кабы много аркановъ тамъ е шолковыхъ,
А возьмутъ меня вокругъ да доброго коня,
Я увижу тогда тебя Иванъ Гостиновиць,
Мимо тя я побѣжу да ноньце доброй конь,
Затени изъ рукава свою руку правую,
Я схвацю-де у тя ноньце у шубоцьки,
Я схвацю-де у тебя да ноньце правой рукавъ,
Оторву-де у тя, у шубы куньеей,
И тогда-же какъ князь да устрашитце-же:
«И какой-же екой у него доброй конь?
Онъ не знатъ-де своего нонь хозяина,
Онъ какъ оторвалъ у шубы рукавъ правой-же.—
Ужъ какъ выпустилъ Иванъ да коня доброго,
Побѣжалъ ноньце конь его во чисто поле,
Кабы самъ сталъ Иванъ тутъ снарежатисе,
Надѣвалъ на себя онъ шубу куньюю,
Кабы князь-отъ тамъ пошолъ да во чисто полё,
Онъ со многима народами, съ арканами,
Тамъ увидѣли коня, ходитъ въ чистомъ поли,
Обходить стали вокругъ да коня доброго,
Ищэ конь тамъ-ле въ поли нонь похаживатъ,
И они ноньце коня стали приганивать,
Кабы бурой-отъ-ле конь да сталъ побѣгивать,
Онъ своёго сталъ хозяина посматривать;
Ювидалъ онъ своего тутъ хозяина,
Онъ схватилъ-де его да ноньце шубоцьку,
Да схваталъ-де-ка шубу—ныньце всю стащилъ,
Онъ оторвалъ у шубы-нонь правой рукавъ.
Кабы князь-отъ нонь какъ тутъ да устрашилса-же:
«Какъ какой-же у его экой право доброй конь!
Онъ не знаётъ-де своего-де хозяина,
Онъ одва-ле не убилъ ноньце хозяина,
Ужъ пойдемте-же народъ, да вся камисея,
Онъ какъ можотъ-ле насъ да всѣхъ убити этта».
Кабы всѣ они ушли да изъ чиста поля,
У Ивана прибѣжалъ да ныньце доброй конь,
Запускаетъ онъ коня да на конюшенъ дворъ,
Онъ поставилъ коня на полсти на пуховыя,

Онъ насыпалъ пшаны да бѣлояровой,
Тогда пошолъ Иванъ ко князю ко Владимеру;
Онъ приходитъ ко князю ко Владимеру,
Говоритъ-же Иванъ да сынъ Гостиновичъ:
«Ожъ ты ой еси солнышко Владимеръ-князь!
Ужъ отдай-же мнѣ ты да деньги выѣзны,
Кабы выѣзны денёжки, нонь выгонны,
Кабы сто-де рублей, да нонь со тысяцёй».
Э тогда да ноньце князю дѣлать нецего,
Отдаватъ ему сто рублей со тысецёй.
И пошолъ ноньце Иванъ да сынъ Гостиновичъ,
Онъ къ своёму идётъ да широку двору,
Онъ приходитъ къ коню да на конюшенъ дворъ,
Какъ коню-то онъ сталъ да ноньце сказывать,
Онъ-де сказывать коню сталъ, да расказывать:
«Ужъ ты ой еси-ле мой да право доброй конь!
Тѣ спасибо-же-ле конь, да мой ты бурушко!
Сослужилъ ты какъ бурушко всѣ службы тяжолые,
Получилъ я отъ князя деньги выѣзны,
Кабы выѣзны-же денёжки-де, выгонны,
Ужъ я сто рублей всего со тысецёй».

23.

Ставеръ Годиновичъ.

Ай во стольномъ-де во городѣ во Кіёвѣ,
Какъ у ласкова у князя у Владимера,
Ищэ было тутъ пиро́ваньё-столо́ваньё
И на многихъ всё на князей, на бо́яровъ,
И на многихъ купцей, людей торговыихъ,
И на многихъ мѣщанъ сё пригородныихъ,
И на тѣхъ всё руськіихъ богатырей,
И на всѣхъ на кресьянъ православныихъ,
А какъ пиръ-отъ снарядилъ, пировать стали,
И столы-ты-ле розоставили, столовать стали;
Ай какъ вси они на пиру сидя напиваютса,
Ищэ всѣ тута на чесномъ сидячи наѣдаютса,
Эхъ хмѣльнёшеньки всѣ стали, да веселёшиньки,

И какъ всѣ тутъ на пиру сидятъприросхвастались:
Ай какъ иной-отъ кабы хвастатъ золотой казной,
Ай иной-отъ хвастатъ удачей молодецкоей,
Какъ иной-отъ-де-бы хвастатъ кони добрыма,
А кабы глупой-отъ сидитъ, хвастатъ молодой жоной,
Ищэ умной, сидитъ, хвастатъ онъ старымъ отцомъ,
Онъ старымъ-де ка' отцемъ, да старой матушкой.
Ай выходитъ тутъ какъ солнышко Владимеръ-князь:
Онъ подходитъ-де къ удалу добру молодцу,
Ко тому-де ко Ставру сыну Годинову,
Говоритъ тутъ-ле-то солнышко Владимеръ-князь:
«Ужъ ты ой еси Ставёръ да сынъ Годиновичъ!
Ты-же што-же нынь сидишь не чимъ не хвастаешъ?
Тибѣ пиръ-отъ винно былъ мой не по разуму?
Кабы поннощички мои были не вѣжливы?
А не вѣжливы какъ были, не очесливы?
Тебѣ винны винно цяры да не доходили?
Кабы пивны стоканы да не доносили?
Але мѣстицко тибѣ было не по разуму?»
Говоритъ на то Ставёръ да сынъ Годиновичъ:
— Ужъ ты ой еси, ты солнышко Владимеръ-князь!
Мнѣ-ка пиръ-отъ былъ-ле твой да мнѣ по разуму,
Поднощычки твои да были-ле вѣжливы,
А 'ще вѣжливы-ле были, да нонь очесливы,
Кабы винныма-ле цярами доходили,
Кабы пивныма стоканами доносили,
Ищэ мѣстицько-то было мнѣ по разуму.—
Говоритъ на то-де солнышко Владимеръ-князь:
«Ожъ вы ой еси мои да вы поднощычки!
Наливайте вы нонь цару зелена вина,
Не велику-ле не малу—полтора ведра,
Подавайте вы удалу да добру молодцу
И тому ищэ Ставру сыну Годинову».
И на то были поднощычки проворныя:
Наливали они нонь цяру да зелена вина,
Не велику-ле не малу да полтора ведра,
Ой подаваютъ тутъ удалу добру молодцу,
А тому ищэ Ставру сыну Годинову;
Онъ берётъ ищэ ноньци цяру единой рукой,
Ищэ пьётъ кабы да цяру къ едину духу,

Онъ какъ сталъ тутъ-ле Ставёръ тутъ на рѣзвы ноги,
Ищэ по полу Ставёръ да сталъ похаживать,
А кабы кунью свою-ле шубу сталъ поволачивать,
Ищэ къ шубоцькп-ле сталъ нонь приговаривать:
«Ищэ шуба-ле ты моя, да шуба кунья!
Ты дарёна мнѣ отъ князя отъ Владимера,
Ты въ люби́ мнѣ-ка пришла, да я ’ чести доржу».
И говоритъ ищэ Ставёръ да сынъ Годиновичъ:
«Ужъ я радъ ему князю служить еще,
Я за шубоцьку служить—радъ головы сложить:
Ищэ подруци Богъ на поли тотарина,
Ищэ Кощея царя сына Трипе́това».
Онъ какъ сталъ-ле тутъ Ставёръ ноньце похвастывать:
«Я живу ноньце Ставёръ да сынъ Годиновиць,
У мня золота ищэ казна, живу, не тощытса,
У мня́ добры живутъ кони не ѣздятса,
Добры молодцы живутъ у мня не старятса,
У мня цвѣтно-то-ле платьицё не носитце,
Ай на ножечкахъ сапожочки не топчутце;
Ищэ есь у мня-ле нонь да молода жона,
Ищэ та-ле да Василиса дочь Микулицьна,
Ищэ нѣтъ ею-ле краше да по всей земли,
Ищэ нѣтъ ей храбрѣе да по всей вотчины,
Ищэ кромѣ-де княгины да мать Апраксіи».
А о ту ищэ пору-ле, да о то время,
Погодилисе у князя у Владимера,
Ищэ ты-те ищэ бояра да толстобрюхіе,
Какъ пошли они ко князю да ноньце нажалились,
На того́ ищэ Ставра сына Годинова;
Говорятъ ищэ бояра да толстобрюхіе:
«Ужъ ты ой еси ты солнышко Владимеръ-князь!
Какъ сидѣлъ у тя-ле нонь да чесномъ пиру,
Какъ сидѣлъ у тя Ставёръ да сынъ Годиновичъ,
Ищэ тотъ ноньци Ставёръ да сынъ Годиновичъ,
Онъ какъ сперва-де сидѣлъ не чимъ не хвасталъ-же,
Ищэ послѣ-де пиру, да нонь послѣ стола,
Кабы налили ему да цяру зелена вина,
Не велику-де не малу полтора ведра,
Онъ какъ выпилъ эту цяру да зелена вина,
Онъ ставалъ ноньце Ставёръ да на рѣзвы ноги,

Онъ какъ по полу Ставёръ да сталъ похаживать,
Онъ какъ кунью свою шубу сталъ поволачивать:
Ищэ шубоцьки-ле сталъ онъ приговаривать:
«Ужъ-ле шуба-ты моя, да шуба кунья!
«Дарена ты мнѣ отъ князя отъ Владимера,
«Ты въ люби мнѣ-ка пришла, да въ чести доржу—
«Подруци мнѣ-ка Богъ на поли тотарина
И того мнѣ-ка князя ищэ Владимера!
Ищэ хвастаётъ своёй онъ молодой жоной:
«Ищэ есь у меня-ле нонь да молода жона,
«Кабы та-де Василиса да дочь Микулисна,
«Кабы нѣтъ её-де краше да нонь по всёй земли!
«А княгину-ту твою зовётъ сиротиною,
«Сиротиною зовётъ её, бездомовою».
А кабы тутъ ноньце солнышко Владимеръ-князь,
Призыватъ ноньце Ставра сына Годинова:
«Ужъ ты ой еси Ставёръ да сынъ Годиновичъ!
Ищэ што-же Ставёръ да ныньце хвастаешь?
Говоришъ ищэ нонь да таковы слова:
«Я живу-де ка’ Ставёръ да сынъ Годиновичъ,
«Золота у мня казна живу не тощитса»... *)
«Ищэ какъ у тя нонь коницьки не ѣздятса?»
Говоритъ на то Ставёръ да сынъ Годиновичъ:
— Хоть изъѣздятса у мня да кони добрые,
Я продамъ этихъ мѣщанамъ пригородныимъ,
Я куплю-де кабы коней лучше старыихъ.—
Говоритъ на то солнышко Владимеръ князь:
«Ищэ какъ у тя золота казна не тóщитсе?»
Говоритъ на то Ставёръ да сынъ Годиновичъ:
— Хоть истощитце у мня-ле золота казна,
Наживу-ле то казны-ле больше старово.—
Да говоритъ ищэ солнышко Владимеръ князь:
«Ищэ какъ у тя добры молодцы живутъ не старятца?»
Говоритъ на то Ставёръ да сынъ Годиновичъ:
— Хоть состарятца у мня, живутъ, добры молодцы,
Я найму-де молодцовъ да лучше старыихъ.—
Говоритъ опять на то солнышко Владимеръ-князь:
«Ужъ какъ у тебя цвѣтно платьицо не носитца?»

---

*) Повтореніе того, чѣмъ хвасталъ Ставеръ и что на него наговорили бояре— выпускается. Н. О.

— Хоть износитца у мня платьё чвѣтноё,
Я продамъ это нонь мѣщанамъ пригороднымъ,
Заведу я ищэ платьицо лучше старого.—
Говоритъ опеть солнышко Владимеръ-князь:
«Кабы-ле какъ у тя сапожки не топчутце?»
Да говоритъ на то Ставёръ да сынъ Годиновичъ:
— Хоть истопчутце у мня е́ти сапожоцьки,
Я продамъ е́ти сапожки мѣщанамъ пригороднымъ.—
«Ище какъ это ты хвасташь молодой жоной,
А какъ нѣтъ ее, говоришъ, краше по всей земли,
А по всей ноньци земли по всей вотчины;
Какъ княгину-ту мою зовёшъ сиротиною,
Сиротиною зовешъ ты ее́ бездомовою?»
Говоритъ на то Ставёръ да сынъ Годиновичъ:
— Ужъ я е́ки-ти-ле рѣци да не говаривалъ.—
Говоритъ на то-де солнышко Владимеръ-князь:
«Ище говоришъ-ле ты да таково слово:
«Подруци Богъ мнѣ-ка на поли тотарина,
«Какъ того ищэ князя, князя Владимера».
Говоритъ на то Ставёръ да сынъ Годиновичъ:
— Я какъ эти-ти-ле рѣци да не говаривалъ.—
Отпираитце Ставёръ да сынъ Годиновичъ,
А бы князю-ту-ле тутъ нонь за бѣду стало,
За великую досаду показалосе,
Онъ приказывалъ своимъ людямъ роботшiимъ,
Еще выкопать въ чистомъ полѣ глубокъ погребъ,
Посадить хоцётъ Ставра сына Годинова.
А на то его скоро люди робочiе,
Какъ пошли они скоро нонь во чисто полё,
Кабы выкопали они ноньци глубокъ погребъ,
А не великъ не малъ—глубину сорока локотъ,
А посадили тутъ Ставра сына Годинова,
Накатили на его плиту залѣзную,
Не велику-ле не малу—девеносто пудъ,
А засыпали его тутъ хру́щомъ-ка́меньёмъ.
Ай какъ услыхала-ле тамъ какъ Ставрова моло́да жона,
Она стала тутъ-ле нонѣ снаряжатисе,
Какъ постригла она свои нонь русы волосы,
Назвала себѣ нонче имя—нонь Василей-же,
А Василiёмъ звалась да сынъ Ивановиць;

А берётъ она подароцьки хорошія,
Подарить хоцётъ князю ноньце Владимеру,
Выкупать хоцётъ Ставра сына Годинова;
Какъ брала она ноньце сорокъ ноньце лисичь ищэ,
Кабы сорокъ-де куницъ, сорокъ черныхъ соболей,
И брала она сорокъ бѣлыхъ кречетовъ;
Ищэ стала она тутъ да снаряжатисе,
Поѣжжать-де нонь, да ноньце ѣхати,
Ко тому ищэ ко князю ко Владимеру.
Пріѣждяетъ нонь Василей сынъ Ивановичъ,
Ко тому ищэ ко князю ко Владимеру,
И ко той ноньце ко гринѣ княженевской,
А какъ ставитъ нонь коня да ’ дубову столбу,
А какъ вяжотъ нонь коня да къ золоту кольцу,
А заходитъ онъ во гриню княженевскую,
О’ де Богу-ту-де нонь да ищэ молитсе,
На вси стороны её нонь покланяитсе,
Какъ князю-то со княгиной на ёсобицу.
Говоритъ тутъ на то-ле солнышко Владимеръ-князь:
«Приходи-же ты удалой доброй молодецъ!
И не знамъ тебя-де какъ нонь именёмъ зовутъ,
А не знамъ какъ величаютъ по отечеству,
Ты коихъ-же ты родовъ, да коихъ городовъ?
А ты коей ищэ земли, коей орды?»
Говоритъ на то удалой доброй молодецъ:
— Я какъ посланъ отъ Ставровой молодой жоны,
Выкупати-де Ставра сына Годинова,
А зовутъ меня Василей сынъ Ивановичъ.—
Говоритъ на то солнышко Владимеръ-князь:
«Кабы-ле дати мнѣ Ставра—не видать Ставра,
А не дать мнѣ-ка Ставра, дакъ прогнѣвить посла,
Прогнѣвить-ле ка’ Василея Ивановица».
Ищэ по полу онъ Василей сынъ Ивановичъ,
Онъ какъ по полу-ле нонь ищэ похаживатъ,
Онъ такія-де рѣци выговариватъ:
— Ожъ ты ой еси ты солнышко Владимеръ-князь!
Ужъ ты дай мнѣ-ка Ставра сына Годинова».
Говоритъ ноньци княгина да мать Апраксія:
«Ужъ ты ой еси солнышко Владимеръ-князь!
Ищэ этотъ-ле Василей сынъ Ивановиць—

Кабы это-де Ставрова молода жона:
Она по полу, винно, ходитъ частенько ступатъ,
А на лавоцьку садитця она колѣньча жмётъ,
А колѣньци она жмётъ да куну-куну́ берегётъ».
Говоритъ на то-де сольнышко Владимеръ-князь:
— Ужъ ты глупая баба, не разумная!
У тя волосъ-де дологъ, умъ коротинькой.
А пошто суда пріѣдётъ Ставрова молода жона?
А коле Ставрова-де жона, можно спровѣдати:
Мы накинемъ-де-ле ей службу тяжолую.—
А какъ подходитъ опеть Василей Ивановиць,
Говоритъ опеть Василей сынъ Ивановичъ:
«Ёжъ ты ой еси солнышко Владимеръ-князь!
Ты ютдай мнѣ-ка Ставра сына Годинова».
Говоритъ на то-де солнышко Владимеръ-князь:
— Я накину на тебя службу тяжолую:
Со моима съ игроками поиграть сперва,
Какъ во ти ещэ во пѣшецьки, во шахматы;
Какъ обыграшь ты моихъ-ле игроковъ ище,
Я отдамъ тогда тибѣ Ставра, отдамъ безденежно.—
Говоритъ на то Василей-отъ Ивановичъ:
«Я бы зналъ-ле ваши замыслы княженецкія,
Я бы бралъ съ собой людей ноньце уцёныихъ,
Какъ маленько съ измале́шка я, Васька, игрывалъ».
Принесли ноньци-де пѣшецьки точёныя,
Принесли-де ка' дощоцьку да подзолочену,
Ой какъ стали они играть въ пѣшки-ле, шахматы,
Говорятъ онѣ игроки нонь княженецкія:
«Ты ходи-же нонь юдалой доброй молодецъ,
Ищэ ты-ле Василей сынъ Ивановиць».
— Какъ которой накликатъ, тотъ наперёдъ ступатъ.—
А какъ идутъ нонь игроки нонь княженецкія,
Какъ ступили они во пѣшецьки, во шахматы,
Какъ ступилъ ноньце Василей сынъ Ивановиць,
А другой-де разъ ступилъ, да имъ ходу не далъ,
А во третей разъ ступилъ, дакъ ихъ съ доски сгонилъ.
Онъ подходитъ нонь Василей сынъ Ивановиць,
Ко тому ищэ ко князю ко Владимеру,
Говоритъ тогда Василей сынъ Ивановичъ:
«Ужъ ты ой еси солнышко Владимеръ-князь!

Ужъ ты дай мнѣ-ка Ставра сына Годинова,
Ищэ дай мнѣ Ставра ноньце безденежно».
А говоритъ на то-ле-то княгина мать Апраксія:
— Ужъ ты ой еси солнышко Владимеръ-князь!
Кабы этотъ-ле не Василей сынъ Ивановичъ,
Ищэ надо быти Ставрова да молода жона.—
Говоритъ на то-де солнышко Владимеръ-князь:
«Охъ ты глупая ты баба, не разумная!
У тя волосъ-отъ де дологъ, умъ коротинькой:
А пошто суда пріѣдётъ Ставрова жона?
Кабы Ставрова-де жона—можно спровѣдати,
Какъ накинуть на её службу тежолую».
Говоритъ на то Василей-отъ Ивановицъ:
— Ужъ ты ой еси солнышко Владимеръ-князь!
Ужъ ты дай мнѣ-ка Ставра нончи безденежно.—
Говоритъ на то-де солнышко Владимеръ-князь:
«Ужъ ты ой еси Василей сынъ Ивановичъ!
Я накину-ле на тебя службу тежолую:
Со моима-ле со борьцями да побоpотисе—
Кабы-ле бросишъ-ле да моихъ да нонь борьцей ищэ,
Я отдамъ тебѣ Ставра тогда безденежно».
Говоритъ на то Василей сынъ Ивановичъ:
— Я-бы зналъ ваши замыслы княженецкія,
Я-бы бралъ такихъ людей, борьцей учёныихъ.
Да, пожалуй, съизмалёшка Васька баривалса.—
Выпускаётъ ноньце князь борьцей учёныихъ,
Какъ боротисе съ Василеёмъ нонь Ивановицёмъ,
Кабы-ле вышли борьци, ноньци три молодця,
Говоритъ на то Василей-отъ Ивановицъ:
«Ожъ ты ой еси ты солнышко Владимеръ-князь!
Ужъ ты какъ велишъ съ борьцеми да нонь боротисе:
По единому-ле брати, со всима-ле вдругъ?»
Говоритъ на то ёму солнышко Владимеръ-князь:
— Ужъ ты самъ-ле знашъ, Василей сынъ Ивановицъ;
Ужъ ты какъ ты-ле да нонь да ты борись съ има.—
Онъ-бы ходитъ нонь Василей-отъ Ивановицъ,
Онъ ёдного нонь берётъ да подъ праву руку,
А другого-то берётъ подъ лѣву руку,
А третьёго-то берётъ да во серёдоцьку,
Онъ какъ всѣхъ ихъ нонче трёхъ, да всѣхъ ихъ бросилъ-же.

Онъ приходитъ нонь Василей-отъ Ивановиць
Ко тому ищэ ко князю да ко Владимеру,
Онъ какъ по полу Василей-отъ похаживатъ,
Онъ такіе-ли онъ рѣци выговариватъ:
«Ожъ ты ой еси ты, солнышко Владимеръ-князь!
Ужъ ты дай мнѣ-ка Ставра ноньце безденежно».
Говоритъ опеть княгина да мать Апраксія:
— Кабы этотъ не Василей сынъ Ивановичъ,
Кабы-ле надо бы' Ставровой молодой жоны:
Кабы по полу она ходитъ ногамъ цяститъ,
А на лавоцьку садитце она колѣнци-ле жмётъ,
А колѣньци-ле жмётъ, куну́ берегётъ.—
Говоритъ на то-де солнышко Владимеръ-князь:
«Ожъ ты глупая-ле баба, не разумная!
У тя волосъ-отъ де долгъ, умъ коротинькой,
Коле Ставрова-де жона—можно спровѣдати,
Какъ накинуть-де ' ее службу тежолую».
А приходитъ нонь Василей-отъ Ивановиць,
Говоритъ опеть князю-ле таково слово:
— Ужъ ты дай мнѣ-ка Ставра нонче безденежно.—
Говоритъ ноньце де солнышко Владимеръ-князь:
«Я накину на тебя службу тежолую:
Со моима-ле стрѣльцеми пострѣлетисе.
Отнести ныньче во чисто полё дубовой столбъ,
Закопать-ле столбъ да въ землю матушку,
Тамъ повѣсите кольцюжину серебрену,
Какъ стрѣлѣтъ ноньче сквозь кольчужину серебрену;
Какъ прострѣлишь ты своей нонче каленой стрѣлой,
Я отдамъ тогда Ставра тебѣ безденежно».
Ой какъ говоритъ на то Василей-отъ Ивановичъ:
— Я бы зналъ-де ваши замыслы княженецкія,
Я бы бралъ такихъ людей да нонь учёныихъ.
А, пожалуй, я съизмале́шка, Васька, стрѣливалъ.—
Отнесли-ле тамъ-ле скоро да нонь дубовой столбъ,
Да положили кольчужину серебрену,
Привели тутъ стрѣльцей да добрыхъ молодцовъ;
Говорятъ на то стрѣльцы да княженецкія:
«Ты стрѣлей-же нонь Василей сынъ Ивановиць!»
Говоритъ на то Василей сынъ Ивановицъ:
— А которой накликатъ, тотъ напередъ ступатъ.—

Какъ его-то-ле стрѣльчи нонь, княженевскіе,
Какъ стрѣлели сквозь кольчужину серебрену,
Ажъ которой нонче стрѣлитъ—онъ не дострѣлитъ;
А которой-де-ле стрѣлитъ—онъ перестрѣлитъ;
А пришло ноньци Василью время стрѣлити,
К бы стрѣлилъ нонь Василей каленой стрѣлой,
Пролетѣла его-ле нонь да калена стрѣла,
Ищэ сквозь-де нонь кольчужину серебрену.
Онъ приходитъ тогда ' князю нонь Владимеру,
Ищэ тотъ ноньце Василей отъ Ивановицъ:
«Ищэ ой еси ты солнышко Владимеръ-князь!
Ужъ ты дай мнѣ нонь Ставра сына Годинова,
Ищэ дай мнѣ-ка Ставра нончи безденежно».
Ожъ на то нончи солнышко Владимеръ-князь,
Онъ приказывалъ своимъ людямъ робочіимъ,
Отвести ему нончи ему глубокъ погребъ.
Онъ приходитъ нонь Василей-отъ Ивановицъ,
Какъ къ тому ищэ глубокому ко погребу,
Розмѣталъ ёнъ, разбросалъ онъ хрущьё-ка́меньё,
Какъ нашолъ онъ ту плиту нончи залѣзную,
Откопалъ онъ своей нончи правой ногой,
Какъ подсунулъ-де свою, свою праву ногу,
Какъ подъ ту-де подъ плиту, плиту залѣзную,
Кабы поннялъ-ле плиту своей правой ногой,
Кабы пнулъ-ле-то плиту да во чисто полё;
Говоритъ на то Василей-отъ Ивановичъ:
«Выходи-же ты, Ставёръ да сынъ Годиновичъ!
Изъ того-ле ты глубокого изъ погреба».
Услыхалъ-ле тамъ Ставёръ да сынъ Годиновичъ,
Онъ выскакивалъ-ле скоро нонь изъ погреба,
Кабы вылетѣлъ изъ погреба кабы-ле куропать,
Онъ-де сколько-де сидѣлъ нонь во погребу,
Онъ какъ вылетѣлъ-де вдвое выше погреба.
И тогда нонче Василей-отъ Ивановичъ,
А пошли они ко князю ко Владимеру,
Э тогда они-де съ князёмъ и прощалисе;
Ожъ поѣхали они тогда домой ищэ.
Кабы ѣдутъ нонь Ставёръ да сынъ Годиновичъ,
А какъ съ тимъ ѣдутъ съ Василей сынъ-Ивановицёмъ
Кабы здраво они ѣдутъ по чисту полю,

Ищэ здраво они ѣдутъ лѣсы темныя,
А какъ пріѣхали они нонь во чисто полё,
А какъ ставили шатёръ бѣлъ-полотненой,
Говоритъ нончи Василей сынъ Ивановичъ:
«Ожъ ты ой еси Ставёръ да сынъ Годиновичъ!
Ужъ ты силой-ту меня сильней ищэ,
Кабы смѣткой-то тебя да я-ле смѣтисте.
Ожъ какъ прежде у насъ съ тобой нонь пригожалося:
У тя есь шалаболка позолочена,
У меня-ле есть кольчужина серебрена».

24.

Дюкъ Степановичъ.

Изъ той изъ Нижной Малой Галицы,
Изъ той Корелочки да изъ богатоей,
Выѣзжалъ то на добромъ конѣ на троелѣточкѣ,
Молодой Дюкъ да сынъ Степановичъ,
Выѣзжалъ на горы на высокія,
На ти на шолони окатисты.
Онъ смотрѣлъ, глядѣлъ на вси на дальны стороны
Изъ той изъ трубочки подзорноей.
Сперва смотрѣлъ подъ сторону подъ сѣверну,—
Видны стоятъ тамъ ледяны горы;
Послѣ смотрѣлъ подъ сторону восточную,—
Тамъ видно стоятъ да лѣса темные;
Послѣ смотрѣлъ подъ сторону подъ лѣтную,—
Тамъ видно стоятъ да поля чистыи,
Видно стоитъ тамъ стольной Кіевъ-градъ;
Затимъ смотрѣлъ подъ сторону подъ западну,—
Тамъ видно стоятъ да моря синіе,
Тамъ плаваютъ гуси лебеди,
На тихихъ вёшныхъ заводяхъ.
Оттуль молодой да поворотъ даетъ,
Пріѣзжатъ назадъ во Нижну Малу Галицу,
Во Корелочку да во богатую,
Ко той ко матушкѣ ко родимоей,
Честной вдовѣ Омельфѣ Тимоѳеевнѣ.
Палъ Дюкъ тогда матушкѣ во рѣзвы ноги,

Проситъ у ней благословленьица съѣздить въ Кіевъ-градъ.
Не даватъ ему мать благословленьица.
Онъ и падатъ ей да во второй наконъ,
Говоритъ самъ таково слово:
«Ой еси матушка родимая!
Дай мнѣ-ка благословленьице отъ буйной главы до сырой земли,
Съѣздить въ Кіевъ-градъ,
Посмотрѣть князя Владимера».
Не даетъ ему матушка благословленьица.
Падатъ Дюкъ да во третéй наконъ
И говоритъ ей таково слово:
«Ужъ ты дашъ поѣду и не дашъ поѣду».
Говоритъ ему Омельфа Тимоѳеевна:
— Ужъ ты ой еси дитятко родимое,
Молодой Дюкъ да сынъ Степановичъ!
Молодешинёкъ ты, зеленёшинекъ.—
Но дала ему благословленьицо отъ буйной главы до сырой земли;
Сталъ тутъ молодецъ снаряжатися,
Сталъ сподоблятися ѣхать въ стольной Кіевъ-градъ.
Говоритъ ему матушка родимая,
Чесна вдова Омельфа Тимоѳеевна:
«Когда ты пріѣдешь въ стольной Кіевъ-градъ,
И будешь на честномъ пиру—
Княженевски пиры злы омманчивы;
Дамъ тебѣ я перстяночки барановы,
Подари ты старому казаку Ильѣ Муромцу».
Говоритъ ей молодой Дюкъ да сынъ Степановичъ:
— Какъ узнаю я Илью Муромца?—
Говоритъ ему Омельфа Тимоѳеевна:
«Когда пріѣдешь ты въ стольной Кіевъ-градъ,
Ко той ко гринѣ княженевскоей,
Всѣ уйдутъ во божью церковь.
Пріѣзжай и ты ко божьей церкви
И заходи во божью церковь,
Крестъ клади по писаному,
Поклонъ по ученому,
Поклонись на вси четыре стороны,

Подойди на право кры́лосо;
Служатъ тутъ обенню воскресенскую;
Простой ты службу воскресенскую,
Подойди къ дверямъ церковнымъ,
Пойдетъ народъ изъ божьей церквы,
Сперва пойдутъ мѣшшана пригородныи,
Затѣмъ пойдутъ хрестьяна православныи,
Затимъ купцы, люди торговые,
И тогда пойдутъ руськіе бога́тыри,
Позади всѣхъ идетъ старъ-казакъ Илья Муромецъ.
Перстянки эти ему въ любы́ придутъ;
Тогда, куда онъ пойдетъ,
Туда тебя за собой поведетъ».
Простился съ матерью родимоей
Молодыя Дюкъ да сынъ Степановичъ,
Поѣхалъ тогда въ стольной Кіевъ-градъ.
Ѣдетъ здраво поле чистое,
Здраво ѣдетъ лѣсы темныи,
Пріѣзжатъ тогда въ стольной Кіевъ-градъ,
Пріѣзжатъ ко гринѣ княженевскоей.
Князь ушолъ во божью церковь,
А за нимъ всѣ русскіе богатыри.
Пріѣзжатъ Дюкъ ко божьей церкви,
Слѣзава́тъ со добра коня,
Вяжетъ коня къ дубову столбу,
И заходитъ тогда во божью церкву.
Богу тогда онъ да молится,
Поклонъ кладетъ по писаному,
Крестъ по ученому,
На вси стороны покланяется,
Приходитъ на право крылосо,
Слушатъ обѣдню воскресенскую.
Потѣснилъ онъ на правомъ крылосѣ
Чурила млада Пленковича;
Не стерпливой на то Чурило былъ,
Говоритъ тогда Чурило Пленковичъ:
«Что это за такой за балбанъ пришолъ,
Со всѣмъ сучьёмъ необтесанной?»
Говоритъ ему Дюкъ сынъ Степановичъ:
— Не то ныньче поютъ, да не то слушаютъ,

Поютъ и слушаютъ обѣдню воскресенскую.—
Подходитъ Дюкъ да сынъ Степановичъ
Ко тѣмъ ко дверямъ ко церковнымъ,
Пошелъ народъ изъ божьей церквы;
Сначала пошли хресьяне православныи,
Затѣмъ пошли мѣшшане пригородныи,
Затѣмъ пошли купцы, люди торговые,
Тогда пошли русскіе богáтыри,
Позади всѣхъ идетъ старъ-казакъ Илья Муромецъ.
Подарилъ Дюкъ перстяночки Ильѣ Муромцу,
Принималъ старъ-казакъ Илья Муромецъ перстяночки,
Въ любы́ пришли ему перстяночки барановы,
И ведетъ удала добра молодца, куда самъ идетъ.
И пошли всѣ русскіе богатыри,
Къ тому ко князю ко Владимеру,
На тотъ да на почесенъ пиръ.
Садитъ ихъ солнышко Владимеръ князь за дубовы столы.
Водлѣ ся садитъ старъ-казака Илья Муромца
Добра молодца за передней столъ.
Сидятъ всѣ они на чесномъ пиру,
Пьютъ, ѣдятъ чего Богъ послалъ;
Всѣ стали они пьянешиньки,
Всѣ стали веселешиньки,
И молодыя Дюкъ да сынъ Степановичъ
Сталъ пьянёшинёкъ да веселёшинёкъ.
Сидитъ онъ—колачикъ бѣлъ крупищетый поламыватъ,
Середочку колачика закусыватъ,
Верхню корочку на столъ кладетъ,
Испонню корочку подъ столъ кидатъ
И говоритъ таково слово:
«У насъ во Нижной Малой Галичѣ,
Во Корелочкѣ богатоей,
У матушки родимоей,
Честной вдовы Омельфы Тимоѳеевнѣ,
У насъ—колачикъ ѣшь, другой хочется, третій просится;
Подики у насъ мѣнные,
Дровца были соломенны,
А у васъ верхняя корка пахнетъ сосенкой,
А исподня пахнетъ гнилкою».

Говоритъ на это Чурило млады Пленковичъ:
— Что это за такой богачъ пришелъ?
Надъ тобой надъ княземъ гость ломается,
Надъ божьимъ даромъ изгиляется.
Подходитъ Чурило къ Дюку Степановичу:
— Давай ударимся объ великъ закладъ,
Которой котораго платьемъ цвѣтнымъ перещепатъ.—
Говоритъ на это Дюкъ Степановичъ:
«У тебя дѣло домашнее,
У меня дѣло заѣзжее,—
Дай сроку на суточки,
Съѣздить по платье цвѣтное».
Даватъ ему Чурило время срочнаго на суточки,
Ударились во великъ закладъ,
Не во́ сто рублей, не во тысячи,
О своихъ да буйныхъ головахъ.
О Чурилѣ поручаются бояры толстобрюхіе,
О Дюкѣ—старъ-казакъ Илья Муромецъ.
Писалъ тутъ Дюкъ Степановичъ
Ярлыкъ скору-грамоту
Къ своей родимой матушкѣ.
Честной вдовѣ Омельфѣ Тимофе́евнѣ,
Чтобы послала матушка родимая
То платье чвѣтное,
Которое оболока́лъ трижды въ годъ.
И пошолъ Дюкъ на улицу ко добру коню,
Кладетъ ярлыкъ въ сѣдёлышко черкальчето,
И отправляетъ во Нижну Малу Галичу.
Побѣжалъ его добрый конь во Нижню Малу Галичу;
Увидала его Мамельфа Тимоѳеевна черезъ окошечко хрустальное,
Прочитывала ярлыкъ скору грамоту,
И вложила платье самоцвѣтное въ сѣдёлышко черкальчето,
И отправила коня назадъ въ стольный Кіевъ-градъ.
Нарядились тогда оба боярина,
И хочутъ идти во божью церковь,
У обѣихъ платье у нихъ хорошоё,—
Провелъ рукой правой Дюкъ Степановичъ по бѣлымъ грудямъ,
По тѣмъ по пуговкамъ вальяжнимъ

И заревѣли его пуговки вальяжніе,
Всѣми разными голосами,
Какъ во чистомъ полѣ сѣры волки завояли.
Провелъ и Чурило Пленковичъ по бѣлымъ грудямъ,
Но не заревѣли у него пуговки.
Пошли они ко князю Владимеру,
И говоритъ Дюкъ сынъ Степановичъ:
«Ужъ ты ой еси, старъ-казакъ Илья Муромецъ!
Что я стану съ Чурилой дѣлати?»
Говоритъ тутъ старъ-казакъ Илья Муромецъ:
— Во первой вины Богъ проститъ.—
Говоритъ тутъ Чурило Плёнковичъ:
«Давай ударимся объ великъ закладъ,
Не во сто рублей, не во тысячу,
О своихъ-ле буйныхъ головахъ:
Давай скакать черезъ Нѣпръ-рѣку?»
Ударились объ великъ закладъ,
Садились они на добрыхъ коней,
Говоритъ Чурило млады Пленковичъ:
«Скачи ты первой, Дюкъ Степановичъ».
Говоритъ Дюкъ Степановичъ:
— Которой накликатъ, тотъ напередъ ступатъ.—
Погонилъ Чурило и середка рѣки конь его обрюшился.
Разгонился тогда и Дюкъ Степановичъ,
Схватилъ Чурило за желты кудри
И вытащилъ на берегъ съ его конемъ.
Говоритъ Дюкъ Степановичъ:
«Ой ты, ой еси старъ-казакъ Илья Муромецъ!
Что я нынчи надъ Чурилой стану дѣлати?»
Говоритъ старъ-казакъ Илья Муромецъ:
— Во первой то вины его Богъ простилъ,
Во второй вины ты прости.—
Чурило былъ роду заплывчива:
«Давай ударимся еще о великъ закладъ?»
Поручилися о Чурилѣ князья и бояры,
А о Дюкѣ старъ-казакъ Илья Муромецъ.
Пошелъ Чурило млады Пленковичъ,
Во тѣ во лавочки торговыя,
Купить чернилъ на пятьсотъ рублей
И бумаги на тысячу,

Собрали писарей и пошли описывать животы.
Писали, писали, описали бумагу, чернила,
Поѣжжаютъ они во Нижню Малу Галичу
И видятъ, что будто огонь горитъ,
А это Дюковъ высокъ теремъ стоитъ, лучи мечетъ.
Ходитъ у крута крыльца работница,
Слѣзава́ютъ они со добрыхъ коней
И работницѣ низко кланяются:
«Здравствуй ты, Омельфа Тимофеевна!»
Говоритъ имъ работница:
— Я не Омельфа Тимоѳеевна, я ее служаночка,
Омельфа Тимоѳеевна во божьей церкви;
Когда она пойдетъ изъ божьей церквы,
Впереди ее идутъ сукно стеля́тъ,
Позади трубу вертятъ,
Подлѣ бокъ идутъ куфарочки,
На ней платье не погнется.—
Заходятъ эти писаря въ высокъ теремъ,
Затимъ повелъ ихъ Дюкъ на конюшенъ дворъ,
Писать заводы лошадиные.
Писали они заводы лошадиные,
Издержали бумаги на пятьсотъ рублей, чернилъ на тысечу;
Заходили они тогда да во высокъ теремъ,
Принесли имъ братынечку позолочену,
А у ней, братынечки, семьдесятъ семь рожковъ,
Изъ каждаго рожка бѣжатъ напитки разныи.
Не могли ей дать цѣны оцѣнщики.
Говоритъ тогда Омельфа Тимоѳеевна:
«Заложитъ пущай солнышко Владимеръ-князь стольной Кіевъ градъ
И тогда пріѣдетъ животы мои описывать».
Возвратились тогда писаря и оцѣнщики въ стольной Кіевъ-градъ;
Говоритъ тогда Ильѣ Муромцу Дюкъ Степановичъ:
«Что я буду надъ Чурилою теперь дѣлати?»
— Ой ты, ой еси Дюкъ Степановичъ!
Пусть онъ будетъ меньшой братъ, а ты старшой,
А впредъ не хвастаетъ.—

25.

Чурило и невѣрная жена.

Ай выпадала пороха снѣгу бѣлого,
И не во пору порошиця, не во время,
Ай да середи лѣта о Петрова дни.
А по той порохѣ снѣгу бѣлоей,
А не бѣлинькой-то заюшко проскакивалъ,
А не сѣръ-горносталь ту' пропрядывалъ,
Ко тому е ко двору, ко Пермятину,
Да проскакивалъ тутъ да ко круту крыльчу.
Онъ заскакивалъ-ле тутъ да на круто крыльчо,
Онъ стучитъ-де ка' громитъ да въ золото кольчо.
Ай услыхала Пермятина молода жона,
Во той-ле ка' она да во теплой лёжни,
Ай выходила-де она да ' занню горничу,
Да изъ заннёй-то горничи въ новы сѣни,
Приходила ко дверямъ нонь ко широкіимъ,
Отворила она ворота, двери на пету,
А брала она Чурила за бѣлы руки,
Чѣловала его въ уста ищэ сахарныя,
Да вела она Чурила по новымъ сѣнямъ,
Ихъ новыхъ-то сѣней да въ занню горничу,
Да изъ занней-то горници въ теплу лёжню.
Ай кабы зажилъ тутъ Чурило по домашному:
Онъ рукавоцьки-перстяноцьки кладётъ ище,
Онъ кладётъ ихъ ище да онъ на грядоцьку,
Онъ пуховъ-ле колпакъ вѣситъ на спичку-же,
Онъ зелёнъ кафтанъ вѣшатъ на грядочьку,
Ай сапожки кладётъ ноньце подъ лавоцьку,
Самъ ложился нонь Чурило на кроватоцьку.
Услыхала у Пермяты нонь служаноцька,
Кабы та-де нонь дѣвушка-чернавушка,
Говоритъ ноньце дѣвушка-чернавушка:
«Я пойду-ле Пермяты сыну Иванову
Какъ ушолъ нонь Пермята да во божью церковь».
Говоритъ тутъ Чурило блады Пленковичъ:
— Ожъ ты ой есь ты дѣвушка-чернавушка!
Ты не сказывай Пермяты сыну Иванову,

Я куплю тибѣ платоцикъ на головушку,
Заплачу я за платоцикъ нонь пети рублей.—
Ужъ на то ноньце дѣвка не здаваитце:
«Эй, я скажу-де Пермяты сыну Иванову».
Говоритъ на то Чурило млады Пленковичъ:
— Ёжъ ты ой еси дѣвушка-чернавушка!
Ты не сказывай Пермяты сыну Иванову,
Я куплю тибѣ въ косу да ноньце лентоцьку,
Заплачу ноньце за лентоцьку десети рублей.—
Какъ на то ноньце дѣвка не здаваитце:
«Я пойду-де-бы нонь да во Божью церковъ,
Я скажу-де Пермяты сыну Иванову».
Говоритъ на то Чурило млады Пленковичъ:
— Ёжъ ты ой еси дѣвушка-чернавушка!
Ты не сказывай Пермяты сыну Иванову,
Я куплю тибѣ ноньце шубеецьку,
Заплачу я за шубейку двадцеть пять рублей.—
Ужъ на то ище дѣвка не здаваитце.
Побѣжала она ка' дѣвушка, надёрнулась,
Прибѣжала она скоро въ Божью церкву,
Тамъ какъ служатъ нонь обѣдню воскресеньскую,
Подходила къ Пермяты сыну Иванову,
Говоритъ тутъ дѣвушка чернавушка:
«Ужъ ты ой еси Пермята да сынъ Ивановичъ!
Заскочилъ-де конь въ твои да въ зелены сады,
Ёнъ какъ вытопталъ твои всѣ зелены сады».
Ожъ на то былъ Пермята да былъ догадливой,
Онъ какъ скоро пошолъ нонь изъ Божьей церквы,
Онъ какъ скоро-бы идётъ да къ широку двору,
Онъ да скоро заходитъ да на круто крыльцо,
Онъ и скоро идётъ да по новымъ сѣнямъ,
Изъ новыхъ-то-ле сѣней да въ занню горницу,
Какъ изъ занней-то онъ горничи во теплу лёжню,
Какъ увидѣлъ онъ Чурила млады Пленковича,
Какъ живётъ тутъ у него Чурило по домашному.
Говоритъ тутъ Пермята да сынъ Ивановичъ:
«Кабы прежде тебѣ да было сказано,
Ужъ досель тибѣ было ище наказано,
Не ходи ты въ мои да въ зелены сады,
Не топчи ты мою да шолкову траву».

Говоритъ на то Чурило да блады Пленковичъ:
— Ужъ я эки-ти ли рѣчи не слыхалъ у тя.—
Ой какъ тутъ-ле Пермята да сынъ Ивановичъ,
Онъ схватилъ ноньце Чурила за черны кудри,
Онъ тащилъ его-бы скоро да вонъ на улицу,
Онъ вытаскивалъ-бы скоро на круто крыльцо,
Да бросалъ онъ Чурила со крута крыльця,
Ужъ какъ тутъ ноньце Чурилѣ смерть случилосе.
Ёнъ заходитъ Пермята да во теплу лежню,
Говоритъ его-ле нонь да молода жона:
«Не зайдётъ боле другижды красно солнышко».
Ёнъ схваталъ ей, Пермята, да зачерны кудри,
Онъ вытаскивалъ ей скоро вонъ на улицу,
Какъ спускалса-бы онъ да со крута крыльця,
На одну ногу ступилъ ей, другу оторвалъ,
Кабы бросилъ онъ ей да во чисто полё,
Тамъ чернымъ-де воронамъ да на воскурканьё
Онъ сѣрымъ-де ка' волкамъ да на ростарзаньё,
Ужъ какъ синему-ле морю на утишеньё,
Кабы намъ всѣмъ, молодцамъ, на послыханьё,
Кабы старымъ-ле старухамъ на долгой вѣкъ.

26.

„Маево“ побоище.

А и бѣжала калика перехожая,
А отъ того отъ моря отъ студеного,
Алаты́ря-камешка, Ала́тыря.
Она по три дни бѣжитъ, по три ночи,
Не пиваючи бѣжитъ, не ѣдаючи.
Прибѣгала ко маткѣ Елесей рѣки,
Захотѣла калика тутъ попить и поись,
Она попить-поись и тутъ огня добыть,
Огня добыть, платье повысушить.
Не юспѣла калика опочиниться,
Накатается вдругъ туча тёмная,
А бы те́мна туча, туча грозная—
Навалилося ёрда невѣрная,

Прибѣгала собака—Кудреванко-царь;
Онъ со тимъ со зетемъ, со Киршикомъ,
Онъ со тимъ со сыномъ со Миршикомъ.
У его, собаки, силы множество,
Прибѣгала ко маткѣ Елесей рѣки.
Онъ мосты мостилъ тутъ калиновы,
Перекладины кладетъ все дубовыя,
Переносится, собака, перевозится,
Черезъ ту-де матушку Елесей рѣку.
Ста́новился на поле Кули́ково,
Заставливалъ шатры онъ чернобáрхатны;
Ётъ того-де отъ пару лошадиного,
Отъ того, ётъ духу человѣческа,
А и поблёкло красно солнышко,
Помертвѣлъ батюшко свѣтёлъ мѣсецъ,
А и потерялися-ле тутъ да звѣзды частыя,
Звѣзды частыя, да зори ясныя.
А и ёго ле у собаки силы множество,
По праву его руку сорокъ тысячей,
По лѣву-ту руку сорокъ тысячей,
Переди собаки сорокъ тысячей,
Позади его да числа-смѣту нѣтъ.
Онъ кабы самъ ёнъ, собака, заговоршыкъ злой,
Ёнъ кабы сталъ по силы поѣзживать,
Кабы сталъ онъ силу заговаривать:
Не брала чтобы силу сабля вострая,
Не ломила бы палица буёвая,
Не кололо-бы копейцо бурзоме́цкое:
Онъ какъ ѣздилъ по силы да трои суточки,
Онъ какъ бы всю силу заговаривалъ;
Пріѣжжатъ тогда-де ёнъ да во черно́й шатёръ,
Во черно́й шатеръ да чернобáрхатной;
Онъ садился тогда да на ремещатъ стулъ,
Бралъ чернила тогда да со гумагою,
Онъ писалъ тутъ ерлыкъ, скору грамоту,
Онъ писалъ-де нонѣ да въ стольный Кіевъ-градъ,
Ко тому ко князю, ко Владимеру;
Онъ просилъ у князя виноватого,
Виноватого да поединщичка.
Написалъ ёнъ ерлыкъ, ой скору грамоту,

Онъ говоритъ, собака, Кудреванко царь,
Говорилъ онъ своей силы арміи:
«Изъ васъ бывалъ-ли кто на святой Руси?
А по руському кто говаривалъ,
По нѣмецькому протолмачивалъ?»
Приходило тутъ Тугарище поганое,
Говоритъ Тугарище поганое:
— Я бывалъ-де смала на святой Руси,
А маленько я по руському говаривалъ,
По нѣмецькому протолмачивалъ.—
А кабы это нонѣ Тугарище поганое,
Голова Югарища нонь пивной котелъ,
Кабы юшища да царски блюдища,
Кабы глазища да сильны чашища,
Кабы ручища да сильны граблища,
Кабы ножища да сильны кичиница,
Вышину-де самъ какъ трюхъ саженъ,
Шириной Югарище—коса сажень,
Коса сажень да нонь печатная.
Кабы это калика все увидѣла,
Она все калика услышала,
А её оттуль—опять впередъ пошла;
А идетъ калика въ стольный Кіевъ градъ,
Приходила калика въ стольный Кіевъ градъ,
Ужъ ко той ко гринѣ княженевскоей;
Какъ становилась подъ окошечко косящато,
Какъ на то на мѣсто на калическо;
Какъ проситъ тутъ милостыню ради Христа,
Какъ крычитъ она зычнымъ голосомъ.
А какъ въ ту пору было, о то время,
У того у князя, у Владимера,
Погодился удалой доброй молодецъ,
Кабы старъ-казакъ, да Илья Муромецъ.
Онъ глядѣлъ-де старъ да вонъ на юлицу,
Кабы въ ту околенку хрустальную,
Увидалъ калику перехожую.
Говоритъ тутъ старъ-казакъ Илья Муромецъ:
«Ужъ ты ой еси солнышко, Владимеръ-князь,
Ты пойди скоренько вонъ на юлицу,
Ты на юлицу, да на круто крыльцо,

Ты зови калику перехожую,
Ты зови калику, низко кланейся,
Кабы эта калика да не плоха была».
Ужъ и тутъ бы князь скоро не ослышался,
Побѣжалъ онъ скоро вонъ на улицу,
Выбѣгалъ-де скоро на круто крыльцо,
Онъ спускался скоро со крута крыльца,
Кабы тутъ каликѣ да низко кланялся,
Говорилъ тутъ князь ей таково слово:
«Ты пожалуй-ко калика перехожая,
Ты ко мнѣ ко князю ко Владимеру,
Ужъ во ту во гриню княженевскую,
Ище хлѣба ись, да перевару пить,
А затимъ у меня, у князя, чего Богъ послалъ».
Кабы скоро тутъ калика нонь идетъ ище,
Какъ во ту во гриню княженевскую,
Заходила тутъ во гриню княженевскую,
Она Богу-ту ноньче молилася,
Кабы крестъ кладетъ все по писáному,
А поклонъ кладетъ все по ученому,
А молитву творитъ полну Сусову,
На вси стороны калика покланяется,
Какъ князю со княгиной на особицу.
Говоритъ тутъ старой таково слово:
«Приходи-де ты калика перехожая».
И говоритъ тутъ старой таково слово:
«Ужъ ты ой есь солнышко Владимеръ-князь!
Ты сади нончи калику за дубовой столъ,
И попить и поись, нонь покушати».
На то ноньче князь да не ослышался.
Какъ становятъ бы нонь скоро дубовой столъ,
Какъ на столъ бы носятъ всяки кушанья.
И говоритъ тутъ солнышко Владимеръ-князь:
«Ты садись-ко калика за дубовой столъ,
Кабы хлѣба ись, да перевару пить,
А затимъ отъ князя чего Богъ послалъ».
А и бы тутъ ноньче калика перехожая,
Какъ садится скоро за дубовой столъ,
Попить-поись, хлѣба покушати.
А бы садилось калика перехожая,

Кабы пить да ись, хлѣба кушати.
А и какъ пила-де, ѣла она до́ сыта,
А ходила скоро изъ за стола еще,
А изъ стола-де скоро да дубового,
Кабы Богу ту помолилосе,
На вси стороны она поклонилосе,
И какъ спасибо она нонь дала ище,
А садилосе на лавочку брусчатую.
Ужъ какъ подходитъ удалой доброй молодецъ,
Кабы старъ-казакъ, нонь Илья Муромецъ,
Ёнъ бы сталъ ю ей нонь все выспрашивать,
Ёнъ бы сталъ у ей все выпытывать:
«Ты откуль-же калика перехожая,
Ты откуль идешь, куда путь держишь?
Ты чего, дорогой шла, нонь видѣла,
Ты чего, дорогой шла, нонь слышала?»
Ужъ какъ тутъ ему калика нонь отвѣтъ держитъ:
— Я иду калика перехожая,
Отъ того-ле отъ моря, отъ студеного,
Съ Алатыря-камешка, отъ Латыря;
Я бѣжала калика перехожая,
Я бы по три дни бѣжала, по три ночи,
Не пиваючи бѣжала, не ѣдаючи,
Прибѣжала я ко матки Елесей рѣки,
Захотѣла тутъ калика нонь попить-поись,
И попить-поись, да тутъ огня добыть,
Ужъ огня добыть, платье повысушить.
Не юспѣла я, калика, опочиниться
Накатилосе вдругъ тутъ туча темная,
А темна туча, туча грозная,
Навалилося бы тутъ орда невѣрная,
Прибѣгалъ тутъ собака Кудреванко царь,
Прибѣгалъ ко матки Елесей рѣки;
Онъ какъ чрезъ ту-де Елесей рѣку,
Онъ мосты мостилъ все калиновы,
Перекладины кладетъ да все дубовые.
Переноситце собака перевозитце,
Черезъ ту-де ноньче матку Елесей рѣку;
Становился на поле Куликово,
Заставливалъ шатры онъ чернобáрхатны.

У его-ле у собаки силы множество:
По праву руку сорокъ тысячей,
По лѣву руку сорокъ тысячей,
Переди собаки сорокъ тысячей,
Позади его да числа-смѣту нѣтъ;
Отъ того-ле отъ пару лошадиного,
Ётъ того, ётъ духу человѣческа,
Ой поблёкло красно солнышко,
Помертвѣлъ батюшко свѣтелъ мѣсецъ.
И какъ сталъ онъ, собака, по силы поѣжживать,
Кабы сталъ онъ силу заговаривать,
Не брала чтобы силу сабля вострая,
Не ломила бы палица буевая,
Не кололо-бы копейцо бурзомецкое;
Онъ какъ ѣздилъ по силы да трои суточки,
Пріѣжжатъ тогда-де онъ во черной шатеръ,
Во черной шатеръ, да чернобáрхатной,
Онъ садился тогда да на ремещатъ стулъ,
Бралъ чернильницу онъ да съ гумагою,
Онъ писалъ тутъ ерлыкъ, скору грамоту,
Онъ писалъ-де нонче въ стольной Кіевъ-градъ,
Ко Владимеру ко князю, ко солнышку,
Онъ просилъ у князя виноватого,
Виноватого да поединщичка.
Написалъ ерлыкъ онъ, скору грамоту,
Говоритъ-де собака Кудреванко-царь,
Говоритъ онъ своей силы-арміи:
«Изъ васъ бывалъ-ле кто на святой Руси?
А по руському кто говаривалъ,
По нѣмецкому протолмачивалъ?»
Приходило тутъ Тугарище поганое,
Говорило Тугарище поганое:
— Я бывалъ-де смала на святой Руси,
И маленько-де по руському говаривалъ,
По нѣмецкому протолмачивалъ.—
А у этого Тугарища поганого,
Голова Тугарища съ пивной котелъ,
А юшища да царски блюдища,
А глазища да сильны чашища,
Какъ ручища да сильны граблища,

Какъ ножища да сильны кичиница,
Вышиной Тугарище, онъ трюхъ сажо́нъ
Шириной Югарище коса́ сажень,
Коса сажень да нонь печатная.
Кабы все ёна имъ разсказала-же,
Кабы все ёно имъ развѣдала,
Ище тутъ нонь калика стала прощатися,
Какъ бы тутъ калика опять впередъ пошла.
А кабы немного время миновалосе,
Ужъ немного время прокатилосе,
Приѣзжаетъ Идолище поганое,
Ко тому ко князю, ко Владимеру,
И заходитъ онъ во гриню княженевскую.
Онъ-де Богу тутъ онъ не молитце,
Онъ кладетъ ерлыкъ на дубовой столъ
И оттуль-де онъ поворотъ даетъ.
Выходило Идолище вонъ на улицу,
Онъ какъ подпадывалъ своимъ плечомъ правыимъ,
Какъ подъ ту подъ гриню княженевскую,
Задрожала гриня княженевская;
Тутъ уѣхалъ онъ, идолище поганое.
Кабы послѣ того было, послѣ этого,
Ужъ погодилсе у князя у Владимера
Кабы старъ-казакъ, да Илья Муромецъ.
Говоритъ тутъ солнышко Владимеръ-князь:
«Ужъ ты старъ-казакъ, Илья Муромецъ!
Мы какъ, што мы станемъ нонче дѣлати?»
Ой говоритъ тутъ старой таково слово:
— Ужъ какъ дѣлать-то намъ пришло нечего,
Собирать видно всѣхъ русскихъ богатырей.—
Говоритъ тутъ-де солнышко Владимеръ-князь:
«Мы кого-же нонь пошлемъ да за богатырьми?»
Говоритъ тутъ старъ-казакъ Илья Муромецъ:
— Какъ послать намъ надо за богатырьми,
Какъ того Добрынюшку Микитича:
Ой Добрыня Микитичъ роду вѣжлива,
Онъ-де вѣжлива роду, самъ очеслива,
Онъ умѣтъ съ богатырьми и съѣхаться,
Онъ умѣтъ съ има ище разъѣхаться.—
Какъ бы тутъ нончи Добрыня скоро снаряжаится,

Онъ и скоро, Добрыня, сподобляится,
Онъ пошелъ бы скоро вонъ на юлицу,
Онъ пошелъ къ своему широку двору,
Онъ уздать-сѣдлать своего коня доброго.
Какъ поѣхалъ Добрыня Микитичъ-братъ
Собирать всѣхъ русскихъ богáтырей;
Онъ какъ ѣздилъ Добрыня трои суточки,
Не пиваючи съѣздилъ, не ѣдаючи,
И здоху коню не даваючи;
Какъ пріѣхалъ тутъ Добрыня въ стольной Кіевъ-градъ,
Ко тому ко князю ко Владимеру,
И какъ собралъ всѣхъ русскихъ богатырей.
Собралися всѣ, да ёни съѣхались,
Ужъ не много и не мало тутъ было богатырей,
Собралися всѣ ко князю ко Владимеру.
Говорятъ бы всѣ руськи богатыри:
«Ужъ ты ой еси старъ-казакъ Илья Муромецъ!
Ужъ мы, что мы станемъ ноньче дѣлати?»
Говоритъ имъ старой таково слово:
— Ужъ какъ дѣлать-то-ле намъ да пришло нечего,
Надо ѣхать видно во чистó полё.—
И говоритъ старъ-казакъ Илья Муромецъ:
— Ужъ вы ой еси руськи богáтыри!
Надо намъ итти во Божію церковь,
Во Божью церковь, Богу молитися,
Помолится Спасу Вседержителю,
А затимъ и Миколу-то святителю,
А затимъ присветой Матерь-Богородицѣ,
Ой помолитися, благословитися.—
Кабы тутъ робята нонѣ вонъ пошли,
Приходили всѣ робята ко добрымъ конямъ,
Какъ садилися робята на добрыхъ коней,
И не видѣли ихъ поѣздки богатырскоей,
Какъ тяжелой побѣжки лошадиноей,
Только видѣли—робята вскочили,
На кони скóчили, въ стремена стýпили,—
Только видно въ полѣ курева стоитъ,
Курева стоитъ, дымъ столбомъ валитъ.
И когда ѣдутъ они по полю по чистому,
Говоритъ-бы тутъ старъ-казакъ Илья Муромецъ:

«Ужъ вы ой еси руськи богатыри!
Намъ поставить надо во чисто поле,
Во чисто поле намъ бѣлой шатеръ».
Кабы они, робята, становилисе,
Ужъ поставили ноньче во чисто поле,
Кабы бѣлъ-шатеръ, да бѣлобархатной,
Говоритъ тутъ старой таково слово:
«Мы кого-же нонче оставимъ во бѣломъ шатру,
Берекчи-ле, стерекчи золоту казну,
Золоту ище казну богатырьскую?»
Говоритъ на то юдалой доброй молодецъ,
Кабы тотъ Олёшинька Поповичъ братъ,
Говоритъ Олёша таково слово;
— Намъ оставить надо во бѣломъ шатру,
Какъ старого казака да Илью Муромца.—
Говоритъ тутъ старой таково слово:
«Не въ умѣ-же ты, Ёлеша, слово вымолвилъ,—
Когда загромятъ нончи палицы буевые,
Забренчатъ-ле сабельки булатныя,
Не усидѣть мнѣ старому во бѣломъ шатру.
Намъ оставить надо во бѣломъ шатру,
Какъ того Добрынюшку Микитича,—
Онъ какъ ѣздилъ, собиралъ руськихъ богатырей,
Собиралъ, ѣздилъ трои суточки,
Не пиваючи ѣздилъ, не ѣдаючи
И добру коню здоху не даваючи,
Какъ себѣ спокою не имѣючи.»
Ой какъ оставили Добрынюшку Микитича,
Какъ выходили они изъ бѣла шатра,
И садились тогда на добрыхъ коней,
И поѣхали нонь по полю чыстому;
А какъ увидѣли тутъ силу нонь невѣрную,
Говоритъ тутъ старъ-казакъ Илья Муромецъ:
«Ужъ вы ой еси руськи богатыри!
Вы иной ѣдьте по праву руку,
Вы иной ѣдьте по лѣву руку,
Самъ я ѣду середкой, самой матицей».
Ужъ поѣхали на ту на силу на армію,
Не здоровались робята не крестовались,
Они стали палицами помахивать,

Какъ впередъ махнутъ—лежитъ юлица,
Поперекъ махнутъ—переулками.
Они били тутъ, ломили трои суточки,
Не пиваючись, да не ѣдаючи,
Какъ себѣ спокою не имѣючи,
Они били тутъ-де ихъ да до единаго.
Тогда собиралися робята ко бѣлу шатру,
Собиралися, да всѣ съѣхались,
Заходили всѣ робята во бѣлой шатеръ,
Говоритъ тутъ старъ-козакъ Илья Муромецъ:
«Нонь всѣ-ли пріѣхали богáтыри?»
— У насъ нѣтъ двухъ брата Долгополые,
Лука, Матвѣй дѣти Петровскіе.—
Говоритъ тутъ старъ-козакъ Илья Муромецъ:
«Видно нѣту ихъ въ живыхъ нонь на семъ свѣтѣ».
А какъ немного время миновалося,
Какъ пріѣхали два брата Долгополые,
Какъ пріѣхали они ко бѣлу шатру,
Взаходили тутъ они во бѣлой шатеръ,
Говоритъ тутъ старой таково слово:
«Ужъ вы ой еси два брата Долгополые!
Не считали мы васъ живыми на семъ свѣтѣ».
Говорятъ тутъ два брата Долгополые,
Какъ Лука, Матвѣй дѣти Петровскіе:
— А бы кто насъ можетъ побѣдить ноньче?
Кабы было золото кольцо въ землѣ,
Поворотили бы мы матерь землю,
Какъ была бы ноньче на небо лѣстница,
Мы пресѣкли бы всю силу небесную.—
Говоритъ имъ старой таково слово:
«Ужъ вы ой еси два брата Долгополые!
Кабы эти ваши слова богопротивные».
Не юспѣли тутъ братья попить-поисъ,

Кабы эта сила вся возстала-же:
Какъ котораго сѣкли на двое,
Изъ того-де стало ноньче двое-же,
А котораго сѣкли на трое,
Изъ того-де стало ноньче трое-же,
Кабы прибыло-же силы множество,
Кабы вдвое, втрое, ноньчи впятеро,

И кабы эта ноньче сила, нонь невѣрная,
Находити имъ стала на бѣлой шатеръ.
Кабы тутъ всѣ робята зволновалисе,
Выходили кабы они изъ бѣла шатра,
Какъ садились они скоро на добрыхъ коней;
Опять они стали по силы нонь поѣзживать,
Кабы стали силу нонь помахивать,
Какъ впередъ махнутъ—лежитъ улица,
Поворотъ даютъ—переулками.
Они били, рубили шестеры суточки,
Не пиваючи, да не ѣдаючи,
На учáсъ здоху не имѣючи;
Кабы били они ихъ до единого,
Не оставили ихъ не единого.
Тутъ тогда это стало покоище,
Кабы Маево стало побоище.

Конецъ былины былъ мнѣ разсказанъ на словахъ, такъ какъ старинщикъ больше не могъ пѣть. Когда послѣ битвы богатыри собрались въ шатеръ, то увидѣли, что опять нѣтъ двухъ братьевъ Долгополыхъ. Поѣхали искать ихъ и нашли,—они окаменѣли. Увидя это, Илья Муромецъ сказалъ: «Чѣмъ они похвалились, тѣмъ и подавились».

27.

Солóманъ Премудрый и Васька Окуловъ.

Ай да за моремъ-ле, моремъ нонь за синіимъ,
Ай у Васьки царя было Окулова.
И завёлса у Васиньки почесенъ пиръ,
И на многихъ-ле князей, сё на бояровъ,
И на многихъ купцей, людей торговыихъ,
И на тихъ-же мѣщанъ да пригородныихъ,
И на тихъ-же кресьянъ да православныхъ;
Онъ какъ пиръ-отъ снаредилъ, Васька, пировать стали.
И кабы пиръ-отъ нонь идётъ ище ко вечеру,
Красно солнышко катитцэ ко западу,
Ищэ пиръ-отъ идётъ да о полупира,
Кнежоневьская радость въ полурадости;

Ужъ выходитъ-ле Васинька прикрасной-царь,
Онъ выходитъ на сéреду-кирпищатъ-полъ,
Онъ-же по полу-то Васинька похаживатъ,
Кабы съ ножиньки на ножку переступыватъ,
Ёнъ сапогъ-де о сапогъ да поколачиватъ,
Онъ берщатыми-ти скобками побрякиватъ,
Онъ бѣлыми-ти руками прирозмахиватъ,
Онъ злачнымп-ти перснями принабрякиватъ,
Онъ есныма-ти оцями прирозглядыватъ,
Онъ буйной-то головой да принакачиватъ,
Онъ желтыма-ти кудрями принатряхиватъ,
Тихо-смирную рѣць самъ выговариватъ:
«Ужъ вы ой еси какъ всѣ люди православныя!
Ужъ вы ой еси купцы, люди торговыя!
Ужъ вы ой еси мѣщана пригородныя!
Ужъ вы всѣ вы сидите ноньце споженены,
А за васъ всѣ красны дѣвушки повыданы,
Ужъ единъ-то я, Васинька, холостъ хожу,
Я холостъ, Васька, хожу, да не жонатъ живу,
Вы не знаите-ли хто мнѣ полюбовницу?
И не знаите-ли хто мнѣ супротивницу?
Э не знаите-ли хто мнѣ молоду жону?
И така-бы мнѣ была да молода жона:
И статнóмъ была статна, да полно возрастомъ,
Волосомъ была руса, штё-бы лицомъ бѣла,
А бы рѣць у ей, говóря тихо-смирная,
И походоцька у ей штобы упáвая,
И поглядоцька у ей была умыльная,
Што-бы было кого назвать княгиною,
Што-бы было отъ кого да князю цара пить,
На ей штобы была рубашка тонка бѣлая,
Кабы сквозь еé рубашку тѣло видѣти,
Ищэ сквозь-бы-ле тѣло кости видѣти,
И какъ всякія суставы чсловѣчески,
Ужъ изъ кости-ле-бы въ кось мозгъ переливаитьсе,
Какъ скаченой-ле жемчугъ перекатаитсе».
Ище всѣ тутъ на пиру да пріумолкнули,
Кабы всѣ на томъ чесномъ да пріудрогнули,
Ищэ большо-ётъ хоронитсе за среньняго,
Ищэ среньнёй хоронитсе за меньшого,

Ужъ отъ меньшого-де князю нонь отвѣту нѣтъ.
Изъ за того изъ за стола переньнёго,
Тамъ ставаётъ-де удалой доброй молодецъ,
По прозванью-то Тороканъ да сынъ Заморянинъ,
Онъ поближешенько-то князю придвигаитсе,
Понижешенько онъ князю покланяитце,
Говоритъ тутъ Тороканъ да таковы слова:
— Ужъ ты ой еси ты солнышко Владимеръ-князь!
Ты позволь-ле мнѣ-ка нонь да слово вымолвить,
Не позволь-ле миня за слово головы сказнить,
Головы гдѣ сказнить, скоро повѣсити,
И не выслать миня штобы въ ссылки дальнія.—
Говоритъ на то солнышко Владимеръ-князь:
«Говори-же, Тороканъ, ты не юпадывай,
Не единаго словецька не ютаивай».
Говоритъ-же тутъ Тороканъ да сынъ Заморенинъ:
— Я бы съ мала-то бывалъ да ноньце за морёмъ,
Ищэ за морёмъ бывалъ да я за синіимъ,
А видалъ-де ка' за морёмъ за синіимъ,
У Соло́мона царя видалъ премудрого,
Кабы есь у его нонь молода жона,
Какъ статномъ-ле та статна, да полна возрастомъ,
Волосомъ-де руса, ищэ личомъ бѣла,
У ей рѣци-де, говоря тихосмирная,
И походоцька у ей была упавая,
И поглядоцька у ей была умыльная,
Хоть на ей-де рубашка тонка бѣлая,
Кабы сквозь ее рубашку тѣло видѣти,
Ищэ сякія суставы чоловѣчески,
Изъ кости-ле въ кость мозгъ переливаитце,
Какъ скаченной жемцюгъ перекатаитьсе;
Ищэ можно ту назвать да нонь княгиною,
Ищэ можно отъ ей да князю цяру пить».
Говоритъ на то Васинька прикрасной царь:
«Ужъ какъ можно у жива мужа жена отнять?»
Говоритъ тутъ Тороканъ да сынъ Заморенинъ:
— У жива мужа жена отнять—не твоя печаль,
Снареди-ко ты три карабля черленыя,
Ужъ со всякима товарами заморскима,
Побѣжу я какъ тогда да за синё морё.—

Онъ даватъ-де ему да дозволеньичо.
Нагрузилъ ёнъ три карабля черленыя,
Онъ со всякима товарами заморскима,
Побѣгать сталъ Тороканъ да за синё морё;
Кабы сходенки ёни ноньце повыбрали,
Кабы якори заморьски всѣ повызнели,
Подымали тонки парусы полотнены,
Кабы далъ имъ Богъ нонь тишины пособноей,
Ужъ бѣжали они тутъ за синё морё,
Ко тому-де ко царю да ко Соло́ману.
Прибѣгали ко царю да ко Соло́ману,
Какъ походитъ Тороканъ да сынъ Заморенинъ,
Онъ походитъ ко царю ноньце ко Соло́ману,
Онъ поноситъ какъ подароцьки хорошія,
Торговать штобы безденежно, безпошлинно.
Какъ Соло́мана-то въ домѣ не случилосе,
Онъ уѣхалъ Соло́манъ къ морю синёму,
Онъ на тихіе уѣхалъ онъ на галани,
Онъ стрѣле́ть тамъ гусей, да бѣлыхъ лебедей,
Побивати сѣрыхъ малинькихъ утянышковъ,
Ужъ крыластыхъ, пернастыхъ, перелётныихъ,
И гонять ищэ лисичъ, да бѣлыхъ заечей.
Тутъ приходитъ Тороканъ къ царю къ Соломану,
Тутъ-де стрѣцяетъ-де Соло́мана молода жона,
Говоритъ она-ле тутъ да таково слово:
«Приходи-же ты, пожалуй, небывалой гось!»
Отдаватъ онъ ей подароцьки хорошія,
Ищэ самъ тутъ говоритъ да таково слово:
— Торговать што-бы-ле намъ безданно-безпошлино.—
Приниматъ она подароцьки хорошія,
И садитъ его за столы да за дубовыя:
«И садись-ле ты удалой доброй молодецъ,
И какъ хлѣба у мня ись, да перевару пить,
А затимъ-де у меня да чего Богъ послалъ».
Онъ садился Тороканъ да за дубовой столъ,
Онъ и пилъ тутъ и ѣлъ да цего Богъ послалъ;
Какъ подаватъ она ему да сяки кушанья,
Подаватъ она ему цяры зелена вина,
Ужъ какъ ему-то подаватъ, да сама-то пьётъ:
Они пили, пировали проклаждалисе,

Тутъ какъ сталъ онъ походить да на черле́нъ карабъ,
Онъ какъ тутъ ее́ зовётъ ёнъ на черле́нъ карабъ:
«Я у тя-де погостилъ, дакъ ты ко мнѣ пойдёмъ,
И заёмно погости у мня на карабли».
Онъ пошолъ-де Тороканъ да на черле́нъ корабъ,
Онъ приходитъ ко своимъ людямъ робочіимъ,
Говоритъ имъ Тороќанъ да таково слово:
«Ужъ вы ой еси мои люди робочія!
Какъ увидите-ле съ черного вы съ карабля,
Какъ идётъ-ле Соло́мана молода жона,
Вы встрѣцяйте ее нонь, низко кланяйтесь;
Кабы ступитъ-де ёна какъ на черленъ карабъ,
Подавайте вы ей цару зелена вина,
На другой-же она ступень да ноньце ступитъ-же,
Вы другу ей подавайте ноньце цару-же,
Вы ведите ей тогда да во черленъ карабъ,
Какъ зайдётъ она тогда да во черленъ карабъ,
Вы здымайте тогда якори заморскія,
Вы вытегивайте сходенки дубовыя,
Подымайте тонки парусы полотнены».
Онъ зашолъ Тороканъ да во черленъ карабъ,
Какъ увидѣли его люди робочія,
И идетъ-де скоро Соломанова молода жона,
И заходитъ-де ёна да на черленъ карабъ,
Ужъ подаваютъ они цару зелена вина;
На другой разъ ступила на черленъ карабъ,
И другу ей подаваютъ ноньце цару-же,
Проводили ей-де ноньце во церленъ карабъ;
Тамъ стрѣцяетъ Тороканъ да сынъ Заморенинъ,
Онъ садилъ тогда-де ей да за дубовой столъ,
И какъ пити-де ка' ись, да ноньце кушати,
И какъ всяки тутъ питья-ѣствы наставлены,
Наливатъ ей, подаватъ онъ цяру зелена вина,
И самъ подаватъ, и самъ тутъ пьётъ;
Тутъ его-то-ле люди нонь робочіе,
Выздымали ёни якори заморскія,
И затегивали сходенки дубовыя,
Подымали тонки парусы полотнены,
Побѣжали они какъ тутъ нонь за синё морё.
Прохватилась тутъ ноньце Соломана молода жона,

Выходила-де ёна да на черленъ карабъ,
Ожъ карабль-отъ бѣжитъ да середи моря,
Она тутъ-же какъ нонь да звыла-сплакала:
«Ужъ ты што-же Тороканъ да сынъ Заморенинъ,
Ты куда-же меня везёшь нонь за синё морё?
За себя-ле ты везешь, ле за прiятеля?»
Говоритъ тутъ Тороканъ да таково слово:
— Я везу тебя-ле нонь да за прiятеля,
Я за Ваську царя ноньце Окулова,
У насъ жити-то добро, дакъ служить лекко:
У насъ среды-то, пе́тничи не постуютъ,
И велики чатверги у насъ нечѣмъ зовутъ.—
Прибѣгали они къ Васинькѣ Окулову,
И пошолъ тутъ Тороканъ да сынъ Заморенинъ,
Онъ ведётъ-де Соло́мана молоду жону,
Кабы Васинька-то тутъ да зрадовалса-же,
Веселымъ они пиркомъ да скорой свадебкой.—
А прiѣхалъ тамъ Соломанъ изъ чиста поля,
Онъ навёзъ-де гусей, да бѣлыхъ лебедей,
Нагонялъ-де лисичъ, да бѣлыхъ заечей,
Онъ въ уми-то своёмъ да нонци думаётъ:
«Кабы гдѣ-же миня не встрѣцятъ да молода жона?
Одолило винно ей ноньце богачество,
Забрала винно ей хворось нонь тяжолая».
Выходила тутъ его ноньце служаноцька:
— У тя нѣту ноньце дома молодой жоны,
Прибѣгалъ Тороканъ, да онъ изъ за моря,
Онъ увёзъ-де твою да молоду жону.—
Говоритъ на то нонь ищэ Соло́манъ чарь:
«Я бы не думалъ ноньце ѣхать за синё морё,
По свою-ту-ле нонь да молоду жону,
Кабы 'сякъ миня назовётъ да «потеря́й-жона».
Онъ какъ сталъ тутъ Соло́манъ снарежатисе,
Снаредилъ 'сё три карабля черленыя,
Онъ берётъ ноньце людей ноньце робоцiихъ,
Онъ берётъ съ собою дружину всё хоробрую,
Хоробру-де дружину, заговорную,
Побѣжалъ тутъ Соло́манъ за синё морё;
Прибѣгалъ-да ка' за морё за синёё,
Онъ ко Васинькѣ царю ноньце Окулову,

Какъ походитъ самъ единъ ноньце со карабля,
Онъ товарыщамъ своимъ ноньце наказыватъ:
«Какъ вы слушайте-же нонь да понимайте-же:
Заиграю я ковда да нонь во турей рогъ,
Вы тогда, вы робята, снаряжайтесь-же;
Какъ другой разъ заиграю я во турей рогъ,
Вы сходите тогда со черного со карабля;
Какъ третей разъ заиграю я во турей рогъ,
И тогда меня заставайте вы живого-же».
Онъ пошолъ тогда ’ царю Васькѣ Окулову,
Онъ заходитъ ему во гриню кнежоневськую,
Кабы Васьки-царя дома не случилосе,
Какъ онна сидитъ Соломанова молода жона;
Онъ немного посидѣлъ, да поздоровалсэ,
Какъ идётъ ноньце Васинька прикрасной-царь,
Говоритъ тутъ Соломанъ таково слово:
«Ужъ куда-же нонь отъ него я дѣваюсе?»
Говоритъ на то его-же молода жона:
— Ты ложись нонь на кроватоцьку тисовую,
Я накину на тебя ноньце перинушку.—
И сама она садилась на перинушку,
Какъ зашолъ тутъ-то Васинька прикрасной-царь,
Говоритъ ему Соломанова молода жона:
«Ужъ ты ой еси Васинька прикрасной-царь!
Кабы былъ ноньце-ле этта нонь Соломанъ-царь,
Ужъ-бы што ноньце надъ имъ да сталъ ты дѣлати?»
— Я бы взялъ-де со спицьки саблю вострую,
Я срубилъ-бы ноньце прямо буйну голову.—
Соскоцила она-бы скоро со кроватоцьки,
Ужъ отдёрнула перинушку пуховую,
Тутъ лежитъ-де Соломанъ-царь премудрыя;
Ужъ хватаётъ Васька со спицьки саблю вострую,
Онъ срубить хоцётъ-де прямо буйну голову;
Говоритъ-же тутъ Соломанъ таково слово:
«Ужъ ты ой еси Васинька прикрасной-царь!
Ужъ какъ насъ-де царей да не казнятъ ищэ,
Ужъ какъ насъ-де царей да ноньце вѣшаютъ».
Ужъ назадъ-де повѣсилъ Васька саблю вострую,
Онъ приказыватъ въ полѣ сдѣлать релю высокую.
Кабы скоро его люди-робочіе релю сдѣлали,

И пришли они, сказали Васьки Окулову,
И вести-де кабы хоцютъ царя Соломана;
А собралось народу много множество.
Повели-де Соломана во чисто полё,
Говоритъ тутъ Соломанъ таково слово:
«Ужъ ты ой еси Васинька прикрасной-царь!
Ужъ какъ дай мнѣ заиграть ноньце во турей рогъ,
Мнѣ проститьце-ле нонь да съ гусьми, съ лебедьми».
Говоритъ ноньце Соломанова молода жона:
— Ужъ Соломанъ-отъ, мотри, дакъ онъ хитёръ-мудёръ,
Онъ какъ выйдетъ своей да хитрой мудросью.—
Говоритъ на то Васинька прикрасной-царь:
«Ты играй-же нонь ищэ Соломанъ-царь,
Ты хоть сколькп играй, да скольки моць берётъ».
Заигралъ во первой наконъ ноньце въ турей рогъ,
Кабы весь тутъ народъ остановилисе,
Онъ игралъ сколько надомно во турей рогъ,
Кабы тутъ опеть впередъ да повели его.
Говоритъ опеть Соло́манова молода жона:
«И какой еси ты Васинька прикрасной-царь!
Ты казни ныньце Соло́мана скоро-наскоро,
Не то Соломанъ выйдётъ хитросью и мудросью».
Говоритъ на то Васинька прикрасной царь:
— Ужъ ты глупая баба, не разумная!
У тя волосъ-отъ-де дологъ, умъ коротпнькой,
Какъ Соломанъ-отъ-ле ноньце—онъ у насъ въ рукахъ.—
И Соломанъ-отъ говоритъ ноньце таково слово:
«Ужъ онно-то колесо да ищэ катитце,
А друго-то колесо да не останитсе».
Говоритъ на то Васинька таково слово:
— Какъ сказали-де ’ Соло́мана—«хитёръ-мудёръ»,
Не нашолъ я Соло́мана дицé-де всѣхъ:
Да куда-же колесо друго останитьсе
И докуль-же какъ ось да не ото́трится?—
Говоритъ на то ищэ ноньце Соломанъ царь:
«Ужъ вы ой еси люди православныя!
У кого-ле васъ, у васъ есь отчи-ма́тери,
У кого-ле у васъ есь дѣти малыя,
Воротитесь вы назадъ да вы домой ищэ:
У Соло́мана-то смерть будётъ страховитая».

А народъ-де на то да не гледятъ ищэ;
Говоритъ ищэ Соломанъ таково слово:
«Ужъ ты ой еси Васинька прикрасной царь!
Ужъ ты дай мнѣ заиграть ищэ во турей рогъ,
У меня были во чистомъ поли пріятели,
И съ има-бы мнѣ ка' нонь ищэ проститисе».
Говоритъ на то Васинька Окуловичъ:
— Да ты играй-же Соломанъ царь премудрыя,
Ты играй-же сколько тебѣ хочетця.—
Говоритъ на то Солóмана молода жона:
«Ты скоре его казни, скоре нонь вѣшай-же,
И Соломанъ-отъ уйдётъ хитросью-мудросью».
Говоритъ на то Васинька таково слово:
— Ужъ ты глупая баба, не разумная!
У тя волосъ-отъ дологъ—умъ коротинькой,
Онъ куда отъ насъ уйдетъ ноньце Соломанъ царь?
А Солóманъ-отъ-ле ноньце у насъ въ рукахъ.—
Какъ ведутъ опеть Соломана по чисту полю,
И ведутъ ноньце ко рели ко высокоей,
И ко той-де ко плахѣ ко дубовоей,
Говоритъ ищэ Соломанъ таково слово:
«Ужъ ты ой еси Васинька прикрасной царь!
Ты ужъ дай мнѣ-ка заиграть нонь во турей рогъ,
Мнѣ проститсэ въ послѣнних съ людьми добрыма,
Мнѣ простися ищэ нонь со бѣлымъ-свѣтомъ».
Говоритъ на то-ле Васька таково слово:
— Ты играй-же-ле сколько у тя моцъ берётъ.—
Онъ игралъ-де Соломанъ нонь во турей рогъ,
Ожъ накрыли тутъ его да гуси-лебеди:
Набѣжала его дружинушка хоробрая,
Хоробра-де дружина, заговорная
И схватили они Васиньку царя ищэ,
Какъ повѣсили-де Васиньку во петелку,
И какъ въ петелку его нонь во шолковую;
Торокана-то повѣсили нонь во петелку,
И во ту его во петелку пеньковую;
Какъ Соломана-то жону да нонь не вѣшали,
Онъ-де бралъ-де бы ей за жолты кудри,
Онъ бросалъ ей о матушку сыру-землю,
Ищэ тутъ ноньце ей да смерть случилосе.

А Соломанъ-отъ-де взялъ ей за праву руку,
На енну ногу ступилъ да другу оторвалъ,
Кабы бросилъ-де ей да во чисто полё,
Ужъ чернымъ-то воронамъ 'сѣмъ на воскурканьё,
Ужъ сѣрымъ-то волкамъ на востарзаньё,
Ищэ синёму морю на утишеньё,
Ищэ вамъ 'сѣмъ молодцамъ да на послыханьё,
Кабы старымъ старухамъ нонь на долгой вѣкъ.

28.

Васька Буслаевъ.

Жилъ-то Васенька Буслаевичъ,
Жилъ во Новомъ славномъ городѣ,
Здумалъ Васинька съѣздить въ Ерусалимъ градъ.
Сталъ онъ просить у матушки благословленьица,
Съ буйной главы да до сырой земли.
Какъ не бѣлая береза изгибается,
Не шелковая листья растилаетсе,
Васинька матушкѣ поклоняетсе,
Подалъ онъ ей во первой наконъ,
Говоритъ ему матушка родимая:
«Ужъ ты ой еси чадо милое!
Негдѣ ты не бывалъ и нечо́ не видалъ».
И не даватъ ему благословленьица.
Падатъ ей Васинька во второй наконъ:
— Ужъ ты ой еси матушка родимая,
Честна вдова Омельфа Тимоѳеевна!
Съ молоду у меня, Васьки, было бито-граблено,
На стары нни мнѣ надо душа спасти,
Душа́ спасти, грѣхи свести.—
Говоритъ ему матушка родимая:
«Много тамъ народу ѣздило,
Да назадъ въ живы не пріѣхало».
Говоритъ тутъ Васинька Буслаевичъ:
— Себѣ бы ты спала, себѣ видѣла.—
Говоритъ ему матушка родимая:
«Я себѣ спала, да тибѣ видѣла».
Падатъ ей Васинька во третій наконъ:

— Ужъ ты дашь поѣду и не дашь поѣду:
Съ молоду у меня было бито, граблено,
На стары нни надо душа спасти, грѣхи свести.—
Даетъ тогда ему благословленьице:
«Поѣдешь ты по матушкѣ Волховѣ,
Есть тамъ три за́ставы великія:
Перва за́става—живутъ мужички да Новотокмяна,
Бьютъ, хватаютъ они удалыхъ добрыхъ молодцовъ,
Не пропускаютъ не конныхъ, не пѣшихъ,
Тѣ станичники да коробичники.
Другая за́става есть великая—
Субо́й быстёръ, да валъ густой.
Третья есть за́става великая—
На горахъ стоятъ Кресты Евангельски».
Сталъ тутъ Васинька снаряжатися,
Сталъ Васинька сподоблятися.
Дѣлатъ онъ сибѣ карабликъ черниньской,
Леккой стружочикъ.
Хорошо стружекъ да изукрашенъ былъ:
Придѣлывалъ онъ къ кораблику на мѣсто правежу
По сѣру волку рыскучему,
Вмѣсто очей врѣзывалъ по камешку самоцвѣтному,
Вмѣсто рѣсницъ—по сѣду бобру осистому,
Вмѣсто бровей—по той лисицѣ по Почорскоей;
Хо́рошо-добре надцадикъ изукрашивалъ,
Весёлышка были въ надцадикѣ кленовые,
Дерёвца были кедровые,
Дроги-зъёмы были шелковы,
Паруса были тонка полотнены.
Сдѣланъ былъ въ корабликѣ муравленъ чердакъ,
Построена была тамъ кроваточка слоновыхъ костей,
Слоновыхъ костей, зубья рыбъяго,
Исподбивана хрущатой камкой,
Испобивана золотымъ гвозьёмъ;
На кроваточкѣ перинушка пуховая,
На перинушкѣ подушечки шелковыя,
Наволоки на нихъ хрущатой камки,
Одѣяло на кровати черныхъ соболей,
А покрышка его—дорога сукна.
Сталъ тутъ Васинька снаряжатися,

Сталъ себѣ брать дружиночку хоро́брую,
Хоро́бру дружину, заговорную.
Во первы́хъ онъ бралъ Потаньку Хроминького,
Хроминького, да нездоровинького,
Во други́хъ-то бралъ Никитушку высокого,
Во третьи́хъ бралъ Ѳому широкого.
И сталъ онъ походи́ть на черле́нъ карабъ.
Далъ имъ Богъ тишины пособныя,
Подымали тонки парусы поло́тняны,
Побѣжали по Волховѣ быстрѣ-рѣкѣ.
Прибѣгаютъ ко первой за́ставѣ,
Живутъ тутъ мужички Новотокмены,
Хватаютъ удалыхъ добрыхъ молодцевъ,—
Пробѣжали за́ставу великую.
Прибѣгаютъ къ другой за́ставѣ великоей,—
Ходитъ тутъ субо́й быстёръ и валъ густой.
Микитушка высокой у руля стоялъ,
Ѳома широкій околъ паруса,
Потанюшка на носу стоялъ.
Стало тутъ корабликъ помётывать, побрасывать,
Микитушка палъ на черлёнъ карапь,
Ѳома широкій тоже палъ,
Потанюшка хроминькій поскакиватъ.
Пробѣжали ту за́ставу великую,
Прочухарились Ѳома и Микитушка.
Подбѣгаютъ къ горамъ высокимъ, Крестамъ Евангельскимъ,
Говоритъ тутъ Васинька Буслаевичъ:
«Есть тутъ у меня положеньице положено».
Приворотили его люди робочіе,
Пошелъ Васинька ко Крестамъ Евангельскимъ,
Помолился и исполнилъ свое положеньице,
И пошелъ—поворотъ назадъ.
Увидѣлъ-же Васинька: лежитъ голова человѣческа,
Онъ стросью голову поколачивалъ,
Самъ у головы спрашивалъ:
«Ой ты, ой еси голова мертвецкая!
Если ты руська глава, я тебя погребу,
А невѣрна гла́ва, такъ прокляну».
Говоритъ голова руськимъ языкомъ, человѣческимъ:

— Я невѣрна глава,—я лежу по лѣву руку крестовъ,
А ты будешь лежать по праву руку.—
Говоритъ тутъ Василій Буслаевичъ:
«Ты сибѣ бы спала, да сибѣ видѣла».
Говоритъ голова человѣческа:
— Я сибѣ спала, да Васькѣ видѣла.—
Плюнулъ Васька ей, да оттуль прочь пошелъ.
Приходитъ онъ на черлёнъ корабль,
Побѣжали впередъ въ Ерусалимъ градъ.
Далъ имъ Богъ тишины пособныя,
Прибѣжали въ Ерусалимъ градъ,
Пошелъ Васинька ко гробницѣ Господней,
Положенье обвѣщано положити.
Помолился онъ Господу Богу,
Забрала его жара,
Задумалъ онъ въ Ёрдань-рѣкѣ покупатися.
Говорятъ тутъ Васинькѣ Буслаеву:
«У насъ въ Ёрдань-рѣки не купаются, обливаютсе».
Не послушалъ онъ, покупался во Ёрдань-рѣки.
Затѣмъ пошолъ Васинька на черлёнъ корабль,
Убирали тутъ сходеньки дубовыя,
Якоря заморскіе и давали поворотъ назадъ.
Бѣжатъ по матушки по Волховѣ,
Ко горамъ высокимъ, Крестамъ Евангельскимъ,
Видитъ Васинька лежитъ у крестовъ сѣръ-горючъ-камень.
Говоритъ тутъ Васинька Буслаевичъ:
«Приворотимъ къ горамъ высокимъ,
Посмотримъ, какой лежитъ тутъ камешекъ».
Приворотили его люди рабочіе,
Васинька коло камешка похаживатъ,
Стросью камешекъ поколачиватъ,
Говоритъ таково слово:
«Давайте черезъ камешекъ скакать».
Стали напередъ глазами скакать его товарищи.
Говоритъ тутъ Васинька Буслаевичъ:
«Не честь-хвала напередъ глазами скакать,
Давайте лучше назадъ глазами скакать».
Стали они назадъ глазами скакать,
И всѣ они скочили и перескочили.

Сталъ и Васинька назадъ глазами скакать,
Скочилъ назадъ глазами
И середка камешка обрюшился.
И тутъ ему смерть случилася.

29.

Пародія.

Не у вора у Васьки у Захарова,
Не упито было, не уѣдено,
Не баско-хорошо было не изношено,
На царевъ кабакъ да было сношено.
Походитъ Васинька на царевъ кабакъ,
Поноситъ шапоцьку пуховъ калпакъ,
Большими-те тюнеми онъ принахлапыватъ,
Слѣпыми-те глазами онъ да приросплилькиватъ;
Приходитъ Васинька да на царевъ кабакъ,
Отдаватъ шапоцьку пуховъ калпакъ,
Проситъ за шапоцьку петьсотъ рублей,
А даваютъ ему петь копеечекъ.

30.

Стенька Разинъ.

Ай да во славномъ-то во Казани, ой во Ястрахани,
Проявился тутъ, да просвѣтилса чужъ-незнаемъ-человѣкъ,
Ай да баско-де, хорошо-де онъ по городу похаживаётъ,
Ай да чернобархатной на ёмъ кафтанъ, да на роспашоцьку доржалъ,
Ай да изорванцятъ-то новой кушачёкъ да по бѣлымъ грудямъ да везалъ,
Ай да съ бурзументомъ его черна шляпа на жолтыхъ его кудряхъ,
Ай да новобраны его перщаточки, ай да на бѣлыхъ рукахъ держалъ,

Ай да што зеленъ-то сафьянъ его сапожки, ай да на рѣзвыхъ его ногахъ.
Ай да баско-хорошо-де ёнъ по городу спохаживаётъ,
Ай да не штофамъ, онъ не ефицерамъ онъ не кланяитсе,
Онъ гражданьскому-то губернатору онъ челомъ ему не бьетъ.
Какъ увидѣлъ его да губернаторъ со своего со крыльця,
Онъ да началъ-почалъ его губернаторъ зычно спрашивати:
«Ты откуль-же, какой-же ты дѣтинушка, незнаемъ-человѣкъ?
Ой да ты казанець, ты-ле нонь резацець, ты-ле астраханець?
А да отвѣчаетъ ему дѣтинушка, незнаёмъ-человѣкъ:
— Не казанець я-то, не резанець, я не астраханець,
Я со матушки-то я со Камы, Сеньки Разина сынокъ.
Ой да по утру-то ранымъ-ранёшинько хотѣлъ батько спобывать,
Ой да ты умѣй тогда гостя встрѣцеть, умѣй потчовати.—
Ай да какъ за эти-ти его словеса да посадили молодца,
Ай да што во са́ди-то, во поса́ди, въ бѣлокаменну тюрьму.
Ай да што сидитъ-то молодечъ да не печалуитсе:
Ай да што по ютру-ту ранымъ раненько плывётъ шлюпоцька сверху,
Ай да на кормы-то сидитъ хозяинъ, ой да Сенька Разинъ атаманъ.

31.

Донскіе казаки.

Вдоль по крутинькому по красному бережоцьку,
Што по жо́лтому сыпучему песочку,
Туды ходили, гуляли добры молодцы,
Добры молодцы, робята—донски ка́заки,
Што донскія, да гребенскія, да запорожныя;
Они клели-заклинали славной-тихой Донъ:
«Ты не дай-же Богъ, Микола да на тихомъ Дону,

На тихомъ Дону середь лѣта о Перова дни да пересохнути,
Ты не дай-же Богъ, Никола во крещенскія морозы перемёрзнути».
На тихомъ Дону потонуло да три карабля,
Какъ первой-отъ карабъ да съ краснымъ золотомъ,
А другой-отъ карабъ да съ чистымъ серебромъ,
А третье́й-отъ карабъ да ’ скатнымъ жа́мчюгомъ.
Мнѣ не жалко-то добру-молодцу да три карабля,
Только жалко-то мнѣ, молодцу, да три молодца,
Добры-молодцы, робята, да донски казаки,
Что донскіе, гребенскія, да запорожныя.

32.

Подъ городомъ подъ Архангельскомъ.

Ай подъ городомъ было подъ Архангельскимъ,
Да тутъ за стѣной было городовоей,
Тутъ стояла изба-ле новая, караульная.
Во этой избѣ новоей караульнёей,
Восемьсотъ-то сидѣло добрыхъ молодцовъ,
Енна дѣвушка межъ има да замѣшаласе;
Во игры-то играть была она горазная,
Во игры играть, да мелки шахматы.
Она билась-то съ има да о великъ закладъ,
Не сти рублей билась, не о тысяци,
О трёхъ карабляхъ билась она, о черленныихъ.
Обыграла-то она удалыхъ добрыхъ молодцовъ,
Обыграла три карабля черленныи:
Какъ первой-отъ карабъ да съ краснымъ золотомъ,
Другой-отъ карабъ да съ чистымъ серебромъ,
Третьей-отъ карабъ да ’ скатнымъ жамчюгомъ,
Обыграла она удалыхъ добрыхъ молодцовъ.

33.

Добрый молодецъ и разбойники.

Не путёмъ шолъ доброй-молодецъ не дорогой,
Приворачивалъ ко кустышку ко ракитову,

Што подъ кустышкомъ разбойнички сидятъ, дѣлъ дѣлятъ,
Они дѣлъ дѣлятъ, разбойнички, золоту казну,
Золоту казну, разбойнички, манастырьскую,
А того они манастыря сё селеньского,
Што того ищэ Миколы всё светителя.
Ужъ прошалъ у ихъ доброй-молодець—имъ во товарыщы,
Не примаютъ доброго молодца во товарыщи;
Ужъ прошалъ у ихъ доброй молодецъ такова́ паю,
Не даваютъ добру молодцу такова́ паю;
Ужъ пошолъ тутъ доброй молодецъ слёзно расплакалса.

34.

Смерть Александра I-го *).

Кабы тутъ-же было да на светой Руси,
На светой-то Руси, да въ каменной Москвы,
У Ивана-то было у Великаго,
Ю Миколы-то было у святителя,
Во божье́й-то церкви было соборноей,
Ю обѣнни-то было ю Микольскоей:
Тутъ ударили-же да въ большой колоколъ,
Штобы слышно-то было нынь по всей земли,
Нынь по всей-то земли, по всей ярміи,
По любезной по нашей коновардіи,
А по всимъ городамъ, нынь по всѣмъ селамъ,—
Нашъ приставилса какъ да благовѣрной чарь,
Благовѣрной-отъ чарь Олексанъ Павловичъ,
Онъ приставился какъ да на синемъ мори,
На тёплой-де воды, на лѣтной за́води,
А на лѣтной-то тихой, на че́рномъ карабли.

---

*) «Старинку» эту спѣла Ксенія Поздѣева, жена П. Р. Поздѣева.

8. Егоръ Ивановичъ Рочевъ.

Крѣпкій здоровый человѣкъ 61 года; очень гладко и складно, стариннымъ ясакомъ поетъ старины. Пѣть согласился неохотно, послѣ долгихъ упрашиваній. Кромѣ напечатанныхъ здѣсь, знаетъ старины: Дюкъ, Соломанъ и Васька Окуловъ, бой Ильи съ сыномъ. Имѣлъ я дѣло съ нимъ очень мало, спѣшно и болѣе подробныхъ свѣдѣній о немъ не имѣю.

35.

Добрыня и Маринка.

А жила-была старушка тутъ-де старая,
Кабы были у ей ищо двѣ дѣвушки;
А пошли они-де брать да въ лѣсъ какъ ягоды,
А вперёдъ-отъ-де шли лѣсами тёмныма,
А назадъ пошли черезъ чисто-полё.
А идутъ-де они черезъ чисто-полё,
А увидѣли бѣжатъ ныньце гнѣды туры.
А гнѣды-де туры да златорогіе.
Какъ домой тутъ пришли да эти дѣвушки,
Они стали старушкѣ какъ раскaзывать:
«Охъ ты ой-де старушка ныньце старая!
Мы ходили-де, брали сладки ягодки,
А назадъ-ту пошли черезъ чисто-полё,
А увидѣли бѣжатъ ноньце гнѣды туры,
А гнѣды-де туры да златорогія;
Прежъ вѣдь бѣгало у Маринки-то деветь туровъ,
Ныньце бѣжитъ у Маринки-то десить туровъ,
А десятъ-отъ намъ туръ да придвигаитце,
А изъ глазъ-то бѣжатъ да горюци слёзы».
Какъ на то была старушка какъ догадлива,
А хватала свою книгу волховную,
А смотрѣла, волховала въ книги волховноей,
Говоритъ-то сама да таково слово:

«А воровка Маринка-та лиха гроза,
Овернула моёго блада-хресника,
А того-де Микитушку Добрынюшку».
А хватала она шубу худящую,
А накинывала она вѣдь на онно плецё,
Какъ хватала она ’ сабой клюку-посохъ,
Побѣжала старушка вдоль по городу,
Съ боку на бокъ старушка раскачалосе,
А у шубы-де клиньё разлеталисе.
Прибѣжала къ Маринкѣ нонь лихой грозы,
Заходила она да въ избу нижную,
Забивалась на пецьку на муравленку,
А какъ стала въ пець клюкой поколачивать,
А сама изъ рѣцей да выговаривать:
«Охъ воровка ты, Маринка, вѣдь лиха гроза!
Ты зачѣмъ ёвернула моего хресника,
Ты того-же Микитушку Добрынюшку?
Отверни-кось моёго блада-хресника;
Не отвернёшъ моёго ище хресника,
Оверну тебя кобылой водовозноей,
Какъ вѣдь станутъ на весь городъ воду возить».
Какъ на то-же Маринка не ослышалась.
Какъ другой-де разъ пець стала поколачивать:
«Отверни-кось моёго блада-хресника,
Не отвернешъ моёго ище хресника,
Оверну те я сукой волочавою,
Какъ вѣдь станутъ за тобой псы бѣгать зáвсё нынь,
Какъ вѣдь тѣ-же вси псы городовыя».
Услыхала тутъ Маринка-та люта гроза,
Выходила она да на середку полъ,
Какъ вѣдь стала ’ старушкой розговаривать:
— Я за то овернула твоего хресника,
Онъ застрѣлилъ у меня друга любимого.—
Какъ вѣдь призвали Никитушку Романова,
А какъ стали его ище допрашивать:
«Ты за цё-де застрѣлилъ друга любимого?»
Отвѣчатъ имъ Микитушка Романовичъ:
— Я вѣдь десять лѣтъ жилъ ище въ кучерахъ,
Да я тридцеть я лѣтъ сидѣлъ во писаряхъ,
Мнѣ сижаноцька эта какъ прискуцилась,

Я какъ бралъ-де ' сабой да ище тугой лукъ,
Я какъ бралъ-де ' сабой да калену стрѣлу,
Я пошолъ-де съ имъ да вдоль по городу,
Я иду-ле нынь да вдоль по городу,
Я увидялъ какъ сидятъ у ей да сизы голубы,
Я какъ сталъ стрѣлеть да сизыхъ голубовъ,
Я какъ стрѣлилъ-де нынь да сизыхъ голубовъ,
А подмѣтоцька у стрѣлочки подбилосе,
Полетѣла какъ стрѣлка ниже жолоба,
Залетѣла во окошечко косявчето,
Какъ въ окошечкѣ сидѣлъ у ей любимой другъ,
Залетѣла-де стрѣлка въ буйну голову,
Какъ вѣдь тутъ-же ему да смерть случиласе.—

36.

Данило Староильевичъ *).

У ласкова князя у Владимера,
Кабы было пированьё-столованьё,
А на руськихъ на могуцихъ на богатырей,
А на злыхъ паленицъ да преюдалыихъ,
А на тихъ на хресьянъ да православныихъ,
А на тихъ на бояръ на толстобрюхiихъ;
А какъ пиръ-отъ идётъ у ихъ полýпира,
А какъ столъ-отъ идётъ у ихъ полýстола,
Кабы день-отъ идётъ у ихъ ко вечеру,
А бы солнышко катитсе ко западу;
Кабы всѣ-де сидятъ да на чесномъ пиру,
Кабы всѣ-де сидятъ да пьяны веселы,
Кабы всѣ-де сидятъ да веселёшиньки,
Кабы солнышко-батюшко ' полухмеля
Какъ полу-де-хмеля сталъ, полуразума,
А по свѣтлой гринькѣ сталъ похаживать,
А яснымa-то оцями сталъ поваживать,
Тихо-смирную рѣчь сталъ выговаривать:

---

*) Эту же старину спѣлъ еще, а конецъ просто разсказалъ—Онисимъ Вокуевъ. Изъ его старины, что нѣтъ въ печатаемой, я буду приводить въ примѣчанiяхъ. Н. О.

«Вы вѣдь ’сѣ сидите у меня на чесномъ пиру,
Вы вѣдь ’сѣ сидите да пьяны-веселы,
Кабы всѣ сидите да веселёшиньки,
А бы всѣ сидите у меня поженены,
А за всѣхъ за васъ красны дѣвушки повыданы,
Я единъ-то-ле князь изъ васъ холостъ хожу,
Я холостъ-де хожу, какъ не жонатъ живу;
Кабы хто-же изъ васъ мнѣ знатъ супружницу,
Кабы хто-же изъ васъ мнѣ знатъ полюбовницу,
А статнымъ-бы статну, возрастомъ полну,
Возростомъ-бы полну, кабы личомъ бѣлу,
А личомъ-бы бѣлу, кабы волосомъ русу,
Кабы сквозь-де рубашку тѣло видетче,
Кабы всяки-ти суставы чоловѣчески,
Да изъ ихъ-де, изъ ихъ удалыхъ молодцовъ».
А ставаётъ удалой доброй-молодечъ,
А ставаётъ-де онъ да на рѣзвы ноги,
Говоритъ-то-ле самъ да таково слово:
«Ты позволь-ко-се, солнышко Владимеръ-князь!
Ты позволь-ко-ле мнѣ да слово вымолвить,
Не позволь меня сказнить, скоро повѣсити».
Говоритъ-то-ле солнышко Владимеръ-князь:
— Говори-ко, молодечъ, да не юпадывай,
Не единого словечка не ютаивай — *).
«Я вѣдь знаю тибѣ ныньце супружницу,
Я вѣдь знаю тибѣ ныньце полюбовницу,
Кабы есь-ле Данилка молода жона,
Какъ статнымъ она статна, ище возрастомъ полна,
Возрастомъ она полна, кабы личомъ бѣла,
Кабы сквозь ей рубашку тѣло видетче,
Какъ изъ кости-ле въ кость мозгъ переливаитче,
Акъ скаченъ-де жомчугъ перекатаитсе,
А вѣдь та-ле тибѣ нынь супружнича,
А какъ та-же тибѣ да полюбовнича».
Говоритъ-то-ле солнышко Владимеръ-князь:
— А можно́-ле у жива мужа жону отнеть?—

---

*) А. Вокуевъ: Такъ говори, какъ въ трубу труби».
— Есть у насъ въ чистомъ поли шатеръ стоитъ,
А живетъ тутъ Данилко Староильевичъ...

Говоритъ-то Визя да сынъ Лазурьевичъ:
«Охъ ты ой еси солнышко Владимеръ-князь!
Созавемъ-ко мы Данилка да на почесенъ пиръ,
Подъ порогомъ ты-ле стрѣть да чарой винноей,
Ты подашъ-же ему да чару винную,
Ты за чарой ему да слово вымолви:
«У меня всѣмъ-то молодцамъ служба явлена,
«А тибѣ-де, Данилушко, надмѣчена:
«Тибѣ съѣздить-сходить да за синё морё,
«Тамъ за славны-ти Буяны, да славны островы,
«Тамъ подика-та звѣрища, тамъ по вопрыща,
«Привести-то ка' его ище не ранена,
«А не ранена привести да не кровавлена.
«Какъ оттуль-ли тамъ Данилку не пріѣхати,
«Уведёмъ мы тогда его молоду жону».
Посылаютъ тутъ нынь князь да за Данилушкомъ,
А того-де Визю сына Лазурьева *).
Какъ походитъ тутъ Визя да по Данилушка,
А походитъ-де онъ да скоро-наскоро,
Какъ завётъ-де Данилка на почесенъ пиръ,
Говоритъ ему Данилка какъ отвѣтъ доржитъ:
«Впереди меня-де не звалъ на почесенъ пиръ,
Дле цего меня заветъ ищо послѣ пиру?
Не худо-ле въ уми да ище думаётъ?»
Говоритъ ему вѣдь ныньце да молода жона:
— Ты не ходи-ко-ся, Данилушко, на почесенъ пиръ,
Не на добро тебя зовутъ вѣдь на оста́точкахъ.—
Говоритъ тутъ Визя да сынъ Лазурьевичъ:
«А не велѣлъ тебя оставлять да ище солнышко».
Какъ тутъ сталъ тутъ Данилушко сряжатисе,
Какъ тутъ сталъ тутъ Данилушко сподоблетисе,
Униматъ его, Данилка, молода жона **),
Униматъ его, Данилка, крѣпко на крѣпко.
Какъ не послушалъ Данилко молоду жону,
А сряжаитце Данилко, сподобляитце,
Поѣзжатъ-де Данилко на добромъ кони,

---

*) А. В. пѣлъ: А послали ту Олешиньку Поповиця.

**) А. В.: «Ты не пейко-ся у князя да зелена вина,
Не пропей-кось ты, Данилко, своя разума,
Поберегись-ко ты Данилко да доброй молодецъ.

А поѣхалъ Данилко на почесенъ пиръ;
Пріѣждятъ ко князю ко Владимеру,
А слѣзыватъ-де Данилко со добра коня,
А привязыватъ Данилко къ дубову столбу,
А привязыватъ Данилко ко мѣдну кольчу,
А заходитъ во гринюшки во столовыи,
А какъ молитча Богу, Господу Богу;
Какъ стрѣчаётъ его князь да съ чесью, съ радосью,
Какъ подтаскиватъ чару зелена вина,
Подаватъ ему цяру зелена вина,
Какъ оговариватця Данилко Староильичъ-блатъ:
«У кого эта цяра нынь въ рукахъ право,
У кого-де въ рукахъ, да нынь тому въ устахъ».
Какъ на то-ле-де князь да былъ лукавъ-вилавъ,
Отвѣчаетъ-де князь да таково слово:
— А тебѣ эта цяра ноньце слѣдуетъ.—
Какъ берётъ тогда Данилко цяру винную,
А какъ пьетъ-то-ле ей да къ едину духу,
Говоритъ-то-ле князь да таково слово:
«У мня всѣмъ-то молодцамъ служба явлена,
А тебѣ-же, Данилушко, надмѣчена:
Кабы съѣздить тамъ, сходить да на Буянъ островъ,
А по дика тамъ звѣрища ище попрыща,
Привести тебѣ звѣря нынь не ранена,
А не ранена привести, не кровавлена».
Какъ оттуль-де Данилко поворотъ даётъ,
А пошолъ-де Данилко вонъ на уличу,
А отвязыватъ своего коня доброго,
А садитця на своего коня доброго,
Онъ поѣхалъ своему нову терему,
А какъ ѣдётъ по дорожкѣ прямоѣждеей,
Какъ повѣся-то држитъ да буйну голову,
Потупя-де држитъ да очи ясныя,
А сидитъ его ныньце да молода жона,
Какъ сидитъ она въ окошечки косявчатомъ,
А увидѣла-де ѣдетъ къ ней Данилушко,
А выскакивала на крылечушко косявцято,
А стрѣцятъ-де Данилка Староильевича,
А сама-де ему да слово молвила:
«Оже ой еси Данилушко Староильичъ-бладъ!

Уже што-же ты ѣдёшъ не по старому,
Оже што-же ты ѣдёшъ не по прежному,
Повѣся-де доржишъ да буйну голову,
Потупя-де доржишъ да оци ясныя,
Але мѣсто тебѣ было не по разуму,
Але цяры тебѣ да не доходили?»
Отвѣчатъ тутъ Данилко Староильичъ-бладъ:
— Охъ ты ой еси, моя да молода жона!
Миня звалъ-де-ле князь да на почесенъ пиръ,
Подъ порогомъ меня встрѣтили царой винноей,
А какъ молвили мнѣ слово тежолое,
А накинули мнѣ служебку немалую,
Мнѣ вѣдь съѣздить-сходить да на Буянъ островъ,
Да по дика тамъ звѣрища, тамъ по вопрыща,
Привести его велятъ мнѣ-ка неранена,
А неранена велятъ, да некровавлена,
Какъ оттуль-то мнѣ живому не прiѣхати.—
Говоритъ-то ему да молода жона:
«Ты не слушашъ меня ище молоду жону,
Ты гледишъ на Визю да на Лазурьева».
Какъ вѣдь сталъ тутъ Данилушко срежатися,
Какъ вѣдь сталъ тутъ Данилушко сподоблетисе,
Научатъ его нынь, Данилка, молода жона:
«Ты поѣдешъ-ле нынь да на Буянъ островъ,
Ты возьми-ко ’ сабой ныньце шолковъ арканъ,
Ты возьми-ко съ собой да пудовой молотъ,
Ты возми-ко съ сабой песька́ безхвостого,
Ты возми-ко ’ сабой суцьку таря́вую,
Ты попадёшъ, бывать, да на Буянъ островъ,
Ты поѣдёшъ по острову великому,
Ты увидишъ стоитъ да звѣря вопрыща,
Ты спусти напередъ песика безхвостого, *)
Ты затѣмъ-же спусти суцьку тарявую,
А какъ пе́сикъ его станетъ кругомъ обскакивать,
Какъ вѣдь суцька-то станётъ его облаивать,
Какъ на то-де-ле звѣрь да тутъ ослышитсе,

---

*) А. В. пѣлъ: Приказала она взять шолковъ арканъ,
Приказала она взять хлѣбцы подорожныя,
Приказала она взять Бѣльку-собачку.

Тутъ направь-ко-де нынь да свой шолковъ арканъ,
Подъѣждяй къ ему нынь да ты скорешинько,
Ты накинывай его своимъ арканомъ-же,
Ты захватывай за шею лошадиную,
Ты гони-ко-де тутъ да по чисту полю,
Ты вѣдь хлопай ему молотомъ вѣдь мезъ ушей,
Обуцитьце тогды звѣрь, да онъ смирёнъ будетъ,
Ты веди-де тогды его домой право».
Какъ поѣхалъ тутъ Данилко 'свою сторону,
Какъ повёлъ де 'сабой да звѣря вопрыща,
Какъ вѣдь ѣдётъ по дорожкѣ прямоѣзжжеей,
Какъ ѣдётъ, какъ гледитъ да по дорожецкѣ,
А какъ видитъ: на дороги стоитъ зáстава,
Какъ стоятъ-де-ле видитъ тридцеть три молодца;
Кабы взято съ сабой у его тридцеть двѣ стрѣлоцьки,
Онъ кладетъ эти стрѣлоцьки ноньце въ тугой лукъ,
Онъ спускатъ эти стрѣлоцьки въ этихъ молодцовъ,
Онъ убилъ вѣдь всѣхъ тридцеть два молодца,
А остался Визя изъ ихъ-де молодецъ,
Онъ на уходъ-де пошолъ, отъ его ушолъ,
Онъ запряталса край дорожки прямоѣжжеей.
Онъ-де ѣдётъ, Данилко, не опасаитце,
Онъ выскакиватъ удалой доброй молодецъ,
Онъ спускатъ ему стрѣлой ище каленоей,
Онъ спускатъ ищо ему да въ буйну голову,
Какъ вѣдь тутъ-же Данилку да смерть случилося.
Обиратъ Визя его ище добра коня,
Онъ поводитъ его со звѣрёмъ вопрыщемъ,
Пріѣжжатъ онъ ко князю ко Владимеру,
Какъ вѣдь спрашиватъ у его ноньце Владимеръ-князь:
«Ты откулъ-ле, Визя, взялъ ныньце коня его,
Ты откуль-де ты взялъ да звѣря вопрыща?»
— Я увидѣлъ, я, стоитъ да ищэ доброй конь,
На дорогѣ стоитъ да прямоѣжжеей,
Онъ стоитъ-де со звѣремъ со всѣмъ съ вопрыщомъ,
Какъ вѣдь нѣту тутъ Данилка у его право.—
Посылатъ тутъ вѣдь князь да за Авдотьей нынь,
Посылатъ-то за Авдотьей дочь Микулисной,
Какъ походитъ-то Визя да сынъ Лазурьевичъ,
Какъ пришолъ-де Визя да къ его молодой жоны:

«А зовётъ-де тебя ныньце Владимеръ-князь».
Отвѣчатъ ему Авдотья доць Микулисна:
— Охъ ты, охъ есь ты воръ-же, Визя да ты Лазурьевичъ!
Погубилъ-де ты ныньце Данилушка,
Погубилъ зачѣмъ ищэ тридцать два молодца?
У васъ не то вѣдь въ уми да было думано.
Мы сходились когды да мы съ Данилушкой,
Мы сходились когды со Староильичомъ,
А больша-де у насъ заповѣдь клажона:
А которой-де помрётъ, дакъ тутъ другой лягётъ.—
Какъ надѣвала платьё она худящое,
А хватала себѣ въ руки копейчо какъ,
Побѣжала по дорожкѣ прямоѣжжоей,
Добѣжала до Данилка Староильича,
Какъ вѣдь ткнула тупымъ кончёмъ въ сыру землю,
Говорила она да таково слово:
«Не достанься я вамъ ищэ нынь куркати».
Какъ вѣдь пала она грудью на востро копьё,
Какъ вѣдь тутъ ей ищэ да смерть случилосе.
Какъ оттуль-де Визя ныньце пошолъ ищэ,
Какъ пошолъ онъ ко князю ко Владимеру,
Какъ пришолъ онъ ко князю ко Владимеру,
Какъ вѣдь сталъ его спрашивать Владимеръ-князь:
«Ты пошто не привёлъ Данилкову молоду жону?»
— Она убѣжала по дорожкѣ прямоѣжжоей,
Какъ нашла-де Данилка Староильича,
А какъ ткнула тупымъ кончёмъ въ сыру землю,
А какъ пала вѣдь грудью на востро копье.—
Говоритъ-то тутъ солнышко Владимеръ-князь:
«Охъ ты ой еси Визя да сынъ Лазурьевичъ!
Погубилъ ты у меня тридцать два молодца,
Погубилъ ты у меня ищэ Данилка-же,
Погубилъ ты его да молоду жону».
Приказалъ-де сдѣлать релю высокую,
Какъ повѣсить Визю сына Лазурьева,
Какъ разстрѣлилъ его да груди бѣлыя.

Анисимъ Вокуевъ пѣлъ немного, а конецъ разсказалъ такъ: «Пріѣхалъ Данилко ко синему морю, ко тихой заводи и запряталъ онъ своего коня доброго. Бѣльку спустилъ, ходитъ Бѣлька коло́ синя моря и приманиватъ гусей, лебедей и малыхъ утя-

нышей и носитъ хозяину, а Данилко самъ подъ скрытіемъ. Тогда завидѣлъ дикой прыщъ, захотѣлъ онъ отъ собачки отбить гусей и утянышей, тогда сталъ подходить за собачкой, а Данилко направилъ арканъ, подошолъ прыщъ, Данилко изноровился и кинулъ въ него арканомъ; накинулъ, прихватилъ, привезалъ къ сыру дубу. Скакалъ, билса дикой прыщъ, не могъ сорвать шолковъ-арканъ. Тогда подобралса къ нему Данилко, сталъ привязывать ко добру-коню, и ведётъ его за своимъ добрымъ конемъ о синё-морё. А этотъ Вижа снаредилъ свой черленъ карабъ досматривать Данилу и увидалъ Вижа изъ трубы подзорноей, что ведётъ Данилко дика прыща. Тогда находитъ корабъ супротивъ его, начали палить, стрѣлять въ Данила, а онъ натенулъ свой тугой лукъ и направилъ свою калену стрѣлу, стрѣлилъ на черленъ карабъ, убилъ онъ много людей тремя стрѣлками, а больше у его не было. Тогда Данила съ карабля застрѣлили, взели его добра-коня и дика-прыща, и привели ко князю Владимеру. Послали опеть Олёшиньку Поповича по Овдотью дочь Викуличну, Олёша ей обсказалъ, что ее хотятъ за князя взять. Она поѣхала и говоритъ Владимеру князю: «покажите мнѣ Данила Староильича, я посмотрю его». Приказалъ князь. Повели ее. Посмотрѣла Овдотья Данилу и всё она усмотрѣла, что не самъ собой померъ, а что побитъ онъ отъ рукъ человѣческихъ. Схватила востро копье, ткнула она тупымъ кончемъ въ землю, на востройконечъ сама пала бѣлой грудью своей. «Гдѣ лежитъ, говоритъ, бладъ-есенъ-соколъ, тутъ лежи лебедь-бѣлая—не доставайся князю Владимеру».

Присутствовавшій при разсказѣ Вокуева Г. Чупровъ сказалъ, что онъ слыхалъ, что Владиміръ услыхавъ объ этомъ сказалъ:—«Ладно говорилъ старъ-казакъ: изведите ясна сокола, не поймать бѣла лебедя».

А бывшій тутъ-же И. Булыгинъ добавилъ: «Время тибѣ Важа въ котли кипѣть». Слѣдовательно онъ слыхалъ, что Вижу въ наказаніе сварили.

Ѳ. Чуркина говорила, что Вижа было убѣжалъ, но его поймали, посадили на ворота и разстрѣляли кислымъ молокомъ. Она-же сдѣлала предположеніе, что Данило Староильевичъ чуть-ли былъ не сынъ «ста́рого», какъ обычно зовутъ на Печерѣ старъ-казака Илью Муромца. Что-то вродѣ того она слыхала отъ стариковъ.

37.

Димитрей Бранской и племянники короля Лимбала.

Кабы было у Ли́мбала у короля,
А какъ было пированьё, столованьё,
А про руськихъ могучихъ бога́тырей,
А про тихъ про хресьянъ да православныихъ.
Кабы всѣ-де сидятъ да на чесномъ пиру,
Кабы всѣ-де сидятъ да пьяны веселы,
Кабы всѣ-де сидятъ да веселёшиньки,
А сидятъ-де у его нынь два племянника,
А они-де сидятъ да призадумались;
А какъ 'сѣ-де сидятъ да приросхвастались:
А иной-отъ-де хвастатъ золотой казной,
Кабы дикоётъ хвастатъ молодой жоной,
Кабы умноётъ хвастатъ старой матерью,
Кабы мудрой-отъ хвастатъ добрымъ конёмъ,
А на то-де-ле Лимбалъ-король сидитъ ныньче,
А сидитъ-де на лавкѣ на нихъ поглядыватъ,
А говоритъ-де-ле самъ да таково слово:
«Охъ вы ой еси мои ронны племянники!
Вы-де што сидите бытто призадумались?
Вы-де што сидите не чимъ не хвастаите?
У васъ нѣту-ле нынь бутто золотой казны?
У васъ нѣту-ле нынь ищэ добрыхъ коней?
Але нѣту-ле нынь своей удачушки?»
Отвѣчаютъ ему ронны племянники:
— Охъ ты ой еси, ты нашъ родной дядюшка!
Мы вѣдь вотъ чё сидимъ да въ уми думаёмъ:
Мы вѣдь хоцёмъ какъ ѣхать нынь ко Митрею,
Посмотрѣть-ле какъ хоцёмъ ныньце Митрея,
А ужъ дай-ле ты намъ благословеньичо.—
Говоритъ-то Лимбалъ король Литовскіи:
«Я не дамъ-ле вѣдь вамъ благословеньичо,
Вамъ вѣдь къ Митрею ѣхать нынь да не пошто,
Вамъ у Митрея нынь да дѣлать нечего:
Я не хуже васъ былъ да въ молоду пору,
Я тегалса со Митреемъ вѣдь тридцеть лѣтъ,
Я не могъ унести верха у Митрея,—

Какъ на то вѣть Митрей былъ хитёръ-мудёръ,
Какъ водою онъ ходилъ да рыбой-щукою,
По-поднебесью леталъ да яснымъ соколомъ,
По-подземелью ходилъ бѣлымъ горно́сталёмъ,
Какъ вѣть черныи грязи че́рнымъ мядвѣдёмъ,
А дыбучи болота-ти сѣрымъ волкомъ;
Вамъ у Митрея-то нынь да дѣлать нечего,
Вамъ вѣдь взять-де у Митрея да нечего;
А больша-де у насъ съ нимъ да заповѣдь клажона:
А штобы некоторой не на которого не находить больше,
Мы которой найдёмъ, дакъ-по колѣнямъ ногъ,
Мы у того-де по колѣнямъ ноги отрѣзати;
Какъ другой-де найдётъ, дакъ глаза выкопать».
А отвѣчаютъ на то ему племянники:
— Охъ ты ой есь, ронной нашъ ныньце дядюшка!
Ты вѣдь дашъ намъ пойдемъ, ныньце не дашъ пойдёмъ.—
Какъ поѣжжаютъ удалы-добры-молодцы,
Поѣжжаютъ ко Митрею ко Бранскому,
Какъ поѣхали ко Митрею ко Бранскому,
А поѣхали по дорожкѣ прямоѣжжеей,
Кабы ѣдутъ они да скоро наскоро.
А какъ ѣдутъ удалы-добры-молодцы,
Подъѣжжаютъ ко Митрею ко Бранскому,
Какъ пріѣхали ко Митрею ко Бранскому,
А какъ дома-де Митрея не случилосе,
Какъ привелася-то-ле дома одна служаноцька,
А случилась у Митрея дома племяннича,
Да случилса у его ище племянничёкъ,
А племяденка была ищэ шеснатцеть лѣтъ,
А племянничёкъ былъ да девети годовъ;
Какъ они-же-ле тутъ да испужалися,
Какъ они-же-ле тутъ да перепалисе,
Какъ испужалась его ныньце служаноцька,
А бросилась она да вонъ на уличу,
А запряталась въ конюшну во дворовую.
А они стали бунтовать, всё какъ банке́товать,
А получше-ле стали какъ ’ сабо́й какъ клась,
Тутъ его-де сидитъ да какъ племяденка;
А его-де сидитъ молодой племянничёкъ,
А сидятъ-де, гледятъ они, поглядываютъ.

Они склали-де всё да какъ нынь обрали,
Запрегли-де коней да ново-Митріевыхъ,
Повезли-де съ сабой да которо лучше,
А племяденку какъ эту нынь съ сабой берутъ,
А племянничка этого съ сабой берутъ;
Какъ ищэ была Присвета-Мать-Богородича,
Да топтали ей ’ ворота ныньце, въ грязь право,
Тутъ отправились они да въ свою сторону,
Роспустошили тутъ у Митрея, всё розвѣяли,
Разметали всё у Митрея поло-на́поло.
А на то было у Митрея у Браньского,
Какъ вѣдь были три ворона кормлёныи,
Какъ кормлёныи вороны, приучёные,
А для случаю-де Митрею—вѣсти сказывать;
Какъ увидѣли эти вороны кормлёныи,
Какъ увидѣли у Митрея всю неладичку,
Полетѣли вороны да во чисто полё,
А искать-де-ле нынь да право Митрея;
Какъ поднелись-де они да высокохонько,
А увидѣли въ чистомъ поли стоитъ бѣлъ-шатёръ;
Прилетѣли эти вороны къ бѣлу-шатру,
А садятся эти вороны на бѣлъ-шатёръ,
А другой воронъ садитче нынь на матушку,
Онъ на матушку садитца на сыру-землю,
А третѐй воронъ садитця какъ на сырой дубъ.
Какъ програиватъ тутъ воронъ на сыромъ дубу,
А какъ сыроётъ дубъ да раскачаитце,
А вершинами вмѣсто заплетаитце,
Какъ-де Митрей-де Бранской не пробудитце,
Богатырской его сонъ не упомѣститце (такъ!);
Какъ програиватъ-де воронъ нынь на матушкѣ,
А на матушкѣ програиватъ сырой-землѣ,
А какъ тутъ-де-ле Митрей не пробудитце,
Богатырской его сонъ не упомѣститце;
Какъ програиватъ-де воронъ на бѣломъ шатру,
Какъ шатёръ весь у Митрея росколыбаитце;
Какъ топереце Митрей да пробужаитце,
Какъ выходитъ-де Митрей да изъ бѣла-шатра,
Какъ выходитъ-де онъ да вонъ на уличу,
А гледитъ-де онъ, смотритъ на вси стороны,

А сидятъ его-де вороны кормлёныя,
Розсуждать-де-ле Митрей сталъ промежу собой:
«Винно есь у меня дома неладичка,
Принесли мнѣ-ка вѣсь винно не малую».
Какъ-де тутъ-де-ле Митрей ныньце Бранскія
Заревѣлъ, закрычалъ да тутъ во турей рогъ,
Набѣжалъ-де его да ныньце доброй конь,
Прибѣжалъ его конь да изъ чиста поля;
Какъ ималъ-де своёго коня доброго,
А ималъ-де его да скоро-наскоро,
Онъ садился на его ныньце скорешинько,
Онъ приправу себѣ бралъ да богатырскую,
Отправлялса скоре да въ свою сторону;
То поѣхалъ-де Митрей какъ скорешинько,
Выѣжжалъ со полей да на дороженьку,
Выѣжжалъ на дорогу прямоѣжжую,
Онъ поѣхалъ по дорогѣ прямоѣжжоей,
Замѣчать-де-ле сталъ какъ ныньце ископыть:
«А какъ ѣхали винно мнѣ да непріятели».
Подъѣжжать-де своему нову терему,
А гледитъ-де онъ, смотритъ какъ на свой-де домъ,
А какъ у дому—гледитъ—всё розвоёвано;
А подъѣхалъ тутъ-де Митрей къ своему дому,
Какъ слѣзыватъ тутъ-ле ёнъ да со добра коня,
А завязыватъ къ ограды ко своей право,
Какъ пошолъ онъ по своей да ныньце улицѣ,
А увидѣлъ Присвяту-Мать-Богородичу,
А увидѣлъ-де ей—она въ грези лёжитъ;
А берётъ ей Присвяту-Мать-Богородичу,
Обтиратъ-де на ей да грезь великую,
А заноситъ-де ей да ныньце въ домъ право,
Какъ стояла она ныньце, какъ въ томъ мѣсти,
Какъ поставилъ-де ей ныньце попрежному,
А змолилса-де ей да Господу Богу:
«Присвята ты-ле Мать да Богородича!
Ты постой-ко за вѣру за великую!
А кто-ле надо мной этта нагалилса?
А кто-ле надо мной этта накуражилса?
Ты не выдай, Присвята-Мать-Богородича!
А вѣдь вѣрной пріѣжжалъ, ноньце невѣрной нынь?»

А послѣ того-де Митрей сталъ осматривать,
Обходилъ-де по своёму дому доброму,
А затѣмъ-де пошолъ по конюшнамъ дворовыимъ,
А нашелъ-де въ ле́сняхъ лежитъ служаноцька.
Вотъ нашолъ онъ свою ныньце служаноцьку,
А какъ сталъ-де у ей ищэ выспрашивать:
«А какъ хто-де какъ этта ныньце былъ-ле здѣсь?»
Отвѣчатъ ему его ныньце служаноцька:
— А какъ были ныньце здѣся ищэ два молоцца,
Я незнаю ихъ, они да нынь откуль право,
А незнаемы они, бутто невѣдомы,
Какъ увезли-де твою ’ сабой право племянничу,
Какъ увезли-де твоего ’ сабой право племянника.—
Какъ-ле тутъ сталъ Митрей скоро снаряжатисе,
Какъ-ле тутъ сталъ Митрей сподоблетисе,
Какъ вѣдь за има да нынь въ сугонъ право,
А берётъ съ собой приправу ныньце всякую,
Какъ поѣхалъ тутъ-ле Митрей скоро наскоро,
А какъ гонитца за има ищэ скорешинько,
Выѣзжатъ на поля ищэ на чистыи,
А тамъ видно стоитъ ищэ черной шатёръ;
Подъѣжжатъ-де-ле Митрей какъ близёшинько,
У шатра-де не хто да не являитца;
Какъ ставаётъ-де Митрей на добромъ конѣ,
Какъ спускаётъ своего коня доброго,
Какъ овёртываитце Митрей чернымъ мя́двѣдёмъ,
Онъ какъ сталъ у ихъ гонеть да коней добрыихъ,
Угонилъ у ихъ коней ныньце какъ бе́звѣсти;
Прибѣгатъ-де назадъ да скоро наскоро,
Овернулса потомъ Митрей бѣлымъ горносталёмъ,
Подбѣгатъ онъ-де къ ихному какъ по́клажу,
Какъ вѣдь сталъ у возовъ да всё осматривать,
Онъ какъ всё-ле какъ сталъ у ихъ высматривать,
Онъ у ружей сталъ спуски зубами выколупывать,
У копейчей насадочки сталъ отгрызывать,
Какъ вѣдь сабельки всѣ да въ лѣсъ нынь вытаскалъ;
А потомъ-де-ле Митрей какъ поскакиватъ,
А подскакиватъ-ле Митрей какъ ’ черну шатру,
А потомъ-де-ле Митрей сталъ заглядывать,
Подъ полу сталъ-де Митрей какъ высматривать,

Какъ вѣть што-де въ шатри да ищэ дѣитцэ, —
А сидятъ-де они да потѣшаютцэ,
Какъ вѣдь въ карты-де сами какъ розыгрываютъ,
А его-де-ле племенничка пригорюнилась;
Какъ затѣмъ-де-ле Митрей какъ заскакиватъ,
А заскакиватъ-де Митрей ныньце въ чѐрнъ шатёръ,
По шатру тутъ-де Митрей перескакиватъ;
Увидалъ-де его ронной племянницёкъ,
Говоритъ-то-ле онъ ищэ своей сестры:
«А сестра ты моя ныньце родимая!
А не нашъ-ле это дедюшка поскакиватъ?»
Отвѣчатъ-де она ему таково слово:
— А откуль у насъ будётъ ныньце дядюшка?—
Какъ на то-ле ёни *) да какъ удрогнули,
Какъ они-де съ того стали поглядывать,
Какъ они-де съ того стали посматривать,
Какъ сидятъ-де они ищэ караулятъ нынь.
А на то былъ-де Митрей онъ лукавъ-вилавъ,
Онъ опеть черезъ шатёръ опеть проскакиватъ,
Онъ опеть побѣжалъ да по черну шатру;
Ухватилъ одинъ удалой-доброй-молодецъ,
Ухватилъ-де онъ ныньце свою шубу,
А накинyватъ его, бѣла-горносталя,
А какъ падатъ на свою шубу, захлупыватъ;
Какъ на то былъ-де Митрей какъ догадливой:
Рукавомъ-де изъ подъ шубы вонъ вычи́хивалъ,
А какъ выскочилъ-де онъ да вонъ на улицу,
Овернулса-де онъ да добрымъ молодцомъ.
А выскакивали удалы-добры-молодцы,
Какъ бросаютце ко своимъ ныньце приправамъ какъ.
А у ружей какъ спуски росколупаны,
У копейчей насадки перéжены,
Какъ вѣдь сабельки-те въ лѣсъ у ихъ упрятаны,
Имъ какъ дѣлать-то вѣдь стало да ныньце нечего.
Какъ вѣдь тутъ-ле вѣдь Митрей право Бранскіи:
«Васъ вѣдь хто же ётправилъ ко мнѣ право?
А своимъ-ле умомъ, ле ронной дядюшка?
У насъ больша-де была да заповѣдь клажена,
Не находить штобы вашему дядюшкѣ,

*) Племянники Лимбала-короля.

И штобы мнѣ не находить на вашого дядюшку,—
Вы своимъ-ле умомъ да ныньце пріѣхали,
Але дядюшка-ле васъ ныньце ётправилъ мнѣ?»
Отвѣчаютъ они ему, отвѣтъ доржатъ:
— Мы своимъ-де умомъ да ныньце здумали».
Онъ схватилъ-де-ле ихъ да за черны кудри,
Онъ отрѣзыватъ у онного ноги рѣзвыи,
У другого глаза да живкомъ выкопалъ.
«Ты безглазой неси, безногой указывай!
Вы вѣть потьте-ко-къ дяди да . . . . . съ выслугой».

38.

Пародія *).

А было у Васьки у Захарова,
Не упито было, не ухожено,
Не баско-хорошо было не уношено,
На царевъ кабакъ да было сношено.
Кабы Васинька Захаровъ какъ домой пришолъ,
А принесъ-де-ле онъ да зелена вина,
А какъ по полу сталъ Васька похаживать,
А сухи-де тюни да сталъ ростоптывать,
А затѣмъ-де-ле сталъ да выговаривать:
«Ужъ вы подьте-ко, сходите нынь по Васиньку,
Ужъ по Васиньку-де ныньце по Ханавова,
Вы затимъ ищэ сходите по Онику,
По Онисима, сходите, по Захарова,
Вы сходите по Ераку Большебородого,
Вы сходите по Панка да ищэ русого».
Какъ собрались-де удалы добры молодцы,
Какъ сидѣли они, пили чѣлы суточки.

---

*) Васька Захаровъ и пр. имена—все Устцылемы-пропоицы, на которыхъ и составлена пародія. Н. О.

9. Григорій Ивановичъ Чупровъ.

Низкорослый, плечистый, съ копной густыхъ волосъ и густой окладистой бородой, вѣчно на сторону, вдобавокъ кривой, Григорій Ивановичъ, по уличному—„Калямичъ“, вѣчно веселъ, никогда не унываетъ, вѣчно шутитъ и смѣется, несмотря на свои полсотни лѣтъ.

Г. И. собственно сказочникъ и среди нихъ мнѣ придется поставить его на первое мѣсто по мастерству разсказа, но знаетъ онъ и нѣсколько старинъ, которыя всѣ поетъ однимъ скоморошьимъ ясакомъ. Онъ много занимается извозомъ, вездѣ бывалъ, слыхалъ много старинъ, всѣ ихъ знаетъ по содержанію, да еще не въ одномъ варіантѣ; пожалуй споетъ по кусочку изъ любой изъ нихъ, но цѣликомъ знаетъ немного. Сказокъ за то знаетъ Г. И. бездну и длинныхъ и короткихъ, и серьезныхъ, и смѣшныхъ, но съ особою любовью разсказываетъ „про поповъ“. Какъ и всѣ, устьцылемы Г. И. старообрядецъ, но очень терпимъ ко всѣмъ и кой-что въ старообрядчествѣ кажется ему и дико. Онъ самъ пришолъ ко мнѣ и предложилъ разсказать сказку, а потомъ уже почти каждый день ходилъ, то разсказывать, то слушать другихъ. Я взялъ его ямщикомъ, когда поѣхалъ, по снѣгу еще, на р. Пижму, и Григорій Ивановичъ оказывалъ мнѣ неоцѣнимыя услуги. Всю дорогу онъ безъ всякихъ просьбъ съ моей стороны разсказывалъ сказки и это должно быть было удовольствіе и ему самому. Когда въ деревняхъ по утрамъ я, бывало, еще сплю, а онъ уже обѣгаетъ деревню, узнаетъ, кто поетъ старины, позоветъ сказателей ко мнѣ, уломаетъ, если нужно; узнаетъ, кто старинщики въ другихъ деревняхъ. Помогалъ онъ мнѣ разыскивать и рукописи и все это съ величайшей услужливостью и охотой. Григорій Ивановичъ хотя и небогатый, но хорошій хозяинъ: маленькій домикъ его стоитъ окнами на Печору и весь въ порядкѣ: крыша осмолена, дверь въ сѣни не болтается, вокругъ чистота, все при-

брано и подметено; домовитость и чистота и въ домѣ: полы и стѣны всегда чисты, кадушки и ведра окрашены, все вымыто и блеститъ. Но былъ и „грѣхъ“ въ жизни Г. И., этого вѣчно смѣющагося, никогда не унывающаго человѣка. Въ деревнѣ разсказывали, что онъ „неладно“ жилъ съ женой... Съ новой подругой жизни Г. И. живетъ хорошо, вотъ уже 15 лѣтъ. Водки теперь Г. И. не пьетъ, а потому, вѣрно, и не дерется. Отъ первой жены у него сынъ Иванъ, 17 лѣтъ, грамотный, имѣющій большую склонность къ старообрядчеству и, чуть-ли не будущій начетчикъ. Г. И. извозничаетъ, ловитъ рыбу, возитъ пассажировъ, поторговываетъ немного, не отказывается вообще ни отъ чего. Онъ долго служилъ по выбору въ должности „землемѣра“, такъ какъ имѣетъ особую склонность къ выкладкамъ разнаго рода: никто лучше его не высчитаетъ число квадратныхъ верстъ въ спорномъ, имѣющемъ неправильную форму участкѣ пашни или покоса, а отъ бездѣлья онъ берется за разрѣшеніе диковинныхъ задачъ, удивляя этимъ чуть-ли не всю Печору. Такъ, уложивъ въ вершокъ иголки, вплотную одна къ другой, онъ высчиталъ, сколько ихъ уйдетъ въ версту, а потомъ и до любого мѣста. Желая огорошить кого нибудь, онъ спрашиваетъ: „А ты знаешъ сколько уложится иголокъ до Петербурга?“ Самъ онъ это высчиталъ и назвалъ мнѣ какую-то огромную цифру въ билліардахъ, о которыхъ онъ знаетъ, изъ календаря, хотя и неграмотный.

39.

Михайло Казаринецъ.

Матвѣй-то, Лука дѣти Петровици,
Третей-отъ Михайлушко Козаренецъ.
На родимахъ Михайлушка испортили,
Его отдали къ бабушки задворенки,
Да отдали къ бабушкѣ водитисе,
Да водилась съ нимъ бабка до семнадцеть лѣтъ.

Ковда сполнилось Михайлушку семнадцети лѣтъ,
Да можотъ Михайлушко конёмъ владать,
Ищэ можотъ Михайло во сѣдлѣ сидѣть,
Какъ просилъ онъ у бабки благословленьицо,
Какъ съѣздить-то онъ да во чисту полю.
Давала ему бабка благословленьицо,
Посылала Михайла къ отцу къ матери,
Пошолъ какъ Михайло къ отцу къ матери,
Просилъ онъ, Михайло, у отца у матери,
Просилъ онъ, Михайло, благословленьицо,
Съѣздить-то онъ да во чисто полё,
Даваютъ отецъ, мать благословленьицо,
Посылаютъ Михайла да на конюшенъ дворъ;
Вотъ походитъ Михайло на конюшенъ дворъ,
Выводитъ зеребцика семи цѣпей,
Семи какъ цѣпей, да семи розвезей,
Овернулъ онъ зеребцика кругомъ себя,
Накинулъ на зеребцика руку правую,
Не могъ устоять конь на рѣзвыхъ ногахъ,
Ёсѣлъ тутъ зеребцикъ до подбрюхъ въ землю;
Ему ётоя лошадь не по разуму,
Не по тому какъ обычаю молодецкому.
Ёнъ выводитъ зеребцика девети цѣпей,
Девети онъ цѣпей, девети розвезей,
Ёвернулъ онъ зеребцика кругомъ себя,
Какъ накинулъ на жеребцика руку правую,
Не могъ устоять конь на рѣзвыхъ ногахъ,
Ёсѣлъ тутъ жеребчикъ до колѣнъ въ землю;
Ему ётая лошадь не по разуму,
Не по тому какъ обычью молодецкому.
Да вывелъ жеребцика о двѣнадцеть цѣпей,
Какъ двѣнадцети цѣпей, двѣнадцети розвезей,
Овернулъ онъ жеребчика кругомъ себя,
Да накинулъ на жеребчика руку правую,
Не могъ устоеть конь на рѣзвыхъ ногахъ,
Осѣлъ тутъ жеребцикъ до щетоцекъ;
Ему ётая лошадь какъ по разуму,
По тому какъ обычью молодецкому.
Онъ сѣдлалъ-ле, юздалъ да коня доброго,
Онъ двѣнадцеть чѣпей да церезъ степъ металъ,

Онъ тринадцеть подпругъ да самъ подстегивалъ,
Черезъ ту какъ хребетницу лошадинную,
Вотъ не ради басы самъ, ради крѣпости,
Не оставилъ штобы доброй конь въ чистомъ поли;
Тутъ не видѣли поѣзки да молодецкоей,
Тежолой побѣжки да лошадиноей,
Только видѣли саже́нье молодецкое,
Въ стремена онъ ступилъ, да на коня скочилъ,
Въ стремена онъ ступилъ—курива стоитъ,
На коня онъ скочилъ, дакъ дымъ столбомъ валитъ.
Какъ гонитъ молодечъ по роздольичу,
Только сивая грива ростилаитце,
Какъ хвостъ-отъ трубой да завиваитце;
Ѣдутъ-ле въ полѣ да три тотарина,
Везутъ какъ дѣвицу да бладо-красную,
Да плачётъ дѣвица да уливаитце,
Во слезахъ-то Миколу да Богу молитце:
«Меня вынеси, Микола, да изъ невѣрной земли!»
Какъ первой тотаринъ да уговариватъ:
— Не плачъ ты, дѣвица, не печалуйся,
У мня есть, дѣвица, да чадо милое,
Возьму я тебя да за его взамужъ.—
Пуще старого дѣвица да уливаитце,
Во слезахъ-то Миколу да Богу молитце:
«Ты светитель Микола, да многомилостивъ!
Меня вынеси, дѣвицу, да изъ невѣрной земли».
Какъ другой-отъ тотаринъ да уговариватъ:
— Ты не плачь-ко, дѣвица, да не печалуйся,
Я возьму какъ тебя да за себя взамужъ».—
Пуще старого дѣвица да уливаитце,
Во слезахъ то Миколу да Богу молитце:
«Ты светитель Микола, да многомилостивъ!
Меня вынеси, Микола, изъ невѣрной земли».
Какъ третей-отъ тотаринъ да наговариватъ:
— «Ты не плачь-кось, дѣвица, да не печалуйсе,
У мня есь-ле дѣвица да сабля вострая,
Не о цью она шею не кровавлена,
О твою её шею да окровавлю ей.—
Пуще старого дѣвица да уливаитце,
Во слезахъ-то Миколѣ да Богу молитца:

«Ты Микола, ты светитель, да многомилостивъ!
Меня вынеси, дѣвицу, изъ невѣрной земли».
Какъ не вѣтру полоска перепахнула,
Нагонилъ тутъ Михайлушко Козаринецъ,
Онъ одного тотарина конемъ стопталъ,
Ёнъ другого тотарина копъёмъ сколол,
Да и третьего тотарина саблёй смахнулъ,
Онъ-де взялъ-де дѣвицу да блады-красную,
Взялъ-то дѣвичу себѣ да на добра коня,
Повёзъ-ле дѣвицу да изъ чиста поля,
Вотъ какъ та нонь дѣвича да ему сестра,
Да привёзъ онъ къ своему къ отцу, къ матери.

40.

Егорій, Катерина и Мать.

Ай поѣхалъ Егорей на службу,
Онъ на царскую, на восударску;
Своей матушкѣ да покорилса,
Въ рѣзвы ножоньки да поклонилса:
«Охъ ты матушка моя родима!
Ты напой, накорми мою княгину,
Молодую жону Катерину».
Его матушка да сожалѣлась,
Парну баенку да истопила,
Сѣръ-горюцёй-ле камень накалила,
Востры ножики да наточила,
Ожъ-бы бѣлыя груди роспорола,
Изъ утробы бладеня вынимала,
Вотъ во пелены да пеленала,
Вотъ во поесы да поесала,
Вотъ во пелены да берщятыя,
Вотъ во поесы да шелковыя,
Вотъ въ синеё море бросала;
Вотъ-бы синеё морё не примаётъ,
Да ко бережку-ле прижимаётъ.
Ай да ѣдётъ Егорей-отъ со службы,
Онъ со царскоей, со государской,

Его конь-отъ-ле да задыхатца,
За силименку да запинатца.
«У мня есь винно въ доми несчасьё,
У мня есь винно въ доми нездоровьё».
А пріѣхалъ Егорей-отъ со службы,
Ёнъ со царскоей, со государской,—
Его матушка лежитъ неможотъ,
Молодая жена подъ светыма,
Малы дѣто́чки да сиротуютъ.

41.

Небылица про льдину и карабль.

Во стольнёмъ во городѣ во туесѣ,
За сильнёй стѣной было за жорновомъ,
Серьди было моря ище синёго,
Была тутъ-де льдина нонь великая,
На ей былъ городовоётъ хозяинъ-отъ,
Нековды эта льдина-та не таела.
Серьди лѣта это было ё Петрова дни,
Тогда эта льдина-та ростаела,
Потонулъ городовоётъ хозяинъ-отъ,
Да не стало во городѣ хозяина,
Да не стало во туесь управителя.
Роздралисе невѣски со золовками,
Тима нонь сабля́ми всё лопатами,
Тима-ле щиками все юхватами,
Буёвыма палицьми мутовками,
Питья́-ти ле ѣства они въ полонъ взяли,
Пироги, это-ле шаньги во полонъ взяли,
Прѣсно-то молоко ёни пролили,
Прѣсно-то молоко-то на юходъ ушло.
Бѣжитъ какъ караблицокъ изъ за моря,
Не че́рнёной караблицокъ не коче́рненой,
Хорошо былъ карабликъ изукрашеной,
Да носъ-отъ корма да по звѣриному,
Ищэ хоботы мецётъ по змѣиному,
На носу-ту стоитъ росматривщикъ,

На кормы-то сидитъ ищэ росправщицокъ,
Середи какъ караблицька роспорядчицокъ:
Сѣрой-отъ волкъ стоитъ розсматривать,
Да быкъ-отъ сидитъ ищэ приправливатъ,
Медвѣдь-отъ сидитъ роспоряжаитце,
Да заюшко тутъ бицевой бѣжитъ,
Лисичка изъ за кустика выглядыватъ,
Какъ-бы зайка украсть, какъ бицеву сорвать.

42.

Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ.

За Костринскимъ-то было славнымъ городомъ,
За Костринскими было за воротами,
Тамъ стояла-де да темна-те́мница,
Зла-злодѣюшка да землена тюрьма
И немшоная тюрьма, да непажоная;
Ворота-ти, двери были жалѣзныи,
Ободверенки-ти были укладныи,
Пробойчики были булатные,
Замочикъ-отъ былъ да ровно три-пуда,
Ключёкъ-отъ былъ да полтора-пуда;
А сидѣлецъ-отъ былъ да тутъ донской казакъ,
Чернышовъ Захаръ да сынъ Григорьевичъ,
Сеньки Разина былъ племяницёкъ,
Оружейной былъ онъ заговорщичёкъ,
Карабельнѣй былъ онъ постановщичекъ.
Во тюрьмы-то сидитъ онъ посиживатъ,
И во гусельцы самъ возыгрыватъ,
Таки рѣчи да выговариватъ:
«Зла-злодѣйка ты да земляна тюрьма!
Ты немшоная, да непажоная,
Надѣлу́-ле ты мнѣ досталосе?
Але на жеребью ты мнѣ повыпала?
Але изъ роду мнѣ-ка Богъ судья?»
Изъ-за галани тутъ карабъ бѣжалъ,
Бѣжалъ карабъ—тутъ Брюнской король,

Ко тюрьмы корабъ приворачивалъ,
У тюрьмы король стоялъ выслушивалъ:
— Ой еси ты, донской казакъ,
Чернышовъ ты Захаръ Григорьевичъ!
Сколь служилъ ты да царю Бѣлому,
Послужи-ко мнѣ другáстольки.
Есле послужишь, дакъ я и выпущу.—
На то сидѣлецъ тутъ отвѣтъ держалъ:
«Была кабы у меня да сабля вострая,
Послужилъ бы я тебѣ да по бѣлой шеѣ».

43.

Александръ I.

Отправлялся Олексантъ нашъ
Во Кандрокъ войско смотрѣть,
Обѣщался Олексантъ нашъ
Къ Рожоству домой прибыть,
Всѣ три праздничка проходятъ,
Олександра дома нѣтъ.
Его матушка родная
Слёзно плакала объ ёмъ,
Молода жона-супруга
Сгоревалася съ по ёмъ:
День горюетъ, ночь не спитъ,
Да всё въ окошечко гледитъ.

44.

Пожаръ въ Ярославлѣ.

На крутой горы, да на высокоей,
Испостроился да тутъ-де новъ городъ,
Краше Кіева, краше Питера,
Краше матушки славной каменной Москвы,
Лучше каменного-то строеньица.

Что не пыль въ поли воспылуитса,
Не туманъ съ моря подымаетса,
Еруславъ городъ загораитса,
Ай да енны лавочки да оставаютса;
Въ этой лавочки молодой купечъ,
Молодой купечъ, доброй молодечъ
Ёнъ ходилъ-то-ле вдоль по городу,
Ёнъ крычалъ-то-ле громкимъ голосомъ:
— Вы дружья-ле, братья, пріятели!
Еруславскія спобыватели!
Памогите мою горюшку,
Пособите отнять эту лавицу:
Въ этой лавицѣ дорогой товаръ,
Дорогой-ле товаръ да скатной замчугъ,
Вотъ скатной замчугъ, красное золото.

---

10. Димитрій Карповичъ Дуркинъ.

Это съ большимъ самомнѣніемъ, рѣдкимъ въ деревнѣ, высокій, ражій бородачъ 40—45 лѣтъ, очень многоглаголивый, все и вся критикующій, а себя превозносящій. Въ мой первый пріѣздъ на Печору онъ сказалъ мнѣ, что знаетъ 70 старинъ, которыя нынче превратились уже въ 40, но онъ не знаетъ и столько. Старинъ Д. слыхалъ много и, пожалуй, всѣ начнетъ какъ слѣдуетъ пѣть, а затѣмъ ужъ и пойдетъ отсебятина. Мнѣ показалось, что онъ кой-что присочинялъ во время самого пѣнія: старины онъ старается пѣть какъ можно дольше и ввести какъ можно больше новыхъ эпизодовъ, чтобы его старина была не такая, какъ у всѣхъ. Д. религіозенъ, много разсуждаетъ про „божественное“; на Пасхѣ онъ, напр., не хотѣлъ мнѣ пѣть старины, потому что—грѣхъ, а послѣ Пасхи пѣлъ только по воскресеньямъ.

45.

Дунай Ивановичъ.

Во городѣ стольномъ Кiевѣ,
У ласковаго князя у Владимiра,
Завелся у князя почесенъ пиръ,
На тѣхъ князей, бояръ толстобрюхiихъ,
На дальныхъ гостей—купцей торговыихъ,
На честныхъ женъ ихныхъ, на купеческихъ,
На руськихъ могучихъ на богáтырей,
На злыхъ паленицъ да преудалыихъ,
На тѣхъ мѣшшанъ да пригородныихъ,
Людей посадскiихъ,
На всѣхъ крестьянъ да православныихъ.
Пиръ идетъ у князя о полупира,
Столъ идетъ о полустола,
День идетъ ко вечеру,
Солнышко катится ко западу,
Князь-отъ сталъ да пьянешинекъ,
Пьянешинекъ, да веселешинекъ,
По полу сталъ похаживать,
Съ ноги на ногу переступывать,
Тихо-смирну рѣчь сталъ князь да выговаривать:
«Всѣ молодцы сидятъ у меня да поженены,
Красны дѣвушки всѣ повыданы,
Одинъ я, солнышко, холостъ хожу,
Холостъ хожу, да не женатъ живу,
Не знатъ-ли кто мнѣ полюбовницу,
Полюбовницу да супротивницу?
Мнѣ така нужна: станомъ статна,
Да полна возврастомъ,
Лицомъ бѣла, да волосомъ руса,
Рѣчь-говоря—тихо-смирная,
Тихо-смирная, да со умылкою».
Всѣ тогда на пиру прiумолкнули,
Большой-отъ хоронится за среннего,
А сренней за меньшаго,
Отъ меньшого большому отвѣту нѣтъ.

Изъ-за того стола серенняго,
Со той со лавки дубовой скамьи,
Вставалъ удалой доброй молодецъ,
По прозванью Дунай да сынъ Ивановичъ;
Подходилъ Дунай ко князю Владимеру,
Нижешенько князю покланяется:
— Позволишь-ли мнѣ, князь, слово вымолвить!
Не позволь за слово казнить-повѣсить,
Але выслать меня да въ ссылки дальныя.—
Говоритъ-то солнышко Владимеръ-князь:
«Говори ты, Дунай, да не упадывай,
Ни единого словечка не утаивай —
Не будешь мной казненъ, не будешь вѣшаной,
Не будешь высланъ въ ссылки дальныя».
Говоритъ тогда Дунай сынъ Ивановичъ:
— Жилъ я за моремъ за синіимъ,
У Сёмена царя Лиховитого,
Жилъ у него цѣлыхъ три́-года.
Есть у Семена три дочери:
Больша—Авдотья Семеновна,
Учена она въ хитру грамоту,
Училася она ѣздить-гулять и конемъ владать,
И копьемъ шурмовать;
Втора дочь Анастасія Семеновна,
Учена она въ хитру грамоту,
Училася она ткать и прясть, и шелкомъ шить;
Третья—Апросинья дочь Семеновна,
Craномъ статна, полна возрастомъ,
Лицемъ бѣла, волосомъ руса,
Рѣчь-говоря тихо-смирная,
Тихо-смирная, со умылкою,
По полу идетъ не трехнется,
Цвѣтно платье на ней не ворохнется,
Сквозь ей рубашку тѣло видѣти,
А сквозь ей рубашку тѣло видѣти,
Изъ кости въ кость мозгъ переливаится,
Какъ скаченъ жомчугъ перекатаится,—
Есть кому передъ княземъ стать,
И есть кому честь воздать».
Владиміръ князь былъ догадливой,

Говоритъ князь да таково слово:
«Ой вы гой еси мои стольнички,
Молодцы мои подносчички!
Наливайте-ко чару зелена вина,
Не велику не малу—полтора ведра;
Скоро подносчики не замѣшкались,
Наливали чару зелена вина въ полтора ведра,
Прибавляли чашу пива́ хмельнаго,
Турій рогъ да меду сладкаго,
На закуску колачикъ бѣлъ-крупищатой
И поднесъ князь чару Дунаю Ивановичу:
«Ой ты гой еси, Дунай да сынъ Ивановичъ!
Выпей-выкушай отъ меня князя Владиміра».
Беретъ Дунай чару во праву́ руку
И пьетъ чару къ ёдину́ духу.
Говоритъ тогда солнышко Владимеръ-князь:
«Съѣзди, Дунай, посватайся».
Говоритъ ему Дунай да сынъ Ивановичъ:
— Ужъ ты ой еси, солнышко Владимеръ-князь!
Дай мнѣ-ка двухъ товарищовъ,
Одно́го Добрынюшку Микитича,
Другого Алёшиньку Поповича.—
На то Владимеръ былъ догадливой:
«Ой вы ой еси, мои стольнички, подносчички!
Наливайте-ко вы чару зелена вина въ полтора ведра».
На то стольнички не замѣшкались,
Наливали чару зелена вина въ полтора ведра,
Подносилъ-то князь по чарѣ обоимъ бога́тырямъ.
«Съѣздите, робята, послушайтесь, посватайтесь».
Скоро робята сряжаются,
Скоре́ того да отправляются,
Выходили молодцы да всѣ на улицу,
Спровожали ихъ всѣ да люди добрыи,
Говоритъ-то имъ солнышко Владимеръ-князь:
«Ужъ вы ой еси, удалы-добры-молодцы!
Поѣжайте-ко вы да всѣ посватайтесь».
Говоритъ тогда Дунай да сынъ Ивановичъ:
— Добромъ отдадутъ—добромъ возмемъ,
А добромъ не отдадутъ, дакъ бое́мъ возьмемъ,
Великой дракой, кроволитіемъ.—

Садились молодцы да на добрыхъ коней,
Прощались со всима́ да людьми добрыми,
Не видно поѣздки молодецкой,
Не видно побѣжки лошадиной.
Не много время миновалося,
Не дымъ лишь въ полѣ—курива стоитъ,
Курива стоитъ, да дымъ столбомъ валитъ,
Гонятъ бога́тыри да по чисту полю.
Близко-ле, далеко-ле, скоро-ле, долго-ле,
Пріѣжжали они въ землю во невѣрную,
Къ Семену царю да Лиховитому,
Слѣзали молодцы да со добрыхъ коней,
Привязали коней къ дубову столбу,
Вошли во гриню во столовую,
Отворяли во гринѣ двери на пяту,
Запирали двери крѣпко-на́плотно—
Подрожжала гриня царская;
Становилися они на середка полъ,
На середка полъ проти матицы;
У ихъ-де тамъ Богу не молятся,
На четыре стороны поклонятся.
Встрѣчатъ ихъ Семенъ да Лиховитый царь,
Говоритъ-то Семенъ да таково слово:
«Приходи-ко, Дунай да сынъ Ивановичъ,
И вы удалы-добры-молодцы,
Садитесь-ко на лавочку брусовую,
Какъ васъ суда вѣтры забросили?»
Отвѣчатъ-то Дунай да сынъ Ивановичъ:
«Ужъ мы ѣдемъ изъ земли изъ руськоей,
Посланы мы отъ князя отъ Владимера,
Свататься на твоей меньшо́й дочери,
Афросиньѣ Семеновнѣ.—
Говоритъ имъ Семенъ Лиховитый-царь:
«Я теперь вамъ не могу сказать—
У меня нѣтъ крыла въ домѣ правого,
Авдотьи дочери Семеновны;
Сами знаите, чего хотите, то и дѣлайте».
Говоритъ ему Дунай сынъ Ивановичъ:
— Ты добромъ отдашь, мы добромъ возьмемъ,
А добромъ не отдашь, мы бое́мъ возьмемъ,

Великой дракой кроволитіемъ;
Гдѣ у тебя Афросинья дочь Семеновна?—
Говоритъ Семенъ да Лиховитой царь:
«Сидитъ она да въ занней горницѣ».
Говоритъ Дунай да сынъ Ивановичъ:
— Льзя-ли намъ протти въ занню горницу,
Къ Афросиньѣ свѣтъ-Семеновнѣ?»
Зашли они въ занню горницу,
Говоритъ Афросинья дочь Семеновна:
«Здравствуй, Дунай да сынъ Ивановичъ!
Каки тебя сюда вѣтры забросили?»
Говоритъ Дунай сынъ Ивановичъ:
— Ой ты гой еси, Афросинья дочь Семеновна!
Мы пріѣхали къ вамъ отъ того отъ князя отъ Владимера,
Отъ Владимера, красна солнышка,
Посланы мы тебя посвататься,
Посвататься, низко покланяться;
Если добромъ идешъ, дакъ добромъ возьмемъ,
А добромъ нейдешъ, дакъ и боемъ возьмемъ,
Великой дракой кроволитіемъ,
Скроемъ домъ родительской по окошечкамъ.—
Говоритъ Афросинья дочь Семеновна:
«Ведите родителя моего батюшка».
Пришолъ Семенъ Лиховитой-царь,
Говоритъ она отцу, Семену царю Лиховитому:
«Ужь ты ой еси, родитель мой, отецъ батюшко!
Пріѣхали сватовшики отъ князя Владимера;
Добромъ пойду, хотятъ добромъ взять,
А добромъ не пойду, боемъ возьмутъ,—
Чо́ станемъ родитель-батюшко съ тобой дѣлати?»
Говоритъ ей родитель, Семенъ Лиховитой-царь:
«Сряжайся Афросинья Семеновна,
Нѣту у насъ большой сестры, Авдотьи Семеновны».
Сряжалася Афросинья Семеновна въ платье цвѣтное,
Совсѣмъ они направились, направились приготовились,
Спровожаютъ отецъ съ матушкой,
Афросинью дочь Семеновну,
Садили Дунаю на добра коня,
Съ Семеномъ тутъ распрощалися.
Ѣдутъ молодцы да по чисту полю;

Отъѣхали отъ земли отъ невѣрные,
Завидѣли на полѣ чистомъ шатеръ стоитъ,
Стоитъ шатеръ да чернобархотной,
Говоритъ тутъ Дунай да сынъ Ивановичъ:
«Ужъ вы ой еси, друзья мои, братья, товарищи!
Возьмите мою красну дѣвушку
Къ себѣ на коня въ сѣдло,
А я съѣзжу самъ до черна шатра,
Что въ шатрѣ тамъ такó дѣется?»
Сдалъ онъ дѣвицу своимъ товарищамъ:
«Я скоро съѣзжу ко черну шатру».
Погонилъ молодецъ да по чисту полю.
Пригонилъ-де Дунай да ко черну шатру;
У шатра-то конь стоитъ къ сыру дубу завязаной,
Завязаной за шелковые поводы,
Насыпано пшена бѣлоярого.
Слѣзавалъ Дунай да со добра коня,
Спустилъ коня къ пшаной бѣлояровой;
У дуба кони не поладились,
Разлегалися кони, раскусалися.
Дунай пошолъ во черной шатеръ,
Двери въ шатрѣ были заперты и заложены,
Дунаю это не поглянулося,
Очи ясные его да помутилися,
Бѣлы руки его да распросталися,
Рванулъ двери онъ шатровые,
Сорвались всѣ крючки-петельки,
Завидѣлъ онъ—спитъ паленица разметалася.
Не могъ утерпѣть тогда доброй молодецъ:
. . . . ,
. . . . ,
Утѣшился удалой доброй молодецъ,—
. . . .
Проснулася тогда красна дѣвица,
Глянула на удала добра молодца:
«Просмѣшникъ Дунай да сынъ Ивановичъ,
Надсмѣялся надо мной да красной дѣвицей,
За это примешъ судъ отъ царя и отъ Бога;
Ты засѣялъ мнѣ, можетъ, три отрока,—
Куда топерь я дѣваюся?»

Говоритъ Дунай сынъ Ивановичъ:
— Ужъ ты ой еси, Авдотья дочь Семеновна!
Повезу я тебя да въ стольной Кіевъ-градъ;
Мы были у твоего батюшки родителя,
Посланы отъ князя отъ Владимера,
Свататься на твоей сестрѣ Афросиньѣ Семеновнѣ;
Сосватались мы и веземъ ее до князя Владимера».
Авдотья тутъ загорюнилась,
Промежъ себя она взгоревалася, призадумалась,
Что попала она во несчастьицо.
Какъ Авдотьѣ да дѣлать нечего,
Поѣхала она съ Дунаемъ въ стольной Кіевъ-градъ.
Не могли настичь на полѣ на чистомъ добрыхъ молодцовъ,
Пріѣзжали ко граду ко Кіеву,
Пріѣхали въ стольный Кіевъ-градъ,
У князя пиръ идетъ да больше стараго.
Заходитъ Дунай во гриню во столовую,
Заводитъ Авдотью дочь Семеновну,
Завидѣлъ солнышко Владимеръ князь,
Топеря стали они свадьбу дѣлати:
Стараго казака сталъ князь ставить тысяцкимъ,
Дуная Ивановича сталъ—дружкою,
Добрыню Микитича другою,
Скопина Михайла Ивановича бережателемъ.
Собрали поповъ, отцей духовныихъ,
Весь чинъ церковной,
Повѣнчали князя Владимера.
Женить стали Дунай сынъ Ивановича:
Князя поставили тысяцкимъ,
Старого казака бережателемъ,
Добрыню—большой дружкою,
Олёшу меньшой дружкою,
Повѣнчали Дуная сынъ Ивановича.
Со той со радости великоей
Завелся пиръ да больше старого;
Пировали столовали много времени,
Напился Дунай до пьянешинька,
Во хмелю-то онъ, дѣтина, несуразенъ былъ,
Изъ рѣчей дѣтина вышибается,

Худыма словами онъ да похваляется:
«Охъ ты бледь, Авдотья дочь Семеновна!»
Говоритъ Авдотья дочь Семеновна:
— Кабы я была въ домѣ батюшка родителя,
Я бы съѣздила по твоей шеѣ бѣлой саблей вострою,
А топерь ты надо мной изгиляишся,
Изгиляишся, да искитаишся,
Надо мной надъ красной дѣвицей ломаишся.—
Тутъ Дунай да сынъ Ивановичъ,
Схватилъ Авдотью за русы косы.
Говоритъ Авдотья дочь Семеновна:
«Ужъ ты ой еси, Дунай да сынъ Ивановичъ!
Не хватай меня за русы косы,
Я слышу по себѣ—нынь беременна,
И засѣяны во моей утробѣ два отрока».
Тутъ взялъ Дунай Авдотью выше буйной главы,
Бросилъ ей да о кирпищатъ полъ,
Тутъ Авдотьѣ смерть случилося.
Съ той со ярости съ великоей,
Вынималъ онъ чинжалище булатенъ ножъ,
Распоролъ у Авдотьи животъ и груди бѣлые,
А когда завидѣлъ во чревѣ двухъ отроковъ,
Не могъ стерпѣть тогда онъ этого,
Разрѣзалъ свои груди былые,
Тутъ Дунаю и смерть случилася.

46.

Фатенко.

А во городи было да стольнёмъ Кіеви,
А у ласкова князя да у Владимера,
Ужъ завелса у князя нонь почесенъ пиръ.
А и пиръ-отъ идётъ да о полупира,
Але столъ-отъ идётъ да о полустола,
А Владимеръ князь ходитъ нонь въ полухмеля.
Кабы всѣ тутъ на пиру да напивалисе,
Кабы всѣ тутъ на пиру да наѣдалисе,
Кабы всѣ-де сидятъ да пьяны веселы;

А за тѣмъ-де столомъ да за середніимъ,
А сидѣли-де у князя на чесномъ пиру,
Кабы двѣ-де вдовы право купчёвыи,
А сидѣли эти вдовы право по́близку,
Але по́близку сидѣли, да право поряду,
При веселой они право при публикѣ,
А одна-де съ другой да розговоръ вели,
Говорила-то Овдотья Блудова-вдова:
«Ужъ ты ой еси, Марина Чусова-вдова!
У меня-ле какъ есь, да сынъ Фате́нушко,
А у тя-то-ле есь да дочи Аннушка—
Ужъ не можно-ле какъ право посвататься?
А посвататься нонь, низко покланяться?
А не можно-ле какъ да ихъ вмѣстяхъ свести?
А вмѣстяхъ-ле свести, да большой родъ завести?»
А Марина-то была да Чусова вдова,
А крута она, рьена, была спѣсивая,
А сказала Овдотьѣ она на то слово:
— У тя мужа-то вѣдь звали да Блунно-Блуннишшо,
Але сына-то зовутъ да Чунно-Чуннишшо,
Какъ слѣпая-де кура ходитъ по уличи,
Какой день зерно найдётъ, дакъ и сыта живётъ.
Але твой-отъ жанихъ, да не жанихъ онъ, намъ,
А моя-то вѣдь дѣвка не невѣста вамъ.—
Оскорбилася Овдотья да Блудова вдова,
Ужъ на эти какъ слова да на Маринкины,
Оскорбляла-де она на пиру при публики,
Ужъ ставала Овдотья на рѣзвы ноги,
А князю она Владимеру низко кланялась:
«Тѣ спасибо-де солнышко Владимеръ-князь!
Я довольна твоимъ право чеснымъ пиромъ».
Говорилъ ей князь да таково слово:
— Ужъ ты ой есь, Овдотья Блудова-вдова!
Ужъ ты што-же такъ рано походишъ со чесна пиру?»
А ушла какъ Овдотья со чесна пиру,
А походитъ она да къ своему двору,
А заходитъ на своё да на круто крыльцо,
А стрѣчатъ ей сынъ, да ей Фате́нушко:
«Ужъ ты ой еси матушка родимая!
Ужъ ты што-же ты рано приходишъ со чесна пиру?»

Говоритъ-то Фатенку родна матушка:
— Ужъ сидѣли мы у князя на чесномъ пиру.... *)
А Фатенушку слова эти не пондравились,
Рѣтиво его сердце да загорѣлося,
Очи ясны его да возмутилисе,
Говоритъ-де Фатенко таково слово:
«Ужъ ты ой еси, моя да родна матушка!
А ты дай мнѣ-ка тако благословленьичо:
Я поѣду-де нонь да на добромъ кони,
Ужъ я вызову у Марины да поединщика;
У Марины поединщика не окажетсе,
А защитника у Марины да не отыщетсе,—
Сворочу я ей домъ да по окошечки,
Уведу я у ней да дочерь Аннушку».
А дала ему-де мати благословеньичо.
Кабы скоро Фатенушко сряжайтсе,
Але скоро Фатенко сподобляетсе,
Онъ беретъ съ собоюприправу молодецкую,
Але сбруню съ собой да богатырскую,
Але съ матушкой Фатенко да нынь прощаитсе.
Ужъ поѣхалъ Фатенко нынь ко городу,
Пріѣжжатъ онъ къ Марины да къ Чусовой вдовы,
А скрычалъ-де Фатенко да ярымъ голосомъ,
Ярымъ голосомъ скрычалъ да во всю голову:
«Ужъ ты ой еси, Марина да Чусова вдова!
Ты отдашъ-ле за миня да дочерь Аннушку?
Какъ добромъ-то ты отдашъ, дакъ я добромъ возьму,
А добромъ не отдашъ дакъ я боёмъ возьму,
А великой-де дракой, да кроволитіемъ,—
Сворочу я твой домъ да по окошецьки,
Уведу у тя я да дочерь Аннушку».
А Марина-то вѣдь съ тихъ-же словъ спугалосе,
Приходила она да ко окошецьку,
Говорила-ле она да таково слово:
— Ужъ ты дай мнѣ-ка строку да на полсуточёкъ,
Я найду-де съ тобой да поединщика.—
А брала она-де въ руки золоты ключи,
Отмыкала свои да кованы ларьчи,

---

*) Подробный разсказъ совершенно въ тѣхъ же выраженіяхъ—выпускается.

А брала-де она да золоту казну,
Ужъ не много не мало да сорокъ тысечей.
А пошла она Марина да вдоль по городу,
А зашла она-де нынъ да на царе́въ кабакъ,
Говорила-де Марина да таково слово:
«Ужъ вы ой еси, робята да добры молодцы!
Я зашла-де искать да поединщика,
Накликатъ-де у мня право Фатенушко;
А не одинъ, хоть не два, да хоть петьсотъ-де васъ».
Алеголи-ти они право охотники,
А любители таки они на деньги-ти,
Выниматъ она много да золотой казны,
Подпоила она да добрыхъ молодцовъ,
А взела-де съ собой она зелена вина,
Откупила-де боцьку да сороковоцьку,
Повезла эту боцьку да на чисто полё;
Кабы много молодцовъ идётъ, много множество,
Кабы вывезла сороковку да тамъ вѣдь на полё.
Кабы много они брали да стеги-а́ншпуки,
А съ Фатенкомъ стоять хотятъ поединщыкомъ,
Какъ толпой они на Фатенушка да изурѣзались,
Поплѣнить-де, побить хотятъ добра молодца.
Ужъ Фатенко сидѣлъ да на добромъ кони,
Але прижалъ онъ своего да коня доброго,
Разгонилсе-де онъ да на добромъ кони,
Онъ машотъ-де па́личей буевою,
Але то́пцётъ-де много да конёмъ добрыимъ,
Онъ куды-де махнётъ дакъ лежитъ улича,
Въ другу сторону махнётъ дакъ лежатъ площеди;
Онъ прибилъ притопталъ всѣхъ добрыхъ молодцовъ,
А оставилъ едва да такъ на семена.
А поѣхалъ къ Марины да къ нову терему,
Закрычалъ кабы онъ да ярымъ голосомъ:
«Ужъ ты ой еси, Марина Чусова вдова!
Ты отдай-де мнѣ да поединщика,
А не то уведу я дочерь Аннушку».
У Марины-то вѣдь было деветь дочерей,
Ужъ сидѣли у Марины да во гостяхъ они,
Говорила Марина своимъ зятевьямъ:
«Ужъ вы ой еси, мои да деветь зятевьей!

Помогите вы нынь да моему горю».
Говорятъ-де Марины да деветь зятевьей:
— Ужъ не можомъ мы съ Фатенкомъ стоеть поединщикомъ,
Отъ Фатенка намъ смерть да будетъ лютая.—
А Маринка-то-ле да осержаласе:
— Ужъ я лучше бы родила да деветь камней,
Але бросила-бы камни во синё морё,
Кабы въ мори эти камешки да выросли,
Отросла-бы-де кошка да нынь морска-ле тутъ,
А бѣжали-бы корабельщики по морю,
Набѣжали на эту-бы кошечку,
А розбило-бы этихъ корабельщиковъ,
Кабы легче было моёму рѣтиву серчу».
Кабы тутъ-ле Марина смоталасе,
Не могла она пріискать да поединщика,
Не отыскалосе некого у ей защитника.
Ужъ розъѣхалса Фатенко на добромъ кони,
Своротить у ей хочетъ нонь высокъ теремъ;
А во ту пору было, право во то время,
А сидѣли у Марины деветь зятевей,
Выходили они право на уличу,
Извинялисе Фатенку, да низко кланелись:
«Заходи-де, пожалуй, ты да къ намъ въ гости,
Хлѣба-соли-де ись, да перевару пить,
А затѣмъ-то у насъ да чего Богъ послалъ,
Отдадимъ-де за тя да красну дѣвушку,
Красну дѣвушку за тя, да дочерь Аннушку».

47.

Калики перехожія.

Отъ озера было отъ Мыслеева,
Изъ того мона́стыря Артемьева,
Собирались калики перехожіе,
Перехожи калики, добры молодцы,
Сорокъ каликъ со каликою;
Выходили на поле на чистое,

Але на полѣ калики да становилися,
Клюки-посохи они да порастыкали,
А бершатые-те сумочки развѣшали.
Собиралось ихъ каликъ, да добрыхъ молодцовъ,
А сорокъ каликъ да со каликою.
Але клали они да тежо́лъ залогъ,
А тежолъ-де залогъ, да большу заповѣдь великую:
«А пойдемъ собирать мы мило́стыню,
Ради Христа, Царя Небесного,
А и кто изъ насъ, братцы, заворуется,
Але кто изъ насъ забледуется,
А и кто изъ насъ пойдетъ за ба́бьемъ-прелесью,—
Не князёмъ судить насъ Владимеромъ,
А своимъ судомъ, судомъ калическимъ:
Закопать молодца по грудей въ землю,
Положить у него-де руки по́ пяты,
Говорокъ-езыкъ да вынеть назадъ темене́мъ,
Рѣтивое сердцо́ промежъ два плеча,
Очы ясные вынеть да вонъ косичами».
Положили они залогъ, велику заповѣдь,
Помолилися калики, положили за плечи сумочки,
А оттуль они впередъ пошли и ётправились.
А идутъ они по полю по чистому;
Имъ на встрѣчу ѣдетъ солнышко Владимеръ-князь,
Говоритъ имъ солнышко Владимеръ-князь:
«Ужъ вы здравствуйте, калики, добры молодцы!
А здорово-ле да ясны соколы!
А далеко-ле у васъ нончи путь лежитъ?»
Говорятъ князю калики перехожіе:
— Ужъ ты здравствуй, Солнышко Владимеръ-князь!
Мы идемъ нончи отъ озера Мыслеева,
Изъ того мона́стыря Артемьева,
Ужъ пошли мы до града до Кіева,
А проходимъ, бывать, мы до Чернигова,
Попросить мило́стыню ради Христа, Царя Небеснаго.—
Говоритъ-то имъ солнышко Владимеръ-князь:
«Ужъ вы ой еси, калики, добры молодцы!
У меня съ собой да не случилосе,
Не случилосе съ собой, не пригодилосе,
А не хлѣбной мило́стыни, не денежной;

Ужъ зайдите вы домой да во высокъ теремъ,
Ужъ къ моей, значитъ, княгины да мать-Апраксіи,
На попу́тье она накормитъ всихъ,
А кому понадобится съ собой положитъ».
Кабы тутъ калики распростилися,
Распростились со княземъ со Владимеромъ,
А поѣхалъ-де солнышко Владимеръ-князь,
А пошли-де калики перехожіе.
Приходили ко городу ко Кіеву,
А ко властову ко князю ко Владимеру,
Заходили въ гриню да во столовую,
А молилися они да Восподу́-Богу,
Але кресты они кладутъ да по писа́ному,
А поклоны-те ведутъ да по уче́ному,
А молитву творятъ полну Сусову;
На вси стороны калики да низко кланялись,
Ужъ княгины они да на ёсобицу.
Говоритъ имъ княгина да мать-Апраксія:
«Ужъ вы здравствуйте, калики, добры молодцы!
Приходите-де, пожалуй, да ясны соколы,
Вы откуль-де, каки, да добры молодцы»?
Говорятъ они, калики да перехожіе:
— Ужъ отъ озера-де мы да отъ Мыслеева,
Изъ того мона́стыря Артемьева,
Попросити мы милостыни ради́-Христа,
Але ради́-Христа, царя Небесного.—
Говоритъ имъ княгина, мать Апраксія:
«Не видали-ли вы князя Владимера?»
Говорятъ-де калики таково слово:
— Але встрѣтился намъ солнышко Владимеръ-князь,
Але стрѣтился-де князь-отъ намъ на поли,
Ужъ просили мы милостыню ради Христа,
А сказалъ намъ-де князь да таково слово:
«У меня съ собой вѣдь здѣсь да не случилосе,
«Не случилосе съ собой, не пригодилосе,
«А не хлѣбной вѣдь нѣтъ, право, не денежной,
«Ужъ вы пойдите-ко ко мнѣ, да въ стольной Кіевъ-градъ,
«Ужъ зайдите вы ко мнѣ да во высокъ теремъ,
«Ужъ къ моей княгинѣ да мать-Апраксіи,

«Напоитъ она и накормитъ васъ».
Говоритъ имъ княгина мать-Апраксія:
«Ужъ садитесь-ко вы всѣ да за дубовой столъ,
Хлѣба-соли-де ись, перевару пить,
А затимъ у князя чего Богъ послалъ».
Кабы скоро калики да не ослышались,
Ужъ садились они да за ду́бовой столъ,
Хлѣба-соли ись, да перевару пить,
Они пили да ѣли хлѣба, кушали,
Але всякихъ да разныхъ, право, кушаньёвъ,
Напились они, наѣлись, да накушались,
Кабы вышли изъ за стола да дубового,
Помолились они да Восподу Богу,
А спасали князя со княгиною.
Говоритъ-то княгина да мать Апраксія:
«Ужъ вы ой еси, калики, да добры молодцы!
У васъ кто собира́тъ съ собой милостыню?»
Говорили они калики да перехожіе:
— Собиратъ у насъ удалой доброй молодецъ,
По прозванью красота-Касьянъ да сынъ Степановичъ.—
Говоритъ-де княгина да мать Апраксія:
«Красота-де-Касьянъ да сынъ Степановичъ!
Ужъ пойдемъ-ко ты да въ кладову со мной,
Положу я тебѣ да милостыню».
Повела-де княгина да добра молодца,
Завела молодца да во теплу́ лежню́,
Говорила княгина да таково слово:
«Ужъ ты ой еси, да добрый молодецъ,
Красота-Касьянъ да сынъ Степановичъ!
Я хочу тебѣ сказать да таково слово:
Сотворимъ со мной любовь, право, тѣлесную,
А тѣлесную любовь, да восердечную».
Говоритъ-то Касьянъ да сынъ Степановичъ:
— Ужъ ты ой еси, княгина да мать-Апраксія!
Кабы какъ я могу такое дѣло сдѣлати?
Переступить-де законъ, заповѣдь Божію?
А я должо́нъ принять да тогда судъ большой,
Але судъ большой отъ своей братіи?—
А говоритъ ему княгина да во второй наконъ,
А на это-ле Касьянъ не соглашается.

А на это еще княгина да насмѣлилась,
Говоритъ Касьяну да во третей наконъ;
И на это-де Касьянъ не соглашается.
Ужъ княгина-то она да разгорелосе,
Разгорелася она, да осержается,
Говоритъ она Касьяну да таково слово:
«Ужъ давай-ко сюды свою да, право, сумочку,
Положу я тебѣ, право, милостыню».
Понесла-де она его да, право, сумочку,
Положила туда чашу царскую,
Безъ которой онъ не пьетъ, не ѣстъ,
А не пьетъ, не ѣстъ, хлѣба не кушаетъ;
А Касьянъ-отъ незнатъ смотрѣть.
Выходила она въ гриню-де во столовую,
Але всѣ тутъ калики да становилися,
Становилися они, Богу молилися,
А спасали князя да со княгиною,
А пошли они калики да молодецкіе.
Ужъ идутъ они-де полемъ чыстымъ,
Але долго идутъ, коротко-ле,
А идутъ съ утра день до вечера,
Але смотрятъ назадъ добры молодцы,
Але сзади за има сугонъ-погонушка,
А погонушка за нима да нонь великая,
Кабы гонитъ-то богатырь по чисту полю...
А бы послѣ было того, послѣ этого,
Кабы послѣ каликъ да перехожіихъ,
А пріѣхалъ-бы князь изъ чыста поля,
Захотѣлъ онъ князь попить, поись,
А попить, поись, хлѣба покушатати;
А княгина на столъ стала ставити,
Она ставити стала, право, кушанье,
А хватилася она чаши чарскія,
Говорила она князю да нонь Владимеру:
«Ужъ ты ой еси, Владимеръ князь!
Кабы были здѣсь калики перехожіе,
А поила я, кормила хлѣбомъ-солью ихъ,
Кабы съ тихъ-ле вѣдь поръ, не могу я знать,
Потерялася да чаша чарьская,
Изъ которой-де ты пьешъ, да нынче кушаешь,

Не могу я найти да негдѣ чашечки».
Говоритъ тогда-де солнышко Владимеръ князь:
— Некого въ сугонъ послать да за каликами,
Отыскать ихъ всѣхъ каликъ да перехожiихъ.—
Да послалъ онъ Олёшиньку Поповича.
А Олёша да ле скоро да онъ сряжается,
Кабы скоро Олёша да сподобляется,
Усадился Олёша да на добра коня,
Ужъ погонилъ онъ въ сугонъ за каликами,
Онъ наѣхалъ ихъ на поли на чистоемъ.
Ужъ Олёша ёнъ былъ роду невѣжлива,
Невѣжлива́ былъ роду, неучеслива,
Онъ не могъ съ людьми съѣхаться,
По хорошему съ людьми разъѣхаться,
Нагонилъ онъ каликъ да перехожiихъ,
Закрычалъ онъ, Олёша, да ярымъ голосомъ,
Ярымъ голосомъ да во всю голову:
«Ужъ вы воры-ле калики перехожiе!
Ужъ вы гдѣ пьете, ѣдите—тутъ и серите,
Ужъ покрали вы чашу да, право, царскую».
А идутъ-де калики да не ёслышатся,
На Ёлешу-ле ёни да не ёгленутся.
Онъ вскрычалъ, Олёша, да во второй наконъ,
А идутъ они калики да не ослышатся;
Онъ вскрычалъ, Олёша, да во третей наконъ,
Онъ заѣхалъ межъ, да во середочку.
Какъ схватили они у Олёши добра коня,
Какъ добра коня, да за шелковы повода,
Кабы сняли они Олёшу со добра коня,
Кабы сняли у Олёши нонь штаны съ гузна,
А давали они Олёшѣ да всѣ по тя́пышу,
Прибавляли они всѣ да по ала́бышу,
Кабы подняли Олёшу назадъ на добра коня;
Ужъ не можетъ онъ сидѣть да на своемъ гузнѣ,
На своемъ гузнѣ, да на конѣ въ сѣдлѣ.
Кабы ѣдетъ Олёша на добромъ конѣ,
Але конь-отъ бѣжитъ да коровою,
Молодецъ-ле сидитъ да вороною.
А завидѣлъ его солнышко Владимеръ-князь:
«Молодецъ, отвѣтилъ, ѣдетъ непостарому,

Але конь-отъ бѣжитъ да непопрежному».
Выходилъ-то вѣдь ужъ князь да на круто крыльцо,
Говоритъ-то онъ Олёшѣ таково слово:
«Ужъ ты чтоже нонь, Олёшинька поповичъ сынъ!
Але ѣдешь ты нонь да непостарому,
Не постарому-де ѣдешь да непопрежному?»
Говоритъ ему Олёша да таково слово:
— Я наѣхалъ каликъ на полѣ на чистыимъ,
Я съ каликами хорошо да не объѣхался,
А не объѣхался съ имá, не поздоровался,
Закрычалъ-то-ле я да ярымъ голосомъ:
«Ужъ калики-те не воруютъ»—во первой наконъ,
Закричалъ-то вѣдь и я имъ во второй наконъ,
А на это-ли калики не ослышаться,
Не ослышаться, да не ёглянуться,
Я заѣхалъ-де къ има да во середочку,
Я скрычалъ-то имъ да во третéй наконъ,
Але тутъ калики воротилися,
Поимáли коня да за шолковы повода,
А сымали меня да со добра коня,
А стенули у меня они штаны съ гузна,
Але всѣ они-де клали мнѣ по тяпышу,
Але всѣ прибавляли да по алабышу,
Немогу теперь сидѣть я на добромъ конѣ.—
Говоритъ тогда-де солнышко Владимеръ князь:
«Поѣжжай давай, Добрынюшка Микитьевичъ,
Похорошему съ каликами здоровайся».
Але скоро-ле Добрыня нонь срежается,
А скорѣ того Добрыня сподобляется,
Ужъ пошелъ-ле Добрыня вонъ на улицу,
А садился Добрыня на добра коня,
Поѣзжалъ онъ въ сугонъ да за каликами,
А состигъ онъ да на поли на чистоемъ,
А ёбъѣхалъ ихъ Добрыня онъ добрыхъ молодцовъ,
Слезывалъ Добрыня со добра коня,
Але снялъ онъ поклонъ со буйной главы,
Говорилъ-де Добрыня таково слово:
«Ужъ вы здравствуйте, калики, добры молодцы!
А здорово-де-ле всѣ да ясны соколы!
Ужъ я посланной отъ князя отъ Владимера,

Поискать-де у васъ, да поспровѣдати:
Ужъ вы были у князя у Владимера,
Ужъ вы сумками своимя да разбросалися,
Второпяхъ вы, люди дорожны, не ошиблись-ле,
Не попала-ле вамъ чашка царская?
Безъ которой-де чашки царь не пьетъ не ѣстъ».
Але тутъ они калики да становилися,
Свои посохи въ землю поростыкали,
А бершатые-те сумочки развѣшали,
Кабы стали они всѣхъ право обыскивать,
Кабы всѣхъ они обыскали нонѣ сорокъ-ле,
Не могли натти-де чашку да право царскую,
А одинъ ище у нихъ да не обысканъ былъ,
Красота-де Касьянъ да сынъ Степановичъ.
Ужъ Касьяна-де стали они нонь обыскивать,
Ужъ нашли они чашку да право царскую,
Они отдали Добрынюшкѣ Микитичу.
Говорятъ они калики перехожіе:
«Ужъ мы что будемъ надъ Касьяномъ да нончи дѣлати?»
Говоритъ имъ Касьянъ да таково слово:
— Ужъ вы ой еси, робята добры молодцы,
Кабы вся наша дружина да заговорная,
Кабы этой я-ле чашки да не прычиненъ былъ,
Положила мнѣ княгина, да мать Апраксія,
Кабы чо надо мной хочите—дѣлайте.—
Ужъ не вѣрятъ они словамъ да нонь Касьяновымъ;
Кабы стали они молодца закапывать,
Положили у его руки подъ пяты,
Закопали-де его да по грудямъ въ землю,
Говорокъ-языкъ стали—назадъ теменемъ,
Очи ясные его да вонъ косичами,
Рѣтиво сердцо да промежъ два плеча;
Надъ Касьяномъ-те они да надругалися,
Не положили они право въ гробницу-ту,
Кабы тутъ они его право оставили,
А пошли они впередъ да во Черниговъ градъ.
Они шли кабы времени полсуточекъ,
Але все у нихъ Касьянъ да назади стоитъ,
А пошли они-де нонь да въ другу сторону,
Але все у нихъ Касьянъ напереди стоитъ;

И промежъ они собой да становилися,
Клюки-посохи они да поростыкали,
Ужъ бершаты свои сумочки развѣшали,
Толковать они да стали промежъ собой:
«Ужъ виноваты мы, робята, нынче сдѣлались,
Говорилъ намъ Касьянъ да отъ всего сердца,
Невиновенъ-де я, да не причиненъ здѣсь,
Надругались мы, да не поладили,
Да не положили въ гробницу да бѣлодубову».

Старина досказана словами такъ: калики воротились назадъ къ тому мѣсту, гдѣ закопали Касьяна и погребли его по христіанскому обряду. Послѣ этого видѣніе Касьяна уже не преслѣдовало каликъ.

48.

Василій Буслаевъ.

(Отрывокъ).

Прежъ Резань да слободой была,
А теперь Резань да славной городъ сталъ.
Почему это Резань прославилась?
Потому Резань это прославилась,
Что хороша она да изпостоилась.
Хто былъ въ городи строителемъ?
Хто былъ управителемъ?
Управителемъ былъ Василей сынъ Буслаевичъ,
Построилъ Резань да славнымъ городомъ.
Здумалъ Василей черленъ карабъ строити *)...

49.

Иванъ Грозный.

Когда воцарился нашъ-ле грозной царь,
Але грозной-ле царь Иванъ Васильевичъ,
Тогда синё-ле море да пріютишилось,

---

*) Дальше идетъ обычное описаніе поѣздки В. Б. въ Іерусалимъ и потому оно не приводится.

Але щука-ле рыба въ глубину ушла.
А со той-ле со радости великоей,
А завелса у царя да нонь почесенъ пиръ.
Але пиръ-отъ идётъ во славу Божію,
Але солнышко катится ко западу,
У ихъ пиръ-отъ идётъ да о полупира,
Але столъ-отъ идётъ да о полустола,
Але царь-отъ и ходитъ нонь въ полухмеля;
Выходитъ кабы царь на середка полъ,
Говоритъ кабы царь да таковы слова:
«Ужъ ковда я воцарился нынь хозяиномъ,
Ужъ я выведу измѣну нынь изъ Кіева,
Але выведу измѣну изъ Питера,
Изъ самой-ле изъ матки каменной Москвы.»
Кабы всѣ тутъ на пиръ да пріюмолкнули,
Але всѣ на чесномъ да пріюдрогнули,
А большой-отъ хоронится да среднего,
Але средей хоронитсе да меньшого,
Ужъ отъ меньшого большому отвѣту нѣтъ.
А ставалъ-де Өедоръ на рѣзвы ноги,
Подходилъ онъ-де къ батюшку родителю:
«Ужъ ты ой еси, родитель мой-де батюшко,
Але грозной-царь Иванъ да царь Васильевичъ!
Намъ не вывести измѣнушку изъ Кіева и Питера
Изъ самой-де изъ матки да каменной Москвы».
А на то-ле какъ царь да осержаитце,
Говоритъ нашъ царь да таковы слова:
— Ужъ вы ой еси, мои-ле строги палачи!
Ужъ берите-ко вы Өёдора за бѣлы руки,
А за хороши перстеньки злаченыя,
Ужъ ведите его да во чисто полё,
А ко той-де нонь плахи ко дубовоей,
А ко той-де ко рели ко высокоей,
'де-ка веситсе петелка шелковая.—
А во ту-же пору было, во то времё,
У грознаго-то царя Ивана Васильевича,
По прозванью Малюта былъ строгой палачъ,
А строгой-де палачъ, да онъ немилостивой,
Ужъ ставалъ-то-ле Малюта на рѣзвы ноги,
Подводилъ то ' Өедору царевичу,

Говорилъ-то Малюта да таково слово:
«Кабы царски-то слова назадъ не ворочаютъ,
Если царя кабы намъ да не послушати,
А тогда-де своя голова подставити».
Кабы бралъ онъ Ѳёдора за бѣлы руки,
А за хороши-де перстеньки злаченыи,
Ужъ повёлъ-то наслѣдника изъ полаты вонъ;
Не несутъ молодца да ноги рѣзвыя,
Только катется изъ глазъ да гарючи слезы.
Ужъ пошолъ-де народъ весь изъ полаты вонъ.
Провожать-ле какъ Ѳедора царевица;
Але Ѳедоръ съ народомъ—онъ прощаитсе:
«Ужъ простите-ко, прощайте да люди добрыя!
Ужъ прости-ко, прощай да каменна Москва!
Не живать мнѣ-ка будетъ на бѣломъ свѣти,
Не слыхать мнѣ больше будетъ мнѣ четья-пѣтья,
А четья-де пѣтья мнѣ-ка поповского,
Але красного звону да колокольного».
Ужъ ведутъ-де ка' Ѳёдора ныньце по полю.
А не близко его да не далеко-ле,
Розстояніе всего да за три попрыща,
А идётъ за имъ толпа народа великая,
А спровожаютъ-де Ѳёдора царевица.
Ко его-де ко щасью ко великому,
Кабы ѣздитъ богатырь право по полю,
По прозванью Микита сынъ Романовицъ.
Ужъ и на поли-де тамъ да народъ стоитъ,
Ужъ народъ-де стоитъ, больша толпа валитъ,
Поворотилъ-де Микита коня доброго,
Ужъ промежъ онъ собой да думу думаётъ,
Думу думатъ Микита, розговоръ ведётъ:
«Ужъ кого-ли придаваютъ должно быть казни,
Не могу-ле я застать да право живого,
Але живого застать, отъ смерти избавити».
Прогонилъ-то Микита скоро на скоро;
Соскочилъ онъ, Микита да со добра коня,
На краю у народа не чё не спрашиватъ,
Ужъ не спрашиватъ, не чѣмъ онъ не докучаитсе,
А въ середку Микита да пробираетце,
Могутой своей народъ да онъ розваливатъ,

От҃ Микиты народъ весь уклоняитсе;
А пробралса богатырь во середоцьку,
Ужъ завидѣлъ Микита да сынъ Романовицъ,
Ужъ валятъ кабы Ѳёдора царевица,
А на ту-ле какъ бабу на дубовую,
У палаця-де саблей да рука поднята,
Отрубить-де хотятъ да буйну голову;
А схватилъ-то Микита да строга палаця,
А схватилъ онъ его да за черны кудри:
«Ужъ-ты воръ-де, Малюта, нонь строгой палачъ!
У кого-то отрубить хошь буйну голову?»
Говоритъ-то Малюта тутъ строгой палачъ:
— Ужъ я голову рубить хоцю несвоимъ умомъ,
По указу-ле я да восудареву.
По приказу-ле я да ениралову.—
Говоритъ-то Микита да таково слово:
«Ужъ на мѣсто насленника-де Ѳедора,
Положить надо пса да на бабу тутъ,
Отрубить-де у пса да буйну голову,
Окровавить-де надо да саблю вострую,
Принести-де саблю да царю грозному,
Царю грозному-де ей на посмотреньичо».
Говоритъ-то Микита да сынъ Романовичъ:
— «Ужъ вы ой еси, да всѣ да люди добрыя!
Ужъ не хто эту измѣну да вы не сказывайте,
А я самъ ему объявлю право Грозну-царю,
Але пиръ намъ-ле будетъ больше старого».
Понесли тогда саблю да самому царю,
Самому-же царю да право Грозному,
Ужъ приносятъ саблю на посмотреньичо.
Ужъ схватилса тогда да нашъ-ле Грозной царь,
Кабы тутъ-ле нашъ царь да запечалилса,
Говорилъ нашъ-ле царь да таково слово:
«Ужъ вы ой еси мои да всѣ опричники!
А опричники мои да право царскіи,
А садитесь-ко всѣ на свои занятія,
А пишите-ко всѣ скоры естафеты,
Розошлемъ кабы пошты нонь по всей земли,
А по всей восударевой по вотчины,
А по всѣмъ-де церквямъ, по всѣмъ молебнамъ-же,

Поминатъ штобы моего нынь наслѣнника,
А наслѣнника моего, право Өёдора».
А пошолъ-то Иванъ да во Божью церковь,
Кабы собралъ онъ весь чинъ церковной-же,
Кабы пѣть панафиду да за покойного.
А стоитъ-де ка' царь на правомъ крылосѣ,
Со слезами поминатъ онъ, со умыльныма,
А приходитъ ему да доброй молодецъ,
По прозванью-ле Микита сынъ Романовичъ,
Але царь-отъ стоитъ уливаитце,
Уливаитце слезами онъ горючима,
А Микита стоитъ, да онъ подлѣ царя,
Онъ подлѣ царя стоитъ да умыляитце.
Ужъ завидѣлъ Микиту право Грозной-царь,
Говоритъ-то-де царь да таково слово:
«Ужъ кака-ты пришла да за невѣжа-же?
Передъ светыма иконами улыскаишсе—
Кабы люди слезами да уливаютсе,
Але ты-де стоишъ да усьмихаишсе».
Говоритъ-то Микита да сынъ Романовицъ:
— Я надъ чѣмъ кабы буду да право плакати?
Але пса вѣдь ужъ мнѣ да оплакивать?—
Уже звёлъ тутъ-де очи да право Грозной-царь:
«Але што ты говоришъ, да нынь каки слова?»
Говоришъ-то Микита самому царю:
— Ужъ отрубили мы у пса да буйну голову,
Окровавили-де новую саблю вострую,
Принесли-де тебѣ на посмотреньичо,
Ужъ оставили твоего сына Өёдора.—
Говоритъ-то-де нашъ да право Грозной-царь:
«Те спасибо, Микита сынъ Романовиць!
Награжу я наградой тя великою,
Покажи только моего да сына Өедора».
Ужъ пошли они тогда да изъ Божьей церкви,
А назадъ домой въ палаты да право царскіе,
Ужъ приводятъ тогда царскаго наслѣдника,
А наслѣнникъ отъ смерти нонь избавленной,
Кабы тѣмъ-де Микитушкой Романовымъ.
Кабы завидѣлъ его да ныньце Грозной-царь,
А бы бралъ молодца да за бѣлы руки,

А за хороши-де перстеньки злаченыи,
Прижималъ-де его да къ рѣтиву серчу,
Чѣловалъ его въ уста сахарныи,
Говорилъ-то-ле царь да таковы слова:
«А спасибо-же Микита да сынъ Романовицъ!
Ты избавилъ моего чада милого,
Ты избавилъ его отъ смерти напрасноей».
А со той кабы радости великоей,
Завели они пиръ да больше старого,
Пировать они стали во славу Божiю.

50.

Лука Даниловичъ.

А да жилъ-де Данило да сынъ Борисовичъ,
Але жилъ онъ Данило да право о море.
Въ воскресенье Христово было по утру,
А ставалъ-де Данило по утру рано,
Онъ омылса Данило ключевой водой,
Утиралса Данило полотенышкомъ,
Розбудилъ онъ своихъ людей дворовыихъ,
А дворовыихъ домочадцей онъ робочихъ,
А сказалъ имъ Данило таково слово:
«Я пойду-де какъ нонь да въ черковъ Божiю,
Я ко утренѣ нынь да воскресеньскоей,
Розбудите вы моего чада милого,
А того-де Луку сына Даниловича,—
Онъ придётъ пусь къ обѣдни да воскресеньскоей».
А ушолъ-де Данило да сынъ Борисовичъ,
А прошло послѣ время какъ три часа,
Розбудили Луку они Даниловича:
— Кабы твой-отъ-де батюшко родитель-де,
А родитель Данило сынъ Борисовичъ,
Онъ велѣлъ тебѣ притти да въ церковъ Божiю.—
А омылса Лука да онъ свѣжой водой,
Онъ утёрса-де бѣлымъ полотенышкомъ,
Онъ срежалса-де въ платьичи хорошоё,
А пошолъ-де Лука да вонъ на уличу,

Онъ придумалъ дѣтина молодымъ умомъ:
«Я схожу кабы въ поли за охотою».
Кабы взялъ онъ Лука да право тугой лукъ,
А бы взялъ онъ тутъ стрѣлочки каленыи,
А пошолъ онъ-де къ лѣтнымъ-де тихимъ заводямъ,
Онъ стрѣлялъ-де гусей тамъ бѣлыхъ лебедей.
Ужъ онъ вышолъ Лука на морски луга,
Позадорился Лука да за охотою,
Нагонило-де воду да изъ синя моря,
Поняла-де Луку, право, морьска вода,
Кабы бродитъ онъ, Лука, да до колѣнъ воды,
Пролились кабы всѣ да малы заводи;
Але вытти-де Луки да ныньци непокуль,
Кабы непокуль-де вытти, право, на землю;
Кабы бродитъ онъ Лука ’ воды до пояса,
Поднесло-де Луки гнилу колодину,
А колодину гнилу да водоплавную,
Потянулъ кабы вѣтеръ нынь со города,
Понесло ныньце Луку да во синё морё,
Подхватилъ-де Луку, право, быстёръ субой,
А быстёръ-бы субой да, право, валъ густой,
А едва-ле такъ Лука да нынь спасаетца,
Понесло-де Луку до во синё морё.
Какъ носило Луку да вного времени,
Много времени носило его по морю,
Поднесло-де его до ныньце подъ горы,
Какъ подъ щельи-де тѣ непроходимыи,
Але вытти Луки на землю непокуль,
Убиватъ-де валомъ его, захватыватъ,
А едва-де Лука да онъ спасаетсе.
А увидѣлъ Лука да сынъ Даниловичъ,
А змѣя-де ныньце тутъ надъ нимъ налетыватъ,
А летатъ-де змѣя да, право, лютая,
А къ Луки эта змѣя да приближаитце,
Бутто руськи слова да выговариватъ:
«А светы отцы писали прописалисе,
Старики-то-де сказали просказалисе:
Бутто мнѣ отъ Луки да право смерть принеть,
А топере Лука да у миня въ рукахъ;
Ужъ я здумаю Луку да въ хобота возьму,

Ужъ я здумаю Луку да на воды стоплю».
Ужъ змолилса Лука да змѣи лютоей:
— Ужъ ты ой еси, змѣя да скоропейная!
Ужъ ты вынеси миня да на сыру землю,
Кабы вного я принялъ, право, холоду,
Але вного я принялъ, право, голоду.—
Говоритъ-то змѣя да, право, лютая:
«А возьмёшъ-ле миня да ты въ замужество?
А возьмёшъ-де миня да ты въ замужество
Але вынесу тибя я на сыру землю».
Ужъ Луки-то-де дѣватсе ныньце некуда,
Ужъ онъ отдалъ отъ себя рукописаньицо:
«А возьму-де тебя я за себя замужъ».
Забрала его змѣя да ’ свои хоботы,
Понесла-де ёна да право на гору,
Опустила Луку да она на землю,
Говоритъ-то змѣя да таково слово:
«Сотворимъ-ко со мной любовь тѣлесную,
А тѣлечню любовь да восердецьную».
Говоритъ-де Лука да сынъ Даниловичъ:
— Я съ тово-де съ устатку со великого
Не могу нынь творить любовъ тѣлесную,
Отдохнуть-де хочу да со устаточку.—
Какъ легли они-де нынь да, право, на землю,
Какъ прижарило ихъ да краснымъ солнышкомъ,
Бутто заспалъ Лука да сынъ Даниловичъ,
А змѣя-же легла да потвориласе,
А нашла на ей тягость тутъ великая;
Прызывалъ-де Лука да онъ вѣдь всѣхъ светыхъ,
Отъ змѣи-де штобы ему избавитце,
Але сталъ-де Лука да потишешинько,
Потишешинько онъ сталъ да на рѣзвы ноги,
Онъ схватилъ кабы камень да со сырой земли,
Онъ ударилъ змѣю да камнемъ въ голову,
Онъ росшибъ, розломалъ голову вѣдь до мозга,
Какъ исчасъ тутъ-де дьяволъ, право, до смерти;
А пошолъ-де Лука да, право, прочь оттуль.
Онъ ужъ близко-ле шолъ, ноньце далеко-ле,
Онъ нашолъ-то-де нынь на скотскихъ пастуховъ,
Пастухи-де вѣдь ходятъ ныньце валовъ пасутъ,

Говоритъ-де Лука да сынъ Даниловичъ:
«Уже здравствуйте-де нынь да, право, пастухи!
Вы каково царя, каково хозяина?»
А одинъ-де изъ ихъ да тутъ толмачъ-же былъ,
Онъ толмачъ-де былъ, да нынь умѣлъ говорить:
— Ужъ мы пастухи-ле нонь право Салтановы,
А Салтана короля, право, турецково.—
Говоритъ-то Лука да сынъ Даниловичъ:
«А далёко-ле-де нынь, право, до города?»
Говорятъ-де Луки да эти пастухи:
— А до города-де только петь нынь поприщей.—
Говоритъ-де Лука да сынъ Даниловичъ:
«Я могу-ле натти, право, вашъ городъ?»
Говорятъ пастухи эти салтановы:
— А одна-де дорога нонь до города.—
Говоритъ-то Лука да таково слово:
«Ужъ я какъ подотти могу къ палатамъ нонь,
А къ палатамъ подотти ныньце царскимъ?»
Говорятъ-де эти Луки пастухи:
— Подходить ты какъ станёшъ ноньце къ городу,
Ты заткни у себя да полу лѣвую,
А сочтятъ-де тебя да заблудящіимъ;
Ты зайди-де въ сады ихны зеленые,
Ты срывай-де вѣдь всяки, право, яблуки.—
Вотъ пошолъ, пошолъ Лука отъ ихъ отправилса,
Онъ дошолъ-де какъ близко нонь до городу,
Онъ пошолъ-де въ сады да во зеленыи,
Онъ заткнулъ-де полу да у ся лѣвую,
Ужъ завидѣли его да добра молодца,
Кабы яблуки онъ ѣсъ да наслаждаитсе,
Донесли нонь Салтану нонь турецкому,
Кабы вывели оттуль да добра молодца,
Завели его полаты нынь во царскіе,
Какъ царя-то вѣдь въ то время не случилосе,
Енна Марьюшка дочи нынь Салтановна,
Але стала она его допрашивать:
«Ты откуль-де какой да доброй молодецъ?»
Говоритъ-де Лука да таково слово:
— Я изъ той-де земли, право изъ Руськоей,
А изъ Руськоей земли изъ Свѣторуськоей,
А зовутъ меня Лука да сынъ Даниловичъ,

Ужъ носило миня да, право, по морю,
Кабы по морю носило вного времени,
Не пиваючись-де я, да не ѣдаючись.—
Говоритъ кабы да Марьюшка Салтановна:
«А бывать, молодецъ, да ты покушать хошъ?»
Говоритъ-то Лука да таково слово:
— Не пивалъ я, не ѣдалъ да нынь десятой день.—
Говоритъ-то-де Марьюшка Салтановна:
«Ужъ вы ой еси, мои, право, куфароцьки!
Вы несите-ко молодцу, право, покушати,
Кабы разныхъ переваровъ, да нынь кушаньевъ».
А куфарки-де скоро да не ослышались,
Наносили-де скоро они кушаньевъ.
Але сталъ молодецъ да онъ покушивать,
Але пилъ онъ, ѣлъ, да ноньце кушалъ-же;
Забрала его вѣдь тягость тутъ великая,
Говоритъ-то бы Марьюшка Салтановна:
«А со скуки молодечъ, да отдохнуть не хошь?»
Прилюбилсе-де удалой доброй молодечъ,
Кабы Марьюшки, Лука да сынъ Даниловичъ,
Повалила его, молоцца, на кроватоцьку.

«Они тутъ засѣели Олешу полувѣренина—Марьюшка была изъ невѣрныхъ, потому и былъ у нихъ «полувѣренинъ».

51.

Данило Борисовичъ.

Выпадали-де снѣги да, право, на горы;
Кабы эти-де снѣги да испотаели,
Протекли, пробѣжали да ручьи грубыи,
Але выпали-де ручейки на тихой Донъ.
На тихомъ-де Дону да на казачькоемъ,
Але жилъ-ле Данило да сынъ Борисовичъ,
А Данило-то, да онъ вѣдь атаманомъ былъ,
Атаманомъ онъ былъ, право, управителёмъ,
А имѣлъ онъ-де шайку петьсотъ молодцовъ,

Говоритъ-де рибятамъ *) добрымъ молодцамъ:
«Ужъ вы ой есь донски да наши казаки!
Кабы хто изъ васъ есь да, право, мастера,
Але хто мастера изъ васъ есь плотники,—
Намъ большой-де вѣдь стругъ да надо сробити,
А такой-де стружокъ, да невеликъ-немалъ:
А што-бы понёсъ онъ насъ петсотъ человѣкъ,
А петсотъ человѣкъ да донскихъ казаковъ,
А со всей штобы насъ да со орудіей».
А нашлись вѣдь тутъ да вного плотничковъ,
Але стали ёни да стругъ вѣдь робити;
Кабы этотъ вѣдь стругъ да ёни сробили,
Онъ ужъ здумалъ, Данило, да сынъ Борисовичъ,
На середку-де онъ да срубу сробити,
Але сробити-де онъ, право, поставити,
А поставити-де онъ да муровей-чердакъ,
Отенуть-де чердакъ да чернымъ бархатомъ,
А пробить это чердакъ да золотымъ гвозьёмъ;
Въ чердаки онъ кроватку да здумалъ сробити,
А кроваточку-де онъ право тесовую,
Але ноги у кроваточки дубовыи,
Не простого косья—зубья рыбъяго;
На кроватку перину-ле нонь пуховую,
На перину взголовьичо косявчато (такъ!),
Але мяконьки подушечки чижовыи,
А подушки, одеяло да соболиноё.
А совсѣмъ этотъ чердакъ, право, построили,
А совсѣмъ этотъ чердакъ да приготовили,
Приказалъ Данило притти всѣмъ на леккой стругъ,
А собрались они петсотъ да добрыхъ молодцовъ,
А съ луками, со стрѣлами нонь съ каленыма,
А зашли они-де всѣ да добры молодцы,
Говоритъ тогда Данило сынъ Борисовичъ:
«Ужь вы ой еси, робята добры молодцы!
Я забылъ-де вѣдь дома да тощу мѣнную,
Тощу мѣнную-де—палицу буёвую».
Говорятъ-де его да добры молодцы:

---

*) «Рибятамъ»—исключительно рѣдкій случай произношенія, обыкновенно «робятамъ». *Н. О.*

— Ужъ мы сколькеро пойдемъ да за твоей казной?—
Говоритъ-то Данило да сынъ Борисовичъ
На отвѣтъ:—«Вы потьте хоть и петеры».
А пошли-де какъ петь да добрыхъ молодцовъ,
А приходятъ они да ’ тощы мѣнноей,
Али ’ той они палицы буёвоей,
За одинъ они конечъ да не могли признеть,
А назадъ они пошли ноньце безъ паличи.
А приходятъ назадъ они на лёккой стругъ,
Говорятъ они какъ эти да петь молодцовъ:
«Ужъ не могли мы поднеть да за одинъ конечъ».
А други кабы выхвастались десетеро:
«Ужъ мы десетеро принесемъ тощу мѣнную».
А приходятъ они къ той да тощи мѣнноей,
Кабы этой-ле паличи буёвоей,
За одинъ они конечъ едва пошевеливаютъ,
А другого конча да не могли поднеть,
А назадъ они пришли опеть порозныи,
Не могли принести палицу буёвую.
У Данила-то ево сына Борисовича,
Кабы былъ подъ рукой слуга вѣрная,
Онъ ужъ пилъ съ нимъ и ѣлъ да съ одного стола,
Але платье носилъ да съ онного плеча,
А не больше онъ былъ да лѣтъ семнадцети;
Говоритъ-то Данило да добру молодцу:
«А поди-ко ты по палицу да сбѣгай-же».
Кабы скоро побѣжалъ да доброй молодечъ,
Онъ схватилъ эту тощу да за одинъ конечъ,
Потащилъ эту тощу да на правомъ плечи,
Кабы бросилъ-де онъ тощу на лёккой стругъ;
На тощи вѣдь подпись есь подписана,
Але подрѣзъ есь подрѣзана,
Але какимъ она кузнечёмъ да, право, роблена,
Але сколько вѣсу—она описана,
А описана она да шесьдисятъ пудовъ.
А совсѣмъ они собрались да нынь направились,
Ужъ и поплыли они да по тиху Дону,
По тиху-де Дону да по казачкому,
Ай хотѣли проплыть они весь тихой Донъ,
А къ тому кабы Шаху да Персичкому.

На усьморіи хватила да ихъ погодушка,
А така-ле ка' шторма да великая,
Але едва, едва они да не погинули,
А не смѣли они-де на морё выѣхать,
А ' персицкимъ берегамъ они поѣхати,
Воротились они назадъ по тиху Дону,
По тиху Дону, ноньце въ городъ Ростовъ,
Але къ Митрею царю да право Бранскому;
А постигла ихъ тутъ да темна ноченька.
Кабы Митрея царя да право Бранского,
Его въ городѣ какъ дома не случилосе,
Только была у его право ронна сестра,
А ронна сестра съ малинькимъ насленникомъ.
Розорили-де они да весь Бранской городъ,
А сестра-де съ насленникомъ онна выбралась;
Какъ серебро, они вѣдь золото все обрали,
Убрались они да сами вѣдь изъ города,
Изъ города убрались они на лёккой стругъ,
Кабы по Дону назадъ они поѣхали.
Кабы послѣ того да послѣ этого,
А пріѣхалъ-де Митрей царь вѣдь Браницкой,
Але всё розорено его имущество,
Кабы всё розорено да розворовано,
Розорено-де всё да надруганось.
Али Митрей-отъ-ле Бранской онъ хитёръ-мудёръ,
У его вѣть есь науки козачькіи,
Ужъ казачкіи науки да молодецкіи:
Онъ заставилъ затопить печьку муравленку,
Але взялъ онъ своё да чернокнижьичо,
Але сталъ онъ книжку эту прочитывать,
Кабы сталъ онъ слова таки выговаривать:
«Ужъ впередъ штобы ходу да имъ вѣдь не было».
Приказалъ онъ поймать коня доброго,
А садилса-де Митрей на добра коня,
Кабы взялъ онъ съ собой да право тугой лукъ,
А тугой-де какъ лукъ со тетивочкой,
Але взялъ онъ стрѣлочку калёную,
А калёную стрѣлочку перёночку,
А поѣхалъ онъ ' сугонъ да за разбойникомъ,
Онъ настигъ этотъ стругъ, право, по берегу,

Але стругъ-отъ стоитъ да не у бёрегу,—
На субой далеко да онъ поставленной;
Онъ направилъ-ле свой да право тугой лукъ,
Онъ наладилъ-де стрѣлочку калёную,
Але самъ онъ стрѣлы да приговаривалъ:
«Полети-де ты моя да калена стрѣла!
Пролети ты-де палубу струговую,
Росшиби ты, пробей да муровей чердакъ,
Залети ты Данилу да какъ во правой глазъ».
А спустилъ онъ стрѣлу да изъ туга лука,
Заскрыпѣли-де у лука туги маклеки,
Какъ не два сѣры волка завояли,
Полетѣла изъ лука да калена стрѣла,
Пролетѣла она у струга палубу,
Ужъ пробила, проломила муровей чердакъ,
Залетѣла она Данилу нонь во правой глазъ.
Заревѣлъ-де Данилко ярымъ голосомъ:
«Ужъ вы ой еси, рибята добры молодцы!
А топере-де мнѣ, право, конечъ пришолъ,
Ужъ вы вывезите мiня да на сыру землю».
Повезли-де Данила да на сыру землю,
Какъ осталса Данило да сынъ Борисовичъ;
А поѣхали затимъ они по тиху Дону.
Они вѣдь ѣхали-де съ утра да день до вечера,
А постигла-де ихъ да ныньце тёмна ноцъ,
Ужъ сварили они ужину, поужинали,
Ужъ хотятъ они легчи да нынь на тёмну ноцъ.
Какъ потыхла зоря ноньце вечерняя,
Набѣжалъ у нихъ Данило да сынъ Борисовичъ,
Говоритъ-то Данило да таково слово:
«Я васъ всѣхъ-де нынь съѣмъ, да право, всѣхъ прiѣмъ!»
А на то вѣть его слуга вѣрная,
Онъ ухваччивый-де былъ, право увёрточной,
Побѣжалъ онъ-де скоро да на лёккой стругъ,
Онъ схватилъ эту тощу да право мѣнную,
Какъ билса онъ съ имъ, право, во всю нонь ночь,
А во всю-де онъ ночь, до самого утра,
А не могъ онъ убить право разбойника;
Зачелась какъ зоря да право утренна,
А одинъ-де присталъ да ёдва живъ стоитъ,

А другой-де отъ свѣту да палъ на землю.
Кабы здумали ёни да добры молоццы,
Кабы въ землю-де яму право выкопать,
А въ испо́дъ его глазами да въ яму бросити;
А зарыли они его жолтымъ пескомъ,
А на верхъ закатили да хрешьё-ка́меньё,
А оттуль-де назадъ домой поѣхали.

52.

Князь Долгоруковъ.

Во той во матушки каменной Москвы,
Середи было кремля-ле славна города,
Стояла полата бѣлокаменна;
У палаты подѣлоцька брусёная,
Але столбики стоятъ тоцёныя,
У столбовъ головки золочёныи.
Во той полаты бѣлокаменной,
Жилъ тутъ, былъ да Долгоруковъ князь;
Въ городи былъ онъ управителёмъ;
Не было у него не сына, не дочери,
Только съ малыхъ лѣтъ былъ взятъ пріёмышокъ.
Живётъ-то пріёмышъ вного времени,
Онъ повырощенной до полна возраста,
Онъ пьётъ-ле, ѣсъ, да съ одного стола,
Але платьичо носитъ съ одного плеча,
А всё ему да предовѣрено,
Предовѣрено и довѣрено,
Вся ему да золота казна,
Золоты ключи и кованы ларьчи
Вся казна да Долгоруковска *).
А по часту онъ сталъ ходить на царевъ кабакъ,
Онъ по многу носить сталъ золотой казны,
Онъ не вёдрами берётъ, не полувёдрами,
Онъ откатыватъ всё боцькой сороковоцькой;
Онъ выкатыватъ на площадь на широкую,

---

*) До 20-го стиха былина записана съ пересказа, дальше съ голоса.

Онъ поитъ-де голей, да всё кабацкіихъ;
Але до́пьяна дѣтина напиваитце,
Съ чумаками у его нонь зашолъ розговоръ,
А зашолъ розговоръ, нынь-де вышелъ споръ:
«Ужъ вы ой есь, чумаки да чѣловальники!
Вы давно-ле живите, да мало знаите—
Я живу-то-ле у князя Долгору́кова,
Я живу-то-ле у князя ровно тридцеть лѣтъ,
А на мѣсто-де сына, мѣсто дочери,
Але пью то-ле какъ ѣмъ я съ одного стола,
Але платьё ношу я съ онного плеча,
Але всё кабы мнѣ ноньце довѣрено,
Але всё мнѣ-ка нонь да предоставлено,
Кованы-де ларьци да золоты ключи,
Золота-де казна вся долгорукова,
Ужъ не знаю у ей да я не прибыли,
Ужъ не знаю у ей да я не убыли;
А живу-де я времени-де тридцеть лѣтъ,
Але три года живу я со княгиною» *).
А на то-ле чумаки да чѣловальники,
Они злы кабы были, какъ смышлёныи,
Кабы эти они рѣчи да всѣ послушали,
А подслушали эти рѣчи да нынь похвальнія,
А похвальнія слова, да непорядочны,
Они здумали донести князю Долгорукову.
Ужъ пришли они ко кремлю да славну городу,
Ужъ зашли они ко князю да Долгорукову:
«Ужъ ты ой еси, князь да Долгоруковъ-же!
Мы пришли-де къ тебѣ да безъ докладу нонь, **)
Мы пришли объявить тибѣ про ключника,—
Съ позволенья онъ-де ходитъ ноньце съ вашого,
Але самъ онъ сибѣ да самовольствуётъ?

---

*) П. Поздѣевъ спѣлъ тутъ такъ:

... «Я живу ноньце у князя ровно тридцеть лѣтъ;
Со княгиной я-де знаюсь ровно три года;
А съ княгиной я съ одного стола кушивалъ,
Я не то што-ле кушивалъ—на руки сыпалъ,
А не то што на руки сыпалъ—въ уста чѣлоивалъ:

**) У П. Поздѣева Долгорукову доносятъ не цѣловальники, а придворные князя.

Онъ почасту вѣдь ходитъ на царевъ кабакъ,
Онъ по многу-ле берётъ да зелена вина *)...
... Говоритъ-то на то да Долгоруковъ князь:
— Ужъ вы ой еси мои да слуги вѣрныя!
Слуги вѣрныя мои, да неизмѣнныя!
Ужъ вы подьте-ко не одинъ, двоимъ, хоть петерымъ,
Вы найдите моего да млада ключника,
Ужъ ведите-ко его да не оставте нынь.—
Услыхала-де слова эте Долгорукова,
Выходила за има́ да на круто крыльчо,
Говорила-то она имъ таково слово:
«Ужъ вы ой еси, рибята да добры молодцы!
Ужъ ведите нонь-ле уличей-де заннеёй,
Але занней-ле уличей, да не передною».
А пошли-де рибята да слуги вѣрныи,
Ужъ искали они ключника по городу,
А нашли они у царева да больша кабака,
Але пьянъ онъ ходитъ, да нынь пьянёшпнёкъ,
Кабы взяли они молодца за бѣлы руки,
Да за хороши за персни за злачёныя,
Повели они молодца нынь по городу,
Але ключникъ-де има да наговариватъ:
«Ужъ вы ой еси, рибята да добры молодцы!
Не ведите меня уличей переннoю,
Вы ведите меня по занней уличи,
А мимо кабы ту княгину ноньце горничу,
Я послѣнную спою княгины пѣсенку,
Але пѣсенку спою да право жалобно».
Ужъ ведутъ молодца уличей заннеёй,
Мимо княгину ведутъ да Долгоруковьску,
Онъ запѣлъ вѣдь ключникъ право пѣсенку;
Услыхала-ле княгина право въ горенкѣ,
Ётперла-ле она да полъокошечка,
Ужъ слезами-ле княгина да уливаетсе.
Привели кабы ключника на уличу,
Ужъ ко той-ле ко рели ко высокоей,
Ужъ приказыватъ-де князь да изъ окошечка,
Але въ петелку-де ключника повѣсити;

---

*) Повторяется разсказъ ключника—выпущено.

Але ключникъ во петелкѣ лягаитце,
А княгина-де во тереми кончаитсе:
«Куды полетѣлъ бладъ-ясенъ-соколъ,
Туды-же летѣть бѣлой лебеди».

II. Игнатій Михаиловичъ Дуркинъ.

Маленькій сѣденькій старичокъ свыше 75 лѣтъ. Пѣлъ у меня всего одинъ день, пѣлъ Илью и Соловья, Садка, Димитрія Бранскаго и нѣсколько стиховъ. Очень былъ польщенъ, что я позвалъ его, слушаю пѣніе, и пою чаемъ. Все время пока пѣлъ—пилъ чай и водку, отпивая маленькими глотками; постоянно останавливался, внося въ пѣніе неидущіе къ дѣлу разговоры.

53.

Илья Муромецъ.

Какъ во томъ-ле было прежде городѣ Муромѣ,
Кабы жилъ кабы былъ тутъ нонь старъ казакъ,
Кабы старъ, пишутъ, казакъ Илья Муромецъ;
Онъ сидѣлъ-то на печинькѣ-то тридцеть лѣтъ,
Не имѣлъ при себѣ онъ какъ вѣдь рукъ-ле, ногъ.
Какъ ушли его нонь отець-ле, ноньце матушка,
Онъ осталса на пецькѣ на муравленкѣ,
Какъ пришли-ле тутъ двѣ калеки нонь убогея,
Какъ зашли ноньце къ ему, Богу помолилися,
Говорятъ они старому Ильѣ Муромцу:
«Охъ ты ой еси, старыя Илья Муромечъ!
Ты ставай-ко ноньце съ печеньки муравленой».
Говоритъ на то старой имъ, ётвѣтъ дёржитъ:
— Охъ вы ой еси, какъ люди нонь хрещоныя!
Я сидю ноньце на пеценькѣ земляноей право,
Я невного нонь немало, ровно тридцать лѣтъ.—
Говорятъ ему калеки во второй наконъ:
«Ты ётвѣдай-ко, ставай ноньце какъ съ пецито-то».
Кабы сталъ ноньце ихъ-ле право слушатьсе,

Онъ змахнулъ ноньце своима рукамы бѣлыма,
Шевелить какъ сталъ ногами ноньце рѣзвыма,
Говорятъ ему калеки таковы слова:
«Слезывай-ты ноньце съ пецьки земленой право».
Онъ какъ сталъ ноньце слезывать, право, со пеценьки,
Какъ задѣйствовали его руки бѣлыя,
Заслужили какъ его нонь ноги рѣзвыя.
Какъ говорятъ ему калеки нонь прохожіе:
«Ты возьми какъ ведро ноньце водяное,
Ты поди-ко нонь сходи какъ за водой право,
Ты на ту какъ нонь на рѣценьку Карчагу-ле,
Принеси-ко ты ведромъ воды, право».
Онъ пошолъ-ле старой нонь за водой, право,
Онъ принёсъ нонь воды, право, ключевоей.
А сидятъ-ле тутъ калеки, говорятъ, право,
Говорятъ они старому Ильѣ Муромцу:
«Ты повыпей-ко-же ноньче воды сколько хочетсе».
Говорятъ тутъ нонь калеки, его спрашиваютъ:
«Ты учуюлъ-ле нонь въ себѣ, право, цего-сего?»
Говоритъ ноньце старой какъ имъ отвѣтъ дёржитъ:
— Я поцюлъ ноньце въ себѣ силу великую.—
Говорятъ на то ищэ калики-то:
«Кабы есь у 'тця, у 'тця-ле, нонь у матушки,
Кабы есь нонь у ихъ полё посѣяно,
Зашолъ ноньце скотъ да кабы топьцетъ-ле,
Ты поди огороди, огороди какъ ноньце Божей даръ».
Какъ юшли-то калеки нонь убогія,
А пошолъ онъ какъ хранить полё ётцовское.
Онъ завидѣлъ-ле въ поли ноньци скотъ ходитъ,
Онъ какъ изъ поля скота ноньце выганивалъ,
Кабы полё-то сырымъ дубьемъ огораживалъ,
Онъ вѣдь рвалъ тутъ какъ дубьицо съ кореньицомъ,
Онъ оклалъ, огородилъ людямъ на юдивленьицо.
Какъ пришли его отецъ-ле, ронна матушка,
Какъ пришли они, увидѣли свое полё,
Кабы всё оно какъ дубьями заклажено,
Они тутъ какъ-бы сами удивилисе:
«Кабы шчо эки чудеса у насъ сотворилися?»
Зашли они въ комнату свою тёплую,
Какъ ювидѣли старой ихъ сынъ здоровой сталъ,

Говоритъ ноньце старой какъ отцу, матушкѣ:
«Охъ ты ой еси, отецъ-ле нонь родимыя!
Охъ ты ой еси, какъ матушка любимая!
Вы какъ дай ноньце вы мнѣ было благословленьицо,
Я хоцю ноньце ѣхать въ стольнёй Кіевъ-градъ,
Я хоцю нонь посмотрѣть князя Владимера,
Со его любой со матушкой любимоей».
Кабы дали тутъ ему благословленьицо,
Кабы ѣхати ему на стольнёй Кіевъ-градъ,
На своемъ-то конѣ-ле право бѣлыёмъ;
Кабы былъ-то ю отца его конь бѣлой весь,
На юбѣлъ весь какъ бѣлыя куропать,
Его хвосъ былъ-ле, грива научеръ-черна.
Кабы сталъ ноньце старой тутъ отправлятисе,
Какъ онъ въ ту-ле дорожку старопрежнюю,
Старупрежную дорожку прямоѣжжую,
На котору поселился кабы Соловей,
Поселился тутъ вѣдь соловей Рахматовичъ.
Онъ сидитъ вѣдь кабы самъ-отъ на сырыхъ дубахъ,
На тринадцети сидитъ какъ мелкихъ падубкахъ;
Кабы были у его вѣдь сильни заставы:
Кабы первая застава станичники,
А другая кабы застава граничники,
Кабы третья была застава турзы-урзы,
Какъ турзы эте урзы ёне проклятыя.
Какъ поѣхалъ нонь старой-ле въ путь дороженьку,
Какъ пришли вѣдь три ростани, три дороженьки,
Какъ стоитъ-ле тутъ ноньце, право дубовой столбъ,
На столбу-тутъ какъ надписи подписаны,
Кабы подрѣзи кому юказаны:
«Кабы въ правоё дорожку идти-ѣхати,
Какъ во той-ле дороженькѣ богату быть;
Какъ ’ середнюю дорожку, право, ѣхати,
Во середнёй-то дорожки живому не быть;
Кабы въ третью-ту дорожку кабы ѣхати,
Какъ во третей-то дорожки жонату быть».
Кабы тутъ стоитъ старой-ле нонь роздумалса:
«Кабы що ноньце мнѣ ѣхать въ ту дорожоньку,
Во которой мнѣ дорожоньки богату быть?»
А ’ середню мнѣ-ка ѣхать какъ жонату быть?

Кабы лучше я поѣду въ третью дорожоньку,
Во которой дорожкѣ живому не быть».
Онъ поѣхалъ нонь старо́й-ле въ ту дорожоньку,
Во которой какъ старому живому не быть.
Кабы ѣдётъ ближе къ городу ко Кіеву,
Пріѣжжаётъ онъ ко первоей-ле заставѣ,
Тутъ стоели какъ на заставы станичники.
Они близко тутъ старому приближаютца,
Какъ хотятъ они стара-ле бити-грабити,
Какъ хотятъ они старого испохабити.
Говоритъ ноньце старой имъ, какъ ётвѣтъ дёржитъ:
«Охъ вы ой еси, удалые добрые молодцы!
Ужъ вы потьте ноньце проць отъ старого,
У старого смерть будётъ страховитая».
Какъ на то ноньце станичники не врандуютъ,
Кабы ближе всё ’ старому приближаютца.
Кабы бралъ-ле въ руки палицу жалезную,
Кабы сталъ онъ ихъ поганыихъ помахивать,
Какъ туда-то махнётъ—лежатъ улицьма,
На округъ-то поворотитъ—съ переюлками;
Онъ побилъ ихъ проклятыхъ до единого,
Онъ опеть-же заскакивалъ на добра коня,
Онъ ёпеть-же поѣхалъ ноньце къ городу.
Какъ стрѣцяётъ тутъ его другая застава,
Тутъ стоятъ-ле на заставы граничники,
Они тоже кабы ближе приближаютца,
Какъ хотятъ они стара-ле бити-грабити,
Какъ хотятъ его стащить-ле со добра коня,
Говоритъ какъ имъ старой нонь таково слово:
«Охъ вы ой еси, удалы добрые молодцы!
Вы не бейте какъ меня-ле ноньце старого,
А старого вѣдь нонь бить вамъ незашто,
У старого какъ взять-ле ноньце нечего,
У старого только есь ноньце бѣлой конь,
Кабы конь вѣдь наюбѣлъ вѣдь бѣлъ,
Кабы хвостъ-ле его, грива на ючернъ-черна;
Ищэ есь только при се-ле право чуденъ кресъ,
Онъ невного ноньце стоитъ—во петсотъ рублей».
Кабы пуще тутъ прокляты ёсержаютца,
Кабы ближе-ле ’ старому приближаютца,

Какъ на то-ле прежъ старой-отъ былъ догадливой,
Онъ вѣдь бралъ вѣдь въ руки палицу жалѣзную,
Кабы сталъ-же ихъ проклятыхъ помахивать,
Онъ впередъ туда махнётъ какъ лежатъ улицьмы,
Онъ прибилъ какъ бы всѣхъ тутъ до единого,
А ёпеть-же заскакивалъ на добра коня,
А ёпеть-же какъ ѣдётъ какъ ближе къ городу.
Пріѣжжаётъ какъ къ послѣньнёй ноньце заставы,
Тутъ стоели какъ на заставы турзы-урзы,
Какъ турзы-ле-урзы Богомъ проклятыя,
Какъ-бы ближе-ле ’ старому приближаютца,
А хотятъ ищэ старого бити-грабити,
А хотятъ они стащить его со добра коня.
Говоритъ-ле имъ старой какъ въ послѣдной разъ:
«Охъ вы ой еси, турзы-урзы проклятыя!
Ужъ вы потьте ноньце проць ётъ старого,
У кого у васъ какъ есь нонь молоды жоны,
У кого кабы у васъ есь дѣти малыя».
Какъ на то они проклятыя не врандуютъ,
Они ближе-ле къ старому приближаютца,
Какъ старой ноньце вѣдь крѣпце осержаетце,
Онъ какъ бралъ ноньце саблю свою вострую,
Кабы сталъ тихъ турзовъ нонь помахивать,
Какъ присѣкъ ихъ всѣхъ нонь до единого.
Онъ ёпеть-же заскоцилъ какъ на добра коня,
Онъ опеть-же ѣдётъ въ ту дороженьку,
А котора какъ идётъ-ле ноньце къ Кіеву.
Пріѣжжаетъ нонь ко подкопу какъ первому
Какъ глубокой-ле подкопъ тутъ ископанной,
Во подкопи-то копьиця поставлены,
Какъ завидѣлъ старой тутъ глубокъ подкопъ,
Онъ приправилъ своего коня доброго,
Какъ скочить-ле черезъ тотъ глубокъ подкопъ,
Какъ повыскочилъ его-ле ноньце доброй конь.
Кабы опеть нонь какъ ѣдётъ ближе къ городу,
Ко другому-ле подкопу онъ подъѣхалъ нонь,
Онъ приправилъ-же своёго коня доброго,
Онъ стегнулъ какъ его нонь по крутымъ ребрамъ,
Повыскочилъ его-ле, право, доброй конь.
Онъ опеть-же ноньце ѣдетъ ближе къ городу,

Кабы третей подкопъ ноньце вѣдь стрѣтилса;
Онъ вѣдь тутъ старой съ конемъ раздумалса,
Кабы видно этотъ подкопъ-отъ широкой нонь,
Онъ вѣдь тоже нонь стегнулъ какъ коня доброго,
Кабы тоже какъ скочилъ-ле его доброй конь;
Онъ немогъ перескочить этого подкопа,
Кабы падалъ тутъ старой нонь въ глубокъ подкопъ,
Со своимъ-ле со добрымъ онъ конёмъ добрыимъ;
Какъ во подкопѣ вѣдь были право копьица,
Какъ вѣдь копья-ти были тамъ право наставлены,
Проколотьсе какъ коню были направлены;
По его ноньце старому какъ по щасьицу,
Кабы копья-ле вѣдь тутъ нонь роздвигалисе,
Кабы падалъ тутъ старой нонь со добрымъ конемъ,
Какъ межъ ти ёни вѣдь копья бурзоменскія.
Кабы нонци тутъ старой-отъ призадумалса:
«Охъ ты ой еси, мой ноньце доброй конь!
Какъ мы какъ ноньце станёмъ выздыматисе?
Мы вѣдь какъ станёмъ такой бѣды избавлятисе?»
Кабы былъ-то тутъ у старого арканъ какъ шолковой,
Завезалъ онъ какъ однымъ коньцёмъ своего коня доброго,
А другой-отъ коницёкъ берётъ въ руку правую,
Онъ змахнулса-стрепенулса ноньце въ подкопѣ,
Онъ повыскоцилъ старой ноньце изъ подкопа,
А на ту-ле нонь вѣдь право на сыру землю;
Потенулъ онъ се арканомъ коня доброго,
Забрала его какъ сила молодецькая,
Онъ повызнялъ коня онъ на сыру землю.
А ёпеть-же заскакивалъ онъ на коня доброго,
Какъ опеть ноньце какъ ѣдётъ нонь старой казакъ,
Онъ какъ ѣдётъ вѣдь ближе Соловью.
Кабы Соловей сидитъ тамъ на сырыхъ дубахъ,
На тринадцети сидитъ мелкихъ падубкахъ,
Онъ завидѣлъ старого добра-молодца,
Засвистѣлъ какъ-бы Соловей по-змѣидному,
Закрычалъ как-ъбы соловей по-звѣриному,
Подрожала ронна матушка сыра-земля,
Какъ-бы сырыя тутъ дубье расшаталися,
У старого ноньце конь право ёбрюшилса,

А припалъ его какъ конь вѣдь на колѣни-то,
Кабы бьётъ его старой вѣдь по тучнымъ ребрамъ:
«Кабы ой еси, ты нонь-ле право доброй конь!
Не слыхалъ будто вороньяго граянья?
Не слыхалъ вѣдь какъ вороньяго курканья?»
Какъ скочилъ вѣдь какъ тутъ конь на рѣзвы ноги,
Какъ тутъ ноньце старой-ле осержаетце,
Натенулъ онъ свой-ле, право, тугой лукъ,
Онъ направилъ какъ-бы стрѣлоцьку калёную,
А калёную стрѣлоцьку, перёную,
Онъ направилъ кабы ей, самъ приговаривалъ:
«Охъ ты ой еси, моя стрѣла калёная!
Охъ ты ой еси, моя стрѣла перёная!
Полети-ко моя стрѣлоцька туда, право,
Ты туда-ле ка' стрѣлка, куды я велю,
Полети-ко нонь ты Соловью во правой глазъ».
Полетѣла его нонь калена стрѣла,
Какъ не падала она-ле ноньце на горы,
Какъ не падала она ноньце на землю,
Залетѣла, право, Соловью во правой глазъ,
Кабы тутэ нонь Соловей свернулса нонь,
Какъ свернулса ноньце Соловей съ сырыхъ дубовъ;
Какъ старой-отъ былъ вѣдь Богомъ онъ ухватчивой,
Подгонилъ ноньце подъ Соловья Рахматова,
Онъ схватилъ кабы Соловья на полети нонь,
Привезалъ его ко степи лошадинноей,
Какъ поѣхалъ-то бы ближе то бы ' городу.
Кабы было тутъ у Соловья деветь доцерей,
Какъ на всѣхъ было взято деветь зетевьей,
Кабы близко тутъ старой къ нимъ приближаетса;
Какъ завидѣли старого непріятеля,
А хотятъ-бы его, право, побить, право,
А сидитъ тутъ кабы Соловей на добромъ конѣ,
Онъ сидитъ-ле старымъ какъ тутъ привязаной,
Говоритъ онъ какъ своимъ любимымъ зетевьямъ:
«Вы не бейте ноньце руського богатыря,
Не сердите кабы нонь его-ле молодца,
Ужъ вы лучше унижайтесь нонь добрымъ концомъ,
Какъ просите нонь: миня онъ не спуститъ-ле».
Кабы были у его ворота широкія,

Кабы были тутъ надворотнички тежолыя,
Кабы кто тутъ заѣдетъ, придавятъ того,
Говоритъ ищэ имъ Соловей Рахматовичъ:
«Не сердите вы какъ руського боготыря,
Не спускайте какъ надворотенку тежолую».
Какъ опеть-же поѣхалъ ближе къ городу.
Какъ невного поры время миновалосе,
Пріѣзжаётъ старой какъ ближе къ городу,
Онъ соскакивалъ ' своёго коня доброго,
Привезалъ какъ коня доброго къ дубову столбу,
Къ дубову-ле ёнъ столбу, золоту кольчу,
Какъ пошолъ ноньце типеря во свѣтлу гриню,
Во свѣтлу-ле эту гриню княженеческу,
Какъ заходитъ онъ во гриню, Богу молитца,
На всѣ стороны какъ самъ тутъ поклоняитца,
А князю-то, княгины на ёсобичу:
«Ужъ ты здравстуешь, нонь солнышко Владимеръ-князь!
Ожъ ты здравствуешъ, нонь сё матушка Опраксія!»
Говоритъ ноньце какъ солнышко, отвѣтъ держитъ:
— Охъ ты здравствуешь, удалой доброй молодецъ!
Ты ёткуль ноньце ѣдёшь, куда прависься?
Ты какого-ле отца, какой матушки?
Ище какъ тя молодца имянёмъ зовутъ?—
«Изъ того ѣду изъ города изъ Мурома,
Изъ того-ле я села-жила Карчагова».
— Ищэ какъ тя молодца нонь именёмъ зовутъ?—
«Именёмъ меня зовутъ-ле-я какъ старъ-казакъ,
Какъ бы старъ-казакъ я, ноньце Илья Муромецъ».
— Уже какъ ты, поколь нонь ѣхалъ, правилса?—
«Я вѣдь ѣхалъ нонь дорожкой старопрежноей,
Старопрежноей дорожкой, прямоѣжжоей,
На котору поселилса кабы Соловей,
Поселилса онъ, сабака, убивалъ вного,
Убивалъ онъ, какъ, грабилъ людей добрыехъ,
Онъ поставилъ тутъ заставы великія,
Мнѣ какъ Богъ пособилъ—я всѣ проѣхалъ нонь,
Какъ побилъ я тутъ вѣдь Соловья Рахматова,
А стронилъ какъ его я со сырыхъ дубовъ,
Привязалъ я ко степи лошадинноей,
Онъ сидитъ ноньце у мня какъ на добромъ конѣ,

На добромъ кони сидитъ привязаной».
Говоритъ-ле на то солнышко Владимеръ-князь:
— Охъ ты ой еси, старъ-ле доброй молодецъ!
Ты садись-ко нонь съ дорожоньки попить-поись,
Ты попить ноньце, поись, хлѣба покушати.—
Какъ садилса старой ноньце, попилъ-поѣлъ,
Кабы сталъ его вѣдь солнышко тутъ спрашивать,
Кабы сталъ онъ вѣдь тутъ съ нимъ розговаривать:
«Какъ неможно-ле нонь Соловья завести суда?»
Говоритъ на то старъ-ле, какъ отвѣтъ дёржитъ:
— Какъ пошли-тко ты-ле слугъ-ле вѣрныихъ,
Кабы вѣрныихъ ты слугъ-ле, неизменныихъ.—
Какъ пошли эте вѣдь слуги ноньце вѣрныя,
А подходятъ они ближе къ коню доброму,
Какъ завидѣли тутъ Соловья привязана,
Ужахнулисе они Соловья Рахматова,
Говорятъ они какъ Соловью Рахматову:
«Охъ ты ой еси, нонь Соловей Рахматовичъ!
Мы какъ посланы отъ стара-ле казака Ильи Муромца,
Мы какъ посланы отвезать тебя нонь, право,
Какъ отъ той-ле отъ степи лошадинноей».
Говоритъ кабы имъ Соловей, отвѣтъ дёржитъ:
— Я не вашима руками нонь привязаной,
Я не вашима руками коню приказаной,
Кто нонь привязалъ меня къ добру коню,
Я того ноньце могу-ле право слушати.—
А зашли эти вѣдь слуги нонь, народъ въ гриню,
Кабы сказываютъ они князю Владимеру:
«Говорилъ вѣдь нонь какъ Соловей Рахматовичъ:
«Я не вашима руками сижу привязаной,
«Я не вашима словами сижу приказаной,
«Кабы хто меня привязалъ, того я слушаю».
Говоритъ ищэ какъ солнышко второй наконъ:
— Охъ ты ой еси, старой-ле Илья Муромецъ!
Заведи-ко ноньце Соловья въ свѣтлу гриню.—
Пошолъ-ле старой нонь ко добру коню,
Кабы сталъ ноньце ёнъ Соловья ётвязывать,
Говоритъ самъ какъ Соловью Рахматовичу:
«Ты пойдёмъ ноньце какъ Соловей въ свѣтлу гриню,
Ты Владимеру-царю на посмотреньицо,

А сторонным ты людям на удивленьицо».
Онъ завёлъ ноньце какъ Соловья Рахматовича,
Говоритъ на то какъ солнышко Владимеръ-князь:
— Охъ ты ой еси, старъ казакъ Илья Муромецъ!
Ты позволь-ко ноньце Соловью засвистѣть, право,
Засвистѣть кабы ему нонь о полусвиста,
Закричать кабы ему нонь о полукрика.—
Говоритъ-ле тутъ старъ таково слово:
«Какъ велю я засвистѣть ему о полусвиста,
Я возьму-ле нонь тебя князя въ руку правую,
А княгину надо взяти въ руку лѣвую».
Говоритъ ноньце старой-ле право Соловью:
«Засвисти-ко ноньце Соловей въ полусвииста».
Кабы много тутъ народу собиралося,
На юдивленіе какъ въ Кіевъ соѣзжалисе;
Засвистѣлъ онъ ноньце Соловей въ полусвиста,
Подрожала ровно гриня княженеческа,
Кабы князь-отъ, княгина цють не юпали тутъ,
Простонародіе тутъ всѣ какъ ровно заспали.

54.

Дмитрій Бранской.

Кабы былъ-ле прежде Митрей-ле Браськія,
Онъ какъ былъ, право, Митрей-отъ хитёръ-мудёръ,
Онъ какъ могъ-бы ходити рыбой щукою,
Ищэ могъ-бы какъ бѣгати сѣрымъ волкомъ,
Кабы могъ ище рыскать бѣлымъ горносталёмъ.
Какъ-бы былъ-ле прежде дядюшка Имбалъ-король,
Кабы были у ёго-ле два племянницька,
Какъ придумали нонь ѣхать въ Браньской городъ,
Ко тому ёни ко Митрею ко Браньскому,
А захотѣли роззорить они Браньской-отъ городъ,
Они просятъ какъ у дядюшки было благословленьица,
Роззорите ныньце хотятъ славной Браньской городъ;
Они просятъ какъ у дядюшки благословленицо,
Говоритъ на то имъ дядюшка Имбалъ-король:
«Охъ вы ой еси, мои родны племяннички!

Какъ не дамъ ноньце я вамъ благословленьице;
А какъ билса я прежде ' Митреёмъ ровно тридцеть лѣтъ,
Не могли мы одинъ другого ранити,
Не могли какъ вѣдь мы другъ друга кровавити:
Кабы Митреётъ вѣдь нонь право хитёръ-мудёръ,
Онъ вѣдь можотъ ходить-ле въ морѣ щукою,
Онъ вѣдь можотъ-ле бѣгати сѣрымъ волкомъ,
Ищэ можотъ-ле рыскать бѣлымъ горносталёмъ».
Какъ на то его племяницьки не врáндуютъ;
Кабы стали тутъ два брата снаряжатися,
Кабы стали ётправлятися во Бранськой городъ,
А поѣхали они ближе ко городу,
А какъ близко-ле ко городу приближаютца,
Заѣжжаютъ нонь они въ славной Бранськой городъ,
Кабы Митрея въ городи не случилосе,
Какъ уѣхалъ ноньце Митрей ко Черну морю,
А стрѣлети тамъ гусей, кабы лебёдышекъ,
Побивать-ле кабы малыихъ утянышокъ.
Какъ заѣхали они въ славной Браньской городъ,
Кабы зажили робята подомашному,
Кабы лучшую вѣдь силу всё повыбили,
Какъ другая тутъ вѣдь сила на юходъ ушла,
Кабы Божіи-те церкви всѣ повыжгали,
Присвятую Богородицю во грезь стоптали.
Кабы были у Митрея три ворона,
Какъ три ворона-то были тамъ кормлёныя,
Полетѣли эти вороны ко Черну морю,
А искать-ле своего какъ хозяина;
Прилетѣли они какъ ко Черну морю,
А завидѣли какъ Митреёвъ-ле чернъ шатёръ,
Какъ садилисе ти вороны на сыро дубьё,
Кабы первоётъ воронъ тутъ возгрáивалъ,—
Кабы спитъ-ле тотъ Митрей не пробудитса;
Какъ другой-отъ-ле воронъ тутъ возграивалъ,—
Кабы тоже Митрей спитъ нонь не пробудитса;
Кабы третей-отъ воронъ тутъ возграивалъ,—
Кабы тутъ-ле ноньце Митрей пробужаитса,
Онъ съ тежолымъ-ле со сномъ какъ роздѣляетса,
Онъ какъ вышолъ ноньце Митрей изъ черна шатра,
Онъ увидѣлъ своихъ вороновъ кормлённыехъ,

Какъ увидѣлъ еще вороновъ поёныехъ,
Кабы самъ-ле тутъ Митрей розговариватъ:
«Охъ вы ой еси, мои какъ черны вороны!
Видно есь у меня надъ городомъ незгодушка?
Видно есь у мня надъ Бранскіимъ великая?»
Онъ какъ скоро заскоцилъ тутъ на добра коня,
Онъ вѣдь скоро погонилъ ближе ко городу,
Пріѣжжяётъ ко городу ко Бранському,
Кабы весь его городъ розвоеваной,
Кабы лучшая-ле сила вся повыбита,
А другая-то вѣдь сила на юходъ ушла,
Кабы Божьи-ле церькви всѣ повыжганы,
Присвятая Богородиця въ грезь стоптана;
Какъ увидѣлъ ноньце Митрей Богородицу,
Онъ скочилъ со своего коня доброго,
Онъ какъ взялъ ей-ле во рѣзвы руки,
Говоритъ кабы-ле ей-ле Богородицѣ:
« Ты пошто ноньце далася кабы поганыимъ?
Ты пошто ищэ далася ноньце проклятыимъ,
Ты даласе кабы имъ да на поруганьё?»
Онъ поставилъ ей куда какъ ноньце хоцетса.
Какъ была-ле у его, право, родна сестра,
Какъ уѣхали два брата Долгополыя (такъ),
Увезли они у Митрея родну сестру,
Они выѣхали на полё на чыстое,
А поставили они-ле тутъ, право, чернъ шатеръ.
Засвистѣлъ кабы Митрей нонь въ городѣ,
Онъ вѣдь подалъ какъ своей силы нонь голосъ-ле,
Засвистѣлъ кабы Митрей во второй наконъ,
Кабы стала его сила приближатисе,
Засвистѣлъ ищэ Митрей въ третей-ле разъ,
Набѣжала его сила нонь великая;
Какъ пошли ноньце въ сугонъ они за братьями,
А настигли кабы ихъ вѣдь на поли,
Отдыхаютъ они нонь какъ во черномъ шатрѣ,
Кабы тутъ-же сидитъ его родна сестра,
Какъ сидитъ у одного-ле ноньце вшей ловитъ.
Кабы Митрява сила приближаитца,
Кабы Митреётъ-ле былъ, право, хитёръ-мудёръ,
Онъ заскакивалъ въ шатёръ бѣлымъ горносталёмъ,

Онъ поскакиватъ-ле Митрей нонь горносталёмъ,
Какъ у тугйхъ луковъ онъ струны выкусалъ,
У калёныхъ ихъ вѣдь стрѣлъ-ле уши выкололъ.
Какъ сидитъ тутъ вѣдь Митрея родна сестра,
Какъ увидѣла ноньце право горносталя,
Она думатъ какъ себѣ нонь такову думу:
«Какъ явился вѣдь нонь, право, какъ родной вѣдь братъ».
Кабы тутъ она сидитъ нонь зрыдоваласе;
Какъ выскакивалъ горносталь изъ черна шатра,
Овернулса какъ горносталь ноньце Митреёмъ,
Засвистѣлъ кабы Митрей во первой нонь разъ,
Засвистѣлъ кабы Митрей-отъ въ другой-ле разъ,
Кабы стала его сила привлижатисе,
Засвистѣлъ ищэ Митрей во третей-ле разъ,
Какъ успѣла его нонь тутъ сила великая,
Приказалъ-ле онъ хватать етихъ двухъ брателковъ.
Какъ схватили етихъ двухъ-ле ноньце брателковъ,
Приказалъ онъ какъ своей силы великоей:
«Вы ю одного глаза ноньце ископайте,
У другого по колѣнъ ноги отсѣките».
Какъ сроботала его сила великая,
Какъ ’ одного глаза ноньце ископала,
У другого по колѣнъ ноги отсѣкла нонь,
Говоритъ на то Митрей ноньце Бранськія:
«Ужъ вы потьте какъ назадъ, право, въ свою землю,
Ужъ потьте нонь ко дядюшкѣ ко Имбалу,
А слѣпой—ты неси, глазатой—указывай».
Какъ пришли ноньце они, право, ко дядюшкѣ,
Говоритъ на то имъ дядюшка Имбалъ-король:
«Вы не слушали старого вамъ наказываньё».

55.

Садко.

Кабы было во городи во Кіевѣ.
Какъ у ласкова князя-та Владимера,
Кабы было пированьё, столованьё.
Кабы вного тутъ съѣзжалось купцей-людей,

Какъ купцей людей право торговыихъ,
А садили какъ вѣдь тутъ-то ихъ нонь҃це за столики,
Угощали ихъ нонь҃це, цего имъ хоцётце.
Кабы всѣ они тутъ напивалися,
Кабы всѣ они тутъ стали пьяноватыё;
Какъ сидѣлъ-то Садко купецъ за столикомъ,
Онъ за столикомъ сидѣлъ какъ за переднеемъ,
Онъ выходитъ Садко нонь҃це изъ за столика,
Онъ на серёдку вѣдь полу какъ кирпищата,
Онъ самъ близко къ столу нонь приближаитсе,
Онъ вѣдь проситъ себѣ право охвотничка:
«Я хоцю кабы съ нимъ нонь҃це бится-ле,
Я хоцю вѣдь нонь въ Новѣ-Градѣ товары всѣ повыкупить.
Я товары какъ тутъ всѣ повыкуплю,
А на матушку на Волгу всѣ повывожу,
Тридцеть караблей черленыхъ всѣ повыгружу».
Тутъ выходитъ нонь попъ, отецъ духовныя,
Онъ вѣдь близко-же къ столу самъ приближаитца,
Говоритъ-ле нонь какъ попъ таковы рѣчи:
— Я вѣдь бьюся-ле съ Садкомъ, купцёмъ богатыемъ,
Кабы бьюся я вѣдь съ нимъ да о великъ залогъ,
Какъ не о стахъ рублей нонь не о тысячахъ,
О своихъ-ле буйныхъ право головушкахъ.—
По Садки-то поручалисе купцы-люди,
По попи-то поручалисе попы, дьяки,
Какъ билися они тутъ о великъ залогъ.
Розошлися какъ съ пиру ёни, розъѣхались,
Какъ Садко-ко забиралъ сибѣ прикатчиковъ,
А купити хоцётъ товары во Новѣ-Гради.
Кабы купятъ они-ле, право, день поры.
Кабы купятъ они, право, другой поры,
Ище купятъ, право, они недѣлю всю,
Не могли ёни товары тутъ повыкупить,
У Садка-ле казны нонь мало можетца,
Во Новѣ-Гради товару больше старого;
Кабы тутъ нонь҃це Садко тутъ запечалилса,
Онъ пошолъ нонь Садко какъ во Божью церкву,
Онъ змолилсе тамъ какъ Богородицѣ:
«Охъ ты ой есь, Присвета Мать Богородиця!

Пособи-ко мнѣ въ Новѣ-Гради товары какъ повыкупить,
А на матушку на Волгу всѣ повывозить,
Тридцеть караблей черленыхъ всѣ повыгрузить,
А поставлю я тибѣ нонь церковь Божiю,
Со всима какъ со иконыма тамъ чудныма».
А пошолъ нонь Содко какъ изъ Божьей церкви,
Они нацяли купить право товары-ти,
У Садка-ле казны стало вного вножество,
Во Новѣ-Градѣ товару мало можетца.
Какъ повыкупилъ Садко ноньце товары всѣ,
Какъ на матушку на Волгу всѣ повывозилъ,
Тридцеть караблей черленыхъ всѣ повыгрузилъ.

---

12. Екатерина Өедоровна Торопова.

Очень старая и дряхлая старушка—ей 81 годъ—охотно согласилась мнѣ пѣть и пѣла кромѣ Голубинной книги: стихи: Егорья и Александру и про смерть. Въ молодости знала много старинъ, но теперь перезабыла.

56.

Голубинная книга.

А на ту-де на матушку Саворъ-гору
Выпадала вѣдь книга голубинная.
Не велика-ле книжица, не малая,
Во долготу она была да какъ цѣла сажень,
Какъ цѣла-де сажень была печатная,
Во толшину-то-ле книжица три четверти,
Въ ширину-то-ле книжица сорокъ локотъ.
А на ту-де на славу на великую,
Собиралисе тутъ, да сокоплелися,
Какъ цитать эту книгу голубинную;

Во первыхъ, тутъ циталъ да какъ Давыдъ-пророкъ,
Во вторыхъ, тутъ циталъ да какъ Исай-пророкъ,
Во третьихъ, тутъ циталъ да какъ Соло́манъ-царь.
А хотѣли прочесть да книгу голубинную,
А цитать они хотѣли кабы три вѣдь дня,
Процитать они хотѣли съ доски на доску,
А потомъ процитали да книгу три года,
А цитали они да у ей три листа.
Кабы цё объ цёмъ книга была написана?
Отъ цего тутъ зацялся вольной бѣлой-свѣтъ?
Отъ цего зацялось да сонцо красное?
Отъ цего-де зацялся бладъ-мѣсецъ?
Отъ цего зацялись да звѣзды цястыя?
Отъ цего розлились да моря синія?
Отъ цего-де пошли да много множесво,
А потимъ по морямъ да какъ по синіимъ,
Расходились по морямъ да какъ морски звѣри,
Во моряхъ поевились какъ больши киты?
На китахъ да земля была основана.
И прошло тутъ-ле время, прокатилося,
Узнавать стали народъ да отъ цего́-цего:
Отъ цего-де зацялса вольной бѣлой-свѣтъ?
Отъ цего-де зацялось красно-солнышко?
Да зацялся бѣлой-свѣтъ отъ Воспода,
Красно-солнышко зацялось да изъ оцей Его.
Отъ цего-де зацалсяı бладъ-свѣтелъ-мѣсецъ?
Бладъ-свѣтѣлъ-мѣсецъ зацялса отъ ушей Его.
Звѣзды цясты зацялись да какъ отъ рукъ Его.
Отъ цего залялась вся поселенная?
Какъ отъ Суса Христа да отъ распятого,
Сотворилъ-де Господь да Царь Небёсной-свѣтъ,
Онъ и небо сотворилъ, онъ и землю всю,
А вси тутъ моря да большосиніи,
А и вси тутъ карабли, морски звѣри,
Кабы всё сотворилъ Господь Небёсной-свѣтъ;
А земля мати основана на трёхъ китахъ,
Сотворилъ ей Господь да Исусъ Христосъ.

13. Алексѣй Васильевичъ Чупровъ.

Алексѣй Чупровъ—старикъ 70 лѣтъ, знаетъ много сказокъ, которыя разсказываетъ очень складно, почти стихами, но безконечно повторяясь, отчего сказки его выходятъ непомѣрно длинны. Знаетъ онъ и былины, но съ тѣхъ поръ какъ его постигло большое несчастіе (онъ ослѣпъ), онъ религіозно настроенъ и ничего не поетъ, кромѣ духовнаго, хотя сказки разсказывалъ мнѣ всякія, иногда очень скабрезныя. Здѣсь ему принадлежитъ былина про „Потыка" богатыря и пѣсня. Отъ него-же я записалъ нѣсколько разсказовъ про мѣстную „бывальщину": про разбойниковъ и пр.

57.

Потыкъ.

Во стольномъ во городѣ во Кіевѣ,
У ласковаго князя Владимера,
Завелса у князя почесенъ пиръ,
На многихъ князей, на бояровъ,
На руськихъ могучихъ богатырёвъ,
На злыхъ паленицъ преудалыихъ,
На купцей, людей торговыихъ,
На мѣшшанъ пригородныхъ,
Людей посадскіихъ,
На лучшихъ хресьянъ православныихъ.
Пиръ идетъ о полу́пира,
Столъ стоитъ о полу́стола,
Княженевская радость—полурадость.
Владимеръ князь сталъ пьянешинекъ и веселешинекъ,
Выходилъ на середка кирпищатъ полъ,
Съ ноги на ногу переступывалъ,
Изъ рѣчей самъ выговаривалъ:
«Всѣмъ молодцамъ служба явлена,
Потыку служба надмѣчена:

Съѣздить ему въ землю Холщевскую,
Худшую силу въ пень повырубить,
Лучшую силу въ полонъ взять,
Красно-золото въ возы склась,
Скатёнъ жóмчугъ гонить телѣгою,
Добрыхъ коней табунами гнать,
Молодыхъ дѣвушекъ станицами,
Молодыхъ молодушекъ плени́цами,
Старыхъ старухъ гнать коробицами».
Сидитъ Пóтыкъ запечалился,
Повѣся сидитъ буйну голову,
Потупя очи ясныя во кирпищатъ полъ.
На то Солнышко догадливъ былъ:
Наливаетъ цару зелена-вина,
Не велику не малу—въ полтора ведра,
На закуску колачикъ бѣлъ-крупищатой,
Подноситъ удалу добру молодцу:
«Ужъ ты, Потыкъ Михаиловичъ!
Прими, выкушай цару зелена-вина».
Беретъ Пóтыкъ во праву́ руку́,
Пьетъ чару къ едину́ духу,
За чарой умѣлъ слово вымолвить:
— Сколько радъ я отъ царя служить,
А вдвое радъ я голову́ сложить.—
Встава́лъ Пóтыкъ на рѣзвы ноги,
Выходилъ на середка кирпищатъ полъ,
И всѣмъ челомъ билъ, низко кланялся,
А князю со княгиной на особицу.
Выходилъ тогда онъ на улицу,
Ко своему коню доброму;
Невинно поѣзки молодецкоей,
Только слышно побѣжки лошадиноей,
Во чистомъ поли курива стоитъ,
Отъ коня его дымъ столбомъ валитъ;
Скачетъ его конь съ укатисты на увалистыхъ,
Мелкіе рѣки на ускокъ беретъ,
Черные грéзи промежъ ногъ держитъ.
Приганивалъ въ землю Холщевскую,
Не спрашиватъ у дверей придверниковъ,
У воротъ приворотниковъ,

Заѣхалъ въ городъ Холщевской
И сталъ громѣть, шурмовать
И крѣпко воевать.
Худшую силу въ пень повырубилъ,
Лучшую силу во полонъ взялъ,
Красно золото въ возы склалъ,
Скатёнъ жомчугъ гонитъ телѣгою,
Добрыхъ коней табунами гналъ,
Молодыхъ дѣвушекъ станицами,
Молодыхъ молодушекъ пленицами,
Старыхъ старухъ коробицами.
По́тыкъ Михаило гонитъ силу по чисту полю,
Пригониватъ ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю ко Владимеру,
Сила въ ворота не помѣщается,
По́тыкъ въ ворота пробивается.
Встрѣчаютъ Потыка сына Михаиловича,
Встрѣчатъ народу много множество,
Встрѣчатъ его солнышко Владимеръ-князь,
Со своей княгиной со Апраксіей.
«Ужъ ты здравствуй, Потыкъ Михайловичъ!»
— Ужъ ты здравствуй, солнышко Владимеръ-князь,
Со своей княгиной со Апраксіей!—
Со той со радости со великоей,
Завелся у князя почесенъ пиръ больше стараго,
На многихъ на князей, на бояръ,
На руськихъ могучихъ богатырёвъ,
На злыхъ паленицъ преудалыихъ,
На купцей людей торговыихъ,
На мѣшшанъ пригородныихъ,
Людей посадскіихъ,
На лучшихъ хресьянъ православныихъ.
Пиръ идетъ о полу́пира,
Столъ стоитъ о полу́стола,
Княженевская радость—полурадость.
И тогда Владимеръ сталъ пьянёшинёкъ и веселёшинёкъ,
Выходилъ онъ на середка кирпищатъ полъ,
Съ ноги на ногу переступывалъ,
Изъ рѣчей самъ выговаривалъ:
«Ой ты, ой еси По́тыкъ сынъ Михайловичъ!

Хочешъ-ли ты пожинитися,
Дамъ тебѣ дѣвицу какъ надобно?
Хошъ бери дѣвушку княженевскую,
Хошъ бери боярскую,
Хошъ бери купеческу,
Хошъ бери и поповскую,
Хошъ бери и хресьянскую».
Ставáтъ Поты́къ на рѣзвы ноги,
Выходитъ изъ за стола дубоваго на кирпищатъ полъ,
Тишешинько къ князю подвигается,
Нижешенько князю поклоняется:
— Охъ ты, солнышко Владимеръ-князь!
Позволь мнѣ слово вымолвить:
Не надо мнѣ дѣвки княженецкія,
Не надо мнѣ дѣвки боярскія,—
Боярски дѣвки злы омманчивы;
Не надо мнѣ дѣвки поповскія,
Не надо мнѣ дѣвки и купеческой,—
Поповскія дѣвки пропируются,
Купечески дѣвки проторгуются,
А хресьянскія дѣвки только толчи́ да моло́ть.—
Садится тогда По́тыкъ на лавку брусчатую,
Дубовую, за передней столъ.
Пиръ-отъ идетъ у нихъ о полу́пира,
Столъ идетъ о полу́стола,
Солнышко катится ко западу,
День идетъ ко вечрру.
Бояра толстобрюхіе на Потыка разсердилися,
И крѣпко прогнѣвилися,
Говорятъ солнышку Владимеръ-князь:
«Охъ ты, солнышко Владимеръ-князь!
Всѣмъ намъ служба явлена.
А Потыку службы долго нѣтъ».
На то солнышко догадливъ былъ:
— Всѣмъ молодцамъ служба явлена!
А Потыку службы надмѣчена—
Съѣздить Потыку въ землю Копейщату,
Худшую силу повырубить,
Лучшую силу во полонъ взять... (и т. д. до):
...Выходитъ онъ на улицу, къ своему коню,

Отвезалъ коня отъ дубова столба, золота кольца,
Не видно поѣздки молодецкоей... (и т. д.).
...Приганивалъ въ землю Копейщату,
Не спрашивалъ у дверей придверничковъ,
У воротъ приворотничковъ,
Зачалъ громѣть, шурмовать и крѣпко воевать.
Худшую силу повырубилъ,
Лучшую... (и т. д. до):
...Старыхъ старухъ гнать коробицами,
Душку-Маринку лебедь бѣлую,
Душу полонёну, красну дѣвицу во полонъ взялъ,
Посадилъ ей на добра коня, позади себя.
Ѣдетъ съ Маринкой по чисту полю,
Самъ изъ рѣчей выговариватъ:
«Ой еси, душка-Маринка, лебедь бѣлая!
Душа полонёна, красна дѣвица,
Идешь-ле ты за меня възамужъ?»
Говоритъ Маринка таковы рѣчи:
— Положимъ мы съ тобой заповѣдь тяжелую, нелеккую,
Который, мы съ тобой, напередъ помремъ,
Другому лекчи живому во гробъ.—
Ѣдетъ Потыкъ по чисту полю
И видитъ горитъ частъ ракитовъ кустъ;
Пріѣзжатъ къ этому пламени великому,
Кругомъ пламя люта змѣя извивается,
Къ Потыку ближешенько приближается,
Нижешенько Потыку поклоняется,
Говоритъ таковы рѣчи:
«Ой ты, По́тыкъ сынъ Михаилычъ!
Соскакивай скоро со добра коня,
Сдергивай сапогъ съ ноги правыя,
Бѣги скоро на Дунай-рѣку,
Зачерпни сапогъ до полна воды
И залей, загаси частъ ракитовъ кустъ,—
Выводи моихъ дѣтокъ милыихъ,
Милыхъ дѣтокъ, глупыихъ,
Сотворю тебѣ добро великое,
Великое, хорошее».
Скоро По́тыкъ не ослышался,

Соскакивалъ съ коня доброго,
Привязывалъ коня къ дубову столбу... (и продѣлывалъ все такъ, какъ просила змѣя).
...Вывелъ у змѣи дѣтей малыихъ.
Тогда змѣя люта ближешенько къ Потыку приближается,
Нижешинько Потыку покланяется:
«Спасибо Потыкъ Михаило сынъ Ивановичъ».
Садился Потыкъ на добра коня
И ѣхалъ въ стольной Кiевъ-градъ
Ко ласкову князю Владимеру... (прiѣхалъ По́тыкъ, его встрѣчаетъ народу множество, князь Владимиръ и пр., на пиру По́тыкъ заявляетъ, что хочетъ женится):
«Я хочу поженитися,
Я хочу взять красну дѣвушку,
Душку-Маринку, лебедь бѣлую,
Душу полонену, красну дѣвицу».
У солнышка князя не пива варить, не вина курить,—
Пиво сварено, вино скурено;
Веселымъ пиркомъ и скорой свадебкой,
Поженили По́тыка съ душкой-Маринкой лебедь бѣлоей.
Со той со радости со великоей,
Завелся у князя почесенъ пиръ больше стараго.
Всѣ сидятъ пьянешиньки, всѣ веселешиньки,
Сидятъ бояра толстобрюхiе, царски подговорщики
И говорятъ они кнезю Владимеру;
«Всѣмъ служба явлена, По́тыку службы нѣтъ».
На то Солнышко догадливъ былъ... и пр., до:
. . . «Съѣздить ему въ землю Подо́бьскую,
Лучшую силу во полонъ взять,
Худшую силу повырубить. . . (и пр. По́тыкъ ѣдетъ въ землю Подобьскую и пр., какъ прежде—худшую силу рубитъ, лучшую во полонъ беретъ и пр.)
А послѣ того, послѣ этого,
Понеслись бояра на По́тыка,
Что онъ ихъ оконфуживалъ,
Ихъ красныхъ дѣвушекъ не взялъ за себя възамужъ.
Опоили бояра на пиру молоду жену По́тыка зельемъ лютыимъ,
Приняла его молода жена смерть чажолую.

(Когда По́тыкъ пріѣхалъ изъ земли Подобьской, его встрѣчаютъ):

Встрѣчаетъ По́тыка народу множество,
Князя Владимера не случилосе,
Молодой его жены не пригодалосе.
Спрашиватъ По́тыкъ Михаило:
«Гдѣ-же Солнышко Владимеръ князь,
Не встрѣчатъ меня добра молодца изъ чиста́ поля?
Гдѣ-же моя молода жена?
Одолело-ле ее богачество
Или въ соборъ у́шла Богу молитися?»
Отвѣчатъ народъ По́тыку Михаилу:
— Не одолело ее богачество великое
И не ушла она въ соборъ Богу молитися,—
Послѣ тебя былъ почесенъ пиръ,
Опоили ее бояра толстобрюхіе;
А солнышко Владимеръ князь,
Дѣлатъ твоей молодой женѣ новъ-дубовой гробъ.—
Соскочилъ По́тыкъ со добра коня,
Побѣжалъ ко князю Владимеру:
«Тебѣ Богъ помочь, солнышко Владимеръ-князь!
Дѣлать новъ-дубовой гробъ.
Дѣлай ты солнышко Владимеръ-князь новъ-дубовой-гробъ,
Чтобы оба вошли мы съ молодой женой.
У насъ положена заповѣдь тяжелая, великая:
Которой напередъ помрётъ,
Другому живкомъ въ гробъ лекчи».
Тогда По́тыкъ сынъ Михайловичъ
Похо́дитъ къ кузнецу, ко мастеру,
Сковать себѣ три прутика:
Желѣзной, мѣнной и оловянной,
Сковать киски (тиски?) желѣзныя.
Приходитъ ко князю Владимеру,
Ко гробу новому дубовому.
Занесли гробъ къ молодой жены,
Понесли молоду жену,
Идетъ за ней По́тыкъ Михаиловичъ,
Горечими слезами уливается,
Съ добрыми людьми прощается,

Со бѣлымъ свѣтомъ разстается,
Со княземъ, съ княгиной на особицу.
Ложится По́тыкъ въ новъ-дубовой-гробъ съ молодой женой.
Спустили ихъ въ матушку во сыру-землю,
Въ могилу глубокую,
Стали ихъ хоронить во матушку во сыру-землю,
Въ могилу глубокую,
Зарыли желты́мъ пескомъ.
Лежитъ По́тыкъ съ вечера до зари утренной,
Слышитъ—ко гробу кто-то копается.
Подрылась, подкопалась змѣя лютая,
Взялъ По́тыкъ киски желѣзныя
И прищемилъ змѣю лютую,
И сталъ стегать ее прутомъ желѣзныимъ;
Желѣзный прутъ Потыкъ весь повыломалъ,
Ушинки за кожу змѣи повысовалъ!
Ухватилъ прутъ мѣнной
И сталъ стегать имъ змѣю лютую.
Мѣнной прутъ Потыкъ весь повыломалъ,
Ушинки за кожу змѣи повысовалъ.
Ухватилъ прутъ оловянной,
Оловянный прутъ гнется, не ломится.
Возмолилася змѣя лютая
Словомъ ласковымъ и покорныимъ:
«Ой еси, удалой доброй моло́децъ,
По́тыкъ Михаило сынъ Ивановичъ!
Не стегай меня за напрасенно,
Выдергивай изъ моей щеки правоей
Кисками желѣзными коренной зубъ».
По́тыкъ Михайло скоро не ослышался,
Выдергивалъ у змѣи коренной зубъ
И маза́лъ свою молоду жену,
Вставала его молода жена жива и здрава.
Тогда-же По́тыкъ сталъ вставать изъ матушки сыры-земли
И идетъ онъ къ князю Владимеру.
Встрѣчатъ ихъ Владимеръ-князь
На своемъ на крутомъ крыльцѣ:
«Ужъ ты здравствуй, По́тыкъ Михаиловичъ!

Слава Богу, судилъ Господь живыми глазами видатися».
Съ этой радости великоей
Завелся у князя почесенъ пиръ больше стараго.

Старина записана не съ голоса, со многими сокращеніями такихъ мѣстъ, которыя составляютъ дословное повтореніе мѣстъ встрѣчающихся раньше; размѣръ старины уменьшился почти вдвое, при всей полнотѣ сюжета.

58.

Вдова и Разбойники.

’ Питеръ, въ Москву проѣжжали,
Во деревню заѣжжали,
Ко вдовушки приставали;
Ко вдовушки приставали,
Подъ окошкомъ колотились:
«Пусти вдова ночевати,
Пусти вдо́ва постоети,
Ночевати, постоети;
Насъ-то молодцовъ немножко,
Полтораста пѣшехоновъ,
Полтретьяста всё на коняхъ,
Всё на коняхъ, всё во сёдлахъ».
Вдова вышла на крылецько,
Прижала руки къ сердецьку,
Воспромолвила словецько:
— У мня домъ-отъ не стоялой,
Фатерушка небольшая. —
Они силой въ домъ ввалились,
Они всѣ сѣли по лавкамъ,
Всѣ по лавкамъ, всѣ порядкомъ.
А стоитъ вдова у печки,
Прижала руки къ сердецьку;
А большой-гость всѣхъ повыше,
А меньшой-отъ всѣхъ пониже,
А большой-отъ слово молвилъ:
«Подойди ’дова поближе,
Поклонись, ’дова пониже».

Подошла вдова поближе,
Поклонилась она пониже,
Што большой-отъ гость слово молвилъ:
«Ты давно-ле вдова вдовеешь?
Ты давно-ле сиротуешъ?»
Тутъ вдова-то слово молвитъ:
— Я вдовею лѣтъ семнадцеть,
Сиротую лѣтъ двѣнадцеть.—
«Ты сойми-ко съ главы шляпу,
У шляпоцьки есь платоцикъ,
Во платочку юзолочикъ,
Въ узолочку злаченъ перьстень.»
Ужъ сымала съ главы шляпу,
Юшъ брала она платочикъ,
Во платоцькѣ юзолочикъ
Въ юзолочкѣ злаченъ перстень:
«Ужъ мы тимъ перстнемъ съ тобой вѣнчались,
Мы вѣнчались, обручались».

VI. ДЕРЕВНЯ РОЩИНСКІЙ РУЧЕЙ.

13. Игнатій Васильевичъ Тороповъ.

Очень сохранившійся старикъ 69 лѣтъ; волосы на головѣ и бородѣ совершенно безъ сѣдинъ, крѣпкій, здоровый; на видъ ему никакъ не больше 50 лѣтъ. Живетъ въ деревушкѣ, въ 2-хъ верстахъ отъ Усть-цыльмы; принадлежитъ къ разряду зажиточныхъ крестьянъ, имѣетъ два дома; очень хорошій хозяинъ грамотенъ, имѣетъ кой-какіе, конечно, богослужебныя книги; почитываетъ и потому рѣчь его довольно близка къ книжной; Пѣлъ старины довольно охотно; кромѣ спѣтыхъ мнѣ знаетъ: первую поѣздку Ильи М., Сокольника, Бой Добрыни и Дуная, Добрыню и Маринку, Потыка, Дюка, Чурила, Ставра, Ваську Окулова, женитьбу Дуная, Луку Данилова, слыхалъ про Святогора.

59.

Добрыня и Змѣя.

Ай да прежде Резань да свободой слыла,
Ай да ныньце да славной городъ сталъ;
Ай да въ томъ-ле Резани славномъ городи,
А да жилъ-то Микитушка Романовичъ,
А да жилъ-то Микитушка не старился,
Ай середи вѣку Микитушка преставился;
Вотъ осталасе у его да молода жона,
Вотъ осталасе ёна право беременна,
А невножко прошло да поры времени,
Вотъ родила она своё да чадо милое.
Собирали тутъ поповъ, дьяковъ, причетниковъ,
Окрестили ее́ да чадо милоё,
Нарѣкали ему баско́ новоё имецько,
Молодыя Добрынюшка Микитицъ-бладъ.
А ростётъ тутъ-ле Добрыня лѣтъ до двѣнадцети,
Ёнъ сталъ хватать присправу богатырскую,
Онъ сперва хватилъ копейцо бурзомецкоё,—
Хорошо владетъ удалой доброй молодецъ;
Онъ еще хватилъ-ле палицу буёвую,—
Хорошо владетъ удалой доброй молодецъ;
Онъ еще хватилъ саблю право вѣдь вострую,—
Хорошо владетъ удалой доброй молодецъ;
Онъ вѣдь здумалъ еще ѣхать ко синю морю,
Посмотрѣтъ ему захотѣлось морё синёё,
Онъ и сталъ просить у матушки благословленьицо,
Онъ и падалъ ей самъ во рѣзвы ноги,—
Не даватъ ему благословленьица.
Кабы падалъ Добрыня во второй наконъ,
Ужъ и проситъ у ей благословеньица;
Онъ и падалъ Добрыня во третéй наконъ:
«Ужъ ты ой еси, родимая моя матушка!
Ужъ ты дай-же мнѣ-ка благословленьицо,
Я вѣдь съѣжжу, схожу да до синя моря».
А даватъ она ему благословленьицо,
А съ буйной своей главы да до сырой земли,
Кабы стала она ему ноньце наказывать,

А-бы стала она ему да наговаривать:
«А доѣдешъ ты, дитя, да до синя моря,
Пріюстанетца тебѣ, да припотеетца,
А захочетца покупатца да во синёмъ мори;
Во синёмъ-то мори есть три быстры струи,
А третья-то-ле струя да зла омманчива,
А да вынесётъ тебя да на синё морё,
А налéтитъ на тебя да змѣя лютая,
Кабы станетъ она тебя кругомъ облéтывать,
А обваживать свои хóботы змѣинныи;
Не боитца она копейца бурзомецкого,
Не боитца она вѣдь палицы буёвоей,
Не берётъ ее сáбелька право вострая.
А боитца она вѣдь прутиковъ желѣзныихъ;
Ты сходи-ко нáперво въ нову кузницу,
Ужъ ты скуй-ко ныньце право три прутика,
А первой-отъ прутикъ скуй желѣзной-же,
Да второй-отъ прутикъ ныньце мѣнной-же,
А третьéй-отъ прутикъ оловянной-бы».
Онъ пошолъ-ле Добрыня, ' нову кузницу,
Какъ сковалъ первой прутикъ онъ желѣзной-же,
А второй-отъ прутикъ ноньце мѣнной вѣдь,
А третьéй-отъ прутикъ оловянной-же;
Ёнъ онъ бралъ свою уздилочку точмянную,
Онъ пошолъ себѣ брать коня доброго,
Онъ заходитъ вѣдь Добрыня во конюшенъ дворъ,
Онъ берётъ себѣ коня право семи цѣпей,
А семи цѣпей, семи розьвезей,
Ёбуздалъ-ёбсѣдлалъ да коня доброго,
Онъ вѣдь сталъ тутъ Добрыня снаряжатися,
А де сталъ-то Добрыня сподоблетися,
Онъ берётъ 'сю приправу да молодецкую,
А сперва берётъ копейцо да бурзомецкоё,
А затимъ берётъ-ле палицу буёвую,
А еще берётъ саблю да право вострую,
А вѣдь взялъ эти съ собой право три прутика;
Вотъ средилса-сподобилса да доброй молодецъ,
А не видѣли его поѣздки да молодецкоей,
А увидѣли въ поли курива стоитъ,
Курива-ле стоитъ да дымъ столбомъ валитъ.

Онъ вѣдь здраво прогонилъ да полё чыстое,
Доѣжжаетъ самъ до моря до синяго,
Ёнъ до тихъ крутыхъ-баскихъ да право бережковъ,
До жолтыхъ еще песковъ да до макарьевскихъ;
Ёнъ поставилъ свой шатёръ да бѣлобархатной,
Онъ насыпалъ пшаны да бѣлояровой,
Захотѣлось ему покупатца во синёмъ мори,
Скиновалъ съ себя-ле самъ да платьё чвѣтноё,
Онъ побрёлъ тутъ Добрыня во синё морё;
Кабы стрѣтилась ему право перва струя,
Онъ вѣдь поплылъ Добрыня черезъ перву струю,
Ой да стрѣтилось ему право друга струя,
О да поплылъ Добрыня черезъ другу струю;
Хорошо ему право да приглянулосе,
Кабы поплылъ Добрыня черезъ третью струю,
А третья-то-ле струя да зла омманчива,
А да вынесла его да на синё морё,
Да стала его носить да по синю морю;
Налетѣла на его да змѣя лютая,
А да стала она кругомъ его облётывать,
А овваживатъ стала хоботы змѣиныя:
«Я хоцю тебя, Добрыня, нонь живкомъ зглону,
Я хоцю тебя, Добрыня, на воды стоплю».
Побоялса онъ угрозъ право змѣинныихъ,
Онъ нырнулъ тутъ, Добрыня, да во синё морё,
Онъ вынировалъ ко своему платью чвѣтному,
Надеватъ-ле своё онъ платьё чвѣтноё,
Онъ заходитъ Добрыня во бѣлой шатёръ;
Не юспѣлъ тутъ Добрыня-та ёгня добыть,
Не юспѣлъ тутъ Добрыня-та котла сварить,
Налетѣла на шатёръ да змѣя лютая,
Говоритъ ище ему да змѣя лютая:
«Я хоцю тебя Добрыня, на огни спалю,
Я хоцю тебя, Добрыня, во котлѣ сварю».
Ай да эти ему рѣци не по разуму,
За велику ему досаду показалосе,
Онъ хватилъ тутъ змѣю да за косы (такъ!) право,
Онъ хватилъ свой право жалѣзной прутъ,
Онъ вѣдь сталъ тутъ змѣю право постёгивать,
Да стала тутъ змѣя да извиватисе;

«Ты не бей-ко, юдалой доброй молодецъ!
Не стегай ты меня да змѣю лютую».
Онъ пуще сталъ змѣю право похвостывать,
Говоритъ-де ему да змѣя лютая:
«Ты не бѣй-же меня да змѣю лютую,
Ужъ я дамъ-же тебѣ да золоту казну».
Онъ и пуще сталъ змѣю право постегивать,
Изломалъ-ле онъ нынь право желѣзной прутъ,
Онъ хватилъ ищэ право да мѣнной прутъ,
Ёнъ пуще сталъ стегать да змѣю лютую,
Говоритъ ему змѣя да право лютая:
«Ты не бей меня, удалой доброй молодецъ!
Я тѣ дамъ ныньце коня ищэ доброго».
Говоритъ-ле Добрыня змѣи лютоей:
— Ты сулишъ-ле змѣя да сё омманывашъ.—
Изломался у его да право мѣнной прутъ,
Онъ хватилъ ище нынь право оловянной прутъ,
Ёнъ пуще сталъ стегать да змѣю лютую,
По худому змѣя да извиваетца,
А конается удалому доброму молодцу:
«Ты не бей-же меня да змѣю лютую,
Я тѣ дамъ ище собя да красную дѣвицу».
Онъ вѣдь пуще сталъ змѣю ище постегивать,
Оловянной прутъ у него не ломитсе,
Говоритъ тутъ удалой доброй молодецъ:
— Ты сулишъ-ле змѣя да сё омманывашъ.—
Она выблевала сперва ему золоту казну,
Она выблевала затимъ да коня доброго,
Ищэ выблевала ему да красну дѣвицу,
А говоритъ ищэ змѣя ему конаетца:
«Ты спусти меня, удалой доброй молодецъ».
Онъ спустилъ тутъ змѣю да право лютую,
Собиратца сталъ юдалой доброй молодецъ,
Онъ сломалъ свой шатёръ да бѣлобархатной,
Обсѣдлалъ онъ коней да право добрыихъ,
А садилса-сподобилса доброй молодецъ,
Онъ ётправалса-поѣхалъ съ красной дѣвицой,
Онъ нещадно повёзъ да золотой казны,
Онъ поѣхалъ ко родимой своей матушкѣ.
Доѣждяютъ-ле они да до своя мѣста,

До высокаго нова да право терема,
Ювидала тутъ его да родна матушка:
«Кабы ѣдётъ-ле моё да чадо милое,
Позади его ѣдётъ да красна дѣвица».
Какъ выходитъ-ле его да родна матушка,
А выходитъ она да на красно крыльцо,
А стрѣцяетъ-ле Добрынюшку Микитиця,
А стрѣцяетъ-ле она да красну дѣвицу.
Какъ заходятъ они ноньце во высокъ теремъ,
Обручились, помѣнелись они злачны персни,
Обвѣнчалисе, сошлись они въ Божьей церкви;
Кабы собрали они руськихъ богатырей,
Кабы сдѣлали они право почесенъ пиръ,
Пировали столовали трои суточки;
Послѣ того было ищэ послѣ пира,
Выводили, повалили во теплу лежню.

60.

Скопинъ.

Во стольнёмъ во городи во Кіеви,
У ласкова князя у Владимера,
Заводился пиръ, право, почесенъ столъ;
Розоставили столики дубовыя,
Настелили тонки новобранны скатерти,
Розоставили питья-ѣства сахарныя;
Собиралися всѣ они, съѣжжалися,
Да къ солнышку батюшку на почесенъ пиръ.
Они пьютъ-ле, пируютъ трои суточки,
Да всѣ на пиру стали пьянёшеньки,
Да всѣ на чесномъ стали веселёшиньки,
Да всѣ на пиру даприросхвастались:
Первой-отъ-ле хвастатъ золотой казной,
Другой-отъ-ле хвастатъ чистымъ серебромъ,
Юмнотъ-ле хвастатъ старымъ ётцомъ,
Старымъ-ле ётцомъ, старой матушкой,
Безумной-ле хвастатъ молодой жоной
И иной удачей молодецкоей,

А да хвасталъ Скопинъ да доброй молодецъ:
«Ужъ я много, Скопинъ, да по землямъ бывалъ,
Ужъ я много, Скопинъ, да городовъ биралъ,
Я не бравши-ле города не проѣжживалъ,
А Малюту-короля да во полонъ его взялъ,
У Малютныхъ дочерей, на грудяхъ лежалъ,
Опускалъ я руки ниже до пуповья,
А ищэ того пониже—вѣдь до чѐрева».
Услыхала тутъ вѣдь зла дочка Малютисна,
А эти ей рѣци да не по разуму,
За велику ей досаду показалосе,
Какъ выходитъ на гриню на столовую,
Подходитъ ёна ’ солнышку Владимеру,
Близешинько она, ’ солнышку подвигается
Низешинько она солнышку поклоняется,
Тихо-смирну свою рѣчь она выговариватъ:
«Ужъ ты ой еси, солнышко Владимеръ-князь!
Ты позволь-же мнѣ-ка да слово вымолвить,
Ты не будешь-ле меня за слово казнить,
Отсылати-ле миня въ ссылки дальніе?»
Говоритъ ей вѣдь солнышко Владимеръ-князь:
— Говори-же ты нонь да што те надобно,
Я не буду тебя да за слово казнить,
Отсылать я не стану въ ссылки дальніе.—
Говоритъ тутъ Малютисна таково слово:
«Ты позволь-же мнѣ отмѣрять цару зелена вина,
А поздравить надо нынь да люба кресника».
Говоритъ ей вѣдь солнышко Владимеръ-князь:
— Ты мѣряй-же цару зелена вина.—
А брала ёна цашечку серебрену,
А спускаласе во погребы глубокія,
Да намѣрила она цару зелена вина,
Невелику, немалу полтара ведра,
Ищэ клала коренья, да зелья лютого;
Загорѣлосе во царѣ да во серебреной,
Середи-то есь цары да есь пламё мецётъ,
По бокамъ-то есь цары да искры сыплютсе;
Выходитъ на гриню да на столовую,
Выноситъ ёна цару да зелена вина,
Выноситъ ёна цару правой рукой,

Во лѣвой рукѣ выноситъ своё цядо милое,
Подходитъ она ко столикамъ дубовыимъ,
Подходитъ ’ Скопину сыну Михайлову,
Близешинько ёна ’ ему подвигаетца,
Низешинько сама ему поклоняется:
«Ужъ ты ой есь, Скопинъ да сынъ Михайловъ!
Поздравить надо намъ любима кресника».
Говоритъ тутъ Скопинъ да сынъ Михайловичъ:
— А выпить мнѣ та цара — живому не быть,
А не выпить мнѣ цара, — виновату быть.—
А гледятъ-ле, смотрятъ всѣ руськи богатыри,
Середи-то есь цары да то пламё мецётъ,
По бокамъ-то есь цяры искры сыплютсе;
Онъ понадѣялся на силу на могучую,
На свою-ле удачу да богатырскую,
Онъ пьётъ эту цару да за единой духъ.
Сидитъ тутъ Скопинъ скоро непостарому,
Непостарому Скопинъ сидитъ, непопрежному,
Повеся онъ свою доржитъ буйну голову;
Скакалъ-ле со лавки, съ дубовой доски,
Черезъ ти ищэ столики дубовыя,
Онъ падалъ на середу кирпищатъ полъ;
Да на то были руськи-те богатыри,
Скочилъ ищэ старъ-казакъ Илья Муромецъ,
Подхватилъ онъ Скопина да за праву руку,
А скочилъ тутъ Добрынюшка Никитичъ-бладъ,
А Добрыня-то хватилъ его за лѣву руку,
Поставили они его на рѣзвы ноги,
Надѣвали на его его шубу куньюю,
Они клали его право пуховъ калпакъ,
Выводили Скопина да вонъ на юлицу;
Его доброй-отъ конь стоитъ обузданой,
Онъ обузданной конь его, обсѣдланной,
Посадили его да на добра коня,
Отправили его да во своё мѣсто.
Поѣхалъ Скопинъ да непостарому,
Непостарому ѣдётъ, непопрежному,
Доѣжжаетъ до своего высока терема;
Увидала его матушка родимая:
«Да ѣдётъ дитё моё непостарому.

Одва-ле онъ винно на кони сидитъ».
Мѣталасе она вонъ на улицу,
Стрѣчала она удала добра молодца,
Сымала его да со добра коня,
Ужъ стала у его она вѣдь спрашивать:
«Ужъ ты ой еси, моё дорого дитя!
Што-же ты пріѣхалъ непостарому?
Але пиръ-отъ тебѣ бывать непоюму?
Подносчики были бывать невѣжливы?
А винны-те цары да не доходили?
Але пивны стоканы да не доносили?»
Говоритъ ей Скопинъ да таково слово:
— Ой еси, родима моя матушка!
Поди-ко за попами, за причетниками,
Да надо мнѣ скоре нынце покаетца.—
Да скоро привели поповъ, причетниковъ,
Да покаялся Скопинъ сынъ Михаиловичъ,
Повалили его на лавку на брущатую,
Повалили подъ иконы подъ святы его.
Немножко прошло да тутъ времицька,
Приставилса Скопинъ сынъ Михаиловичъ,
Да сдѣлали ему гробъ да право вѣчной домъ,
Наверхъ обтенули да хрущатой камкой,
Да хоронили Скопина сына Михаиловича,
Погребли, похоронили да добра молодца.
Брала мати книжоцьку волховную,
Посмотрѣла она книгу волховную,
Надѣвала на себя да шубу куньюю,
Отправлялась она ’ солнышку Владимеру,
Доѣжжаетъ она до солнышка Владимера,
Говоритъ ёна солнышку Владимеру:
«Ужъ ты ой есь, солнышко Владимеръ-князь!
Не на пиръ зовёшь, да не столовать право,
Зовёшь да ле ты ноньце всё опаивашь,
Опоилъ ты у миня да цядо милое,
Какъ того-ле Скопина сына Михаиловича».

———

VII. ДЕРЕВНЯ УЕГЪ.

15. Анисимъ Өедоровичъ Вокуевъ.

Слѣпой старикъ изъ Уега, деревни въ 25 верстахъ отъ Устьцыльмы внизъ по Печорѣ. Это въ сущности замѣчательный человѣкъ. Обладая воловьимъ здоровьемъ, розовый какъ дѣвушка, несмотря на свои сѣдые волосы и 70 лѣтъ, Анисимъ громкимъ, какъ труба, голосомъ поетъ свои старины, которыя знаетъ твердо, поетъ складно, прекраснымъ напѣвомъ. Являлся Анисимъ въ мою большую, пустую, отводную квартиру убогимъ человѣкомъ, ведомый какимъ-нибудь малышомъ за палку; но придетъ, сядетъ на полъ, упершись спиной о стѣну, заговоритъ спокойно, нисколько не напрягая голоса и стекла зазвенятъ въ окнахъ, такъ, можно сказать, ужасенъ его голосъ. За свой удивительный голосъ, при участіи на сельскихъ сходкахъ, онъ слыветъ за „горлана", „горлопана" своего общества, которое, не смотря на свое убожество, онъ не дастъ ни кому въ обиду. Анисимъ очень уменъ, обладаетъ въ высшей степени здравымъ смысломъ и какой-то невѣроятной памятью: когда-то, много лѣтъ назадъ Анисимъ слышалъ въ чтеніи старообрядческія полемическія книги, впиталъ изъ нихъ существеннѣйшее и вотъ онъ защитникъ старой вѣры. Когда православный миссіонеръ устраиваетъ бесѣду со старообрядцами, Анисимъ, ведомый по улицѣ сынишкой за палку, смѣло является въ отводную избу состязаться въ вѣрѣ и часто своимъ зычнымъ голосомъ и насмѣшками гонитъ противника съ поля словесной битвы. За его умъ и острый языкъ его и уважаютъ, и побаиваются не одни однодеревенцы, гдѣ онъ положительно задаетъ тонъ; часто многіе устьцылемы обращаются къ нему за совѣтами въ тяжебныхъ дѣлахъ. Однажды, разсказывали мнѣ, мѣстный богачъ посылалъ Анисима въ качествѣ адвоката своего къ зырянамъ на Вашку, за 300 верстъ. Анисимъ хорошій семьянинъ,—

у него чуть-ли не 9 человѣкъ дѣтей; хорошій хозяинъ и зажиточный человѣкъ. Слушалъ я его въ Устьцыльмѣ, куда онъ пріѣзжалъ по какому-то таинственному дѣлу въ лодкѣ, тотчасъ послѣ того какъ вскрылась Печора. Кромѣ старинъ знаетъ и прекрасно разсказываетъ сказки, разсказываетъ также артистически, какъ поетъ и былины: безъ единой лишней строчки и слова. Поетъ Анисимъ и пѣсни, да въ большинствѣ такія, что какъ-то не вяжутся онѣ ни съ его дѣловитостью и серьозностью, ни съ тѣмъ, что онъ старообрядецъ и въ такихъ годахъ, когда его ровесники уже думаютъ о „прекрасной матери пустынѣ“.

61.

Святогоръ.

Ѣхалъ Светогоръ на Светыхъ горахъ; Илья Муромецъ его нагналъ, выдернулъ сырой дубъ и хватилъ по головѣ. «Ахъ, комаръ укусилъ!» сказалъ Светогоръ, оглянулса—человѣкъ. Онъ схватилъ его и вмѣстѣ съ конемъ въ карманъ посадилъ и впередъ поѣхалъ, а самъ и забылъ. Конь подъ нимъ и проговорилъ: «Какъ я могу нести васъ—два богатыря да и лошадь?». Светогоръ спомнилъ, сунулъ руку въ карманъ, вытащилъ; Илью къ стремени привезалъ, а лошадь сзади пошла. Поѣхали. Подъѣхали — два человѣка гробъ дѣлаютъ, тёшутъ въ гумажной листъ. Тогда спросилъ Светогоръ: «Кому этотъ гробъ дѣлаите?» — Про Светогора.— «А што, этотъ гробъ меня удёржитъ-ле?» — Ну-ко, отвѣдай, легъ.— Светогоръ и легъ, и вдругъ гробова доска наверхъ наскочила. Светогоръ говоритъ: «Ну-ко, Илья Муромечъ, ударь по одному-ту концу, не розсыплетсе-ле гробъ?» Илья ударилъ,— наскочилъ на одинъ конечъ желѣзной обручъ. И приказалъ по другому кончу ударить—наскочилъ другой. Ударилъ и по серёдкѣ, и по серёдкѣ обручъ наскочилъ. Сталъ Светогоръ умирать и говоритъ: «Илья Муромецъ! смотри: изъ меня пойдетъ пѣна жолта, ты не ворошъ; потомъ красна,— тоже не ворошъ; пойдетъ сѣра и ту не

ворошъ; а пойдетъ бѣла, возьми на персту́ и съѣшъ, небольно много; тогда сила тибѣ прибыдетъ». Илья взялъ й попало ему вноговато, и стало его помётывать, побрасывать отъ силы; и сталъ Илья темны лѣса съ кореньёмъ рвать, и цѣлу рѣку замѣталъ, ровно мостъ заставилъ. Тогда сила въ ёмъ прiусѣла; тогда сѣлъ на коня и поѣхалъ.

62.

Илья Муромецъ и голи.

А изъ далече-далече, изъ чиста поля,
Изъ того-же изъ роздолья изъ широкого,
Наѣжжала 'сё калика, всё убогая,
Кабы та-же сиротина да перехожая;
Со пути-ле, со дорожки да прiусталосе,
Захотѣлосе калики да опохмелитьсе,
А пошолъ-то-ле калика на царе́въ кабакъ,
А на то-же-ле онъ кружало да высударево;
А пришолъ-то-ле онъ калика да во царевъ кабакъ,
А сидятъ тутъ нонь какъ голи да всё кабацкiя,
Говоритъ-то имъ калика таково слово:
«Ужъ вы ой есь, право, голи да всё кабацкiя!
Ужъ вы сложте-ткось вы голи да по копеечкѣ,
А возьмите-ткось вы, голи, да нонь косушечку,
Опохмельте-ко вы, голи, да добра молодца».
Кабы сложились всѣ голи да по копеечкѣ,
Кабы взели право голи одну косушочку,
Опохмелили калику да добра молодца;
Кабы началъ тутъ калика, да сталъ похаживать,
Кабы крѣпко каблуками да полъ притаптывать:
«Ужъ вы ой есь, чумаки да чѣловальники!
Вы отмѣрейте вина мнѣ-ка на петьсотъ рублей,
Я петьсотъ-то-ле пропью, возьму на тысечу».
А не мѣряютъ ему на одну копеечку,
Говоритъ-то имъ калика во второй наконъ:
«Ужъ вы ой есь, чумаки да чѣловальники!
Вы отмѣрейте вина мнѣ на петьсотъ рублей,
Я петьсотъ-то-ле пропью, возьму на тысечу».
А не вѣрятъ-то ему на одну копеечку,

Кабы снялъ-то онъ съ себя да право чуденъ кресъ,
Кабы стоитъ этотъ крестъ да во петьсотъ рублей,
Въ долину-ту этотъ крестъ право три четверти,
Въ ширину этотъ нонь кресъ право двѣ четверти,
Въ толщину-ту этотъ кресъ право чѣла четверть;
Кабы бросилъ имъ за стойку да за кабацкую:
«Вы отмѣрейте вина мнѣ-ка на петьсотъ рублей,
Я петьсотъ-то пропью, возьму на тысечу».
Не берутъ-то чумаки его-ле чуденъ кресъ,
А не мѣряютъ вина ему на копеечку;
А то взялъ-то назадъ какъ свой чуденъ крестъ,
А схватилъ онъ чумака да за черны кудри,
Кабы вытащилъ изъ за стойки изъ за кабацкоей,
Кабы здынулъ-то его какъ выше головы,
А свиснулъ-то нонь его да о кирпищатъ полъ,
Кабы тутъ-ле чумаку да смерть случилосе.
А одна-то бѣда случилась, надо друга доспѣть,
Побѣжалъ-то онъ ко дверямъ да ко подвальніимъ,
А топнулъ-то онъ-ле двери да какъ подвальнія,
А сломилъ ноньце онъ двери-ти подвальнія,
А берётъ онъ сороковку во праву руку,
А другую сороковку да во лѣву руку,
А третью-ту сороковку да онъ пинкомъ пинатъ;
Кабы выхватилъ на площадь на широкую,
Роздубанилъ сороковки да съ зеленымъ виномъ:
«Ужъ вы ой еси, вы голи да всѣ кабацкія!
Кабы пейте вы вина да сколькі хочите,
Сколькі хочите вы пейте, сколькі можите,
Поминайте вы калику да добра молодца,
А старого-де казака да Илью Муромца».

63.

Никита Романовичъ, рожденіе и дѣтство Добрыни.

Кабы прежде Резань да слободой слыла,
Кабы ноньче Резань да славенъ городъ сталъ.
А прославилась Резань да добрымъ молодцомъ,
Кабы тѣмъ-же Микитушкой Романовымъ,

Кабы тотъ-же Микита сынъ Романовичъ,
Кабы умноётъ былъ, право разумной-же,
Кабы тихоётъ былъ, да онъ смирёной-же,
Кабы спо́роётъ былъ, да онъ варовой-же,
А досу́жоётъ былъ и проворной-же,
А уда́лоётъ былъ, да онъ едрёной-же;
Онъ имѣлъ въ сибѣ силу да богатырьскую,
Онъ имѣлъ у ся палицу тежолую,
Онъ тежолую палицу, не лёккую,
Онъ не лёккую палицу—девеносто пудъ,
Онъ имѣлъ у ся, Микита, да молоду жону,
А чесну жону Офимью да Костеньтиновну.
Онъ изжилъ своё да время строчноё,
Кабы строчное время—девеносто лѣтъ,
А состарилса Микитушка—преставилса.
Оставалось у Микиты молода жона,
А честна вдова Офимья Костеньтиновна,
Оставалосе она право беременна;
Износила она какъ время строчноё,
Кабы строчноё время нонь сорокъ нидѣль,
А исполнила она какъ деветь мѣсецовъ,
Родила-то она какъ сына отрока.
А со той-же со радости великоей,
Кабы собрали поповъ, дьяковъ духовныихъ,
А причетниковъ какъ собрали церковныихъ,
Нарѣкали какъ ему да лёкко имяцько,
Кабы тотъ-же Добрынюшка Микитиць-бладъ.
А со той-же нонь со радости великоей,
А завелса у ихъ право почесенъ пиръ,
Пировали столовали трои суточки.
А ростётъ-то Добрынюшка Микитиць-бладъ,
Онъ не такъ-де ростётъ какъ у людей ростутъ:
У кого-де ростётъ какъ чѣльной мѣсяцъ-же,
Столь Добрынюшка ростётъ въ одну недѣлюшку;
У ково-де ростутъ право по́лгода,
А Добрынюшка ростётъ да въ одинъ мѣсецъ-отъ;
У кого-де ростутъ да цѣльной годицокъ,
А Добрынюшка ростётъ столь право въ по́лгод ;
Кабы выросъ Добрынька годовъ пети́шта-же,
Кабы началъ Добрынюшка похо́живать,

Онъ по улицамъ играть да по широкiимъ.
Онъ какъ тихой-отъ родилса да нонь смирёной-же,
Кабы скорой-отъ родилса нонь варовой-же,
Кабы умной онъ родилса, самъ разумной-же,
Отъ отца-то онъ родилса какъ отъ умного,
Какъ отъ матушки родилса отъ разумной-же,
А въ кого будетъ дитя оно неумноё?

64.

Алеша Поповичъ, Екимъ и Тугаринъ.

Ай да ѣздили богатыри по чисту полю,
По тому-же раздолью по широкому,
А одинъ-то Олёшинька Поповиць-бладъ,
А другой-отъ Екимъ слуга паропокъ.
Доѣзжали до ростаней до широкiихъ,
А ёдна это дорога въ славной Кiевъ-градъ,
А другая-та дорога право въ Новой-градъ,
А третъя́я-та дорога во Черниговъ-градъ,
Говоритъ-то нонь Олёшинька Поповиць-бладъ:
«У насъ въ Кiевѣ-де градѣ было бывано,
Кабы Кiевскому князю было служено,
Во Новѣ-то-ле гради было бывано,
Новгородцькому князю было служено,
А поѣдемъ таваришъ во Черниговъ-градъ,—
Во Черниговѣ-то гради о насъ не бывано,
Какъ Черниговскому князю у насъ не служивано».
А поѣхали они да во Черниговъ-градъ,
А прiѣхали они да во Черниговъ-градъ,
Становили-то коней середи двора,
Не привязанныхъ коней, да не приказанныхъ:
«А до нашихъ лошадей да штобы дѣла нѣтъ».
А зашли они во гриню княженевскую,
Кабы молятся они да Восподу Богу,
Кабы крестъ-отъ кладутъ да по писанному,
А поклонъ-отъ-де ведутъ да по уче́нному,
А молитву-ту творятъ да полну Сусову,
На вси стороны чотыре да поклоняются,
На особину князю право Черниговскому;

А сидитъ за столомъ да за дубовымъ,
Онъ сидитъ-то со княгиной, съ молодой жоной,
Межъ нима сидитъ тотаринъ-отъ поганой-же,
А по имени зовутъ его—Тугаринъ Змѣевъ,
Межъ князёмъ-то-ле онъ сидитъ, да межъ княгиною,
Какъ-ле дёржитъ онъ свои-то руки бѣлыя,
У княгины-то онъ дёржитъ руки въ пазухи,
Онъ пихатъ-то ей да руки вплоть до черева.
Говорятъ-то-ле эти два богатыря,
А тому-же князю они Черниговскому:
«У тя нѣту-ле намъ мѣста сѣсть порóзного?»
Говоритъ-то имъ князь право Черниговской:
— У мня нѣту вамъ мѣста нынь порозного,
Кабы всѣ у меня мѣста право призаняты.—
Говорятъ-то богатыри таково слово:
«Ужъ мы видимъ какъ у тя да есть три мѣста намъ,
А одно-то ноньце мѣсто насопротивъ тебя,
А другое-то мѣсто возлѣ тя сидѣть,
А третьёе-то мѣсто на печкѣ на муравленкѣ».
Говорилъ-то имъ князь право Черниговской:
— Ужъ вамъ Богъ съ вами съ печкой съ муравленной».
А-бы сѣли они на печку на муравленку,
Кабы смотрятъ на князя да со княгиною,
Кабы што-же тутъ ведётъ право Тугаринъ Змѣевъ;
Принесли ему коврижку право нерушенную,
Онъ и сунулъ сѣ въ гортань, ее чѣлкомъ зглонулъ,
Говоритъ-то тутъ Олёшинька Поповицъ бладъ:
«Ужъ ты ой еси, Екимъ да слуго-паропокъ!
Кабы помнишъ-ле ты, да помятуешъ-ле:
Какъ у нашего сударя свѣта-батюшка,
А у Ѳедора у попа у Ростовскаго,
А была у его корова право старая,
Кабы старая коровищо, мохнатая,
По загороду корова да волочиласе,
Улавиной корова задавиласе,—
Кабы этому Тугарищу не миновать того».
Принесли ему лебедушку нерушану,
А заткнулъ онъ на ножикъ ей—чѣлкомъ зглонулъ;
Говоритъ-то тутъ Олёша да во второй наконъ:
«Ужъ ты ой еси, Екимъ да слуга-паропокъ!

Уже помнишъ-ле ты, да помятуешъ-ле?
А у нашего сударя свѣта-батюшка,
А у Ѳедора попа да у Ростовскаго,
Какъ была у его нонь старая собачища,
По-подстолью собака волочилосе,
Кабы косью собака подавилосе,
Кабы этому Тугарину не миновать того».
Какъ на то былъ нонь Тугаринъ-отъ догадливой,
Онъ схватилъ себѣ чинжалище булатенъ ножъ,
Кабы бросилъ онъ на печку на муравленку,
А во этихъ-то удалыхъ добрыхъ молодцовъ;
А на то были робята-ти увёрточны,
А схватили-то чинжалище булатенъ ножъ;
Говоритъ-то тутъ Екимко слуга-поропокъ:
«Ужъ ты ой еси, Олёшинька Поповицъ-бладъ!
Ужъ ты самъ его разишъ, але мнѣ-ка велишъ?»
— Ужъ я самъ-то не ражу и тебѣ не велю,
Ковда выѣдётъ онъ на полѣ на чистое,
А кому-де Богъ дастъ Божья помочь.—
А на то былъ-де Тугаринъ-отъ догадливой,
Побѣжалъ-то Тугаринъ вонъ на улицу,
Кабы вынелъ онъ тутъ крыльё тутъ гумажное,
Подвезалъ къ себѣ онъ крыльё-то гумажноё,
Полетѣлъ-то онъ, поднялса вверхъ на воздухъ-отъ.
А пошли эти богатыри во Божью церковь,
А змолились они Спасу Вседержителю,
Присвятой Мати Божьей Богородицѣ,
А тому-же какъ Миколы свѣтъ-Можекскому,
Штобы дали они право мокра дожжа,
А смочили штобы крыльё какъ гумажноё,
Штобы палъ-то Тугаринъ на сыру землю.
Поднялася-ле тутъ да темень-тёмная,
Темень-тёмная тутъ, да туча грозная,
Кабы съ тѣмъ-ле она со мокрымъ дождёмъ,
Кабы палъ-то Тугаринъ на сыру землю;
А увидѣлъ тутъ Олёшинька Поповицъ-бладъ,
А садилса-ле скоро да на добра коня,
Погонилъ то-ле скоро да во чысто поле,
Нагонилъ онъ какъ скоро нонь Тугарина,
Кабы самъ онъ ему сталъ выговаривать:

«Кабы ой еси ты право, Тугаринъ Змѣевъ!
Кабы што у тя взади-то за шумъ шумитъ?
Кабы што у тя взади-то за громъ гремитъ?»
Кабы сталъ Тугаринъ на лѣво да поворачиватсе,
Да смотрѣть у себя што на зади-то есь,
Подгонилъ-то Олёшинька Поповичъ-бладъ,
А со правого-то боку подгонилъ къ ему,
Кабы тюкнулъ его да саблёй востроей,
А срубилъ у его да буйну голову,
Онъ заткнулъ головý да на востро копьё,
А привезъ ее ко князю ко Черниговскому:
«Ужъ ты ой еси нонь, князь право Черниговской!
Ужъ вамъ нате голова право тотарьская,
Кабы вашего она-то непріятеля».
А скочилъ тогда-де на ноги князь Черниговской:
— Ужъ вы ой еси, удалы да добры молодцы!
Кабы руськіе могучіе богатыри,
Заходите-ткось ко мнѣ да на почесенъ пиръ,
А садитесе-ко вы да куды хочите,
А одно-то вамъ мѣсто право возли меня,
А друго-то вамъ мѣсто напротивъ меня,
А третьёё-то мѣсто—куды здумаите.—
Говорятъ-то ему какъ добры молодцы:
«Кабы Богъ съ тобой, съ мѣстами да твоима-же,
На пріѣздинахъ гостей ты не учёствовалъ,
На поѣздинахъ гостей не учёствовать».

65.

Василій Казимировичъ.

А во славномъ во городѣ во Кіёвѣ,
А у ласково у князя у Владимера,
А у той-же княгины да мать Апраксіи,
Кабы было пированьё-столованьё,
А на многи князи, всё на бояра,
А на руськихъ могучихъ сё богатырей,
А на тихъ поленицъ да злыхъ удалыихъ,
А на тѣхъ-же купчей, гостей торговыихъ,

А на лучшихъ хресьянъ да православной міръ.
Кабы пиръ-отъ идётъ нонь о полу́пира,
Кабы столъ-отъ идётъ нонь о полу́стола,
Кабы день-отъ идётъ, братцы, ко вечеру,
Кабы солнышко катитсе ко западу,
У насъ всѣ-ле на пиру да напивалисе,
У насъ всѣ-ле на чесномъ да наѣдалисе,
Кабы всѣ-ле на пиру стали пьяны веселы,
Кабы всѣ-ле на чесномъ да приросхвастались;
Кабы воры-ти бояра какъ подмолвщыки,
Они злы-ле толстобрюхи подговорщыки,
А подмолвили князя они Владимера:
«У насъ всѣмъ ноньце боярамъ служба явлена,
У насъ всѣмъ богатырямъ служба надмѣчена,
А да Васиньки да службы право долго нѣтъ;
Касимирову нонь служобка надмѣчена:
Кабы съѣздить ему да въ землю дальнюю,
А во дальнюю землю, да во невѣрную,
Къ Абату́ю царю да къ Аботу́еву,
А свести ему пошлина великая:
Кабы сорокъ свести да ясныхъ соколовъ,
Кабы сорокъ свести да бѣлыхъ кречетовъ,
Кабы сорокъ свести да ему жеребцовъ,
Кабы тѣхъ-же жеребцовъ синегривыихъ,
Кабы сорокъ свести ему черныхъ соболёвъ,
Кабы сорокъ свести да добрыхъ молодцовъ,
Кабы сорокъ дѣвицъ да блады-красныихъ,
Кабы штуку свести да чиста серебра,
Кабы кипу свети да красна золота,
Кабы ми́су свести да скатна жамьцюга».
А на то былъ Владимеръ-князь догадливой,
Наливалъ онъ скоро цару зелена вина,
А немалу невелику полтора ведра,
А припалнивалъ чашу пива пьяного,
Кабы турей-ле рогъ да ме́ду сладкого,
На закуску колачикъ бѣлъ-крупищатой;
А подноситъ Владимеръ передъ золотъ столъ:
«Ужъ ты ой еси, удалой доброй молодецъ!
Кабы руськой нашъ магучей сильнѣй богатырь,
Молодыя Василей Касимировичъ!

Ужъ ты выпей-ко нынь цару да отъ меня князя,
Послужи-тко мнѣ князю ты вѣрой-правдою,
Ты вочью́-ле, позаво́чью неизмѣнною,
Кабы съѣзди-ткось ты нонь въ землю дальнюю,
А во дальнюю землю, да во невѣрную,
Къ Абату́ю царю да Аботу́еву,
А свези-ко ему пошлина великая . . . *)
А берётъ-то эту цару во праву руку,
Кабы пьётъ-то эту цару къ едину́ духу,
Запиваётъ-ле Васька пивомъ пьяныимъ,
Заѣдаетъ-ле Васька мёдомъ сладкіимъ,
А закусыватъ колачёмъ бѣлъ-крупищатымъ,
Кабы самъ-же онъ за чарой выговариватъ:
«Кабы сколько-ле я радъ право ца́ры-то пить,
Я вдвоёмъ-де, втроёмъ радъ службы служить,
Я для князя-то служить, хоть головы сложить.
Ужъ ты солнышко батюшко Владимеръ-князь!
Ужъ ты дай-кось ты мнѣ-ка во товарыща,
А того-же нонь Никиту Пришироко́го,
Ты ищэ-же мнѣ дай-ко во товарыща,
Молодого какъ Потанюшку Вахро́мого».
А на то-ле былъ Владимеръ-князь догадливой,
Наливалъ онъ скоро цару зелена вина,
Онъ немалу невелику—полтора ведра,
А приполнивалъ чашу пива пьяного . . . (и пр.)
«Ужъ вы ой еси, удалы добры молодцы!
Ужъ вы руськіе могучіе богатыри,
Ужъ вы выпейте по чарѣ зелена вина,
Послужите-ткось мнѣ князю вѣрой правдою,
Вы вочью́-ле позаво́чью неизмѣнною,
Ужъ вы съѣздите съ Васильёмъ Касимировымъ,
А свезите вы пошлина великая».
А берутъ кабы богатыри во праву руку,
Кабы пьютъ эту цару къ едину духу . . . (и пр.)
Говоритъ-то имъ Василей Касимировичъ:
«Ужъ вы ой еси, дружина моя хоробрая!
Ужъ пойдёмте мы, робята, во Божью церковь,
Мы помолимся, робята, Восподу Богу,

---

*) Перечисляется по старому—выпущено.

А тому-же нонь Спасу Вседоржителю,
Присвятой Матери Божьей Богородицѣ.
А тому-же какъ Миколы свѣтъ-Моженскому».
Говоритъ-то тутъ князю онъ Владимеру:
«Приготовте-ко вы намъ право черленъ карапъ,
Вы сносите эту пошлину великую,
Вы складите-ко всё это во черленъ карапъ.»
Кабы всё-де они склали, приготовили,
А пришла эта дружина изъ Божьей церквы,
А ступила какъ она да на черленъ карапъ,
Тутъ скомандовалъ Василей Касимировичъ,
Онъ обрать эти сходенки дубовыя,
Кабы взеть якоря да карабельнія,
А подынуть паруса право полотнены;
Кабы далъ имъ Господь тишины пособное,
Кабы скоро перенесло ихъ за синё морё.
Забѣжали во гавани во тихія,
Опускали какъ парусы полотнены,
А поклали-де сходенки дубовыя,
А пошолъ-то тутъ Василей Касимировичъ,
Ко Бату́ю царю да Аботу́еву,
А съ докладомъ ему да доложитися:
«Ужъ вы ой еси, вы царско вы величесво!
Привезли мы вамъ пошлину великую,
Отъ того-же нонь отъ князя отъ Владимера,
Ужъ мы сорокъ привезли вамъ ясныхъ соколовъ... *)
Привезли мы вамъ пошлину великую,
Вы примите-ко отъ насъ да поскоре себѣ».
Говоритъ тутъ нонь царь да Аботуевичъ:
— Я топере отъ васъ, робята, не приму къ себѣ,
Сослужите-ткось мнѣ службу каку я велю:
У тя есь-ле молодцы да преучёныя,
А съ моими борьцами да поборотисе?—
Говоритъ ему Василей Касимировичъ:
«Кабы зналъ я науки ваши царскія,
Я привёзъ-бы молодцовъ тѣхъ преучёныихъ,
Со твоима борьчами поборотися,—
А надѣюсь какъ на Спаса Всёдоржителя,

*) Перечисленіе того, что привезли,—выпускается.

На Присвѣту-ле Матерь Божью Богородицу,
На того-же Миколу на Моженского,
На своёго на брата на названого,
Молодого-ле Потанюшку Вахро́мого!»
Кабы позвалъ дружину да прихоробрую,
Со того-же со карабля черленаго:
«Ужъ ты ой еси, Потанюшка Вахро́минькой!
Ты не можешъ-ле съ борьцами да побороти́се?»
Кабы выбралъ царь борьцовъ да до шестидесятъ,
Изъ шестидесятъ борцовъ да до шести-то ихъ,
Изъ шести-то ихъ какъ выбрали какъ трёхъ-то ихъ;
А пошолъ-то нонь Потанюшка Вахро́минькой,
Говоритъ-то онъ Василью Касимирову:
«Кабы какъ мнѣ позволишъ побороти́се:
Поединкѣ съ има-ле, со всима-ле вдругъ?
Говоритъ ему Василей Касимировичъ:
— Ужъ-де какъ твоя сила нонь берётъ съ има,
По одинкѣ съ има, хошъ и всѣхъ-ле вдругъ.»
Ево ясны-ти очи помутилисе,
Какъ горячи-ти слезы покатилисе,
А могучіе-то плеця расходилисе,
Молодецко ево серцо да розъярилосе,
Онъ одного-то берётъ какъ во праву руку,
А другого-то берётъ онъ во лѣву руку,
А третьо́го-то берётъ сибѣ ме́жъ-руки,
Кабы выше своей изъ вызнялъ головы,
Кабы кинулъ, свиснулъ ихъ о сыру землю,
Кабы тутъ-то-ле имъ да смерть случилосе.
Говоритъ опеть Василей Касимировичъ
Абату́ю царю да Аботу́еву:
«Вы примите у насъ пошлины великія».
Говоритъ ему нонь царь да Аботуевичъ:
— Ты привезъ-ле молодцовъ мнѣ поучёныихъ,
А съ моима-ле стрѣльцями пострѣлетися?—
Говоритъ ему Василей Касимировичъ:
«Кабы зналъ ваши науки право царскія,
Я привезъ-бы молодцовъ да поученыихъ,
Я надѣюсь какъ на Спаса Содержителя...
На своего затимъ брата на названого,
На того-же Микиту Приширокого».

Приказалъ царь принести имъ нонь тугой лукъ,
А несутъ его придворны право тугой лукъ,
Подъ однымъ концёмъ несутъ тридцеть тотариновъ,
Подъ другимъ концомъ несутъ тридцеть тотариновъ,
Подъ середоцькой несутъ тридцеть тотариновъ,
Кабы бросили на матушку сыру-землю,
Подрожала тутъ матушка сыра-земля;
Принесли-то какъ нонь стрѣлочку каленую,
Кабы тоже несутъ тридцеть тотариновъ,
А несутъ-то тетивочку шолковую,
А несутъ-то-ле ей тридцеть тотариновъ;
А пришолъ-то Микита Пришитрокой-же,
Кабы взялъ онъ этотъ нонь тугой лучокъ,
Онъ поставилъ конечъ да на сыру землю,
Кабы прижалъ онъ, Микита, ихъ тугой лучокъ,
Розломился тутъ лукъ на мелки дребезги,
Онъ убилъ дребезгами сто тотариновъ;
Кабы самъ-же онъ затѣмъ да выговаривалъ:
«Какъ у нащого-то князя у Владимера,
Кабы этими луками бабы шерсти бьютъ».
Говоритъ-ле тутъ Василей Казимировичъ
Абату́ю царю да Аботу́еву:
«Ты прими-ко у насъ пошлина великая,
Отпусти-ко-ся ты насъ да добрыхъ молодцовъ».
Говоритъ-то ему какъ Абатуй нонь царь:
— Ты гораздъ-ле играть со мной во шахматы?—
«Я надѣюся на Спаса Вседоржителя...
Я надѣюся на ся, на добра молодца,
Поиграти съ тобой какъ въ мелки шахматы».
Они начали играть какъ въ мелки шахматы,
Они первой разъ ступили—царь не доступилъ,
Они второй разъ ступили—царь переступилъ,
Кабы третей разъ ступили, дакъ онъ съ доски упалъ,
А схватилъ его Василей за черны кудри,
Кабы здынулъ его какъ выше головы,
А свиснулъ-то его да о кирпищатъ полъ,
Какъ и тутъ-то царю да смерть случилосе.
Говоритъ-ле тутъ Василей Касимировичъ:
«Ужъ я што-же сижу, да на кого глежу?
Выдаваю своихъ братьёвъ я назяанныихъ».

Онъ бросилсе Василей вонъ на улицу,
Кабы взялъ свою палицу буёвую,
Кабы началъ онъ палицей помахивать,
А куды-же онъ махнётъ дакъ лежитъ улица,
Поворотъ куда даётъ дакъ—переулками;
А Микита взялъ обломки у туга лука,
Онъ-де началъ обломками помахивать,
А Потанюшка схватилъ тотарина кой больше всѣхъ,
Кабы началъ онъ тотариномъ помахивать;
Они бились тутъ, дрались да чѣлы суточки
Не пиваючись они, да не ѣдаючись,
А на малой-де часъ здоху не имѣючись,
А прибили они всѣхъ до единого,
Ради вѣсти какъ оставили единого.
А пошли они тогда на свой черленъ карапъ,
Кабы далъ Богъ имъ тишины пособной-же,
Возратились они на свою сторону;
А пошли это они да во Божью церкву,
Помолилися они какъ Восподу Богу,
А тогда пошли-ко князю ко Владимеру,
А предложили поѣзку молодецкую,
Тогда сдали посылку всю князевскую,
Кабы всю назадъ всю пошлину великую.
А со той-же со радости великоей,
Завелса тутъ у князя-то почесенъ пиръ.

66.

Лука Даниловичъ, змѣя и Настасья Салтановна.

Ай да жилъ-то Данило сынъ Игнатьевичъ,
Онъ имѣлъ при себѣ да чадо милого,
Молодого Луку сына Данилова,
Кабы возрастомъ былъ—двенаццеть лѣтъ.
А пошолъ-то Данило во Божью церковъ,
Во Божью-ту церковъ Богу молитисе,
Розбудилъ онъ своего чада милого,
Молодого Луку сына Данилова;
Онъ ушолъ, Данило, во Божью церковъ,

Оставался Лука, да онъ заснулъ впередъ.
Миновалосе время, право, дивно-же
Прохватилса Лука да сынъ Даниловичъ:
Онъ пошолъ за отцомъ да во Божью церковъ,
Онъ пришолъ-то ко дверямъ ко церковнымъ,
Онъ послушалъ пѣтьё-четьё церковное,
А послѣнни салмы право читаютъ-же;
Онъ-де думаётъ, Лука, да въ уми-въ разуми,
Кабы мыслитъ онъ во мысляхъ богатырскіихъ:
«Ожъ я воръ-ле приду, право, разбойникъ-ле?
Я ночной-ле приду подорожникъ-ле?
Я пойду лучче, Лука, во зелены луга,
Погуляю я то время, до обѣдни-же».
А гуляётъ Лука во зеленыхъ лугахъ,
Подходила тутъ вода да синеморская,
Понимала тутъ вода всѣ зелены луга,
А стоялъ тутъ Лука да поколѣнъ воды,
А стоялъ-то Лука да до поясъ воды,
А стоялъ-то Лука да до грудей воды;
Подносило тутъ колоду водоплавную,
А заскакивалъ Лука да на колодину,
Относило колоду да во синё морё,
Переносило колоду да за синё морё,
Подносило ей подъ горы Сорочинскія.
А завидѣла Луку да змѣя лютая,
Надлетѣла надъ Луку сына Данилова,
Забрала его въ свои да она хоботы,
Во свои-ти-ле хоботы змѣинныя,
Подняла его на горы Сарочинскія,
Опускала-то его да на сыру землю,
Овернулась она дѣвицей млады-красноей:
«Ужъ ты ой еси, Лука да сынъ Даниловичъ!
Сотворимъ-кось мы съ тобой любовь тѣлесную,
А тѣлесну любовь со мной, прилесную,
Кабы вывьёмъ мы съ тобой, право, тепло гнѣздо,
Кабы выведёмъ съ тобой да мы малыхъ дѣтей,
Кабы малыхъ-то дѣтей съ тобой змѣинныихъ.»
Говоритъ-то Лука да сынъ Даниловичъ:
— Ужъ ты ой еси, проклята змѣя лютая!
Не творю я нонь съ тобою любовь тѣлесную,

Я тѣлесну любовь съ тобой, прилесную.—
Говоритъ-то змѣя да таково слово:
«Ужъ ты ой еси, удалой доброй молодецъ,
Молодыя Лука да сынъ Даниловичъ!
Заберу я нонь тебя во свои хоботы,
Отнесу-ле я тебя да во синё морё,
Потоплю-ле я тебя да во синёмъ морѣ».
А схватилъ-то Лука на ныньче сырой дубъ,
Кабы выдернулъ-ле дубъ онъ со всемъ съ коренёмъ,
Онъ одёрнулъ змѣю да право лютую,
Кабы тутъ-то змѣи да смерть случилосе.
Онъ пошолъ-то Лука да по темнымъ лѣсамъ,
Онъ-де вышолъ на дорогу да на трахтовую,
Онъ идётъ-то по дорогѣ да трахтовоей,
А завидѣлъ-то Лука да стоитъ большой градъ,
А идётъ-то онъ, Лука, право ко городу,
Кабы стрѣтилось калика перехожая,
А спрашиватъ Лука да сынъ Даниловичъ:
«Ужъ ты ой еси, калика да перехожая!
Это чьё-жо стоитъ царсво привеликое?»
— Эта царсво всё Салтана да нонь Турецкое,
По прозванью этотъ городъ—Киселиковъ-градъ.—
«Здѣся кормятъ-ле, поятъ-ле людей добрыихъ?
Кабы добрыхъ-ле людей, да заблудящіихъ?»
— У насъ кормятъ и поятъ да людей добрыихъ,
Кабы добрыхъ-ле людей, да заблудящіихъ,
Кабы кормятъ и поятъ, да на дорогу даютъ.—
Онъ пошолъ-то Лука да въ Киселиковъ-градъ,
Онъ зашолъ-то въ сады право салтановы,
Онъ гуляётъ, Лука, во зеленыхъ садахъ;
А завидѣла Луку да дочь Салтановна,
А послала своего слугу вѣрную,
А позвать-то къ себѣ да добра молоцца;
А привёлъ-то слуга Луку Данилова,
А ко той-же Настасьи дочь Салтановны;
Завела его Настасья въ свои горницы,
Кабы начала его она да спрашивать:
«Ты какой? откуль? дѣтина! чей? незнаемой?
Ты незнаемой, дѣтина! чей? невѣданной?
Кабы какъ тебя, дѣтина, именёмъ зовутъ?

Величаютъ-ле тебя да изъ отечества?»
— Я изъ за́ моря, дѣтина, да изъ за синяго.
Я того же Данила какъ Игнатьева,
Я попалъ-то сюда право нечаемо,
Иминёмъ зовутъ—Лука да сынъ Даниловичъ,
Кабы отроду-то мнѣ-ка—лѣтъ двѣнаццети.—
Говоритъ ему Настасья дочь Салтановна:
«Ужъ ты ой еси, Лука да сынъ Даниловичъ!
Ужъ мы примемъ-ко съ тобой право законной бракъ,
Ты возьми меня, Лука, да во замужество,
А приди-кось ты къ намъ сыномъ воспріемныимъ».
Кабы ему эти рѣчи пригленулисе,
А Настасьины-то рѣчи прилюбилисе,
Онъ сталъ ей брать да во замужество;
А пошла она къ своёму да родну батюшку,
Ко тому-же ко Салтану да ко Турецкому:
«Ужъ ты ой есь, мой родимой право батюшко!
Ужъ ты дай-ко-ся мнѣ благословленьица,
Ужъ мнѣ взеть на себѣ да жониха ноньце:
Пріискала я удала да добра молодца,
Малодого Луку сына Данилова,
Иностранного его, да заблудящого;
Онъ изъ за моря пришолъ сюда, изъ за синёго,
А того-же Данилы всё Игнатьева,
Онъ даваицце суда намъ въ принеты съ табой».
Говоритъ-то Салтанъ ей таково слово:
— Ужъ ты ой еси, моя дочи любимая!
Приведи-кс-сь ты его да напоказъ ко мнѣ,
Посмотрю его самъ да я въ лицо къ себѣ.—
Привела его Луку сына Данилова,
Кабы та-же Настасья дочь Салтановна;
Посмотрѣлъ его Салтанъ право Турецкія,
Онъ понравился ему какъ доброй молодецъ;
Кабы спрашиватъ удала добра молодца:
«Тебѣ глянецца-ле Настасья дочь Салтановна?
Ты идёшъ-ле ноньце къ намъ да въ принеты на ей?
Мѣсто сына-та къ намъ, да мѣсто родимого?
Кабы станешь-ле насъ ты почитать и слушати?»
Завелась у нихъ названна скора свадебка,
А поѣхали они да во Божью церковъ,

Кабы принели они, право, законной бракъ,
А завелса у Султана-та почесенъ пиръ,
Пировали-столовали чѣльной мѣсяцъ-же.
А прошло это времё, чѣльной мѣсецъ-же,
Говоритъ-то тутъ Лука да сынъ Даниловичъ:
«Ужъ ты ой еси, моя да молода жона!
Кабы та-же нонь Настасья дочь Салтанова!
Ты просп-ко у отца право черлёнъ карапъ,
Кабы збѣгать-ле намъ да за синё морё,
Ко моёму-то сударю свѣту-батюшку,
Ко тому-же Данилу да ко Игнатьеву».
А пошла-то Настасья да дочь Салтановна:
«Ужъ ты ой еси, родитель мой какъ батюшко!
Ужъ ты дай-ко-се-ле намъ, право, черленъ карапъ,
Кабы збѣгать-то-ле намъ да за синё морё,
А ко нашому сударю свѣту батюшку,
Ко тому-же нонь Данилу ко Игнатьеву,
Показатсе ноньче намъ, право, проздравитсе,
Со законнымъ-то нашимъ, право, браки-же».
А позволилъ имъ Салтанъ, право, Турецкіи,
Онъ-то далъ-же имъ съ собой право черленъ карапъ,
Со прислугою, со всемъ да, право, съ войскимъ-же,
Говорилъ-то онъ своему, право, войскому:
«Починяйтесь вы Луки сыну Данилову,
Какъ вы слушали миня, также его слушайте;
Ужъ ты ой еси, моя дочи любимая!
Затимъ ой еси, Лука да сынъ Даниловичъ!
Вы побытьте, право, тамъ, да попируйте-же,
Возратитесе назадь нонче ко-мнѣ суда».
А пошли-то они да на черлёнъ карапъ,
Провожаётъ ихъ Салтанъ да со всей съ музыкой,
Со стрѣльбою, со пальбою, со всѣма-же ихъ;
Проводили какъ ихъ съ чесью, право, съ радосью.
Кабы далъ имъ Богъ нонь тишины пособной-же,
Кабы поднели-ле парусы полотнены,
Кабы бѣжатъ нонь они да по синю морю.
А бѣжали-то они какъ трои суточки,
Забѣжали-то во галапп во тихія,
Опускали они парусы полотненны,
Помѣтали они якори карабельныя,

А поклали они сходенки дубовыя;
Собралися тутъ народъ, право, православной міръ,
Встрѣчаютъ-то его какъ съ чесью, съ радосью,
Молодого-то Луку сына Данилова,
А стрѣчаютъ какъ его да съ молодой женой,
А со той-же Настасьей дочь Салтановной.
А услышалъ какъ Данило сынъ Игнатьевичъ,
Онъ про ту-же пріѣзку молодецкую,
А своёго-то они какъ чада милого,
Молодого Луку сына Данилова,
Съ молодой его женой, братцы, съ любой семьёй,
А стрѣчаютъ-то его какъ съ чесью, съ радосью.
А со той-же какъ со радости великоей,
А завёлся у Данила-та почесенъ пиръ,
Пировали-столовали чѣлу нидѣлюшку,
Говоритъ-то тутъ Лука да таково слово:
«Ужъ ты ой еси, родитель мой какъ батюшко!
Ужъ ты дай-ко-се-ле мнѣ благословленьичо,
Отъ буйной-то главы до сырой земли,
Я ушолъ отъ тя къ Салтану вмѣсто сына-же».

Дальше старина передана пересказомъ: «отецъ—Данило Игнатьевичъ сталъ пенять Лукѣ, что тотъ его бросаетъ, а Лука говоритъ: «у тебя есть другія дѣти и родственники,—помогутъ, поддержатъ». Отецъ далъ Лукѣ благословеніе и Лука съ женой уѣхалъ обратно въ Киселиковъ-градъ, къ Салтану».

67.

Небылица.

А во славномъ во городѣ во туесѣ,
А за крѣпкой-ле стѣной было, за жорновомъ,
А стояла тутъ-ле льдина воеводою,
А стояла-то ледина до Петрова дни,
О Петровѣ дни эт' лдьина-то ростаела;
А не стало-де во городи управителя,
А не стало-де во городи распорядчика.
Роздралисе тутъ невѣски со золовками,

А вострыма-то щиками всё лучинами,
Каленыма-ти стрѣлами всё лопатами,
А тугима-ти луками да коромыслами,
А невѣска-то золовку пересилила;
Они скоро-то гледятъ да на синё морё,
Какъ бѣжитъ-ле карабъ да по синю морю,
На носу-ту сидѣлъ сѣрой волкъ укащикомъ,
На середкѣ медвѣдь сидѣлъ расправщикомъ,
На кормы-то-ли быкъ сидѣлъ приправщикомъ,
Кривоногоётъ-де заецъ бичевой тащитъ,
Бичевой-то тащитъ только вода шульчитъ,
А вода-де шульчитъ, да бичева трещитъ.

68.

Отрывокъ.

А да много-де во Кіеву Божьихъ церквей,
А много-то почесныхъ монастырей,
Кабы нѣту не чудняе, не премудрѣе,
Кабы Свѣтлого Христова Благовѣщенья.
А и Волга-то рѣка да подъ Казань ушла,
А и дале-то того да мать подъ Астрахань;
А и долги-то плéса да Чивудельскія,
А глубоки-ти омуты Непровскія,
А широкъ-де перевозъ подъ Новымъ-городомъ...

VIII. ДЕРЕВНЯ ВЕРХНЕЕ БУГАЕВО.

16. Василій Дорофеевичъ Шишоловъ.

Лѣтъ 40—45 веселый, разухабистый мужикъ, постоянно почти навеселѣ. Съ женой онъ не живетъ, а имѣетъ „подругу“, съ которой также живетъ едва-ли хорошо — всегда жалуется на свою судьбу, говоритъ намеками про какое-то горе, которое его гложетъ. Больше знаетъ сказки, которыя прекрасно разсказы-

ваетъ. Старину про Чурила спѣлъ онъ прекрасно, съ большимъ чувствомъ, примѣняя вѣрно содержаніе старины къ своей долѣ; при пѣніи голосъ его дрожалъ и В. Д. нѣсколько разъ всхлипывалъ.

69.

Чурило и невѣрная жена.

Нападала пороха снѣгу бѣлого,
Невопору пороха, нынь невовремя,
Да середка-де лѣта: о Петрова дни.
По этой-же порохѣ снѣгу бѣлого,
Не бѣлой-де заюшко проскакивалъ,
Не чернохвостъ горносталь да тутъ пропрядывалъ,
Молоды-душа Чурило да тутъ прохаживалъ,
Да къ тому Пермятѣ да къ молодой жонѣ.
Да заходитъ-бы онъ да на крылечико,
Кабы брякался онъ да во колечико,
Да выходитъ Настасья дочь-Колашнича,
Отпирала она да двери на́пету,
Да брала молодца за бѣлы руки,
Чѣловала молодца въ уста сахарныи,
Проводила его да въ лёжню-спальню нонь.
Кабы зажилъ тутъ Чурило по домашному:
Да кушакъ-отъ-бы вѣшалъ онъ на спичечку,
А пуховъ-де колпакъ кладётъ на полочку,
Да софьянны сапожки кладётъ подъ лавочку,
Да ложился на кроватку да на тесовую,
Да съ тою-де Настасьей да со Колашницой,
Да на тѣ-же перины да на пуховыи.
Да была Пермяты ищэ служаноцька,
Говорила она да таково слово:
«Ужъ ты ой еси, Чурило да блады-Плёнковичъ!
Ты не парь-же кишку да во чужомъ горшку,
Да пойду къ Пермятѣ, да я нажалюсе».
Говоритъ-то Чурило да блады-Плёнковичъ:
— Ужъ ты ой еси, дѣвушка чернавушка!
Не ходи къ Пермятѣ, да ты не сказывай,
Да куплю я тибѣ да въ косу лептацьку,
Заплацю я за ленту двадцатьпять рублей.—

Да на то-де дѣвчонко да не здаваитце,
Говоритъ-де она да таково слово:
«Ужъ ты ой еси, Чурило да блады-Плёнковичъ!
Ты не парь-же кишку да во чужомъ горшку,
А пойду къ Пермятѣ, да я нажалюсе».
Говорилъ-де Чурило да блады-Плёнковичъ:
— Ужъ ты ой еси, дѣвушка чернавушка!
Не ходи къ Пермятѣ, да ты не сказывай,
Да куплю я тебѣ да нонь шубеечку,
Заплачу за шубейку да петьдесятъ рублей.—
Да на то-же дѣвчонко да не здаваитце,
Да пошла-де дѣвчонко да вонъ на улицу,
Да пошла-де дѣвчонко да во Божью церковь,
Говорила она да таково слово:
«Ужъ ты ой есь, Пермята да сынъ Ивановичъ!
Да у насъ-де въ садахъ да непостарому:
Заскоцилъ-де въ сады да какъ чужой-же конь,
Да стопталъ-бы траву у насъ шолковую».
А на то Пермята да былъ догадливой,
А пошолъ-же бы онъ да изъ Божьей церквы,
Да заходитъ-бы онъ да въ лёжну-спальню нонь,
Говоритъ-же Пермята да сынъ Ивановичъ:
«Ужъ ты ой еси, Настасья да дочь Колашница!
Эта цей какъ вѣсится шолковъ кушакъ?
Эта цей-де лежитъ да нонь пуховъ колпакъ?
Эта цьи-де лежатъ да нонь сапожоцьки,
Да сапожки лежатъ да нонь софьянные?
Да-бы цей-же у насъ да ноньце доброй конь?»
Говоритъ тутъ Настасья да дочь Колашница:
— Ужъ ты ой есь, Пермята да сынъ Ивановичъ!
Да ходила я по городу по Кіеву,
Кабы видѣла купцей людей торговыихъ,
Они ѣздятъ на коняхъ всё на добрыихъ,
Кабы носятъ-де шапоцьки пуховыя,
Кабы носятъ кушаки да всё шолковыя,
Кабы носятъ сапожки да сафьянныя,
Да купила тебѣ да носить въ праздники,
Да купила коня да тебѣ доброго,
Кабы ѣздить во церковь да во Божью нонь.—
Да пошолъ Пермята да сынъ Ивановичъ,

Да ко той ко кроваткѣ ко тесовоей,
Розмахнулъ-де бы онъ да новы зáвѣсы,
Да стенулъ одіяло да соболиное,
Да лежитъ-де Чурило да безъ почтанниковъ.
Какъ-де бралъ-де Чурила за жолты кудри,
Да мѣталъ-де его да на кирпищатъ полъ,
Да вытаскивалъ его да вонъ на улицу,
Да везалъ-бы коню да за хвостъ ноньце,
Да спустилъ-бы коня да во чисто полё.
Да заходитъ назадъ да въ лёжну-спальню нонь,
Говоритъ Пермята да таково слово:
«Ужъ ты гой еси, Настасья да дочь Колашнича!
Уже што-ле тебѣ да ноньце надобно?»
Говорила Настасья да дочь Колашниця:
— Кабы гдѣ же-ле нонь да какъ есенъ соколъ,
Кабы тутъ-же-ле быть да бѣлой лебеди!—
Кабы взялъ Пермята да молоду жону,
На одну-де ногу да онъ ступилъ ноньце,
Какъ другу-де ногу да у ей оторвалъ,
Да служанку-же взялъ да за себя взамужъ.

70.

Садко *).

....Да пошолъ-де Сатко да запечалился,
Повѣся-де идётъ да буйной головы,
Потупя-держитъ да очи ясныи,
Кабы стрѣтилса старикъ какъ бѣлой куропать,
Говорилъ-де старикъ да таково слово:
«Ужъ ты, здраствуй Сатко, купецъ богатыи!
Ужъ ты што-же идёшъ да запечалилса?
Повѣся-де держишь да буйной голове?
Потупя-де держишъ да очи ясныи?»
— Ужъ ты ой есь, старикъ какъ бѣлой куропать!
Я ударилса съ попомъ отцомъ духовныимъ,
О великъ закладъ, да не тысяцяхъ,
О своихъ мы ударились буйныхъ головахъ,
Захотѣлъ-де повыкупить товары всѣ,

---

*) Начало Садка въ пѣніи Шишолова точно такое-же, какъ и у Игнатія Дуркина и потому не приводится.

Да казна-же у мня да вся истощилась,
Да во городи товары всё не убыли.—
Говоритъ-то старикъ какъ бѣлой куропать:
«Ужъ ты ой есь, Сатко, купечъ богатыи!
Ты змолись-ко-се нонь да Господу Богу,
Овѣщайся поставить ноньце церковь-же,
А прибыдетъ у те да золота казна».
Да змолилса Сатко купецъ богатыи,
Овѣщалъ онъ поставить церковь Божiю,
Появилось ' его да золотой казны.
Да пошолъ-де по лавкамъ по торговыимъ
Кабы день торговалъ да онъ до вечера,
А другой торговалъ да до полуночи,
А третей торговалъ да во всю ночиньку;
У Сатка купця денёгъ не убыло,
Да во стольнёмъ во городи во Кiёви,
Да во лавкахъ товары тутъ истощились.
Нагрузилъ-де три карабля черлёныя,
Побѣжалъ дабы онъ по синю морю,
Да хватила его пурга-па́дера,
Да разбило три карабля черлёныи,
Нарушился Сатко купечъ богатыи.

IX. СЕЛО СРЕДНЕЕ БУГАЕВО.

15. Марья Кузьмовна Шишолова.

Шишолова двоюродная сестра предъидущаго пѣвца; живая, крѣпкая старушка 63 лѣтъ. Пѣть согласилась послѣ долгихъ упрашиваиiй, пѣла очень хорошо, не сбиваясь. Спѣла она мнѣ одну старину и разсказала четыре маленькихъ сказки. Сказки разсказывала также хорошо.

71.

Лука Даниловичъ, Змѣя и Настасья Салтановна.

Середи-то, братцы, было синя моря,
Какъ синя-де моря было, на острови,

Какъ стояло вѣдь царсво привеликое;
Тамъ вѣдь жилъ-то удалой доброй молодецъ,
А Данило вѣдь жилъ да Староильевичъ, *)
А вѣдь было у его да цядо милое,
Молодой-же Лука да сынъ Даниловичъ.
По утру-то было, братцы, ранымъ-рано,
Какъ на утренной было да ранной зорюшкѣ,
На восходѣ-то была красна солнышка,
На зачинѣ-то была свѣтла деничка,
А пошолъ-то Данило да во Божью церкву,
Да будилъ онъ свое да цядо милое,
Молодого Луку сына Данилова.
Ото сну-то Лука да пробужаитца,
Ключевою водой да умываитца,
Полотенышкомъ онъ да утираитца,
Хорошешинько онъ да снаряжаитца,
Надеваетъ на себя да платьё цвѣтное,
Онъ вѣдь цвѣтное платье, самъ церковное.
Онъ пашолъ-то Лука да во Божью церковь,
У церковныихъ вратъ стоитъ послушиватъ,
А попы-ти поютъ да вползаутрени,
Говоритъ-то Лука да сынъ Даниловичъ:
«Мнѣ не честь вѣдь хвала да молодецкая,
Мнѣ не выслуга, братцы, богатырская,
Я пойду нынь Лука да въ зелены луга».
Онъ пошолъ-де Лука да въ зелены луга,
Онъ вѣдь ходитъ, гулятъ да въ зеленыхъ лугахъ.
По великому его да по несчасьицу,
Набѣжала вода скоро паморская,
А паморска вода, да нонь залённая;
А стоитъ-то лука да до колѣнъ ’ воды,
А стоитъ-то Лука да до поесъ ’ воды,
А стоитъ-то Лука да до грудей ’ воды,
Ему некуда молодцу стало деватисе;
Тутъ несётъ-то колоду водоплавную,
Онъ бросалсе Лука да на колодину,
Съ подколодины выходитъ да змѣя лютая,

*) Прозвище у Данилы сказательница конечно перепутала: всѣмъ сказителямъ извѣстна про Данила Староильевича совсѣмъ другая старина. Н. О.

Змѣя лютая выходитъ, троеглавая;
А брала-то Луку да въ свои хоботы,
Понесла-то его да за синё морё,
Подносила подъ горы подъ высокіи,
Подъ престрашные степи Сарочинскіи,
Принесла-то Луку да ко сухой земли;
Выходилъ-то Лука да на суху землю,
А выпалзыватъ за нимъ да змѣя лютая,
Овернулася змѣя да красной дѣвицой,
Говоритъ-то змѣя да руськимъ языкомъ:
«Ты удалой дороднёй доброй молодецъ!
Ужъ ты руськой могучёй сильнёй бо́гатырь,
Молодой ты Лука да сынъ Даниловичъ!
Сотворимъ-ко съ тобой любовь тѣлесную,
Мы тѣлесную любовь съ тобой, сердецьную,
Мы совьёмъ-ко съ тобой да тёпло гнѣздышко,
Мы сведёмъ-ко съ тобой да малыхъ дѣтоцёкъ».
Кабы тутъ молодцу да за бѣду стало,
Его ясные оци да помутилисе,
А горячіе слёзы да покатилисе,
Богатырское сэрцо да возьярилосе,
Онъ вѣдь сырой-отъ дубъ схватилъ изъ кореня,
Отрехнувше о матушку сыру землю,
Онъ ударилъ змѣю да по буйнымъ главамъ,
А вѣдь тутъ-то змѣи пропасть случилосе.
А пошолъ-то Лука да сынъ Даниловичъ,
Онъ пошолъ-то подъ сторону подъ сѣверну,—
Подхватили его да горы ледены;
Онъ пошолъ-то подъ сторону подъ западну,—
Подхватили его да моря синіи;
Онъ пошолъ-то подъ сторону подъ лѣтную,—
Подхватили его тутъ зелены луга.
Онъ идётъ-то Лука по зеленымъ лугамъ,
Тамъ завидялъ онъ царсво превеликое,
А стоятъ тутъ во царсви много на крѣпости,
А удалыхъ стоятъ да добрыхъ молодцовъ;
Потишешинько Лука къ имъ подвигаетца,
Понижешинько онъ имъ да поклоняитца,
А вѣдь самъ говоритъ да таково слово:
«Ужъ вы здраствуйте, удалы добры молодцы!

Это русько-ле царсво или невѣрное?»
Отвѣчаютъ тутъ удалы добры молодцы:
— Это царсво у насъ да здѣсь невѣрное.—
Говоритъ-то Лука да сынъ Даниловичъ:
«Это какъ вашо царсво по прозванью есь?»
— Это царсво-то нашо да Киселйговъ-градъ.—
«Это хто нынь у васъ въ царсви набóльшины?»
— А Салтанъ нынь есь царь да Лукоперенинъ.—
А заходитъ Лука да сынъ Даниловичъ,
Онъ идётъ вдоль по царсву по Салтанову,
Тамъ стоятъ вѣдь сады да нонь зеленыи,
Онъ заходитъ Лука да въ зелены сады;
А заводитсе у царя да нынче чесенъ пиръ,
Тамъ завидѣла Настасья дочь Салтановна:
«А родитель мой да сударь батюшко!
Во моихъ вонъ садахъ да во настасьиныхъ,
Тамъ вѣдь ходитъ, гуляетъ доброй молодецъ,
Отъ его-то кудрей да лучи солнычны.
Его надобно позвати да добра молодца».
Привели его во грини да нынь во царскіи,
У царя у Салтана да гостей множество,
Подноситъ она гостямъ стала по рюмоцьки,
Сама заритця на удала добра молодца,
Уронила съ руки да свой златенъ перстень;
А искати вси стали да ей златенъ перстень,
Тутъ согнулса Лука да сынъ Даниловичъ,
Обняла-то Настасья да за бѣлу шею,
А цѣлуетъ въ уста да во сахарныи,
Говоритъ-то Настасья да дочь Салтановна:
«А какой ты земли да какой родины?
Ты которого отца, да коей матушки?
Какъ тебя, молодца, да именёмъ зовутъ?
Величаютъ тебя да изъ отечества?»
Отвѣчаетъ Лука да сынъ Даниловичъ:
— Я не помню не отца, да своей матушки,
Не села я не знаю и не городу,
Заблудящой я удалой доброй молодецъ.—

Дальше М. К. непомнила, какъ пѣть, а сказала только, что Лука женился на Настасьѣ и у нихъ родился Олёша Полувѣренинъ.

Б. СТАРИНЫ ПУСТОЗЁРСКОЙ ВОЛОСТИ.

X. СЕЛО ВЕЛИКАЯ ВИСКА.

18. Николай Петровичъ Шальковъ.

Слѣпой старикъ, лѣтъ 80 слишкомъ, высокій, стройный, съ черной полусѣдой бородой. Въ молодости былъ, вѣроятно, очень хорошій старинщикъ, но теперь многое перезабылъ, многое перепуталъ, да и давно уже не поетъ, съ тѣхъ поръ какъ ослѣпъ отъ старости. Послу моему, съ предложеніемъ пѣть старины—наотрѣзъ и очень рѣзко отказалъ, но явившись лично я уговорилъ его, и онъ, кромѣ напечатанныхъ здѣсь 8 №№, спѣлъ еще нѣсколько стиховъ и разсказалъ сказку. Отсюда выводъ: никогда не слѣдуетъ посылать для переговоровъ туда, гдѣ нужно приложить много просьбъ и такта,—неособенно заинтересованные въ дѣлѣ посланные, просьбу пѣть старины передаютъ въ формѣ приказанія, напр.: „иди Шальковъ старины пѣть, баринъ тамъ пріѣхалъ изъ Петербурга, зоветъ тебя"—и, конечно, получаютъ рѣзкій и иногда очень грубый отказъ. И меня Шальковъ принялъ сначала очень немилостиво и долго отнѣкивался пѣть, а когда мы познакомились поближе, мои посѣщенія были ему даже пріятны. Человѣкъ очень бѣдный Шальковъ живетъ въ самомъ концѣ села за рѣчкой, вяжетъ сѣти, а иногда ловитъ и рыбу.

72.

Потапъ Артамоновичъ.

Изъ того-де изъ города изъ Кіева
Выѣжжалъ-де удалой доброй молодечъ,

Молодой-де Потапъ сынъ Артамоновичъ,
Отъ рожденья молодцу семнадцеть лѣтъ.
Онъ конёмъ-де владѣлъ, да копьёмъ шурмовалъ,
Вывозилъ-то-ле боцьки съ зеленымъ виномъ,
Вывозилъ-то-ле боцьки пива пьяного,
Вывозилъ-то-ле боцьки мёду сладкого,
Вывозилъ-то-ле хлѣба онъ оввозами;
Выѣжжалъ-то середи поля онъ чистого,
Становилъ-то дѣтина бѣлъ полот'нъ шатёръ,
Становилъ-то столы да онъ дубовыя,
На столахъ-то-ле ѣствы всё сахарныя,
На столахъ-то питья да разноличныя.
Кабы пилъ-то-ле, ѣлъ, да забавлялся онъ,
Какъ попилъ-то, поѣлъ, да тутъ и спать онъ лёгъ,
Кабы спитъ-то, храпитъ, да какъ порогъ шумитъ.
Какъ стоялъ-то его конь, лошадь добрая,
Какъ стоялъ-то его конь у сыра дуба,
Да насыпано пшаны было бѣлояровой,
Да поставлена вода была сладка-медовая;
Да не ѣсъ-то пшаны конь бѣлояровой,
Да не пьётъ изъ соты воды медовоей,
Да повѣся стоитъ конь буйну голову,
Потупя-то-ле оци во сыру-землю;
Да бьётъ-де копытомъ во сыру-землю,
Вся дрожитъ-то-ле матушка сыра-земля,
Да сыроё-то дубьё расшаталосе,
Да сухоё-то пеньё поломалосе.
Ото сну-то дѣтина розбужаитсе,
Да выскакивалъ дѣтина вонъ на улицу,
Да въ одной-то рубашечки безъ пояса,
Да въ одныхъ-то цюлочикахъ безъ чеботу,
Да хватилъ свою палицу буёвую,
Какъ и бьётъ коня да по тучнымъ ребрамъ:
«Еще волчья, конь, сыть, да травеной мѣшокъ!
Ищэ што-же стоишь, да ты не пьешь не ѣшь?
Ле пшана-ле моя тибѣ не дошлая?
Ле вода-ле моя тибѣ не сладкая?
Не слыхалъ-ле ты граянья вороньяго?
Не слыхалъ-ле ты крыку богатырского?
Не слыхалъ-ле ты свисту соловьиного?»

Да провѣщылся конь да лошадь добрая
Ищэ руськимъ языкомъ человѣческимъ:
— Ужъ ты ой еси, хозяинъ, сударь ласковой,
Молодой ты Потапъ сынъ Артамоновичъ!
Подходилъ-де собака зла-де, Скурла царь,
Ищэ Скурла-де царь, да сынъ Смородовичъ,
Ищэ прямо идётъ да въ славной Кіевъ-градъ,
Ищэ хочетъ онъ Кіевъ да во плѣнъ сплѣнить,
Да Божьи-то наши церкви на огни сожечь,
Да чудны наши иконы на поплавъ рѣки,
Да почесные монастыри во грезь стоптать,
Самого князя Владыміра—голову срубить,
А его-де княгину за сибя-то взять.—
Помутились у дѣтины оци ясныя,
Осердилось у его да ретиво сэрцо,
Кабы сталъ-то дѣтина снаряжатисе,
Кабы сталъ-то дѣтина сподоблятисе,
Какъ налаживалъ онъ латы рибулатныя,
Какъ накладывалъ нагруднички укладные,
Да на шею кольчужку позолочену,
На головку колпакъ да земли греческой,
Ищэ латы-ти были двадцеть-пять пудовъ,
А нагрудникъ-то былъ да десеть пудовъ,
Да на шею кольчуга была пять пудовъ,
На головку колпакъ да сорока пудовъ;
Да берётъ-то съ собой да саблю вострую,
Да берётъ-то-ле палицу буёвую,
Да берётъ-то-ле лукъ со каленой стрѣлой,
Да берётъ-де копейцо бурзометное;
Да уздалъ-де, сѣдлалъ онъ коня доброго,
Онъ двѣнадцеть кладётъ да подпругъ шолковыхъ,
Онъ тринадцету кладётъ черезъ хребётну кось,
Да не для ради басы, да ради крѣпости,
Ищэ ради побѣжки лошадиноей,
Не оставилъ штобы конь да во чистомъ полѣ,
Ищэ клалъ-то-ле войлоцьки-поджопнички,
Да на войлойчки сѣдѣлышко черкащето.
Да скочилъ-то дѣтина на добра коня,
Повернулъ-де конёмъ да какъ лютымъ змѣёмъ,
Притугаётъ своя да коня доброго,

Кабы въѣхалъ-то въ силу, въ прокляту Литву,
Кабы сколько-то силы онъ саблей сѣкётъ,
Ишэ вдвое-де, втрое онъ конёмъ топцётъ,
Кабы билъ-то ломилъ чѣлы суточки,
Приустали его да руки бѣлыя;
Какъ оттуль-то дѣтина поворотъ даётъ,
Приѣжжалъ-то дѣтина ко бѣлу шатру,
Да свезалъ-то коня онъ ко сыру дубу;
Насыпалъ-то пшану онъ бѣлоярову,
Наливалъ-то соты-воды медовоей,
Заходилъ-то дѣтина во бѣлой шатеръ,
Да садился дѣтина за дубовой столъ,
Какъ попилъ-то, поѣлъ, да забавлялся тутъ,
Какъ попилъ-то, поѣлъ, да тутъ и спать онъ лёгъ.
Какъ и спитъ, храпитъ, да какъ порогъ шумитъ,
Какъ стоялъ его конь да у сыра дуба,
Не зобалъ-то пшену да бѣлоярову,
Какъ не пилъ-то воду да онъ медовую,
Кабы билъ-то копытомъ о сыру землю;
Вся дрожитъ-то-ле матушка сыра земля,
Какъ сыроё-то дубьё расшаталосе,
Какъ сухоё-то пеньё поломалосе,
Да въ озёрахъ водыця поплескаласе,
У шатра-то тынинки всѣ повыпали;
Ото сну-то дѣтина пробужаитце,
Выходилъ-то скоренько вонъ на улицу,
Да хватилъ свою палицу буёвую,
Да бы бьётъ-то коня онъ по тучнымъ ребрамъ:
«Ищэ волчья ты сыть, конь, травеной мѣшокъ!
Ищэ што-же стоишь, да не пьёшь, не ѣшь?
Ле пшена-то моя тибѣ не дошлая?
Ле вода-те моя тибѣ не сладкая?»
А провѣщился конь да лошадь добрая,
Ищэ руськимъ языкомъ человѣческимъ:
— Ужъ ты ой есь, хозяинъ, сударь ласковой,
Молодой ты Потапъ сынъ-Артамоновичъ!
Да подходитъ-де собака злая, Скурла царь.—
Да бросился дѣтина на добра коня,
Повернулъ-де конёмъ да какъ лютымъ змѣёмъ,
Дабы въѣхалъ во силу, въ прокляту Литву,

Ищэ сколько-то силы онъ саблёй сѣкётъ,
Ищэ вдвое-то силы онъ конёмъ топчётъ,
Онъ билъ-то, ломилъ да двои суточки,
Пріустали его да руки бѣлыя,
Да оттуль молодецъ да поворотъ держитъ;
Пріѣжжалъ-то дѣтина ко бѣлу шатру,
Привезалъ-то коня онъ ко сыру дубу,
Насыпалъ-то пшену онъ бѣлоярову,
Наливалъ-то соты-воды медовоей,
Заходилъ-то дѣтина во бѣлой шатёръ,
Да садился дѣтина за дубовой столъ,
Какъ попилъ-то, поѣлъ, да забавлялся тутъ,
Какъ попилъ-то поѣлъ, да тутъ и спать онъ лёгъ,
Какъ и спитъ, храпитъ да какъ норогъ шумитъ,
Кабы спалъ-то ле онъ да двои суточки.
Какъ стоялъ его конь да у сыра дуба,
Не зобалъ-то пшену да бѣлоярову,
Какъ не пилъ-то воду да онъ медовую,
Кабы билъ-то копытомъ о сыру землю,
Вся дрожитъ-то-ле матушка сыра земля,
Ото сну-то дѣтина пробужаитце,
Выходилъ онъ скоренько вонъ на улицу,
Да хватилъ свою палицу буёвую,
Да-бы бьётъ онъ коня да по тучнымъ ребрамъ:
«Ахъ ты волчья сыть, травеной мѣшокъ!
Ище што-же стоишъ, да не пьёшь, не ѣшь?
Ле вода-ле моя тибѣ не сладкая?
Ле пшена-ле моя тибѣ не дошлая?»
И провѣщился конь да лошадь добрая,
Ищэ руськимъ языкомъ человѣческимъ:
— Ужъ ты ой еси, хозяинъ сударь ласковой,
Молодой ты Потапъ сынъ Артамоновичъ!
А поѣдешь ты во силу, проклятý Литву,
А поѣдешь ты по силы проклятой Литвы,
Накопали перéкопы тамъ глубокія,
Дабы первой перéкопъ я перéскочу,
Дабы втóрой перекопъ я перéнесу,
Дабы въ третьёмъ перекопѣ обрущусе,
Я паду-то тогда да во глубокъ погребъ;
Да наскацютъ тотаръ да много множество,

Да намѣцютъ на тебя да добра молодца,
Ищэ ти-жо арканы бѣло-шолковы,
Поведутъ-де къ царю тогда ко Скурлату».
Какъ и это дѣтинѣ за бѣду стало,
За немалую досаду показалосе,
Да бросилса дѣтина на добра коня,
Повернулъ-де конёмъ да какъ лютымъ змѣёмъ,
Кабы въѣхалъ онъ въ силу, въ проклятую Литву,
Кабы сколькё-то силы онъ саблёй сѣкётъ,
Кабы вдвое-де, втрое онъ конёмъ топцётъ,
Кабы первой перекопъ конь перескочилъ,
Кабы вто́рой перекопъ конь перенёсъ нынь,
Кабы въ третьёмъ перекопы конь обрущылса,
Кабы палъ-то бы конь да во глубокъ погребъ.
Наскакало тотаръ да много множество,
Намѣтали арканы бѣло-шолковы,
Сохватали юдала добра молодца,
Повели-то тогда да къ царю Скурлату,
Привели-то тогда да къ царю Скурлату.
Подходилъ-де собака тогда Скурла царь:
«Ужъ ты здраствуй, удалой доброй молодецъ!
Ты коёго-жо-ле города? Кое́й земли?
Коёго́ ты отца? да кое́й матушки?
Ищэ какъ тя, дѣтина, именёмъ зовутъ?
Ищэ какъ величаютъ изъ отечества?
Послужи-ты-ле мнѣ да вѣрой правдою,
Да вочью-ле, позаво́чью неизмѣнною.
Я приду-ле во землю во Литовскую,
Я те дамъ-ле города да съ пригородками».
Говоритъ-то дѣтина таковы слова:
— Кабы былъ я молодецъ да на своей воли,
На своей-де воли да на добромъ конѣ,
Я отсѣкъ у тебя-бы поплечь голову.—
Говоритъ ему Скурла во второй наконъ:
«Ужъ ты ой есь, удалой доброй молодецъ!
Послужи ты-ле мнѣ да вѣрой правдою,
Да воцью-ле, позавоцью неизмѣнною,
Я те дамъ города съ пригородками,
Я те дамъ нынь села со деревнями,
Я де дамъ тибѣ-ле много золотой казны».

Говоритъ молодецъ да таковы слова:
— Я бы былъ молодецъ на своей воли,
На своей-де воли да на добромъ конѣ,
Я отсѣкъ у тебя бы поплечь голову.—
Говоритъ-де-бы Скурла во третей наконъ:
«Послужи ты-ле мнѣ да вѣрой правдою,
Да вочью-ле, позавочью неизмѣною,
Я те дамъ города съ пригородками,
Я де дамъ тибѣ села всё со деревнями,
Я де дамъ тибѣ-ле много золотой казны,
У мня есь-то топере единая дочь,
Я бы дамъ-то тибѣ тогда въ супружесво».
Говоритъ-то молодецъ да таковы слова:
— Я бы былъ кабы дѣтина на своей воли,
На своей-то воли, да на добромъ конѣ,
Я отсѣкъ бы у тебя да поплечь голову.—
Волокутъ-де телѣгу троеколую,
Заковали молодца его въ желѣза всё,
Да на шею желѣза пятьдесятъ пудовъ,
Да на ноги желѣза пятьдесятъ пудовъ,
Да на руки желѣза пятьдесятъ пудовъ;
Потенули телѣгу троеколую,
Да ко той ко казни ко смёртноей,
Да ко-той де ко плахѣ ко кровавоей.
Да стоялъ то-ле конь тогда въ перéкопы,
Розсердилось у его сэрцо лошадиное,
Розмутились его оци тогда ясныя,
Кабы выскоцитъ-то конь да изъ перéкопы,
Побѣжалъ-то по силы, проклятой Литвы,
Прибѣжалъ-то ко казни ко смёртноей,
Да ко той-жо ко плахи ко кровавоей,
Испугалисе тотары всѣ поганыя,
Какъ вси выломалъ желѣза притяжолыя;
Да скоцилъ-то удалой доброй молодецъ,
Да хватилъ-то телѣгу троеколую,
Да куды-то махнетъ, да тутъ и улица,
Да назадъ проведётъ—съ переулками,
Да билъ-де ломилъ да двои суточки,
Не оставилъ онъ нестарого, немалого.
Да садилса дѣтина на добра коня,

Да поѣхалъ дѣтина ко бѣлу шатру,
Становилъ-то коня онъ ко сыру дубу,
Заходилъ-то дѣтина во бѣлой шатёръ,
Кабы ѣлъ-то онъ, пилъ, да позабавилса.

73.

Гремитъ Манойловичъ, Идолъ Жидойловичъ и Анна, племянница Владиміра-князя.

Какъ во славной земли было турецкоей,
У Гремита короля, сына Манойлова,
Кабы было-де пированьё, столованьё,
Кабы былъ-то у ихъ, братцы, почесенъ пиръ,
Ахъ на многіихъ на князей, всё на бояровъ,
Да на тѣхъ-же турзовъ-мурзовъ удалыихъ,
Какъ на тѣхъ-же паленицъ да преудалыихъ.
А Гремитъ-король по полику погуливатъ,
Какъ сапогъ-де о сапогъ да поколачиватъ,
Какъ скобоцька о скобоцьку пощолкиватъ,
Кабы русыма кудрями самъ натряхиватъ,
Кабы ясныма оцями самъ розглядыватъ,
Да весёлую рѣчь самъ выговариватъ:
«Ой вы ой есь, мои князя-бо́яра!
Ужъ вы сильніе могуты всё бога́тыри!
Ужъ вы ой есь, купци гости торговые!
Ужъ вы ой есь, кресьяна православные!
Ище хто-же изъ васъ знаетъ сужону,
А по руськи назвать жоной вѣнчальную?
По нѣмецки назвать супружницу?
Какъ статнымъ была статна, да полна возрастомъ,
Какъ лицомъ была она да аки бѣлой снѣгъ,
А глаза-ти у нее да ясна сокола,
А какъ брови у нее да чорна соболя,
Какъ рѣсничи у ее штобы сиза бобра,
Какъ сиза-бы бобра да всё сибирского,
Какъ походоцька у ней была упавная,
Кабы рѣчь-поговоря тихо-смирная».
Кабы меньши хоронятся за средніихъ,

Кабы средни хоронятся за большiихъ,
Какъ отъ большiихъ Гремиту всё отвѣту нѣтъ;
Какъ сидѣлъ за столомъ да за переднiимъ,
Какъ на томъ-жо на стулѣ всё на золотѣ,
Молодой-де Идолъ да сынъ-Жидойловичъ,
Вышину былъ Идолъ да двѣ сажени нынь,
Ширину былъ Идолъ да какъ коса сажень,
Какъ коса-же сажень да нынь печатная;
Какъ ставалъ-то Идолъ да на рѣзвы ноги,
Подходилъ-то ко Гремиту поближешенько,
Поклонялся онъ Гремиту понижешенько:
«Ужъ ты ой еси, Гремитъ да сынъ Манойловичъ!
Ты позволь-ко Гремитъ да слово вымолвить,
Не позволь-ко за слово скоро сказнить,
Нескоро ты сказнить, скоро повѣсити».
Говоритъ-то Гремитъ да сынъ Манойловичъ:
— Ужъ ты ой еси, Идолъ да сынъ Жидойловичъ!
Говори ты Идолъ да не упадывай,
Не единого слова не затаивай.—
«Я то прежде-то былъ да въ земли Руськоей,
Я во томъ-то во городѣ во Кiевѣ,
У того-то у князя у Владымiра,
У того-то бы есь нынце племянница,
Кабы та-же-ли Анна княженецька-дочь;
Какъ статнымъ она статна, да полна возрастомъ,
Какъ лицомъ-де она да аки бѣлой снѣгъ,
Какъ глаза-то у ее да ясна сокола,
Кабы брови у ее да чорна соболя,
Какъ рѣсничи у ее аки сыза бобра,
Какъ походоцька у ей будто упавная,
Ищэ рѣчь-поговоря тихо-смирная».
Наливатъ-то Гремитъ сынъ Манойловичъ,
Наливатъ онъ чару зелена вина,
А немалу, невелику полтара ведра,
Припалниватъ чашу пива пьяного,
На заѣдку турей рогъ да мёду сладкого,
На закуску колачикъ бѣлъ-круписчатой,
Подавалъ-то Идолу 'сё Жидойлову:
«Прими, выкушай ты чару зелена вина,
Послужи ты-ли мнѣ да вѣрой правдою,

Ты вочью-де, позавочью, не измѣною,
Ты-ле съѣзди во стольнѣй во Кіевъ градъ,
Ты посватайся на Аннѣ княженевскоей,
Ужъ ты—чесью даютъ, дакъ бери съ радосью,
Ищ'-ле честью не даютъ, дакъ бери нечесью,
Розгроми ихъ полаты бѣлокаменны,
Посади князя въ злодѣйку землену тюрьму».
Говоритъ-то Идолъ да сынъ Жидойловичъ:
— Ужъ ты ой еси, Гремитъ да сынъ Манойловичъ!
Ищэ сколько я радъ да былъ чару пить,
Ищэ вдвое я радъ службы служить,
Службы служить, да головы сложить.
Погрузи ты мнѣ черленыхъ тридцеть караблей,
Ищэ дай мнѣ-ка силы тридцеть тысецей.—
Какъ пошолъ-то Идолъ да сынъ Жидойловичъ,
Какъ на тѣ-же черлены больши карабли,
Обирали якоря новы булатныя,
Обирали всѣ тѣ сходенки дубовыя,
Роспускали паруса бѣлы полотнены,
Побѣжали-то по батюшку синю морю;
Какъ одна-та сторона тамъ знаменулася,
Какъ друга-то сторона да показалася,
Подбѣгали-то во гавань карабельнюю,
Какъ во ту-жо во пристань во глубокую,
Опускали парусы бѣлы полотнены,
Выкатали якоря новы булатныя,
Кабы клали-то сходни кончёмъ на берегъ.
Какъ пошолъ-то Идолъ да сынъ Жидойловичъ,
Да идётъ-то во славной стольнѣй Кіевъ-градъ;
Какъ заходитъ-то во славной стольнѣй Кіевъ-градъ,
Какъ идётъ-то къ полаты княженевскоей,
Да заходитъ на крылецько на прекрасное,
Какъ подъ имъ-то крылецико кацяетсе,
Косяки-де, перила покосилися,
Да не спрашивалъ у дверей онъ придверниковъ,
У широкіихъ воротъ да приворотниковъ,
Да заходитъ нынь въ полаты бѣлокаменны,
Да проходитъ-то въ новы ныньце горницы,
Кабы руськіимъ богамъ Богу не молитця,
Какъ Владыміру-князю онъ челомъ не бьётъ,

Онъ челомъ-де не бьётъ, да голову́ не гнётъ.
Подходилъ ’ ему солнышко Владымiръ князь:
«Ужъ ты здраствуй, Идолъ да сынъ Жидайловичъ!
Ты куды-же поѣхалъ, куды правишсе,
Ты куды-же, Идолъ, да ныньце путь держишь?»
Говоритъ-то Идолъ да сынъ Жидойловичъ:
— Я бы ѣду отъ Гремита-короля сына Манойлова,
Я прiѣхалъ къ тебѣ ныньце посвататьця,
Да на той-же на Анны княженевскоей;
Кабы чесью отдашь, дакъ возьму съ радосью,
Кабы чесью не отдашь, дакъ возьму нечесью,
Розгромлю твои полаты бѣлокаменны,
Засажу тебя въ злодѣйку землену тюрьму.—
И весьма-то испужался князь-Владымiръ тутъ,
Побѣжалъ Владымiръ во второй покой,
Какъ ко той-же ко Анны княженевскоей:
«Ужъ ты ой есь, племянница любимая!
Ужъ пришолъ на тибѣ да женихъ свататься,
Отъ Гремита-короля сына Манойлова,
Да прiѣхалъ-то Идолъ да сынъ Жидойловичъ,
Кабы чесью идёшь, дакъ берётъ съ радосью,
Ищэ чесью не идёшь, дакъ берётъ не́чесью,
Розгромитъ мои полаты бѣлокаменны,
Засадитъ меня въ злодѣйку землену тюрьму».
Говоритъ ему Анна княженевска дочь:
— Ужъ ты ой еси, Владымiръ славно Кiевской!
Ты не стой-ко за ж... ты за бабiю,
Не теряй-ко свою да буйну голову.—
Кабы стала-то Анна снаряжатися,
Ищэ стала она да сподобляитсе,
Надѣвала на ся да платьё цвѣтноё,
Какъ брала съ собой ящицёкъ хорошинькёй.
Какъ оттуль-то Владымiръ поворотъ доржитъ,
Подходилъ онъ къ Идолу ко Жидойлову,
Подносилъ ему цяру зелена вина,
Да немалу, невелику полтара ведра,
Говоритъ-то Владымiръ таковы слова:
«Ужъ ты ой еси, Идолъ да сынъ Жидойловичъ!
Прими выкушай ты чару зелена вина,
Ты помѣшкай немножко, всё поправитце».

Какъ берётъ-то Идолъ да единой рукой,
Выпиваётъ Идолъ да къ едину духу.
Да поправилась Анна княженевска-доць,
Какъ пошла-то на черлены больши карабли,
Да пошолъ тамъ Идолъ да сынъ Жидойловичъ,
Да на тѣ-же на черлены больши карабли.
Обирали якоря новы булатныя,
Обирали они сходни вси дубовыя,
Роспускали паруса бѣлы полотнены,
Побѣжали-то по батюшку синю морю.
А бѣжали-то по батюшку синю морю,
Тамъ одна-де сторона знаменулася,
А друга-де сторона тамъ показалосе,
Выходила-то Анна вонъ на улицу,
Да подале, на черлёны больши карабли,
Увидала-то-бы тамъ да видно чадъ великъ,
Ищэ чадъ-бы великъ, да дымъ столбомъ валитъ,
Заходила-то назадъ да въ чорной карабель,
Подходила-то къ Идолу ко Жидойлову:
«Ужъ ты ой еси, Идолъ да сынъ Жидойловичъ!
У васъ этамъ-то-ле што-ле будто чадъ великъ?
Ищэ чадъ великъ, да дымъ столбомъ валитъ?»
Говоритъ-то Идолъ да сынъ Жидойловичъ:
— Ужъ ты ой еси, Анна княженевска дочь!
Ужъ варятъ намъ на свадьбу кобылятину,
Ищэ жарятъ намъ на свадьбу жеребятину».
Говоритъ ему Анна княженевска дочь:
«Ужъ ты ой есь, Идолъ да сынъ Жидойловичъ!
Мнѣ нельзя идти по батюшку синю морю,
Ищэ сённи-то мнѣ-ка именинной день».
Говоритъ-то Идолъ да сынъ Жидойловичъ:
— Ужъ вы ой еси, мои да слуги вѣрныя!
Опускайте паруса бѣлы полотнены,
Вы мещите якоря новы булатныя,
Намъ нельзя идти по батюшку синю морю.—
Какъ пошолъ тогда пиръ у ихъ навеселы,
Пировали-столовали цѣлы сутоцьки;
Изъ ума-то Идолъ тутъ выпиваетця,
Одолила-бы хмелинушка великая,
Кабы заспалъ Идолъ да сынъ Жидойловичъ,

Кабы спитъ-то храпитъ, да какъ порогъ шумитъ.
Какъ брала-то-ли Анна княженевска дочь,
Какъ брала-то свою да саблю вострую,
Какъ отсѣкла у Идола поплецъ голову;
Росходилось его тулово поганоё,
Да поганоё тулово, сердитоё,
Поимало мачту карабельнюю,
А бы вымѣло-то мачту во мелкó щепьё,
Усмиряло это тулово поганоё,
Ищэ пало во черной большой карабель.
Какъ скамандовала Анна княженевска дочь,
Какъ сбирали якоря новы булатныя,
Роспускали паруса бѣлы полотнены,
Побѣжали нынь во стольной славной Кіевъ-градъ,
Ко тому ноньце ко князю ко Владыміру;
Прибѣжали-то во стольной славной Кіевъ-градъ,
Опускали паруса бѣлы полотнены,
Выкатали якоря новы булатныя,
Да повыклали сходни кончёмъ на берегъ;
Да пошла-то-ли Анна княженевска дочь,
Какъ во тотъ-жо во славной стольной Кіевъ-градъ,
Ко тому-же ко князю ко Владыміру,
Заходила нынь въ полаты бѣлокаменны,
Походила-то подалѣ въ нову горничу,
Къ самому ноньце ко князю ко Владыміру:
«Ужъ ты здраствуй, дядюшка Владыміръ-князь!
Убирай ты черлены больши карабли».

74.

Василій Буслаевъ.

Кабы жилъ былъ Буславей девеносто лѣтъ,
Состарилса Буславей, самъ преставилса,
Да при смертоцькѣ Буславьюшко наказывалъ,
Онъ своей-де жены да наговаривалъ:
«Ужъ ты ой еси, моя да молода жена!
Молода моя жена, да дорога семья!
Чогда будетъ-то моё чадо на возрастѣ,

Бывъ ясёнъ-то соколъ будётъ на возлетѣ,
Ище станетъ-то Васильюшко конёмъ владать,
Да конёмъ-де владать, копьемъ шурмовать,
Пусть не дёржитъ Василей всё сто рублей,
Пусть не дёржитъ Василей цѣлой тысецы,
Пусть-ко дёржитъ Василей у ся сто друговъ,
Ищэ сто-же друговъ, да сто пріятелей,
Въ Ерусáлимъ-градъ ходитъ Богу молитися,
Ко Христовоей гробницѣ приложитися,
Да въ Ердань-то рѣки пусть не купаетца,
Не купаетца въ рѣки, пусть омываетце:
Да купалса-крестилсе тамъ Ісусъ Христосъ;
Да свезётъ пусть положеньицо великого,
Да не мало-ле, не много—сорокъ тысецей».
Да покаялса Буславей, тутъ преставилсэ.
Когда сталъ-то нынь Васильюшко навозрастѣ,
Какъ ясенъ-то соколъ сталъ навозлетѣ,
Ищэ сталъ-то Васильюшко конёмъ владать,
Да конёмъ сталъ владать, копьёмъ шурмовать,
Онъ пошолъ-то Василей вдоль по городу,
Онъ ходилъ-то по лавоцькамъ торговыимъ,
Онъ купилъ сибѣ везиноцьку тежолую,
Онъ пошолъ во царевы большу кабаки,
Откупалъ-то-ле боцьки сороковыя,
Сороковыя боцьки ’ зеленымъ съ виномъ,
Онъ выкатывалъ на площеди широкія,
Розсылалъ-то указы ныньце скорыя,
Собиралъ-то голей да всихъ кабацкіихъ,
Да зовётъ-то Василей нá почесенъ пиръ,
Кабы пити имъ вино ноньце безденежно.
Собиралосе голей да много множество,
Какъ со всѣхъ-то сторонокъ ныньце разныихъ,
Росполýбилъ онъ-то боцьки сороковыя,
Онъ спустилъ-то ковши тутъ позолочены;
Кабы пьютъ-то-ле голи вси кабацкія,
Кабы пьютъ-то они всѣ зелено вино,
Какъ и пьютъ-то они, да потѣшаютца,
Кабы хвалятъ-то Василья всё Буславьева.
Приносилъ-то Василей свою везиноцьку,
Выбиралъ-то сибѣ да онъ въ товарищи:

«Ищэ хто-ле изъ васъ можотъ везинку знять?»
Ихъ и сталъ-то везиноцькой помахивать,
Какъ по тимъ головамъ молодецкіимъ.
Какъ пошли-то голи, нынь заплакали,
Да платками-то-ле головы повязали,
Говорятъ-то-ле голи всѣ кабацкія:
«Да у вора у Васьки у Буславьева,
Да не упито-ле было не уѣдено,
Баско хорошо-ле было не ухожено,
Толькё на вѣкъ безвѣчьица залезено».
Какъ махнулъ-то удала добра молодца,
Какъ того-ли Потанюшку нынь хромого,
Да стоитъ молодецъ да онъ не трехнетце,
Ищэ платье на нёмъ да не ворохнетце;
Да махнулъ-то-ле Костю Новоторженина,
Какъ стоитъ молодецъ да не трехнетце;
Да махнулъ-то-ле Васинькю всё малого,
Да стоитъ молодецъ не ворохнетце.
Выбиралъ-то-ле онъ да три товарыща,
Ходилъ-то Василей вдоль по городу,
Собиралъ-то Василей сибѣ плотничковъ,
Онъ-то строилъ Василей всё черновъ *) карапъ,
Онъ-то въ оци, ныньце врѣзалъ два-то камешка,
Онъ-то ’ брови-то-ле врѣзалъ два-то соболя,
Онъ состроилъ-то Василей-то черновъ карапъ,
Онъ спускалъ-то карапъ да тогда на воду,
Онъ грузилъ-то карапъ тогда напитками,
Онъ грузилъ-то карапъ тогда припасами,
Собиралъ-то Василей-то товарыщовъ,
Какъ итти-то ему да во синё морё.
Онъ приходитъ-то ко матушкѣ родимоей,
Онъ-то падалъ ей тогда да во рѣзвы ноги,
Онъ просилъ благословленьица великого.
Да даётъ ему матушка благословленьицо,
Да съ буйной-то главы да до сырой земли.
Да пошолъ-то Василей вонъ на улицу,
Онъ пошолъ-то ’ черленой большой карабель;
Обирали ныньце сходенки дубовыя,

*) Чернъ-новъ?

Подымали якоря новы булатныя,
Роспускали паруса бѣлы полотнены,
Побѣжали-то они да въ Ерусáлимъ градъ,
Да бѣжали-то по батюшку синю морю,
Подбѣгали-то они да въ Ерусалимъ градъ.
Какъ пошли-то ко гробу ко Христовому,
Какъ Господу Богу помолилисе,
Ко Христовоей гробницѣ приложилисе,
Да пошли-то нынь тогда да на Ердань-рѣку;
Кабы вси-то въ рѣки да омываютца,
Да Василей-то Буславьевичъ купаитце,
Да пошли-то ёттуль, да поворотъ держатъ.
Да пришли-то они да нá черновъ карапъ,
Подымали якоря тогда булатныя,
Обирали-то-ле сходенки дубовыя,
Роспускали паруса бѣлы полотнены,
Побѣжали-то по батюшку синю морю,
Подбѣгали-то подъ горы Сарочинскія,
Остоялса тогда да ихъ черной карапъ;
Какъ вымецютъ-то щупы долгомѣрныя,
Кабы ищутъ-то-ле кошоцьки подводноей,
Не находятъ-то кошки тутъ подводноей.
Да вперётъ-то-ле шли не чо не видѣли,
Да зглянули-то на гору Сарочинскую,
Увидали-то они тутъ злаченъ-чуденъ-кресъ;
Какъ здумалось имъ тутъ да помолитисе,
А бросали ноньце шлюпку они на воду,
Да спущалисе они да въ ету шлюпоцькю,
Выѣзжали на гору Сарочинскую,
Приходили ко кресту они ко чудному,
Кабы чудному кресту да помолилисе.
Да лежитъ-то голова тутъ чоловѣческа,
Да лежитъ-то-ле тутъ да сѣръ-горючь-камень;
Какъ берётъ-то Василей свою тростоцькю,
Какъ колотитъ-то голову онъ чоловѣческу:
«Ужъ-ты ой есь, голова—чья? чоловѣческа?»
Да провѣщилась глава, кось чоловѣческа,
Да руськимъ-то языкомъ чоловѣческимъ:
— Ужъ ты ой еси, Василей сынъ Буславьевичъ!
Я бы былъ молодецъ да не тебѣ вёрста,

Я лежу-то на горахъ на Сарочинскіихъ,
Да лежати-то тебѣ мою по праву руку.—
Кабы плюитце Василей ныньце, цюраитцэ:
«Ты сибѣ ты спала, да сибѣ видѣла».
Говоритъ-то-ле кось глава чоловѣческа:
— Я сибѣ-то спала, да тибѣ видѣла.—
Погленули они на сѣръ-то камешокъ,
На камню-то-бы есь да всё подписано,
На камню-то-ли есь тогда подрѣзано:
«Хто впередъ-то-ле скоцитъ, назадъ скоцитъ?»
Какъ скоцилъ-то Василей сынъ Буславьевичъ,
Какъ впередъ-отъ скоцилъ, назадъ не отскочилъ,
Кабы палъ-то Василей о сѣрой камень,
Какъ тогда-то Василью смерть случилосе.

75.

Садкò.

Какъ прежде Казань да слободой была,
Ищэ ныньце Казань да Новымъ-городомъ.
Какъ во той во Казани, въ Новомъ-городѣ,
У Левонтея попа, отца Ростовскаго,
Кабы было-ле пированьё, столованьё,
Кабы былъ у его тогда почесенъ пиръ,
Какъ на многихъ купцей людей торговыихъ,
На почотныхъ поповъ, отцовъ духовныихъ,
Да на всихъ кресьянъ православныихъ.
Кабы вси-то на пиру тутъ напивалисе,
Кабы вси-то на чесномъ тутъ наѣдалисе,
Да сидѣлъ на пиру купечъ богатыя,
Да по имени Садко купецъ богатыя;
Изъ ума-то Садко выпиваитце,
Изъ рѣцей-то Садко прошибаетце,
Говоритъ-то Садко таковы слова:
«Я въ Новомъ-городѣ товары всѣ повыкуплю,
Я на черныя на карабли всѣ повыгружу,
Я на Волгу-рѣку тогда повыплавлю».
И не хто-жо нынь-бы къ тѣмъ рѣцямъ не вяжотця,

Толькё вяжотця Левонтей-попъ духовный.
— Въ Новомъ-городѣ товары те не выкупить,
Да на чорныя на карабли не выгрузить,
Да на Волгу-рѣку тибѣ не выплавить. —
Да ударились они да о великъ залогъ,
Да не ё ста рублей, не ё тысецѣ,
О своихъ-то-ле бьютца буйныхъ головахъ.
Да бы началъ Садко купецъ просыпатисе,
Охватился Садко купецъ—дѣло неладноё;
Да берётъ три слуги съ собой вѣрныя,
Да беретъ-то три ящычка ныньце съ деньгами,
Да бы день-то купилъ весь до вечера,
Да накладывалъ товары всё на возы нынь,
Кабы выдержалъ казну свою изъ ящыковъ,
Какъ товару привезли да больше старого.
Какъ-де день-де купилъ, да другой купилъ,
Какъ товару въ городу да худо убыло,
Какъ купилъ-то Садко да ровно три дни нынь,
Какъ казны-то у Садка да мало можитце,
Какъ товару въ городу да много множитце.
Да зmолилса Садко да Господу Богу,
Какъ тому-то нынь Миколы нынь свѣтителю:
«Я построю тибѣ церковь соборную,
Да на-вóимё Миколы тутъ светителя».
Кабы тутъ у Садка да казны прибыло,
Въ городу-де товару мало можитця;
Розсылалъ онъ указы ныньце скóрыя,
Подводилъ-то черлены больши карабли,
Погрузилъ-то товары вси-то разныя.
Онъ пошолъ-то Садко-то да скоро за морё,
Онъ повёзъ-то товары вси-ти разныя,
Да ходилъ-то Садко да ныньце за морё,
Торговалъ-то товарами заморскима,
Да забылъ тогда Миколу онъ светителя.
Кабы выпродалъ товары онъ заморскія,
Какъ стгуль-то Садко сталъ поворотъ дёржать.
Какъ бѣжалъ-то Садко да по синю морю,
Середи моря карабли тутъ остоялися,
Опускали паруса бѣлы полотнены;
Да метали они щупы долгомѣрныя,

Да искали они кошоцьки подводныя.
Не находятъ они кошоцьки подводноей,
Кабы ходятъ по черленымъ большимъ караблямъ,
Увидали они цюдо право цюдное:
Какъ бѣжитъ-то къ нимъ шлюпоцька-то лёккая,
Кабы лёккая шлюпоцька, тутъ огненна,
Прибѣжала-то къ черленымъ большимъ караблямъ,
Да сидятъ-то во шлюпкѣ два гребца-то тутъ,
Какъ третей-то сидитъ да ныньце кормщицокъ,
Говоритъ-то имъ кормщикъ таково слово:
«Ужъ вы ой есь, молодцы да карабельщики!
Ужъ вы дайте чоловѣка виноватого».
Ищэ меньшіи хоронятца за средніихъ,
Ищэ средніи хоронятца за большіихъ;
Выходилъ-то Садко купецъ богатыя,
Да на тотъ-то черленой большой карабель,
Кабы падало на юмъ да старо прежноё:
«Не исполнилъ я Миколы-то свѣтителю,
Видно будётъ мнѣ итти да во синё морё,
Видно я-жо нынь топере виноватой быть».
Распростилса со своими да онъ товарыщами,
Какъ спускалса во шлюпоцьку-то лёккую,
Да берётъ-то съ собой гусли звончаты;
Какъ вернулася шлюпка тутъ ’ обратноё,
Побѣжала эта шлюпка по синю морю,
Прибѣжала эта шлюпка къ столбу огненну,
Да ввернулась эта шлюпка во синё морё.
Да очюдились-то двери тутъ хрустальнія,
Какъ зашолъ-то во двери онъ хрустальнія,
Онъ идётъ, Садко, по новой тогда горницы,
Какъ лежитъ-то на лавкѣ царь морской-ле тутъ:
«Южъ ты здраствуёшь, Садко купецъ богатыя!
Я прошу-то тебя да поиграть со мной,
Да во тѣ-же во пѣшки, нынь во шахматы,
Ишь-ле можь-ле звеселить меня, морска царя?»
Кабы ходитъ-то Садко купецъ богатыя,
По тому ходитъ по дому по хрустальнёму,
Заигралъ-то во свои да гусли звонцяты,
Кабы сталъ-то нынь морской царь нынь поршкивать
Какъ руками-то онъ сталъ да пошевеливать.

Кабы пуше играть Садко во свои гусли,
Какъ садилса-то царь да на ж... нынь,
Кабы сталъ-то играть Садко попуще-же,
Кабы сталъ-то морской царь да поплясывать;
Сколыбалосе тогда да всё синё морё,
Заходила-то пова́льня тогда сильняя.
Да подумалъ-то Садко купецъ богатыя,
Во своёмъ-то умѣ, да крѣпкомъ разумѣ:
«Я-то много потоплю караблей купеческихъ».
Онъ розорвалъ свои да гусли звонцяты,
Говоритъ ему топере нынь морской-отъ царь:
— Ужъ-ты ой еси, Садко купецъ богатыя!
Ты поцинь-ко свои да гусли звонцяты.—
Говоритъ ему Садко купецъ богатыя:
«Я уцилса играть да въ гусли звонцяты,
Не уцилса я починить гусли звонцяты».
Кабы это царю не полюбилосе,
Онъ хватилъ-то Садка за длинну бороду,
Онъ-то бросилъ Садка да вонъ изъ терему.
Да очюдилса Садко купецъ богатыя,
Подъ своимъ-то тогда-ли Новымъ-городомъ,
Какъ лёжитъ у воды да онъ на берегу.
Да ставалъ-то тогда Садко-то на ноги,
Отресалъ свою длинну-большу бороду,
Приходилъ-то Садко да въ Новой-городъ-отъ;
Да стрѣцяютъ его купци богатыя,
Да стрѣцяютъ нынь попы отцы духовные,
Да стрѣцяютъ хресьяна православные:
«Ужъ ты здраствуёшь, Садко купецъ богатыя!
Кабы восемь лѣтъ тебя мы не видали нынь».
Да пошолъ-то Садко ’ своёму терему,
Да бы раньше-то пришли его чёрны карабли.
Нанималъ-то Садко да тогда плотничковъ,
Какъ строилъ соборну Божью церковь нынь,
Какъ тому-жо онъ Миколы всё свѣтителю.

76.

Данилко Денисьевичъ.

Кабы Волга-рѣка да розливалосе,
Кабы тихой-де Донъ тогда повыбрызгалъ,
На Дону-де казаки зволновалисе,
Зволновался-де Данилко-воръ Деписьевичъ:
«Ужъ вы милые-де братцы, добры молодцы!
Ужъ вы стройте-ко Данилу новъ черленой стругъ,
Кабы носъ-де корма по звѣриному,
Ищэ хоботы металъ штобы по змѣиному,
На середоцькю постройте мураменъ чердакъ,
Во чердакъ ноньце кравку слоновыхъ костей,
Потените кроватку дорогимъ сукномъ,
Испробейте кроватку золотымъ гвозьёмъ».
Ищэ тутъ молодцы всё не отслышелись,
Да построили Данилу новъ черленой стругъ,
Ищэ носъ-де, корма да по-звѣриному,
Ищэ хоботы-то мѣцётъ по-змѣиному,
На середоцькю построили мураменъ чердакъ,
Во чердакъ ноньце кроватку слоновыхъ костей,
Потенули кроватку дорогимъ сукномъ,
Испробили-то кроватку золотымъ гвозьёмъ.
Ищэ стали-то они да снаряжатисе,
Ищэ стали-то ёни да сподоблятисе,
А берутъ они веселышка дубовыя,
Говоритъ-то имъ Данилко-воръ Денисьевичъ:
«Ужъ вы милые-де братцы, добрые молодцы!
Вы гребите-ко робята день до вечеру,
Темну ночинькю гребите до бѣла-свѣту,
Не пиваюцись гребите, не ѣдаючись,
Да бѣлымъ рукамъ отдоху не даваючись,
Вы гребите-ко на усьё славну тиху Дну,
Заставайте карабли новы купечески».
Да гребутъ ныньце робята день до вечера,
Темну ночинькю гребутъ да до бѣла свѣту,
Выгребали-то на усьё славно тиху Дну,
Заставали карабли новы купечески,

Обирали вси товары, вси заморскіе,
Да ёттуль-то нынь Данилко поворотъ держитъ.
Да змолилисе купци да Господу Богу,
Подымалась тогда туця тёмна грозная,
Кабы выпала изъ туци громова стрѣла,
Пострѣлила-то Данилка всё Денисьева,
Да тогда-то нынь Данилку смерть случилосе.
Да пристали-то робята на крутой берегъ,
Да построили гробницу бѣлодубову,
Погребли-то Данила во сыру землю.
Кабы ѣдутъ-то робята день до вечера,
Да приходитъ-то тогда да ноцька темная,
Набѣжалъ-то Данилко-воръ Денисьевицъ,
Становилъ-то бы ихъ да середи рѣки,
Да крычитъ-то, громитъ, да зычнымъ голосомъ:
«Ужъ вы милые братцы, добры молодцы!
Не утти-то вамъ будётъ, не уѣхати».
Какъ стоятъ-то они да вплоть до утра тутъ.
Кабы сталъ-то тогда да ныньце бѣлой день,
Кабы палъ-то Данилко внизъ на землю тутъ,
Подъѣжжали-то робята круту берегу,
Погребли-то Данилка во сыру землю,
Да оттуль-то робята всё поѣхали.
Кабы ѣдутъ-то-ле день да всё до ноци всё,
Какъ приходитъ-то-ле ноцька ныньце тёмная,
Набѣжалъ-то Данилко воръ Денисьевичъ,
Становилъ-то-бы ихъ да середи рѣки;
Крычитъ-то, громитъ онъ зычнымъ голосомъ:
«Ужъ вы милые братцы, добры молодцы!
Не удти-то вамъ будётъ, не уѣхати,
Несухимъ-то путёмъ, да вамъ не водою».
Кабы былъ у его да нынь подруцницёкъ,
Да подруцьницёкъ былъ его, постельницёкъ,
Да слыхалъ онъ отъ Данилка таково слово:
«Да не дёржитъ меня да мать сыра земля,
Тольки дёржитъ меня да нонь осиновъ колъ».
Да бы стала-де зоря, да тогда бѣлой день,
Да бы палъ-то Данилко внизъ на землю нынь,
Подъѣжжали-то робята добры молодцы,
Положили-то Данилку вничъ на землю всё,

Находили-то они тогда осиновъ колъ,
Какъ колотятъ-то они да проти серьча тутъ,
Да осталсе тутъ Данилко сынъ Денисьевичъ.

77.

Кострюкъ.

Грозной царь государь Иванъ Васильевичъ
Не успѣлъ воцаритисе, захотѣлъ поженитисе;
Послалъ посла, скора сватовщыка,
Старого Микиту Романовича
Во дальню землю, во орду во невѣрную,
Демрюку на доцери,
Кострюку на родной сестры, на Маріи,
На крыницы на царскоей,
На вельможѣ на великоей.
Всё не отказываютъ, всё приказываютъ.
Собирались во церковь во Божію,
Примали закону Божьёго;
Пиръ-отъ пошолъ о полу́пира,
Столъ-отъ пошолъ о полу́стола,
Вси на пиру напивалисе,
Вси на чесномъ наѣдалисе,
Одинъ Кострюкъ Демрюковичъ,
Онъ не ѣсъ-ле, не пьётъ, не кушаётъ,
На тебя-ли, на царя думу думаётъ,
На Марью сестру судину́ творитъ:
«Я семъ городовъ побывалъ,
Семъ борцовъ поборолъ,
Есь-ле борцовъ поборотисе?
За любовъ попытатисе?»
— У насъ есь ноньце Васинькя маленькёй,
Потанюшка Хроминькой.—
Говоритъ-то Кострюкъ Демрюковичъ:
«Што это за гадина идётъ?
Уже што за перегадина идётъ?
На одну доло́нь посажу, другой придавлю!»
Потанюшка приспра́вилсэ,

За черны кудри загра́билсэ,
Выздыма́лъ выше дерева шаро́вова,
Бросилъ Кострюка на сыру землю;
Не рубашка-ли по́рскнула,
Не кожа-ли треснула,
Побѣжалъ Кострюкъ, дыру доло́нью захватилъ:
«Не дай Богъ на светой Руси бывать,
Въ каменной Москвы,
Не дѣтямъ моимъ не внучатамъ».

78.

Голубинная книга.

Подымалась туця темно-гро́зная,
Какъ со той страны со восточноей,
Да заблёкъ-де батюшко свѣтёлъ мѣсецъ,
Призатухло-ле вотъ красно солнышко.
Да изъ той изъ тучи тёмно-грозноей,
Выпадала книга голубинная,
Да на ту гору-де на Фаргорскую,
Ко тому-де кресту животворящому,
Ко распятьицу да ко Христовому.
Въ долину была книга сорока локотъ,
Въ толщыну была книга дватцети локотъ;
Да про ту про книгу голубинную,
Разселилася славушка немалая,
Да по всимъ землямъ, по всѣмъ разныимъ,
Да по всимъ городамъ да по уѣздныимъ.
Да на ту на славу на великую,
Собиралося, да соѣжжалося,
Какъ сорокъ царей, сорокъ царевицей,
Да сорокъ королей, сорокъ королевицей;
Да изъ тихъ царей, изъ тихъ царевицей,
Да изъ тихъ королей, да королевицей,
Выбиралося-то равно три царя,
Равно три царя да всѣ премудрые:
Да первой-отъ царь да Волото́монъ-царь,
Волото́монъ-царь, сынъ Волото́мо́новичъ,

Да второй-отъ царь Давыдъ Евсеевичъ,
Да бы тре́тей царь—сударь Исай-пророкъ.
Да спрого́ворилъ, да спромо́лвилъ нашъ,
Да спромо́лвилъ нашъ да Волото́монъ-царь,
Волото́монъ-царь, сынъ Волотомо́новичъ:
«Ужъ ты ой еси, нашъ премудрой царь,
Ты премудрой царь Давыдъ Евсѣевичъ,
Ты бери-ко книгу на бѣлы руки,
На рукахъ держи-ты, на ногахъ стой».
Какъ спроговорилъ нашъ премудрой царь,
Нашъ премудрой царь Давыдъ Евсѣевичъ:
— На рукахъ держать, да мнѣ не со́держать,
На ногахъ стоять, да мнѣ не про́стоять.—
Да спрого́ворилъ да нашъ премудрой царь,
Нашъ премудрой царь Давыдъ Евсѣевичъ:
«Ужъ ты ой еси, нашъ премудрой царь,
Нашъ премудрой царь, сударь Исай-пророкъ!
Ты бери-ко книгу на бѣлы руки,
На рукахъ держи ты, на ногахъ стой,
Розмыкай ты книгу голубинную,
Ты читай-ко книгу голубинную,
Ты по старой паме́ти, по грамоты,
Ты скажи-ко намъ, ты повѣдай-жо:
Отчего зачалса нашъ нынь вольнёй свѣтъ?
Отчего зачалось нашо сонцо красное?
Отчего зачалса нашъ свѣтёлъ месецъ?
Отчего зачалися зори утренны?
Отчего зачалися наши звѣзды частыя?
Отчего зачалися наши вѣтры буйные?
Отчего зачалися наши дожжи мелкiе?
Да которой Богъ да надъ богами Богъ?
Да которой царь да надъ царями царь?
Да которой звѣрь да надъ звѣрями звѣрь?
Да котора птица всимъ птицамъ ма́ти?
Да котора рыба всимъ рыбамъ мати?
Да которо морё всимъ морямъ море?
Да которо полё всимъ полямъ полё?»
Кабы бралъ Исай книгу голубинную,
На рукахъ держалъ, да на ногахъ стоялъ,
Розмыкалъ онъ книгу голубинную,

Онъ сказалъ-то имъ, да поповѣдалъ-жо,
Онъ по старой по памети, по грамоты:
— Оттого зачалса нашъ-то вольнёй свѣтъ:
Самого Христа Царя Небёсного,
Самого Христа да отъ оцей его;
Оттого зацялось да сонцо красное:
Самого Христа Царя Небёсного,
Самого Христа да ото лба его;
Оттого-то зацялса свѣтёлъ мѣсецъ:
Самого Христа Царя Небёсного,
Самого Христа да отъ тыла его,
Отъ тыла его, да отъ верхёвишша;
Оттого зачялись да зори утренны:
Самого Христа Царя Небёсного,
Самого Христа да отъ косицъ его;
Оттого зацялись да звѣзды частыя:
Самого Христа Царя Небёсного,
Самого Христа да отъ ушей его;
Оттого зацялись да вѣтры буйныя:
Самого Христа Царя Небёсного,
Самого Христа-ли отъ здыханьица;
Оттого зацялись да дожжи мелкія:
Самого Христа Царя Небёсного,
Самого Христа-ли отъ слезовъ его;
Кабы самъ Богъ-Савовъ да надъ богами Богъ,
Да бѣлой-отъ царь да надъ царями царь,
Дабы вѣруемъ вѣру самого Христа,
Самого Христа Царя Небёснаго;
Однорогой звѣрь да надъ звѣрями звѣрь;
Естрепёлъ-птица да всѣмъ птицамъ птица,
Естрепёлъ-птица да вострепещетца,
Акіенъ-морё всё расколыблитця;
Кабы титъ-рыба да всѣмъ рыбамъ рыба,
Да за то рыба, да мать земля стоитъ,
Да на трёхъ титахъ была основана,
Да на трёхъ титахъ, на трёхъ подтитышахъ;
Да Ондрóнъ-полё да всимъ полямъ полё,
Да за то полё, да война первая,
На Ондронъ-полѣ будётъ послѣдняя;
Да при первой войны было первоё:

Кабы кривда съ правдой тутъ тягалосе,
Дабы кривда-то сѣрымъ заечомъ,
Кабы правда-то бѣлымъ заечомъ,
Кабы кривда правду издоляла-жо,
Кабы правда-то да ушла на́ небо,
Кабы кривда-то по темнымъ лѣсамъ,
По темнымъ лѣсамъ, да по добрымъ людямъ,
По добрымъ людямъ, да по людскимъ серчамъ.

79.

Небылица про щуку изъ Бѣлаго озера.

Да худому-де горё да не привяжетса,
Да тому-то-де горюшко нонь привяжитцэ,
Ищо хто-жо горё можотъ измыкати,
Послѣ матери горё перемыкати.
Да это не чудо, да не диковина,
Да я-то того-то почудне скажу,
Почудне-де скажу, да подиковинне:
Да медвѣдь-отъ летитъ да поподнебесью,
Да короткими лапами помахиватъ,
Да короткимъ хвостикомъ подправливатъ.
Да это не чудо, да не диковина,
Да я-то того да почудне скажу,
Почудне-то скажу, да подиковинне:
Да корабль-отъ бѣжитъ да по сырой земли,
Да тёмные лѣсы да бицевой идутъ.
Да это не чудо, да не диковина,
Да я-то того да почудне скажу,
Почудне-то скажу да подиковинне:
Да во славномъ-то было да Бѣлѣ-озерѣ,
Заселилася щука да пріогромная,
Да робятъ-де хвататъ, да жеребятъ глотатъ,
Кабы стали-то думу да они думати:
Ищэ какъ-то бы щуку да нынь добыть её?
Да сковали-то уду нынь де́сить пудовъ,
Да надѣли жеребёнка тутъ кобыльяго,
Да бросили-де во славно Бѣло-озеро.

Да хваталася щука пріогромная,
Да немала, невелика девяносто пудъ.
Потенули-то щуку нынь на вёшной лёдъ,
Да бы вёшной-отъ лёдъ тутъ изгибаитце,
Кабы добыли-то щуку на крутой берегъ,
Да отсѣкли у щуки большу голову,
Положили-то голову на больши сани,
Повезли эту голову во-три́ коня,
Повезли-то-ли голову къ самому царю.
Привозили-то голову къ самому царю,
Собиралосе народу да много множество,
Удивилисе они да большой головы,
А отсѣкли у ей да праву ягодицу,
Отдавали царю ей на почесенъ пиръ,
Пировали-столовали тутъ чѣлы суточки,
Кабы вси-то тутъ ягодицей наѣдалисе.

---

18. Дитятевъ Алексѣй Ивановичъ.

Слѣпой старикъ 71 года. Живетъ очень бѣдно на самомъ краю зарѣчной стороны Виски, въ маленькой избушкѣ, вмѣстѣ съ роднымъ братомъ. Когда я пришелъ къ А. И. онъ на берегу рѣчки съ мальчонкомъ, своимъ племянникомъ, пилилъ на дождѣ дрова, а зрячій братъ въ избѣ вязалъ сѣти... Старины знаетъ А. И. прекрасно, поетъ твердо и сильно акаетъ при пѣніи, между тѣмъ при разговорѣ аканья совсѣмъ незамѣтно, да и неоткуда ему быть. А. И. прекрасный сказочникъ; и сказки онъ знаетъ твердо, разсказываетъ очень хорошо, складно. Кромѣ спѣтыхъ мнѣ старинъ знаетъ еще: Добрыня и змѣя, Потыкъ, Васька Окуловъ, Сорокъ каликъ, Агрикъ, Егорій храбрый и нѣсколько духовныхъ стиховъ.

80.

Иванъ Горденовъ.

Во стольноёмъ во городи во Кіеви,
У ласкова князя у Владыміра,
Было пиро́ваньё-столо́ваньё,
Да былъ у него, братцы, почесенъ пиръ,
Про многихъ князей, да многихъ бояровъ,
Да сильныихъ русскіихъ богатырей;
Да вси на пиру да пьяны веселы,
Да всѣ на чесномъ потѣшаютца,
Растѣшилса солнышко Владыміръ-князь,
Да пагуливатъ па гриденкѣ по свѣтлоей,
Па той-же середы кирпищатой,
Рѣзвыма ногами ёнъ поступыватъ,
Бѣлыми руками ёнъ розмахиватъ,
Русыма кудрями принатряхиватъ,
Яснымa оцями на всѣхъ згледыватъ;
Ёнъ завидѣлъ юдала добра молодца,
По имени Ивана всё Горденова:
«Ты ой есь, Иванъ да сынъ Горденовичъ!
Ты што-же сидишь ёчунь не весело?
Повѣся держишь да буйну голову?
Потупя очи ясны во кирпищатъ полъ?
Али мѣстомъ тебя мы пріюнизили?
Али цары тибѣ да не доносили?»
— Ажъ ты ой еси, солнышко Владыміръ-князь!
Вы мѣстомъ меня да не юнизили,
Да цары-ти мнѣ-ко-ва доно́сили,—
У тя всѣ на пиру сидятъ паженены,
У тя красныя дѣвичи повыданы.
Единъ я, Иванъ, да, царь, холо́стъ хожу,
Я хало́стъ-отъ хажу, да не женатъ живу;
Захотелосе-бы мнѣ да поженитисе,
Да во стольнёмъ городѣ въ Черниговѣ,
У ласкова у князя у Черниговска,
На его-же на любимой на дочери,
На душкѣ-Маринкѣ лебедь-бѣлой,

На той Маривьяны на прекрасноей.—
Гаваритъ-то нашъ солнышко Владымiръ-князь:
«Когда хочешь, Иванъ, дакъ можешь на ей».
— Ажъ ты ой еси, дядюшка родимой мой,
Ты солнышко батюшко Владымiръ-князь!
Одному-то мнѣ теперь не взять будётъ,
Мнѣ надо мнѣ тридцать всё богатырей,
Да сильнiихъ русскихъ храбрыхъ воиновъ.—
Гаваритъ-то нашъ солнышко Владымiръ-князь:
«Ты ой есь, Добрынюшка Микитицъ бладъ!
Садись-кё Добрыня за дубовой столъ,
За дубовой-отъ столъ, да на ремещетъ стулъ,
Пиши ерлыки да скоропищеты».
На то-де Добрыня не ёслышалсэ,
Да скоре́ садитца за дубовой столъ,
За дубовой-отъ столъ, да на ремещетъ стулъ,
Писалъ ерлыки да скоропищеты;
Срежаитце Добрыня во чисто полё,
Уздаётъ, сѣдлаетъ коня доброго,
Да скоре садитца на добра коня,
Поѣхалъ Добрыня во чисто полё,
По тимъ по дорогамъ по широкiимъ
Металъ ерлыки, да скоры грамотки.
Соѣжжалисе богатыри во Кiевъ-градъ,
Да тридцать-де три ровно богатыря,
Да ко ласкову князю на почесенъ пиръ.
Да пиръ-отъ идётъ да о полупиру,
Да столъ-отъ идётъ да о полу-стола,
Да князь-отъ Владимiръ о полухмеля,
Да день отъ идётъ у насъ ко вечеру,
Да солнышко катитце ко западу,
Кнеженевская радость въ полурадости,
Гаворилъ-то Иванъ сударь Гарденовичъ:
«Ты солнышко батюшко Владымiръ-князь.
Ты откатывай боцьки сороковоцки,
А сорокъ намъ бочёкъ зелена вина,
Двадцеть намъ бочёкъ да пива пьяного
Сорокъ намъ возовъ да харчу хлѣбного,
Давай мнѣ товару на сорокъ тысечей,
Заплачу тибѣ сударь деньги полныя».

На то-же Владымiръ не отслышелсэ,
Откатывалъ боцьки сороковоцьки,
Сорокъ-де боцёкъ да зелена вина,
Двадцеть намъ бочёкъ пива пьяного,
Сорокъ намъ возовъ да харчу хлѣбного,
Давалъ-же товару на сорокъ тысицей.
И стали молодцы да нонь срежатисе,
Скаре того да сподобляютцэ,
Во первыхъ, старъ-казакъ Илья Муромецъ,
Со своимъ-же бы онъ да со десяточкёмъ,
Во вторыхъ, Самсонъ сынъ-Колыбановичъ,
Со своимъ-же бы онъ да со десяточкёмъ,
Во третьихъ, Борисъ сударь Горденовичъ,
Со своимъ-же бы онъ да со десяточкёмъ;
Уздаютъ, сѣдлаютъ коней добрыихъ,
Да скоро-де скачутъ на добрыхъ коней,
Не видали молодцовъ когда на конь сяли,
Да видятъ тамъ во полѣ курива стоитъ,
Скопотили пески мелки сыпучiе.
Да скоре́ поетца, скоре́ скажитца,
Да много-де времени минуетца,
Подъѣжжаютъ подъ славной подъ Черниговъ-градъ,
Становилисе ёни на зелены луга,
Розоставили шатры бѣлополотнены,
Отъ Чернигова-града за двенадцеть вёрстъ,
Да стали пировать, да столовати-же,
Да стали ёни да думу думати:
«Кому изъ насъ итти во Черниговъ градъ?
Кому-же итти изъ насъ свататцэ?
Послать намъ Алёшенькю Поповица,
Второго Добрынюшку Микитица,
Умѣютъ они да право чесь воздать,
Чесь-ту воздать и слово вымолвить».
На то молодцы да не ётслышались,
Поѣхалъ Добрынюшка Микитицъ-бладъ,
Другiя Ёлешинькя Поповицъ-бладъ,
Да ѣдутъ во славенъ во Черниговъ градъ,
Ка городу ѣдутъ не дарогою,
Они въ городъ заѣжжаютъ не варотами,
Скачутъ черезъ стѣну городовую,

Ка тимъ-же полатамъ княженевскіимъ,
Ко тому ко крыльцю ко прекрасному,
Да скацютъ-де скоро со добрыхъ коней,
Да вяжутъ своихъ да коней добрыихъ,
Ка тому-же столбу да ко дубовому,
За то-же колечико серебрено;
Заходятъ они да на красно крыльцо,
Проходятъ они да во новы сѣни,
Изъ новыхъ сѣней во гриню во столовую,
А молятце ёни да Господу Богу,
Ёни кресъ кладутъ да по писанному,
Паклонъ-отъ ведутъ да по учёному,
Да кланятце на всѣ четыре стороны:
«Здравствуёшъ, князь Өедоръ Черниговской!»
— Приходите, удалы добры молодцы!
И куда идите, да куды правитесь?—
«Идемъ ка' ё доброёмъ ё дѣлѣ ё сватовсвѣ,
На твоей-же на любимоей на дочери,
На душкѣ-Маринкѣ лебедь-бѣлоей,
На той Маремьяны на прекрасноей,
За того-же за Ивана за Горденова».
Гаваритъ-то имъ князь-Өёдоръ Черниговской:
— Не Иванъ-то поставилъ ишшо плёночку,
Не Горденову попала въ плёнку уточкя,
Поставилъ плёнку Васинькя Окуловичъ,
Да Васинькѣ попала въ плёнку уточка;
Да Васинька Окуловичъ весьма великъ:
Промежду-де плецьми его коса сажень,
Промежду-де глазьми его цѣлой аршинъ,
Да ноги его будто кичижища,
Да руки его какъ сильни граблища,
Да очи его какъ пивны чашища,
Да уши его какъ царски блюдища,
Голова ю него бутто пивной котёлъ,
Да тотъ-же котёлъ сорока ведёръ.—
Говорилъ-то Добрыня не юподывалъ:
«Ты ой есь, князь-Өёдоръ Черниговской!
Ты тѣмъ-то-де насъ нынь не юстрашивай,
Самихъ-же насъ здѣсь триццеть богатырей,
Да сильніихъ русскихъ храбрыхъ воиновъ,

Ты чесью намъ дашь, дакъ возьмемъ съ радосью,
Ты чесью не дашъ, мы возьмемъ не́чесью».
Пошолъ-то-де князь-Ѳёдоръ Черниговской,
Ко своей онъ ко дочери любимоей:
«Ты душка-Маринка лебедь-бѣлая!
Идёшъ-ли за Ивана за Горденова?»
— Не Иванъ-де поставилъ ище плёноцькю,
Не Горденову попала въ плёнку уточка,
Да поставилъ плёнку Васинька Окуловичъ,
Да Васиньки попала въ плёнку уточка.—
А и тутъ-то князь-Ѳёдоръ осержаптце,
Хватилъ-то свою да саблю вострую:
«Ссѣку я тибѣ да по плечь голову—
Нейдёшъ за Ивана за Горденова?»
— Ажъ ты ой есп, батюшка родимой мой!
Я не ѣду типерече на ихъ коняхъ,
Суреди-же ты мнѣ да своего коня.—
Суредили-же ее́ да ворона коня,
Выходила Маримьяна дочь прекрасная,
Садилась она на ворона коня,
Поѣхала она да на зелёны луга,
Ко тимъ ко шатрамъ бѣлополотненымъ,
Стрѣчатъ-то Иванъ да сынъ Горденовичъ,
Бере́тъ-то ее́ да за бѣлы руки,
Сыматъ ее́ да со добра коня,
Чолуетъ ее́ въ уста сахарныё,
Заводитъ её да во-бѣлъ шатёръ.
Пировали, столовали трои сутоцьки,
Аттуль молодцы да поворотъ даютъ,
Обирали шатры бѣлополотнены,
Да скоре́ садяцца на добрыхъ коней,
Да ѣдутъ во стольнёй славной Кіевъ-градъ.
Да ѣдутъ ёни да по чисту полю,
Имъ пала дорожка поперецная,
Поперецна дорожицька, кровавая,
Да тутъ молодцы остановилисе,
Говорилъ-то Иванъ сударь Горденовичъ:
«Ты ой есь, Борисъ сударь Горденовичъ!
Поѣдь со своимъ да со десяточкёмъ,
Извѣдай дороженчкю кровавую».

На то-де Борисъ не ётслышалсэ,
Поѣхалъ со своимъ да со десяточкёмъ.
Поѣхали ёни да по чисту полю,
Имъ пала дорожка поперечная,
Поперецна дорожечька, кровавая,
Да тутъ молодцы остановилися,
Говорилъ Иванъ сударь Горденовичъ:
«Ты ой есь, Самсонъ сынъ Калыбановичъ!
Ты поѣдь со своимъ да со десяточкёмъ,
Извѣдай дорожечкю кровавую».
На то-де Самсонъ да не ётслышалса,
А уѣхалъ со своимъ да со десяточкёмъ.
Поѣхали ёни да по чисту полю,
Имъ пала дорожка поперецная,
Поперечна дорожоцька кровавая,
Да тутъ молодцы остановилисе,
Говорилъ-то Иванъ сударь Горденовичъ:
«Ты ой есь, старой да Илья Муромецъ!
Ты поѣдь со своимъ да со десяточкёмъ,
Извѣдай дорожечкю кровавую».
Говорилъ-то старой да Илья Муромецъ:
— Ты ой есь, Иванъ сударь Горденовичъ!
Ты оставь сибѣ меньшого слугу паробка.—
Говорилъ-то Иванъ сударь Горденовичъ:
«Поѣжжай со своимъ со всѣмъ десяточкёмъ».
Говорилъ-то старой да Илья Муромецъ:
— Ты оставь сибѣ меньшого слугу паробка.—
Скрычалъ-то Иванъ сударь Горденовичъ:
«Говорятъ поѣжжай со всѣмъ десяточкёмъ!»
На то-де старой да не ётслышелсэ,
Поѣхалъ со всимъ своимъ десяточкёмъ;
Поѣхалъ Иванъ сударь Горденовичъ,
Со душкой-Маринкой лебедь-бѣлою.
Заѣхали они да въ лѣсы темныя,
Да тутъ-то они остановилисе,
Раскинули шатёръ да бѣлъ-полотненой,
Легли они спать, да опочинъ держать.
Какъ о ту было пору и о то времё,
Наѣхалъ-де Васинька Окуловичъ,
Крычитъ-то Василей во всю голову:

«Ты блять-ле, ворона пустопёрая!
Ты та-жо сорока огумённая!
Куда полетѣлъ по чисту полю?
Да полно те спать, право пора ставать».
Ото сну тутъ Иванъ пробужаитцэ,
Въ одно́й-де рубашечкѣ безъ пояса,
Въ одны́хъ-де чулочкахъ безъ чоботовъ,
Выскакивалъ скоро вонъ на улицу,
Бѣжитъ-то ко Василььки на стрѣту-же.
Да ѣдетъ Василей на добромъ конѣ,
Махнулъ-то Василей саблей вострою,
На то-же Иванъ да былъ ювертливой,
Подвернулса подъ гриву лошадинную,
Промахнулса-то Васинькя Окуловицъ,
Хватилъ-то Иванъ да за русы кудри,
Да сдёрнулъ его да со добра коня,
На ту-же на матушку сыру землю,
Садилса ему да на бѣлы груди,
Растегивалъ пуговки тальячныя:
«Ай ты душка-Маринка лебедь-бѣлая!
Подай-ко синьжалищо булатенъ-ножъ,
Распороть-то бы мнѣ да груди бѣлыя,
Пасматрѣть-то бы мнѣ да ретиво сэрцо».
У него у собаки у проклятоей,
Да во ртѣ языкъ право ворочатце:
— Да душка-Маринка лебедь-бѣлая!
За имъ-то те быть, будётъ служанкой слыть,
За мной-то те быть, будёшъ царицой слыть.—
Прибѣжала Маремьяна дочь прекрасная,
Попутала Ивана всё Горденова,
Да справилса Васинькя Окуловицъ,
Да скакалъ-то Василей на рѣзвы ноги,
Прижимали Ивана ко сыру дубу,
Да опутали во путинки шелковыя:
«Да тебѣ сырой дубъ да молода жена».
Заходили ёни да нынь во бѣлъ-шатёръ,
Да не закинули ю шатра да полу правую,
Легли ёни спать, да ёпочинъ держать.
Во ту было пору и во то времё,
Прилетѣли изъ чиста поля два голуба,

Садились ёни да на сыро дубьё,
На самыя ёни да на вершиночки,
Ювидѣлъ-то Василей ёнъ двухъ голубовъ,
Хватилъ ю Ивана право тугой лукъ,
Хваталъ его стрѣлоцьку калёную,
Натегатъ-то Васильюшко нонь тугой лукъ,
Стрѣлятъ-то Василей въ этихъ голубовъ,
Не дошедши стрѣла ихъ поворотъ даётъ,
Разлеталася Васинькѣ въ бѣлы груди,
Распорола его да груди бѣлыя,
Сомѣшалась его да кровь со печенью,
Да тутъ-то Василью смерть случиласе.
Выходила Маривьяна изъ бѣла шатра,
Ёна кланяитца Ивану въ ногу правую:
«Прости глупу бабу во первой вины».
— Спростай-ко меня да отъ сыра дуба,
Прощаю тебя да во первой вины.—
Роспростала опутинки шелковыя,
Спросталса Иванъ сударь Горденовичъ,
Одевайтце ' своё да платье чвѣтное,
Да скоре садицца на добра коня,
А душка-Маринка за имъ-же тутъ.
Поѣхали они да лѣсомъ темныимъ,
Доѣхали они да нонь до рѣченьки,
Да тутъ-то они остановилисе,
Да слезъ-то Иванъ да со добра коня:
«Ты душка-Маринка лебедь-бѣлая!
Захотѣлосе бы мнѣ-ка-ва напитисе,
Ты подай-ко-ся мнѣ воды ключавоей».
Слезоваётъ Маривьяна со добра коня,
Берётъ-то Иванъ да саблю вострую,
Атсѣкъ онъ у ей да поколѣнъ ноги:
«А эти мни ноги-ти не надобно,
Со поганымъ татариномъ оплеталисе».
Отсѣкъ онъ у ей да полокотъ руки:
«Да ети мнѣ ручишша не надобно,
Со поганымъ тотариномъ обнималисе».
Отсѣкъ онъ у ей да носъ-отъ съ губами:
«Эти мнѣ губишша не надобно,
Со поганымъ тотариномъ чѣловалисе».

Умывалъ-то Иванъ да руки бѣлыя,
Уѣхалъ въ пещеры во великія,
Да началъ Иванъ Багу (такъ!) малитисе.

81.

Скопинъ.

Во славномъ во городѣ во Кіевѣ,
У ласкова у князя у Владыміра,
Родилось у его да чадо милоё.
Со той-же со радости великоей,
Завёлса ю князя-то почесенъ пиръ,
Пра многихъ князей да многихъ бояровъ,
Пра тихъ-же мѣщанъ 'ся городовыихъ,
Пра тихъ-же купцей людей торговыихъ,
Да всѣ на пиру пьяны-веселы,
Да всѣ на пиру потѣшаютце,
Ростѣшилса солнышко Владыміръ-князь,
Онъ пагуливалъ по гриденки па свѣтлоей,
По той-же по середы кирпичатой,
А рѣзвыма ногами ёнъ поступывалъ,
Бѣлыма руками приrозмахивалъ,
Изъ рѣцей-то Владыміръ выговаривалъ:
«Ты ой есь, княгина да мать Апраксія!
Намъ каго-же поставити въ кумушки?»
Говоритъ-то княгина мать Апраксія:
— Надь-бы съѣздить во Галичу во Малую,
Во ту-же Карелу прибогатую,
Позвать удала добра молацца,
А Скопина-ли Михаила сына Ивановича,
Его-же поставити во кумушки.—
«Кого-же послати въ Малу Галичу?»
— Послать намъ Добрынюшку Микитиця,
А Добрынюшка Микитиць онъ крестовой братъ,
А послушатъ Скопинъ своего крестовушка.—
Говоритъ-то нашъ солнышко Владыміръ-князь:
«Ожъ ты ой есь, Добрынюшка Микитиць бладъ!
Ты съѣзди во Галичу во Малую,
Во ту-же Карелу прибогатую,

Позови-ко юдала добра молоцца,
Ко князю его да всё во кумушки».
На то-де доброй молодецъ не ётслышалсэ,
Да сталъ-то Добрынюшка срежатисе,
Скоре-де того онъ сподоблеитце,
Уздаетъ, сѣдлаетъ коня доброго,
Ёнъ скоре́ садитца на добра коня,
Онъ поѣхалъ во Галичу во Малую,
Во ту-же Карелу прибогатую,
Ко тимъ-же ко теремамъ высокіемъ,
Ко тимъ-же окошечкямъ косявчатымъ,
’ тому-же крылечушку прекрасному.
Да скоро-де слазитъ доброй молодецъ,
Да скоро-де слазитъ со добра коня,
Да вяжотъ своего коня доброго,
’ тому-же столбу да ко дубовому,
За то-же колечушко серебрено,
Заходитъ Добрыня на красно крыльцо,
Проходитъ Добрыня во новы сѣни,
Изъ новыхъ сѣней во гриню во свѣтлую,
Да молитце Добрыня Господу Богу,
Онъ и крестъ-отъ кладётъ да по писанному,
Онъ поклонъ-отъ ведётъ да по учёному,
Ёнъ кланятца на всѣ четыре стороны,
Сидитъ-то вѣдь тутъ право служаноцька:
«Не ты-ле Скопину родна матушка?»
— Я сижу-то его вѣрна служаноцька.—
«Да гдѣ-же Скопинова родна матушка?»
— Проходи тамъ вперёдъ да во свѣтлу гриню.—
Проходитъ Добрынюшка Микитицъ бладъ,
А молитца Добрыня Господу Богу,
Ёнъ крестъ-отъ кладётъ по писаному,
Поклонъ-отъ ведётъ по ученому,
Ёнъ кланетце на вси четыри стороны,
Сидитъ-то вѣдь тутъ право служаноцька:
«Не ты-ле Скопина родна матушка?»
— Проходи тамъ вперёдъ да во свѣтлу гриню.—
Проходитъ Добрынюшка Микитицъ бладъ,
Да молитца Добрыня Господу Богу,
Да кланятца на всѣ четыре стороны:

«Да здраствуй, мой названушко крестовой братъ!»
— Да здраствуй, Добрынюшка крестовой братъ!—
Да скоро скочилъ да на рѣзвы ноги,
Берётъ-то его да за бѣлы руки,
Да хочетъ онъ дѣлать пиръ великія,
Да ради своего онъ крестовушка.
«Отъ ты ой есь, названой мой крестовушко!
Скопинъ-ле Михайло сынъ Ивановичъ!
Нельзя мнѣ сидѣти на чесномъ пиру,
Я посланъ тебѣ да на ускóрую,
Ѐтъ ласкова князя отъ Владыміра,
Зовутъ-то тебя ёни во кумушки».
Приходитъ юдалой доброй молодецъ,
Скопинъ-ле Михаило сынъ Ивановичъ,
Ка сваей ко матушкѣ родимоей,
Ёнъ кланяетца ей да во рѣзвы ноги:
«Ой моя, маменька родимая!
Чесная вдова благочестивая,
Спусти мя во стольнёй славной Кіевъ-градъ,
А мнѣ дай благословенье великое».
— Не дамъ благословленье великое,
Итти тибѣ, ѣхать въ стольнёй Кіевъ-градъ,
А ты-же во хмелю да не сурядливой,
Тамъ злыя бояришка подмолвщики,
Касабрюхіе воры, подговорщики.—
Однако-же кланятца въ рѣзвы ноги:
«Ты ой моя, матушка родимая!
Чесная вдова благочестивая!
Ожъ не дашъ благословленья великого,
Поѣду-же, поѣду въ стольнёй Кіевъ-градъ».
Ёднако-же дала благословленьицо,
Съ буйной-де главы и до сырой земли,
Да стали молодцы да нынь срежатисе,
Скорей-же того да сподобляютце,
Уздаётъ, сѣдлаётъ коня доброго,
Онъ и скоре садицца на добра коня,
Да ѣдутъ во стольнёй славной Кіевъ-градъ,
Ко ласкову князю на почесенъ пиръ.
Окрестили, молитвили бладенеця,
Ставалъ-то Скопинъ да ёнъ во кумушки,

Со той-же Скурлатой со Малютиной,
Выходили ёни да изъ Божьей церквы,
Ко ласкову князю на почесенъ пиръ,
Да всѣ на пиру напивалисе,
Да всѣ на чесномъ да похваляютце,
Изъ ума-де Скопинъ да выпиваитце,
Во хмелю-де Скопинъ да похваляитце:
«Да много Скопинъ да по землямъ бывалъ,
Да много Скопинъ да городовъ биралъ,
Не боялса Скопинъ да сорока полковъ,
Сорока-де полковъ, да сорокъ тысецныхъ,
Я Малюту-царя да во полонъ биралъ,
Я Малютину дочь держалъ парукою,
Парукою держалъ я, полюбовницой,
На остаткахъ далъ князю во служеньицо».
И та-же Скурлата дочь Малютична,
Спускаетца она да во глубокъ погребъ,
Выносила-ле цару зелья лютого,
По краямъ-то-ле цары какъ ключи кипятъ,
На середка-де цары да огонь горитъ.
Онъ и пьетъ, Скопинъ, цару за единой духъ,
Скатилося съ плечъ голова какъ пуговица,
Сидитъ-то Скопинъ да не по прежному.
Подхватили Скопина сына Михайловича,
Да садили его да на добра коня,
Да везли-бы его къ матушкѣ родимоей;
Да встрѣчала его матушка, горько плакала,
Похоронила она сына своево любимого.
Да та его матушка родимая,
Да зла паленица преудалая,
Выходила ёна да вонъ на улицу,
Суредила ёна да коня доброго,
Да скоре садицца на добра коня,
Да ѣдётъ во стольнѣй славной Кіевъ-градъ,
Ко тимъ же полатамъ княженевскіимъ,
Крычитъ подъ окошечкомъ косявчатымъ:
«Подайте-тка мнѣ да виноватого!»
Отвѣчаютъ тамъ-де слуги вѣрныя:
— Виноватого въ домѣ не лучилосе,
Отлучилса виноватой во чисто полё.—

Ажъ тутъ Маривьяна поворотъ даётъ,
А ѣдётъ она да во чисто полё,
Выѣхала на горы на высокія,
Да зритъ-то, смотритъ да во вси стороны,
Завидѣла во полѣ шатёръ стоитъ,
Стоитъ-то шатеръ да чернобархатной,
Она ѣдетъ ко шатру какъ чернобархатну,
А берётъ-то-ле стрѣлочкю каленую,
Откинётъ у шатра да полу правую,
Да спитъ тутъ Скурлата дочь Малютична:
«Ставай-ко, Скурлата дочь Малютична!
Да полно те спать, право пора ставать».
Ото сну-то Скурлата просыпаитца,
Выходитъ ёна да вонъ на улицу,
Берётъ Маревьяна нынь востро копьё,
Втыкаётъ тупымъ концемъ въ сыру землю,
Берётъ-то Скурлату дочь Малютичну,
Посадила ей ж. . .й на востро копье,
Да тутъ-то Скурлаты смерть случилосе,
А оттуль Маривьяна поворотъ даётъ.

---

20. Безумовъ Степанъ Алексѣевичъ.

Черный, низкорослый, плечистый, истый типъ пустозера; ему 53 года, живетъ бѣдно, кромѣ промысла рыбы занимается еще чеботарствомъ, былъ въ солдатахъ. Знаетъ онъ, по его словамъ: Дуная, бой Добрыни и Дуная, женитьбу Алеши на добрыниной женѣ, Ваську Окулова, но мнѣ согласился пѣть только горе и то послѣ долгихъ упрашиваній; былъ сильно навеселѣ, почему старина и спѣта не особенно гладко.

82.

Горе.

Ужъ ты зла лиха свекровоцька неласкова,
Не давала снохи она не жить, не быть,
Не давала снохи она не ись, не пить;
Какъ случилось молоцщу да ’ полё ѣхати,

Какъ во ту во дорожкю во дальнюю,
Да во дальную дорожку незнакомую;
Какъ во то-де времё, во ту пору,
А какъ зла лиха свекровушка неласкова,
Овернула ей сноху теперь березонькёй,
Прутья-лисья у березки серебреныя,
А вершинка у березки позолочена.
Какъ послѣ того было, послѣ этого,
Случилось молоццу да туды ѣхати:
«Какъ не горюшко-де мнѣ да показалося,
А несчасьицо-ли мнѣ да повстрѣчалосе».
А во ту было пору, во то времичькё,
Какъ задумалъ молодецъ ѣхать къ березонькѣ,
Обнажилъ онъ свою да саблю вострую,
Во своемъ умѣ теперь парень роздумывалъ:
«Какъ несчасьё видно мнѣ да пострѣчалосе,
Какъ великое горё привязалосе,
Отсѣку я у березоньки вершиночкю».
Не успѣлъ молодецъ да слово вымолвить,
Какъ-де свиснула его да могуча рука,
Какъ отсѣкъ онъ со березоньки вершиночкю,
Во своемъ умѣ дѣтинушка роздумыватъ:
«Какъ несчасьё видно мнѣ да повстрѣчалося,
Видно горюшко велико привязалося».
Поворачивалъ конёмъ да какъ лютымъ звѣрёмъ,
Полетѣлъ на конѣ въ чисто въ раздольицо,
Ка ’ своёму-де прекрасному широку двору,
Не доѣхавши ’ крылечкю ко прекрасному,
Крычитъ-ли, зычитъ да зычнымъ голосомъ:
«Ужъ вы ой еси, нянюшки, всѣ мамушки!
Всѣ придворные мои да вы служаночки!
Выходите-ко теперь да на красно крыльцо».
Услыхали-де мои няньки, мамушки,
Какъ придворные мои да всѣ служаночки,
Выбѣгали-де скоро на красно крыльцо,
И стрѣчали удала добра молодца,
Какъ сидитъ-то удалой на добромъ конѣ,
Говоритъ очунь смѣлы строговы (такъ!) слова:
«Ужъ вы всѣ-то теперь мои нянюшки
Ужъ-вы всѣ мои придворные служаночки!

Какъ-же всѣ-то теперь меня встрѣчаите,
Уже гдѣ-же нынь тепере дорога семья?
Дорога моя семья, да дорога жена?
Не встрѣчаетъ меня да добра молоцца,
Какъ трудна-ли, больня, да во постель легла?
Или отошла она во о́гробы (такъ!)?»
Выходила родимая моя маменька,
Говорила она да таково слово:
— Ужъ ты ой еси, моё чадо милое!
А да зла твоя жена да змѣя лютая,
Отошла она злодѣйка во чисто полё,
Овернулася она да тамъ березонькёй,
Штобы прутьё-де, лисьё серебреноё,
А вершинка у берёзки позолочена,
Овернулася она да тамъ березонькой,
Какъ безъ вѣтру-то ее штобы шататися,
Прутьёмъ, лисьёмъ по земли да растилатися.—
Говоритъ на то удалой доброй молодецъ:
«Ужъ ты ой еси, маминька родимая!
Зла лиха волшебница неласкова!
Не сама вѣдь овернулася березонькёй,
Обернула ты-де зла лиха волшебница,
Ты родимая моя да родна матушка,
Ужъ ты бляти вѣдьма стольнё-Кіевска!
Я отсѣкъ на дорожечки березоньку,
Отсѣку я у тебя да буйну голову».
Какъ соскакивалъ удалой доброй молодецъ,
Со своего коня да онъ со добраго,
Забѣгаётъ удалой въ нову горницу,
Онъ садился на крутой да нынь ремещатъ стулъ,
Онъ-де смотритъ въ окошечкё косявчато,
Какъ во ту-же околенку стеклянную,
Во своемъ умѣ дѣтина прироздумалса:
«Какъ-де матушку я кончилъ саблей вострою,
Ажъ отсѣкъ я у березоньки вершиночкю,
Хоша взялъ-бы я теперь сибѣ другу жену,
Не натти и не купить мнѣ родной матери.—
А несчасьё видно мнѣ-ка повстрѣчалося,
А великое видно горе привязалосе».
А умѣлъ молодецъ да горё мыкати,

Какъ хотѣлъ молодецъ горя избѣгнути,
А садилса молодецъ да на добра коня,
Полетѣлъ молодецъ да по чисту полю,
А какъ горюшко его да переди бѣжитъ,
Какъ де-лютымъ звѣришкомъ какъ-де льво́вишкомъ;
А хотѣлъ молодецъ горя избѣгнути,
А хотѣлъ люта-звѣря онъ конёмъ стоптать,
Онъ хотѣлъ люта-звѣря онъ копьёмъ сколоть,
А не могъ люта-звѣря всё избѣгнути.
Овернулса молодецъ да яснымъ соколомъ,
Полетѣлъ молодецъ да по поднебесью,
Какъ-де горюшко лѣтитъ да переди его,
Какъ немудрою птицою сорокою;
Онъ хотѣлъ молодецъ горя избѣгнути,
Онъ хотѣлъ-де молодецъ ее настигнути,
Онъ хотѣлъ-де молодецъ схватить въ свой когти,
Да не могъ его, горюшка, избегнути;
Овернулса-де соколъ да рыбой щукою,
Онъ спустилса молодецъ да во синё морё,
Онъ хотѣлъ молодецъ горя избѣгнути,
Какъ-де горюшко бѣжитъ да переди его,
Какъ немудрою рыбинкой соро́гою,
Онъ хотѣлъ эту рыбинку настигнути,
И хотѣла эта щука всё сглонуть её,
Не могла-де эта щука поимать её,
А не могъ молодецъ горя избѣгнути.
Выходилъ молодецъ да во чисто полё,
Выходилъ онъ на прекрасенъ крутой бережокъ,
Овернулса молодецъ да сѣрымъ волкомъ,
Побѣжалъ молодецъ да по чисту полю,
Какъ-де горюшко бѣжитъ да переди его,
Не добрымъ зверкёмъ да заечкёмъ;
Овернулса молодецъ да горностальчикомъ,
Побѣжалъ молодецъ да по подзе́мелью,
Какъ-де горюшко его да переди бѣжитъ,
Какъ немудрыми звѣрькёмъ бѣжитъ гнусиною,
Какъ не могъ молодецъ горя избѣгнути.
Выходилъ молодецъ да изъ подзе́мелья,
Какъ-де горюшко идётъ да переди его,
Оно тонко, жидко, да пережи́мисто,

Лыкомъ-де горё подпоясалось,
А идётъ надомной да колыхаитце,
Падомною-де надъ молодцомъ подсмѣхаитце,
И велитъ молодцу да бити-грабити,
Штобы за то молодца штобы повѣсили.
Во ту было пору и во то времё,
Случилась молодцу́ да скора смерточка,
А да горюшко-то взяло топорёнышко,
Да взяло нынь-де горюшко гробёнушко,
Хоронило молодца да во сыру землю,
Стало горюшко молодчика оплакивать:
«Какъ худому-де горе не привяжитце,
Вѣрно умѣлъ молодецъ да горё мыкати».

---

21. Дитятева Парасковья Ивановна.

Сестра Алескѣя Ивановича Дитятева, также слѣпая, знаетъ старины: первуя поѣздку Ильи Муромца, Фатенко, Потыкъ, Чурило и невѣрная жена, Васька Казиміровъ, 40 каликъ. Поетъ пріятнымъ голосомъ, но не твердо.

83.

Небылица.

Старину я спою да стародавносью,
Старика я свежу и со старухою;
Ищэ это-ли вамъ братцы, не чу́дишшо,
Ищэ это-де вамъ, братцы, не диковина,
Юже я-то-ле вамъ да почудне скажу,
Почудне-де скажу и подиковисьне:
Какъ медвѣдь-отъ летѣлъ да по поднебесью,
Онъ вѣдь ниже летѣлъ облаковъ ходячіихъ;
Ищэ это вамъ, братцы не чудищо,
Ищэ это-де вамъ, братцы, не диковина,
Уже я то-де вамъ да почудне скажу,
Почудне-де скажу, да подиковисьне:
Какъ завидѣли щуку въ Бѣломъ озерѣ,
Вотъ задумали щуку ей ловити-жо,

Вотъ вѣдь вытенули щуку ей на вёшну льдину,
Какъ-де вёшна-то льдина отъ ей ломается,
Вся осённа вода да сколыбалася,
Со краю́-то на кра́й да соравнялася,
Да немала-невелика щука—девеносто пудъ;
Ищэ это-де вамъ, братцы, не чудищо,
Ищэ это-де вамъ, братцы, не диковина,
Ищэ я то-де вамъ да почудне скажу,
Почудне-то скажу да подиковисьне:
Какъ телятъ она хвататъ, да жеребятъ глотатъ,
Ищэ мелкихъ робятъ мечетъ за щеку.

XI. ДЕРЕВНЯ БѢДОВАЯ.

22. Марковъ Павелъ Григорьевичъ.

Это худенькій, маленькій, тщедушный старичокъ 76 лѣтъ, типичный пустозеръ: говоритъ теноркомъ, сладкимъ пѣвучимъ голосомъ. Онъ сирота, т. е. бѣденъ, а также и вдовъ, родомъ изъ деревни Бѣдовой, гдѣ и прожилъ всю жизнь, но я его встрѣтилъ и старины у него списалъ въ селѣ Оксинѣ, гдѣ онъ домовничалъ у родной дочери, которая со своимъ мужемъ отправилась „промышлять" въ Печорскую губу. Зять такой-же бѣднякъ, и вотъ П. Г. живетъ на краю села въ маленькой избушкѣ, возится съ двумя внучатами, присматриваетъ за коровой, которую и кормитъ и доитъ самъ; за это онъ получаетъ безплатную квартиру съ дровами и, кажется, хлѣбъ отъ зятя, а на приварокъ зарабатываетъ тѣмъ, что пускаетъ и въ безъ того маленькую хибарку, гдѣ живетъ, еще квартирантовъ, плотниковъ-зырянъ, строющихъ что-то въ Оксинѣ и варитъ имъ пищу. Павелъ Григорьевичъ очень религіозенъ и яро настроенный старообрядецъ, Бѣдовая—единственная деревня въ Пустозерской волости, гдѣ расколъ держится открыто и извѣстенъ оффиціально; потому-то эту, единственную больную овцу въ „православномъ" пустозерскомъ стадѣ усердно навѣщаетъ миссіонеръ, и потому-то, можетъ быть,

Пав. Григ. такъ яро настроенъ: онъ положительно не можетъ говорить равнодушно о Никонѣ, объ Аввакумѣ; послѣдняго онъ прекрасно знаетъ и называетъ неиначе какъ „Аввакумъ Петровичъ", и много, подробно и съ жаромъ о немъ разсказываетъ. Старины П. Г. знаетъ прекрасно, и довольно легко и охотно согласился пѣть мнѣ ихъ, совершенно неожиданно найдя въ этой нетрудной для него работѣ кой какой заработокъ. Какъ и многіе изъ моихъ сказителей П. Г. во время пѣнія старинъ, что нибудь дѣлалъ, обыкновенно или ткалъ нитки для сѣти, или вязалъ эту самую сѣть.

П. Г. знаетъ слѣдующія старины: Дунай и женитьба Владиміра; Алеша Поповичъ, Екимъ-паробокъ и Тугарище; Иванъ Горденовъ; Василій Игнатьевъ; Василій Казиміровъ; Василій Турецкій (Окуловъ) и Соломанъ; Василій Буслаевъ—двѣ старины; Садко; Иванъ Грозный и сынъ Ѳедоръ; Кострюкъ; знаетъ П. Г. и стихи: Алексѣй человѣкъ Божій, Агрикъ, про Святителя Николу, распятіе Христа и др. прекрасно знаетъ кромѣ того пѣсни всяческія, начиная отъ хороводныхъ, до величальныхъ (Виноградье) и дѣтскихъ (Коляда).

84.

Вольга Всеславьевичъ.

Когды на небѣ родился свѣтёлъ-мѣсецъ,
Тогды на Руси родился могучъ-богатырь,
Молодыи Вольгя Всеславьевичъ;
Рыба отступила во морску глубину,
Всё слышамши на Руси багáтыря
Молодого-бы Вольгу Всеславьевича;
Птиця солеталась по поднебесью,
Всё слышачи на Руси багáтыря
Молодого Вольгá Всеславьевича;
Тонки горностали—во сыру землю,
Всё слышачи на Руси багатыря,

Молодого Вольiю Всеславьевича;
Да буры лесицы по тéмнымъ лѣсамъ,
Всё слышачи на Руси багáтыря,
Молодого Вольiю Всеславьевича.
Да втапоры Вольiина матушка,
Ходила она по всимъ церьквямъ,
Служила молебны почесныя,
Въ первыхъ просила нынь у Господа:
«Да' Богъ моему-де цяду милому,
Молодому Вольiи Всеславьевичу,
Да тулово ему-бы Светогорого»;
Въ другихъ-бы просила нынь у Господа:
«Да сила Самсона Колыбановиця;
Да' Богъ моему-де цяду милому,
Молодому Вольи Всеславьевицю,
Да конь-бы Ильи, да Ильи Муромца;
Да' Богъ моему-де чаду милому,
Молодому Вольiи Всеславьевичу
Кафтанъ-бы ему Дюка Стёпановиця;
Да' Богъ моему-де цяду милому,
Молодому-бы Вольгѣ Всеславьевичу,
Сапожки Чурила-бы Плёнковича;
Да' Богъ моему да чаду милому,
Молодому-бы Вольiѣ Всеславьевичу,
Шапка Кузéнка Сибирчаженина;
Да' Богъ моему-де цяду милому,
Молодому-бы Вольгѣ Всеславьевичу,
Рукавичи Казарина Петровиця;
Да' Богъ моему-де цяду милому,
Молодому-бы Вольгѣ Всеславьевичу,
Смѣтка Олёши нынь Поповича;
Да' Богъ моему да цяду милому,
Молодому-бы Вольiѣ Всеславьевичу,
Вѣшво Добрынюшки Микитиця.
Да втопоры Вольiя Всеславьевичъ,
Училса-бы въ вольнёмъ морѣ щукой ходить,
Училса-бы по поднебесью птицею летать,
Училса-бы по полю лютымъ звѣремъ рыскати.

85.

Олеша Поповичъ, Екимъ паробокъ и Тугаринъ.

Изъ да́лече-дале́че, изъ чиста поля,
Тутъ ѣдутъ удалы два молодца,
Ѣдутъ конь-о́-конь, да сѣдло́-о-сѣдло,
Узду́-о-узду да тосмянную,
Да сами межъ собой разговариваютъ:
«Куды намъ вѣдь, братцы, ужъ какъ ѣхать будётъ?
Намъ ѣхать, не ѣхать намъ въ Су́здалъ-градъ?
Да въ Суздалѣ-градѣ питья много,
Да будётъ добрымъ молодцамъ испропитисе,
Пройдётъ про насъ славушка недобрая;
Да ѣхать, не ѣхать въ Черниговъ-градъ?
Въ Черниговѣ градѣ дѣвки хороши,
Съ хорошими дѣвками спознатца будётъ,
Пройдётъ про насъ славушка недобрая;
Намъ ѣхать, не ѣхать во Кіевъ-градъ?
Да Кіеву городу на о́борону,
Да намъ добрымъ молодцамъ на выхвальбу».
Пріѣжжаютъ ко городу ко Кіеву,
Ко тому-жо ко князю ко Владыміру,
Ко той-жо ко гриденки ко свѣтлоей,
Ставаютъ молодцы да со добрыхъ коней,
Да мецютъ коней своихъ невязаныхъ,
Некому-то коней да неприказанныхъ,
Некому-то до коней да право дѣла нѣтъ,
Да лазятъ во гриденку во свѣтлую,
Да крестъ-отъ кладутъ-де по-писаному,
Поклонъ-отъ ведутъ да по-учёному,
Молитву творятъ да всё Ісусову,
Они бьютъ челомъ на вси чотыри стороны,
А князю съ княгиней на особинку:
«Ты здраствуй, Владыміръ стольнокіевской!
Ты здраствуй, княгина мать Апраксія!
Говоритъ-то Владыміръ стольнокіевской:
— Вы здраствуй, удалы добры молодцы!
Вы какой-жо земли, какого города,
Какого отца, да какой матушки?

Какъ васъ молодцовъ да именёмъ зовутъ?—
Говоритъ тутъ удалой доброй молодецъ:
«Миня зовутъ Олёшой нынь Поповицёмъ,
Попа-бы Левонтья сынъ Ростовскаго,
Да другой-отъ Екимъ Олёшинъ паробокъ».
Говоритъ тутъ Владымеръ стольнокіевской:
— Давно про тя вѣсточкя прохаживала,
Случилосе Олёшу въ очи видѣти;
Да пéрво те мѣсто да подлѣ́ меня,
Другó тибѣ мѣсто супротúвъ меня,
Третьё тибѣ мѣсто—куды самъ ты хошь.—
Говоритъ-то Олёшинька Поповицъ-отъ:
«Не сѣ́ду я въ мѣ́сто подлѣ́ тибя,
Не сѣ́ду я въ мѣсто супротúвъ тибя,
Да сѣ́ду я въ мѣсто куды самъ хоцю,
Да сѣ́ду на пецьку на муравленку,
Подъ крáсно хорóшо подъ трубно окно».
Немножко поры-де миновалосе,
Да на пету гриня отпиралосе,
Да лазатъ-то цюдо поганоё,
Собака Тугаринъ былъ змѣевичъ-отъ;
Да Богу собака не молитче,
Да князю съ княгиной онъ не кланетче,
Князьямъ и боярамъ онъ челомъ не бьётъ;
Вышина у собаки видь ужъ трёхъ сажонъ,
Ширина у собаки видь двухъ охватъ,
Промежу ему глаза да калена стрѣла,
Промежу ему ушей да пядь бумажная;
Садилса собака онъ за дýбовъ столъ,
По праву руку князя онъ Владыміра,
По лѣву руку княгины онъ Апраксіи;
Олёшка на запечьѣ не ýтерпѣлъ:
«Ты ой есь, Владыміръ стольнокіевской!
Али ты съ княгиной не въ любѣ живешъ?
Промежу вами чудо сидитъ поганое,
Собака Тугаринъ-отъ Змѣевичъ-отъ».
Принесли-то на столъ да какъ бѣлу лебедь,
Вынималъ-то собака свой булатенъ ножъ,
Поддѣлъ-то собака онъ бѣлу лебедь,
Онъ кинулъ собака ей себѣ въ гортань,

Со щеки-то на щеку перемётыватъ.
Лебе́жьё косьё да вонъ выплю́иватъ,
Олёша на запечьѣ не у́терпѣлъ:
«У моего у свѣта у батюшка,
У попа у Левонтья Ростовского,
Былъ старо собачишшо дворовоё,
По-подсто́лью собака волочиласе,
Лебежею косью задавилосе,
Собаки Тугарину не минуть того,
Лежать ему во да́лечѣ въ чистомъ полѣ».
Принесли-то на столъ да пирогъ столово́й,
Вымалъ-то собака свой булатенъ ножъ,
Поддѣлъ-то пирогъ да на булатенъ ножъ,
Онъ кинулъ, собака, себѣ въ гортань,
Олёшка на запечьѣ у́терпѣлъ:
«У моего у свѣта у батюшка,
У попа у Левонтья Ростовского,
Было старо коро́вишшо дворовое,
По двору-то корова волочиласе,
Дробиной корова задавила́се,
Собаки Тугарину не минуть того,
Лежать ему во далечемъ чистомъ полѣ».
Говоритъ-то собака нынь Тугаринъ-отъ:
«Да што у тя на за́печьѣ за смердъ сидитъ,
За смердъ-отъ сидитъ, да за засельшина?»
Говоритъ-то Владымiръ стольнокiевской:
— Не смердъ-отъ сидитъ, да не засельщина,
Сидитъ руськёй могучёй да бо́гатырь,
А по имени Олёшинькя Поповичъ-отъ.—
Вымалъ-то собака свой булатенъ ножъ,
Да кинулъ собака ножъ на за́печьё,
Да кинулъ въ Олёшиньку Поповиця;
У Олёши Екимушко подхвадчивъ былъ,
Подхватилъ онъ вѣдь ножицёкъ за черешокъ,
У ножа были припо́и нынь серебрены,
По вѣсу-то припо́и были двѣнадцеть пудъ.
Да сами они-де похваляютца:
«Здѣсь у насъ дѣло заѣжжое,
А хлѣбы у насъ здѣся завозныя,
На винѣ-то пропьёмъ, хоть на калачѣ проѣдимъ».

Пошолъ-то собака изъ за столья вонъ,
Да самъ говорилъ-де таковы рѣчи:
«Ты будь-кё, Олёша, со мной на полё».
Говоритъ-то Олёша Поповицъ-отъ:
—Да я съ тобой съ собакой хоть топере готовъ.—
Говоритъ-то Екимушко да парубокъ:
«Ты ой есь, Олёшинькя званой братъ!
Да самъ-ли пойдёшь, али миня пошлёшь?
Говоритъ-то Олёша нынь Поповицъ-отъ:
—Да самъ я пойду, да не тибя пошлю,
Да силы у тя дакъ есь вѣдь съ два миня.—
Пошолъ-то Олёша пѣшъ дорогою,
Настрѣту ему идётъ названой братъ,
Названой-отъ братъ идетъ Гу́рьюшко,
На но́гахъ несётъ по́ршни кабанъ-звѣря,
На главы несётъ шелонъ, земли греческой,
Во рукахъ несётъ шолы́гу подорожную,
По вѣсу была шолы́га девеносто пудъ,
Да той-же шолыгой подпираитца,
Говоритъ-то Олёшинька Поповичь-отъ:
«Ты здраствуй, ты мой ты названой братъ!
Названой ты братъ да вѣдь ужъ Гу́рьюшко!
Ты дай мнѣ-ка поршни кабанъ звѣря,
Ты дай мнѣ шолонъ земли греческой,
Ты дай мнѣ шолыгу подорожную».
Наложилъ Олёша поршни кабанъ звѣря,
Наложилъ Олёша шолонъ земли греческой,
Въ руки взялъ шолыгу подорожную,
Пошолъ-то Олёша пѣшъ дорогою,
Да этой шолыгай подпираитце,
Онъ смотрѣлъ собаку во чистомъ полѣ,
Летаётъ собака по-поднебесью,
Да крылья у коня ноньце бумажноё.
Онъ втапоры Олёша сынъ Поповицъ-отъ,
Онъ молитця Спасу Вседоржителю,
Чудной Мати Божей Богородици:
«Ужъ ты ой еси, Спасъ да Вседоржитель нашъ!
Чудная есть Мать да Богородиця!
Пошли Господь съ неба крупна дожжа,
Подмочи Господь крыльё бумажноё,

Опусти Господь Тугарина на сыру землю».
Олёшина мольба Богу доходна была,
Послалъ Господь съ неба крупна дожжа,
Подмочилось у Тугарина крыльё бумажноё,
Опустилъ Господь собаку на сыру землю;
Да ѣдётъ Тугаринъ по чисту полю,
Крычитъ онъ, зычитъ да во всю голову:
«Да хошь-ли Олёша я конёмъ стопчу?
Да хошь-ли Олёша я копьемъ сколю?
Да хошь-ли Олёша я живкомъ зглону?»
Нато-де Олёшинькя вѣдь вёртокъ былъ,
Подвернулса подъ гриву лошадиную,
Да смотритъ собака по чисту полю,
Да гдѣ-де Олёша нынь стопта́нъ лежитъ;
Да втапоры Олёшинька Поповиць-отъ
Выскакивалъ изъ подъ гривы лошадиноей,
Онъ машотъ шолыгой подорожною
По Тугариновой-де по буйной головы,
Покатилась голова да ’ плець какъ пуговиця,
Свалилось трупьё да на сыру землю.
Да втапоры Олёша сынъ Поповиць-отъ,
Имаётъ Тугаринова добра коня,
Лѣвой-то рукой да онъ коня дёржитъ,
Правой-то рукой да онъ трупьё сѣкётъ,
Россѣкъ-то трупьё да по мелку часью:
Розметалъ-то трупьё да по чисту полю,
Поддѣлъ-то Тугаринову буйну голову,
Поддѣлъ-то Олёша на востро копьё,
Повёзъ-то ко князю ко Владымеру,
Привёзъ-то ко гриденкѣ ко свѣтлоей,
Да самъ говорилъ-де таковы рѣчи:
«Ты ой есь, Владымiръ стольнё-Кiевской!
Буди нѣтъ у тя нынь пивна котла,
Да вотъ-те Тугаринова буйна голова;
Буди нѣтъ у тя дакъ пивныхъ большихъ чашъ,
Дакъ вотъ те Тугариновы есны оци,
Буди нѣтъ у тя да большихъ блюдишшовъ,
Дакъ вотъ те Тугариновы больши ушишша».

86.

Дунай *)

...Выходили удалы добры молодцы,
Выходили молодцы да вонъ на улицу,
Сѣдлали, уздали-бы добрыхъ коней,
Во ту-же узду да во тосмянную,
Во то-же сѣдёлышко тоцёное,
Двенадцеть кладутъ-то подпругъ шолковыхъ,
Тринадцету кладутъ черезхребётную,
Не ради басы, всё ради крѣпости,
Ради прытости лошадиноей,
Не оставилъ-бы доброй конь въ чистомъ полѣ;
Не видѣли поѣзки богатырскоей,
Только видѣли ихъ, какъ въ стремена ступили,
Скопо́тили желты пески сыпучія:
Не видно ходеча красна солнышка.
Они долго-ли ѣхали, коротко-ли,
Не дошодъ было города Леховитского,
Становились молодцы да во чисто полѣ,
Говоритъ-то Дунай да сынъ Ивановицъ:
«Ты ой еси, Добрынюшка Микитиць-бладъ!
Останся ты этта во чистомъ полѣ,
Оставляю я те да нынь промѣтоцькю:
Поставлю копья я вверхъ тупымъ кончёмъ,
Положу на копейчо я копеечкю,
Да ту-же копеечкю серебрену;
Когды это копейчо да зашатаице,
Потемнитъ-бы копеечка серебрена,—
Я буду у казни у смертноей,
Гони ты Добрыня скоро-на́скоро,
Заставай меня живого добра молодца».
Да поѣхалъ Дунай въ городъ Леховицкія,
Ко тому-же Семёну Леховитскому,

---

*) Былина записана не съ начала: описаніе пира Владиміра со всѣми рѣчами его и его богатырей о холостой жизни—выпущено: тоже самое читатель можетъ найти въ «Дунаѣ» спѣтомъ мнѣ Д. К. Дуркинымъ.

Н. О.

Пріѣзжаетъ ко городу Леховитскому,
Ко той-же ко гриденки ко свѣтлоей,
Ставаётъ Дунай да со добра коня,
Онъ лазитъ во гриденку во свѣтлую,
Да Богу молитце у ихъ некому,
Тольки бьётъ челомъ на вси чотыри стороны,
Самому-то Семёну на особинку:
«Ты здраствуй, Семёнъ да Леховитскія!»
— Ты здраствуй, Дунай да сынъ Ивановичъ!
Куды-то ты ѣдёшь, куды путь держишь?
Кабы мнѣ-ка ты пріѣхалъ въ услуженьицо?—
Говоритъ-то Дунай-да сынъ Ивановицъ:
«Не тебѣ я пріѣхалъ въ услуженьицо,
Пріѣхалъ я къ те да нынь посвататце,
На той Опросеньи дочь Семёновны,
За того-же-ли князя за Владыміра».
Говоритъ-то Семёнъ да Леховитскія:
— Ты ой есь, Дунай да сынъ Ивановицъ!
Не стара заслуга твоя прежная,
Отсѣкъ-бы у тя я по плець голову.—
Говоритъ-то Дунай и во второй наконъ,
Говоритъ-то Дунай да не съ упадкою,
Онъ топнулъ-то правой ногой во кирпищатъ полъ,
Подрожали полаты кнеженевскія,
Да самъ говоритъ-де таковы рѣци:
«Отдашь буди чесью, возьму съ радосью,
Не отдашь буди чесью, возьму нечесью:
Мы всё твоё царсво подъ мець выклонимъ,
Заморимъ мы тя въ злодѣйкѣ земляной тюрьмы».
Да тутъ-бы Семёнъ да осержаитце,
Скакалъ-бы Семёнъ да на рѣзвы ноги,
Выбѣгалъ-бы Семёнъ да вонъ на улечу,
Игралъ-бы Семёнъ да онъ во турей рогъ,
Нагонилъ силы многимъ множество,
Сохватали удала добра молодца,
Свезали во путенки шелковыя,
Садили на телѣжку двоеколочкю,
Повезли-то ко казни ко смертноей,
Ко смертноей казни къ позорноей,
Рѣчистой езыкъ да вынеть теменёмъ,

Да ясны-ти оци-ти косичами,
Ретивое сáрцо промежу плецьми;
По праву руку идётъ силы сорокъ тысецей,
По лѣву руку идётъ сорокъ тысецей,
Переде-то его да числа смѣту нѣтъ,
Позаде-то его да числа смѣту нѣтъ,
Кабы плацётъ Дунай да какъ рѣка тецётъ.
Немножко поры-де миновалосе,
Наѣжжаетъ Добрынюшка Микитиць-бладъ,
У ясна сокола да крыльё óтросло,
У добра молодца вдвоё силы прибыло,
Разрывалъ-то онъ путинки шелковыя,
Скакалъ-то Дунай да на рѣзвы ноги,
Ухватилъ-то телѣжку двоеколочкю,
Да впередъ-де махнётъ, дакъ лежитъ улича,
Назать отмахнётъ—съ переулками,
Добираитче Дунай-де до добра коня,
Добралса Дунай-де до добра коня,
Садилса Дунай-де на добра коня,
Они сѣкли, рубили до единого.
Выходилъ Семёнъ да вонъ на уличу,
Кланетця имъ да понижешенькю:
Вы ой есь, удалы добры молодцы!
Вы сильни могуци руськи багатыри,
Умирите-тко серчо своё ретивоё,
Оставте хоть малого, либо старого».
Умирилисе удалы добры молодцы,
Пріѣжжаютъ ко гриденки ко свѣтлоей,
Срежатча Опросенья дочь Семёновна,
Да плацётъ Опросенья какъ рѣка тецётъ:
«Кабы мая да нынь родна сёстра,
Кабы та-же Настасья дочь Семёновна,
Ты ой есь, Дунай да сынъ Ивановиць!
Кабы она-бы съ тобой да поотвѣдалась».
Средились удалы добры молодцы,
Посадилъ Дунай да позади себя,
Посадилъ Опросинью дочь Семёновну,
Поѣхали удалы добры молодцы,
Поѣхали они да въ стольнё-Кіевъ-градъ.
Они долги-ли ѣхали, коротко-ли,

Нашли они ископыть конинную,
Говоритъ-то Дунай да сынъ Ивановичъ:
«Ты ой есь, Добрынюшка Микитиць-бладъ!
Посажу я те Опроспнью нынь назадъ въ сѣдло,
Ты поѣдь-то Добрыня въ стольнё-Кіевъ-градъ,
А назадъ то суда да не ворочайся,
Я поѣду по ископоти конинноей».
Онъ поѣхалъ Дунай да сынъ Ивановичъ,
Онъ долго-ли ѣхалъ, нынь коротко-ли,
Заздри́лъ на чистомъ поли стоитъ чёрнъ-шатёръ,
Пріѣхалъ ко шатру да нынь ко чёрному,
Онъ откинулъ полу іе лѣвую,
Заходитъ Дунай да нынь во чёрнъ-шатёръ,
Да спитъ-то Настасья не пробудитце,
Лежилса Дунай ей на праву руку.
Разбужатча Настасья дочь Семёновна,
Схватила Настасья нынь востру саблю,
Здымала Настасья выше головы,
Остоялось рука, да рука правая,
Какъ будитъ Настасья дочь Семёновна,
Разбужаитця Дунай да сынъ Ивановиць.
Выходили они да вонъ на улечу,
Схватилса Дунай да со Настасьюшкой,
Они долго-ли водилисе, коротко-ли,
Сысполнилось времё трои сутоцьки,
Какъ мецётъ Настасьюшка Дунаюшка,
Какъ метала Настасья на сыру землю,
Садилась ему дакъ на бѣлы груди.
Немного поры дакъ миновалосе,
Наѣжжаетъ Добрынюшка Микитиць бладъ,
Да самъ го̄воритъ-де таковы рѣци:
«Ты ой есь, Дунай да сынъ Ивановиць!
Намъ не чесь-то, хвала да молодецкая,
Не выслуга будётъ богатырская:
Лёжать-де подъ гузномъ нынь подъ бабьимъ тимъ;
Да баба-то право нынь задомъ пухла,
Треси ей за пельки, пинай по́дъ гузно».
Дунай трясъ ей за пельки, пиналъ по́дъ гузно,
Слетѣла Настасья со Дунаюшка;
Скочилъ-то Дунай да на рѣзвы ноги,

Садилса Дунай ей на бѣлы груди,
Да хоцётъ пороть-де груди бѣлыя,
Да хоцётъ смотрѣть да ретиво серцо;
Да плацётъ Настасья, какъ рѣка тецётъ,
Сама говоритъ таковы рѣци:
«Ты возьми миня, Дунай, да во супружесво,
Принесу я те два угодья, два великія,
Два-ти-жо, два сына, два любимыя:
Поколѣнъ-то ноги да будутъ въ золотѣ,
Полокотъ-то вѣдь будутъ руки въ серебрѣ,
Во лбу-то вѣдь будётъ красно солнышко,
Въ тылу-то вѣдь будётъ бладъ-свѣтёлъ-мѣсецъ,
По косичамъ-то будутъ тутъ есны́ зори,
По верховишшу будутъ часты звѣздочки».
Говоритъ тутъ Добрынюшка Микитиць бладъ:
— Прости её бабу во первой вины.—
Ставаетъ Дунай дакъ на рѣзвы ноги,
Берётъ-то Дунай дакъ за бѣлы руки,
Чѣлуётъ Настасью въ сахарны уста,
Поѣхали они вси въ стольнёй Кіевъ-градъ.
Пріѣхали они да въ стольнёй Кіевъ-градъ,
Стрѣцяютъ-то ихъ да кнези-бо́яра,
Да сильны могучія багатыри,
Стрецяётъ Владыміръ стольно-кіевской,
Берётъ Опросинью за бѣлы руки,
Чѣлуётъ Опросинью въ сахарны уста.
Крещона Опросинья—миромъ не мазана,
Заводили во церквю во Божью тутъ,
Мазали вить миромъ православныимъ,
Ставалъ-то Владыміръ на подножекъ-отъ,
Со той Опросиньей дочь Семёновной,
Спринималъ-то Владымиръ золоты винчи,
Со той Опросиньей дочь Семёновной,
Выпивалъ-то Владыміръ чару заздравную,
Со той Опросиньей дочь Семёновной;
Пошолъ-то Владыміръ онъ изъ церкви вонъ,
Заходили во полаты бѣлокаменны,
Да пиръ-отъ пошолъ, пиръ навéсело.
Обвѣнчалса Дунай да сынъ Ивановицъ,
Обвѣнчалса Дунай да со Настасьюшкой,

Да вси на пиру да пьяны веселы,
Да вси на пиру да прирасхвастались,
Какъ хвастатъ Дунай да сынъ Ивановичъ,
«Я гораздъ-де Дунай да во примѣтъ стрѣлетъ».
Говоритъ-то Настасья дочь Семёновна:
— Ты не хвастай, Дунай да сынъ Ивановичъ!
Сама я, Настасья, не хиле́ тебя
Да стрѣлеть во примѣтоцьки примѣтныя.—
Кабы тутъ-то Дунай да осержаитце,
Выходилъ-то Дунай да вонъ на улицу,
Да самъ говоритъ да таковы рѣци:
«Выходитко, Настасья дочь Семеновна».
Выходила Настасья вонъ на улицу,
Относила примѣтоцьку въ чисто полё,
Да ту-же примѣтоцьку—злаченъ перстень;
Натегивала Настасья свой вѣдь тугой лукъ,
Кабы стрѣлила Настасья во чисто полё,
Да въ ту-же примѣтоцьку злаченъ перстень,
Прострѣлила Настасья свой злаченъ перстень.
Осержаитце Дунай да сынъ Ивановичъ,
Поводитъ Настасью во чисто полё,
Уговариватъ Солнышко Владымеръ-князь,
Уговариватъ Опросинья дочь Семеновна:
«Ты ой есь, Дунай да сынъ Ивановичь!
Умири свое сарцо нынь ретивое,
Прости ее́ бабу во первой вины».
Богатырское серцо-то заплывчиво,
Не миритче Дунай да сынъ Ивановичъ,
Какъ плацётъ Настасъя какъ рѣка течётъ,
Сама говорила таковы рѣчи:
«Прости меня, Дунай, да во первой вины,
Не стрѣляй меня, Дунай да сынъ Ивановичъ:
Да есь два угодья во мнѣ великiя,
Два чада-жо, два чада, нынь два милыя,
Два чада-жо, два сына, два любимыя,
Поколѣнъ-то у ихъ ноги въ золотѣ,
Полокотъ-то у ихъ руки въ серебрѣ,
Во лбу-то у ихъ красно солнышко,
Въ тылу-то у ихъ свѣтёлъ мѣсецъ,
По косичамъ у ихъ есны зори,

По верховишшу частыя звѣздочки».
Неслушаётъ Дунай да сынъ Ивановичъ,
Онъ клалъ ей вѣдь на голову золото кольчо,
Онъ ей стрѣлилъ Дунай въ золото кольчо,
Прострѣлилъ Дунай ей груди бѣлыя,
Розломилъ-то у ей да грудь онъ бѣлую,
Розрубилъ-то у ей да ретиво сарцо,
Смѣшалъ-то ей да кровъ со печенью,
Онъ увидѣлъ у ей два угодьича,
Два-ти жо, два чада, нынь два милыя,
Два-ти жо, два сына, два любимыя:
Поколѣнъ-то у ихъ ноги въ золотѣ,
Полокотъ-то у ихъ руки въ серебри,
Во лбу-то у ихъ красно солнышко,
Въ тылу-то у ихъ светёлъ мѣсечъ,
По косичамъ у ихъ есны зори,
По верховишшамъ частыя звѣздочки.
Богатырско серцо нынь заплывчиво:
Изуставилъ Дунай своё востро копьё,
Изуставилъ Дунай да 'сё во бѣлу грудь,
Кабы ткнулъ копьёмъ сибѣ въ бѣлу грудь,
Ищэ поворотитця у Дуная езыкъ въ головы:
«Гдѣ пала-то ныньце бѣла лебедь,
Да пади-ко-сё тутъ да и есенъ соколъ».

87.

Василій Игнатьевъ.

(Отрывокъ).

...«Вы ой-ли, мои да два гнѣды тура,
Два гнѣды тура, да два милы чада,
Вы гдѣ были, туры, да цего видѣли?»
Говорятъ-то туры да златорогіе:
— Ты, свѣтъ государына наша матушка!
Гнѣдая туриця златорогая!
Мы были туры и во Чаховѣ,
Во чаховѣ были мы, во Ляховѣ,
Идёмъ нынь изъ города изъ Кіева,

Да Кіевъ-отъ городъ полночь прошли,
Да такого чуда не видѣли,
Да такого дива мы не слыхали:
Середи было города, середь Кіева,
Тутъ столбъ-де стоялъ, да столъ-бы огненной,
Отъ сырой-де земли, столбъ-бы до неба;
Шли мимо церкёвъ, мимо Божью тутъ,
Отворились ворота нынь церкёвныя,
Выходила дѣвиця душа-красная,
Во рукахъ выносила книгу божественну,
Божественну книгу евангельё,
Она стольки не чтитъ—сама вдвоё плачётъ.—
Говоритъ-то турица злоторогая:
«Вы глупы, туры, да дѣти малыя,
Не столбъ-де стоялъ, да столбъ не огненной,
Отъ сырой земли да столбъ-бы до неба:
Подымаитце светыня нынь изъ Кіева,
Подымаитце светыня ныньце на небо,
Всё цюетъ надъ городомъ незгодушку,
Всё цюетъ надъ Кіевомъ великую:
Подыматця сабака злодѣй Скурла-царь,
Со зѐтемъ собака онъ со кыршакомъ,
Да съ сыномъ собака со кончальничкёмъ,
Ихъ сорокъ царей, сорокъ царевичей,
Ихъ сорокъ королей, сорокъ королевичей,
На всякого царя да силы по три тьмы,
На царевичей да по три тысечи,
На всякого короля да у ихъ по три тьмы,
На всякого королевиця по три тысечи,
Да всей у ихъ силы нынь невѣрноей,
Да всей у ихъ силы числа смѣту нѣтъ,
Да великимъ-то днёмъ да нынь межонныимъ,
Да горному ворону не облетати,
Осённою ночью нынь тёмною,
Осённою ночью нынь межонною,
Да сѣрому волку не обрыскати;
Да глупы туры да дѣти малыя,
Не дѣвиця-та ищэ да душа-красная,
Тутъ шла Присвята Мать Богородица,
Во рукахъ несетъ книгу божественну,

Она чуётъ надъ городомъ незгодушку,
Она чуетъ надъ Кіевомъ великую:
Какъ Кіевъ-отъ городъ хотятъ въ полонъ-бы взять,
Да церкви-ти Божіи на дымъ спустить,
Иконы-ти Божьи на поплавъ рѣки,
Православную вѣру облатынить всю,
Да князя Владыміра во грезь втоптать,
Княгину Апраксію за Кончальничкя взять».
Да втáропы собака злодей Скурлатъ-царь,
Садился собака на ремещатъ стулъ,
Писалъ-бы ерлыкъ да скору грамоту,
Ко тому-то князю ко Владыміру,
Выбиралъ онъ, собака, триста пословъ,
Изъ триста пословъ да онъ тридцеть пословъ,
Изъ тридцеть пословъ да онъ вѣдь трёхъ пословъ,
Изъ трёхъ-бы пословъ да одного посла,
Онъ выбралъ тотарина немилослива,
Да самъ онъ послу своему наказыватъ:
«Ты ой, мой посолъ, да скорыи гончъ!
Ты полёмъ-то ѣдь, да не дорогою,
Да во городъ-отъ лазь-ко не воротами,
Скачи черезъ стѣну городовую,
У дверей не спрашивой придверничкёвъ,
У воротъ не спрашивой приворотничковъ».

88.

Василій Буслаевъ въ Новгородѣ. *)

.... Сидѣлъ Василей сынъ Буслаевичъ,
Они пили-де, ѣли потѣшалися,
О полу-де пира да приразспорили;
Ударилса Василей сынъ Буслаевичъ,
Ударилса Василей о великъ закладъ,
Битцэ-бы, дратця съ Новымъ-городомъ,
Опричъ Онтоньева монáстыря,

---

*) Начала старины П. Г. М. не вспомнилъ.

Задоръ возьмётъ дакъ и съ Онтоньевымъ.
Говоритъ ему матушка родимая:
«Ты ой, моё цядо ныньце милое,
Ты бладой Василей сынъ Буслаевичъ!
Да жилъ-де Буславъ да девеносто лѣтъ,
Не имѣлъ-де Буславъ девети друговъ,
Имѣлъ Буславъ дакъ онъ три друга,
Да три-то друга, да три названныя,
У тя, моё цядо, не единого».
Втапоры Василей сынъ Буслаевичъ,
Устроилъ-то щанъ да середи двора,
Спустилъ онъ вѣдь чашу полтора ведра;
Да втапоры Василей сынъ Буслаевичъ,
Садился Василей на ремещатъ стулъ,
Писалъ ерлыки, да скоры грамотки,
Металъ по дорогамъ прямоѣжжіимъ:
Да шли-бы, брели-бы къ Васькѣ на дворъ,
Къ молодому Васькѣ Буслаевичу,
Братчину пить-бы медовую,
Деньги платить-бы единому мнѣ-ка-ва,
Ножики држать-то перемѣнныя. (Такъ!)
Изъ того изъ Нова-города,
Изъ того бою кулачного,
Идутъ-то шильники, мыльники, игольники,
Всякія люди недобрыя,
На пиръ они шли, дакъ ужъ радовались,
Съ пиру пошли, дакъ нынь заплакали:
«Да у вора у Васьки Буслаева,
Не упито было, не уѣдено,
Красно-хорошо было не ухожено,
Только на вѣкъ увѣчья залезено».
Изъ того изъ Нова-города,
Изъ того бою кулацьного,
Идётъ-то вѣдь Костя Новоторженинъ,
Да будётъ-то Костя середи двора,
Говоритъ Василей сынъ Буслаевичъ:
«Не признетъ тибѣ чаша единой рукой,
Не выпить тё медъ да единымъ духомъ,
Не снести тибѣ удару богатырского».
Берётъ-то вѣдь Костя единой рукой,

Выпиваётъ-то мёдъ да единымъ духомъ;
Машотъ Василей черлёнымъ везомъ,
По его по буйной по головы;
Стоитъ моледечъ да не ворохнетче,
На головы кудерцы не трехнутче,
Челомъ онъ ударилъ, да вѣдь вонъ пошолъ:
«Да будь ты мнѣ, Васинькя, назвоной братъ».
Говоритъ-то Василей сынъ Буслаевичъ:
— Да паче ты брата родимого.—
Изъ того-де изъ Нова-города,
Какъ изъ того бою кулачного,
Да будётъ тутъ нынь какъ Ѳома толстой,
Ѳома-то толстой, самъ ремесленной,
Да будётъ Ѳома и середи двора,
Берётъ-то вѣдь чашу единой рукой,
Выпиваетъ-то мёда единымъ духомъ;
Да машотъ Василей черленымъ везомъ,
Да по его по буйной по головы;
Стоитъ молодецъ не ворохнетче,
На головы его кудерцы не трехнутче,
Челомъ онъ ударилъ, самъ и вонъ пошолъ:
«Да будь ты мнѣ, Васинькя, назваиой братъ».
Говоритъ-то Василей сынъ Буслаевичъ:
— Да паче ты брата мнѣ родимого.—
Изъ того-де изъ Нова-города,
Какъ изъ того бою кулачного
Идётъ-то Потанюшка хроминькёй,
На одну ножку Потанюшка припадываётъ,
На другу ножку Потанюшка прихрамываётъ,
Костылёмъ-бы Потаня подпираетца,
Ко двору-то Потаня приближаитца,
Да будётъ Потаня середи двора,
Берётъ-то Потаня чашу единой рукой,
Выпиваётъ-то мёдъ да единымъ духомъ;
Да машотъ Василей черлёнымъ везомъ,
По его по буйной по головы;
Стоитъ молодецъ не ворохнетче,
На головы кудерцы не трехнутче,
Челомъ онъ ударилъ да и вонъ пошолъ:
«Да будь ты мнѣ, Васинькя, названой братъ».

Говоритъ-то Василей сынъ Буслаевичъ:
— Да паче ты брата мнѣ родимого.—
На томъ-бы пошли да вотъ во Новгородъ,
Пришли-то ко стѣны городовоей,
Говоритъ-то Василей сынъ Буслаевичъ:
«Ищэ хто изъ насъ, братцы, на ножку легокъ?»
Да Потанюшка у насъ на ножку легокъ,
Скакалъ черезъ стѣну городовую,
Роздергивалъ рѣшеточки желѣзныя,
Отворилъ ворота да городовыя;
Запустили свою дружинушку хоробрую,
Да Костя прошолъ да тысяцю убилъ,
Ѳома-то прошолъ, дакъ нынь другу-ту убилъ,
А Василей сынъ Буслаевичъ
Вперёдъ-де махнётъ, дакъ лежитъ улича,
А назадъ отмахнётъ—съ переулками.
Кабы видятъ мужики да новгорожана,
Они видятъ сибѣ да неминучую,
Побѣжали къ васильевой матушки:
«Ты ой есь, васильева матушка,
Чесна вдова Омельфа Тимофѣевна!
Уйми своя чада нонь любимого,
Оставь бы въ Новѣ-городѣ хоть-бы малого,
Хоть-бы малого, да хоть-бы старого».
Пошла-то васильева матушка,
Пошла-то она да на побоищо,
Брала-то Василья за бѣлыя руки,
Поводила Василья въ тёплу ложню-ту,
Привела-то Василья въ ложню тёплую,
Сковала въ желѣза нынь тяжолыя,
Въ ножны и въ руцьны, нынь въ заплецныя;
Да спитъ-то Василей не пробудитце.
Да втапоры дѣвушка чернавушка,
Пошла-то-де по воду на Волхову-рѣку,
Воротила къ Василею Буслаевичу,
Какъ замкнутъ Василей ныньце въ три замка,
Какъ въ три-ти замка да ныньце крѣпкія;
Втапоры дѣвушка чернавушка,
Она пнула-то двери правой ногой,
Отлетѣли-то двери съ ободверинками,

Заходила-то дѣвка въ ложню тёплую,
Сама говорила таковы рѣци:
«Ты ой есь, Василей сынъ Буслаевичъ!
Ты спишъ-то Василей, не пробудишсе,
Какъ вся твоя дружинушка въ крови ходитъ,
Кушаками у ей головы приверчены».
Пробудилса Василей сынъ Буслаевичъ,
Скакалъ-то Василей на рѣзвы ноги,
Онъ выломалъ желѣза нынь тяжолыи,
Ножны и ручны, нынь заплечныи,
Побѣжалъ-то Василей на побоищо,
На си́льнё, грознó, на кровавоё;
На стрѣту старикъ идётъ Антоній-отъ,
На главы несётъ колоколъ девеносто пудъ,
Езыкъ въ колоколѣ петьдисятъ пудовъ,
Самъ говоритъ да таковы рѣци:
«Ты ой, Василей сынъ Буслаевичъ!
Да мóлодо курё—не попáрхивай,
Не выпить те воды да изъ Волховой-рѣки,
Не выбить те людей да изъ Нова-города.
Сызмалешинькя въ единомъ училищѣ училися,
Тогды мы съ тобой боролисе,
Тогда я тебя частенькё побрасывалъ,
А ты меня—тогды́-сегды».
То Васьки слово за бѣду стало,
За велику досаду показалосе,
Побѣжалъ-то Васька нынь за Волхову-рѣку,
Вырывалъ-то дубину онъ изъ корени,
Онъ машотъ дубиной нынь съ кокорою,
По его по буйной по головы,
Покатилась голова съ плечь какъ пуговица.
Поворотитце у старика еще езыкъ въ головы:
«Топерь нѣту, Василей, тибѣ старого вожака».
Прибѣжалъ-то Василей на побоищо,
На сильнё, грозно на кроволитіе,
Впередъ-то махнулъ, дакъ лежитъ улича,
Назадъ отмахнётъ—съ переулками.
Дакъ вѣдь видятъ мужики новгорожана,
Побѣжали къ васильевой матушки:
«Ты ой есь, Васильева матушка,

Чесна вдова Омельфа Тимофеевна!
Уйми своя чада любимого».
Говоритъ-то Васильева матушка:
— Вы ой есь, мужики новгорожана!
Да што вы надъ чадомъ насмѣхаитесь:
У мня спитъ-то Василей крѣпко-накрѣпко,
Онъ скованъ въ желѣза во тежолыи,
Во ножны, во ручны, во заплечныи.—
Пошла-то Васильева нынь матушка,
Пошла-то она да въ ложню тёплую,
Какъ нѣту Василья Буслаевиця;
Побѣжала она да на побоищо,
На сильно, грозно, на кроволитiё,
Пришла она да на побоищо,
На сильнё, грозно на кроволитiе;
Не можотъ унéть цядо родимое,
Схвáтила его за праву ногу,
Говоритъ-то Василей сынъ Буслаевичъ:
«Да што за трепича за ногой волочитче?
Да што за онуча привязаласе?»
Говорятъ мужики новгоражана:
— Ты ой есь, Василей сынъ Буслаевичъ!
Уйми свое сáрцо ретивое:
Не трепича за тобой да волочитче,
Не онуча къ тебѣ да привязаласе,
Какъ волочúтче матушка родимая,
Чесна вдова Омельфа Тимоѳеевна.—
Умирилсэ Василей сынъ Буслаевичъ,
Да самъ говоритъ-де таковы рѣчи:
«Ужъ вы ой есь, мужики да Новгорожана!
На то у насъ былъ да право уговоръ:
Обсыпать-бы мой да нынь черленой вязъ,
Обсыпать-бы мнѣ да краснымъ золотомъ».

89.

Василiй Буслаевъ въ Iерусалимъ ѣздилъ.

Не бѣла березонька къ земли клонитце,
Не бумажное листьё ростилается,

Кабы кланялса Василей своей матушки,
Онъ-бы кланялса іе да во рѣзвы ноги,
Да самъ говорилъ да таковы рѣци:
« Ты свѣтъ, государына моя матушка,
Чесна вдова Омельфа Тимофеевна!
Ужъ ты дай благословенье мнѣ великое,
Мнѣ велико благословенье, вѣковѣцьное,
Со буйной-то главы, да до сырой земли:
Мнѣ ѣхать Василью въ Ерасáлимъ градъ,
Свести положеньичо немалое,
Мнѣ немало положеньё—сорокъ тысечей».
Говоритъ государына его матушка,
Чесна вдова Омельфа Тимоѳеевна:
— Ты, свѣтъ моё цядо ноньце милоё,
Ты бладой Василей сынъ Буслаевичъ!
' Ерусалимъ-градъ дорожинькя не ближное:
Кривой ѣздой ѣхать ровно трú-годы,
Прямой ѣздой ѣхать нынь три мѣсяца,
На прямоѣжжой дорожкѣ есть субой быстёръ,
Субой-отъ быстёръ, дакъ есь розбой великъ,
Говоритъ государына его матушка,
Чесна вдова Омельфа Тимоѳеевна:
— Кому дýмно спасатця, дакъ можно здѣсь спастись,
Туда много добрыхъ молодцовъ вѣдь ужъ хаживало.
Назадъ молодцы не ворочались.—
Онъ кланелса, Василей, ей во втóрой разъ:
«Ты, свѣтъ государына моя матушка,
Чесна вдова Омельфа Тимоѳеевна!
Ужъ ты дай благословенье мнѣ великое,
Великое благословеньичо, вѣковѣчное,
Съ буйноёй главы, да до сырой земли,
Мнѣ ѣхать, Василью, въ Ерасáлимъ градъ,
Святоей святыни помолитисе,
Ко Господней гробничи приложитисе;
У мня съ молоду было бито-граблено,
Подъ старость-ту надо душа спасти;
Насъ тридесять удалыхъ добрыхъ молодцовъ,
Субой-отъ быстёръ дакъ мы пéрегребёмъ,
Розбой-отъ великъ дакъ мы поклонимсе».
Говоритъ-то Васильева матушка,

Чесна вдова Омельфа Тимоѳеевна:
— Кому думно спастися, можно здѣсь спастись.—
Онъ кланелся Василей во третей наконъ:
«Ты, свѣтъ государына моя матушка,
Чесна вдова Омельфа Тимоѳеевна!
Ужъ ты дашь, я поѣду, и не дашь, я поѣду,
Не отстать мнѣ-ка ' дружинушки хоро́броей,
Мнѣ ' тридесять удалыхъ добрыхъ молодцовъ».
Говоритъ государыня его матушка,
Чесна вдова Омельфа Тимоѳеевна:
— Какъ будь благословеньё великоё,
На бладомъ на чадѣ на Василѣ,
Тебѣ ѣхать Василью въ Еросáлимъ градъ,
Святоей святыни помолитисе,
Ко Господней гробницы приложитисе,
Свести положенье не малое,
Не мало положеньё—сорокъ тысячей.—
Да сталъ-то Василей снаряжатисе,
Сынъ Буслаевичъ сталъ да сподоблетисе,
Испостроилъ Василей новъ черле́нъ карапь,
Да носъ-де корма да по звѣриному,
Да хоботы мѣцётъ по змѣиному,
Дерёва были у карабля кипарисныя,
Оснасточькя у ка́рабля бѣла-шо́лкова,
Не здѣшняго шолку шемашинского,
Паруса были у карабля бѣлополо́тнены,
Какъ флюгароцька была на карабли позолочена,
Какъ чѣна этой флюгароцькѣ петьдесятъ рублей,
Якоря были у карабля булатныя,
Мѣсто оцей было у карабля положено
По тому-жо по камешку самоцвѣтному,
Мѣсто бровей было у карабля положено
По тому-жо по соболю по чёрному,
Не по здѣшнему соболю, по сибирскому,
Мѣсто рѣсницъ было у карабля положено
По тому по бобру да нынь по сизому,
Не по здѣшнему бобру, по закаменьскому.
Пошолъ-то Василей на черленъ карапь,
Со всёй своей дружинушкой хороброю,
Обирали-то сходенки дубовыя,

Поклали-то сходенки вдоль по караблю,
Вынимали то якоря булатныя,
Подымали тонки парусы полотнены;
Ѳома-то толстой тотъ на кормы стоитъ,
А Костя Микитиць на носу стоитъ,
А Потанюшкя маленькёй околъ парусовъ,
Потому-де Потаня околъ парусовъ,
Гораздъ былъ Потаня по снастямъ ходить.
Они долго-ли бѣжали, нынь коротко-ли,
Подбѣжали подъ гору Сорочинскую,
Выходилъ-то Василей на черленъ карапь,
Онъ здрилъ-смотрѣлъ, Вася, на круту гору,
Увѣдалъ Василей нынь чуденъ кресъ,
Говоритъ-то Василей сынъ Буслаевичъ,
Говоритъ-то Василей таковы рѣци:
«Вы ой есь, дружинушка храбрая,
Вы тридесять удалыхъ добрыхъ молодцевъ!
Опускайте вы парусы полотнены,
Помеците-тко вы якори булатныя,
Кладите-тко сходни коньцёмъ на берегъ,
Мы выйдемъ-ко, братцы, на круту гору,
Мы чудному кресту Богу помолимся».
Кабы вся его дружина не отслышалась,
Опускали-то парусы полотнены,
Пометали-то якори булатныя,
Поклали-то сходни концемъ на берегъ;
Кабы вышолъ Василей на крутъ-бережокъ,
Пошелъ-то Василей по крутой горы
Не нашелъ-то Василей нынь чудна креста,
Нашелъ Василей только сухую кость,
Суху голову, кось человѣческу,
Онъ пнулъ ей Василей правою ногой,
Говоритъ голова, кось человѣческа:
«Не попинывай, Василей, меня, сухую кось,
Суху голову, кось человѣческу:
Да былъ молодечъ я не въ твою пору,
Не въ твою пору, да не въ твою ровню,
Какъ убила Сорочина долгополая,
Какъ та-жо-ли Чудь да двоёглазая;
Не бывать тибѣ, Василью, на светой Руси,

Не видать тибѣ Василей, своей матушки,
Честной вдовы Омельфы Тимофеевны».
Онъ вѣдь плюнулъ-то Василей, самъ чураетца:
— Сибѣ ты спала, да сибѣ видѣла.—
Онъ пнулъ ей Василей во второй разъ:
«Ужли голова въ тибѣ врагъ мутитъ?
'тибѣ врагъ-отъ мутитъ, да въ тибѣ бѣсъ говоритъ?»
Говоритъ голова-то человѣческа:
— Не врагъ-отъ мутитъ, мнѣ не бѣсъ говоритъ,
Я сибѣ-то спала да тибѣ видѣла:
Лежать тибѣ, Василью, со мной въ единомъ гробу,
Во единомъ гробу, да по праву руку.—
Пошолъ-то Василей на черлёнъ карапь
Пришолъ-то Василей на черленъ карапь,
Обирали-то сходенки дубовыя,
Вынимали-то якори булатныя,
Подымали-то парусы полотнены,
Побѣжали они да въ Еросàлимъ-градъ.
Заходили-то въ галань карабельнюю,
Опушшали тонки парусы полотнены,
Пометали-то якори булатныя,
Поклали-то сходни концемъ на землю,
Пошли-то они да въ Еросàлимъ-градъ,
Заходили они во церьковь Божію,
Да Господу Богу по молилисе,
Ко Господней гробничи приложилисе;
Положилъ Василей положеньичо,
Немало положеньё—сорокъ тысечей,
Пошолъ-то Василей ко Ёрданъ-рѣки,
Скинывалъ-то Василей чвѣтно платьичо,
Спускалсa Василей во Ёрданъ-рѣку;
Прпходитъ жона да старомáтера,
Говорила сама да таковы рѣчи:
«Ты ой есь, Василей сынъ Буслаевичъ!
У насъ во Ёрданъ-рѣки не купаютче,
Какъ толькё въ Ёрданъ-рѣки помоютче,
Купалса въ Ёрданъ-рѣки Самъ вѣдь Сусъ Христосъ,
Не бывать тибѣ, Василей, на светой Руси,
Не видать тибѣ родимой своей матушки,
Чесной вдовы Омельфы Тимоѳеевны».

Онъ вѣдь плюитче, Василей, самъ чураитче:
— Сибѣ-же ты спала, да сибѣ видѣла. —
Говоритъ-то жона да староматера:
«Сибѣ я спала, тибѣ видѣла».
Выходилъ-то Василей изъ Ёрданъ-рѣки,
Надѣвалъ-то Василей чвѣтно платьичо,
Пошолъ-то Василей на черленъ карапь,
Зашолъ-то Василей на черленъ карапь,
Со всёй своей дружинушкой хороброю,
Обирали-то сходенки дубовыя,
Поклали-то сходенки вдоль по караблю,
Выздымали-то якори булатныя,
Подымали тонки парусы полотнены,
Побѣжали-то они да во своё царсво.
Они долго-ли бѣжали, нынь коротко-ли,
Подбѣгали подъ гору Сорочинскую,
Выходилъ-то Василей на черленъ карапь,
Онъ здритъ, смотритъ на вси стороны,
Какъ увидѣлъ Василей нынь чуденъ крестъ,
Говоритъ-то Василей таковы рѣци:
«Вы ой есь, дружинушка хоробрая!
Ужъ мы выйдёмъ-ко, братцы, на круту гору,
Ужъ мы чудному кресту Богу помолимся».
Кабы вся его дружина не ослушалась,
Опускали тонки парусы полотнены,
Метали якоря они булатныя,
Они вышли нынь, братцы, на круту гору;
Пошли-то они да по крутой горы,
Подошли-то они да ко крутой горы,
Не нашли-то они да чудна креста,
Нашли-то они да сѣръ-горючь камень,
Въ ширину-то камень тридцеть локотъ,
Въ долину-то камень да сорокъ локотъ,
Вышина его у камешка вѣдь трёхъ локотъ,
Говоритъ-то Василей сынъ Буслаевичъ;
«Вы ой, моя дружинушка хоробрая!
Мы станемъ скакать черезъ камешокъ,
Впередъ-отъ мы скочимъ, назадъ о́тскочимъ;
Одинъ у насъ Потанюшька есь маленькёй,
Кабы маленькёй Потанюшка, хроменькёй,

Перёдъ ему скочить, назадъ не о́тскочить».
Скакали они-де черезъ камешокъ,
Вперёдъ-то скочили, назадъ о́тскочили,
Говоритъ-то Василей сынъ Буслаевичъ:
«Не чёсь-то хвала да молодецкая,
Не выслуга будётъ богатырская,
Мы станёмъ скакать да вдоль по камешку,
Мы вперёдъ-то скочимъ, назадъ отскочимъ;
Одинъ у насъ Потанюшка есь Хроминькёй,
Вперёдъ ему скочить, назадъ не о́тскочить».
Скакали они да вдоль по камешку,
Вперёдъ-отъ скочили, назадъ отскочили;
Скочилъ Василей сынъ Буслаевичъ,
Да палъ-то Василей грудью бѣлою,
Да палъ, розломилъ-то да грудь свою бѣлую,
Поворотитце у Василья ищэ езыкъ въ головѣ:
Вы ой, моя дружинушка хоробрая!
Ужъ вы сдѣлайте гробъ да бѣлодубовой,
Найдите суху кось человѣческу,
Положте-тко кось со мной въ единой гробъ,
Въ единой-отъ гробъ, да по праву руку».
Они сдѣлали гробъ да бѣлодубовой,
Нашли кось-голову че́ловѣческу,
Завертѣли во камоцьку бѣлу-хрущату,
Положили ихъ да во бѣлой гробъ,
Закрыли-то ихъ да гробовой доской,
Копали могилу имъ глубокую,
Спускали въ могилу во глубокую,
Засыпали желтымъ пескомъ сыпучiимъ,
Поставили во рѣзвы ноги имъ чуденъ крестъ,
На крестѣ подписали подпись книжную:
«Лежатъ два удала добра молодца,
Два сильни могуци руськи богатыря,
Да одинъ-отъ Василей сынъ Игнатьевичъ,
Другой-отъ Василей сынъ Буслаевичъ,
Ихъ убила Сарочина долгополая
Да-та-же-ли Чудь да двоеглазая».
Пошли-то дружина на черленъ карапь,
Обирали-то сходенки дубовыя,
Поклали-то сходни вдоль по караблю,

Вынимали-то якори булатныя,
Они снели со дерева флюгароцьку,
Какъ вынели изъ карабля есны оци,
Какъ взели они да черны брови:
Не стало на караблѣ хозяина.
Того-же Василья Буслаевича;
Подымали тонки парусы полотнены,
Побѣжали они да во своё царство,
Да втаропы Васильева матушка,
Честа вдова Омельфа Тимоѳеевна,
Да ждётъ-то Василея Буслаевича,
Какъ смотритъ она въ трубоцьку подзорную;
Какъ бежитъ изъ заморя черленъ карапь,
Непопрежному карабликъ непостарому,
Да нѣту на караблѣ флюгароцьки,
Какъ нѣту на караблѣ есныхъ оцей,
Какъ нѣту на коробля черныхъ бровей;
Какъ плацётъ Омельфа Тимоѳеевна,
Она плацётъ да горюцьми слезми:
«Видно нѣту на карабликѣ хозяина,
Да блада-то Василея Буслаевича».
Пошла она Васильева матушка,
Чесна вдова Омельфа Тимоѳеевна,
Пошла-то она да во Божью церковь,
Служить панафиды нынь почесныя,
По бладомъ Васильѣ по Буслаевичѣ.

90.

Садко́.

Во славномъ-то было во Новѣ-городѣ,
У того-то у Садка купца богатого,
Да было пиро́ваньё, почесенъ пиръ.
Да пиръ-отъ идётъ-де о полупиру,
Да день-отъ идётъ да день ко вечеру,
Да сончё катитча ко западу;
Учалъ Садко купець богатыя,

Онъ у́чалъ по середы пола похаживать,
Онъ бѣлыми руками прирозмахиватъ,
Изъ рѣчей-бы Садко да выговариватъ:
«Ужъ кто у насъ товары изъ Нова-города,
Повывозитъ товары на край быстрой рѣки,
Повыгрузитъ товары во черлены карабли?»
Не хто-то бы тѣмъ рѣчамъ не вяжотча,
Говоритъ-то вѣдь попъ отецъ духовныя:
— Ты не хвастай Садко, купецъ богатыя,
Я бьюся съ тобой объ великъ закладъ,
Не купить товары те изъ Нова-города,
Не вывозить товары на край быстрой рѣки.
Не выгрузить товары въ черлены карабли,
За синёё морё торговать не утти. —
Ударились они съ нимъ о великъ закладъ,
Не о сто рублей, не о тысячѣ,
О своихъ о буйныя о головы.
Пошолъ-то Садко купецъ богатыя,
Да купитъ Садко да право день поры,
Да купитъ Садко да другой поры,
Да купитъ Садко да недѣлю всю,
Да купитъ Садко да мѣсецъ поры.
Да вта́поры попъ, отечъ духовныя,
Садилса-бы попъ да на ремещатъ стулъ,
Писалъ ерлыки, да скоры грамотки,
Металъ по дорогамъ прямоѣжжіимъ —
Везли-бы товары во Новъ-городъ,
На ту-жо на зо́ву на великую,
Того-жо товару право шолкова.
Да купитъ Садко да право день поры,
Да купитъ Садко на другой поры,
Да купитъ Садко всю недѣлюшку,
Да купитъ Садко и мѣсецъ поры;
Въ городы товару прибыло,
Пошолъ-то Садко въ полату денежну
У Садка-бы казны да мало можотца.
Тутъ-бы Садко да закручинилса,
Весьма-то Садко да запечалилса,
Пошолъ-то Садко да во Божью церковь,
Онъ милитцэ Миколы Всеможойскому:

«Ты ой есь, Микола Всеможойскія!
Пособи мнѣ выкупить товары изъ Нова-города,
Повывозить товары на край быстрой рѣки,
Повыгрузить товары въ черлены карабли,
За синёё морё торговать идти,
Я построю те церковь обыдённую,
Кресты-маковичи да золоченыя».
Пошолъ-то Садко въ полату денежну,
У Садка-де казны да боле старого;
Да купитъ Садко да право день поры,
Да купитъ Садкой да другой поры,
Да купитъ Садко да и нидѣлю всю,
Да купитъ Садко да и мѣсечъ поры.
Повыкупилъ товаръ весь изъ Нова-города,
Повывозилъ товары на край быстрой рѣки,
Повыгрузилъ товары въ черлены карабли,
Пошолъ-то Садко да на черлены карабли,
Со всёй своей дружинушкой хороброю,
Обирали-то сходенки дубовыя,
Вынимали-то якори булатныя,
Подымали тонки парусы полотнены,
За синёё морё торговать пошли.
Они долго-ли бѣжали, коротко-ли
Середи было моря, середь синёго,
Остое́лись у Садка купца богатого,
Остое́лись у его черлены карабли,
Выходилъ-то Садко да на черленъ карапь,
Да самъ говорилъ-де таковы рѣчи:
«Вы ой-ли, мои да слуги вѣрныя!
Берите шшупы да долгомѣрныя,
Мечите шшупы да во синё морё,
Да нѣтъ-ли луды, да нѣтъ-ли каменья?
Да нѣтъ-ли кошки-злодѣйки ей подводноей,
На чёмъ мои карабли остоелися?»
Тутъ его слуги не отслышались,
Да брали шшупы да долгомѣрныя,
Метали шшупы да во синё морё,
Не нашли-то луды, нынь не ка́менья,
Не кошки-злодѣйки, ей подводноей.
Удумалъ Садко да думу крѣпкую:

«Вы ой, мои слуги нынѣце вѣрныя!
Мы сдѣлаёмъ жéребьи тавóлжены,
Кому намъ итти да во синё морё».
Они дѣлали жеребьи таволжены,
Метали-то жеребьи въ синё морё,
Вси жеребьи лишь по верхю плывутъ,
Садковъ жеребей—тотъ каменёмъ ко дну,
Поверхъ жеребью лишь ключи кипятъ;
Говоритъ Садко купецъ богатыя:
«Я этому жеребью не вѣрую,
Мы сдѣлаёмъ жеребьи берéстены».
Они дѣлали жеребьи берестены,
Метали-то жеребьи въ синё морё,
Да вси-то жеребьи поверхю плывутъ
Садковъ жеребей—тотъ каменёмъ ко дну;
Говоритъ Садко купецъ богатыя:
«Я этому жеребью не вѣрую,
Мы сдѣлаемъ жеребьи нынь хлѣбныя».
Они дѣлали жеребьи нынь хлѣбныя,
Метали-то жеребьи въ синё морё,
Вси жеребьи по верхю плывутъ,
Садковъ жеребей—каменёмъ ко дну.
Тутъ-бы Садко да закручинилса,
Весьма-то Садко да запечалилса,
Заплакалса Садко да горючми слезми,
Самъ говорилъ-де таковы рѣчи:
«Вы ой-ли, мои да слуги вѣрныя!
Посадите меня да на нашёсточькю,
Вы дайте-ко мнѣ въ руки весёлышко,
Не столь-бы мнѣ страшно итти въ синё морё».
Тутъ его слуги не отслышались,
Садили Садка да на нашестоцькю,
Да дали Садку въ руки весёлышко;
Пришла ко Садку да и перва волна,
Розлучила Садка да со нашестоцькей,
Пришла ко Садку да и втора волна,
Розлучила Садка да со весёлышкомъ,
Пришла ко Садку да и третья волна,
Розлучила Садка да со бѣлымъ свѣтомъ.
Подхватыватъ Садка царишшо-Поддонишшо,

Да самъ говорилъ да таковы рѣци:
«Ты ой есь, Садко купецъ богатыя!
Ты вѣки, Садко, по морю хаживалъ,
А мнѣ-то царю да дань не плачивалъ,
Да хошъ-ли, Садко, я живкомъ зглону?
Да хошъ-ли, Садко, тибя огнёмъ сожгу?
Да хошъ-ли, Садко, да я тибя жаню?»
Положилъ-то Садка купца богатого,
На ту-жо кроватку на тисовую,
Да спитъ-то Садко купецъ богатыя,
Привидѣлось Садку во сновидѣньици—
Приходила жона да старома́тера,
Сама говоритъ-де таковы рѣци:
«Приведётъ тибѣ царь да перву толпу,
Перву-то толпу да красныхъ дѣвушокъ,
Да въ золотѣ, въ серебрѣ не согнутца,
Говори-ты Садко купецъ богатыя:
«Во этой толпы да мнѣ невѣсты нѣтъ».
Приведётъ-то тибѣ и втору толпу,
Они въ золотѣ, въ серебрѣ не со́гнутця,
Гавори ты Садко купецъ богатыя:
«Во этой толпы да мнѣ невѣсты нѣтъ».
Приведётъ-то тибѣ и третью толпу,
Они въ золотѣ, въ серебрѣ не согнутця,
Позади идётъ дѣвушка чернавушка,
Говори ты Садко купецъ богатыя:
«Во этой толпы да мнѣ невѣсты нѣтъ,
«Позади идётъ дѣвушка чернавушка,
«Вотъ эта моя да богосужона».
Ты легешъ Садко да съ молодой женой,
На ту-то кроватку на тисовую
Не двинся Садко да къ молодой жоны».
Пробудилса Садко купецъ богатыя,
Привёлъ ему царь и перву толпу,
Говоритъ Садко купецъ богатыя:
«Во этой толпы да мнѣ невѣсты нѣтъ».
Привелъ ему царь и втору толпу:
И во этой толпы мнѣ невѣсты нѣтъ».
Привелъ ему царь и третью толпу,
Третью-ту толпу красныхъ дѣвушокъ,

Они въ золотѣ, въ серебрѣ не согнутца,
Позаде идётъ дѣвушка чернавушка,
Говоритъ-то Садко купецъ богатыя:
«Вотъ эта моя да Богосужона!»
Уложили Садко на кроватоцьку тисовую,
Со той-же его да съ молодой жоной,
Не двинетце Садко да къ молодой жоны.
Пробудилса Садко купець богатыя,
Лежитъ-то Садко да на крутомъ бережку,
Лежитъ-то Садко на край быстрой рѣки,
Пошолъ-то Садко во Новъ-городъ,
Исполнилъ онъ заповѣдь великую,
Построилъ-бы церковь обыдённую,
Тому-же Миколы Всеможойськёму,
Кресты маковичи да золоченыя.
Тутъ его слуги ныньце вѣрныя,
Воротилисе слуги во обратну путь;
Тогды-то Садко купець богатыя
Пошолъ-бы Садко да на черлены карабли,
Обирали-то сходенки дубовыя,
Вынимали-то якори булатныя,
Подымали тонки парусы полотнены,
Побѣжалъ-то Садко да за синё морё.

91.

Кострюкъ.

Поизволилъ нашъ царь государь,
Царь Иванъ сударь Васильевичъ,
Поизволилъ онъ женитисе,
Не у насъ на светой на Руси,
Не у насъ въ каменной Москвы,
У короля въ проклятой Литвы,
Онъ на Марьѣ Темрюковны;
Онъ немного съ собою поѣзду берётъ,
Полтораста татариновъ берётъ,
Полтретьяста боярскихъ дѣтей,
Петьсотъ стременныхъ стрѣльчей,

Собиралосе поѣзду,
Околъ цѣлоей тысечи.
Покатилсэ нашъ царь государь,
Царь Иванъ сударь Васильевичъ,
Покатилса въ прокляту Литву,
Онъ по Марью Томрюковну,
Прикатилса въ прокляту Литву,
Здраво сталъ онъ въ проклятой Литвы,
Бралъ онъ Марью Темрюковну.
Какъ втапоры отецъ Темрюкъ,
Онъ немного проважатыхъ кладётъ,
Полтараста татариновъ кладётъ,
Полтараста татарскихъ дѣтей,
Петьсотъ стременныхъ стрѣльцовъ,
Собиралось проважатыихъ гостей
Околъ цѣлоей тысечи;
Да ищэ онъ проважатого кладётъ,
Кострюка сына Темрюковиця.
Покатилса нашъ царь государь,
Нашъ Иванъ сударь Васильевичъ,
Покатилса на светую Русь,
На свету Русь, каменну Русь,
Онъ со Марьей Темрюковной.
Прикатилса въ каменну Москву,
Заходилъ онъ во божью черькёвъ,
Да ставалъ на подножокъ-отъ,
Онъ прималъ золотые вѣнчи
Да со Марьей Темрюковной.
Покатилса нашъ царь государь,
Нашъ Иванъ сударь Васильевичъ,
Покатилса изъ божьей церквы
Да со Марьей Темрюковной,
Онъ пошолъ въ ложню тёплую,
Онъ ложилса во теплу ложню.
Дакъ втапоры дядюшка царевъ,
Старъ Микита Романовичъ,
Онъ и уцялъ столы становить,
Онъ вѣдь уцялъ гостей потчивати;
Дакъ и хлѣбъ-отъ у царя на столѣ,
Да ѣствы-то у царя на столѣ,

Да питья-то у царя на столѣ,
Да и вси у насъ пьютъ и ѣдятъ,
Пьютъ, ѣдятъ, потѣшаютче,
За царя Богу молятче,
За Иванъ сударь Васильевича,
За царицу за Марью Темрюковну;
Да одинъ у насъ не пьётъ, не ѣсъ,
Онъ не пьётъ, не ѣсъ, не тешитсе,
За царя Богу не молитце,
За Ивана за Васильевиця,
За царицу за Марью Темрюковну;
Онъ вѣдь проситъ борца-молодца,
Поучéна добра молодца,
Скажотъ: «семь городовъ испрошолъ,
Тридцеть борцовъ поборолъ,
Не нашолъ по сибѣ борца,
Поучена добра молодца».
Кабы втапоры дядюшка царéвъ
Старъ Микита Романовичъ,
Приходилъ да къ ложни тёплоей,
Онъ колотитця съ молитвою,
Говоритъ таковы рѣци:
«Ужъ ты ой еси, царь государь!
Царь Иванъ сударь Васильевичъ!
Дакъ и хлѣбъ-отъ у миня на столѣ,
Да ѣствы́-те у миня на столѣ,
Да питья-те у миня на столѣ,
Дакъ и вси у насъ пьютъ и ѣдятъ,
Пьютъ-ѣдятъ потѣшаютце,
За царя Богу молятце,
За царицу за Марью Темрюковну,
Промежу собой хвастаютъ;
Да одинъ у насъ не пьётъ, не ѣсъ,
Онъ не пьетъ, не ѣсъ, не хвастаетъ,
За царя Богу не молитце,
За Ивана за Васильевиця,
За Марью Темрюковну,
Да по имени Кострюкъ сынъ Темрюковичъ;
Онъ вѣдь проситъ борца молодца,
Поучена добра молодца,

Скажотъ: «семь городовъ испрошолъ»,
Скажотъ: «тридцеть борцовъ пobоролъ,
«Не нашолъ по сибѣ борца,
«Поучéна добра молодца».
Говоритъ Иванъ Васильевичъ:
— Ужъ ты ой еси, дядюшка царевъ!
Старъ Микита Романовичъ!
Выходи на крыльцо красное,
На прекрасно государево,
Ты крычи-зычи во всю голову,
Штобы чуть было по всéй Москвы,
Какъ по всéй Москвы, по За́москвы,
Съ Кострюкомъ поборотисе,
Съ Темрюкомъ поотвѣдатце. —
Собиралися богатыри,
Къ государеву кó двору,
Ко прекраснинькёму кó крыльцу,
Кабы втапоры дядюшка царевъ,
Выходилъ на крыльчо-кра́сное,
На прекрасно государево,
Онъ крычалъ-зычалъ во всю голову,
Штобы чуть было по всей Москвы,
По всей Москвы, по За́москвы:
Собиралисе богатыри,
Съ Кострюкомъ поборотисе,
Съ Темрюкомъ поотвѣдатце.
Какъ изъ нижняго и́зъ конца,
Какъ изъ маленькёго и́зъ дворца
Выходили два богатыря:
Кабы Васинькя маленькёй,
Да Потанюшка хроминькёй,
Кабы Вася на царевъ кабакъ пошолъ,
А Потаня ко дворцу государевому,
Ко крылечюшку прекраснинькёму,
На одну ножку прихрамываётъ,
На другу ножку припадываётъ
Костылёмъ подпираитце,
Ко дворцу приближаитце.
Кабы втапоры дядюшка царéвъ,
Старъ Микита Романовичъ,

Говорилъ таковы рѣчи:
«Ужъ ты ой еси, Потанюшка хроминькёй,
Ужъ ты можошь-ли Кострюка побороть?
Побороть, обезвѣчить его?»
Говоритъ Потаня хроминькёй:
— Ужъ вѣдь я Кострюка поборю,
Поборю, обезвѣчу его,
Кабы я-то вчера хмелёнъ былъ,
Кабы нынѣ голова-то болитъ,
Кабы мнѣ-то пріоправитце.—
Кабы втапоры дядюшка царёвъ,
Старъ Микита Романовичъ,
Наливаетъ цару зелена вина,
Какъ немалу, полтара ведра,
Какъ подноситъ Потанюшкѣ хроменькёму;
Какъ берётъ Потаня единой рукой,
Выпиватъ единымъ духомъ,
Самъ за чарой покланяитца:
«Да ищэ-то я Потаня не оправилсэ,
Какъ болитъ у Потани буйна голова».
Да и втапоры дядюшка царевъ,
Старъ Микита Романовичъ,
Наливаетъ-то чару зелена вина,
Какъ немалу, полтара ведра,
Какъ подноситъ Потанѣ хроминькёму;
Какъ берётъ Потаня цяру единой рукой,
Выпиваётъ единымъ духомъ,
Самъ за чарой поклоняитца:
«Да ищэ Потаня не оправился».
Да и втапоры дядюшка царевъ,
Старъ Микита Романовичъ,
Онъ еще подноситъ зелена вина;
Какъ берётъ Потаня цяру единой рукой,
Выпиваетъ единымъ духомъ,
Кабы самъ за цярой покланяитца:
«Какъ топерь я могу Кострюка побороть,
Побороть обезвѣчить его».
Какъ втапоры дядюшка царевъ,
Заходилъ во гриню свѣтлую,
Онъ вѣдь подчоватъ провожатыхъ гостей:

«Какъ и хлѣбъ-отъ у меня на столѣ,
Да и ѣства у меня на столѣ,
Да и питья-то у меня на столѣ,
Да борцы-ти у меня на дворѣ».
Да и втапоры Кострюкъ сынъ Темрюковичъ,
Онъ скочилъ черезъ дубовы столы,
Онъ одной ногой за скамью задѣлъ,
Полтораста татариновъ убилъ,
Полтретьяста татарскихъ дѣтей,
Петьсотъ стременныхъ стрѣльцей,
Онъ убилъ-пригубилъ всѣхъ провожатыхъ гостей,
Выходилъ онъ вонъ на улечу.
Да и втапоры дядюшка царевъ,
Старъ Микита Романовичъ,
Приходилъ онъ къ ложни теплоей,
Колотилса съ молитвою,
Онъ будилъ-то Ивана Васильевича:
«Ужъ ты ой еси, царь государь!
Царь Иванъ сударь Васильевичъ!
Выходи на крыльцо красное,
Какъ смотрѣть борьбу богатырскую».
Дакъ и вышолъ нашъ царь государь,
Царь Иванъ сударь Васильевичъ,
Да со Марьей Темрюковной,
На крылечушко на красное,
На прекрасно государево.
Говоритъ Потаня хроминькёй:
«Ужъ ты ой еси, царь государь!
Царь Иванъ сударь Васильевичъ!
Ужъ мы кой коего поборёмъ,
Съ виноватого штобы платье снеть,
Да спустить его нага, да какъ мать родила».
Говоритъ Иванъ Васильевичъ:
— Да лишь-бы тибѣ Богъ пособилъ.—
Говоритъ Марья Темрюковна:
«Кабы прежъ борцы боролисе,
Кабы прежъ стрѣльчи стрѣлелисе,
Съ виноватого платье не сымывали».
Какъ не двѣ горы скаталисе,
Два богатыря сходилисе,

Да впервы-ти Кострюкъ поборолъ,
Да въ други-ти Кострюкъ поборолъ;
Дакъ и втапоры дядюшка царёвъ
Старъ Микита Романовичъ,
Онъ вѣдь рвётъ сѣдую голову,
Да и щыплетъ сѣдую бороду:
«Ужъ ты горькяя бѣлáя голова!
Ты безчасная сѣдая борода!
Доставалась на поруганьё,
Злу татарину проклятому;
Самому будётъ отвѣдатце,
Съ Кострюкомъ поборотисе».
Да Потанюшка справилса,
За рубашенькю сграбилса,
Выздымалъ выше головы,
Опускалъ о сыру землю,
О гумёнецькё мéдвенно,
Не сорочинькя спархивала,
На Кострюкѣ кожа треснула,
Онъ спустилъ его нага, да какъ мать родила;
Поволокся Кострюкъ сынъ Темрюковичъ,
Поволокся подъ крылечушко,
Онъ долонью прикрываитце.
Дакъ и втапоры царь государь,
Царь сударь Иванъ Васильевичъ,
Онъ пошолъ во ложню теплую,
Онъ со Марьей Темрюковной,
Онъ ложилса въ ложню теплую,
На кроватоцькю тисовую.

Павелъ Марковъ разсказалъ, послѣ того, какъ спѣлъ старину, слѣдующую легенду: Марья Темрюковна осердилась на царя Ивана, что позволилъ Потанѣ посрамить ея родного брата Кострюка; она вызвала Ивана Васильевича «поединщикомъ на полё, битця-боротце». При царскомъ дворѣ былъ бояринъ Бѣльской, такъ-же какъ царь лицомъ и возрастомъ; Марья Темрюковна уѣхала впередъ на поле, а Бѣльскаго средили въ царское платье и послали драться съ ней. «Бѣльской выѣхалъ, разъѣхались, Бѣльской царицу копьёмъ шшипъ, она съ лошади пала, а Бѣльской сѣлъ

ей на бѣлы груди, да и роспоролъ груди бѣлыя, а царица говоритъ: — Не быть то Ивану Васильевичу, быть собакѣ Бѣльскому».

92.

Царь Иванъ Васильевичъ *).

«Былъ въ Москвѣ человѣкъ-волшебникъ, писалъ руками и ногами; написалъ грамоту-письмо и положилъ въ церковь за икону, передъ которой государь прикатитця, дакъ стоитъ у службы. Царь Иванъ Васильевичъ прикатилса въ церковъ, увидѣлъ письмо, взялъ и положилъ въ корманъ. Прочиталъ послѣ — Новгородъ отказыватца прочь отъ его, и дѣти всѣ прочь отъ его. Царь разсердилса и сталъ казнить людей занапра́сно. Когда царь казнилъ въ Москвѣ, Ѳедоръ царевичъ пожалѣлъ народъ и сказалъ: «Бѣжите въ уличи громлёныя, туды царь не воротитце». Старшо́й братъ это услышелъ, да за столомъ на пиру и сказалъ на Ѳедора, что Ѳедоръ измѣнникъ. Когда царь ходилъ по городу и казнилъ, зашолъ въ келью ко старцу, ись попросилъ. Старецъ принёсъ царю голову шшучью, а царю оказалась голова кобылья: «Што ты, старецъ-голо-гу́зъ! Не подобаетъ хрестіанину кобылятину ись, я вѣдь царь». Старецъ крестомъ оградилъ, евилась голова шшучья, и говоритъ:—лучше-бы тибѣ кобылятины найстисе, нечѣмъ неповинную кровь лить.—Изъ Москвы, изъ Нова-города въ то времё много бѣжало народу, тогда и на Печору засѣлились изъ Нова-города, наша деревня Бѣдовая, Голубкова тоже и другіе».

Прикатилса нашъ царь государь,
Во свои палаты бѣлокаменны,
И доспѣлъ онъ пиръ,
Сталъ онъ ходить по полу кирпищету,

---

*) П. Г. Марковъ плохо зналъ эту старину и совсѣмъ отказавшись спѣть ее, согласился передать словами. Началъ онъ простымъ разсказомъ, а затѣмъ перешелъ на стихи. Я счелъ за лучшее сохранить буквально ту именно форму, въ какой „Иванъ Васильевичъ“ вылился у П. Г. Маркова. *Н. О.*

Изъ рѣчей самъ выговаривалъ:
«Я ходилъ по матушкѣ каменной-Москвы,
Выводилъ я измѣну изъ матушки каменной-Москвы,
Вывелъ я измѣну изъ матушки каменной-Москвы».
Сидитъ сынъ и говоритъ:
— Хоть ходилъ ты по матушки каменной-Москвы,
Выводилъ измѣну изъ матушки каменной-Москвы,
Не могъ ты вывести измѣну изъ матушки каменной-Москвы,
Измѣньщикъ у тебя за столомъ сидитъ.—
Строго приступилъ царь къ нему:
«Скажи кто, а не то я казню тебя?»
— Онъ измѣньщикъ*), онъ объ измѣньщикахъ плакалса,
Онъ измѣньщикамъ снаровливалъ.—
Втапоры грозной царь Иванъ Васильевичъ
Выскакивалъ вонъ на улицу,
На прекрасно на крылечушко,
Крычалъ громкимъ голосомъ во всю голову,
Чтобы чуть было по всей Москвы:
«Ужъ вы ой еси, палачи немилостивы!
Вы идите ко дворцу государеву».
Вси палачи приразбѣгались,
Собака Малютка Скурлатовъ сынъ,
Тотъ собака на дворъ идётъ,
Бралъ Θедора за бѣлы руки,
За его персни за злачёныи,
Повёлъ на полё Куликово,
Ко той ко плахѣ ко липовой,
Казнить Θёдора смертной ка́зенью,
Смертной ка́зенью позорною,
Рѣчистой езыкъ вынеть теменёмъ,
Ретивоё сэрцо промежу́ плечьми́.
Скоро-то вѣска перепа́дывала
Ко дядюшки Роману Никитевичу,
Бралъ-то дядюшка любимого конюха,
Ѣдётъ по полю по чистому,
Крычитъ, зычитъ во всю голову:
«Ты ой есь, собака Скурлатовъ сынъ!

*) При этомъ старшій царевичъ показалъ на младшаго—Θедора.

Не поступай на роды на царскія,
Не казни ты Өедора царевича,
Өедора царевича Ивановича,
Отдамъ я тибѣ любимого конюха,
Казни ты любимого конюха».
Малюта взялъ любимого конюха,
Казнилъ смертной ка́зенью, позорною,
Рѣчистой езыкъ вынелъ теменёмъ,
Ясныя очи вонъ косичами,
Ретиво сэрцо промежду плечми.
Втопоры дядюшка царёвъ
Старъ Микита Романовичъ,
Пріѣхалъ съ любымъ племенникомъ,
Во свои полаты бѣлокаменны,
У дядюшки Микиты Романова,
Пошолъ топере пиръ навесело;
Пошолъ-то нашъ грозной Иванъ Васильевичъ,
Пошолъ во Божью церковь,
Пѣть панифиды упокойныя,
По своёму по сынѣ любимому,
По Өедорѣ Ивановичѣ,
Случилосе итти мимо дядюшки Романова,
Пиръ идётъ у дядюшки на весело,
Остоялса нашъ грозной царь Иванъ Васильевичъ.
«Што у тебя идётъ пиръ навесело?
Смѣшалася вѣра—каменна Москва,
Потухла свѣця, свѣця мѣсная,
Подпала звѣзда поднебесная,
Не стало у насъ на царсвѣ царевича,
Царевича Өедора Ивановича!»
Говоритъ старъ Микита Романовичъ:
— Живой нашъ церевичъ Өедоръ Ивановичъ:
Я оддалъ своего любимого конюха,
Казнитъ смертною казнью позорною.—
Воротилса нашъ царь Иванъ Васильевичъ,
Пошолъ у царя пиръ навесело.
Топере пошолъ дядюшка царевъ въ Божью церковъ,
Старъ Микита Романовичъ,
Пѣть по конюхѣ панафиды упокойныя.

XII. ДЕРЕВНЯ ПЫЛЕМЕЦЪ.

23. Хабаровъ Степанъ Өедоровичъ.

Хабаровъ небольшой, коренастый, здоровый старикъ 69 лѣтъ. Обѣ старины, спѣтыя имъ, записаны на рыболовной тони, въ 6—7 верстахъ ниже родной его деревушки Пылемца; записывались старины въ невозможныхъ условіяхъ: на берегу рѣки, на пескѣ, между двумя лодками, у костра; съ Печоры дулъ сильный вѣтеръ и руки коченели отъ холода, а когда я садился у костра дымъ невыносимо ѣлъ глаза. Кругомъ сидѣли рыболовы и своими замѣчаніями все время мѣшали и мнѣ и сказателю; кромѣ того дѣло осложнялось еще тѣмъ, что староста рыболовной ватаги, родной братъ С. Ө. жадный мужикъ, все время ворчалъ, что С. Ө. не работаетъ, а занятъ пустяками; не совсѣмъ нормаленъ былъ и самъ С. Ө. пѣть онъ сталъ послѣ того только, какъ выпилъ водки, а выпилъ онъ лишнее и потому пѣлъ не такъ твердо, какъ бы могъ. С. Ө. единственный сказитель въ Пылемцѣ, но слава объ немъ въ Пустозерской волости также велика, какъ о Горенкѣ въ Устьцылемской. С. Ө. знаетъ: Первую поѣздку Ильи Муромца, бой Добрыни и Дуная, Ставра-боярина, Дюка, Потыка, Ваську Игнатьева, Добрыню и Маринку, Фатенка, Ивана Горденова, Чурила, двѣ старины про Василія Буслаева, Ваську Окулова, Дуная, Кострюка, Луку Игнатьева, слыхалъ про Святогора. Къ большому сожаленію, его ни за что не хотѣли отпустить въ деревню пѣть мнѣ старины, и я списалъ у С. Ө. только двѣ; во всякомъ случаѣ для меня была большая потеря, что я его не засталъ дома, въ деревнѣ.

93.

Михайло Карамышевъ.

Ай во славномъ во городѣ Карамышовѣ,
У того-то было Петра купца богатого,
У того-то была молода жона.
Да во ту-то было пору, да во то времё,
Ай во то-то было время нонь беременна,
Родила-то, принисла да чада милого,
Ай любимого-бы сына да одинакого;
Созывали-бы отцовъ-поповъ, причятниковъ,
А крестити-бы его, сына, молитвити,
Приходили-бы попы, отцы духовныи,
Нарѣкли-бы свето имё ему Михайлушкой.
Заводился у Петра тогда почесёнъ пиръ,
Какъ на тихъ-бы на радощахъ великіихъ,
Пиръ-отъ у нихъ шолъ да о полупира,
Кабы столъ-отъ вёлся о полустола,
А и всѣ-бы на пиру были пьяны-веселы,
Да весьма-то бы нонь вси да веселёшиньки,
Говоритъ-то бы Петръ купецъ богатыя:
«Ужъ ты ой еси, моя да молода жона!
У насъ хто будётъ теперь тѣшить-нéжити?
Отдадимъ-ко мы вѣдь бабушки задворенки,
А кормити-то поить да чадо милое,
До того-бы ума, до крѣпка разума».
Посылали-то за бабушкой скора посла,
Приходила тутъ-бы бабушка задворенка,
А примаютъ тутъ старушку съ чесью, съ радосью,
Говоритъ тутъ его молода жона:
«Ужъ ты ой еси, бабушка задворенка!
Ты возьми-тко у насъ да чада милого,
Да любимого-бы сына одинакого,
Да кормити-бы, поить его до возраста,
До того-бы ума, до крѣпка разума».
А на то бы тутъ старушка да соглашаитца,
Да берётъ-то кормить-поить до возраста,
До того-бы ума, до крѣпка разума.
Какъ-бы отдали старушки этой, бабушки,

Понесла въ свою-бы келью нонь во малую,
Да кормити-бы, поить да добра молодца,
Принесла-бы его да дитя малого,
Она кормитъ кусочками всё сборныма,
Да поитъ молочькёмъ сладкимъ козловыимъ.
Какъ-бы сталъ Михайлушко лѣтъ пети-шести,
Какъ-бы сталъ Михайлушко лѣтъ семи-восьми,
Пріучать-то стала въ грамоту всё руськую,
Кабы въ ти-жо науки протчи мудрыи,
А Михайлу грамота давалосе,
Хитры-мудрыя науки открывалисе;
Кабы сталъ Михайло тогды на возрастѣ,
Да во томъ-бы умѣ, во крѣпкомъ разумѣ,
Онъ-бы сталъ-бы Михайло лѣтъ двѣнадцети,
Говоритъ-то Михайло своей бабушки:
«Ужъ ты ой еси, нонь бабушка задворенка!
А не та видно мать, коя́ спородила
А та видно мать, коя́ воскормила,
Ужъ ты ой еси, нынь бабушка задворенка!—
Онъ-бы падалъ-то ей да во рѣзвы ноги—
Ужъ ты дай благословеньица мнѣ сходить, сгулять
Посмотрѣть-то охвота людей добрыихъ,
Показать сибя удала добра молодца,
Ты не знашъ-ле гдѣ коня какъ лошадь добрую?
По чисту мнѣ-ка-ли полю прогулятисе».
Говоритъ-то тогда бабушка задворенка:
— Ужъ ты глупо ты дитя, да малолѣ́тноё,
Ты поѣдёшь-то топерь да во чисто полё,
А бывать, найдешь удала добра молодца,
Ай бы сильняго могучаго богатыря,
Потеряешь ты свою да буйну голову,
Заневи́дъ ты потеряешь, не за денежку.—
«Ужъ ты ой, еси нонь бабушка родимая!
Ты спусти-тко меня да прогулятися,
Да не знашь-ле ты мнѣ-ка лошадь добрую,
Посмотрѣть мнѣ-ка охвота людей добрыихъ,
Показать себя удала добра молодца».
Говоритъ-то ему бабушка родимая:
— Я бы знаю-то далёко въ полѣ чистаёмъ,
У сыра-то бы дуба да есь глубокъ погребъ,

А во погребѣ стоитъ-бы доброй конь,
А закрытъ-бы доской-плитой желѣзноей,
Да засыпанъ-бы пескомъ-хрещомъ сыпучіимъ,
Да закладенъ-бы онъ плитьемъ-каменьёмъ.—
А тогды-де Михайло осержаитце,
А розмётывалъ-бы всё да плитьё-каменьё,
А розрылъ-бы хрящи-пески сыпучіи,
Да была-то бы плита да тутъ желѣзная,
Да тенула-бы плита нонь да сорокъ пудовъ,
Онъ пиналъ-бы доску-плиту своей ногой,
Улетѣла-бы доска-плита во чисто поле;
Услыхалъ-то бы тогды да типерь доброй конь,
Обрывалъ-то-бы чѣпи вси желѣзныи,
Онъ выскакивалъ-то конь теперь изъ погреба,
Схватилъ тогда Михаило во бѣлы руки:
«Ужъ ты конь-ле мой, конь, да лошадь добрая!
Ужъ ты какъ-ле служилъ прежну хозяину,
Ужъ ты также послужи мнѣ вѣрой-правдою,
Ужъ-бы правдой-ле, вѣрой, не измѣною,
Также сноси меня по чисту полю,
Да удалого дородня добра молодца».
Становилса-бы конь у добра молодца,
Онъ пошолъ-бы молодецъ да ко сыру дубу,
На дубу-ту-бы было всё написано,
Глубоко-то-бы было всё подрѣзано:
«Есь-то-бы тутъ да ю сыра дуба,
Тутъ положено-бы есь у добра молодца,
Да у сильняго могучаго-бы богатыря,
Положена-бы тутъ сбруя лошадиная,
Тутъ-бы вся-то есь приправа багатырская».
Разрывалъ тогды матушку сыру землю,
Да нашолъ-бы нонь сбрую лошадиную,
Какъ-бы всю нонь приправу богатырскую,
Надѣвалъ-бы узду на коня тосмянную,
Послѣ того-то бы клалъ да мякки войлочки,
А подъ войлочки клалъ подсѣдёльничёкъ,
А на верхъ-то клалъ сѣдёлышко черкасское,
Ай двенадцеть-то-бы подпругъ шолковыхъ,
А тринадцету кладётъ черезъ хребетну степь,
А не ради-бы басы, да ради крѣпости,

Кабы ради-то поѣзки молодецкоей;
Онъ берётъ съ собой матёръ бѣлой-полотъ-шатёръ,
Онъ берётъ съ собой лукъ тугой разрывчатой,
Ищэ три берётъ стрѣлы съ собой калёныи,
Ай калёныи-бы стрѣлоцьки, перёныи,
Не простымъ-то бы перьицомъ, орловыимъ,
Не того-то бы орла, што россійского,
Дорогого-бы орла славна камчужского;
А берётъ-бы съ собой да саблю вострую,
Да берётъ съ собой палицу буёвую,
Да берётъ-то копьё востроё проперомъ,
Да берётъ-то бы ножищо нонь кинжалищо,
А берётъ съ собой арканъ да бѣлошолковой,
Да берётъ съ собой латы всё булатныи,
Какъ которы-бы были съ крѣпкимъ панцырёмъ,
Онъ берётъ съ собой шапоцьку булатную,
Какъ котора-бы была да съ крѣпкимъ панцырёмъ,
Не брала-то-ее бы сабля вострая,
Не ломила-бы ей палица буёвая;
Ищэ бралъ съ собой скатерку-хлѣбосолочку,
Какъ-бы бралъ съ собой шатёръ бѣлополотненой,
Кабы падалъ-то бабушки въ рѣзвы ноги:
«Ты прости-то бы бабушка родимая!
Да не та-то-ли нонь мать, коя́ спoро́дила,
Да та винно мать, коя́ воско́рмила».
Да тогды-то бы старушка приросплакалась;
А скочилъ молодецъ да на добра коня,
Толькё видѣла старушка какъ ʼ коня посѣлъ,
Не видала у его поѣзки молодецкоей,
Прижималъ-то бы коня во́ стропы булатныя,
Заходилъ-то подъ нимъ коницёкъ какъ лютой звѣрь;
Онъ-бы скацётъ-то на кони да съ горы на горы,
Онъ-бы скацётъ-то съ шо́ломя на ме́лема ока́тисты,
Отъ его-то поѣзки молодецкоей,
Молодецкоей поѣзки богатырскоей,
Да камышъ-то бы трава да растилаетца
А сыро-то дубьё всё шатаетсэ.
Выѣжжалъ тогда Михаило на круту гору,
Вынималъ-то трубоцьку подзорную,
А смотрѣлъ-то, гледѣлъ да во вси стороны,

А во перву-то згленулъ во сторону во сѣверну,
А во сѣверной сторонушкѣ есь сини моря,
Да сини-то-бы моря тутъ ледовитыя;
Во вторыхъ, згленулъ ' стороночкю во лѣтную,
Да во лѣтной стороны тéмны лѣса,
А темны-то бы лѣса весьма дремучія;
Да згленулъ-то бы въ стороночкю во всто́чную,
Да во всточной сторонкѣ есь круты горы,
Да круты-то-бы горы, да превысокіи;
А гленулъ бы 'сторонку тутъ во западну,
Да подъ позападной сторонки, подъ крутой горы,
А стоялъ-то-бы въ полѣ тутъ-бы чёрнъ шатёръ,
Кругъ шатра-то бы ходятъ три добрыхъ коня,
А тогды то-бы Михайло нынь раздумалса:
«А нельзя-то бы шатра протти-проѣхати,
А надь во шатрѣ людей провѣдати,
Мнѣ не честь будётъ, хвала да молодецкая,
Да не выслуга будётъ богатырская».
Поворачивалъ коня тутъ ко черну шатру,
Ищэ самъ-то въ уми тутъ прироздумалса:
«Я слыхалъ отъ своей бабушки родимоей,
Што-бы чéрнъ-отъ шатёръ будётъ невѣрныи,
А-бы бѣлой-отъ шатёръ да нашъ русскіи,
Кабы нецё молодцу страшитця-боятисе».
Поворачивалъ коня да ко черну шатру,
Онъ-бы гналъ кабы круто по чисту полю,
Пріѣжжалъ тогды Михайлушко ко черну шатру,
Во шатрѣ-то бы Михайло самъ послушиватъ,
Кабы злы-то разговоры ихъ татарскіи,
Кабы есь тутъ три тотарина поганыи,
А поганыи собаки, нечестивыи,
А четверта-то съ имá сидитъ красна дѣвушка;
А ограбили-они-то золоту казну,
Огромúли они церкви вси соборныи,
Розорили-бы монáстыри причесныи,
Да между-то-бы собой собаки дѣлъ дѣлятъ,
На одинъ-отъ-бы пай кладутъ собаки сорокъ тысецей,
На другой-отъ-бы пай кладутъ собаки сорокъ тысецей,
На третéй-отъ пай нонь кладутъ красну дѣвицу.
Тутъ-бы плацётъ-то дѣвица, какъ рѣка текётъ,

Она ронитъ-бы слезы всё горючіи,
А трепитъ-то-бы, щыплётъ трубчату косу:
«Ужъ ты ой еси, моя трубчата коса!
Ты досталася не кнезю, не боярину,
Не удалому дородню добру молодцу,
А не сильнему могуцю храбру воину,
А досталася тотарамъ на поруганьё».
Акъ одинъ-отъ говоритъ да таково слово:
— Ты не плачь-ко, дѣвица, душа красная!
Если ты-то въ моёмъ пою достанишсе,
Я возьму-то вѣдь тебя да за себя въ жены,
Я те дамъ поученьё нонь великоё:
Да на кождой день по раны по кровавоей.—
А другой-отъ говоритъ да таково слово:
— Ты не плачь-кё дѣвица да душа красная!
У меня-то бы есь теперь любимой сынъ,
Да любимоётъ-бы сынъ, да одинокой былъ,
А возьму я нонь тибя за его въ жены,
Ужъ ты будешъ у меня въ домѣ хозяйкою,
Онъ бы, будётъ-же, дѣвица, нонь строжити те:
А на каждой день бить будётъ, стегать будётъ,
А по три раны давать тибѣ кровавыя.—
А третей-отъ говоритъ да таково слово:
— Ты не плачь-кё, дѣвица душа красная!
Ужъ въ моёмъ ты пою если достанешсе,
Про тибя-то у меня есь сабля вострая,
Кабы востра, нова, некрововлена,
Я ссѣку у тя, срублю да по плечь голову.—
Ай бы плацётъ-то дѣвица пуще старого,
Да не видитъ она свѣту бѣлого.
А тогды-то-бы Михайлу за бѣду стало,
За большу ему досаду показалося,
Онъ скакалъ-бы тогды да со добра коня,
Оставлялъ-бы коня да не привязана,
Какъ-бы шолъ-то тотарамъ во чернъ-шатёръ,
Онъ не спрашивалъ не роду ихъ, не племени,
А хватилъ-то ихъ, тотаръ, тогды за черны кудри,
Да тащилъ-то ихъ, собакъ, да вонъ на улицу,
Какъ одного-то-бы бралъ онъ подъ праву руку,
А другого-то бы бралъ самъ подъ лѣву руку,

А третьёго прижималъ на груди бѣлоей,
Выздымалъ-то-бы выше буйной головы,
Да хвостáлъ-мѣтáлъ о матушку сыру землю,
А тогда-то-бы тотарамъ смерть случиласе,
Розрывалъ-то бы татаръ ихъ по мелку чесью́,
Розметалъ-бы собакъ да по чисту́ полю.
Заходилъ тогды Михайло во чéрнъ-шатёръ:
«Ужъ ты, здраствуёшь дѣвица душа-красная!
Во первыхъ, ты мнѣ невѣста обручённая,
Во вторыхъ, мнѣ княгина первобрачная,
А по руськёму назвать—жона вѣнчанная».
Не спрашивалъ у ей не роду онъ, не племени,
А ложилса съ ей бы спать да ’ едино мѣсто,
Онъ бы спалъ съ ею-же времени трои сутоцки,
На четвертыи сутки разбужаитце:
«Ужъ ты ой еси, дѣвица душа-красная!
Ты коёго теперь города, коей земли?
Коего видь ты отца, да родной матушки?
Ищэ какъ тя назвать будётъ по имени?
Ищэ какъ звеличать по отечеству?»
Отвѣчатъ ему дѣвица да душа красная:
— Я изъ славного города Карамышова,
Я того вѣдь нонь Петра купца богатого,
Я ему-то вѣдь буду всё любима дочь.—
А тогды-бы говорилъ Михайло таково слово:
«Ужъ ты ой есь, дѣвица да душа красная!
Ищэ ты мнѣ не невѣста обручённая,
Ищэ ты мнѣ не княгина первобрачная,
Ищэ ты мнѣ не жона будёшь вѣнчанная,
Ище будёшь ты мнѣ, дѣвушка, родна сестра».
А тогды они съ ею да думу думали:
Роздѣлили пополамъ съ имъ золоту казну,
Какъ удумали они съ имъ Богу молитисе,
За свои-ти грѣхи тежки прощатисэ,
Какъ пошли они въ монастыри пречесныи;
Роспростилисе тогды да со родной сестрой,
Онъ-бы бралъ половину золотой казны,
Онъ поѣхалъ къ своей бабушки родимоей,
Да на вѣки-то проститсе съ родной бабушкой,

Онъ-бы отдалъ ей двадцеть тысяцъ золотой казны,
А остатки-то-бы взялъ онъ съ собой тогды.

94.

Василій Буслаевъ.

...А во томъ-то было во Новѣ-городѣ,
Кабы былъ, заводилса тутъ почесенъ пиръ,
А тогда-то бы вси весьма придумали,
Какъ позвать-то дородня добра молодца,
А сильнёго могуця храбра воина,
Какъ по имени Василья сына Буслаева,
Со своей-то дружинушкой хоробреой;
Какъ послали они тогды скора посла,
А просить его со матушкой съ родимоей,
А просить-то во Новъ-городъ на почесенъ пиръ.]
Кабы скоро послы теперь поѣхали,
Попросили Василья сына Буслаева,
Со своей-то дружиной со хороброю;
А на то-бы Василей не ётслышенъ былъ,
Со матушкой Василей снаряжаетца,
Со своей-бы дружиной сподобляитце,
А поѣхалъ Василей въ славной Новгородъ,
Кабы въ той-бы каретѣ золоченоей,
Кучеровъ молодцовъ очунь хорошіихъ,
Какъ стрѣцяютъ-то ихъ да съ чесью, съ радосью,
Какъ проводятъ-то ихъ да въ грини свѣтлыя;
Они всѣ на пиру да напивалисе,
Они всѣ на чесномъ да пьяны-веселы,
На пиру-бы молодцы да прирасхвастались,
А одинъ-отъ бы хвастатъ золотой казной,
А иной-отъ-бы удачей молодецкоей,
А иной-отъ-бы силой богатырскоей,
А иной-отъ-бы несчатнымъ скатнымъ жемчугомъ,
Кабы умной-бы хвастатъ старой матерью,
А безумной похвалятца молодой женой,

А тогды-то Василей не ётступчивъ былъ:
«Ужъ вы ой, молодцы новгорожаны!
Ищэ хто со мной бьётца о великъ закладъ:
Я возьму-бы, побью да славной Новгородъ,
Не кому со мной во городѣ не выстоять».
Мужики новгородчана не отступцивы;
Унимала-то дружина его хоробрая:
«Ужъ ты ой есь, Василей сынъ Буслаевичъ!
Не серди ты удалыхъ добрыхъ молодцовъ,
Намъ не чесь-то, хвала будётъ молодецкая,
На пиру сидѣть—спорить, теперь, здóритця».
Унимала его матушка родимая:
— Ужъ ты ой еси, Василей сынъ Буслаевичъ!
Полно-те спорить, полно здóрити.—
А Василей не на чё да не здаваитце,
Не уступатъ имъ удалой доброй молодецъ;
Они бились тогды да о великъ закладъ,
Они сдѣлали условьё промежу собой,
Ай когды открыть войну да на чистомъ поли,
А въ коё-бы-то времё, въ кой часы,
Кабы вся его дружина подписалася,
Какъ подъ ту бы бумагу, подъ условьё всё.
Отходилъ-бы крутéнько тутъ почесенъ пиръ,
Со пиру-то бы всѣ да расходилисе,
По домамъ-то бы всѣ да разбѣжалисе;
Поѣжжатъ-бы Василей сынъ Буслаевичъ,
Со своей-то со матушкой родимоей,
Со своей-бы дружинушкой хороброей,
Пріѣжжалъ-бы въ полаты бѣлокаменны.
Она тутъ-то тогды да думу думала,
Какъ-бы какъ-то скротить да сына милого?
Она удумала-бы сдѣлать почесенъ пиръ,
Напоила-бы его тутъ зеленымъ виномъ;
Онъ-бы пьетъ, гоститъ со матушкой родимоей,
А то матери-то самъ не оберегаитца,
Не берегаитце-бы матери, не опасаитце;
Онъ напилса до пьяна зелена вина,
Кабы гдѣ-ка-бы палъ, да тутъ-бы спать-бы лёгъ.
То-то думала матушка родимая,
Созвала-бы кузнечей да крѣпкихъ мастеровъ,

Заковала-бы вокругъ окошечка косявчаты,
Заковала у его да руки бѣлыи,
Заковала у его да ноги рѣзвыи,
Занаплецны желѣза сдѣлала десить пудъ,
Кабы на руки желѣза были пять пудовъ,
Повалила на кроватоцьку тисовую,
А на ту-бы перинушку пуховую,
Одевальнпцой закрыла че́рныхъ соболей,
Ясны очи закрыла камкой хрущатой,
Какъ замкнула она тогды за́ три замка,
Ай за́ три-бы замка, крѣпки вѣсучіи,
Тутъ поставило сторожовъ да караульніихъ.
Онъ-бы спитъ молодецъ, да просыпаитце,
Ото сну времё дѣтинѣ розбужатисе.
Какъ во ту-то бы пору, да во то времё,
Тогды шла-то дѣвушка изъ Нова города,
Подбѣгали ко его высокому терему,
Ко тому-бы ко окошечкю косявцету,
Ко его-то бы нонь да ложни тёплоей,
Говоритъ-бы дѣвушка таково слово:
«Ужъ ты ой еси, Василей сынъ Буслаевичъ!
Ты хорошъ былъ во славномъ Новѣ-городѣ,
Ты удалъ былъ, боёкъ битце, ратитце,
Съ мужиками новгородскими о великъ закладъ,
А тепере ты, Василей, самъ запряталса.
Да твоей-то дружины мало можетца,
Не можетъ стоятъ да со Новымъ городомъ,
А у ихъ-то вси головы приломаны,
Кушаками ихны головы поверчены».
Ото сну тогда Василей пробужаитце,
Отъ великой хмелины просыпаитце,
Онъ учуюлъ на сѣ желѣзы злы-тежолые,
Его ясны-ти очи помутилисе,
Какъ горечи его слезы прокатилисе,
А могучіи плечи расходилисе:
Онъ срывалъ тогды желѣзы да со бѣлыхъ рукъ,
А спихалъ-то желѣзы да со рѣзвыхъ ногъ,
Они лопнули желѣзы, розлетѣлися,
Нотенулса-то онъ да могуцьми плецьми,
Кабы сорвалъ желѣза занаплецныи,

Тогды сталъ молодецъ на своей воли,
Кабы сталъ со кроватоцьки тисовоёй.
Онъ бѣлешинькё Василей умываитце,
Тонкимъ бѣлымъ полотенцемъ утираитце,
А накладывалъ на ся тогды куную шубу,
Надевалъ сапоги тогды сафьянныи,
Опояску опоясывалъ онъ шолкову,
Не того видно шолку, што россійскаго,
Дорогого славна шолку шематинскаго,
Приходилъ ко дверямъ нонь ко желѣзнымъ:
«Ужъ вы ой еси, стражи караульныя!
Отмыкайте замки скоро вѣсучія,
Выпускайте меня удала добра молодца,
Мнѣ не времё-то жить теперь во комнаты,
Мнѣ-ка времё-то итти на свою волю,
Какъ итти-то бѣжать во славной Новъ-городъ».
Отъ стражей-то Василью нынь отвѣту нѣтъ;
Какъ тогда-то Василью за бѣду стало,
За великую досаду показалосе,
Его ясныи оци помутилисе,
Какъ могучи-то плеци расходилися,
Богатырско его сэрцо разъярилосе,
Онъ пиналъ-то бы двери всё желѣзныя,
Розлетелися двери на середь двора,
Кабы сорвалъ замки всѣ вѣсуція,
А стражи-то бы всѣ устеронилисе;
Выходилъ-то бы Василей вонъ изъ комнаты,
Да не хто-бы не смѣтъ слова вымолвить,
Говорилъ-то дѣвицѣ душѣ красноей:
«Когда буду я, Василей, на своей воли,
Надѣлю-то тебя я золотой казной,
Я обсыплю тебя скатнымъ жемчугомъ».
Не берётъ-то Василей золотой казны,
А берётъ толькё Василей свой черленой вязъ,
По вѣсу коя палица буёвая,
По вѣсу она-бы тенётъ—девеносто пудъ;
Побѣжалъ-то Василей ’ славной Новъ-городъ,
Ко своей-то дружинушкѣ хороброей,
Онъ бѣжалъ-то Василей по чисту полю,
Ай не есенъ-то соколъ перелётъ летѣлъ,

Ай то бѣлъ-то-бы кречетъ перепурхъ пустилъ.
Ой не много поры да миновалосе,
Тутъ-бы стрѣтилась имъ женщина снарядная,
Говоритъ-то она да таково слово:
«Ужъ ты ой еси, Василей сынъ Буслаевичъ!
Ты гораздъ былъ гостить да во Новѣ-городѣ,
А гораздъ ты былъ битця о великъ закладъ,
А теперь-то молодецъ да прiюпряталсе,
Ужъ ты выдалъ дружинушку хороброю;
Какъ твоей-то дружинѣ мало можетца,
А не можетъ стоять да съ Новымъ городомъ,
У ихъ вси-то бы головы испроломаны,
Кушаками ихны головы поверчены».
Ай Василью это слово за бѣду стало,
За великую досаду показалося,
Онъ срывалъ-то-бы съ женщины платьё цвѣтное,
Обнажилъ-то женщину всю донага,
Отдавалъ-то-бы платьё дѣвицѣ душѣ-красноей:
— Ты прими-тко дѣвица душа красная!
Когда буду-то я да на своей воли,
Награжу я тебя да золотой казной.—
Онъ бѣжитъ-то бы Васька по чисту полю,
Ай не есенъ-то соколъ перелётъ летитъ,
Акъ бѣлой-то-бы кречетъ перепурхъ пустилъ,
Онъ-бы столь скоро бѣжитъ по чисту полю;
Повстрѣчалса ему калика перехожая
Кабы тотъ старичище Перегримищо,
Ай несётъ-бы колоколъ да девеносто пудъ,
На своей-то несётъ да буйной головы:
«Ужъ ты молодо курё не попархивай,
Молодыя Василей не похвастывай:
Я вѣдь былъ богатырь да не въ твою пору,
Не въ твою-то-бы пору, не тибѣ ровня;
Ужъ ты выдалъ всю дружину хоробрую,
А твоей-то-бы дружины мало можотца,
Всѣ у ихъ головы проломаны,
Кушаками ихъ головы поверчены».
А Василью тогды да за бѣду стало,
За большу ему досаду показалосе,
Его ясны-ти оци помутилисе,

Какъ горяци его слёзы покатилисе,
Онъ выхватывалъ-бы скоро свой червленой вязъ,
Онъ махнулъ старику по буйной головы,
По тому колоколу всё великому;
А и стоитъ старичонко не ворохнетце,
Какъ на головы-то кудри всё не тряхнутця;
А тогды-то Василью за бѣду стало,
За большу-бы досаду показалося,
Побѣжалъ-то-бы Васька къ рѣчки Волховой,
А стоялъ подъ горой тутъ да сырой дубъ,
О двенатцети онъ саженъ былъ печатныихъ,
Вырывалъ-то-бы сырой дубъ изъ кореню,
Онъ хвосталъ-бы о матушку сыру землю,
Розлетелси-бы дубъ да на три жеребья;
Онъ схватилъ-бы-то жеребей съ кокорою,
Онъ бѣжалъ-бы тогда да на круту гору,
Онъ махнулъ старика Перегри́мища,
Какъ изъ той-бы изъ силы богатырской,
Розломилъ колоколъ да на три жеребья,
Онъ-бы сорвалъ-же голову съ могущихъ плечъ.
А ищэ у старика езыкъ воротитцэ:
«Ужъ ты ой еси, Василей сынъ Буслаевичъ!
Ай не будётъ тибѣ да поединщика».
А тогды шолъ-бы Васинька во Новъ-городъ.
Прибѣжалъ-то Василей въ славной Новъ-городъ,
А дружины-то стало да мало можитця,
Ищэ всѣ ихъ-бы головы проломаны,
Кушаками ихъ головы всѣ поверчены,
Говоритъ-то Василей сынъ Буслаевичъ:
«Ужъ вы ой, моя дружинушка хоробрая!
Вы отдальтесь-ко прочь да во чисто полё,
Ужъ вы дайте-ко мнѣ-ка розгулятисе,
Съ новгородцами мнѣ-ка поотвѣдатца,
Поотвѣдатця нонь, да поправитце».
Отшану́ла вся дружинушка хоробрая,
Онъ-бы взялъ-то-бы кру́то свой черленой вязъ,
Онъ-бы сталъ вязомъ Васька помахивать,
Какъ не хто-то не можотъ битця-ратитця;
Ай леталъ онъ по силы, силы арміи,
Кабы бѣгатъ Василей какъ-бы лютой звѣрь;

Ай увидѣли во городи какъ стрась таку,
Они думали-бы думу промежду собой:
«Не стоять видно съ удалымъ добрымъ молодцомъ».
Посылали они теперь скора посла,
Ко его-то-бы матушки родимоёй,
Уняла штобы своего чада милого.
Кабы скоро-де послы тогды поѣхали,
Пріѣжжали они тогды къ Омельфѣ Тимоѳеевны,
Кабы просятъ они тогда нижающо,
Какъ нижающо просятъ, со покорносью,
Уняла штобы своего чада милого,
Ай-бы милого-бы сына, всё любимого;
Отвѣчатъ-то имъ она да таково слово:
«Ужъ вы ой, нонь еси да люди добрыя!
Ужъ вы што надо мной да посмѣхаитесь?
У мня спитъ-то бы чадо не пробудитце,
Въ крѣпкихъ-то желѣзахъ, во тежолыихъ».
— Ужъ ты ой еси, Омельфа Тимоѳеевна!
Ты подлегчи, сходи да въ гриню свѣтлую.—
Ай пошла-бы она да въ гриню свѣтлую,
Его нѣту во гринѣ, не случилосе,
Ай во гринѣ лежитъ всё приломоно,
Ай назадъ-бы тогды да поворотъ даётъ.
Отъ стражей, караульщиковъ она спрашиватъ:
«Ай куды у мня ушолъ да любимой сынъ?»
Отъ стражей-то тогда да отвѣту нѣтъ,
А слезами-то стражи да уливаютце,
А не хто-то-бы не смѣтъ да слово вымолвить;
Ай пошла тогда Омельфа Тимоѳеевна,
Какъ пошла-то въ свои да новы комнаты,
Призывала своихъ да добрыхъ молодцовъ,
Ищэ тѣхъ-бы нонь слугъ да придворныихъ,
Приказала запречь тогда добра коня,
Ищэ въ ту-бы корету золочёную,
Ай провѣдать своего чада милого,
Ай любимого-бы сына одинакого;
А на это слуги не отслышилиеь,
Запрегали-бы въ карету золоченую,
Повезли-то іе да въ славной Новъ-городъ,
Привозили-то её да въ славной Новъ-городъ,

Какъ на то-бы побоищо великое,
Какъ на то-бы кроволитьё непомѣрное,
Какъ крычитъ она, зычитъ да громкимъ голосомъ:
«Ужъ ты ой есь, ты мой ясёнъ соколъ!
Ужъ ты ой еси, моё ты чадо милоё!
Ай любимоё дитя ты одинокоё!
Умири ты свое да ретиво сэрцо,
Опусти ты свои да руки бѣлыя».
А крычитъ вся дружинушка хоробрая,
Какъ ревутъ всѣ, зычатъ да громкимъ голосомъ,
Не чому-то-бы Василей тутъ не бардуётъ;
Побѣжала она къ ему добру молодцу,
Захватилася ему да за праву ногу,
Волочилась-бы она да по чисту полю,
Какъ крычитъ-то, зычитъ дружинушка хоробрая:
«Ужъ ты ой есь, удалой доброй молодецъ!
Умири свое серцо багатырское,
Опусти ты свои да руки бѣлыя».
Говоритъ-то Василей сынъ Буслаевичъ:
— Ищэ што это да онуча привязалося?—
Говоритъ-то дружина всё хоробрая:
«Привязалася-то къ те да родна матушка».
Какъ тогды-то бы удалой доброй молодецъ,
Опустилъ свои да руки бѣлыя;
А поставилъ-то-бы онъ свой черленой вязъ,
Какъ во славну во матушку сыру землю.
А на то-бы мужики были догадливы,
Да таскали тогды золото со всѣхъ сторонъ,
А осыпали-бы вязъ-отъ золотой казной,
Нонь не видно стало палицы боёвоей;
Покорилса-то весь да славный Новъ-городъ,
Выдавали, отдавали золоты ключи.

XIII. СЕЛО КУЯ.

24. Шевелева Парасковья Ивановна.

Шевелева, извѣстная подъ прозвищемъ Пойловчанки (родомъ изъ д. Пойловой), мать той замѣчатель-

ной старинщицы-дѣвицы 21 года, которая поетъ по словамъ матери 22 старины. П. И. совсѣмъ не поетъ старинъ и спѣла мнѣ женитьбу Олеши послѣ усиленной моей просьбы, спѣла, кажется, въ первый разъ въ жизни, и потому очень плохо. Но прекрасно знаетъ старины ея дочь Аксинья, выучившаяся пѣть отъ деверя матери и своего дяди, еще въ то время, когда они жили въ деревнѣ Пойловой, теперь уже не существующей. Деревня стояла въ 7 верстахъ ниже Куи по Печорѣ, но каждый годъ полая вода рвала берегъ деревни такъ, что въ концѣ концовъ жители должны были выселиться изъ Пойловой. П. И. Говорила мнѣ, что знаетъ старины и сынъ ея Яковъ, 13 лѣтъ! Сама Пойловчанка съ Мезени родомъ, но съ 17 лѣтъ живетъ на Печорѣ.

95.

Алеша Поповичъ женится.

Отправлялся Добрыня во чисто полё,
Не на много вѣдь поры, да на двадцеть-два года,
Оставляётъ онъ свою да любиму симью,
Любиму свою симью, да молоду жону:
«Если сполнится мнѣ да двадцеть-два года,
Не сиди-то ты моя да молода жона,
Не сиди-то ты вдовой горькою,
Ты поди-ко-ся да за ина́ замужъ,
Хошь за барина поди, хошь за буярина,
Не ходи толькё за Олёшинькю Поповица,
Олёшинькя мнѣ будётъ крестовой братъ».
Заводилосе у князя пированьё-столованьё,
Сидѣли они да на чесномъ пиру,
Какъ запала-то вѣдь мысель въ ретиво серчо,
Какъ задумалъ-ыть Олёшинька женитися,
Какъ на той-то вдовы да на добрыниной:
«Ужъ ты, батюшко Владымiръ стольнокiевской!
Ты позволь мнѣ-ка женитися на добрыниной вдовы».
Отвѣчатъ ему Владымiръ стольнёкiевской:

— Можотъ быть Добрыня еще самъ живой.—
Говоритъ Олешинько Поповицъ-блатъ:
«Я давно вить-то ѣздилъ во чисто полё,
Сквозь Добрынюшка трава ростётъ,
Сквозь Микитица цвѣты цвѣтутъ;
Ты позволь мнѣ на ней женитися,
Ты-же самъ будёшь мнѣ-ка батюшкомъ,
А княгина-то Апраксія мѣсто матушки,
Какъ ты, старой да Илья Муромецъ!
Ты-же мнѣ быть ты тысецкимъ;
Какъ Цюрило Голошапишко,
Ты будёшь мнѣ ходить да мѣсто дружки-то».
Срежалисе они да со князёмъ-то,
Какъ пошли-то вѣдь да со княземъ поѣздомъ,
Ише къ той-то вѣдь добрыниной родной матушкѣ;
Шли-то вѣдь они да ноцьнымъ временёмъ,
Какъ колотятся они у добрыниной у матушки,
Какъ у тѣхъ-же вѣдь воротъ да у крылецныихъ;
Выходила-то добрынина родна матушка:
«Ише хто-же тутъ колотитце ноцнымъ временёмъ?
Ише воры-то или разбойники?»
Отвѣцатъ на то Владымiръ стольнёкiевской:
— Запускай насъ, добрынина родна матушка,
Мы идёмъ вѣдь къ Добрыни на почэсенъ пиръ.—
Запускала ихъ добрынина родна матушка,
Не воротятъ они въ ложню теплую,
Ищэ прямо всё идутъ да въ лёжню спальнюю,
Гдѣ-то спитъ его да молода жона;
Заходилъ Владымiръ стольнёкiевской,
Какъ со тѣмъ-же вѣдь Олёшинькой Поповицомъ,
Какъ со тѣмъ-же вѣдь стары да Илья Муромцомъ,
Говорятъ они добрыниной молодой жоны:
«Ты ставай-ко-се, вдова со кроватоцьки,
Ты ставайко-се съ постелюшки пуховоей,
Со кроватоцьки ставай-ко со тисовоей,
Надѣвайся ты во платьицо во цвѣтное,
Ты поди-ко-се съ Олёшой ко Божьей церкви,
Прiнимай-ко-ся съ Олёшой золоты винчи».
Тутъ не бѣлая лебедушка восклыкала,
У Добрыни молода вдова заплакала,

Какъ ставала вѣдь она да со кроватоцьки,
Какъ брала она въ руки да золоты ключи,
Отмыкала она ящики окованны,
Вынимала она умываньицо румянное,
Вынимала она своё да платье цвѣтноё,
Надѣвала она своё да платьё цвѣтноё;
Еще бралъ-то ей Олёша да праву руку,
Какъ повёлъ-то ей Олёша во Божью церкву,
Принимали они винчи да золотые съ имъ.
Были у Добрыни три у́тѣхи,
Были три ворона кормлёныи,
Полетѣли эти вороны кормлёныи,
Гдѣ вѣдь спитъ-то вѣдь Добрыня во чистомъ поли,
Ище спитъ-то вѣдь Добрыня во бѣломъ шатрѣ;
Какъ одинъ-отъ вѣдь садилса на сырой дубъ,
Какъ другой-отъ вѣдь садилса на бѣлъ-шатёръ,
Какъ третéй-отъ вѣдь садилса на сыру-землю,
Какъ первой-отъ воронъ-отъ воскуркаётъ,—
Какъ удро́гла вѣдь матушка сыра земля;
Какъ второй-отъ вѣдь воронъ-отъ воскуркаётъ,—
Какъ сухое-то пенье поломалося;
Ищэ третей-отъ вѣдь воронъ-отъ воскуркаётъ,—
Какъ нашъ-то вѣдь доброй молодецъ пробужаитце,
Отъ великою хмелинки просыпаитце:
«Видно есь у насъ надъ городомъ незгодушка».
Какъ сряжалса вѣдь Добрынюшка Микитьевичъ,
Какъ сбиралъ-то вѣдь Добрыня свой бѣлой шатёръ,
Поворотъ дёржитъ Добрынюшка во свой городъ.
Прiѣжжалъ-то Добрынюшка ноцьнымъ временёмъ,
Какъ колотитце Добрыня у своихъ воротъ,
Выходила вѣдь Добрынюшкина родна матушка:
«Ищэ хто-же тутъ колотитце ноцьнымъ временёмъ,
Ищэ воры-ли вы ходите, розбойники?»
— Ётпирай-ко-ся ты матушка родимая!
Запусти-ко ты меня удала добра молодца.—
Какъ заходитъ вѣдь Добрыня да въ гриню свѣтлую,
Какъ заходитъ вѣдь Добрыня въ спальну ложную,
Какъ вѣдь нѣтъ-то его да молодой жоны,
Ищэ спрашиватъ свою да родну матушку:
«Ищэ гдѣ моя да любима жена?»

Какъ не бѣлая береза росшаталася,
Не зеленая къ землѣ да приклонялася,
Да падала-то добрынина матушка во рѣзвы ноги:
— Недавно вѣдь у насъ былъ Владымiръ
стольнокiевской,
Ишшо съ тѣмъ-же вѣдь Олёшинькой Поповицомъ,
Увели-то у Добрынюшки молоду жену.—
«Ужъ ты дай мнѣ-ка, матушка благословеньицо,
Какъ сходить-то вѣдь къ Олёшинькѣ на свадебку».
Говорила ему матушка родимая:
— Ты пойдёшъ, мое дитятко на свадебку,
Ищэ много крови ты прольёшъ напрасноей.
«Я не пролью, матушка, крови напрасноей:
Ище ейно-то вѣдь дѣло невольноё».
Надѣвалъ-то вѣдь онъ платьицо калицеско,
Заходилъ-то вѣдь Добрынюшка на свадебку,
Какъ сидятъ-то они за столами за дубовыми,
Какъ сидитъ-то жена съ Олёшинькой Поповицомъ;
Наливали калики чару зелена вина,
Подавалъ калики князь да стольнокiевской,
Подходилъ-то вѣдь Добрыня къ дубову столу,
Ищэ бралъ онъ вѣдь чару во праву руку,
Какъ за цяроцькой Добрыня выговариватъ:
«Тибѣ дай Боже, Владымiръ, ходить батюшкомъ.—
Наливаютъ калики чару зелена вина,
Подаваётъ калики княгина мать-Апраксiя,
Какъ приходитъ-то калика къ дубову столу,
Какъ берётъ онъ цяру во праву руку,
Какъ за чарой Добрыня выговариватъ:
«Те подай Боже, княгина, ходить матушкой!»
Наливаютъ калики чару зелена впна,
Подаваетъ калики Илья Муромецъ,
Какъ берётъ-то калика во праву руку,
Какъ за чарой самъ выговариватъ:
Те да Богъ, Илья, да ходить тысецькимъ».
Наливатъ цару Олёша-то Поповиць-отъ,
Подаватъ цару Олёшинька Добрынюшкѣ,
Какъ берётъ-то Добрыня во праву руку,
Ищэ пьётъ-то цяру со една духу,
Какъ за царой самъ выговариватъ:

«Те подай Боже, Олёша, во совѣтѣ жить!»
Наливаётъ-то вѣдь чару молода жона,
Ищэ пьетъ-то вѣдь Добрыня съ едина духу:
«Те подай Боже, молодушка, согласно жить!»
Какъ сымаётъ-то Добрынюшка съ правой руки,
Какъ съ правой-то руки да злачёной перстень,
Роздвигала-то вѣдь она дубовы столы,
Да падала ему да во рѣзвы ноги:
— Ты прости меня, Добрыня, во первой вины:
Какъ мое-то вѣдь дѣло подневольнёё.—
Какъ онъ бралъ свою жену да за праву руку:
«Проздравляю тебя Олёша съ молодой жоной!
Благодарю тебя вѣдь князь да стольнокіевской!
Ты нашто надѣелса Илья Муромецъ?
Вы ужъ взяли жену да отъ жива мужа».

XIV. ДЕРЕВНЯ НАРЫГА.

25. Никоновъ Василій Артамоновичъ.

Никоновъ пустозерскій старшина, родомъ изъ Нарыги, а двѣ Нарыги большая и малая славятся на Печорѣ обиліемъ старинъ и мастерствомъ пѣть ихъ. Въ Нарыгахъ я, по случаю наступленія времени промысла, не былъ, но В. А. какъ волостного старшину встрѣтилъ въ Пустозерскѣ, гдѣ онъ въ волостномъ правленьѣ и разсказалъ мнѣ, что зналъ. Это тоже типичный пустозеръ: маленькій, толстенькій, съ тихими, немного льстивыми рѣчами. Старины свои сообщалъ мнѣ какъ-то таинственно, послѣ усиленныхъ просьбъ, точно разсказывалъ какую-то тайну, которая только-что случиласъ у него въ сосѣдяхъ.

96.

Потапъ Ивановичъ 12-ти лѣтъ.

Подходилъ Шкурлакъ царь подъ Новгородъ,
Хоцётъ Шкурлакъ царь взять Новгородъ,
Самолучшую-то силу повыгонить,
Худолучшую силу-то подъ пень склонить.
Богатырей во городѣ не лучилосе,
Былъ одинъ Потапъ сынъ Ивановичъ,
Отъ роду Потапъ двѣнадцеть лѣтъ;
Приходилъ Потапъ къ отцу, къ матерѣ,
Падаетъ Потапъ въ ноги рѣзвые:
«Благослови меня отецъ, да ныньце матушка,
Выѣхать мнѣ да на чисто полё».
Не спускаётъ его да отецъ, съ матерью:
— Ты не ѣзди ты чадо малолѣтноё.—
«Даитé благословеньицо поѣду я,
Не даитé благословеньицо поѣду-жо».
Сталъ-то Потапъ да снаряжатися,
Онъ уздалъ-то, сѣдлалъ да коня доброго,
Заскакивалъ Потапъ да на добрá коня,
И не видѣли его посадку молодеческу,
Тольки видятъ-то ' поли курива стоитъ.
Наѣхалъ-то Потапъ на рать великую,
На ту-жо Литву, да на поганую:
Праву руку махнётъ, дакъ лежитъ улича,
Во лѣву отведётъ, дакъ переулками.
Отъѣхалъ тутъ Потапъ да во чисто полё,
Роскинулъ-то Потапъ да бѣлъ полотненъ шатёръ,
Заснулъ Потапъ съ тяжкой работы.
Розоспалса Потапъ да тяжкимъ сномъ,
Взели собаки во полонъ Потапа,
Сковали Потапа въ чѣпи-оковы,
Повалили Потапа на телѣгу двоекольщету,
Потенули Потапа ' царю Шкурлаку;
Притенули Потапа ' царю Шкурлаку,
Говоритъ-то Потапу Шкурлакъ царь:
«Склонься мнѣ, Потапъ сынъ Ивановиць!
Дамъ-то я тибѣ да золотой казны».

Отвѣчатъ Потапъ сынъ Ивановицъ:
— Кабы былъ-то я, жилъ да на своей воли,
Ссѣкъ-бы у тебя да поплецъ голову.—
Говоритъ-то Потапу Скурлакъ царь:
Молодой ты, дѣтина, серцомъ заплываишся,
Мнѣ царю да въ рѣчи не даваишсе,
Склонься мнѣ, Потапъ да сынъ Ивановичъ,
Дамъ тебѣ доцерь я въ супружесво».
Говоритъ-то Потапъ да сынъ Ивановицъ:
— Кабы былъ-то я, жилъ да на своей воли,
Ссѣкъ бы у тебя голову со дочерью.—
Отвѣчатъ ему ныньце да Шкурлакъ царь:
«Молодой ты, серцэмъ заплываишся,
Мнѣ царю да въ рѣчи не вдаваишся».
Потенули Потапа во чисто полё,
Ко той ко плахѣ кровавоей,
Отрубить у Потапа поплецъ голову;
Тутъ Потапъ и расплакалса,
Въ умѣ-то Потапъ тутъ и взмолилсе:
«О, присвята мать Богородица!
Я стоялъ-то за Спаса Вседоржителя,
Я стоялъ за Присвяту Мать Богородицу,
Я сталъ за чесны монастыри,
Я стоялъ за отца, за матерь свою,
Я стоялъ за вѣру православную».
Бѣжитъ по чисту полю калика перехожая,
Крычитъ калика громкимъ голосомъ:
«Не бейте Потапа Ивановиця,
Дайте съ Потапомъ проститисе».
Съ рукъ-то, съ ногъ у Потапа жалѣза обвалилисе,
Съ шеи оковы да окатилисе,
Соскочилъ-то Потапъ тутъ на рѣзвы ноги;
Нечѣмъ у Потапа боронитисе,
Отъ рукъ отъ татарскихъ да нечестивыихъ,
Схватилъ-то Потапъ телѣгу двоекольчету,
Билъ-то, ломилъ Потапъ многочисленно;
Побѣжалъ тутъ Потапъ ко добру коню,
Заскочилъ-то Потапъ тутъ на добра коня,
Бросилса Потапъ къ царю Шкурлаку:
«Ужъ ты здраствуй, шкурлакъ нечестивой царь!

Не ты-ли мнѣ давалъ, царь, золотой казны?
Не ты-ли-то давалъ царь супружесво?»
Ссѣкъ онъ у сабаки по плецъ голову,
Ссѣкъ онъ голову и у доцери.

97.

Василій Буслаевъ въ Новгородѣ.

(Отрывокъ).

Былъ жилъ Буславей девеносто лѣтъ,
Не съ кѣмъ Буславей не ссаривалса,
Не съ кѣмъ-то Буславей не здаривалса,
Ноньце Буславей преставилса;
Оставаитце его да чадо милое,
По имени Василей сынъ Буслаевичъ,
Поступки, пошшапка не отцовскія:
Выйдетъ съ малыма робятами играть на улицу,
Коего за руку схватитъ, рука вырвитса,
Коего за ногу схватитъ, нога изломитце,
По середочки хватитъ—жизни кончаитце,
Стали къ матушки ходить, жалобу творить:
«Своё чадо уйми, либо насъ удали».
Тутъ-то Васиньки за бѣду стало,
За великую досаду показалося,
По городу онъ да погуливатъ,
На колѣнѣ ерлыцьки-грамоты росписыватъ,
По дорожецькамъ грамоты розмётыватъ:
«Хто хоцётъ ись-пить готового,
Носить хто хочётъ припасёного
Идите ко Васиньки ко Буслаеву».
Тѣ-же находятъ нѣтъ не пить, не ись,
Идутъ-то, грѣдутъ ко Васинькѣ Буслаеву,
Васинькя Буслаевичъ того вязомъ,
Кой ударъ унесётъ, того къ себѣ берётъ,
Кой ударъ не унесётъ того проць пошлётъ.
У вора у Васьки у Буславьева,
Не упито было не уѣдено,
Баско-хорошо было не ухожено,

Великого увѣчья получено,
Собиралъ-то Буславьевъ на почесенъ пиръ,
Во первыхъ, на обѣдѣ былъ Ѳома толстой,
Ѳома толстой самъ ремесленной,
Во вторыхъ-то, былъ Костя новоторженинъ,
Во третьихъ-то, былъ Потаня хроменькёй.

98.

Кострюкъ.

Задумалъ грозной царь Иванъ Васильевичъ пиръ собрать,
Собиралъ онъ многихъ князей,
Собиралъ онъ многихъ купцей,
Собиралъ многихъ бояръ къ себѣ,
Изъумыльнюю рѣчь выговариватъ:
«Я задумалъ, братцы, женитисе,
Не у насъ на Москвѣ, въ проклятой Литвѣ».
До петисотъ поѣжжанъ наметалосе,
До трехсотъ провожатыхъ собиралосе;
Всѣ на пиру да напивалися,
Всѣ на чесномъ да наѣдалися,
Только одинъ проважатой не пьётъ, не ѣсъ,
Не пьётъ онъ, не ѣсъ, нечѣмъ не тѣшится,
Именёмъ его зовутъ нынь Кострюкъ-Мострюкъ Степановичъ.
Подходилъ-то дядюшка Микита Романовичъ:
«Што-же ты, Кострюкъ-Мострюкъ Степановичъ,
Што-же ты не пьешъ, не ѣшъ, не тѣшишсе?
Съ хорошимя людьми ты не нежишся?»
Отвѣчатъ-то ему да Кострюкъ-Мострюкъ:
— Я прошолъ-то семь городовъ,
Поборолъ я семь борцовъ,
Пострѣлилъ-то я семь стрѣльцовъ,
Посрамилъ я всѣхъ стрѣльцовъ,
Я желаю-бы со рускима борцами поборотисе.—
Выходилъ-то дядюшка Микита Романовичъ,
На то крыльцё на прекрасное,
На то кружало государево,

Зычитъ-то крычитъ громкимъ голосомъ:
«Нѣтъ-ли у насъ въ городѣ боротисе?»
Зычитъ-то дядюшка во второй разъ,
Самъ-то рвётъ свою сѣду броду,
Самъ-то брады приговариватъ:
«Ужъ ты, сѣда моя брада!
Ты достанешся рвать видно рукамъ тотарскимъ,
Видно будётъ пріотвѣдатца самому старику».
Крычитъ-то, зычитъ Никитушка во третей разъ.
Съ того-же славна царева кабака,
Идутъ-то два названые два брателка,
Одного именёмъ зовутъ Васинькя маленькёй,
Другого зовутъ Потанюшка хроменькёй,
Костылёмъ-то Потаня подпираетця,
Впередъ-то Потаня подаваетця,
Васинькя маленькёй мастеръ стрѣлетисе,
Потанюшка хроминькёй мастеръ боротисе.
Приходятъ 'ны къ тому-же кружалу государеву:
«Ужъ ты здраствуёшь, дядюшка Микита Романовичъ!
Для чё-то тебѣ да люди скоро надобны?»
— Желатъ-то провожатой съ рускими борцями поборотисе,
Желатъ-то съ рускими стрѣльцами пострѣлетися,
Тотъ-же Кострюкъ-Мастрюкъ Степановичъ;
Онъ вѣдь по полу идётъ, колѣнки жмётъ,
На лавицу садицца, куну берегётъ,
Это не быть, братцы, мущина, быть женщина.—
«Ужъ ты ой еси, дядюшка Микита Романовичъ!
Доложся-кось Ивану Васильевичу,
Ивану Васильевичу царю грозному:
Велитъ-ли онъ мнѣ да поборотъ Кострюка,
Поборотъ его, съ его платьё снеть,
Платье снеть, нагого спустить».
Отвѣтилъ тутъ имъ Иванъ Васильевичъ,
Иванъ Васильевичъ, самъ грозной царь:
— Лишъ-бы Богъ помогъ.—
Подходилъ нынѣ дядюшка къ дубову столу,
Говоритъ-то нынь дядюшка таково слово:
«Што братцы, бояра, господа!
Што братцы, господа, провожатыи!

Што-же Кострюкъ-Мострюкъ Степановичъ!
Не пьёшь, ты не ѣшь, не тѣшишся?
Ты съ почётныма людьми ты не нежишся?
А питья-то и ѣствы у насъ на столѣ,
А борцы у насъ на дворѣ».
Соскочилъ тутъ Кострюкъ-Мострюковичъ на рѣзвы ноги
У Кострюка тутъ сэрцо зрадоваласе,
Скоцилъ-то Кострюкъ черезъ дубовой столъ,
Стопталъ-то онъ трёхъ Степановыхъ, трёхъ, Юлановыхъ.
Выходили они да вонъ на улицу,
А хватилисе съ Потанюшкой боротисе;
Во первыхъ-то Потанюшку бросили,
Во вторыхъ-то Потанюшку бросили,
Во третьихъ-то Потанюшка справилса,
За рубашаньку Потанюшка зграбилса,
Металъ Кострюка-Мострюка сына Степановича,
Металъ его выше народа стоечего,
Бросилъ его о сыру землю;
Платье снялъ, да нагого́ спустилъ.
Соскочилъ-то Кострюкъ на рѣзвы ноги,
За углы Кострюкъ забираитца,
Долонью пирогъ прикрываётъ;
Тутъ-то Потаня пострамилъ её.
Выговаривалъ имъ грозной царь Иванъ Васильевичъ:
«Пойте удалыхъ добрыхъ молодцовъ,
Зеленымъ виномъ да базденежно,
Богъ пособилъ да пострамити имъ».
Понесла-то гнѣвъ царица на царя Грозного
Руку накинётъ, дакъ пыши́тъ одва́,
Ногу накинётъ, дакъ дышитъ одва́;
Выходилъ Грозной царь за ворота вонъ,
Переложилъ-то платьё его дядюшка Микитушка,
Снялъ онъ съ ней роту—дубьёмъ отодралъ.

Кострюкъ разсказанный Василіемъ Арт. Никоновымъ оканчивается такъ: царица Марья хотѣла задушить Ивана Васильевича за то, что тотъ позволилъ Потанѣ осрамить ея родную сестру. Узнавъ о покушеніи, дядя царя Никита Романовичъ «снялъ съ ней ро́ту—дубьемъ отодралъ».

99.

Князь Гогаринъ.

Милъ сидишь возлѣ меня,
Гледишь радось на меня,
Чѣлуешь и милуешь,
Крѣпко къ сэрцу прижимашь,
Разлапушкой называшь:
Разлапушка дѣвушка,
Бѣлая лебёдушка,
Твоя русая коса
До шолкова пояса,
До шолкова пояса
Твои кудрявы волоса.
Понизъ воды плывутъ стружки,
На стружкахъ сидятъ дружки,
Они играютъ въ тварожки, (такъ!)
Хорошо дружки играютъ, выговариваютъ,
Выговариваютъ, сами Гогарина бранятъ:
«Заѣдаетъ воръ Гогаринъ нашо жалованьё,
Харчево и годово, нашо денежно».
На эти воръ на деньги онъ полаты становилъ,
Полаты становилъ да бѣлокаменные,
Онъ и своды-те сводилъ, своды серебреные,
Онъ вѣдь трубы-те трубилъ, трубы мѣденны,
Какъ не хуже и не лучше государёва дворца,
Тольки тѣмъ однымъ похуже—золотого ерба нѣтъ.
«Еруславъ-бы городъ спобывать,
Да царя-бы увидать,
Золотой-бы ерлыкъ купить
Да верхь-ётъ вызолотить».
За тѣ-же словеса опредѣлили молодца:
Его на лёкку роботку—на каторгу,
На вѣчно житьё-бытьё—на вѣселицу.

100.

14-е декабря 1825 г.

Молодой солдатъ да на чесахъ стоитъ,
Стоючись-то солдатъ да расплакалса,
Зи́нулъ ружьёмъ солдатъ въ сыру землю:
«Ты роздвинся, раздвинся мать сыра земля,
Ты откройся, откройся гробова доска,
Розорвись-кё, ро́зорвися рущата камка,
Ты возстань-кё, возстань нашъ благовѣрной царь,
Благовѣрной царь Алексантъ Павловичъ!
У насъ всё-то нынче не попрежному,
Придумали, братцы, бояришка думу крѣпкую:
«Кому, братцы, изъ насъ да государёмъ быть?
«Государёмъ быть, да акитантомъ слыть?
«Государёмъ-то быть князю Вильянскому,
«Аки́тантомъ слыть князю Волхонскому».
Воспрошлышело его да ухо правоё,
Разсадили ихъ по тёмнымъ кибито́чкамъ,
Розвозили-то ихъ да по тёмнымъ тюрьмамъ.

101.

Жена разбойника *).

Изъ подъ кустышка было ракитова,
Изъ подъ камешка было сѣрого,
Протекала-то-де рѣчка быстрая,
Рѣчка быстрая, вода холодная.
Во этой рѣчки быстроей, въ водѣ холодноей,
Красна дѣвушка она мылася,
Бѣдна бѣлилася,
Она мылась, слезно плакала,
Красоты она своей дивилася:
«Красотали ты моя, красоточка!
Охъ ты счастье-ли мое, счастьице!
Талану-участи доля горькая!
На роду-ли то да мнѣ написано,
На дѣлу-ли то да мнѣ досталосе,

---

*) Пѣсня эта взята изъ переданной мнѣ тетрадки, заключающей 18 пѣсенъ. Пѣсни записалъ съ голоса мѣстный крестьянинъ Егоръ Ивановичъ Дитятевъ, прошедшій курсъ сельской школы.

Въ жеребьи-ли мнѣ сповыпала:
Жениховъ-ли про меня не было?
Сватовья-ли на мнѣ не сватались?
Изъ бояръ-то-ли да сватались бояра,
Изъ купцовъ-то-ли сватались на мнѣ купцы,
Изъ крестьянъ-то-ли сватались молодчики;
Какъ нынѣ отдалъ меня родной батюшко,
Просватала родна матушка,
Какъ за вора, да за разбойника,
За ночного да подорожника;
Со вечера да онъ коня сѣдлалъ,
Со полуночи въ розбой съѣзжалъ,
Къ утру-свѣтичку домой въѣзжалъ;
Онъ кричитъ-зычитъ собачьимъ голосомъ:
«Ты ставай-ко-ся, жена немилая!
«Немилая жена, постылая,
«Добывай огня скорёхонько,
«Затопляй-ко печь крутёхонько,
«Ужъ ты грѣй-ко-ся воду ключавую,
«Ужъ ты мой-ко-ся платье кровавое,
«Кровавое платье, разбойницкое».
Я ставала млада скорёшинько,
Топила печку крутёшинько,
Я нагрѣла воды ключавоей,
Я стирала платье кровавое;
Перву вымыла я, не раздёрнула,
Втору вымыла, да развёрнула,
Нашла эту рубашеньку, знакомую,
Знакомую рубашечку, примѣтную;
Закричала я громкимъ голосомъ,
Закричала я, сама заплакала:
«Ожъ ты гой еси, ладо немилое,
Немилый и постылый!
Ты пошто убилъ моего брата любимого?
Своего шурина постылаго?»
— Не я убилъ твоего брата любимаго,
Своего шурина постылого,
Не я убилъ—убила темна ноченька,
Подстрѣлила калена стрѣла.—

Словарь мѣстныхъ словъ *).

Ажъ 21, 10—ужъ, уже́? см. Ожъ.

Акита́нтъ, 100, 30—адъютантъ.

Ала́бышъ 47, 197—въ смыслѣ тя́пышъ. Первоначальное значеніе см. Алябышъ.

Алави́на или Улави́на 64, 63—жесткая трава, растетъ у воды.

А-и ле, Але 21, 30—или.

Аля́бышъ, чаще Ала́бышъ 1, 181—особаго рода блинъ; отсюда Ала́дьи, Ала́шки напр. въ Вятской губ.

Бадья́ 7, 51—деревянное ведро съ узкимъ дномъ и широкимъ верхомъ, привязанное къ веревкѣ; достаютъ воду изъ колодцевъ.

Балба́нъ 24, 99—болванъ, деревянный обрубокъ.

Банке́товать или еще Панке́товать 37, 72—пировать.

Ба́рдовать 94, 286—слушать, понимать.

Баса 1, 146—красота, прелесть.

Баско-хо́рошо 4, 8—прекрасно, красиво.

Бе́зчёсьё 1, 285—несчастье.

Берша́тыя сумки 46, 9—узорчатыя.

Берщатыя скобки у сапогъ, 27, 18—м. б. отъ берча́ть—бренча́ть, по «олонецкому нарѣчію» Кулик.

Бладе́нь 40, 13—младенецъ.

Бла́дой, бладъ 12, 33—молодой.

---

*) Первая цифра обозначаетъ № былины, вторая цифра— ея стихъ, гдѣ находится слово; сокращеніе „см“, значитъ смотри; сокращеніе „въ см.“— что приводимое слово употреблено пѣвцомъ въ данномъ мѣстѣ былины *въ смыслѣ* такомъ-то.

Блева́ть, вы́блевать 59, 143—вырвать.

Бой 1, 270—въ смыслѣ оружіе.

Бо́льнё, больно 2, 171—въ смыслѣ очень.

Бра́таться 1, 261 — дѣла́ться братьями, мѣняться крестами.

Бра́тчина. 88, 26—напитокъ.

Браты́ня 12, 11—металл. сосудъ, изъ котор. пьютъ пиво и квасъ—(Подв. Архн. Кулик. Олон.).

Буё́вая палица 19, 113—боёвая, для боя, для битвы.

Буржуме́цкое 19, 117 — Бурзоме́цкое копьё 6, 136—мурзамецкое, мурзинское.

Бурзуме́нтъ 30, 6—извращенное слово позументъ.

Ва́ровать 7, 103—слушаться; 2, 31—вѣрить.

Варово 21, 35—быстро, проворно.

Варо́вой 63, 8—проворный, быстрый.

Вальяжный 24, 180—красивый.

Вза́быль 2, 149—на самомъ дѣлѣ, дѣйствителяно.

Взрадова́ться 19, 54— обрадоваться.

Верхо́вишшо, Верхо́вище, 86, 165—темя.

Вно́го 12, 10—много.

Води́ться при борьбѣ 86, 135—схватившись другъ съ другомъ руками ходить, до момента когда роняютъ другъ друга.

Во́жлокъ или Вы́жлокъ 1, 66—собака.

Возгра́ивать 54, 47—см. гра́ять.

Волоча́жная су́ка 21, 163—безпризорная, бездомовая см. волочиться.

Волочи́гься 20, 304—бродить безъ призору, также: валяться безъ вниманья.

Воро́хнуться 88, 51—шевелиться.

Вороши́ть стр. 256—тро́гать.

Воску́рканье 20, 334—ку́ркать—ка́ркать.

Воста́рзанье 20, 335—растерза́нье.

Вра́ндовать, не вра́ндовать 53, 114 — слушать, не слушать.

Въ любы придутъ 24, 73 — будутъ въ пору, полюбятся.

Вы́жилъ 7, 118—въ см. выслужилъ, заработалъ.

Вы́знять 1, 382—поднять высоко.

Вы́крошить, повы́крошить 18, 243—перебить.

Вы́пнуть двери 2, 51—сломать ногами.

Вышиба́ться изъ рѣчей, 14, 10, шибови́ту жить 14, 63—говорить то, что не слѣдуетъ, лишнее.

Вы́чихнуть 37, 222—выскочить внезапно.

Вѣшво 84, 45—вѣжливость.

Га́лань 27, 110—гавань.

Гни́ла, Гни́лка 24, 142—глина, глинка.

Гнуси́на 82, 125—мышь. Гнусъ—общее наз. комаровъ, мошекъ, оводовъ.

Годовъ пети́шта-же» 63, 43—годовъ пяти.

Гора́здъ 94, 156—ловокъ.

Гора́зна играть 11, 157—хорошо играетъ.

Горта́нь 85, 76—въ см. горло.

Гра́ять 37, 111—каркать.

Греду́тъ 97, 24—идутъ.

Гри́ня 3, 132—комната для собранія дружины.

Громи́тъ 25, 10—въ смыслѣ стучитъ.

Громѣ́ть 1, 92—гремѣть, производить грохотъ, шумъ, говорить громко.

Гру́бый ручей 51, 3—сильный, бурливый.

Грядка 25, 24—полка у стѣны въ избѣ.

Гузно́ 86, 146—сѣдалищная часть тѣла.

Гума́га 26, 47—бумага.

Дава́ицце въ принеты́ 66, 114—дается, идетъ въ принятые въ домъ.

Даръ божій 19, 20—въ см. хлѣбъ.

Дё́рнуть, Одё́рнуть 66, 59—внезапно ударить.

Дице́-де всѣхъ 27, 384—дичѣе всѣхъ, всѣхъ глупѣе, дураковатѣе.

Дозво́лъ 17, 103—позволенье.

Докуча́ться 49, 81—добиваться.

Доло́нь 77, 30—ладонь.

Доспѣть 20, 157—случиться, сдѣлаться, но и сдѣлать.

Дре́безги 11, 130—разбить въ мелки дребезги—на мелкія части.

Дроби́на 85, 96—гуща.

Друга́стольки 42, 31—въ другой разъ столько-же.

Другиж́ды 25, 87—въ другой разъ.

Думучи́сь 7, 18—думая.

Дыбу́нъ, дыбу́чее болото, 19, 170—зыбу́нъ, зыбучее

б., трясина; поросшее мохомъ и болотн. растеніями земля, на которой выступаетъ изъ подъ ногъ вода. «Арх. Нар. Подв.»

Дѣитце 37, 197—дѣлается.

Дѣльнё 2, 120—правильно, справедливо.

Е́ 22, 404—есть.

Ёбзадо́рюсь 20, 196—см. обзадорюсь.

Ёбѣння 10, 10 обѣдня.

Едрёной 63, 10—крѣпкій, сильный.

Ёжъ 23, 223—ожъ,

Е́кой 22; 413—экой.

Ёммѣнимсе 20, 40—обмѣнимся.

Ёрда́ 26, 13—орда.

Е́тоя 39, 27—эта.

Ефице́ръ 15, 26—офицеръ.

Ёхвота 7, 130—охота.

Ёчесливой, Очесливой, 3, 47—относящійся къ кому ниб. сообразно его чести, вѣжливый.

Ёчунь 9, 84—очень.

Жа́литься, Нажа́литься 23, 81—жаловаться, Нажаловаться.

Жа́ребцы 22, 206—жеребцы.

Же́ребей 94, 209—въ см. часть.

Живо́тъ 17, 57—имущество.

Забавля́тся 2, 84—развлекаться.

За бѣду́ стало 22, 200—обидно, оскорбительно показалось.

За́вѣдь у руки 1, 325—сочлененіе между кистью и предплечьемъ.

Загре́зить, Гре́зить 17, 20—шалить, проказничать, бѣдокурить.

За́лѣзной 23, 350—желѣзный.

Замѣня́ться людьми 9, 13—см. засылаться.

За неви́дъ, 1, 115—не изъ за чего, изъ за пустяковъ.

Запиха́ть 12, 66—затолкать, всунуть.

Заплы́вчивой родъ 24, 213—гнѣвливый, вспыльчивый. Заплывчивое сердце—обидчивое, завистливое.

Засе́льщина 85, 101—въ см. деревенщина, необразованный.

Заспа́ть 20, 138—заснуть; за́спалъ—уснулъ.

Засыла́ться людьми 9, 12—посылать людей вмѣсто себя.

Захлу́пывать 37, 220—захло́пывать, накрывать чѣмъ нибудь.

Заютреньня 22, 28—заутреня.

Здохъ, 26, 267—отдыхъ.

Здря, зря 2, 175—напрасно.

Звора́чиватъ 20, 274—поворачивается.

Згра́биться 98, 81—схватиться крѣпко, вцѣпиться.

Зеленёшинёкъ 6, 118—въ см. очень молодой.

Злачные перстни 3, 32—золотые.

Знамену́ется гора 6, 18—видится, показывается.

Зреве́ть, взреве́ть 20, 240—вскричать, закричать.

Зритъ 81, 156—глядитъ.

Зрыдова́ласе 54, 103—возрадовалась.

Зрѣть 1, 43—смотрѣть.

Зы́кнуть 17, 46—въ см. ударить изъ всей силы; обыкновенно-же—крикнуть громко;

Зыча́ть—кричать; зычный голосъ 2, 192—громкій.

Извихну́лись 1, 281 — вывихнулись, выскочили изъ своихъ мѣстъ.

Изгиля́ться 45, 296—издѣваться, глумиться.

Има́льникъ, има́льники 22, 397—ловцы.

Има́ть 19, 194—ловить.

Изорва́нчатъ 30, 5—въ см. узорча́тъ, узорчатый.

Ись, пойсь 26, 7—ѣсть, поѣсть.

Искита́ться 45, 296—см. изгиляться.

И́скопыть 37, 134—слѣды отъ копытъ по дорогѣ.

Исподній 24, 132—нижній.

Исщерби́ться 1, 269—зазубриться.

Кака́ эка 4, 181—какая этакая.

Кали́ка, 20, 1—нищій, который поетъ духовные стихи.

Киски́ 57, 260—тиски.

Кичи́га, кичи́ги 4, 82 — палка аршинъ двухъ величиной, на концѣ утолщенная и загнутая; кичигами молотятъ на Печорѣ хлѣбъ.

Клюка 5, 106—палка, посохъ.

Коври́га 19, 20—чистый ржаной, безъ примѣси ячменной муки хлѣбъ.

Кокóра 88, 156—утолщеніе дерева въ корнѣ.

Кольцюжина 23, 116—кольчуга.

Колыхáться 82, 131—смѣяться.

Конáться 59, 136—просить, упрашивать, добиваться.

Кóпоть 1, 60—пыль.

Коры́сть 19, 162 — польза; чужá коры́сть — чужая польза.

Коси́ца 78, 80—високъ.

Кося́вчато, кося́щато 3, 102—обшитое досками.

Кóшка подводная 90, 86—песчаная или каменистая мель на взморьѣ.

Кóя 1, 330—какого.

Красно-трубно-окно 4, 148—окно въ черной, курной избѣ, куда выходитъ дымъ, когда топятъ печь.

Крестóваться 26, 342 — обмѣняться крестами, въ знакъ братскихъ отношеній; равнозначуще — брáтаться.

Крестóвушко 81, 28—крестовый братъ.

Кровáвиться 1, 267—запачкиваться кровью.

Кружáло государево 4, 136—казенный кабакъ.

Крýто, крутéнько 94, 53—скоро, скоренько.

Кунá 23, 302—въ см. женск. половыхъ органовъ.

Куривá, Куревá 1, 151—дымъ, пыль.

Кýропать, жен. р. 23, 361—куропатка.

Кычкó, кычки́ 21, 164—собака, кобель; на Печорѣ собакъ кличутъ кычó-кычó.

Лáдятъ 19, 192—хотятъ, намѣреваются.

Лéсни 37, 160—ясли.

Лёжня теплая, Лóжня 25, 21—спальня.

Лудá 90, 85—каменистая прибрежная мель.

Мани́ться 14, 40—годить, ждать.

Мáтица 26, 340—въ см. середина.

Ми́са 65, 38—чаша.

Молéбна 49, 123—молельня.

Мурáвленка-печь 16, 26—покрытая глазурью.

Набъ 16, 2—надо; не нáбъ—не надо.

Надёрнуть 25, 55 — надѣть на скорую руку; надёрнулась—надѣла нáскоро.

На дымъ спусти́ть 1, 93—сжечь.

Надѣвáйся 95, 55—одѣвайся.

Накида́ть, наки́нывать платье 35, 28—надѣвать.

Нако́нъ 1, 243—разъ; во перво́й нако́нъ — въ первый разъ.

На опо́ръ 2, 17—на споръ.

На попла́въ воды 1, 96—бросить въ воду плыть.

Напроку́чить 14, 56 — надоѣсть, разсердить, набѣдокурить.

Напу́скъ 1, 164—нападеніе, наѣздъ.

Нарушйть 4, 248—убить.

Наса́дка у копья 1, 280—мѣсто, гдѣ желѣзный конецъ копья прикрѣпляется къ пикѣ.

Наше́сточка 90, 115—на́шесть — скамейка для гребцовъ въ промысловомъ суднѣ.

Не ётслышенъ былъ 94, 14 — не ослышался, послушался.

Не поклёпной сынъ 6, 109—на самомъ дѣлѣ сынъ, дѣйствительно.

Нела́дичка 37, 92—безпорядокъ.

Не́покуль 50, 37—не какъ.

Не́поцё 20, 199—незачѣмъ.

Несуря́дливой во хмелю 81, 95—задорный, спорливый.

Не упа́дывать говорить 3, 86—не падать духомъ.

Нецё 4, 182—ничего.

Нни 19, 11—дни.

Ноче́сь 2, 127—прошлою ночью.

Обзадо́рился на цё 20, 52—прельстился чѣмъ.

Обѣща́ться 19, 77—въ см. дать обѣтъ.

Оболока́ть 24, 167—надѣвать.

Обрюшиться 24, 203—обрушиться, свалиться.

Оверну́ть, оберну́ть 21, 152 — волшебное дѣйствіе, сдѣлать, напр., изъ человѣка звѣря; Отверну́ть 21, 154—дѣйствіе обратное,—опять изъ звѣря человѣка.

Огумённый 80, 236—живущій на гумнѣ.

Одва́ 1, 186—едва.

Одѣва́льница 94, 78—одѣяло.

Ожъ 22, 135—ужъ?

Окарачъ 19, 238—«палъ на о́карачъ», положеніе тѣла въ согнутомъ состояніи, когда человѣкъ стоитъ, упираясь въ землю руками и ногами.

Окольздилась нога 1,287—подскользнулась, покатилась, оступилась.

Опочинутце 4, 255—отдохнуть, оправиться.

Отдальтесь 94, 226—отойдите.

Отопружилъ 2, 157—опрокинулъ.

Отъ ся 22, 52—отъ себя.

Оттуль 11, 131—оттуда.

Отшанула 94, 230—отшатнулась, отошла.

Отяпышъ, Тяпышъ 1, 180—шлепокъ, ударъ по тѣлу, отъ слова тяпнуть—ударить.

Очесливый, 1, 129—вѣжливый.

Пагубокъ, 19, 230—поддубокъ.

Пажоная тюрьма, 42, 5—гнилая, сгнившая.

Пай 17, 58—часть.

Панзырь 20, 60—панцырь.

Пельки, 86, 148—женскія груди.

Переваръ 26, 106—напитки, сваренные на праздникъ: квасъ, пиво, брага и пр.

Переньнёй 27, 54—передній.

Перепались 37, 67—испугались.

Перепахнула вѣтру полоска 1, 301 — пронеслась.

Перстянки 24, 50—перчатки.

Перечиться 21, 5—спорить.

Перещепать 24, 149—взять верхъ, превзойти.

Пилькать, роспилькивать, приропилькивать 29, 8—глядѣть, разглядывать, подслѣповатыми глазами, насмѣшливое выраженіе.

Пластаться 17, 83—дѣлать что-нибудь усиленно, изо всѣхъ силъ.

Племяденка, племяненка 37, 65—племянница.

Плёнка 80, 138—сѣтка для ловли птицъ.

Плесть, Наплесть стр. 59—врать, придумывать.

Плотный сонъ 1, 394 -- крѣпкій, возстановляющій силы.

Повальня 75, 106—сильная буря на морѣ.

Поварёночка, поварёнка 5, 8 — большая деревянная или жестяная разливательная ложка.

Поворотъ давать 8, 62—въ см. идти обратно.

Подмётывать, 1, 86—подбрасывать.

Подопнулась нога, 21, 70—запнулась.

Подпасть подъ что-нибудь 26, 236—навалиться всѣмъ тѣломъ, чтобы уронить или пошевелить.

Подпинаться 19, 258—запинаться.

Подутоманьё 1, 13—подъатаманъ.

Погалиться, Галиться 11, 164—смѣяться зло, издѣваться.

Поизыть 2, 181—выйди.

Пойсь 47, 154—поѣсть.

Поленица 3, 7—богатырша.

Положенье 89, 58—даръ по обѣту.

Покатилась съ плечъ голова 5, 49—въ см. опустилась.

Помѣшкать 73, 149—подождать.

Понафида 49—128—панихида.

Поносить, 27, 106—нести.

Понять стр. 3,—въ см. выучить наизусть, напр., понять старины.

Порато 4, 180—очень, сильно.

Порипкивать 75, 99—помигивать, рипать—часто мигать глазами.

Порозное мѣсто 64, 39—свободное мѣсто.

Пороть груди 1, 294—рѣзать.

Порскнуть 77, 35—отъ слова порскъ,—звукъ при разрывѣ ткани; порскнула—разорвалась издавая звукъ.

Послать на ускорую 81, 82—наскоро.

Послённи-жъ 22, 221—въ послѣднiй разъ.

Поспровѣдать, провѣдать 47, 246— узнать, разузнать.

Потопить очи 1, 200—опустить глаза въ землю.

Потребилъ 5, 108—въ см. извелъ, уморилъ.

Поршни 85, 131—кожанная обувь безъ голенищъ, нѣчто вродѣ туфель, только для хожденiя не дома, а на работѣ.

Потянуть телѣгу 96, 32—повезти.

Походить 27, 105—идти.

Преставился 59, 6—умеръ.

Пригибаютъ съ клятвой 2, 25—наговариваютъ, лжесвидѣтельствуютъ.

Пригодиться 1, 399—быть гдѣ-нибудь въ извѣстное время кстати.

Прижнять 1, 226—признять.

Прилучилось 1, 347—пришлось.

Припадать на ногу 11, 95—хромать.

Приразляпаться 3, 13—разболтаться.

Приправа богатырская 1, 221 — вооруженіе богатыря.

Приставиться 21, 6—преставиться, умереть.

Проклаждаться 9, 8—проводить время пріятно.

Просвистала рѣка 4, 1—протекла быстро.

Проститься 4, 257—въ см. извиниться.

Протолмачивать 26, 58 — говорить, переводить съ съ одного языка на другой.

Пуинки 2, 191—привязь коня.

Пурга-падера 70, 34—снѣжный буранъ въ морѣ.

Пѣшехонъ 58, 10—пѣшеходъ.

Разрушивать залогъ 19, 174 — нарушать обѣтъ.

Раниться 1, 267 — получать раны.

Растулить 20, 172 — вынять втулку, тулку, деревянный гвоздь изъ бочки, замѣняющій кранъ.

Ратиться 5, 127 — драться, воевать.

Ревѣть, заревѣть 1, 203 — въ см. кричать.

Рела, рёла 12, 54 — горка, холмъ, возвышенность въ Олон. г. по Кулик.; въ былинѣ употребляет. въ смыслѣ висѣлица.

Робить, сробить 51, 20, 21 — работать, сдѣлать.

Ровно-неровно 1, 217 — какъ будто, подобно тому, какъ.

Рогозина 18, 130 — рогожа.

Родъ свести 9, 17 — породниться.

Разсвистать 1, 418—разбросать.

Розволочатъ 22, 208 — розволокутъ, растащатъ въ разныя стороны.

Роздубанить 62, 54 — раскупорить.

Размыкать книгу 78, 45 — раскрывать.

Росколыбаться 37, 112 — расшататься.

Росполубить 74, 40 — раскупорить.

Ростань 19, 148 — розстань, перекрестокъ, пересѣченіе дорогъ.

Ростарзаньё 1, 421 — растерзанье, расхищенье.

Ростолочатъ 22, 207 — растолкутъ, растопчутъ.

Ру́шать хлѣбъ 64, 53 — рѣзать.

Са́рцо 86, 73 — сердце.

Сбру́ня 1, 220 — сбруя.

Сбы́детсе 2, 144 — сбудется.

Сви́снулъ 1, 303 — сбросилъ, бросилъ.

Сёдни 2, 135 — сегодня.

Сено́тъ 15, 6 — сенатъ.

Се́реда, 3, 78 — полъ въ избѣ.

Сили́менка 40, 24 — соломенка.

Ско́лькеро 51, 47 — сколько; употр. крайне рѣдко.

Скопоти́ть пески 80, 94 — поднять пыль.

Смердъ 85, 100 — въ см. мужикъ, человѣкъ низкаго происхожденія.

Сметья́ 20, 305 — помо́и, соръ.

Содѣелось 20, 198 — сдѣлалось.

«Спаса́ли князя» 47, 99 — говорили спасибо, благодарили.

Спи́чка, спи́ца 25, 25 — деревянный гвоздь, вбитый въ стѣну, на которомъ вѣшаютъ платье.

Сподобля́ться 1, 136 — приготовляться къ чему нибудь серьезному.

Способствовать 18, 96 — пособля́ть, помогать.

Сости́гъ 47, 238 — настигъ.

Состоя́лось 20, 189 — сдѣлалось.

Сре́ньнёй 27, 52 — средній.

Степъ лошадиная, 1, 145—спина у лошади.

Столе́шенка, столе́шница, 4, 216 — доска на столѣ.

Стро́сь 28, 101—трость.

Ступа́ть 23, 241—при игрѣ въ пѣшки, ходи́ть.

Субо́й 11, 52—быстрое мѣсто на рѣкѣ или въ морѣ, гдѣ вода бьётъ.

Суго́нъ 5, 120—погоня.

Суреди́ть 80, 172—снарядить.

Сыспо́лнилось 86, 136—исполнилось.

То́щится казна 23, 113—тратиться.

Трепи́тъ 93, 198—рветъ, треплетъ.

Трупьё 9, 101—въ см. мертвое человѣческое тѣло.

Тылъ 78, 76—затылокъ.

Тю́ни 38, 8—сапоги изъ оленьяго мѣха.

Тя, 22, 407—тебя.

Тя́пышъ 47, 196—ударъ ладонью по тѣлу, отъ слова тя́пнуть, ударить.

У дѣлу́ 4, 234—при дѣлежѣ.

Удро́гнуть 95, 78—дрогнуть, задрожать.

Ука́тиста, Ока́тиста гора 22, 143—крутая, обрывистая.

Ува́листа гора 22, 143—противоположная крутой.

Улива́ться слезами 49, 133 — обливаться, горько плакать.

Улыска́ться 49, 140—насмѣхаться.

Умы́лка 45, 31—улыбка; умыля́ться—улыбаться.

Умы́льная поглядочка 27, 40—умильная, веселая.

Умылѣныя слезы 49, 130—умильныя.

Умыля́ться 49, 134—улыбаться, усмѣхаться.

У́ножъ 11, 55—полъ подъ ногами, въ данномъ случаѣ палуба; упасть подъ у́ножъ—подъ палубу, въ трюмъ; на у́ножъ—на палубу.

Устрони́лись 94, 136—отошли въ сторону.

У́чалъ 90, 8—началъ.

Учу́лъ 94, 102—почувствовалъ.

Учу́ть, учу́ять 1, 133—услышать.

Уши́нка 57, 268—заноза.

Флюгаръ 4, 23—флюгеръ.

Хвостать, похво́стывать 94, 208—хлестать, похлестывать.

Хиле́ 86, 198—хуже.

Хребе́тнича 22, 352—хребётъ, спина.

Хро́мина посторо́нная 19, 8—отдѣльное помѣщеніе; хоромина.

Хрущата́ камка́ 8, 43—шелковая цвѣтная ткань съ узорами.

Чебле́ты 4, 42—штиблеты.

Че́рево 12, 42—въ см. женск. половыя органы.

Черка́льчето сѣдло 19, 129—черкасское.

Чё или цё 3, 104—чего, что.

Чо́боты 80—242—сапоги.

Чума́къ 16, 13—цѣлова́льникъ, кабатчикъ.

Чу́ять 19, 263—слышать.

Чѣлкомъ пехнулъ 20, 279—всунулъ цѣликомъ, все, безъ остатка.

Шаба́шить 4, 225—кончать какое нибудь дѣло.

Шалабо́лка 23, 379—неважная, незначительная вещь безполезная вещь.

Ши́шка стр. 37—передній, наиболѣе опытный бурлакъ.

Шо́лонь окатистая 24, 6—холмъ.

Шолы́га 85, 133—дубина.

Шти 1, 228—щи.

Што́фъ 30, 10—въ смыслѣ штабъ-офицеръ.

Шурмова́ть 1, 93—ударять, бросать.

Щанъ 88, 18—чанъ.

Ще́лья 50, 51—гора на берегу рѣки или моря.

Щикъ 41, 14—штыкъ.

Щу́палы 10, 63—шесты для опредѣленія дна.

Ыщэ́ 22, 167—еще.

Э̓тамъ 2, 133—здѣсь.

Э́тта 22, 437—здѣсь.

Я́годица 79, 39—щека.

Яса́къ стр. 37—напѣвъ пѣсни или былины.

Указатель именъ *).

*) Цифры означаютъ строницы.